

Нижегородская Духовная Семинария.

Учебное пособие по

«Византологии»

для III курса

(I год обучения)

Составитель:

преподаватель М.Ю. Апостолов.

г. Нижний Новгород.

2000 г.

Лекция 1.

Византология как историко-культурологическая дисциплина. Византинизм. Феномен византизма и его значение.

План:

1. Вводная часть. Определение византинизма.
2. Исторический обзор возникновения и развития феномена византинизма.
3. Основные признаки византинизма.

Наименование предмета. Новый курс лекций по истории, который мы начинаем в этом году называется Византология. Что это такое мы попробуем сегодня разобраться.

Для начала замечу, что наименование этой дисциплины производят от названия «Византийская империя». Но с исторической точки зрения это наименование Восточной части, некогда единой Римской империи, несколько несправедливо. Почему?

Византией назывался в древности греческий город на европейской стороне Босфора, при Мраморном море. В 330 г. по Р. Хр. св. Равноап. Константин Великий избрал этот город столицей своей империи, что придало ему всемирно-историческое значение. С тех пор Византия, хотя и богатая торговлей, но все же бывшая до того провинциальным скромным городом, начала украшаться великолепными дворцами, портиками и площадями. Со всех концов сюда стали стекаться произведения античного искусства, начался большой прилив нового населения из европейских и азиатских провинций империи; торговля и промышленность нашла приют на Востоке и сосредоточилась в Византии. Сделавшись столицей империи, Византия по воле Константина Великого приняла новое имя и стала называться Константинополем, Новым Римом. С тех пор слово «Византия» перестало служить выражением реально существующей действительности, обратившись в термин для обозначения политических, государственных, церковных и этнографических особенностей, носителем которых была Византийская империя. . Наименование Восточной Римской империи Византийскою империей в средние века вызывает сомнения и возражения во-первых, со стороны реального смысла термина, во-вторых, со стороны хронологической. Известно, что сами обитатели Византийской империи не называли себя ни римлянами, ни эллинами или греками, а ромеями, так что Византийская империя официально носила наименование Ромейской. Поэтому в строгом историческом смысле термин «византийский» имеет ус-

ловный и искусственный смысл. Еще менее исторических оснований называть Византийскую империю Греческой империей.

Таким образом, центр тяжести в данном вопросе переходит к выяснению содержания термина «византизм» в его церковно-историческом и культурологическом отношении.

Для чего это нужно? Дело в том, что раскрытие содержания термина византизм, как центрального и основного явления церковно-исторического порядка поможет понять нам, что такое вообще византология и в каком направлении должна проходить ее научная разработка.

Что такое византизм? - Это вся совокупность особенностей в церковно-государственной жизни Византии, характеризующих эту империю своеобразными культурно-историческими чертами внутреннего устройства и быта.

Это синтез характеристических свойств Византии, как особого, самостоятельного государства, основной дух и характер ее церковно-религиозного строя, принципы политического быта, основное направление и задачи культуры, идеалы населения.

Как историческое явление византизм развивался постепенно.

Первичные элементы (только первичные элементы, о принципиальности этого будет сказано в связи с вопросом о периодизации) возникли еще при Константине Великом (IV в.), который переносом столицы из Древнего Рима в Новый Рим - Константинополь положил начало изучаемому явлению и признанием, легализацией христианства сообщил культуре Римской империи новый - христианский характер. Христианизированный восточный эллинизм и лег в основу новой византийской культуры в государстве Константина Великого, привнес существенное содержание в ее состав и послужил главным началом, из которого постепенно развилась стройная система византизма.

В VI веке, в эпоху Юстиниана наблюдается критический момент борьбы старых романских форм мировосприятия и христианизированного эллинизма. Но старые романские формы получают на востоке новое содержание и одухотворяются началами церковного учения и законодательства и в результате царствование Юстиниана обогатило византизм новыми правовыми понятиями.

При Юстиниане еще не сформировавшаяся система византизма испытала вторжение славянских элементов. Славяне еще в конце V века стали теснить Византию с севера. Их натиск на окраины империи сменился

потом вторжением во внутренние греческие области. Возникший славянский вопрос правительство решило весьма остроумно и либерально: оно систематически втягивало славян в интересы империи, предоставив им для оседлого проживания западные и восточные провинции и призвав их на службу в византийской армии.

Почти одновременно византизм испытал натиск и со стороны германского мира, но благодаря дипломатическим хитростям нейтрализовал это иностранное влияние без всякого ущерба для господствующих традиций.

В IX - X вв., в эпоху Македонской династии византизм не только определился в своих свойствах, но и расцвел, обнаружив живую и благотворную продуктивность в церковной и гражданской жизни. В это время христианизированный восточный эллинизм, практически полностью преобразовал, в специальном направлении романские и славянские элементы проникшие в прежнее время, переработал их в культурном горниле Византии в соответствии со свойствам византийского гения, придав им ромейский характер и проявился в строго организованной системе византизма, где все некогда чужеродные элементы сделались неотъемлемой ее частью.

В XI - XII вв., в царствование династии Комнинов византизм продолжал развиваться. Императоры Комнины умной политикой сообщили ему наибольшее величие и блеск, обогатили его содержание, так что в середине XII века византизм достиг апогея своего развития.

Но вслед за тем, в эпоху латинского господства в Константинополе (1204 - 1261 гг.), начался упадок византизма. Очагом его в это время была Никейская империя, где осуществлялись основные начала в церковной жизни.

С 1261 г. Византизм приобретает сродную форму жизни и быта и переживает опять эпоху расцвета в царствование первых Палеологов.

В конце XIV и в первой половине XV века внешние бедствия империи значительно ослабили его силу в области гражданской жизни, где византизм не имел уже прежнего могущества и богатства, простора и систематической последовательности.

Но тогда как в гражданской области в последние времена империи византизм переживал упадок, в церковно-религиозной сфере он не только оставался по-прежнему весьма деятельным и последовательным, не поступаясь нисколько ни своими принципами, ни их реальным осуществлением в духе и направлении исторических традиций, но и, в силу естественной реакции, постепенно усиливался, приобретал господствующее значение и

давал преимущественное торжество вере и церкви над принципами гражданской жизни. С таким характером византизм сохранился в жизни церкви вплоть до падения византийской империи и даже пережил это историческое событие.

В последней фазе своего развития византизм представлял весьма сложное целое, вмещавшее в себя всю историческую жизнь Византии, церковную и гражданскую.

Теперь перечислим и разберем признаки византизма:

Первым признаком византизма можно назвать - ортодоксию, в смысле православия, преданности византийцев православной вере.

Именно это отличало христианский восток от запада. Византийский мир от мира романского. Византия была разноплеменным по населению и разноязычным государством. Пеструю этнографическую смесь населения в Византии связывала и скрепляла религия, в форме православия, так как почти все подданные византийского василевса были православными. Православие было основной стихией народной жизни в Византии, ее нервом. Принципом же жизни было точное соблюдение православных догматов и канонов «*akribeia tw n dogmatwn kai kanonwn*». Императоры могли сколько угодно экспериментировать над имуществом, личностью и жизнью своих подданных, народ все сносил и терпел, но как только они прикасались к православным догматам и канонам, тогда следовала народная реакция, сопровождавшаяся более или менее сильными пертурбациями во всех сферах государственной жизни. Эта приверженность православию превратили в ничто в XIII - XV вв. попытки вступить в унию с Римом.

В XIV в. строго-ортодоксальная партия была господствующей в Византии и своим подавляющим большинством придавала империи характер православной.

Своеобразная система взаимных отношений церкви и государства.

В противоположность государственному абсолютизму Рима, Византия провозгласила идею соподчинения целей государства и церкви, теснейший союз между этими двумя учреждениями, при юридической независимости того и другого. Византийском законодательстве церковь всегда отличалась от государства, как особый общественный организм, имеющий особую, отличную от государственной, задачу, признавалась учительницей веры и установительницей церковных канонов, имела право церковного управления и суда по церковным делам, причем власть императора не простиралась на сферу церковных отношений - на изложение догматов веры, богослужение,

богопочитание, на установление церковных канонов. Законодательное полномочие, соединенное со званием и положением императора, обнаруживалось, по отношению к церковным делам, лишь в праве провозглашать догматы веры, исповедуемые церковью, за общеобязательные в государственном смысле и возводить церковные правила в значение государственных законов.

В вопросе о взаимоотношении церкви и государства Византия не только ограничила принцип всемогущего и всепоглощающего государства, но на первый план выдвинула идею церкви, провозгласила превосходство церковного канона над гражданским законом, церковной власти над светской, церковного учения над принципами общественно-политической жизни. По византийскому воззрению, государство лишь постольку выполняет свое назначение, поскольку оно проникается духом церковного учения, поскольку оно воцерковляется. Византии принадлежит историческая заслуга провозгласить учение о том, что государство должно усовершенствовать принцип справедливости, каким оно живет, по руководству высшего принципа любви, каким живет церковь, - должно быть теократической монархией, в которой государственный принцип становится действенным лишь в той мере, в какой проникается учением церкви, а носитель светской власти не может стоять впереди представителя церковной власти.

Церковно-религиозный характер самого общества.

Вся жизнь византийцев - частная, семейная, общественная и даже политическая - носила отпечаток церковно-религиозных интересов. Религия составляла для них главное и исключительное начало жизни и проникало все ее содержание. Византийцы не знали сознательного атеизма, жили преимущественно верой, питали глубокую и искреннюю преданность «матери-церкви», имели большое уважение к духовенству и монашеству. Вот некоторые данные, указывающие на преобладание церконо-религиозного элемента в жизни византийцев.

Прежде всего, император, по воззрению византийцев, был наместником Бога на земле и от Бога получил все, чем владеет. Поэтому на императора переносили известную степень божественного величия, выразившееся в наименованиях и внешних формах. Но византийский культ не проявлялся в апофеозе императоров, как это было в языческом Риме, а был лишь способом почтения церковной власти. Приписывая этой власти божественное происхождение, византийцы прилагали к императору особые эпитеты, указывавшие и на религиозный характер его полномочий. Император назывался святым, божественным, сыном Божиим, владыкой всех христиан или христианской вселенной; его воздавалось богоравное почитание, выразившееся в поклонении, то есть в наклонении головы до самой

земли и целовании руки, и в славословиях (многолетиях и хвалебных эпитетов).

Церковь освящала и политическую жизнь Византии. Она являлась посредницей между враждовавшими политическими партиями, между законным правительством и претендентами на престол или бунтовщиками, она, в лице патриарха и духовенства, призывала мятежников к повиновению законной власти, примиряла враждовавшие партии, утверждала власть василевса на идее ее божественного происхождения, считая отступничеством любое восстание против него и карая виновных анафемой. Влияние церкви на политический строй в империи было так велико, что претенденты на византийский престол, обеспечив себе поддержку со стороны войска, прежде всего спешили заручиться поддержкой патриарха, авторитет которого в глазах народа имел громадное значение. Церковь нередко утверждала политические соглашения между соправителями, основываясь и в этом гражданском деле на церковных законах и уставах. Синод своим участием санкционировал и так называемые политические браки, которые устраивались и в Византии в интересах благополучия империи. В случае нарушения политической клятвы, патриарх и синод подвергали виновных суровой церковной каре. Патриархи иногда высказывали свои мнения по государственным делам большой важности.

В общественной жизни мы также можем проследить господство церковных идей, под влиянием которых многие стороны правового положения местного населения не только всецело прониклись духом религиозности и церковности, но и достигли такой нравственной высоты, которая может вызывать только изумление. Известно, что император Юстиниан предоставил церквям право убежища для жертв опасности и явной людской злобы и несправедливости, только убийцы, прелюбодеи и похитители девиц не могли пользоваться этим правом. (Новелла XVII, с.7). А император Константин Порфирогенит (945 - 959 гг.) распространил право убежища и на убийц, как тайных так и явных, признав их по закону неприкосновенными и для частной мести, и для общественного суда, и предоставил суд над ними церкви, которая и подвергала виновных публичному покаянию, церковной епитимьи по канонам и заключению в монастырь на различные сроки. Новелла императора Константина о церковном суде над явными убийцами была в 1166 году подтверждена императором Мануилом Комнином, а потом внесена Феодором Вальсамоном в толкование на VIII правило св. Василия Великого. В Константинополе местом церковного убежища для преступников служил храм Св. Софии.

Право суда над убийцами принадлежало не только патриарху, но и каждому из епархиальных архиереев, а в последние времена существования Византии здесь создан институт «вселенских судей». Они ведали важнейшими преступлениями граждан и избирались из священников. Пред

евангелием они давали обещание судить по правде и судили в обстановке, не похожей на гражданские суды. Суд часто происходил в церкви; между книгами закона первой было Евангелие, и суд производился более по нему, нежели по гражданским законам. В связи с правом церковного суда над уголовными преступниками, у патриархов было право ходатайства перед императорами о смягчении участи виновных, или право печалования. Это право служило для патриархов средством проведения в административно-судебную среду начал милости и сострадания и всецело основывалось на христианской любви к ближнему.

Влияние церкви простиралось и на область гражданского частного быта. Купчие и дарственные грамоты, завещания и другие документы правового характера заключались и составлялись не на основании лишь формальных требований гражданского закона, но и по нравственно-религиозным мотивам, с призыванием Бога и Богородицы, с возложением упования на Их защиту и покровительство в исполнении договора.

Особенно велико было влияние церкви на семейную жизнь. Она весьма ревностно охраняла этот очаг истинной нравственности и гражданственности, устраняла возникавшие разногласия и споры, содействовала добрым отношениям между родителями и детьми, защищала сирот от посторонних посягательств на завещанное им наследство.

Показателен византийский обряд усыновления. Он состоял не в каких либо формальностях гражданского порядка, а в церковном освящении посредством молитвы или даже целого последования, происходившего в храме.

Так же любопытен и обряд братотворения, соответствовавший славянскому побратимству. И он освящался церковью и состоял в богослужебном последовании.

Вообще, идеал нравственного человека, по воззрениям византийцев, отличался по преимуществу церковным характером: на первом плане стояли искренняя набожность, соблюдение церковных уставов, посещение храма, почитание священного и монашеского чина, чтение и изучение Священного Писания и творений св. отцов и т.п. Таким образом, мирянин-византиец должен был совершенствоваться в тех же добродетелях, что и монах. Как мы видим, почти вся жизнь византийцев проходила в тесном общении с церковью, под сенью церкви, под руководством духовенства и монашества. Византийцы совершали общественные моления по случаю различных бедствий, например, землетрясения, эпидемии, нападении врагов, голода, наводнения и т.д. Молитвой они начинали и постройку дома, обитание в новом доме, устройство колодца и отыскание воды, посадка винограда и вообще плодов, жатву, постройку судна и отправление на плава-

ние, ловлю рыбы и пользование сетями. Словом, почти каждое дело: общественное или семейное, или частное находило отклик в молитве, освящалось и благословлялось церковью.

Церковно-религиозный характер византийской науки и просвещения.

Подобно тому, весь строй общественной и частной жизни византийцев носил на себе отпечаток церковно-религиозных интересов, так и наука, как и вообще просвещение развивалось и определилось в своем составе и направлении под влиянием религиозных мотивов.

Византийская литература по существу носит церковный и богословский характер. Большая часть произведений византийской литературы относится к разряду богословских, представители высшей аристократии и императоры, выступали с богословскими трактатами, как и иерархи церкви и монахи. Такое явление мы не сможем встретить на Западе.

В Византии богословие было центральным предметом литературной деятельности и изучалось почти во всех его частных дисциплинах. Догматика, апологетика, герменевтика, аскетика и мистика, церковная риторика и право, агиография - вот главные отрасли богословской науки в Византии. Они получили здесь интересную научную разработку и представлены в многочисленных литературных произведениях, отличающихся глубиной, основательностью и всесторонностью исследования богословских проблем, свободным полетом творческой богословствующей мысли, не уклонявшейся однако от догматов православия.

Занимая центральное место в византийской науке и литературе, богословие привлекло в сферу своих интересов и другие науки, процветавшие в Византии, сообщило и светским дисциплинам богословскую окраску, привнесло церковно-религиозные элементы в содержание и светской литературы.

Переходя от византийской науки и литературы к народным школам, мы опять должны отметить преимущественно церковный их характер. Школы открывались в Византии, главным образом при церквях и монастырях, руководителями и учителями которых были епископы, клирики и монахи, предметами изучения были преимущественно богословские науки. В византийских школах преподавались и светские предметы - арифметика, грамматика и т.д., но и этим наукам по возможности сообщался церковный характер, так что все византийское школьное учение носило на себе церковно-религиозный характер. Вообще, византийские начальные школы учили детей страху Божию, воспитывали в наказании и учении Господнем.

Известно также, что в Византии, со времен Константина Великого и до последних Палеологов, существовало «Общество любителей духовного просвещения», в котором, под руководством императоров, при участии епископов, образованных клириков и мирян, происходили ученые собрания для обсуждения богословских вопросов, читались рефераты, произносились речи, совершался живой обмен мнений по религиозным предметам. Оно могло возникнуть и долго существовать только там, где просвещение и наука имели строго-религиозный характер.

Наконец, и византийское искусство развивалось преимущественно на церковной почве и имело характер почти исключительно религиозный.

Последний признак византизма в его церковно-историческом проявлении - весьма широкое распространение монашества.

Главная причина необыкновенного роста византийского монашества заключалась в глубокой и интенсивной религиозности общества, считавшего постройку и украшение монастырей делом богоугодным, а монашескую жизнь - подвигом, «ангельским житием». Отсюда византийское общество выделило из своей среды многочисленных ктиторов монастырей, бесчисленных иноков вышедших из всех слоев византийского населения, до лиц царского рода и коронованных особ включительно. В средневековую эпоху почти вся Византия была покрыта монастырями и наполнена монахами, так что было практически всецело монашеским царством. И внутренняя жизнь византийского монашества достигла полного развития сложилась в стройную и законченную систему устройства и быта. В основе этой системы было анахоретство или отшельничество, от которого был прямой переход к келлиотству; дальше стояла лавра или скит, за ними - монастырь в форме идиоритма и киновии, в которой в совершенстве был выдержан монархический принцип управления. Подвижничество византийских монахов было сознательным, так как у них аскетизм находился в полном союзе с просвещением, религиозно нравственные требования покоились на почве богословского ведения.

Византийские монахи имели весьма большое и благодетельное значение для общества. Своей высоконравственной жизнью они давали мирянам пример того, как должно жить христианину, а наставлениями и поучениями укрепляли их в исполнении нравственных требований. Они безбоязненно обличали пороки и заблуждения, в том числе и императоров. Так же известна их пламенная ревность в защите точного исполнения церковных догматов и канонов, которого они требовали от лиц любого звания и состояния. Затем, величайшей заслугой византийского монашества была его миссионерская деятельность среди языческих народов, которых они не только привели ко Христу и приобщили к культурным народам.

Таким образом, из монастырей выходили лучшие начинания времени, в тиши монастырских стен сохранялось и поддерживалось все, достойное уважения. Жизнь монахов весьма тесно переплеталась с жизнью общества, которой и сообщала великую нравственную силу. Монахи, по словам императора Алексея Комнина, были солью византийской земли, светом миру. Они предохраняли мир от нравственной порчи, освещали ему путь на небо, они воцерковляли светскую и гражданскую жизнь, по преимуществу водворяли царство Божие на земле. В этом и заключается последний реальный признак византизма, как церковно-исторической системы.

Лекция 2.

План:

Отношение Византологии к смежным дисциплинам.

Задачи Византологии.

Значение данной науки.

Сразу же нужно оговориться, что Византология не является продолжением Общецерковной истории, так как цели этих дисциплин несколько разные (об этом будет сказано в своем месте), но знание первой во многом поможет в изучении Византологии, так как Византия была государством воплотившим в жизнь многие христианские идеалы (см. Вводную лекцию «Феномен византизма»), поэтому без церковной истории мы не обойдемся и здесь.

На предыдущей лекции было заявлено, что Византология является историко-культурологической наукой. Из этого положения вытекают как отношения к смежным дисциплинам, так и задачи Византологии. Подробнее раскроем положения науки Византологии.

Относительно понятия «истории» было сказано в курсе Общецерковной истории, I года обучения. Но здесь все-таки стоит вкратце напомнить.

«История» - наука эмпирическая (опытная). В ее основе не лежат аналитические суждения. Исторические явления обусловлены многими не-историческими факторами (религиозными, политическими, экономическими, географическими и т. д.).

Главное действующее лицо в истории - человек, действия которого непредсказуемы, поэтому в истории нет других законов, кроме законов человеческой жизни (рождение, рост, расцвет, упадок и смерть (исчезновение)).

Первоначально в понятие «истории» вкладывалось: наблюдение (не всегда осознанное) и фиксация увиденного. Затем это понятие трансформировалось в понятие:

- * Цепи событий.
- * Информации о событиях прошлого, получаемую из косвенных источников (документов) и из прямого наблюдения.
- * Толкования (интерпретации), реконструкции в хронологическом порядке и прагматической связи.

Это то, что можно сказать о понятии «история» в нескольких словах.

Теперь о понятии «культура», в частности «культура Византии».

Под «культурой Византии» мы будем иметь в виду вся совокупность творческой деятельности конкретного общества: от производства материальных благ до религиозных и художественных идеалов. При этом в понятие «культура» не будем вкладывать никакого этического содержания, т.е. не будем противопоставлять культуру - цивилизации. Первую, как категорию, связанную с созиданием и расцветом, последней - как синониму окостенения и упадка.

Византия на протяжении столетий была ведущей державой средневековья, и, здесь, в Византии, создавались особые, свойственные средневековью ценности и художественные памятники. Если XIX столетие с почтительным трепетом принимало античные ценности, усматривая в них непревзойденный образец, то наш век все чаще и чаще обращается к византийскому опыту для осмысления современности.

Для нас традиции византийской культуры имеют особое значение ведь Византия была наставницей славянского мира. Южные и восточные славяне обязаны Византии письменностью: из этой сокровищницы черпали они эстетические принципы, у нее перенимали политическую фразеологию и некоторые моральные нормы вместе с искусством варить стекло и строить храмы.

Прежде всего, необходимо помнить, что всякая культура, включая византийскую, не конгломерат отдельных институтов («быт», «юриспруденция», «литература», «государственное устройство», «наука» и т. д.), а сложно организованная структура с непростой связью отдельных элементов. В связи с таким пониманием возникает вопрос о месте византийской культуры в истории мировой цивилизации, ее соотношении с другими системами и, прежде всего, культурой античной.

Нельзя рассекать или вычленять в культуре составные элементы: деревенский быт, ремесленное производство, монашество, живопись. Так как такая метод имеет тенденции превратиться в каталогизацию отдельных документов, описывающих конкретную ситуацию, а характеристика литературы и изобразительного искусства — в классификацию памятников. Такая каталогизация и классификация полезны для исследователя, но, возведенные в абсолют, они убивают целое. Т.к. общество не просто механическая совокупность деревенского быта, ремесленного производства и живописи и тел более не инвентарь сохранившихся до нашего времени плодов общественного творчества. Общество — целостная функционирующая система, которая может быть понята только во взаимосвязи ее составных частей.

Византийская культура не сводится к сумме памятников литературного, текстильного, живописного, юридического или какого-нибудь иного творчества, она — те принципы, на которых все это творчество зиждилось.

Из всего выше сказанного можно сделать следующий вывод.

Византология соприкасается со многими другими науками и прежде всего с медиевистикой. Как историческая дисциплина также она смежна - со Всеобщей историей и Историей Церкви. Как культурологическая - с целым компендиумом наук: этнографией, фольклором, историей быта и ремесла, иконографией, живописью, архитектурой и литературой.

При этом Византология заимствует интересующий ее материал, синтезируя его и воспроизводя как можно точнее историческую ситуацию, показывает духовные реалии Византийского социума с многовековой историей. И здесь я перехожу к тому, что я только что обозначил, к задачам Византологии.

Во-первых, все традиционные проблемы медиевистики должны быть в поле зрения ученого. Также ему необходимо строго соотноситься с человеком - объектом и субъектом истории и исторической науки. Круг интересов исследователя должен постоянно расширяться и, охватывать все новые и новые области, традиционно относящиеся к сфере литературоведения, искусствоведения, истории права и так далее. Задача византолога сделать, на основе новых методов, некий новый синтез ряда гуманитарных

наук, раздробившихся на отдельные ветви несколько десятилетий тому назад. Также византолог должен сочетать в своей работе глубину историко-филологического анализа с современными приемами исследований, перейти от анализа социально-экономических отношений как таковых к воссозданию образа их носителя — человека.

Долгое время существовало общераспространенное мнение, что византийская культура — не более как продолжение или, угасание античной культуры. И здесь, признание суверенности византийской цивилизации требует от ученого объяснения ее специфики. Необходимо найти идею, пронизывающую все аспекты византийской действительности и в конечном счете определяющую не только то, как, к примеру, византиец рисовал икону или поклонялся императору, но и то, по какому плану он строил дом и даже что предпочитал есть на обед, идею, которая объясняла бы не только почему византийский ритор не могла обойтись без античных клише, но даже по какой причине в упряжке византийского крестьянина шла пара волов, а не восемь, как у иных из его западных коллег.

Теперь о значении Византологии.

Именно Византия впервые выработала систему оцерковленного государства, установила такие принципы личной и общественной жизни, создала такие культурно-исторические идеалы, которые в конечном практическом своем осуществлении и могли бы дать человечеству всегда привлекающее его счастье. В этой идеальной работе, в строго организованной системе византизма и заключается громадная культурно-историческая заслуга Византии, независимо даже от полноты ее практического осуществления. Важны, главным образом, принципы и идеалы, возникающие в той или иной общественной среде, так как они указывают на то, чем движется и существует данное общество, что именно служит в нем духом жизни и быта. Если скоро существуют идея и идеал, значит - имеются и носители их, значит - в обществе нет абсолютной мертвенности в создании из этих основ соответствующего реального быта. Так было и в Византии.

До известной степени, Византия была и оцерковленным государством. Она, в лице оцерковленных выразителей византизма, не только выносила его идеи, но и провела в жизнь, сообщила духу плоть и кровь, дала реальное бытие своеобразной системе. Эти оцерковленные носители и выразители византизма вышли из царского дворца и из высшей аристократии, из среды духовенства, высшего и низшего, и монашества, а также из простого народа, крепкого своей христианской верой и исполнением заповедей Божиих. Много было таких оцерковленных людей в Византии, но, конечно, не все население, не весь разноплеменный состав византийского народа и общества. Несогласно с исторической правдой писать панегирик Византии, допускать прикрасы и преувеличения: мы и желаем быть свобод-

ными от них. Но, с другой стороны, противно правде и замалчивание добра, ненаучно преувеличение отрицательных явлений. Истина - в золотой середине. А если так, не будем же в описании и характеристике жизни и быта Византии выдвигать на первый план отрицательные стороны. Не в них была сила и мощь Византии, не в них и историческая ее заслуга.

Историческая правда будет яснее, когда будут точно указаны явления положительного характера, намечены принципы и идеалы и представлены фактические к ним иллюстрации. Тогда только и можно понять историю Византии, а понявши, нельзя ... не полюбить.

Лекция 3.

План:

1. Научно-исследовательская работа историка Византии.
2. Методы византологии.
3. Постановка византиноведения в России.

Работа историка Византии несколько перекликается с работой историка Церкви, так оба пользуются теми же приемами и законами. Это усугубляется еще тем, что Византия будучи православным государством требует к себе православного подхода, что бы лучше понять ее миссию в истории.

Историков всегда отличала огромная эрудиция, научная добросовестность и способности глубоко проникать в сущность исследуемых явлений.

Работа историков Византии должны быть информативны, т.к. предполагают анализ первоисточников — прежде всего трудов греческих историков. и немецких протестантских историков XVI-XIX вв. Но не только богатством информации и фактологической полноценностью должны отличаться труды византологов, но и своим анализом историографических явлений. Автор должен не просто излагать взгляды тех или иных историков на те или иные события прошлого, но постоянно оценивать их, пытаться проникнуть в существо историографических методов и исторических концепций и поставить их в контекст общего интеллектуального развития соответствующей эпохи. Внимание ученого прежде всего фокусируется на том, какой вклад тот или иной историк или группа историков внесли в развитие метода опи-

сания и интерпретации церковной истории и какие причины обусловили их историографическую значимость.

Рассматривая прошлое должен оставаться остается критичным, но при этом критика никогда не должна быть голословной, тем более некорректной. Любое свое необходимо аргументировать и подтвердить фактами. Главная задача ученого — дать взвешенную, беспристрастную характеристику каждому историку, группе историков (школе) или историческому явлению.

Оценивая историки историк Византии должен следующие критерии — объективность автора (его беспристрастность и беспартийность), тщательность работы его с источниками, всесторонний анализ фактов, корректность выводов, умение видеть за обычными акцидентами глубинные связи и закономерности и обнаруживать самые разнообразные факторы, влияющие на ход событий. Способность историка разделять христианство как сверх естественное по природе явление и историю христианства как историю естественную, человеческую, и видеть эволюционный характер истории Церкви и истории христианской догмы, а также умение анализировать историю в единстве истории ее институтов (иерархии, обрядов) и истории ее учения.

Главная задача ученого-византолога является умелое сочетание писателя и гносиса, веры и науки.

До недавнего времени внимание отечественных ученых сосредоточивалось преимущественно на проблемах «реальной» истории, особенно на проблемах истории экономических и политических институтов общества, тогда как проблемы духовной истории человечества оказывались отнесенными на периферию исследований.

Появившиеся в последнее время некоторые серьезные и основательные исследования, посвященные отдельным представителям античной и средневековой историографии, еще не позволяют говорить о существовании особого научного направления или хоть сколько-нибудь многочисленной группы ученых, сконцентрировавшихся на широком и систематическом изучении исторической мысли на ранних стадиях ее истории. Работы обобщающего характера слишком редки, чтобы удовлетворить потребность в историографическом синтезе.

Мысль по поводу прошлого («философия истории») всегда была фундаментальным элементом символического универсума, неразрывно связанным с вечным стремлением человека понять принципы функционирования окружающего его мира и определить свое место в нем. Она тесно переплеталась с этикой, ибо прошлое постоянно рассматривалось как основа

человеческого опыта. Она отражала (и отражает) на метафизическом уровне отношение социальных организмов к движению как таковому, будучи не только признаком, но в определенной степени и фактором реального исторического развития.

В истории мировой исторической мысли христианству принадлежит особое место. Как религиозная система оно уже предполагало специфический способ восприятия истории и, можно даже сказать, являлось своеобразной «религией истории». Такой «историзм» христианства не мог не оказать глубокого и масштабного воздействия на общее развитие европейской исторической мысли, воздействия, которое ощущается и в наши дни. Христианские мыслители и писатели формулировали и выражали не только определенные взгляды на сущность, цели и ход исторического процесса, они также воплощали их в историко-повествовательные формы, перерабатывая старые и создавая новые историографические жанры.

Предмет, который историки и хронисты брались изучать и описывать в своих сочинениях, был исключительно христианским: церковь вошла в мир и в историю только благодаря возникновению и утверждению новой религии. Этот новый для античного мира институт предопределил возникновение церковно-исторического жанра и как субъект, поскольку именно церковь на определенном этапе своего развития ощутила и реализовала потребность в таком жанре, и как объект, поскольку она прожила достаточно насыщенную историю и стала достаточно влиятельным фактором развития истории других общностей и институтов, чтобы вызвать себе внимание как к особому и значимому предмету исторического исследования.

Это как мне представляется в идеале работа Историка Византии, но реально дело обстоит несколько печальнее.

Давно и часто говорили, что русским в деле изучения Византии должно принадлежать первое место, так как Россия получила наибольшую часть византийского культурного наследия, так как она ближе и вернее других государств и народов может понять и оценить явления византийской жизни. Эта необходимость сознавалась многими наиболее выдающимися умами русской науки; но, к сожалению, вопрос этот далее теоретических рассуждений и платонических пожеланий не шел.

Обоснованным пессимизмом звучат слова Ф. И. Успенского, когда он пишет о современном состоянии вопроса об изучении Византии в России. «Была пора, - и это не так давно, - когда на русских возлагались надежды, что они возьмут на себя всестороннюю разработку темы о византизме и о культурном его значении и дадут разрешение занимавшей многих загадки. Но в настоящее время, когда изучением византийской истории и литературы усердно занимаются немцы, французы, англичане, итальянцы и

другие народы, когда за границей появились специальные научные органы, посвященные византиноведению, нами утрачено и, вероятно бесповоротно, бывшее за нами право сказать новое слово в этой области». В другом месте Успенский замечает: «У нас нет научной византийской школы и, по-видимому, гложнут и византийские традиции».

Действительно, Западная Европа, для которой византийские интересы должны были бы казаться более далекими и чуждыми, чем нам, раньше нас поняла важность изучения Византии. Почин принадлежал Германии, где в 1892 году в Мюнхене была учреждена баварским правительством при университете кафедра византийской филологии, порученная Карлу Крумбахеру. В 1907 году при Парижском университете была также учреждена кафедра византийской истории, во главе которой встал французский византист Шарль Диль (Charles Diehl). Конечно, благодаря созданию двух таких очагов византиноведения дело изучения Византии пошло в этих странах быстро вперед, и в семинариях обоих этих ученых, прекрасно оборудованных (особенно в Мюнхене) вспомогательными средствами в виде прекрасно подобранных специальных библиотек, собрания диапозитивов с памятников искусства и фотографических снимков с рукописей, работали не только немцы и французы, но и целый ряд приезжающих иностранцев, в том числе славян вообще и русских в частности. В 1906 году кафедра византийской филологии была основана при Римском университете, а в 1907 году профессура по новогреческой филологии была учреждена в Лейдене (Голландия).

В России дело византиноведения обстояло очень плохо. В университетах история Византии, приуроченная к кафедре всеобщей истории, не имела специальных центров. Поэтому очень немногие лица, посвящавшие лишь часть своего времени изучению Византии и обязанные главные общие курсы читать по западноевропейской истории, не могли, конечно, отдаться вполне излюбленному делу и создать то, что Россия нравственно давно должна была иметь, и что Западная Европа, как мы видели, уже имеет, т. е. специальную отрасль византиноведения в обширном смысле этого слова. Нужен был исключительный талант В. Г. Васильевского, который, работая при столь неблагоприятных условиях, смог оставить после себя нескольких византистов, но работа последних, в смысле близких им византийских интересов, где они могли бы принести посильную пользу, протекала в очень тяжелых условиях.

Правда, в 1900 году в Одессе была учреждена экстраординатура по византийской филологии; но подобная, вызванная случайными обстоятельствами профессура, представитель которой, если только он не перейдет на другую кафедру, никогда не может сделаться ординарным профессором, конечно, задачи не решала. Поэтому то немногое, что выходило в России по византиноведению, было довольно случайным, хотя в научном отноше-

нии часто и представляло большую ценность. Немало пользы принесли византийским занятиям, особенно в области изучения церковных вопросов, работы Духовных Академий. Основанный в 1894 году Русский археологический институт в Константинополе, имеющий ближайшей своей задачей изучение византийской археологии и истории, также дал много ценного материала для византиноведения в своих «Известиях» (вышло 16 томов).

В настоящее время, при только возобновляющемся интересе к этому предмету в духовных семинариях можно лишь надеяться, что такой предмет, как Византология найдет себе последователей, среди слушающих данный курс лекций и с Божией помощью Российская Византология догонит и перегонит западную Византологию, но это возможно только прикладывая общие усилия.

Лекция 4.

План:

Краткий очерк разработки истории Византии на Западе.

а. Начало разработки.

б. Зарождение научного византиноведения.

в. Французские историки Византии.

г. Историки Византии от середины девятнадцатого века до настоящего времени.

Общие популярные обзоры истории Византии.

Очерк разработки истории Византии в России.

Периодика, справочные издания, папирология.

Начало разработки истории Византии можно отнести к эпохе Возрождения. Первоначальное знакомство Запада с классическими и византийскими писателями сводилось к переводу греческого текста на латинский язык. В XIV-XV вв. интерес к византийской литературе проявляется лишь случайно и совершенно поглощается интересом к классическому миру.

Но в XVI - XVII вв. отношение к византийской истории и литературе меняется, и целый ряд византийских авторов издается в Германии (напр.,

Иеронимом Вольфом), Нидерландах (Меурсием) и Италии (двумя греками - Алеманном и Алляцием).

Научное византиноведение зародилось во Франции в XVII веке. В начале XVII в. Людовик XIII перевел на французский язык наставления диакона Агапита императору Юстиниану. Кардинал Мазарини создал богатую библиотеку с многочисленными греческими рукописями, перешедшую после смерти кардинала в парижскую королевскую библиотеку (теперь Национальная библиотека).

Кольбер, министр Людовика XIV, заведующий королевской библиотекой, умножал ученые сокровища библиотеки, приобретал рукописи за границей. Книгохранилище Кольбера, где было собрано немало греческих рукописей, было куплено королем в XVIII веке для королевской библиотеки.

Кардинал Ришелье основал королевскую типографию в Париже (Луврская типография), которая должна была издавать выдающихся писателей. В 1648 году, под покровительством Людовика XIV и Кольбера, из королевской типографии вышел первый том первого собрания византийских историков. До 1711 года вышли 34 тома in folio до сих пор еще не вполне замененного издания. В год появления первого тома французский ученый издатель Лаббе (Labbe, Labbaeus) напечатал воззвание (Protrepticon) к любителям византийской истории, где он убеждал европейских ученых отыскивать и издавать документы, погребенные в пыли библиотек.

В XVII веке во Франции был знаменит Дюканж (1610-1688). Он был историком и филологом, археологом и нумизматом. Он родился в Амьене в 1610 году, учился в колледже иезуитов. В 1668 году он покинул Амьен и обосновался в Париже, где и жил до своей смерти 23 октября 1688 г. Из трудов Дюканжа, касающихся византийской истории, необходимо отметить следующие: «История Константинопольской империи при французских императорах» («Histoire de L'empire de Constantinople sous les empereurs francais»); в конце своей жизни он переработал это сочинение, увидевшее свет во втором издании лишь в XIX веке); «О византийских фамилиях» («De familiis byzantinis»), где собран богатейший генеалогический материал, и «Христианский Константинополь» («Constantinopolis Christiana»), где собраны точные и подробные сведения о топографии Константинополя до 1453 года. Оба эти сочинения носят одно общее заглавие «Historia Byzantina duplici commentario illustrata». Затем, в 70 лет, Дюканж издал в двух томах in folio «Словарь средневекового греческого языка» («Glossarium ad scriptores mediae et infirnae graecitatis»). Глоссарий Дюканжа до сих пор остается необходимым пособием для всех занимающихся не только византийской, но и вообще средневековой историей. Немалое значение для византийского

времени имеет гигантский труд Дюканжа «Словарь средневековой латыни» в трех томах in folio («Glossarium ad scriptores mediae et infirnae latinitatis»).

В тоже время Мабильон издает свой труд «Дипломатику», создавший совершенно новую науку о документах и актах. В самом начале XVIII века Монфокон издал «Греческую палеографию». К первой же половине XVIII века относится сочинение бенедиктинца Бандури «Восточная империя» («Imperium Orientale»), где собрано громадное количество историко-географического, историко-топографического и археологического материала византийского времени, и капитальный труд доминиканца Лекьена (Le Quien) «Христианский Восток» («Oriens christianus»).

В XVIII век принес с собой изменения, эпоха просвещения отодвинула Францию с ведущего места в византиноведении.

К половине XIX века отношение к средневековью в научных сферах меняется. Европа иначе взглянула на средневековье. Появился серьезный интерес к изучению этой «готической, варварской» истории; пробудился интерес и к изучению средневековой византийской истории.

В первой половине XVIII века Монтескье (1689-1755) написал «Рассуждения о причинах величия и падения римлян» («Considerations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur decadence»; вышли в 1734 году). В первой части дан краткий, исполненный под влиянием идей XVIII века, очерк развития римской истории, начиная с основания Рима, тогда как последние четыре главы труда посвящены византийскому времени. Изложение завершается взятием Константинополя турками в 1453 году. Из этого видно, что Монтескье придерживался взгляда, что так называемая история Византии есть не что иное, как прямое продолжение римской истории. С чрезмерной суровостью относится Монтескье к истории греческой империи. В его представлении история Византии исполнена таких органических недостатков в социальном строе, религии, военном деле, что с трудом можно было себе представить, как столь испорченный государственный механизм мог просуществовать до половины XV века. «Таким образом, - пишет автор, - в то время как империя одряхлела при худом управлении, особые причины ее поддерживали».

Тот же XVIII век дал науке английского историка Эдварда Гиббона (1737-1794), автора знаменитого сочинения «История упадка и разрушения Римской империи» («The History of the Decline and Fall of the Roman Empire»).

Гиббон родился 27 апреля 1737 года в Англии. Получив первоначальное воспитание в школе, он в 1752 году был отдан для продолжения образования в оксфордский колледж Магдалины. После кратковременного пре-

бывания в Оксфорде Гиббон переехал в Швейцарию, в Лозанну, где поступил на воспитание к одному кальвинисту. По возвращении в Лондон, он в 1761 году издал свой первый труд, написанный на французском языке - «Опыт изучения литературы» («Essai sur l'etude de la literature»).

Пребывание Гиббона в Риме имело первостепенное значение: он пришел к мысли написать историю «вечного» города. Первоначальный план Гиббона был написать историю упадка города Рима, а не Римской империи; только несколько позднее план его расширился, и в результате Гиббон написал историю Римской империи, западной и восточной, доведя историю последней до падения Константинополя в 1453 году.

В 1776 году появился первый том, начинавший изложение со времени Августа.

По словам Гиббона, «его книга была на каждом столе и почти на каждом туалете». Следующие тома его истории, содержащие главы о христианстве, в которых выяснялись личные религиозные воззрения автора в духе XVIII века, подняли целую бурю, особенно среди итальянских католиков.

Автор в таких словах описывает момент окончания своего многолетнего труда: «В день, или скорее в ночь, 27 июня 1787 года, между одиннадцатью и двенадцатью часами, на даче в моем саду я написал последние строки последней страницы». Умер он в Лондоне в январе 1794 года.

Отражая на себе веяния эпохи, Гиббон является в своей истории носителем определенной идеи, выраженной им такими словами: «Я описал торжество варварства и религии». Другими словами, историческое развитие человеческих обществ со II века н. э. было, по его мнению, обратным движением (регрессом), в чем главная вина должна падать на христианство. Его нетерпимость к православию заставляет меня предостеречь вас от пользования его трудом. На это существуют и другие причины.

В настоящее время труд Гиббона для православного византолога не может представлять особой ценности, так как исторический материал чрезвычайно разросся, задачи истории изменились, появилась критика источников и новейшие издания последних, выяснилась зависимость источников друг от друга, получили права гражданства в истории вспомогательные дисциплины: нумизматика, эпиграфика, сигиллография (наука о печатях), папирология и т. д. Не надо также забывать, что Гиббон недостаточно владел греческим языком. И поэтому в изложении истории до 518 года он компилировал труд «История императоров» (Histoire des Empereurs, 6 томов, Брюссель, 1692 сл.), доведенного до 518 года, французского ученого Тиллемона (Tillemont).

Византийская история, которая наиболее нас интересует, представлена Гиббоном в ложном освещении. Личная история и семейные дела всех императоров, от сына Ираклия до Исаака Ангела, собраны в одной главе. «Такой способ трактовать предмет вполне согласуется с презрительным отношением автора к «Византийской» или «Низкой» (Lower) империи», - замечает английский византист Бьюри (Bury). Взгляд Гиббона на внутреннюю историю империи после Ираклия отличается не только поверхностностью; он дает совершенно ложное представление о фактах.

Первое издание «Истории упадка и разрушения Римской империи» Гиббона вышло в 6-ти томах в Лондоне в 1776-1788 годах и с тех пор выдержало целый ряд изданий. В конце XIX века английский византист Бьюри (Bury) вновь издал историю Гиббона, снабдив ее ценными примечаниями, целым рядом приложений по разнообразным вопросам и указателем (Лондон, 1896-1900, 7 томов). Труд последнего переведен почти на все европейские языки. На русском языке «История упадка и разрушения Римской империи», переведенная Неведомским, вышла в свет в семи частях в Москве в 1883-1886 годах. Последнее издание на русском языке, доступное вам, это Эдуард Гиббон «Закат и падение Римской империи», М., «Терра», 1997.

Во второй половине этого же столетия Француз Шарль Лебо (Le Beau) выпустил 21 том византийской истории. Лебо, не владел хорошо греческим языком, поэтому пользовался по большей части латинскими переводами авторов. Излагал источники без критического к ним отношения. Своему труду он дал заглавие «Histoire du Bas-Empire» (1757-1781), которое на долгое время сделалось символом пренебрежительного отношения к византийской империи. «История» Лебо, продолженная другим лицом и доведенная до 27 томов, теперь значения не имеет. В XIX веке появилось второе издание его истории, исправленное и дополненное на основании восточных источников двумя ориенталистами, арменоведом Сен-Мартеном (J. A. Saint-Martin) и грузиноведом Броссэ (M. F. Brosset) Последнее издание (21 том, Париж, 1824-1836) благодаря обильным дополнениям из восточных, преимущественно армянских, источников может иметь некоторое значение и в настоящее время.

В 1799 году французский автор П. Ж.-Б. Нугаре (P.J.-B. Nougaret) опубликовал пятитомный труд под очень длинным названием, сокращенный вариант которого звучит так: «Анекдоты о Константинополе, или Поздней империи от царствования Константина, его основателя, до взятия Константинополя Мохаммедом II и далее до наших дней... с наиболее яркими примерами превратностей судьбы и наиболее удивительными революциями». Это сочинение представляет собой исключительно компиляцию из разных авторов, в основном из «Истории Поздней империи» Лебо, и не имеет научного значения. В 1811 году Нугаре сократил пятитомный труд до

одного тома, каковой опубликовал под заголовком «Прелести Поздней империи, Содержащие наиболее любопытные и интересные рассказы от Константина Великого до взятия Константинополя Мохаммедом II».

В Наполеоновскую эпоху появилась на французском языке компиляция в девяти томах «История Поздней империи от Константина до взятия Константинополя в 1453 году» (*Histoire du Bas-Empire depuis Constantin jusqu'a la prise de Constantinople en 1453. Paris. An XII [1803]*). Руайу (J.-C. Royou), журналиста, адвоката и театрального цензора. Несамостоятельный, часто анекдотический текст истории Руайу не сопровождается никакими ссылками.

Вскоре после сочинения Руайу появилась «История Поздней империи» французского автора М. Леконт де Сегюра (M. Le Cornte de Segur). Его сочинение, охватывающее весь период византийской истории, научного значения не имеет, однако оно было очень популярно среди французских читателей и издавалось неоднократно.

До середины девятнадцатого столетия серьезных общих работ по истории Византийской империи не появлялось.

Большой шаг вперед сделала византийская история в трудах английского историка Георга Финлея (George Finlay), автора «Истории Греции с эпохи покорения ее римлянами до настоящего времени - с 146 года до н. э. по 1864 год» (*A History of Greece from its Conquest by the Romans to the Present Time B. C. 146 to A. D. 1864*), изданная в 1877 году в 7 томах Тозером (Tozer), который в первом томе напечатал и автобиографию Финлея. Этим изданием в настоящее время и надлежит пользоваться. В русском переводе существует лишь одно сочинение Финлея - «Греция под римским владычеством» (Москва, 1876).

В XIX веке был известен греческий ученый, профессор Афинского университета Папарригопуло. В 40-х, 50-х годах он выступал с небольшими интересными историческими работами, как например, «О поселении некоторых славянских племен в Пелопоннесе» (*Peri thV epoikhsewV Slabikovn tinwn julwn eiV thn Peloponnhsou. Афины, 1843*). Но это были лишь подготовительные работы к его большому труду. Плодом его тридцатилетних трудов явилась пятитомная «История греческого народа с древнейших времен до новейших» (*Istoria tou ellhnikou eunouV apo tvn arcaiotatwn cronwn mecri tvn newteren. Афины, 1860-1877*). Было много изданий этой работы, самое последнее из которых подготовлено Каролидисом и опубликовано в Афинах в 1925 г. Сочинение это излагает историю греческого народа до 1832 года. Главнейшие результаты своего довольно громоздкого, написанного по-новогречески и потому далеко не всем доступного труда, Папарригопуло изложил по-французски в одном томе, изданном под заглавием «История

эллинской цивилизации» (*Histoire de la civilisation hellenique*. Париж, 1878). После его смерти в Афинах было издан труд под заглавием «Наиболее показательные результаты истории греческого народа» (Афины, 1899) и представляет собой извлечение или обзор, а иногда и исправление того, что было рассказано подробнее в пятитомной истории. Византийского времени касаются второй, третий, четвертый и пятый том последнего сочинения.

Кроме выше названного к числу весьма серьезных ученых в области византиноведения принадлежит немецкий профессор Карл Гопф (1832-1873). После себя он оставил немало монографий, статей и изданий различных памятников франкской эпохи. Самым главным и наиболее ценным трудом Гопфа является «История Греции с начала средневековья до новейшего времени» (*Geschichte Griechenlands vom Beginne des Mittelalters bis auf die neuere Zeit*. 1867-1868). К сожалению, это сочинение Гопфа издано в старой и мало распространенной «Общей Энциклопедии наук и искусств» Эрша и Грубера (*Ersch-Gruber. Allgemeine Enzyklopadie der Wissenschaften und Kunste*, тома 85 и 86). Это издание «Истории» Гопфа не имеет не указателя, не даже простого оглавления; поэтому пользование этим изданием, с чисто внешней стороны, представляет большие трудности. Материал расположен без строго определенного плана; язык - сухой и тяжелый; читается книга нелегко. В настоящее время рукописное наследство Гопфа находится в Берлинской Королевской библиотеке и представляет богатый материал для историков.

Герцберг (*Hertzberg*), занимаясь некоторое время историей древней Греции и Рима, перешел затем к Средним векам и написал два сочинения общего характера: 1) «История Греции со времен окончания античной жизни до настоящего времени» («*Geschichte Griechenlands seit dem Absterben des antiken Lebens bis zum Gegenwart*». 4 части. Гота, 1876-1879); 2) «История византийцев и османского государства до конца XVI века» («*Geschichte der Byzantiner und des Osmanischen Reiches bis gegen Ende des sechszehnten Jahrhunderts*». Берлин, 1883).

Второе сочинение вышло в русском переводе П. В. Безобразова с примечаниями и приложениями под заглавием: Г. Ф. Герцберг. «История Византии» (Москва, 1896). Русский перевод этого сочинения, сравнительно с немецким оригиналом, особенно ценен тем, что П. В. Безобразов в примечаниях не только указывал новую литературу предмета, но и прибавил к книге несколько приложений, в которые ввел главнейшие результаты работ русских ученых в области внутренней истории Византии, оставляемой Герцбергом в стороне, а именно: Большой дворец и придворный церемониал; ремесленные и торговые корпорации; крестьяне; крестьянская община и Земледельческий устав; меры в защиту крестьянского землевладения и закрепощение крестьян; положение крепостных, крестьянские наделы и писцовые книги; податная система и злоупотребления сборщиков податей.

Последнее сочинение Герцберга очень полезно для первоначального ознакомления с византийской историей.

Вторым ученым, положившим труды Гопфа в основание своей работы, был Грегоровиус (F. Gregorovius), пользовавшийся уже до этого вполне заслуженной известностью благодаря своему большому сочинению по истории Рима в Средние века. Работа над средневековой историей Рима навела автора на мысль приступить к средневековой истории другого культурного центра древности - Афин. Результатом последней работы явилась двухтомная «История города Афин в средние века» (*Geschichte der Stadt Athen im Mittelalter*. Штуттгарт, 1889). Книга Грегоровиуса построена на трудах Гопфа, образовавших, по словам автора, прочное основание для всех работ, которые с тех пор велись в данной области и которые еще появятся в будущем. Но Грегоровиус привлек для своей работы также культурную жизнь страны, чем, как известно, Гопф не занимался.

Дж. Б. Бьюри (Bury, 1861-1927), профессор в Кембриджском университете. Написал, помимо прочих книг по византистике, три тома по общей истории Византийской империи, включая события от 395 по 867 г. Первые два тома были опубликованы в 1889 г. под заголовком «История позднейшей Римской империи от Аркадия до Ирины» (*A History of the Later Roman Empire from Arcadius to Irene*). В этих двух томах речь идет о событиях до 800 г., то есть до коронации Карла Великого папой Львом Третьим в Риме. Третий том был опубликован двадцатью двумя годами позже под заголовком: «История Восточной Римской империи от падения Ирины до восшествия Василия I» (*A History of the Eastern Roman Empire from the Fall of Irene to the Accession of Basil I*. London, 1912). В этом томе изложены события от 802 до 867 г. В 1923 г. появилось второе издание первых двух томов. В них излагаются события до конца царствования Юстиниана Великого (до 565 г.). В 1912 году вышел третий том, излагавший события с 802 года, который был озаглавлен уже «Историей Восточной Римской империи» в отличие от двух первых томов.

Сочинение Бьюри, особенно же последний, третий том, заслуживает самого большого внимания. Излагая судьбы восточной половины империи, он следит также до 800 года за событиями ее западной половины, что вполне соответствует его взгляду о единой Римской империи. Бьюри в своей книге не ограничивается одной политической историей; целые главы у него посвящены вопросам администрации, литературы, общественной жизни, географии, искусства и т. д. Автор прекрасно знаком с русским и другими славянскими языками; поэтому в третьем томе его истории привлечена к делу и оценена вся русская и болгарская литература по данной эпохе.

Далее необходимо назвать Спиридона Ламброса (LamproV), греческого ученого и профессора Афинского университета. Он являлся деятельным

издателем рукописных документов и исторических текстов, автор каталога греческих рукописей Афона и т. д., написал на протяжении с 1886 по 1908 гг. шеститомную «Историю Греции с рисунками с древнейших времен до взятия Константинополя» (*Istoria thV ElladoV met eikonwn apo tvn arcaiotatwn cronwn mecri thV alwsewV thV KwnstantinoupolewV*. Афины, 1886-1908, в 6 томах).

Гельцер. Профессор Иенского университета Генрих Гельцер написал для второго издания «Истории византийской литературы» Крумбахера «Очерк византийской императорской истории» (*Abriss der byzantinischen Kaisergeschichte*. Мюнхен, 1897). Очерк Гельцера касается внешней истории и находится местами в зависимости от книги Герцберга.

В 1902 году профессор Лейденского университета в Голландии Гесселинг (D. C. Hesseling) издал на голландском языке книгу «Византия. Исследования в области нашей духовной культуры со времени основания Константинополя» (*Byzantium. Studien over onze beschaving na de stichting van Konstantinopel*. Haarlem, 1902). Ввиду малой распространенности голландского языка работа Гесселинга стала доступной для всех, лишь в 1907 году, когда появился французский перевод его книги с предисловием известного французского византиста, академика Шлюмберже (G. Schiumberger) под заглавием «Опыт византийской цивилизации» (*Essai sur la civilisation byzantine par D. C. Hesseling*. Париж, 1907).

В 1910 году была издана в Лондоне 2-х томная работа В. Ф. Бассела (F. W. Bussel) «Римская империя: опыт конституционной истории от восшествия Домициана до отстранения Никифора III (1081)» (*Roman Empire: Besays on the Constitutional History from the Accession of Domitian to the Retirement of Nicephorus 111(1081 A. D.)*)

Полную историю Византийской империи с прекрасной библиографией можно найти в «Кембриджской Средневековой истории» (*The Cambridge Medieval History*). Первый том содержит главы по истории от Константина Великого до смерти Анастасия в 518 г.; во втором томе главы от восшествия Юстиниана I в 518 г. до времени иконоборчества. Весь четвертый том посвящен истории Византийской империи от 717 до 1453 гг. в увязке с историей древних славян, армян, монголов, а также балканских государств. Специальной главы о периоде Палеологов здесь нет. Эта общая история средних веков была издана под руководством покойного Дж. Б. Бьюри и представляет собой коллективную работу хорошо известных европейских исследователей.

В 1928 г. Йан Ромейн (Jan Romein) опубликовал на голландском языке обзор византийской истории под заголовком: «Византия. Исторический обзор о государстве и цивилизации в Восточной Римской империи»

(Byzantium. Geschiedkundig Overzicht van Staat et Beschaving in het Oost-Romeinsche Rijk). Книга эта достойна доверия и, хотя ссылки не приведены, она основана на оригинальных источниках. Автор разбирает не только политическую историю, но также и социальное, экономическое и культурное развитие империи. В книге тридцать пять превосходных иллюстраций.

Весьма ценная работа Стивена Рансимена (Stephen Runciman) «Византийская цивилизация» (Byzantine Civilization). Рансимен начинает свою книгу с обсуждения вопроса об основании Константинополя. В последующих главах он дал весьма краткий, но ясный очерк политической истории, имперской организации, административного устройства, религии и церкви, армии и флота, дипломатии, торговли, городской и сельской жизни, воспитания и обучения, литературы и искусства и, наконец, разбор проблемы «Византия и окружающий мир». Это очень интересная и хорошо записанная книга.

В 1934 году румынский историк Н. Йорга (N. Iorga) опубликовал на французском «Историю византийской жизни. Империя и цивилизация» (Histoire de la vie byzantine. Empire et civilisation). Книга содержит большое количество информации по всем вопросам византийской истории, ценные замечания и оригинальные, иногда дискуссионные, идеи. Книга снабжена весьма богатой и разнообразной библиографией.

Шарль Диль и Жорж Марсэ. «Восточный мир с 365 по 1081 год» («Le Monde Orientale de 365 a 1081») Диль и Марсэ (Ch. Diehl, G. Marcais) был опубликован в Париже в качестве одного из томов серии «Общая история» (Histoire generale), опубликованной под руководством Гюстава Глотца (Gustave Glotz). Впервые в истории византистики история мусульманского мира, судьбы которого разрывано связаны с Восточной империей, была включена в книгу о Византии. Два выдающихся исследователя обеспечили прекрасное качество работы. Книга дает прекрасное представление не только о политической истории империи, но и о ее внутренней жизни, социальной и экономической структуре, законодательстве и, наконец, о ее разносторонней и разнообразной цивилизации. В книге приведена превосходная библиография основных источников и современных исследований. Второй том «Восточного мира» (Le Monde Orientale) был написан Ш. Дилем, Р. Гийаном (Guiland), Л. Икономосом (Oeconomos) и Р. Груссе (Grousset) под заголовком «Восточная Европа от 1081 г. до 1453 г.» (L'Europe Orientale de 1081 a 1453). Этот том был опубликован в 1945 году. Диль в сотрудничестве с Икономосом описал период от 1081 до 1204 года; Гийан представил историю Византии от 1204 до 1453 года; Груссе писал историю латинского Востока. Книга включает очерки по истории соседних народов, таких как болгары, сербы, турки-османы, о цивилизации Венеции и Генуи, о царстве

килийской Армении и латинских владениях на островах Греции. Книга является полезным и ценным вкладом в науку.

В 1938 г. Фритц Хайхельхайм (Fritz Heichelheim) опубликовал два объемистых тома по «Экономической истории античности от Палеолитической Эры до миграции германцев, славян и арабов» (Wirtschaftsgeschichte des Altertums von Pala-olitickum bis zur Volkerwanderung der Germanen, Slaven und Arabes). Сегодня особенно интересны две главы - восьмая «Время от Августа до Диоклетиана» и девятая «Поздняя античность от Диоклетиана до Ираклия как страж богатств Древней Цивилизации для будущего».

В 1939 году греческий ученый Константин Амантос (' Amantov) опубликовал первый том «Истории Византийской империи» (Istoria tou Buzantinou KratouV). Работа охватывает время от 395 до 867 гг. то есть до начала Македонской династии. Второй том истории Амантоса, охватывающий период 867-1204 годов, вышел в 1947 году.

В 1947-1950 гг. были опубликованы три тома работы известного французского византиниста Л. Брейе (L. Brehier), умершего в октябре 1950 г., под заглавием «Византийский мир: I. Жизнь и смерть Византии; II. Учреждения Византийской империи. III. Византийская цивилизация» (Le Monde Byzantin: I. Vie et mort de Byzance; II. Les Institutions de l'Empire Byzantin; III. La Civilisation Byzantine).

Общие популярные обзоры истории Византии: Историческая литература имеет в своем распоряжении несколько обзоров византийской истории, предназначенных для широкой публики и в большинстве случаев не имеющих серьезного научного значения. Тем не менее подобные популярные очерки, хотя бы и не самостоятельные, могут принести известную пользу и возбудить у читателя дальнейший интерес к судьбам Византийской империи. Большинство популярных очерков по истории Византии написано на английском языке. Здесь эти обзоры полностью мы освящать не будем. Заметим лишь о переведенных на русский язык.

В 1919 г. Ш. Диль опубликовал «Историю Византийской империи» (Histoire de l'Empire Byzantin). В этой книге Ш. Диль попытался дать более, чем просто обзор политической истории Византийской империи, он дал очерк наиболее важных внутренних процессов и объяснение значения византийской цивилизации. Книга имеет краткую библиографию, а также много карт и иллюстраций. Эта работа выдержала во Франции много изданий. Этот труд был переведен и на русский язык: Ш. Диль. История Византийской империи. Пер. с франц. А. Е. Романской под ред. и с предисл. Б. Т. Горянова. М., 1948.

Настольной книгой для знакомства с византийской литературой и для различных справок в ее области является второе издание капитального труда мюнхенского профессора Карла Крумбахера «История византийской литературы от Юстиниана до конца Восточно-римского государства» (*Karl Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende des ostromischen Reiches. Munchen, 1897, 1193 S.*). Богословская литература во втором издании Крумбахера составлена профессором Эрхардом (A. Ehrhard); там же помещен «Очерк политической истории Византии» Гельцера.

Введение к труду Крумбахера и главы об историках и хронистах вышли в русском переводе в «Очерках по истории Византии» под редакцией проф. В. Н. Бенешевича (вып. III. СПб., 1913; и вып. IV. Пг., 1915).

В России русские ученые стали серьезно заниматься историей византии со второй половины XIX столетия.

В первой половине XIX века историей Византии интересовались у нас приехавшие в Россию немцы, которые, будучи избраны членами нашей Академии наук, оставались в Санкт-Петербурге до самой смерти. Главный их интерес заключался в выяснении значения Византии и византийских источников для русской истории. Из этих академиков можно назвать Ф. Круга (1764-1844) и А. Куника (1814-1899).

Среди наиболее выдающихся представителей русского общества в первой половине XIX века Византия очень часто служила материалом для подкрепления тех или других общественных течений; так, например, некоторые славянофилы черпали из истории Византии данные, полезные для поддержания и исторического оправдания их теорий; западники брали из того же источника данные, которые должны были показать отрицательное значение византийской истории и выяснить всю опасность для России, если бы последняя вздумала следовать заветам погибшей империи.

Настоящим основателем ученого византиноведения был профессор Санкт-Петербургского Императорского университета, академик В. Г. Васильевский (1838-1899), давший русской науке целый ряд важных исследований по специальным вопросам византийской истории, как внешней, так и внутренней, а также посвятивший много труда и тонкого аналитического таланта на изучение русско-византийских отношений. Некоторые работы Васильевского имеют крупное значение и для всеобщей истории; так, например, без его работы «Византия и печенеги» нельзя теперь никому обойтись при исследовании вопроса о первом Крестовом походе, что признается и в западноевропейской литературе.

Профессор Н. П. Кондаков, (+1925г.), и академик Ф. И. Успенский, также являются выдающимися учеными, первый - в области византийского искусства, второй - в области византийской социальной истории.

В 1837 году было напечатано в трех частях сочинение И. Ертова «История Восточно-Римской, или Константинопольской, империи, выбранная из всеобщей истории». Последнее прибавление в заглавии объясняется тем, что в начале тридцатых годов (1830- 1834) была издана в пятнадцати частях «Всеобщая история и Продолжение всеобщей истории о переселении народов и образовании новых государств в Европе, Азии и Африке, от основания государства российского до разрушения восточной греческой империи» того же автора. Из последнего труда и было извлечено первое сочинение. Источниками автору послужили, «кроме многих извлечений из разных книг и журналов (на французском языке), «История» Руайу, сокращение «Истории Восточной империи» Лебо и «История» Гиббона, сокращенная Адамом и переведенная на французский язык». Компильция Ертова, излагающая события византийской истории до падения Константинополя, научного значения не имеет.

Первая попытка написать серьезное сочинение по общей истории Византии принадлежит профессору университета св. Владимира, Ю. А. Кулаковскому. Будучи специалистом в области римской словесности, проф. Кулаковский работал над римской древностью, над историей римских учреждений, преимущественно императорского периода, и преподавал в университете римскую историю. С 1890 года он начал уделять часть своего времени на христианскую археологию и на византийскую историю. Как бы введением в историю Византии послужил сделанный проф. Кулаковским в начале нашего столетия (1906-1908) русский перевод известного римского языческого историка IV века н. э. Аммиана Марцеллина. В 1910 году автор выпустил в свет первый том своей «Истории Византии», охватывающий события с 395 по 518 гг. В 1912 году появился второй том, а в 1915 году третий том, в которых излагаются судьбы империи с 518 по 717 гг, т. е. до эпохи иконоборчества. В 1913 году вышло уже второе, пересмотренное, издание первого тома. С необыкновенным трудолюбием и неослабной энергией автор изучил византийские источники, греческие, латинские и восточные (в переводах), и на основании их и хорошего знакомства с литературой предмета подробно изложил внешнюю историю Византии до выше указанного времени. Явления внутренней истории, которых также касается проф. Кулаковский, теряются в массе подробностей из жизни внешней. Чересчур подробное изложение фактического материала привело к тому, что в трех первых вышедших томах, т. е. более чем на 1400 страниц, события доведены лишь до начала VIII века.

В 1914 году вышел в свет первый том «Истории Византийской империи» Ф. И. Успенского - академика и директора Русского археологического

института в Константинополе. «История» Ф. И. Успенского, - роскошное, с картами, таблицами и многочисленными рисунками издание доводящее изложение истории с IV века до начала VIII века, т. е. до эпохи иконоборчества.

Он умер в Ленинграде в 1928 г. в возрасте 83 лет. Ф. И. Успенский не дает большого научного аппарата ни в подстрочных примечаниях, ни в конце глав, а ограничивается лишь указанием руководящих пособий.

Первый том труда Ф. И. Успенского представляет собой в его большей части как бы обширное введение в историю Византии, когда слагались главные элементы «византинизма» и создавалась сложная византийская культура. Автор не может удержаться от того, чтобы в явлениях прошлой жизни Византии не видеть некоторых «уроков» для современности.

Первый том труда Успенского дает теперь возможность ознакомиться с начальным периодом византийской истории, написанной ясным языком и вышедшей из-под пера специалиста, посвятившего сорок лет своей научной работы почти исключительно изучению Византии. В 1948 г. был опубликован третий том его «Истории Византийской империи», охватывающий период 1081- 1453 гг. Вторая половина второго тома до настоящего времени не публиковалась, только 1996 было предпринято полное переиздание трехтомного труда Ф.И. Успенского (Москва, «Мысль», 1996г.)

В 1913 году в Казани вышли «на правах рукописи» «Лекции по истории Византии» профессора Казанского университета С. П. Шестакова; в 1915 году эти же лекции напечатаны были 2-м изданием, исправленным и дополненным (том 1).

Лекции Шестакова излагают события, начиная с поступательного движения варварского мира в пределах западной и восточной половин Римской империи в III-V вв. и кончая коронаванием Карла Великого в 800 году. Книга дает немало сведений, иногда неточных, о внешних делах, внутренней жизни, историографии и литературе предмета.

Немало пользы принесли византийским занятиям, особенно в области изучения церковных вопросов, работы Духовных Академий. Основанный в 1894 году Русский археологический институт в Константинополе, имеющий ближайшей своей задачей изучение византийской археологии и истории, также дал много ценного материала для византиноведения в своих «Известиях» (вышло 16 томов).

К. Н. Успенский «Очерки по истории Византии», ч. 1, М., 1917 . Книга имеет 268 страниц и содержит общее введение и обзор социального и экономического развития Римской империи. Рассказ завершается концом ико-

ноборческого периода и восстановлением иконопочитания в 843 г., во время царствования Феодоры.

«История Византийской империи» (The History of the Byzantine Empire) А. А. Васильева была сперва опубликована на русском языке в России. Вся работа состоит из двух томов и охватывает всю историю Византийской империи. Первый том был опубликован в 1917 г. в Петрограде под заголовком «Лекции по истории Византии. Т. 1. Время до Крестовых походов». Вторым том, охватывающий период от Крестовых походов по падению Константинополя, был опубликован в трех частях: 1) История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081-1185) и Ангелов (1185-1204). Пг., 1923; 2) История Византии. Латинское владычество на Востоке. Эпоха Никейской и Латинской империй (1204-1261). Л., 1925; 3) История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261-1453). Л., 1925. В 1928 и 1929 гг. Книга была опубликована в Мадисоне, штат Висконсин. В 1932 г. эта книга была опубликована по-французски как расширенное и переработанное издание с иллюстрациями и картами. К французскому изданию предисловие было написано знаменитым французским византинистом Шарлем Дилем. (Второе, переработанное американское издание "The History of the Byzantine Empire" уже в одном томе было опубликовано в том же Мадисоне в 1952 г.)

В 1919 г. в Петрограде были опубликованы «Очерки византийской культуры», посмертное сочинение П. В. Безобразова, скончавшегося в октябре 1918 г.

В 1940 году Георгий Острогорский, русский ученый, живший в Белграде, опубликовал на немецком «Историю византийского государства» (Geschichte des byzantinilphen Staates). В ней рассмотрен весь период византийской истории до падения империи. Г.А. Острогорский дает прекрасную картину развития Византии, начиная с шестого века. Ранний период истории империи, 324- 510 гг., обрисован кратко. Текст снабжен примечаниями и ссылками. В качестве приложения к этому тому можно упомянуть главу Г. А. Острогорского из первого тома «Кембриджской Экономической Истории Европы от упадка Римской Империи» (The Cambridge Economic History of Europe from the Decline of the Roman Empire) - «Аграрные условия в Византийской империи в Средние века» (Agrarian Conditions in the Byzantine Empire in the Middle Ages). Книга Г. А. Острогорского является прекрасным образцом научного исследования и совершенно необходима изучающему византийскую историю.

Первая попытка кратко изложить византийскую историю с марксистской точки зрения была осуществлена М. В. Левченко в 1940 г. в книге «История Византии. Краткий очерк» (М.; Л., 1940).

Среди современных византологов следует назвать Литаврина, Каждана, Чекалину, Скрижанскую и Медведева.

Первым специальным органом по византиноведению был немецкий «Византийский журнал» (*Byzantinische Zeitschrift*) журнал, издававшийся с 1892 года в нем, помимо многочисленных статей и рецензий на новые книги и издания, ведется подробная библиография всего того, что появляется в области византиноведения; большое внимание обращается на русские и вообще славянские издания. Основателем и первым редактором журнала был известный мюнхенский профессор Крумбахер. До 1914 года вышло двадцать два тома. К первым двенадцати томам в 1909 году издан том аналитического указателя. В течение Первой мировой войны журнал «*Byzantinische Zeitschrift*» перестал выходить, однако после войны он возобновился снова. В настоящее время его издает Ф. Дельгер.

С 1894 года начал издаваться при Академии наук журнал «Византийский временник», под редакцией В. Г. Васильевского и В. Э. Регеля. В библиографическом отделе особое внимание было обращено на славянские страны и страны христианского Востока. Журнал издается на русском языке, но иногда в нем можно найти статьи на французском и новогреческом. Его издание также прерывалось в годы Первой мировой войны. К 1917 году было опубликовано 22 тома, но 23-й появился только в 1923 г., а 25-й был опубликован в 1928 г. Шестнадцатый том содержит аналитический индекс к предыдущим пятнадцати, составленный П. В. Безобразовым. Ф. И. Успенский издавал «Византийский временник» до своей смерти. После 1947 года в России началось издание новой серии «Византийского временника». В 1951 году был опубликован четвертый том.

С 1909 года начал выходить в Афинах на новогреческом языке специальный журнал по византиноведению, издаваемый Афинским Византинологическим обществом под названием «Византия» (*BuzantiV*). С 1915 года было издано три тома «Византийского обозрения» - журнала, издаваемого историко-филологическим факультетом Юрьевского (Тартуского) университета под редакцией В. Э. Регеля.

Н. А. Веис (*N. A. Bees*) начал в Берлине в 1920 году издание *Byzantinisch-neugriechische Jahrbucher*, основная цель которых совпадает с задачами *Byzantinische Zeitschrift*. Начиная с пятого тома, этот журнал публикуется в Афинах, в Греции, где Веис являлся университетским профессором.

В 1925 г. появился первый номер «*Byzantion. Revue Internationale des Etudes Byzantines*». Издателями его были Р. Graindor, Н. Gregoire. Том был посвящен известному русскому ученому Н. П. Кондакову и его восьмидеся-

тилетию, но как раз в день выхода журнала пришла весть о кончине Кондакова (16 февраля 1925 г.).

Между 1924 и 1950 годами было опубликовано в Афинах двадцать томов нового греческого издания «*Epithriv EtaireiaV Buzantinvn Spoudvvn*». Многие статьи, опубликованные в этом издании, интересны и важны.

С 50-х годов XX в. издавались сборники статей по истории Византии «Византийские очерки».

В дополнение к материалам, приводимым в этих специальных изданиях, много ценной информации по исследованиям византийского периода можно также найти в журналах, не связанных напрямую с византистикой. Основной труд по византийскому праву - *Geschichte des griechisch-romischen Rechts* - принадлежит немецкому юристу Карлу Эдуарду Цахариэ фон Лингенталю. Третье издание появилось в Берлине в 1892 г. Среди более ранних работ следует назвать издание *Codex Theodosianus* Жаком Годфруа (*Godefroy, Gothofredus, 1587-1652*). Другими важными сочинениями являются: *Montreuil. Histoire du droit byzantin* в трех томах, опубликованная в Париже в 1843-1847 гг.; немецкий обзор Г. Э. Хаймбаха (*G. E. Heimbach*) в издании *Ersch und Gruber Encyclopadie, Bd. LXXXVI, pp. 191-471*; исследование на русском языке Августа Энгельмана (*August Engelman*) «Об ученой обработке греко-римского права, с обозрением Новейшей его литературы: Опыт введения в изучение Византийской Юридической истории», опубликованное в Петербурге в 1857 году. Другое русское исследование написано Азаревичем: «История византийского права» (две части, Ярославль, 1876-1877). Весьма содержательный очерк, снабженный ценными библиографическими примечаниями, написан итальянским исследователем Л. Сичилиано (*L. Siciliano*) в *Enciclopedia Giuridica Italiana, vol. IV, part 5, fasc. 451 и 460*. Сочинение было опубликовано и отдельно, в Милане в 1906 году.

Наиболее важными работами по византийскому искусству являются: *Н. П. Кондаков*. История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей. Одесса, 1876; атлас, Одесса, 1877; французское переработанное издание в двух томах - Париж, 1886-1891; *Байе*. Византийское искусство (*Bayet. L'art byzantin*) в рамках «Французской истории искусств», составленной А. Мишелем (*A. Michel*), тома I и III, Париж, 1905 и 1908, существует и русский перевод работы Байе - СПб., 1888; сочинение Шарля Диля «Руководство по византийскому искусству» (*Manuel d'art byzantin. Paris, 1910*), расширенное и дополненное издание в двух томах - Париж, 1925-1926; две работы О. М. Далтона (*O. M. Dalton*): «Византийское искусство и археология» *Byzantine Art and Archaeology. Oxford, 1911*) и «Востоочнохристианское искусство. Обзор памятников» (*East Christian Art. A Survey of the Monuments. Oxford, 1925*), вторая из них содержит раздел об

архитектуре; а также «Византийское искусство» Л. Брейе (L. *Brehier*. L'art byzantin. Paris, 1924) и двухтомное «Византийское искусство» Г. Пирса и Р. Тайлера «Византийское искусство» (H. *Pierce et R. Tyler*. L'art byzantin. Paris, 1932, 1934).

Среди работ по византийской хронологии наиболее важны: H. L. *Clinton*. Fasti Romani (английское издание в двух томах - Оксфорд, 1845-1850). В работе описание исторических событий доведено до смерти императора Ираклия в 641 г. н. э. *Muralt*. Essai de chronographie byzantine, два тома, Санкт-Петербург и Базель, 1855 и 1873 гг. Работа охватывает весь период византийской истории до 1453 г., однако пользоваться ею следует с большой осторожностью. O. *Seeck*. Regesten der Kaiser und Papste fur die Jahre 311 bis 476 N. Chr.: Vorarbeit zu einer Prosopographie der christlichen Kaiserzeit. Stuttgart, 1919. Работа весьма полезна, также как и сочинение Ф. Дельгера «Regesten der Kaiserurkunden des ostromischen Reiches» (Mun-chen, Berlin, 1924-1932), опубликованное в составе «Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit» (Akademien der Wissenschaften in Munchen und Wien). Можно также использовать: V. *Grumel*. Les Regestes des Actes du Patriarcat de Constantinople. Издано в Стамбуле, в 1932 и 1936 гг. Работа охватывает время 381-1043 гг..

Библиографическую информацию общего плана по другим ветвям византистики, таким как нумизматика, сигиллография и папирология можно найти в «Истории Византийской литературы» Крумбахера, также как и в библиографических разделах специальных византистических изданий.

Лекция 5.

План:

Относительность принципов периодизации.

Периоды истории Византии.

Всякая периодизация и установление граней в процессе мировой истории всегда условны, а потому совершенно произвольны. Сама история, поскольку в ней каждое событие причинно связано с предшествующими событиями, не образует отделов; она - непрерывный процесс. Поэтому нет ничего более самонадеянного, чем стремиться, на манер обычных учебников, к установлению конца римской империи и грани между древностью и средними веками. В обычных учебниках этот важный и поворотный момент прикрепляется с педантичной хронологической точностью к определенному году. Под влиянием Запада и соответственно его историческому развитию

(не секрет, что многие учебники истории являются в лучшем случае переработкой западных учебников, думаю приводить примеры не стоит - прим. А.М.Ю.) конец римской империи и древних времен без колебаний относили к 476 году, потому что в этом году получил, так сказать отставку с пенсией последний законный император в западной половине римской империи Рому Августул. Этот факт якобы универсально-исторического значения на его современников произвел столь слабое впечатление, что они, и в первую очередь германцы, рассматривали по-прежнему территорию Одоakra, а позже Теодориха, как часть римского государства, а подданных, как подданных римского императора и даже сохранили императорские установления.

Восток империи, сумевший сохранить издревле унаследованную культуру с большей энергией, совершенно не может, по крайней мере, до выступления ислама, быть расщеплен на две половины, одну принадлежащую древности, другую - средним векам. Лишь с завершением правления Ираклия можно проследить начало новой эпохи средневековья. Но если бы мы начали очерк византийской истории, например, вступлением Льва Исавра, то мы лишились сведений о наиважнейших и наизначительнейших столетиях, о той эпохе, в которой даны первые зачатки и предварительные условия для позднейшего исторического развития специфически византийского периода.

Конечно, избежать периодизации нам тоже не удастся. Мы должны лишь сознавать, что всякая периодизация искусственна и является своеобразными подпорками, которые облегчают рассмотрение материала. Скорее всего здесь следует руководиться традиционным здравым смыслом. Издавна историю империи объединяют правлениями Аркадия до Константина XI (395 - 1453 г.) в одно целое, как историю восточно-римскую или византийскую.

Почему не с Константина Великого, перенесшего столицу из Рима в Константинополь (Византию)? Здесь стоит заметить, что мы будем изучать не историю города Константинополь, а историю восточно-византийской империи, бытие которой началось с императора Аркадия (395 г.). Правда мы немного уделим внимания и на Феодосия Великого, отца Аркадия и Гонория, что будет являться предисловием к собственно истории Византии.

Только для того, чтобы удовлетворить практической потребности, мы разбиваем весь материал на следующие издавна существующие разделы:

Империя от Аркадия до Юстиниана Великого.	3 95 - 518гг.
Империя от Юстиниана I до Ираклия.	5 18 - 610гг.
Император Ираклий и его преемники.	6 10 - 716гг.
Эпоха иконоборчества.	7 17 - 867гг.
Эпоха македонской династии.	8 67 - 1081
Эпоха крестовых походов. Династии Комнинов и Ангелов.	1 081 - 1185гг; 1185 - 1204гг.
Эпоха Латинской и Никейской империи.	1 204 - 1261гг.
Эпоха Палеологов и падение Византии.	1 261 - 1453гг.

Период первый.

Империя от Аркадия до Юстиниана Великого.

Лекция 6.

Общая характеристика периода.

Главный интерес данного периода, начиная с Аркадия и кончая Анастасием (395-518), заключается в национальном и религиозном вопросах; причем относительно последнего надо всегда иметь в виду, что он неразрывно связан с вопросом политическим. Германское или, точнее, готское засилье, свившее себе прочное гнездо в столице, грозившее в конце IV века самому государству и осложненное арианством готов, было прекращено в начале V века при Аркадии, чтобы при новой, уже более слабой вспышке в половине V века быть окончательно сломленным во время Льва I. Новая гроза с севера со стороны остготов к концу века, обещавшая новые опасности Византии, прошла мимо нее, направившись при Зеноне в Италию. Германский вопрос в восточной половине империи был решен в пользу правительства. В восточной половине империи также удачно был решен во второй половине V века другой национальный вопрос, гораздо меньшей остроты и важности, а именно вопрос об исаврийском засилье. Что же касается появления северных народов, болгар и славян, то последние в рассматриваемый период лишь начинали свои нападения в пределы империи, и по этим нападениям еще нельзя было судить о той первостепенной роли, которую вскоре славяне, а позднее болгары, будут играть в истории Византии. Время Анастасия есть введение в славянскую эпоху на Балканском полуострове.

Религиозный вопрос в данное время распадается на два периода: православный до Зенона и монофизитский при Зеноне и Анастасии. Склонность к монофизитству Зенона и ясно выраженное монофизитство Анастасия могут быть оценены не только с вероисповедной точки зрения, но и с политической. К концу V века западная часть империи, несмотря на теоретическое признание ее единства, фактически ушла из-под ведения Константинополя. В Галлии, Испании и Северной Африке образовались варварские германские государства; в Италии распорядились германские вожди и в конце V века основалось остготское государство. Это состояние дел объясняет, почему восточные провинции, т. е. Египет, Палестина, Сирия, получили для восточной половины империи первостепенное значение. Большая заслуга Зенона и Анастасия заключается в том, что они поняли, куда переместился при них центр тяжести, и, поняв насущное значение для империи восточных областей, употребляли все усилия для того, чтобы найти пути к примирению между столицей и данными областями. А так как последние, особенно Египет и Сирия, в своей большей части твердо держались монофизитства, то путь был для империи один, а именно - примирение с монофизитами. Этим объясняется нерешительный и намеренно туманный Энотикон Зенона, как первая попытка к сближению, а после его неудачи решительная монофизитская политика Анастасия. Оба эти императора оказались политически прозорливыми правителями, в противоположность государям следующей эпохи. Но подобное монофизитское направле-

ние Зенона и Анастасия поставило их лицом к лицу с православным населением, которое господствовало в столице, на Балканском полуострове, в большинстве областей Малой Азии, на островах и в некоторой части Палестины. На стороне православия стоял, как известно, и римский папа, порвавший из-за Энотикона сношения с Константинополем. Политика и религия должны были столкнуться, чем и объясняются религиозные смуты времени Анастасия. Последний при жизни не смог довести своего дела до желанного умиротворения. Его преемники повели империю по совершенно иному пути, и отчуждение восточных провинций уже начинало ощущаться в конце этого периода.

В целом же - это период борьбы между разными народами, движимыми разными целями и надеждами - германцы и исавры надеялись достичь политического господства, тогда как копты в Египте и сирийцы были озабочены прежде всего триумфом их религиозных учений.

Лекция 7.

План:

Ситуация в империи в IV в.

а. Диоклетиан и его преемники.

б. Государственное управление в IV веке.

в. Центральные органы управления.

г. Финансовая и налоговая политика.

д. Армия.

17 ноября 284 г. Диоклетиан был провозглашен императором войсками в Никомедии в Малой Азии Согласно предсказанию, которое было дано ему в молодости в Галлии, он должен был стать императором, убив кабана. На воинской сходке после смерти императора Нумериана, когда префект претория Аурелиан (аурег по-латыни — «кабан») претендовал на императорский титул, Диоклетиан выхватил меч, поразил его и воскликнул: «Наконец-то я убил назначенного роком кабана!». Солдаты возвели его на престол и, одолев императора Запада, брата Нумериана Карина, Диоклетиан стал единоличным правителем империи.

Однако, сознавая шаткость и сложность своего положения, он не воспользовался единоличной властью. Оставшись в Никомедии и сделав ее своей столицей, уже в 285 г. он провозгласил Цезарем на Западе своего друга Марка Аврелия Валерия Максимиана; в 286 г. тот стал Августом и назначил своей резиденцией Медиолан. Максимиан подавил охватившее Галлию восстание багаудов, разгромил вторгшиеся на территорию империи германские племена франков и аламаннов и усмирил выступление начальника флота Караузия, захватившего Британию и провозгласившего себя Августом.

1 марта 293 г. Августы назначили себе соправителей и предполагаемых наследников в ранге Цезарей — Диоклетиан выбрал Гая Галерия Валерия Максимиана, сына простого пастуха, выдвинувшегося благодаря своим военным заслугам, а Максимиан — потомка знатного рода Гая Флавия Валерия Констанция Хлора. Империя фактически оказалась разделенной на четыре части, и установилась так называемая тетрархия (четверо-властие). Диоклетиан управлял Фракией, Азией, Сирией и Египтом, Галерий — Балканским полуостровом (кроме Фракии), Максимиан — Италией, Испанией и Африкой, а Констанций Хлор — Галлией и Британией. Диоклетиан установил себе и Максимиану срок правления до 305 г., когда на их место должны были заступить Цезари и в свою очередь назначить себе преемников.

Императоры успешно боролись с внешними и внутренними врагами: Диоклетиан подавил так называемое восстание Ахилея в Египте и изгнал оттуда кочевые племена блеммиев, Галерий разгромил персов и вернул империи Месопотамию, а также укрепил границу по Дунаю, Максимиан вел войны с маврами в Африке, а наконец, Констанций одолел очередного узурпатора в Британии Аллекта.

1 мая 305 г. Августы, согласно заранее принятому решению, сложили с себя полномочия, а Галерий и Констанций заняли их посты — Назначение новых Цезарей произвел Галерий. Ими стали на Западе Флавий Валерий Север, а на Востоке — Валерий Максимиан Даза. Именно такое решение послужило причиной краха всей власти тетрархов, поскольку при этом оказались обойденными сыновья Максимиана и Констанция — соответственно Максенций и Константин. Когда летом 306 г. в Британии умер Констанций Хлор, по всей империи запылала гражданская война. Войска немедленно провозгласили Августом Константина, Галерий признал его в этом качестве, а в Риме вспыхнуло восстание, в результате которого Цезарем был провозглашен Максенций, а Максимиан вернулся к власти, объявив себя Августом. Галерий в ответ на это назначил Августом и главнокомандующим в войне с Максенцием Севера, а после гибели последнего — Валерия Лициниана Лициния.

Итак, в результате отречения Диоклетиана империя оказалась охваченной пламенем сразу нескольких гражданских войн. Бывший император попытался исправить это положение, вернувшись к власти. Источники по данному вопросу дают разноречивые сведения, но известно, что в 308 г. Диоклетиан был консулом. Очевидно, его попытки установить мир в империи оказались безуспешными, и в 313 г. он покончил с собой, пережив крах всей своей реформаторской деятельности.

Лициний после смерти Галерия в 311 г. стал старшим августом и заключил соглашение с Константином о совместной борьбе с узурпаторами. Аналогичное соглашение заключили и их противники — Максенций и Максимиан Даза. Константин вступил в Италию, двинулся на Рим и разгромил в решающей битве у Мильвиева моста 28 октября 312 г. Максенция. Последний во время бегства утонул в Тибре. Лициний, в свою очередь, в 313 г. победил Максимиана Дазу. Итак, все императоры, кроме Константина и Лициния, были мертвы, и предстояла схватка между ними за единодержавную власть.

В ходе ряда войн в 314—316 гг. Константин отнял у Лициния большую часть Балканского полуострова. В битве при Адрианополе в 324 г. Лициний потерпел решающее поражение, сдался на милость победителя, был сослан в Фессалоники и через год казнен. В результате Константин Великий стал единоличным правителем государства, а своими преемниками и соправителями назначил собственных детей. В 324—326 гг. он провозгласил Цезарями своих четырех сыновей. Флавий Юлий Крисп (сын от первого брака) стал править Галлией, но в 326 г. был казнен вследствие интриг своей мачехи Фаусты, которая также вскоре была казнена. Константину младшему, будущему Константину II, было поручено управлять Испанией, Галлией и Британией, Константу — Италией, Иллириком и Африкой, а Констанцию — Азией и Египтом. Себе Константин оставил Балканский полуостров.

В разгар приготовлений к войне с персами император умер, и вновь началась борьба между его преемниками. Констанций жестоко расправился со всеми своими родственниками и стал единоличным повелителем Востока, уничтожив двух братьев Константина и семь его племянников. На Западе между тем началась война между Константом и Константином II. Последний был разбит в 340 г. в битве при Аквилее и погиб. Итак, к 340 г. империя оказалась разделенной на две части: на Востоке правил Констанций II, а на Западе - Констант. Единственными уцелевшими родственниками Константина были его племянники Галл и Юлиан, впоследствии император Юлиан Отступник.

Однако борьба на этом не закончилась, франк Флавий Магненций, прошедший в римской армии все должности от простого солдата до комита,

в 350 г. был провозглашен войсками императором на Западе и приказал убить Константа. Началась затяжная война, в ходе которой Магненций потерпел решающее поражение от Констанция в битве при Мурсе в 351 г., а в 353 г., оставленный всеми своими соратниками, покончил с собой.

Таким образом, в 353 г. Констанций II стал единоличным повелителем всей империи в ранге Августа. Дальнейшие события довольно подробно нами излагались в курсе ОЦИ 1 года обучения, поэтому далее мы останавливаться на них не будем. Однако необходимо рассмотреть те системы управления и общественной жизни, которые сложились в империи в результате проведенных Диоклетианом и Константином реформ.

С именами Диоклетиана и Константина связаны административные реформы, а точнее — введение системы иерархического управления. Вся империя была разделена на четыре префектуры, которые возглавляли префекты претория (*praefecti praetorio*). Рим, и с 330 г., Константинополь были выделены из состава префектур, ими управляли собственные «префекты города» (*praefecti urbis*). Эти префекты имели высший чин в государственной табели о рангах и титул *virii illustres* («сиятельные мужи»). Префектуры состояли из диоцезов (*dioceses*), которых во всей империи насчитывалось двенадцать. Диоцезы управлялись подчиненными префектам сановниками с титулом викариев (*vicarii*). Викарии имели, уторов ранг и титуловались *virii spectabiles* («высокородные мужи»). Викарий Востока именовался *comes Orientis* («комит Востока»), а Египта — *praefectus Augusti* или сокращенно — *Augustalis*. Каждый из диоцезов включал несколько провинций, общее число которых вместе с Римом при Диоклетиане составляло 101 и достигло 120 к концу IV в. Во главе провинций стояли ректоры (*rectores*; часто и в виде общего названия используется и термин *indices*), которые в зависимости от статуса их провинций имели титулы проконсулов, консуляров, корректоров и президоа (*praesides*). Правители провинций именовались *virii clarissimi* («светлейшие мужи»), т.е. наделялись титулом, который в эпоху принципата был высшим и который имели только сенаторы. Правители, имевшие титул проконсулов, принадлежали к рангу *virii spectabiles*, т.е. к тому же, что и викарии. Это различие правителей по титулам и рангам восходило к самым первым векам империи, когда к управлению провинциями наряду с сенаторами были допущены и представители всаднического сословия; последние имели звание прокураторов и управляли менее значимыми провинциями.

Префекту претория Галлии, имевшему резиденцию в Тревирах (ныне Трир), подчинялись викарий Испании, викарий семи германских и галльских провинций и викарий Британии. Префекту претория Италии (резиденция в Риме) были подчинены викарий Италии, викарий Иллирика и викарий Африки. Префекту претория Иллирика (резиденция в Сирмии) подчинялись викарии Македонии и Дании (на правом берегу Дуная). Префекту претория

Востока с резиденцией в Константинополе подчинялись комит Востока (Палестина, Финикия и Сирия), префект Августал (Ливия, Египет), викарии Понта и Фракии. В особую категорию были выделены провинции Азии и Африки (в древности — проконсульская Африка), они были подчинены непосредственно императору и управлялись его «друзьями» (*comiles primi ordinis*); этот титул был эквивалентен титулу проконсула. Позднее, при Константине, аналогичный статус получила Ахайя, а при Феодосии — Палестина-Включение Италии в категорию провинций повлекло за собой утрату ее былых привилегий — свободу от налогов и повинностей. При Диоклетиане она была разбита на 8 округов: Транспадана, Венеция-Истрия, Эмилия-Лигурия, Фламинья-Пицен, Этрурия-Умбрия, Кампания-Самнии, Лукания-Бруттий, Апулия-Калабрия. Ими управляли особые чиновники — корректоры (*correctores*). Корректорами назывались также направляемые императорским двором для контроля за деятельностью местной администрации чиновники. Контрольные функции принадлежали также императорским, или тайным, агентам.

Городская администрация в Риме сохранилась примерно в таком же виде, в каком она была в первые века империи. Во главе города стоял городской префект, снабжением заведовал префект анноны (*praefectus annonae* или *praefectus frumenti dandi*) и т. д. Существовали различные комиссии — по хлебо- и водоснабжению, постройке храмов, общественных и частных зданий и т. д. Специальные комиссии занимались регулированием русла и ремонтом берегов Тибра, очисткой и уборкой города.

Специально следует сказать о муниципальных советах (куриях), существовавших во всех городах. На их членов — декурионов, или куриалов, возлагалась ответственность за поступление налогов, распределение повинностей и т. д. Зачисление в курию считалось большой неприятностью и несчастьем в связи с существованием принципа круговой поруки.

Органы центрального управления существовали при императорском дворе и включали огромное количество чиновников разных рангов.

Высший ранг (*vir illustris*) имели препозит императорской спальни (*praepositus sacri cubiculi*), «начальник служб» (*magister officiorum*), или, своего рода, «гофмаршал», квестор (*quaestor*), выполнявший законодательные функции, комит финансов (*comes sacrarum largitionum*), комит государственных доменов (*comes rerum privatarum*) и два комита доместиков (*comites domesticorum*), командовавшие конными и пешими отрядами императорской гвардии.

Ранг *virii spectabilis* имели примицерий императорской спальни (*primicerius sacri cubiculi*), примицерий нотарииев (*primicerius notariorum*), *castrensis sacri Palatii*, ведавший дворцовыми работами и различными службами, и

четыре начальника канцелярий (*magister scriniorum*).

Магистру оффиций подчинялась дворцовая гвардия, делившаяся на схолы, в составе которых различались skutarii, armatury и gentily. Гвардия набиралась практически исключительно из германцев. Особую схолу составляли *ageotes in rebus*, «императорские агенты», выполнявшие контрольные и полицейские функции. Эта схола при Диоклетиане заменяла так называемых *фрументариев*, ранее выполнявших аналогичные обязанности. Также особую схолу составляли нотариии, которые вели протоколы заседаний императорского совета, включавшего чиновников высшего ранга, и ведали гражданским и военным чинопроизводством. Кроме того, на них возлагались особые поручения.

К концу III в. назрела необходимость реформ в сфере денежного обращения. Проведенная Диоклетианом в 286 г. денежная реформа в основном повторяла попытки проведения таковой во времена Аврелиана. Целью ее было повышение курса денег и стабилизация их обращения. В Древнем Риме из I римского фунта (327 грамм) золота чеканилось 40 полновесных золотых монет *denarius aureus*, для просто *aureus*. В III в, в золотых монетах не стало золота, а в серебряных - серебра. Для восстановления действительного соотношения между ценностью денег и их весом Диоклетиан постановил из фунта золота чеканить 60 золотых монет, из фунта серебра—96 серебряных денариев, а из фунта меди—30 медных монет. В соответствии с установленным курсом 1 фунт золота соответствовал 60 золотым, 1500 серебряным и 24000 медным монетам, а 1 серебряная монета была равна 16 мешкам (*folles*) мелких разменных монет. Таким образом, золотой денарий стал содержать 5,5 грамма золота.

Однако денежная реформа не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Из-за завышенного курса золотых монет они стали вымываться из обращения, увеличилось число низкопробных, что привело к еще большему обесцениванию денег и росту инфляции. На этой почве неоднократно возникало недовольство, переходившее в открытые восстания.

Налоговая политика была реформирована в условиях нарастающей натурализации хозяйства империи. Еще в III в. значительная часть государственных налогов стала выплачиваться натурой. При Диоклетиане этот процесс продолжался. Однако ранее провинции с точки зрения налогообложения находились в разном положении. Некоторые платили фиксированную ставку налогов деньгами, а другие — отдавали определенную часть урожая натурой, сохраняя право выплат соответствующей суммы в денежном исчислении. При этом в связи с постоянным обесцениванием денег предписывалось производить государственные выплаты не в ходячей монете, а в специально выпущенной для этой цели государственной монете с твердым курсом (*pecunia signata forma publica Romani*). Прибегали также к

экстраординарным обложениям провинций натурой, и взимались такие налоги на основании специальных императорских декретов — индикций (*indiciones*). Первое время эти поступления шли исключительно на содержание населения Рима и назывались *circae annonae*. В дальнейшем под анноной (*annona*) стали понимать годовую подать, взимавшуюся с населения натурой.

Диоклетиан экстраординарные налоги возвел в общее правило и распространил их на всю империю, в том числе и на ранее освобожденную от налогов Италию, за исключением ее юга, приписанного к Риму. В 289—290 гг. была проведена генеральная перепись и, согласно ей, произведена раскладка налогов (*census*). Ценз повторялся каждые пять лет, три цензовых (индикционных) года составляли индикционный цикл в 15 лет, по которому производилась генеральная перепись и счет лет.

В цензовые списки заносились и налогообложению подлежали люди, земля и имущество. Платежной единицей считалась «голова» (*caput*). К ней приравнивался один взрослый мужчина-земледелец, независимо от его социального статуса, две женщины, определенное количество обработанной земли, скота, лугов и лесов. В зависимости от качества земля делилась на несколько разрядов, по тому же принципу производилось деление виноградников, оливковых посадок и т. д.

Анна стала чисто земельной податью, поэтому ею было обложено только сельское население, горожане же от ее уплаты освобождались.

Наряду с обычными налогами существовал также ряд специфических, например, налог на торговлю (*negotiatorum collatio*), ремесла (*chrysargyrum*) и другие статьи хозяйства. Сельское население было освобождено от уплаты всех налогов, кроме анноны. Назначенные на провинции налоги распределялись по куриям, и куриалы считались лично ответственными за их поступление в казну.

В связи с колоссальным ростом инфляции Диоклетианом была проведена реформа рыночных отношений. В 301 г. был издан эдикт о твердых рыночных ценах и заработной плате (*Edictum de pretiis rerum venalium*), целью которого было восстановление нарушенного кризисом равновесия между номинальной ценой денег и реальной их стоимостью и между ценами на товары и оплатой труда. В эдикте был представлен список норм или тарифов, продажных цен и оплат труда (*prelia statuta*), за несоблюдение которых полагалось суровое наказание (вплоть до смертной казни). Однако этот эдикт оказался малоэффективным.

До Диоклетиана римская армия состояла из легионов, расквартированных по границам, по пограничным лагерям (*castra*) и крепостям

(castella). В ходе войн III-IV вв. выявились все недостатки подобной организации. Пограничные армии, предоставленные самим себе, были тяжеловесны, плохо вооружены, вращались в свое окружение и с трудом снимались с обжитых мест. К тому же они имели тенденцию постоянно выдвигать из своей среды различных узурпаторов и претендентов на престол. В итоге большая часть функций пограничных войск была возложена на так называемые мобильные, императорские (comitalenses) войска, размещенные во внутренних городах и легко перебрасываемые с одного места на другое. Пограничные войска — лимитаны — продолжали существовать, но по отношению к мобильным они заняли второстепенное положение. Для подкрепления лимитанов на особо опасные участки границ посылались вспомогательные полки, сформированные по типу комитатов и называвшиеся pseudo-comitatenses.

Старые 6-тысячные легионы исчезли, и вместе с ними исчезло в звание legatus legionis. Численность воинских подразделений уменьшилась до 1000 или 500 человек в зависимости от строя и других условий. Назывались они legiones, vexillationes, auxilia, cohortes, alae, cuneis, а также numeris и equites. Командовали ими офицеры в звании трибуна (tribunus) или префекта (praefectus). Заметим, что исчезло и разделение офицерских чинов на низшие — центурионы, и высшие — трибуны, префекты и легаты, доступные только лицам всаднического и сенатского сословий.

Вся империя была разделена на военные округа (дукаты), во главе которых стояли дуксы, — Восток, Фракия, Иллирик и т. д. Это деление не совпадало с административным. Дуксы имели второй ранг и титуловались viri spectabiles.

Верховным главнокомандующим военными силами империи считался император. Во главе армии стояли два высших офицера с титулом magistri militum. Один из них, более высокий по рангу, командовал всей пехотой и именовался magister peditum, другой командовал конницей и назывался magister equitum. Оба имели чин первого ранга и титуловались так же, как и префекты претория, viri illustres. Они занимались всеми работами, связанными с организацией военных действий, снабжением армии и т. д. При Констанции II был назначен еще ряд магистров для командования вооруженными силами отдельных территорий.

Поскольку со времени Диоклетиана император не имел постоянной резиденции, а всегда находился в походе, его двор приобрел статус ставки верховного главнокомандующего, и в этом смысле назывался comitatus. В связи с этим титул comes стал применяться ко всем высшим военным чинам империи, состоявшим при этой ставке, в том числе и к магистрам армии. Специально же комитами назывались офицеры второго ранга (viri spectabiles), постоянно или временно командовавшие соединением не-

скольких отрядов.

В Риме и Константинополе стояли гвардейские части - дворцовые войска (auxilia palatina) и свита императора (protectores domestici), предназначенные для охраны особы императора. Они заменили собой старую преторианскую гвардию, распущенную при Константине.

Ядро римской армии составляли наемные войска, комплектовавшиеся путем добровольного поступления на службу. Только в чрезвычайных ситуациях при недостатке добровольцев прибегали к принудительному зачислению римских граждан и варваров на военную службу. Армия совершенно потеряла свою привлекательность для граждан, и основное ее пополнение происходило за счет варваров, в особенности германского происхождения. Результатом явилась варваризация армии, заметно отразившаяся на ее боеспособности и организации. Уже при Константине большую часть офицерских постов в армии занимали германцы. При Констанции эта тенденция продолжалась.

Лекция 8.

Феодосий Великий:

- а. Происхождение.
- б. Политика императора.
- в. Отношение к церкви.

2. Германский (готский) вопрос в IV веке.

При преемнике Юлиана Иовиане (363-364), убежденном кафолике, христианство было восстановлено. Но это не означало открытия гонений против язычников, опасения которых, при вступлении на престол нового императора, оказались неосновательными. Целью Иовиана было установить в государстве порядок, существовавший до Юлиана. Он объявил свободу совести, разрешил открыть языческие храмы и приносить жертвы. Несмотря на свои убеждения, Иовиан не принимал принудительных мер против других церковных партий. Сосланные при Юлиане представители различных направлений вернулись из ссылки. Иовиан правил всего несколько месяцев, но его деятельность в области церкви оставила немалое впечатление, и арианский историк Филосторгий, отмечает: «Иовиан восстановил в

церквах прежний порядок, избавив их от всех оскорблений, какие нанес им Отступник».

Иовиан внезапно умер в феврале 364 г. Его преемниками стали два брата - Валентиниан I (364-375) и Валент (364-378), которые разделили управление империей. Валентиниан стал правителем западной половины империи, Валенту доверили управлять восточной. Братья в делах веры придерживались разных направлений. Валентиниан был горячим сторонником никейской формулы, Валент был арианин. Но Валентиниана не был нетерпимым, и в его время фактически существовала наилучшая, наиболее гарантированная свобода совести. В начале правления им был издан закон, «на основании которого каждому предоставлялась свободная возможность почитать то, что он имеет в душе». Язычество пользовалось полной терпимостью. Но несмотря на это Валентиниан целым рядом мер показал, что он был христианским государем; так, например, он восстановил привилегии, дарованные духовенству Константином Великим. По иному пути пошел Валент. Сделавшись сторонником арианского направления, он нетерпимо относился к другим христианам, и хотя его гонение не отличалось особой суровостью и систематичностью, тем не менее население восточной половины империи переживало при нем очень тревожные времена.

Во внешних делах братьям пришлось вести упорную борьбу с германцами. Валент преждевременно погиб во время своей кампании против готв. На Западе Валентиниану I наследовали его сын Грациан (375-383) и одновременно провозглашенный войском сводный брат последнего, четырехлетний Валентиниан II (375- 392). После же смерти Валента (378 г.) Грациан назначил августом Феодосия, которому поручил управление восточной половиной империи и Иллирик.

Если не считать безвольного и юного Валентиниана II, не игравшего роли, но склонного к арианству, государство при Грациане и Феодосии твердо встало на сторону никейского символа. Особенно крупное значение имел в этом вопросе государь восточной половины империи Феодосий, прозванный Великим (379-395).

Фамилия Феодосия выдвинулась во второй половине IV века благодаря его отцу, также Феодосию, который был одним из блестящих полководцев на Западе во время Валентиниана I. До получения им высокого ранга августа Феодосий лишь слегка интересовался христианством, однако на следующий год после назначения он был крещен в Фессалонике православным епископом города Асхолием.

На долю Феодосия выпало две трудные задачи: 1) установить единство внутри империи, раздираемой религиозными смутами благодаря существованию многочисленных религиозных партий разнообразных направле-

ний и 2) спасти империю от упорного натиска варваров-германцев, а именно готов, которые ко времени Феодосия грозили самому существованию государства.

Как известно, при предшественнике Феодосия на Востоке, Валенте, арианство играло преобладающую роль. С его смертью, особенно при временном до избрания Феодосия отсутствии власти, религиозные споры снова разгорелись и принимали иногда очень грубые формы. Особенно отзывались эти тревожные настроения Восточной церкви в Константинополе. Догматические споры, выйдя за пределы тесного круга духовенства, захватили все тогдашнее общество, проникли в толпу, на улицу. Вопрос о природе Сына Божия, уже с половины IV века, с необыкновенной страстностью обсуждался повсюду: на соборах, в церквях, во дворце императора, в хижинах отшельников, на площадях и рынках. Григорий Нисский, не без сарказма пишет о создавшемся положении следующее: «Все полно таких людей, которые рассуждают о непостижимых предметах, - улицы, рынки, площади, перекрестки; спросишь, сколько нужно заплатить оболгов, - (в ответ) философствуют о рожденном и нерожденном; хочешь узнать о цене хлеба, - отвечают: Отец больше Сына; справишься, готова ли баня, - говорят: Сын произошел из ничего».

При вступлении на престол Феодосия обстоятельства изменились. Прибыв в Константинополь, он предложил арианскому епископу отречься от арианства и примкнуть к кафолицизму. Однако, епископ отказался исполнить волю Феодосия и предпочел удалиться из столицы за городские ворота, где и продолжил арианские собрания. Все константинопольские церкви были переданы православным.

Перед Феодосием стоял вопрос об урегулировании отношений с еретиками и язычниками. Еще при Константине Великом кафолическая (т. е. вселенская) церковь (*ecclesia catholica*) противопоставлялась еретикам (*haeretici*). При Феодосии же отличие кафолика от еретика было окончательно установлено законом, а именно: под кафоликом стал разумеется сторонник никейской веры; представители других религиозных направлений были еретиками. Язычники (*pagani*) стояли особо.

Объявив себя убежденным никейцем, Феодосий открыл ожесточенную борьбу с еретиками и язычниками; причем наказания, налагаемые на них, постепенно усиливались. На основании указа 380 г. только те, кто согласно апостольскому наставлению и евангельскому учению верят в единое Божество Отца, Сына и Св. Духа, должны называться кафолическими христианами; все же прочие, эти «сумасбродные безумцы», придерживавшиеся «позора еретического учения», не имели права называть свои собрания церквями и должны были подвергнуться строгим наказаниям. Этим указом Феодосий, по словам одного исследователя, «первый из государей

от своего лица, а не от лица Церкви, регламентировал кодекс христианских истин, обязательных для подданных». Несколько указов Феодосия запрещают еретикам все религиозные собрания публичного или частного характера; допускались только собрания православных, которым должны быть переданы церкви в столице и во всем государстве. Еретики подвергались серьезным ограничениям в гражданских правах, например в области завещаний, наследства.

Желая внести мир и согласие в христианскую церковь, Феодосии созвал в 381 году в Константинополе Вселенский собор при участии представителей восточной церкви. Ни об одном из вселенских соборов мы не имеем столь скудных известий; деяния (акты) его неизвестны. О нем более подробно мы говорили в курсе ОЦИ 1 года обучения.

Второй же собор установил для константинопольского патриарха право чести в отношении римского епископа. Третий канон собора гласит: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести после римского епископа, так как Константинополь есть новый Рим». Итак, константинопольский патриарх занял среди патриархов второе место после римского епископа; с подобным отличием его не могли сразу согласиться другие, более древние восточные патриархи. Интересно отметить аргументацию третьего канона, который определяет церковный ранг константинопольского епископа гражданским положением города, как столицы империи.

Избранный на константинопольскую епископскую кафедру Григорий Назианзин (Богослов), игравший видную роль вначале правления Феодосия в столице, скоро вынужден был оставить кафедру и удалился с собора, а затем и из Константинополя. На его место был избран Нектарий, человек светский, не обладавший глубокими богословскими познаниями, но умевший ладить с императором. Нектарий и сделался председателем собора. Летом 381 года собор окончил свои заседания.

Что касается отношения Феодосия вообще к духовенству, т. е. духовенству католическому, то он сохранял, а иногда и расширял привилегии епископов и клириков в области личных повинностей, суда и т. д., дарованные им при предшествовавших императорах; причем он старался, чтобы подобные привилегии не отзывались вредно на государственных интересах. Так, одним эдиктом Феодосии наложил на церковь несение чрезвычайных государственных повинностей (*extraordinaria munera*). Причем был ограничен обычай, ввиду частых злоупотреблений, прибегать к церкви, как убежищу, спасавшему преступника от преследования власти; например, государственным должникам было запрещено искать спасения от долгов в храмах, а духовенству скрывать их.

Феодосии, стремившийся самовластно распоряжаться церковными делами и вообще успевавший в этом, столкнулся, однако, с одним из выдающихся представителей западной церкви, с епископом медиоланским Амвросием, из-за избиения в Фессалонике. В этом многолюдном и богатом городе, благодаря бестактности начальника германцев, многочисленные отряды которых были там расквартированы, произошел мятеж населения, выведенного из себя насилием варваров. Германский начальник и многие германцы были перебиты. Разгневанный Феодосий, расположенный к германцам, которых он принимал в свои войска, отомстил Фессалонике кровавым избиением ее жителей, без различия пола и возраста; приводили в исполнение приказ императора германцы. Но этот ужасный поступок Феодосия не прошел даром и для него. Амвросий отлучил от церкви императора, который, несмотря на свою власть и могущество, должен был всенародно исповедать свой грех, смиренно выполнить наложенную на него Амвросием епитимью и не носить во время нее царских облачений. Феодосии и Амвросий являлись представителями различных точек зрения на отношения между церковью и государством. Первый стоял за господство государства над церковью; второй полагал, что церковные дела лежат вне компетенции светской власти.

Ведя беспощадную борьбу против еретиков, Феодосий предпринял решительные действия и против язычников. Рядом указов император запретил жертвоприношения и гадания по внутренностям жертвенных животных, доступ в языческие храмы; ввиду этого храмы закрывались; их здания иногда служили государственным потребностям. Известен факт разрушения в Александрии знаменитого храма бога Сераписа, Серапия, остававшегося центром языческого культа в этом городе. Последний закон Феодосия против язычников, изданный в 392 году, окончательно запрещавший жертвоприношения, возлияния, воскурение фимиама, развешивание венков, гадания и называвший прежнюю религию языческим суеверием (*gentilicia superstitione*), объявляет всех преступивших данный эдикт виновными в оскорблении величества и религии и грозит строгими карами. Один историк называет эдикт 392 года «похоронной песней язычества». Им заканчивается борьба Феодосия с язычеством.

В западной части империи из борьбы императоров Грациана, Валентиниана II и Феодосия особенно известен факт удаления из здания римского сената статуи Победы. Сенаторы, остававшиеся еще наполовину язычниками, видели в насильственном удалении статуи Победы гибель прошлого величия Рима. К императору был направлен язычник, известный оратор Симмах, с запиской о возвращении статуи в сенат, - с этой, по выражению Ф. И. Успенского, «последней песней умирающего язычества, которое робко и жалобно просит милости у юного императора (т. е. у Валентиниана II) в пользу религии, которой его предки обязаны славой и Рим - своим величием». Миссия Симмаха не удалась: победу одержал епископ медиоланский

Амвросий. В 393 году в последний раз были отпразднованы Олимпийские игры. В числе других античных памятников знаменитая статуя Зевса работы Фидия была перевезена из Олимпии в Константинополь.

Религиозная политика Феодосия отличается от таковой же политики его предшественников. Последние, встав на сторону того или другого христианского направления, или язычества, как Юлиан, все-таки придерживались в известной степени терпимости по отношению к другим направлениям; *de jure* равенство религий существовало. Феодосий встал на иную точку зрения. Избрав никейскую формулу как единственно правильную, он утвердил ее законом, наложив полный запрет на другие религиозные направления в христианстве и на язычество. В лице Феодосия на римском престоле сидел император, считавший церковь и религиозные убеждения своих подданных входящими в область его полномочий. Несмотря на все это Феодосию не удалось разрешить религиозный вопрос так, как он желал, т. е. создать единую церковь. Религиозные споры, не только продолжаясь, но и умножаясь и разветвляясь, создали в V веке условия для бурной и кипучей религиозной жизни. В отношении же язычества Феодосий одержал полную победу. При нем было, действительно, торжество христианства. Язычество, потеряв всякую возможность так или иначе проявлять открыто свои религиозные чувства, окончило свое существование как организованное целое. Язычники, конечно, остались; но это были уже отдельные семьи, отдельные лица, хранившие в тайне дорогие им заветы умершей религии.

Известную афинскую языческую школу Феодосий не тронул; она продолжала существовать, поддерживая знакомство слушателей с произведениями античной литературы.

Жгучим вопросом в конце IV века для империи был вопрос германский, а именно готский.

В силу каких-то не вполне еще выясненных причин готы, жившие в начале христианской эры на южном берегу Балтийского моря, передвинулись, вероятно, в конце II века, оттуда на юг в пределы современной южной России, дошли до берегов Черного моря и заняли пространство от Дона до нижнего Дуная. Днестр разделял готов на два племени: на восточных готов, остготов, или остроготов, и западных готов, вестготов. Будучи, как и другие германские народы той эпохи, настоящими варварами, готы на юге России попали в благоприятные культурные условия. Как известно, все северное побережье Черноморья задолго до н. э. было покрыто богатыми культурными центрами, греческими колониями, влияние которых заходило, судя по археологическим данным, довольно далеко вглубь страны на север и давало себя чувствовать и в христианское время. В Крыму находилось богатое и культурное Боспорское царство. Очутившись под некоторым влиянием античной культуры в местах своего нового поселения и вступив, с другой

стороны, в длительное соприкосновение с Римской империей на Балканском полуострове, готы в позднейшую эпоху своего появления в Западной Европе были народом, в культурном отношении, конечно, превосходившим других своих германских сородичей, которые выступили на арену своей исторической жизни на Западе в состоянии полного варварства.

Деятельность готов, обосновавшихся в степях современного нашего юга, была направлена во II веке по двум путям: с одной стороны, их влекло море и представлявшаяся возможность предпринимать морские набеги на прибрежные местности; с другой стороны, на юго-западе готы подошли к римской границе на Дунае и столкнулись с империей.

Утвердившись на северном берегу Черного моря и овладев в половине III века Крымом и расположенным на нем Боспорским царством, готы на многочисленных боспорских судах в течение второй половины III века предприняли длинный ряд грабительских набегов. Они неоднократно разоряли богатое прикавказское и малоазиатское побережье, по западному берегу Черного моря заходили в Дунай и, пересекши море, через Босфор, Пропонтиду (Мраморное море) и Геллеспонт (Дарданеллы) проникли в Архипелаг. На пути подверглись ограблению Византий, Хрисополь (на азиатском берегу, против Византия; теперь Скутари), Кизик, Никомедия и острова Архипелага; на этом готские пираты не остановились: они напали на Эфес, Солунь и приплыли к берегам Греции, где предали разорению Аргос, Коринф и, по всей вероятности, Афины; к счастью, драгоценные памятники античного искусства в последнем городе уцелели. Острова Крит, Родос и даже лежащий в стороне Кипр также подверглись готским набегам. Но все эти морские экспедиции ограничивались лишь грабежом и разорением, после чего готские суда возвращались на северные берега Черного моря. Многие же из этих грабительских шаяк, высаживавшихся на берегах, были уничтожены или захвачены римскими войсками.

Несравненно серьезнее по результатам были сухопутные отношения готов к империи. Готы, воспользовавшись смутами III века в империи, еще в первой половине этого столетия начали переходить Дунай и вторгаться в пределы римского государства. Император Гордиан обязался даже платить им ежегодную дань. Но это не помогло. Вскоре готы снова вторглись в римские пределы и наводнили Македонию и Фракию. Выступивший против них император Деций пал в битве (251 г.). В 269 году императору Клавдию удалось нанести готам сильное поражение при Наиссе (Нише); император захватил много пленных, из которых одну часть он принял в войско, другую часть поселил в качестве колоннов в обезлюдивших римских областях. За свою победу над готами Клавдий получил прозвание Готского (Gothicus). Но уже временный восстановитель империи Аврелиан (270-275) вынужден был уступить варварам Дакию, а ее римское население водворить в Мезии. В IV веке готы нередко упоминаются в римских войсках. По словам историка

Иордана, отряд готов верно служил римлянам во время царствования Максимиана. Хорошо известно, что служившие в войске Константина Великого готы помогали ему против Лициния. Наконец, с тем же Константином вестготы заключили договор, по которому обязывались поставлять империи для борьбы с различными народами 40.000 воинов. Готский отряд был в войске Юлиана.

В III веке среди готов, а именно среди крымских готов, начинает распространяться христианство, проповеданное там, вероятно, христианскими пленниками из Малой Азии, которых готы захватывали во время своих морских набегов. На первом Вселенском соборе в Никее (325 г.) уже присутствовал готский епископ Феофил, подписавший никейский символ. Просветителем других готов явился в IV веке Ульфила (Вульфила), по происхождению, может быть, грек, но родившийся на готской земле, который прожил некоторое время в Константинополе и был там посвящен в епископы арианским епископом. Вернувшись к готам, Ульфила в течение нескольких лет проповедовал среди них христианство (арианство); чтобы готы легче могли ознакомиться с книгами Священного Писания, он, при помощи греческих букв, составил готскую азбуку и перевел на готский язык Библию. Арианство, принятое готами, имело для последующей их истории важное значение, так как во время их позднейшего утверждения в пределах римского государства мешала им слиться с туземным населением, которое придерживалось православия. Крымские готы оставались православными.

Мирные отношения готов с империей прекратились в 375 году, когда вторглись из Азии в Европу дикие гунны. Они были диким народом монгольской расы. Гунны нанесли жестокое поражение восточным готам, т. е. остготам, и в своем дальнейшем натиске на запад, уже вместе с покоренными остготами, стали сильно теснить вестготов, которые, будучи пограничным народом с империей и не будучи в состоянии оказать сопротивления гуннам, истребившим громадное их число вместе с женщинами и детьми, должны были силой обстоятельств перейти границу и вступить на территорию римского государства. Источники сообщают, что готы стояли на северном берегу Дуная, с плачем умоляя римские власти о разрешении переправиться через реку. Варвары соглашались, с соизволения императора, расселиться по Фракии и Мезии для возделывания земли, обещали поставлять ему войско и обязывались повиноваться велениям императора, подобно его подданным. К императору в этом смысле было отправлено посольство. Большая часть римского правительства и военачальников очень сочувственно относились к возможному поселению готов, видя в этом полезное для государства пополнение земледельческого населения и увеличение состава войск: новые подданные будут защищать империю; коренные же жители провинций, подлежавшие до тех пор ежегодному набору, будут вместо этого вносить в казну денежный налог, что умножит государственные доходы.

Эта точка зрения восторжествовала, и готы получили разрешение переправиться через Дунай. Так были приняты в пределы империи 400 или 500 тысяч варваров, около половины которых могли носить оружие. Если даже уменьшить только что приведенную цифру поселенных в Мезии готов, все-таки число их окажется очень значительным. Первое время варвары жили спокойно. Но постепенно в их среде стало расти недовольство и раздражение против римских начальников и чиновников, которые, утаивая часть денег, назначаемых на пропитание поселенцев, кормили их плохо, притесняли, оскорбляли их жен, обижали детей; многих из них переправили на жительство в Малую Азию. Жалобы готов не имели успеха. Тогда возмущенные варвары подняли восстание и, призвав к себе на помощь отряды аланов и гуннов, пробились во Фракию и двинулись к Константинополю. Император Валент, воевавший в это время с Персией, при получении известия о готском восстании прибыл из Антиохии в Константинополь. В происшедшем сражении у Адрианополя (378 г.) готы нанесли сильное поражение римской армии; сам Валент пал в битве. Казалось, что дорога к столице для готов была открыта. Но они, очевидно, не имели общего плана нападения на империю. Преемник Валента Феодосий сумел при помощи отрядов из тех же готов разбить варваров и остановить их грабежи. Это показывает, что в то время как одна часть готов воевала с империей, другая согласна была служить в ее войске и биться со своими соплеменниками. После победы Феодосия, по словам языческого историка V века Зосима, «во Фракии установилось спокойствие, так как находившиеся там варвары погибли». Таким образом, победа готов при Адрианополе не позволила им утвердиться в какой-либо области империи.

Но зато с этого времени германцы начинают проникать в жизнь империи мирным путем. Феодосий, понимая, что войной он не в силах будет сломить поселенных на его территории варваров, пошел по пути мирного сближения с ними, приобщения их к римской культуре и, что особенно важно, привлечения их в ряды войска. Мало-помалу войска, на обязанности которых лежала защита империи, превратились в своей большей части, по своему составу, в германские дружины. Германцы должны были очень часто оборонять империю против своих же германских соплеменников. Готское влияние проникло в высшее командование армией и в администрацию, где наиболее ответственные и высокие посты поручались германцам. Феодосий, видя спасение и покой империи в своей германофильской политике, не понимал той опасности, которая при дальнейшем усилении варварского германизма в жизни империи может угрожать самому ее существованию. Ненадежность подобной политики, особенно в области военной обороны страны, также, по-видимому, не была ясна для Феодосия. Между тем готы, усвоив римское военное искусство, римскую тактику, приемы борьбы, вооружение, становились грозной силой, которая в любой момент могла поднять оружие против империи. Местное греко-римское население, отодвинутое как в общественной, так и в частной жизни на второй план, было очень

недовольно подобным германским засильем. Росло антигерманское движение, которое могло привести к серьезным внутренним осложнениям.

В 395 году Феодосии умер в Медиолане, откуда набальзамированное тело умершего императора было перевезено в Константинополь и погребено в храме Апостолов. Феодосии оставил двух юных и слабовольных сыновей, признанных наследниками, Аркадия и Гонория. Аркадий получил в управление восточную часть империи. Гонорий - западную. За свои великие заслуги в пользу христианства в его борьбе с язычеством Феодосии получил в истории прозвание Великого.

Лекция 9.

План:

Аркадий и Гонорий.

- а. Ситуация вокруг Аркадия. Его опекуны.
 - б. Ситуация вокруг Гонория . Его опекуны.
2. Разрешение готского вопроса.
 - а. Евтропий и Гайна.

17 января 395 года в Милане скончался император Феодосий, и верховная власть перешла к его старшему сыну, Аркадию, на Востоке, и младшему, Гонорию, на Западе. С тех пор эти две половины единого политического целого не объединялись.

Аркадию было всего 17 лет, когда он вступил на престол. Еще в 6-ти летнем возрасте он был объявлен августом и соправителем (16 января 383 года. Это совершилось в Евдоме по примеру, данному Валентинианом. Гонорий был объявлен цезарем в 393 г. Также в Евдоме), три раза оглашалось его имя в звании консула, Феодосий брал его с собой в поход против остготов и сделал участником триумфального возвращения в столицу. «Малого роста, сухощавый, слабосильный, он имел смуглый цвет лица; вялость его души обличал характер его речи и свойство глаз, которые смыкались сонливо и болезненно». Так описывает наружность молодого императора Филосторгий (*Philoslog.* 11. 3. Весьма резкий отзыв о слабом умст-

венном развитии Аркадия дает также историк Зосим—5, 28). Риторическое образование Аркадий получил от знаменитого тогда греческого ритора Фемистия, а религиозное воспитание от дьякона Арсения Великого, который впоследствии удалился в Нитрийскую пустыню.

Младший сын Феодосия, Гонорий, император Запада, был тогда еще мальчиком десяти лет. Руководителем слабого Аркадия Феодосий оставил Руфина, который занимал с 393 года пост префекта претория. Руфин был родом из города Элузы в провинции Новемпопулана, в южной Галлии. Это был человек с большим самосознанием, представительной наружности, с живой и бойкой речью, честолюбивый и тщеславный, как его характеризовали современники. Обладая огромным состоянием, он отличался страшным корыстолюбием. Опекун над младшим сыном Феодосии поручил своему боевому сподвижнику Стилихону. Вандал по происхождению, сын заслуженного генерала римской армии, Стилихон с 392 года занимал пост магистра армии и по смерти Феодосия был главнокомандующим всех военных сил западной половины империи. Желая приблизить его к своему дому, Феодосий выдал за него свою любимую племянницу Серену. Историк Олимпиодор сообщает, будто Феодосий поручил попечению Стилихона обоим своим сыновей, но это свидетельство стоит одиноко и не подтверждается событиями, последовавшими по смерти Феодосия. Опекун Гонория и руководитель Аркадия были между собой в натянутых отношениях, и эта взаимная враждебность сказалась вскоре в тяжких для государства последствиях. Современный свидетель Евнапий делает такое общее замечание о тех временах: «Царями правили люди, опекавшие ид власть, а сами опекуны все время вели между собою войну, не открытой силой и с поднятым оружием в руках, но тайно, не оставляя неиспользованным никакого обмана и коварства».

Властный характер Руфина вызывал вражду к нему в придворных кругах и наиболее ожесточенным врагом его был евнух Евтропий, родом с востока, в детские годы проданный, как раб в столицу империи. Он сумел выдвинуться при Феодосии и занял влиятельный пост препозита царской опочивальни. У Руфина была взрослая дочь, и он надеялся выдать ее за Аркадия, чтобы тем еще более упрочить свое положение.

Евтропий мечтал заменить Руфина при особе императора и сумел предупредить осуществление его плана. Когда Руфин уехал в Антиохию, чтобы наказать комита Востока за личную обиду, Евтропий воспользовался его отсутствием и показал Аркадию портрет одной красавицы. То была Евдоксия, дочь франка, генерала римской армии Баутона, которого Грациан посылал когда-то на Восток на помощь Феодосию против готов. Отец ее уже умер, и она жила в Константинополе в доме вдовы магистра армии Промота, казненного по проискам Руфина. Аркадий влюбился в красавицу, немедленно были сделаны приготовления к свадьбе, и когда Руфин вер-

нулся из Антиохии, ему осталось только присутствовать на торжестве бракосочетания императора (27 апреля 395 года). Таким образом положена была преграда честолюбивым замыслам Руфина.

27 ноября 395 года при встрече императором на Марсовом поле возвращавшихся в Константинополь войск из похода, солдаты зарубили Руфина мечами. А потом носили по городу его отрубленную руку и кричали: «Подайте бедному Руфину». Репутация корыстолюбия и алчности была прочно установлена за Руфином, и городское население встретило весть о его смерти с ликованием.

Убийство Руфина было, очевидно, поручением, которое возложил Стихилион на Гайну, и римский поэт Клавдиан, прославлявший Стихилиона в своих поэмах, вменяет ему в заслугу и это убийство. Константинопольское правительство легализовало это преступление тем, что состояние Руфина было конфисковано. Часть его досталась Евтропию и его приверженцам. В числе имущества, принадлежащего Руфину, были земли, неправильно захваченные им в разных провинциях, владельцы которых из страха перед всемогущим префектом не возбуждали протеста. В Феодосиевом Кодексе сохранился текст указа, изданного по этому поводу и печально характеризующего тогдашние нравы. Ввиду того, что протеста не было, пока был жив Руфин, все такие имущества объявлены были принадлежащими императорской частной казне с заперщением права исков. Жена и дочь Руфина, когда он был убит, бежали в церковь, опасаясь за свою жизнь. Им разрешено было, по их просьбе, переселиться в Иерусалим, где они и проживали, как и многие другие знатные женщины того времени, переселявшиеся в Святую Землю добровольно.

Центральным вопросом государства при Аркадии был вопрос германский.

Поселенные на севере Балканского полуострова вестготы, во главе с их вождем Аларихом Балтой, двинулись в самом начале правления Аркадия в Мезию, Фракию и Македонию, угрожая столице. Благодаря дипломатическому вмешательству Руфина, Аларих отказался от плана идти на Константинополь и устремил свое внимание на Запад, а именно на Грецию. Пройдя Фессалию, он через Фермопилы вторгся в Среднюю Грецию.

В то время в Греции жило еще вообще несмешанное греческое население, каким его знали Павсаний и Плутарх. Язык, религия, обычаи и законы предков, по словам Грегоровиуса, продолжали существовать в городах и селениях, и, если христианство было официально признано господствующей религией и осужденное правительством служение богам было обречено на исчезновение, все же древняя Греция носила еще духовный и

монументальный (благодаря сохранившимся памятникам древности) отпечаток язычества.

Беотия и Аттика были разграблены и опустошены Аларихом. Афинская гавань Пирей была захвачена готами, которые, однако, пощадили Афины. Языческий историк V века Зосим сообщает легенду о том, что Аларих, подойдя с войском к афинской стене, увидел в вооружении богиню Афину Промахос и стоявшего перед стеной троянского героя Ахилла; пораженный этим видением, Аларих отказался от нападения на Афины. Тяжела была участь Пелопоннеса, где вестготы разграбили Коринф, Аргос, Спарту и некоторые другие города. На освобождение Греции выступил Стилихон, высадившийся с войсками в Коринфском заливе на Истмийском перешейке и отрезавший таким образом Алариху обратный путь в Среднюю Грецию. С большим трудом пробился Аларих на север в Эпир, и император Аркадий не постыдился удостоить истребителя его провинций высоким военным саном магистра армии в Иллирике (*magister militum per Illyricum*). После этого Аларих уже перестает угрожать восточной части империи и направляет главное внимание на Италию.

Помимо готской опасности на Балканском полуострове и в Греции, готское преобладание чувствовалось со времени Феодосия Великого особенно сильно в столице, где наиболее ответственные места в армии и многие из высоких постов в администрации находились в германских руках. В момент вступления Аркадия на престол наибольшим влиянием пользовалась в столице германская партия, во главе которой находился один из главных начальников императорского войска гот Гайна; около него сплотились военные люди преимущественно готского происхождения и представители местного германофильства. Слабой стороной этой партии было религиозное разногласие, так как готы, как известно, большей частью были арианами. Второй партией в первые годы правления Аркадия можно назвать партию всесильного временщика евнуха Евтропия, окружившего себя различными приспешниками и честолюбцами, которые на первое место ставили устройство при помощи Евтропия своих личных дел и карьеры. Гайна и Евтропий, конечно, ужиться в мире не могли; тот и другой стремились к власти. Наконец, историки отмечают третью партию, враждебную как германцам, так и Евтропию; последнее течение, к которому примыкали сенаторы, служилые люди и большая часть духовенства, может быть охарактеризовано как оппозиция во имя национальной и религиозной идеи против разросшегося варварского и инославного влияния; грубая и корыстолюбивая личность временщика евнуха Евтропия также не могла находить сочувствия в представителях названного направления. Наиболее видным лицом в последней партии можно признать городского префекта Аврелиана.

Многие люди того времени сознавали всю опасность германского преобладания; наконец, само правительство почувствовало германскую грозу.

До нас дошел замечательно интересный документ, ярко рисующий настроение некоторых общественных кругов в германском вопросе; это - записка Синезия «Об императорской власти» или, как ее иногда переводят, «Об обязанностях государя» (*Peri. basileiaV*), поданная или, может быть, даже прочтенная Аркадию. Синезий, из северо-африканского города Кирены, образованный неоплатоник, принявший христианство, отправился в 399 году в Константинополь с ходатайством перед императором о некоторых податных облегчениях для своего родного города. Впоследствии, по возвращении на родину, он был избран епископом североафриканской Птолемаиды. За три года своего пребывания в Константинополе Синезий прекрасно дал себе отчет в германской опасности для империи и составил вышеназванную записку, которая, по словам одного историка, может быть названа антигерманским манифестом национальной партии Аврелиана. «Достаточно будет небольшого предлога, - писал Синезий, - чтобы вооруженные (варвары) сделались господами граждан; и тогда невооруженные будут сражаться с людьми, изоощренными в военной борьбе. Прежде всего надо устранить (иноземцев) от начальственных должностей и лишить их сенаторских званий, так как то, что в древности у римлян казалось и было самым почетным, сделалось, благодаря иноземцам, позором. Как во многом другом, так особенно в этом отношении я удивляюсь нашему неразумию. В каждом доме, маломальски зажиточном, найдешь раба-скифа (т. е. гота); они служат поварами, виночерпиями; скифы же и те, что ходят с небольшими стульями на плечах и предлагают их тем, кто желает на улице отдохнуть. Но недостойно ли крайнего удивления то обстоятельство, что те же самые белокурые и причесанные по эвбейской моде варвары, которые в частной жизни исполняют роль прислуги, в политической являются нашими повелителями? Государю надо очистить войско, как кучу пшеницы, из которой мы отделяем мякину и все то, что, произрастая, вредит настоящему зерну. Отец твой, по своему крайнему милосердию, принял их (варваров) мягко и снисходительно, дал им звание союзников, наделил политическими правами и почестями и наградил земельными пожалованиями. Но варвары не так поняли и оценили благородное с ними обхождение; они увидели в этом нашу слабость, что внушило им дерзкую надменность и самохвальство. Увеличив наш набор и с набором укрепив наш дух и наши собственные войска, восполни в государстве то, чего ему недостает. Против этих людей нужна настойчивость. Или пусть варвары возделывают землю, как в древности мессенцы, бросив оружие, служили илотами (рабами) у лакедемонян, или пусть уходят тем же путем, что пришли, возвещая живущим по ту сторону реки (Дуная), что у римлян более уже нет мягкости и что над ними царствует благородный юноша!»

Итак, главный смысл этого документа заключался в том, что Синезий, понимая опасность, грозившую со стороны готов государству, советовал удалить их из войска, набрать свое, местное войско и после этого превратить варваров в земледельцев, а если бы они этого не пожелали, очистить их территорию римского государства, удалив их за Дунай, т. е. туда, откуда они пришли.

Наиболее влиятельный начальник войска в империи, вышеупомянутый гот Гайна, не мог спокойно сносить исключительного влияния временщика Евтропия, и удобный случай действовать скоро представился. В это время готы, поселенные еще Феодосием Великим в малоазиатской области Фригии, подняли восстание под предводительством своего вождя Трибигильда и разорjali страну. Отправленный против бунтовщика Гайна оказался его тайным союзником. Подав друг другу руки и намеренно допустив поражение высланных против Трибигильда императорских отрядов, они сделались господами положения и заявили императору требование об удалении и выдаче им Евтропия. Против последнего была также очень раздражена супруга Аркадия Евдоксия и партия Аврелиана. Поставленный в безвыходное положение благодаря германским успехам, Аркадий должен был уступить: он отправил Евтропия в ссылку (399 г.). Но это не удовлетворило торжествовавших готов, которые принудили императора вернуть Евтропия в столицу, предать суду и казнить. После этого Гайна потребовал у императора уступки арианам-готам одного из столичных храмов для отправления в нем арианского богослужения. Но этому решительно воспротивился константинопольский епископ Иоанн Златоуст, и Гайна, зная, что на стороне последнего стояла не только вся столица, но и большая часть населения империи, более не настаивал на своем требовании.

Обосновавшись в столице, готы стали полными распорядителями судеб государства. Аркадий и столичное население понимали весь ужас положения. Однако Гайна, несмотря на все успехи, не смог удержаться в Константинополе. Во время отсутствия его в столице там вспыхнуло восстание; многие готы были перебиты. Гайна не смог вернуться в столицу. Воспрянувший духом Аркадий отправил против него верного язычника-гота Фравитту, который разбил Гайну во время попытки последнего переправиться в Малую Азию. Гайна бежал во Фракию, где попал в плен к гуннскому вождю, который, отрубив ему голову, послал ее в виде подарка Аркадию. Таким образом, грозная германская опасность была устранена благодаря германцу же язычнику Фравитте, удостоенному за эту великую услугу консульского звания. Готский вопрос в начале V века был решен в пользу правительства. Позднейшие попытки готов вернуть утраченное влияние уже не имели большого значения.

Лекция 10.

План:

Движение готов и гуннов по Европе в V в.

а. Аттила.

б. Описание путешествия к гуннам Приска Панийского.

2. Падение Западной Римской империи.

а. История «падения».

б. Причины.

Начальные годы V столетия наполнены ужасом и опустошениями, внесенными готами Алариха. Удачный поход на Грецию, богатая добыча, захваченная варварами в этом походе, и знакомство с южными странами - все эти обстоятельства были весьма достаточными мотивами, чтобы захотеть готов снова предпринять движение в культурные области империи. На этот раз Аларих, не довольствуясь Иллириком, достаточно уже истощенным завоевателями, вступил в переговоры со своими соплеменниками, оставшимися на Дунае, и подговорил их предпринять одновременное движение на Италию. С 400 г. готы Алариха и паннонские остготы Ратигера начинают продолжительную 13-летнюю войну за обладание Италией, сделав первую попытку совсем отнять у римлян эту страну. Навстречу варварам выступил Стилихон, достойный соперник Алариха, и заставил их возвратиться. На следующий год повторилось готское движение. Весь народ с женами и детьми шел через Альпы в Северную Италию. Готы прошли по Иллирии и венецианскому побережью, осадили Аквилею и Верону и стали угрожать Милану. В это время Гонорий переезжал из Милана в Равенну, из Равенны в Асти, ища личной безопасности. Стилихон преследовал врагов и дал им два сражения при Вероне и Поллендии, после чего Аларих еще раз принужден был отступить. В высшей степени любопытно отметить, что восточный император совершенно безучастно относился к отчаянной борьбе Стилихона с Аларихом.

Хотя Аларих удалился в Иллирик, но не оставлял замыслов на Италию. Не совсем удачный опыт вторжения в Италию убедил готов в том, что если они придут с большими силами и будут действовать с разных сторон, то задача может быть достигнута. Поэтому ни Стилихон, ни Аларих не считали падежным заключенный в 403 г. мир. Аларих держал сношения с Ратигером. Стилихон спешил поставить на военное положение Равенну, которая с тех пор делается вместо Милана постоянной резиденцией императо-

ра. В 404 г. паннонские остготы под начальством Ратигера тремя колоннами вторглись в Италию. Главный отряд остановился под Флоренцией, передовые колонны ушли далее на юг и были в нескольких переходах от Рима. В Риме началось смятение, но христианская и языческая партии неодинаково относились к угрожавшей опасности, т. к. язычники ожидали от Ратигера восстановления старого культа и подняли голову. Но на этот раз движению варваров положило предел сопротивление, встреченное ими под Флоренцией. Стилихон воспользовался разделением врага и при Фиезоли нанес готам поражение; сам Ратигер попался в плен и был казнен, большая часть захваченных готов обращена в рабство. Отборная дружина Ратигера из 12000 воинов поступила в римскую военную службу, — это была необходимая и весьма бедственная мера, облегчившая для варваров доступ в Италию.

Пока Италия могла считаться могилой варваров, но ненадолго. Движение готов на Италию, соединив здесь римские военные силы, ослабило средства обороны на рейнской границе, которая в 406—407 гг. переходит во власть других варваров, сделавших опыт вторжения в Галлию. Здесь участвуют три народа: вандалы, свевы и аланы. В зиму на 407 г. они по льду перешли Рейн и завладели почти всей Галлией, но, когда британские легионы провозгласили своего императора и начали восстанавливать римскую власть в Галлии, германские завоеватели прошли через Пиренеи в Испанию. В 409 г. Испания была разделена между ними: свевы заняли северо-запад, вандалы - юг, аланы - середину Испании.

Между тем в придунайских провинциях, откуда шло движение, готовлялись новые грозные события. На юге Паннонии и Норика господствовал Атаульф, вождь готов и части гуннов, еще южнее - Аларих. Сестра Атаульфа была замужем за Аларихом, этот родственник союз скреплен был договором насчет нового нападения на Италию. Ввиду угрожающего положения Алариха и с целью сделать его менее опасным Стилихон решил предложить ему союз и уплатить ему 4000 ф. золота. Всматриваясь в тогдашние события, нельзя не оправдать Стилихона за его уступчивость. Но придворная партия взглянула на дело иначе и воспользовалась этим, чтобы заподозрить Стилихона в глазах Гонория. — Против него говорило его варварское происхождение; на этой почве Стилихон имел против себя большую партию завистников и недовольных. Пущены были слухи, что он подкупил Алариха на войну против Восточной империи; другие разглашали, что он прочит своего сына на римский престол. Слабого Гонория легко было убедить в правдоподобности интриги. Стилихон был убит 23 августа 408 г. Но этот крайне бестактный поступок лишь ускорил ход событий. Аларих, ссылаясь на договор и обещание Стилихона, потребовал у Гонория денег и заложников. Когда ему было отказано в том, он предпринял новый поход в Италию. Зимой 408 г. готы подступили к Риму и начали осаждать его. Положение Вечного города было отчаянное, т. к. не было никакой надежды на

помощь извне, а в городе начались болезни и голод, Тогда сенат послал депутацию в лагерь Алариха с просьбой о мире. Гордый варвар потребовал страшно тяжелый выкуп, на уплату которого оказалось нужным переплавить в слитки все драгоценности, какие можно было собрать в древних храмах и в казне. Такой ценой Рим купил себе свободу от готского обложения.

Войска Алариха усилились в Италии громадной толпой рабов и военнопленных германского происхождения, которые горели желанием мстить своим бывшим господам. Кроме того, к нему на соединение шел с Севера Атаульф с остававшимися на Дунае готами. При этих условиях Аларих не желал оставить Италии и предъявил гордые требования к императору Гонорию, требуя титула главнокомандующего имперскими войсками и земель для поселения готов в Северной Италии. Император соглашался па словах, но медлил исполнением своих обещаний. Тогда Аларих снова подступил к Риму и отрезал для пего сношения с Остией, откуда Вечный город снабжаем был припасами. Тогда римский сенат согласился на все требования Алариха и тем на некоторое время купил себе свободу. Предводитель готов Аларих уже мог бы в это время поставить свою власть на место императорской, но он ограничился тем, что назначил нового императора в лице Аттала и от него получил назначение на пост главнокомандующего римских войск — Но Гонорию удалось получить поддержку со стороны одного из предводителей готских дружин, Аттал же не угодил Алариху и был низложен.

В 410 г. Рим в третий раз подвергся тесной осаде. На этот раз город был взят (24 августа) и подвергся страшному опустошению и разграблению, память о котором долго жила в населении. Обремененное богатой добычей, набранной в храмах и богатых домах, готское войско отступило в Кампанию. Аларих питал суеверный страх к Риму и его святыням и спешил удалиться на Юг. Есть основания предполагать, что он хотел вести своих готов в Сицилию и Африку. Но он умер 34 лет от роду, оставив во главе готов Атаульфа.

Атаульф, романизованный варвар, понял, что варварам нельзя прочно устроиться на римской почве, не приняв законов и учреждений культурного общества. Поэтому его главным стремлением было сблизиться с римлянами. Он сватается за сестру императора Гонория и получает ее руку, добивается славы и чести быть «опорой» римского государства и, наконец, по указанию императора ведет своих готов за Альпы, подчиняет империи отпавшую провинцию Галлию и восстанавливает римское господство в Испании. В награду за это готы в 418 г. получили от императора Гонория земли для поселения в Южной Галлии между Гароной и Луарой. Тулуза сделалась столицей вестготского королевства. Так с дальнего востока пришли готы на крайний юго-запад и, наконец, оселись в начале V в. в Аквитании. В

Галлии в то же время утвердились бургунды, в Африку перешли из Испании вандалы. Империя постепенно разлагается под влиянием варварской иммиграции. Окончательный акт падения ее задерживается волею тех же варварских вождей, которые ставят и назначают императоров. Одинаковые явления наблюдаются на Западе и на Востоке, но результаты действия разрушительных элементов не были одинаковы в Западной и Восточной империи.

Чрезвычайно большими потрясениями сопровождалось появление в Европе гуннов. Они своим движением потеснили к Дунаю другие народы. Императору Феодосию Великому удалось на некоторое время предотвратить грозную опасность и устроить дела на дунайской границе.

Гуннская орда с подчиненными ей народами распространилась от Волги до Дуная и некоторое время не угрожала римским провинциям. Гунны разделены были на племена, враждовавшие между собой и находившиеся под властью отдельных ханов. Весьма вероятно, что часть их, переходя за Дунай, принимала участие вместе с готами в набегах на римские области. Но до конца первой половины V в. история гуннов остается весьма мало известной. Имя гуннов приобретает всемирно-историческое значение с тех пор, как один из ханов по имени Ругала перешел за Дунай, занял Паннонию и вступил в непосредственные сношения с императорами Запада и Востока.

Основателем могущества гуннов был Аттила, принявший власть после Ругилы около 433 г. Это был исключительный человек как по своим природным дарованиям, так и по страшным следам, оставленным им в истории. Он был мал ростом, широкоплечий, с большой головой. Имел маленькие глаза, темный цвет лица, плоский нос, редкую бороду. В его медленной походке и важных движениях выражалось сознание силы. Его жестокость с побежденными не знала границ, его называли «бичом Божиим» знавшие его и сохранившие о нем память народы. Гунны верили в его божественное предзнаменование и шли за ним без рассуждений. Соединив под свою власть все племена гуннов, он подчинил себе многочисленные народы германского, скифского и частью славянского происхождения и образовал обширное царство, обнимавшее Среднюю Европу от Волги до Рейна. Много римлян, греков, германцев и славян было на службе у Аттилы, который ценил ум и знания и умел привлекать к себе нужных людей. Первый большой поход предпринял Аттила против Восточной империи. С одной стороны, в 441 г. конные отряды его направились через Армению в Месопотамию и Сирию и навели страх на персов и сирийцев; с другой - он сделал набег на Фракию, Македонию и Иллирию, разрушил множество городов, между прочим, Срем, Ниш, Сардику. Посланные императором Феодосием II войска были разбиты гуннами три раза; они не встречали теперь сопротивления до стен Константинополя и принудили императора купить у

них мир весьма дорогой ценой. — Гуннам уступлена была для поселения значительная область на юг от Дуная и дано обязательство вносить ежегодную обременительную дань в 2100 ф. золота.

Вследствие возникших с этих пор сношений между Восточной империей и гуннами получилась для греков возможность ближе ознакомиться с этим народом и страшным их вождем. В 448 г. — Феодосий II отправил в лагерь Аттилы, расположенный в нынешней Венгрии на р. Тиссе, в местности близ Токая, знатное посольство с Максимином и Приском во главе. Официальная цель посольства заключалась в том, чтобы объяснить Аттиле положение спорного вопроса о перебежчиках и просить его держаться установленных мирных договоров, а другая секретная сторона, даже неизвестная, по-видимому, старшим членам посольства, состояла в том, чтобы сделать попытку умертвить Аттилу. Эта двойная цель, которая оказалась известной Аттиле, поставила посольство в чрезвычайно затруднительное положение, как скоро оно пришло во владения Аттилы. Все возникшие отсюда затруднения и все, что послы увидели и испытали в стане гуннов, составило предмет описания Приска Панийского, участвовавшего в посольстве. Этот литературный памятник — добросовестное описание виденного и слышанного — представляет собой чрезвычайно важный источник для истории половины V в. Особенно важно в нем описание местности, где расположены были становища гуннов, равно как изображение нравов и обычаев народа и двора Аттилы.

Посольство держало путь на Сардику (ныне София), где был роздых, потом на Ниш, который был тогда в развалинах от гуннских набегов. Истр — Дунай переплыли на однодеревках, перевозчиками были варвары. За Дунаем была уже неприятельская земля, где царил Аттила. Далее послы продолжали путь по Паннопии и Угрии. Аттила, находившийся тогда на пути к Дунаю, выслал им навстречу двух скифов, которые и были проводниками византийского посольства. Но когда они были уже близ палаток Аттилы, произошло неожиданное затруднение. Прежде всего их стали расспрашивать о цели посольства, на что они отвечали, что им приказано об этом лично передать Аттиле, а не через посредство других лиц. Но оказалось, что Аттила знает уже о цели посольства и не желает лично принимать послов. Благодаря личным знакомствам, Приску удалось, однако, добиться представления Аттиле. Он сидел в шатре, охраняемом многочисленными воинами, на деревянной скамье — Максимином подошел к нему, вручил ему царскую грамоту и высказал благожелания от имени царя ему и его домашним, на что Аттила двусмысленно ответил: «Пусть с римлянами будет то, чего они мне желают». Затем он в гневе обратился к переводчику посольства Вигиле и выразил ему сильное негодование. Посольству, вообще, пришлось вытерпеть много неприятного, т. к. Аттила был против него предубежден, не верил в искренность Максимиана и Приска и в непричастность их к заговору на его жизнь.

Аттила двинулся дальше, не сделав никакого распоряжения по поводу полученного через посольство письма императора, а византийские послы последовали за ним по Паннонии и Угрии. Они переправлялись через многие реки на лодках - однодеревках и на плотах, которые варвары возят с собой на телегах. В селениях отпускали им в продовольствие просо и напиток, называемый у туземцев мед, служители же получали добываемый из ячменя напиток, называемый кумыс или, может быть, квас, так как кумыс готовится из кобыльего молока. После продолжительного пути послы прибыли, наконец, в столицу Аттилы, которая Приском описана очень подробно. Дворец был построен из бревен и досок, искусно вытесанных, и обнесен деревянною оградой, более служащей к украшению, нежели к защите. После дома царского самый отличный был дом Онигисиев, недалеко была большая баня...

«При въезде в селение Аттила был встречен девицами, которые шли рядами под тонкими белыми покрывалами. Под каждым из этих длинных покрывал, поддерживаемых руками стоящих по обеим сторонам женщин, было до семи или более дев, а таких рядов было очень много. Сии девы, предшествуя Аттиле, пели скифские песни. Близ дома Онигисия вышла навстречу Аттиле супруга первого со служителями, несшими кушанье и вино. Она приветствовала царя и просила его вкусить хлеба и вина. Аттила, сидя на коне, в угождение жене любимца своею ел кушанье из серебряного блюда и отпил вина из чаши и поехал в царский дворец».

Аттила несколько раз принимал у себя византийское посольство и угощал его обедом. «Когда послы пришли в назначенное время, виночерпий подал им чашу. Выпив из чаши, они сели на скамьи, которые стояли у стен комнаты по обе стороны. Аттила сидел на ложе в середине комнаты; позади находилась постель, закрытая пестрыми занавесками. Онигисий сидел на скамье по правую сторону от Аттилы, послы по левую; Против Онигисия сидели два сына Аттилы, а старший его сын сидел рядом с ним, на краю ложа с опущенными вниз глазами. Когда все расселись, виночерпий подошел к Аттиле и поднес ему чашу с вином. Аттила, взяв чашу, приветствовал того, кто сидел первым в ряду. Тот, кому была оказана честь приветствием, вставал и садился не прежде, как Аттила передавал виночерпию чашу. После того, как всем была оказана честь, виночерпии вышли. Затем подавались яства. Подле Аттилы поставлены были столы на несколько человек с кушаньями, так что ближайšie к нему гости могли брать кушанья прямо со своих мест. Для каждого гостя особый служитель вносил блюдо и ставил перед ним. Вообще замечалось, что роскошные блюда подавались гостям, а сам Аттила довольствовался весьма простыми. С наступлением вечера были зажжены факелы, и начались развлечения. Варвары пели песни, в которых превозносились доблести Аттилы и победы его над врагами. Другие тешились стихотворениями и воспоминаниями о битвах. Наконец, выступил шут или юродивый, который говорил вздорные вещи и всех

насмешил». Через несколько дней посольство получило разрешение возвратиться.

В описании Приска некоторые черты заслуживают особенного внимания. Прежде всего следует вспомнить, что занятая гуннами земля, по которой держало путь византийское посольство, вскоре затем становится славянским достоянием. Но весьма может быть, что гунны нашли уже здесь славян и покорили их своей власти. С этой точки зрения сообщения Приска об образе жизни населения занятой гуннами страны приобретают исключительный интерес. Таково устройство домов, приготовление напитка из ячменя, в котором нельзя не видеть кваса, в особенности хоровод и песни девушек при встрече Аттилы. Кроме того, нельзя не обратить внимания на одно место у Приска, где характеризуется общее культурное состояние гуннской державы по отношению к Византии. Случайно Приск встретил в лагере Аттилы одного, судя по платью и стрижке волос на голове, скифа, который сказал ему обыкновенное между греками приветствие на греческом языке. Приска заинтересовал этот варвар, и он вступил с ним в разговор. Оказалось, что это был чистый грек, попавший по торговым делам в город Виминакий (может быть, Костолач) и там взятый в плен гуннами; что он был зачислен в военную службу, сражался с римлянами, отличился в войне и получил свободу. Но когда затем, уже сверх всякою ожидания для Приска, этот собеседник стал выхвалять гуннские порядки сравнительно с римскими и находил настоящее свое состояние под властью Аттилы лучше и спокойней, чем прежнее в Римской империи, то этим признанием Приск был крайне изумлен и до известной степени оскорблен в своем патриотизме и попытался выведать из своего собеседника: чем именно так подкупают его гуннские порядки? Из разговора выяснилось, что иностранцы пользуются в гуннском царстве полной свободой и неприкосновенностью, между тем как римские граждане подвергаются, с одной стороны, постоянным набегам внешних врагов и потому вполне беззащитны, а с другой стороны, если нет войны, то положение их чрезвычайно тяжело от непосильных налогов, взимаемых несправедливо и в нарушение закона, а равно от подкупного и пристрастного суда, в котором пострадавший никогда не найдет правосудия, если не подкупит судью и его помощников. Приск старался с своей точки зрения оправдать культурные порядки римского государства и указывал на римский закон, обеспечивающий права, свободу и имущественное положение гражданина. Но защита его оказалась слаба, т. к. он отстаивал идеальное культурное государство и принцип законности, а его собеседник стоял на практической почве применения закона и защищал жизненные интересы обывателя. Он ответил на страстную речь Приска; «Да, законы хороши, и римское государство прекрасно устроено, но начальники вредят ему, так как они не похожи на древних».

Нет сомнения, что против разрушительных элементов, внесенных варварами, в Западной империи было менее противодействия, чем в Вос-

точной. Аттила получил наименование «бича Божия» среди германских народов — Его попытки распространить завоевания на Востоке встретили упорное сопротивление, с которым он не мог не считаться. С подобным же сопротивлением должны были иметь дело и другие варвары и завоеватели, вследствие чего Восточная империя продолжала существовать в средние века, когда на место Западной явились уже новые народы, образовавшие новые государства.

Но самый сильный удар готовил империи Аттила. В 450 г. он предпринял поход на Запад с войском, которое равнялось полумиллиону. Гунны двигались по Средней Европе по направлению к Рейну, опустошая все на пути и наводя всюду страх и ужас. Близ Вормса они разбили бургундов и уничтожили Бургундское королевство, затем опустошили Галлию до Луары. Близ Шалона на Марне на Каталаунских полях сошлись гунны с римскими войсками, предводимыми Аэцием (451). Здесь произошла знаменитая битва народов, окончившаяся поражением Аттилы. Ослабленный потерей многочисленных воинов, Аттила, однако, не считал проигранным свое дело. В следующем году он начал поход в Северную Италию. Прежде всею подверглась осаде Аквилея, которая взята была приступом, беспощадно разграблена и разрушена; та же участь постигла многочисленные города по р. По. Дальнейшей целью Аттилы был город Рим, и эта цель была, по-видимому, легко достижима, т. к. в Италии не было для Аттилы соперника: Аэций не имел достаточных сил для сопротивления Аттиле, восточный же император не присылал помощи. В лагерь Аттилы, расположенный близ Гардского озера, явилось римское посольство с папой Львом и сенатором Авиеном во главе. Этому посольству удалось убедить Аттилу удовольствоваться громадным, правда, выкупом и оставить намерение идти на Рим. Гунны действительно чувствовали себя в Италии не совсем удобно: в непривычном климате они часто болели, в лагере начались опасные симптомы, которые побудили Аттилу согласиться на сделанные предложения. Отступление гуннов было счастьем для Италии, которое народ приписывал чудесному посредничеству апостола Петра. Вскоре по возвращении в свой лагерь на Тиссе Аттила умер в 453 г., и основанное им царство распалось. Завоеванные им и бывшие под его властью народы получили свободу и стали организоваться в самостоятельные племенные группы.

Но это не изменило хода исторических событий, приближавших Западную империю к роковому концу. Императорский трон сделался игрушкой военных партий и переходил от одного лица к другому по игре случая и по капризу предводителей иноземных отрядов. Если варварские вожди не присваивали себе титула императора, то это не потому, чтобы представлялись к тому препятствия, а единственно из суеверного страха к императорскому имени. Из этих варварских вождей, управлявших империей посредством ими же самими назначенных императоров, отметим после Аэция свева Рицимера, Ореста, происходившего из Паннонии, и, наконец, скифа, или

ругийца, Одоакра. Рицимер, опираясь на германские отряды, распоряжался в империи вполне самостоятельно, ставил и низвергал императоров; при нем было таковых пять: Авит, Майориан, Север, Анфемий и Олибрий. Женившись на дочери Анфемия, Рицимер, по-видимому, замышлял для своего потомства очистить дорогу к престолу, но это не удалось. Следует заметить, что до смерти Рицимера в 472 г. константинопольский император утверждал своим согласием каждое избрание на престол Западной империи, а что касается Анфемия, то он был прямо назначен восточным императором Львом I. В последние годы жалкого существования Западной империи возвышается Орест, бывший прежде секретарем у Атиллы. Он прекрасно знал военное дело и хорошо изучил характер варваров, поэтому был весьма полезным в совете императоров и пользовался большим их доверием. Имея звание начальника отряда доместиков, он заведовал набором военных людей в императорское войско и достиг неограниченного влияния. Не один раз он мог бы возложить на себя корону, и, в конце концов, последним римским императором был Ромул, сын Ореста. В течение последних 20 лет от смерти Валентиниана III (455—475) девять императоров занимали престол.

Между тем варварские отряды из разных племен, стоявшие в укрепленных лагерях в Лигурии, заявили требование трети итальянских земель для поселения — Орест отказался исполнить это требование, чем вызвал последний акт давно подготовлявшейся драмы. Тогда 23 августа 476 г. выступает Одоакр из племени скифов, принявший начальство над недовольными варварами. Орест был взят в плен и умерщвлен. Союзное ополчение варваров провозгласило Одоакра своим королем и затем захватило в Равенне последнего императора, малолетнего Ромула Августула, которому назначена была пенсия и определено жить на частном положении в одном из замков в Кампании. Так совершился переворот, называемый обыкновенно «падением Западной Римской империи», — в свое время в самой Италии никого не поразивший неожиданностью, но по своим ближайшим последствиям получивший всемирно-историческое значение.

Можно, впрочем, видеть, что переворот 476 г. существенно отличался от обыкновенной смены лиц на престоле западного императора. Прежде шла речь больше о личном влиянии, в настоящее время существенно затронут был социальный и политический принцип, на котором основывались римское государство. Германские военные дружины перестают быть наемными войсками на службе империи, становятся собственниками части итальянской территории и приобретают из подчиненного господствующее в стране положение, стремясь, вместе с тем, организовать по своим законам и обычаям на землях, отнятых от римских граждан. Наступивший здесь с конца V столетия полицейский и социальный порядок перестает быть древнеримским.

Причины падения империи лежали в ее истощении, а оно было вызвано внешними и политическими причинами. Очень вредными последствиями сопровождалось деление империи на две половины, ибо Восток часто употреблял злые козни, мало оказывал помощи, а его надменное вмешательство только усиливало смуту. И уже по вине Запада хозяйственная и социальная болезнь дошла до смертельного исхода. Востоку было легче с ней справиться, потому что он географически расположен благоприятней, значительно богаче и более населен. а главным образом оттого, что более способные императоры поддерживали государственный строй. Ничтожество Гонория и Валентиниана, совершенно лишенных военных дарований своих предшественников, было ближайшей причиной падения. Они допустили чрезмерное влияние предводителей германских дружин, которые, заботясь лишь о собственных интересах, не в состоянии были заменить действительных императоров, и их насилия только умножали бедствия. Предстояли весьма важные задачи к разрешению; уже к началу V в. состояние Италии было критическим. Полуостров все менее давал солдат и был поставлен в необходимость, ввиду того, что лишенные защиты провинции опустошаемы были варварами и занимаемы самозванными императорами, тратить свои силы на эти самые провинции вместо того, чтобы из них получать средства, Самым тяжким ударом была утрата Африки, как следствие того, что империя пренебрегала своими морскими силами. Теперь вандальские пираты воспользовались преимуществами морских сношений. Прекратилась торговля, а с тем вместе стали страдать доходы. На Западе и в других отношениях условия были хуже, чем на Востоке.

Новые ошибки усилили до крайней степени действие старых. Страшно пришлось поплатиться за то, что прежние императоры открыли германцам такой свободный доступ в войско и в империю. Из двух зол нужно было выбирать меньшее: либо лишить землю рабочих через, сильные наборы рекрутов, либо допустить сильную иммиграцию иностранцев, выбрано было второе. Слабость правительства делала надменными наемников, пока им не наскучивала служба. Туземное население, отвыкнув от самостоятельности, не имело сил подняться; только в редких случаях городское население вставало на защиту от варваров. Во многих местах низший класс даже был рад, что германская колонизация уменьшала или отменяла государственные налоги. Священный и почтительный страх перед именем империи пропал, как скоро она не исполняла своей задачи, и всякая идея власти уничтожается, где нет для нее необходимости. Напротив, германцы защищали занятые ими области против новых пришельцев и чрез это становились необходимыми.

План:

Опекунство персидского царя Йездигерда.

Деятельность август Пульхерии и Афинаиды-Евдокии.

Характер и политика Феодосия II Младшего.

Богословские споры, III Вселенский Собор и появление монофизитства.

Деятельность и влияние блаж. Августина.

Иоанн Златоуст на Константинопольской кафедре.

После падения Западной империи носителем императорского титула оставался малолетний Феодосий II, стоявший во главе Византийской империи почти всю первую половину V в.

Вступив в 7 лет на престол, Феодосий уже по малолетству не мог управлять делами огромной империи. По свидетельству некоторых источников, Аркадий в своем завещании назначил своему малолетнему преемнику Феодосию в качестве опекуна персидского царя Йездигерда, из боязни, как бы константинопольские придворные не лишили Феодосия престола. Персидский царь свято соблюдал возложенную на него Аркадием обязанность и при помощи своего уполномоченного оберегал Феодосия от происков окружавших его лиц. Многие из ученых отвергают достоверность этого рассказа; но другие находят, что в нем нет ничего неправдоподобного.

Такие отношения между двумя империями объясняют непривычно благоприятный статус христианства в Персии во время царствования Йездигерда I. Персидская традиция, которая отражает умонастроение магов и знати, называет Йездигерда «отступником», «безнравственным», другом Рима и христиан и преследователем магов. Христианские же источники восхваляют его за доброту, мягкость и иногда даже заявляют, что он был готов обратиться в христианство. На деле же, конечно, Йездигерд I, оценил, сколь велико значение христианского элемента в его империи для его собственных политических планов. В 409 г. он официально гарантировал христианам открыто отправлять культ и восстанавливать церкви. Некоторые историки называют этот декрет Миланским эдиктом для сирийской церкви.

В 410 году собрался собор в Селевкии, на котором и была организована христианская церковь в Персии. Епископ Селевкии Ктесифона был избран главой церкви. Он получил титул «католикоса» и имел резиденцию в столице персидской империи. Члены совета сделали следующее заявление: «Мы все единодушно умоляем нашего Милостивого Бога, чтобы Он продлил дни победоносного и знаменитого царя Йездигерда, Царя Царей, и чтобы его годы были продолжены на поколения поколений и на годы годов». Христиане не пользовались полной свободой долгое время. Преследования возобновились в последние годы царствования Йездигерда.

Первые годы царствования Феодосия II во главе управления стоял префект Востока Анфемий, удерживавший влияние, по-видимому, до 414 г. Это был человек, насколько можно судить по скудным сведениям о нем, стоявший на высоте занятого им положения. Ему ставят в упрек—едва ли, впрочем, основательно — недостаток твердости в деле константинопольского архиепископа И. Златоуста и супруги Аркадия, говорят, что он мог бы при добром желании оказать ему должную защиту.

С 414 г. можно считать уже определившимся влияние Пульхерии, сестры Феодосия, которая была старше его только двумя годами и, между тем, приобрела почти безграничное влияние на своего брата. Будучи объявлена августой и состоя в государстве первым лицом после императора, а во дворце будучи законодательницей и образцом, с которым все сравнивались, Пульхерия стала давать тон придворной жизни и разнообразно обнаруживать влияние на государственные дела. Весь продолжительный период царствования Феодосия отмечается, по справедливости, весьма характерным женским влиянием августы Пульхерии.

Долговременное господство Пульхерии. сначала при Феодосии II, а затем при Маркиане, должно было наложить особенную печать на Большой дворец в Константинополе и отразиться на многих сторонах государственной жизни. Наиболее характерной чертой нужно признать своеобразно понятое благочестие и монашеский род жизни, усвоенный Пульхерией и введенный в придворный обиход. Она не только себя обрекла на безбрачие, но к тому же побудила и своих двух сестер, Аркадию и Марину. Три сестры Феодосия составили при дворе род религиозной общины, проводя жизнь «в подобию монашеских трудов», ограничили доступ мужчин в покои принцесс, приняли для себя за образец простой род жизни, скромный стол и частое упражнение в молитве и пении псалмов. Дела благотворительности, постройка церквей и монастырей, забота о чистоте церковного учения и об уничтожении неправых и еретических мнений, попечение о подвижниках, столпниках и анахоретах и тщательное расследование мощей святых мучеников—такими чертами характеризуется у церковных историков деятельность Пульхерии. Нужно отдать ей и ту справедливость, что помыслы о благочестии не закрывали для нее важности политических обязанностей

правительницы. Она была выше своего брата не только в правительственном смысле, но и по уму и способности разобраться в сложных делах и окружить себя даровитыми исполнителями ее воли. Она прекрасно владела греческим и латинским языками, вела обширную переписку и сосредоточила в своих руках нити правления.

Характер Феодосия развивался под влиянием его сестры. Она организовала для него учебную программу, пригласила для него лучших учителей, себе же предоставила заботу об образовании правительственных способностей и внешнего поведения, приличного носителю короны восточного императора. В этом отношении нельзя не видеть, что Пульхерия не достигла блестящих успехов, ибо из Феодосия она не сделала способного политического деятеля. Точно так же современники упрекают ее за то, что она допустила непомерное развитие взяточничества и продажи должностей. При ней никто не мог считать себя неспособным занимать какие угодно начальственные и административные должности.

При оценке деятельности Пульхерии и Феодосия нужно, впрочем, твердо держаться границ времени, в которое они жили, и настроения тогдашнего поколения. Чрезвычайно характерными для V в. фактами нужно признать развитие отшельничества, пустынножительства и всякого рода подвижничества. Вспомним, что в это время получают свое начало египетское, палестинское и сирийское монашества; а эту эпоху жили знаменитые столпники, десятки лет проводившие на высоком столпе, как Симеон, Даниил и др.: в это время, наконец, положено начало почитанию мощей свв. мучеников. Слишком сильное напряжение фантазии, отвлечение от интересов реальной жизни и направление ума и сердца к надземному, сверхчувственному и идеальному—эти и подобные черты отличают критические эпохи в истории; в занимающее нас Время они захватили, по-видимому, большинство образованных людей. Характер исторических деятелей изучаемой нами эпохи может быть понят в связи с главными умственными и религиозными течениями V в., которыми мы и займемся ниже.

Очень важным обстоятельством для царевны Пульхерии был вопрос о браке Феодосия. Выбор невесты был сделан самой Пульхерией и произошел при довольно необыкновенных обстоятельствах. Будущая супруга императора Феодосия Афинаида родилась и воспитывалась в Афинах в образованной и состоятельной семье. Отец ее Леонтий был представитель неоплатоновской школы, преподававший философию в Афинах. Он дал своей дочери прекрасное воспитание и сообщил ей основательные познания в греческой литературе и искусстве. По всей вероятности, он имел значительные связи, даже в Константинополе имел родственников, у которых нашел приют во время нашествия Алариха. Афинаида по смерти отца оказалась без средств к жизни, т. к. всем имуществом завладели братья ее. Находясь в печальном материальном положении, Афинаида с удовольст-

вием приняла предложение своей тетки, жившей в Константинополе, и отправилась к ней. Это произошло в 421 г., когда ей уже было около 28 лет. Скоро затем бедная и скромная провинциалка была представлена августу Пульхерии, понравилась ей своей красотой и образованием и так очаровала ее, что выбор невесты для Феодосия был окончательно решен. Императору предоставлен был случай тайно посмотреть на афинскую красавицу, которая произвела на него сильное впечатление своими большими глазами, стройным станом и изящными чертами лица, Афинаида без труда отказалась от языческих верований, приняла святое крещение и любимое при дворе того времени имя Евдокия и после брачного торжества вступила в Большой дворец в качестве супруги византийского императора.

Императрица Евдокия на первых порах, по-видимому, успешно применилась к чрезвычайно церемонному и строгому тону двора. Когда у нее родилась дочь, также названная Евдокией, она в 423 г. получила титул августы и стала пользоваться таким же почетом в торжественных выходах и придворных церемониях, как и августа Пульхерия. Но никак нельзя сомневаться в том, что придворная жизнь того времени мало подходила ко вкусам и привычкам образованной в языческой среде Евдокии. Из скудных известий, рисующих придворные отношения той эпохи, можно видеть, что надлежащего согласия между двумя августами не было, и что при дворе составились партии, которые посредством злых интриг, тайных наговоров и внушений старались вооружить Феодосия против царицы и раздуть неудовольствие между августами. Все это создавало для Евдокии немало серьезных затруднений, из которых она выходила, впрочем, с большим достоинством. В высшей степени важно, что царица Евдокия осталась не замешанной ни в одну политическую или придворную игру и ни разу не позволила себе резких мер против преобладающего влияния августы Пульхерии. Чтобы судить об ее склонностях и направлении ее ума, мы имеем для этого прекрасный материал в ее литературных произведениях, в которых запечатлелись любопытные черты эпохи и личного характера Афинаиды - Евдокии. Прежде всего она отозвалась на современные политические события и посвятила сочинение в героических стихах одержанным над персами победам. Но главный ее труд был вполне религиозного значения. Она переложила в стихи героического размера избранные места из Восьмикнижия Моисеева—произведения, которому отдает честь и похвалу патриарх Фотий. В том же духе она сделала переложение из пророческих книг Захария и Даниила; в стихах гомерического размера изобразила некоторые эпизоды из жизни Иисуса Христа. Независимо от того, как оценивать по их достоинству эти произведения, мы можем здесь отметить, что они были во вкусе средневекового византизма и повторяются у множества писателей, черпавших вдохновение из общего с царицей Евдокией источника. Особенными достоинствами отличалась поэма о св. Киприане антиохийском, в которой, между прочим, выражена идея борьбы христианства и язычества и рассказываются чудесные мотивы обращения к христианству Киприана.

бывшего известным магом и вызывателем демонов. Новая критика усматривает в этом произведении высокие качества таланта и вдохновения.

Вокруг царицы Евдокии образовалась партия просвещенных людей, чуждых того исключительного религиозного направления, которого придерживалась августа Пульхерия. Из них знаем о Павлине, занимавшем при дворе высшую должность обер-гофмаршала, и о Кире, бывшем префектом города и в то же время префектом претория; оба эти лица стояли в близких сношениях с Евдокией и до известной степени разделяли ее влияние на дела. Весьма вероятно, что Пульхерия находила опасным для своего положения, нельзя не признаться, довольно искусственного и зависевшего исключительно от воли императора, значение красивой и умной Евдокии, которая пользовалась любовью Феодосия и расположением в высших кругах столицы. Об интриге, созревшей в Константинополе и сопровождавшейся удалением от двора царицы Евдокии, имеются очень скудные сведения, которые можно объяснить себе лишь по окончательным результатам. В 437 г. Константинополь имел редкое торжество. Дочь Феодосия и Евдокии царевна Евдокия сосватана была за Валентиниана III, императора Западной империи. Это было исполнение горячих желаний царицы и, вместе с тем, весьма важное политическое событие, сулившее для Восточной империи расширение ее политического влияния на Западе. После этого счастливого события царица Евдокия предприняла путешествие ко святым местам. По пути в Иерусалим она посетила Антиохию. Этот город произвел на нее сильное впечатление и возбудил в ней живые чувства эллинизма, которые она и изложила в речи своей к антиохийскому сенату. Указав на древние заслуги эллинизма, распространившего культуру до отдаленных мест Сирии, она затронула патриотизм антиохийцев, намекнув стихом Гомера, что она гордится происхождением от одной и той же с ними расы; кроме того, она оказала поистине царскую щедрость по отношению к Антиохии, назначив 200 ф. золота на исправление бань и приказав расширить городские стены на казенные средства. В благодарность за эти царские милости сенат постановил воздвигнуть ей золотую статую. В Иерусалиме она пробыла целый год, посвятив это время на путешествия по святым местам, на дела благотворительности и на устройство церквей. Местное духовенство в благодарность за ценные приношения пожертвовало царице драгоценные палестинские святыни: часть мощей св. Стефана, часть цепей апостола Петра. Последняя святыня из Константинополя была препровождена в Рим к западной императрице Евдокии и положена в знаменитой базилике S. Pietro in Vincoli. Но, начиная с 439 г., когда она возвратилась из своего паломничества, при константинопольском дворе соперничество между двумя августами делается крайне заметным и отражается на судьбе приверженцев той и другой партий.

Сначала Евдокии удалось пересилить влияние Пульхерии, которая должна была покинуть дворец, утратив, вместе с тем, всю власть: в то же

самое время приверженцы августы Евдокии заняли высшие места в администрации и приобрели влияние на императора. Но вскоре произошел переворот, совершенно изменивший положение дел; Феодосию сделан был донос, что императрица Евдокия находится в преступных сношениях с царедворцем Павлином, следствием чего было отрешение от должности этого могущественного лица, пользовавшегося долгие годы личной дружбой и расположением царя, после чего он был сослан в заточение и лишен жизни. Царский гнев постиг и другого приверженца Евдокии, епарха города Кира. Это был далеко не обыкновенный человек, насколько можно заключить по нескольким чертам, сохраненным о нем летописью. Как епарх города он имел громадное значение в Константинополе по своему влиянию на самые существенные интересы населения столицы. Самые выразительные черты, приписываемые ему летописью, касаются его управления городом и строительной деятельности. Он украсил Константинополь новыми общественными зданиями и—что чрезвычайно возвышает его авторитет и в наших глазах—ввел в ремесленных заведениях города искусственное ночное освещение, а равно стал освещать по ночам городские улицы. Это так возвысило его авторитет в городе, что народ в цирке не переставал приветствовать его следующими сливами: «Константин—строитель, а Кир—возобновитель», что казалось оскорбительным для царя, присутствовавшего в ипподроме. Другая черта, усвояемая Киру источниками, это его приверженность к эллинской философии и литературе, а следовательно, и к эллинским языческим верованиям. «По-эллиньски» мыслить, или «эллинизировать» по византийскому словоупотреблению, значит хромать в православии, не быть чистым христианином. Наконец, за ним признается довольно редкое качество—честность и неподкупность.

В глазах правительства, уже настроенного против Кира его популярностью в народе, поводом к отставке его и лишению имущества послужило его неправославие. Но как мало фактической правды в этом предлоге, лучшим доказательством служит то, что Кир был посвящен в духовный сан, возведен в епископы и получил в управление отдельную епархию. Весьма характерным обстоятельством, рисующим Кира на епископской кафедре, служит следующий анекдот. Его паства, заинтересованная направлением и образом мыслей своего епископа, потребовала от него, чтобы он сказал церковную проповедь в праздник Рождества Христова. Епископ, вступив на амвон, сказал следующее! «Братие! Рождество Господа и Спаса нашего И. Христа в молчании должно быть чтимо, ибо одним только слухом было зачатие в Святой Деве Слова Божия, Ему же слава во веки, аминь». Нет сомнения, что в ораторском смысле и применительно к обстоятельствам, вызвавшим его происхождение, это слово представляет верх церковного словесного искусства; таковым нашли его и слушатели Кира. наградив его рукоплесканиями и больше не поднимая вопроса о правоверии своего епископа.

Падение Павлина и Кира доставило полное торжество августе Пульхерии, которая снова возвратилась в Большой дворец и окончательно утвердила свое влияние и господство своей партии. Между императором Феодосием и Евдокией наступило полное охлаждение. Царице предоставлена была свобода удалиться от двора, и она отправилась в 442 г. в Иерусалим, где провела 18 лет в делах благочестия и благотворения, приняв участие в религиозной борьбе и став на сторону монофизитского учения. Она умерла в 460 г. и погребена в построенной ею церкви св. Стефана.

При Феодосии восточная половина империи во внешних отношениях не переживала тяжелых потрясений, подобных тем, которые пришлось переживать в ту эпоху западной половине в связи с германскими передвижениями. Вестготский вождь Аларих взял Рим, прежнюю столицу римского языческого государства, и это событие произвело на современников потрясающее впечатление. В Западной Европе и Северной Африке образовались на римской территории первые варварские государства. В восточной же части империи Феодосию пришлось столкнуться с дикими гуннами, нападавшими на византийские пределы и в своих опустошительных набегах доходившими до стен Константинополя. Император должен был уплатить им большую сумму денег и уступить землю на юг от Дуная. Установившиеся после этого мирные отношения с гуннами повели к отправлению к ним в Паннонию посольства во главе с Приском, который составил описание как двора Аттилы, так и нравов и обычаев гуннов. Описание это получает совершенно исключительный для нас интерес, так как, по всей вероятности, гунны на среднем Дунае подчинили себе живших там славян; поэтому многие черты в описании Приска должны относиться к славянским племенам.

Вы помните, первые два Вселенских Собора окончательно решили вопрос о богочеловечестве Господа нашего Иисуса Христа. Но пытливые богословские стали заниматься вопросом о способе соединения в Иисусе Христе двух природ и о взаимном их отношении. Из Антиохии еще в конце IV века вышло учение о том, что полного слияния обеих природ в Иисусе Христе не было; в своем дальнейшем развитии это учение доказывало полную самостоятельность человеческой природы в Иисусе Христе, как до соединения, так и после соединения ее с природой Божественной. Пока это учение не выходило за пределы ограниченного круга лиц, оно не вызывало в церкви больших смут. Но со времени появления на константинопольской патриаршей кафедре убежденного сторонника этого учения, антиохийского пресвитера Нестория, обстоятельства изменились: последний сделал антиохийское учение общецерковным. Новый патриарх, знаменитый своим красноречием, сразу же после посвящения обратился с такими словами к императору: «Дай мне, государь, очищенную от еретиков землю, и я за это дам тебе небо; помоги истребить мне еретиков, и я помогу тебе истребить персов». Под еретиками Несторий разумел всех тех, кто не разделял его

взглядов на самостоятельность человеческой природы в Иисусе Христе. Деву Марию Несторий называл не Богородицей, а Христородицей.

Открыв суровые преследования против своих противников, Несторий вызвал в церкви большую смуту. Особенно сильно восстал против учения Нестория Св. Кирилл Александрийский и папа Целестин, осудивший на римском соборе еретическое учение. Император Феодосий, желая положить конец церковным распрям, созвал третий Вселенский собор, который осудил несторианство (431 г.). Сам Несторий был отправлен в ссылку в Египет, где и умер.

Несмотря на осуждение несторианства, несториане оставались в довольно большом количестве в Сирии и Месопотамии; против них гражданские власти, по приказанию императора, неоднократно прибегали к строгим мерам. Главным центром несторианства была Эдесса, где находилась знаменитая школа. В 489 году, при императоре Зеноне, школа была уничтожена, а профессора и ученики изгнаны. Последние направились в Персию, где основали школу в городе Низибии. Персидский царь охотно принимал несториан и оказывал им покровительство, так как видел в них врагов империи, которыми при случае он мог воспользоваться. Персидская церковь несториан, или сиро-халдейских христиан, имела во главе епископа, который назывался католикосом. Из Персии христианство в форме несторианства переходило в другие страны, например в Индию.

В самой византийской церкви, особенно в Александрии, после Эфесского собора появилось новое течение, возникшее и развившееся в противоположность несторианству. Приверженцы Кирилла Александрийского, давая перевес в Иисусе Христе его Божественной природе над человеческой, пришли к заключению, что последняя была совершенно поглощена первой, т. е. что в Иисусе Христе была лишь одна Божественная природа. Учение это стало называться монофизитством, а его последователи - монофизитами (от греческих слов $\mu\omicron\upsilon\omicron\upsilon$ - один и $\mu\upsilon\sigma\iota\varsigma$ - природа). Монофизитство делало большие успехи при александрийском епископе Диоскоре и константинопольском архимандрите Евтихии, убежденных монофизитах. Император склонился на сторону Диоскора, так как видел в нем проводника идей Кирилла Александрийского. Против нового учения восстали константинопольский патриарх и папа Лев I Великий. По настоянию Диоскора император собрал в 449 году собор в Эфесе, получивший в истории название Разбойничьего собора. На нем александрийская партия монофизитов во главе с Диоскором, председателем собора, путем насильственных мер по отношению к несогласным с ними участникам собора, признала учение Евтихия, т. е. монофизитство, правоверным и осудила противников этого учения. Император утвердил постановления собора и признал его Вселенским. Конечно, это решение не дало церкви мира. В момент сильных церковных

смут Феодосии умер, оставив решение столь важного в последующей истории Византии вопроса о монофизитстве своему преемнику.

Падение Рима в сознании современников было равносильно разрушению всего существующего строя. Брошена была в обращение мысль о том, что причина испытываемых бедствий лежит в новой вере и в пренебрежении к старым языческим богам. Никогда, говорили приверженцы старого культа, мир не испытывал таких потрясений, пока совершались обычные жертвы, и пока боги заботились об империи. Правда, это была неновая мысль, она и прежде не раз была выдвигается против христианства, но в настоящее время христиане могли на нее ответить с полным достоинством и с философским обоснованием защищаемой идеи. В IV в. христианство усвоило себе основы древней культуры, во главе христианской Церкви стояли лица с высшим литературным и богословским образованием. Дать ответ на поднятый вопрос — о мировом значении христианской культуры — пришлось величайшему учителю Церкви — блаженному Августину.

Сочинение Августина «О граде Божиим» было написано в ближайший период после взятия готами Рима и было окончено к 426г. в 22 главах. Цель сочинения указана самим Августином: «Почитатели ложных богов начали с необычною яростью нападать на христианство, приписывая ему падение Рима, и хулить истинного Бога, посему я решился заняться сочинением «О граде Божиим»». Содержание сочинения Августина, вкратце состоит в следующем. Чтобы опровергнуть мысль о том, будто христианство виновно в несчастьях, постигших тогдашнее человечество. Августин обращается к рассмотрению исторических событий и доказывает, что бывали в жизни древнего Рима громадные бедствия, не раз терпели римляне большие поражения при господстве языческого культа; следовательно, нет основания относить на счет христианства и нынешние бедственные события. Так, во время Антонинов империй процветала, а известно, ну они покровительствовали христианам, отчего же тогда боги не обнаружили своего гнева? Рассматривая даже самый факт взятия Рима Аларихом, Августин и в нем находит черты в опровержение своих противников. При нападении готов уцелели христианские церкви, и в них нашли спасение все христиане.

Итак, христианство не повредило, а спасло многих во время готского нашествия. И, кроме того, бедствия увеличились бы несравненно. если бы сам Аларих не был христианином. И притом счастье не может быть полагаемо только в военном деле. Августин припоминает место Марка Аврелия, где римский полководец, напавший на парфян, сравнивается с подстерегающим добычу пауком, и спрашивает: «Ужели боги могли поощрять грабежи и насилия и участвовать в несправедливых военных делах?» На самом деле, несчастья начали постигать римлян с того времени, когда к вере стали относиться лицемерно, когда начали обращаться к христианству из-за выгоды, потому что вне христианской Церкви стало хуже в практическом

отношении, потому что христиане обнаруживали влияние на администрацию и суд, и принадлежностью к Церкви стало определяться общественное положение человека. Вот когда понизился уровень счастья, когда начались несогласия среди самих христиан, и люди, оставаясь но убеждениям и любви к наслаждениям язычниками, переходили в христианство лишь по отсутствию определенных верований.

Вся первая часть сочинения носит характер фрагментарный, это ряд отдельных заметок по поводу исторических фактов. Гораздо систематичней и положительней вторая часть, где рассматривается капитальный вопрос, занимавший не только современников автора, но не перестающий занимать мыслящих людей всех времен: как относиться человеку-христианину к современному общественному строю? «Но чтобы,—говорит Августин,—не подвергнуться порицанию, что я могу только обличать чужое, а не полагать твердые устои для своего собственного, я покажу во второй части разность между градом Божиим и градом мирским». В греко-римском мире град, *civitas*, означает сограждан-жителей одного и того же города. Если кто переселился в другой город, тот утратил свои гражданские права. Христос уничтожил это различие, так как град Божий не ограничен стенами города или границами государства.—Он обнимает всю вселенную, живых и мертвых, равно умерших с верой и без надежды на спасение. И жизнь в граде Божием совершенно не та, что в граде языческом. В мире нет ничего случайного, повсюду действует перст Божий. Особенным значением, конечно, отличается эта часть, разрешающая весьма крупный вопрос времени: все ли потеряно в настоящем, или есть надежда на лучший порядок вещей?

Для шатающегося сознания и безграничного пессимизма, вызванного громадными потрясениями времени. Августин давал успокоительное разрешение проблемы. Он обещает в мире, руководимом божественным промыслом, неизменное и полное торжество добра и истины. Он дает уверения, что будущий мир имеет полную реальность и действительную жизненность, что мы будем снова жить, не утратив ни одного волоса, ни одного зуба. За все тяжести настоящего в будущем воздается вполне. Сочинение Августина давало успокоение обремененному страданиями человеку указанием па то, что испытываемые им бедствия не копе1ный удел его. Идея града Божия ставит пределы тягостям жизни и сообщает новую силу угнетенному духу человека: ноша не так давит плечи, когда видна цель, где можно сложить ее. По всем этим качествам сочинение *De civitate Dei* имело и имеет важное значение в истории человеческого самосознания средних веков и нового времени.

Церковные события, имевшие место во время Феодосия II, занимают бесспорно центральное положение в истории развития христианской Церкви.

Прежде всего нельзя не отметить в истории Церкви исключительного явления, относящегося к самым последним годам IV и началу V в., Иоанн Златоуст занимал епископскую кафедру Константинополя с 398 по 404 г. при сыне Феодосия Великого императоре Аркадии. Кратковременная епископская деятельность Златоуста в Константинополе должна быть отмечена здесь в двояком отношении. Он прибыл на епископскую кафедру в то время, когда в Константинополе решался очень горячий частью религиозного характера вопрос, именно о живших в столице многочисленных германцах арианского вероисповедания. В политическом отношении германский элемент был воспринят в государственный организм распоряжениями Феодосия Великого. в церковном отношении вопрос о богослужебном языке для германцев радикальным образом разрешен Иоанном Златоустом. Константинопольский епископ дал разрешение жившим в столице германцам арианского толка отправлять богослужение в собственной их церкви, которая была выстроена за стенами города, за колоннами, почему все приверженцы арианства в Константинополе назывались эксационитами. В высшей степени либеральным нужно признать его распоряжение о назначении в арианскую церковь священников и диаконов из природных германцев, дабы они совершали богослужение и объясняли Священное Писание на немецком языке. Бывали случаи, когда и сам Златоуст посещал эту церковь и говорил здесь проповеди, причем переводчики объясняли его слова тем, кто не понимал греческого языка.

Миссионерская деятельность Златоуста простиралась на Южную Россию и на придумайские области, куда он посылал проповедников. Обширная переписка Златоуста весьма красноречиво говорит о его пастырских заботах о просвещении язычников. Мы с особенной энергией должны отметить, что константинопольский епископ разрешил в свое время жгучий вопрос, неоднократно волновавший христианский мир, именно вопрос о национальном языке в богослужении. Как этой либеральной мерой, так и христианской миссией между народами, жившими на Балканском полуострове и в Южной России. Иоанн Златоуст создал для константинопольской кафедры совершенно исключительное положение, поставив для нее самостоятельные задачи и вполне независимо разрешив капитальный в истории христианской Церкви вопрос о национальных языках в богослужении.

Лекция 12.

План:

События царствования Маркиана и Льва I.

Хозяйственная жизнь империи.

а. Епарх Константинополя. Его права и обязанности.

б. Цеха и коллеги Константинополя. (по памятнику X века).

3. Димы, их роль в политической жизни империи.

4. Образование.

а. Забота о зарождении и поддержании образовании в Константинополе. Законы направленные на это.

б. Константинопольский университет.

в. Государственная забота о профессорско-преподавательском составе.

5. Причина организации похода в Африку. Его результат.

Феодосий умер не оставив наследника. Его престарелая сестра Пульхерия согласилась стать номинальной женой Маркиана, фракийца по происхождению, который позже и был провозглашен императором. Маркиан был весьма способным, но скромным военным и был возведен на престол только по настоянию влиятельного начальника войск Аспара, алана по происхождению. Патриарх Анатолий - избранный на место умершего от горя и потрясений Флавиана, совершил над новым императором церковный обряд коронации, который с тех пор постепенно входит в обычай во всех европейских государствах.

Готский вопрос, сделавшийся в смысле преобладания готов в империи в конце IV и начале V века опасным для государства, был, как сказано уже выше, решен при Аркадии в пользу правительства. Но несмотря на это, готский элемент в византийском войске продолжал существовать, хотя и в гораздо меньших размерах, и в середине V века варвар Аспар, опираясь на готов, сделал последнюю попытку восстановить прежнее германское преобладание. На некоторое время это ему удалось. Два императора, Маркиан и Лев I, были возведены на престол по желанию Аспара, которому арианство являлось помехой лично занять престол. В столице снова разрасталось недовольство против Аспара, его семьи и вообще против варварского влияния в войсках. Два обстоятельства довели напряжение до крайности. Снаряженная при Льве I с громадными затратами и трудами морская экспедиция в Северную Африку против вандалов окончилась полной неудачей. Народ обвинял за это Аспара в измене, так как последний являлся

противником экспедиции против вандалов, т. е. германцев, соплеменников готов, и экспедиция была предпринята вопреки желанию Аспара. Кроме того, Аспар заставил Льва I сделать одного из своих сыновей кесарем, т. е. дать ему самое высокое в империи звание. В таких обстоятельствах император, при помощи находившихся в большом числе в столице воинственных исавров, решил избавиться от германского засилья: он убил Аспара и часть его семьи и этим самым нанес окончательный удар германскому влиянию при константинопольском дворе. За эту жестокую расправу Лев I получил прозвание Макелла, т. е. убийцы, мясника. Ф. И. Успенский утверждал, что только одно это может оправдать прозвище «Великий», даваемое иногда Льву, так как это был существенный шаг в направлении национализации войска и ослабления преобладания варварских дружин.

Страшные для Византии гунны, еще в начале правления Маркиана, двинулись на Запад, где произошла знаменитая Каталаунская битва. Вскоре сам Атила умер, и его громадная держава распалась. Гуннская опасность для Византии, таким образом, миновала при Маркиане.

Константин и его преемники создали все благоприятные условия к тому, чтобы столица Восточной империи привлекала к себе туземцев и иностранцев. Многие знатные фамилии из провинций и из Западной империи переселились в Константинополь и положили здесь основание служилой аристократии. В константинопольский сенат зачислялись не только знатные лица греко-римского происхождения, но иностранцы и даже варвары, поселившиеся на военную службу империи. Пользуясь муниципальным устройством, Константинополь привлекал к себе и окрестное население в качестве ремесленников и чернорабочих.

Император оказывал особенное расположение к населению Константинополя: как и в Риме здесь была введена безденежная раздача хлеба, даровые помещения для чернорабочих и цирковые представления, в которых скоро приняли участие политические партии. Уже в V в. писатели говорят о многочисленном и беспокойном диме Константинополя, доставлявшем много хлопот полиции и епарху города.

Одним из наиболее важных учреждений, охранявших общественный строй и порядок в столице Византийской империи, был приказ епарха города (берущий свое начало от Римской империи, от римского *praefectus urbi*). Со времени перенесения столицы империи в Константинополь и до самого турецкого завоевания епарх города с подчиненным ему приказом оставался чуть ли не единственным учреждением, пережившим все потрясения и позаженым царскими реформами.

Епарху столицы принадлежали совершенно определенные права и обязанности, они объединяли в себе власть префекта претория и префекта

города. Общее положение византийского государственного права усвоило за епархом значение первого лица после царя, особенно во время отсутствия императора в городе (в этом случае верховная власть временно переходила на коллегия из трех сановников: на преписита, магитра и епарха). В разное время права константинопольского епарха то ограничивались, то расширялись; в периоды смут и общественных движений он облакаем был неограниченными полномочиями. Как особа высшего ранга и как блюститель благочиния, епарх принимал обязательное участие во всех придворных церемониях и торжествах, исполняя служебную роль.

Византийские императоры, внося некоторые реформы в устройство городской префектуры, по существу стремились к усилению власти городского епарха. Одной из важнейших реформ было в этом отношении то, что константинопольскому епарху было подчинено ведомство префекта претория. В ведомстве префекта претория находились городские тюрьмы, благодаря чему увеличилось значение константинопольского епарха со времени подчинения ему префектуры претория.

Обязанности епарха города, как и римского префекта, состояли в охране общественной безопасности и тишины в столице империи. Ему предоставлены были широкие полномочия; он имел право суда и ограничения личной свободы граждан, мог заключать в темницу и высылать из города подозрительных лиц. В его непосредственном заведовании находились торговые и промышленные заведения, ремесленные корпорации, места общественных собраний: от него же зависела городская полиция; от него исходили распоряжения по благоустройству города, содержанию его в чистоте и украшению его по случаю торжеств и парадных царских выходов. Для исполнения лежащих на нем обширных обязанностей он нуждался в сотрудиниках и помощниках и в штате полицейских служителей. Он имел для этого свою канцелярию или приказ с определенным штатом чиновников; этот приказ с утра до ночи осаждаем был просителями. В зависимости от приказа епарха была городская тюрьма или преторий, в которой содержались государственные преступники и подозрительные для правительства люди. Определенней всего в сохранившихся памятниках выставляется судебная власть епарха. В законе судебная роль епарха определена весьма ясно. Епарху города подлежат все дела по преступлениям, он расследует обо всем, что случается в столице. Епарх города имеет право лишать жительства в столице и ограничивать известным местом право жительства. Эти два пункта уже ясно показывают почти абсолютную судебную власть епарха в городе. Так же к его компетенции принадлежали еще некоторые специальные дела.

Участие суда епарха засвидетельствовано в следующих судебных случаях: Во-первых, в делах политического характера: заговоры на жизнь государя, попытки произвести государственный переворот, бунты, полити-

ческие доносы и т. п.

Во-вторых, в делах по нарушению общественного порядка в Константинополе, от епарха зависели все распоряжения по городским делам, недовольных им было много, и часто раздражение против него обнаруживалось в форме уличного бунта. Т. к. во всех делах этого рода суд принадлежал епарху, то со времени Анастасия (491—518) вошло в обычай, чтобы епарх обязательно присутствовал на всех выходах царя, где собирается толпа.

В-третьих, всякое нарушение права, вздорожание хлеба, увеличение налогов и проч. сопровождалось народными движениями, которые приходилось умирять епарху города.

Чтобы достигать исполнения возложенных на него задач, епарху необходимо было иметь значительный штат подведомственных ему чинов. У него был свой приказ, называемый то секрет, то претория, в котором состояло 14 названий различных чинов. Кроме того, у него в подчинении были полицейская стража и военный отряд. Административная власть епарха простиралась на все городское население, включала в себя наблюдение за общественной безопасностью, за чистотой города, украшением его общественными постройками, освещением и украшением его по случаю торжеств, царских выходов и праздников. Рассмотрение указанных административных обязанностей епарха значительно облегчено появлением памятника - переписи константинопольских корпораций или цехов. Эта переписка найдена в Женевской библиотеке и издана в 1893 г. Устав 22 городских корпораций или цехов, который знакомит нас с правами и обязанностями этих корпораций и отношениями как к государству вообще, так и к ближайшей власти, т. е. к епарху города. Памятник X в., представляет драгоценные черты для истории Константинополя в переходный период от греко-римского периода к византийскому. Вместе с тем, он доказывает устойчивость древних учреждений и постепенность перехода их в новые формы под влиянием изменившихся обстоятельств.

Этот памятник сохранился в виде эдикта, относящегося ко второй половине X в. и принадлежащего, по всей вероятности, царю Никофору Фоке. Этим эдиктом преследовалась не организация цехов. Целью было определить отношение цехов к государству и установить обязательства их по отношению к населению столицы, в особенности по снабжению города жизненными средствами. В столице были и такие ремесла, которые не были организованы в цехи, и, следовательно, в эдикте идет речь лишь о важнейших ремесленных и промышленных организациях, которые имели важное политическое или экономическое значение. Государство не только обеспечивало цехам достижение их промышленных и торговых целей, но, вместе с тем, как хозяин и работодатель требовало от них определенных

услуг и повинностей. В особенности это видно на устройстве цехов, занимавшихся доставкой хлеба и других средств пропитания.

Ввиду важности эдикта для внутренней истории Константинополя находим полезным ознакомиться здесь с его содержанием. Первое место отведено в эдикте коллегии, или цеху, тавулариев. Их обязанности заключались в составлении и скреплении официальных актов: продажных и купчих, брачных, завещаний, договоров и т. п. (тавуларии соответствуют нашим нотариусам). За составление бумаг для частных лиц они брали плату, установленную государством, имели свои конторы в определенных местах. Коллегия тавулариев была организована как самостоятельное учреждение, ведала свои внутренние дела через специальных чиновников, во главе коих находится примикирий.

Эдикт, вообще, характеризует римские коллегии и византийские цехи и корпорации. Там оговорены качества требуемые от кандидата на должность тавулария. Он должен иметь достаточную подготовку в законоведении, отличаться хорошим почерком и быть в состоянии отличать подлинные бумаги от поддельных. Эти качества, а также свидетельство об окончании средней школы и специальные знания по законоведению оцениваются примикирием и советом тавулариев, от которых зависит представление кандидата на утверждение епарха. Одобренного советом тавулариев кандидата представляли епарху. Тогда епарх утверждал представление своей печатью, и представляемый зачислялся в коллегию тавулариев. Из приказа епарха новый нотариус в сопровождении примикирия и корпорации шел в ближайшую церковь, где священник читал положенную молитву, а отсюда направлялся в канцелярию, в которой ему назначено служить, и там принимал поздравления от сослуживцев, а затем шел в свой дом, где угощал товарищей. — Права и обязанности тавулариев, или нотариев, изложены в эдикте весьма обстоятельно: они обязаны являться на все царские выходы, на зрелища в ипподроме, на заседания совета тавулариев, иначе подвергаются штрафу, а при увеличивающих вину обстоятельствах - дисциплинарному взысканию. Далее, точно определяются условия платы за составление актов, договоров и проч. и определяются права тавулария, когда ему случится быть в канцелярии другого нотариуса. В случае сомнений относительно платы за акты дело переходит на решение примикирия, а если речь идет о большой цене, решается епархом. В случае ссор между собою тавуларий жалуется примикирию, в делах большой важности - епарху.

При составлении акта нотариус должен при свидетелях и понятых делать надлежащую скрепу. В случае нарушения этого правила он подвергается телесному наказанию по суду епарха. Писцы нотариусов не имеют права составлять актов без разрешения патронов. В случае болезни примикирия обязанности его исполняет старший из тавулариев. Избрание примикирия принадлежит епарху. Епарх не должен назначать больше 24 нотариусов. Це-

на за составление актов: 21 кератий за акт на 100 номисма, одна номисма за акт свыше этой суммы. В случае смерти тавулария вся коллегия должна почтить своим присутствием его погребение. Нарушитель платит 6 кератиев.

В уставе коллегии тавулариев, состоящем из 26 параграфов, есть несколько статей, касающихся преподавателей юридических наук. Учителям запрещается брать учеников, которые захотели бы вступить к ним из другой школы, не заплатив прежнему учителю за преподавание; прием новых учеников вообще поставлен в зависимость от усмотрения примикирия.

Второй § устава занимался корпорацией серебряников. Серебряники имеют право торговать золотом, серебром и драгоценными камнями; им запрещается вести торговлю медными изделиями и льняными материями. Они обязаны следить, чтобы никто из не принадлежащих к их корпорации не занимался торговлей золотом, серебром и драгоценностями, и в случае появления на базаре таких предметов доводить о том до сведения епарха или представлять продавца старшине своего цеха. Наконец, устав требует, чтобы мастера золотых и серебряных дел имели свои мастерские на Месе, а не в частных домах. В термине *arguoprathv* есть два значения: 1) ювелир; 2) меновщик, проверяющий вес и верность монеты. Имея право купить золото и серебро и драгоценные камни в определенном количестве, они были ограничены префектом в покупке церковных драгоценных предметов.

3. Банкиры, или собственно меняльщики, обязаны не скоблить монеты, не портить на ней изображения, предъявлять по требованию епарха свои ящики с монетой и заявлять ему о фальшивой монете.

Дальнейшие шесть параграфов посвящены цехам, занимающимся продажей и обработкой шелковых и полотняных изделий. Торговля шелком получила в Византии особенное развитие со времени Юстиниана I и, несмотря на продолжительный период, протекший с тех пор, и во время происхождения эдикта обставлена была чрезвычайно строгими предписаниями, которые преследовали ту цель, чтобы этот драгоценный товар не попал в другие страны и чтобы в самой столице был на виду у правительства. Поэтому здесь строго проведено разделение между отдельными коллегиями, занимающимися торговлей разными видами этого товара. Рассмотрим эти цехи по порядку перечисления их в эдикте.

4. Продавцы драгоценной шелковой одежды. Довольно важная корпорация, занимавшаяся торговлей парадной одеждой из шелка, окрашенного в разные цвета. Члены ее обязывались наблюдать, чтобы этот дорогой товар продавался только известным лицам и не попадал в руки иностранцев — Правительство так заботилось об удержании в столице этого товара, что требовало от продавцов предъявления епарху наиболее дорогих одежд

(ценой свыше 10 номисм); назначенный в продажу за границу товар должен иметь клеймо епарха. Весьма любопытно отметить, что и в римский период на коллегии вестияриев лежала подобная же обязанность.

5. Торговцы сирийскими шелковыми тканями. Летопись говорит, что авары поражали при своем появлении в Европе прандиями, которыми завязывали свои волосы. Коллегия прандиопратов находится в подчинении у ексарха, назначаемого епархом города. Привозимые из Сирии одежды, равно как сарацинские и багдадские ткани, должны храниться в одном складе. Сирийские купцы имеют право оставаться в Константинополе только три месяца, по истечении коих непроданный товар предьявляется епарху, который принимает для сбыта его зависящие меры. Есть еще любопытная статья в уставе этой корпорации, которая говорит об артельной продаже товаров всеми членами корпорации и о разверстке вырученной суммы между всеми участниками согласно внесенной каждым доле.

6. Торговцы шелком-сырцом. Этот цех занимался покупкой шелка от местных производителей и продажей его для обработки и изготовления тканей. Запрещение обработки определенно выражено в особой статье устава (§ 14). Привилегией цеха было торговать чистым щелком высшего качества, низшие же сорта принадлежали другой коллегии *melafrarioi*. Устав предусматривает главным образом, чтобы шелковые материи продавались явно и в определенных складах и не попадали в посторонние руки. Запрещается продавать этот товар евреям (§13 и16).

7. Цех прядильный. Первоначальная обработка сырца должна была состоять в приготовлении из него пряжи или шелковых ниток - этим и занимались *katartarioi*. Несколько затруднений представляется в выяснении различия между этим цехом и предыдущим, т. к. оба имеют право покупать шелк-сырец. Весьма вероятно, что предыдущий цех определял количество необходимого для продажи шелка, ибо, как видно будет ниже, цех красильщиков и ткачей получал от него все необходимое количество шелковой пряжи.

8. Красильщики и ткачи шелка. Хотя о краске шелковой пряжи нет речи в эдикте, но, судя по тому, что в Риме этими занималась особая коллегия, и что о красильщиках есть упоминание из позднейшего времени, следует допустить в этом цехе и выделку пурпуровой краски, по крайней мере в переходную эпоху. Впоследствии выделка пурпуровой краски была монополией правительства и производилась обыкновенно на императорских фабриках. Производство этой корпорации обставлено весьма строгими предписаниями и предупредительными мерами. Сирикариям запрещается ткать материи не установленных образцов и цветов, обыкновенный тип тканей должен подражать персидским пестрым материям, позволяется также выделывать материи для славянской головной убора (славянские

факиолии). Пурпуровые же материи и ткани шириной в две четверти должны предъявляться епарху, равно как и все одежды ценой свыше 10 номисм, хотя бы они были и пестрых цветов. Преследуется открытие частных мастерских для производства пурпуровых тканей: угрожает строгое наказание тому хозяину мастерской, который воспрепятствовал бы входу в нее заведение чиновнику для наложения клейма и для ревизии тканей; требуется, чтобы шелк покупался исключительно в определенных заведениях, а не у частных лиц; запрещается без ведома епарха продавать материи иностранцам.

9. Торговцы полотном. Полотняный товар шел в Константинополь из Фракии и Македонии и из Болгарии и был статьей покровительствуемой. В особенности производством льна славились Колхида и Керасунт, вообще области на восток и юг от Черноморья. Ткачи полотна имели обязательство продавать свой товар в разноску на базарах. Следует обратить внимание на одну статью в уставе этой корпорации. Может случиться, что кто из иностранцев, из болгар или из иных народов, привезет лен или мед и пожелает обменять на другие товары, Тогда корпорация, занимающаяся торговлей полотном, имеет право войти в товарищество с членами других корпораций, торгующими требуемым товаром, и с разрешения епарха сообщать вести торг с иностранцами, причем члены других корпораций удерживают для себя столько иностранного товара, сколько им требуется, остальное же все остается в пользу корпорации, занимающейся полотном, причем эта последняя выплачивает членам других корпораций по одному кератию на номисму (т.е. около 4%).

10. Продавцы благовонных товаров. Лари и столы этой корпорации располагаются по порядку от Халки, где икона Христа, до Милия. Им вменяется в обязанность покупать товар в определенное время, когда он приходит из Халдии, Трапезунда или других мест, не задерживать иностранных купцов более трехмесячного срока, которым они пользуются для пребывания в Константинополе. Товар, составлявший привилегию цеха тигеуоі, состоял из следующих произведений Индии и Китая: перец, нард, кинамом, алой, амбра, мускус, ладан, мирра, бальзам и др.

11. Торговцы воском. Они обязываются вести торговлю в своих лавках, а отнюдь не на ларях, поставленных где попало. Мастерские их должны стоять на расстоянии 30 сажен одна от другой. Весовые знаки должны иметь печать епарха.

12. Торговцы мылом. Цех занимался как приготовлением, так и продажей мыла. Строго было запрещено употребление вредных составов в изготовлении мыла. Кто без ведома епарха и старшины примет в свое заведение лицо, не принадлежащее к корпорации, платит штраф в 24 номисмы. Запрещается открывать мастерские в близком расстоянии одна от другой,

новая от старой должна отстоять на 7 локтей и 12 стоп; воспрещается торговать французским мылом. Смертная казнь угрожает тому, кто уличен будет в тайной торговле запрещенным лекарством.

13. Поставщики съестных припасов имеют право открывать лавочки по всему городу, на площадях и в переулках, для удобства жителей. Весы и меры должны иметь печать епарха, торговый барыш их определяется в две милиарисии на номисму.

14. Кожевники, занимающиеся собственно выделкой ремней из готовой кожи. Устав различает три отдела между кожевниками. Таковы собственно кожевники, затем следуют *malakatarioi*, приготавливающие кожу для изделий. Мастера ремней зависят от епарха лишь частью по принадлежности их к кожевенной корпорации и имеют во главе своей старшину по назначению епарха. С другой стороны, они подчинены протостратору (начальнику царской конюшни), от которого и получают заказы на поставку сбруи для лошадей.

15. Мясники. В римскую эпоху различались три коллегии: *boarii*, *resuarii* и *siarii*, занимавшиеся торговлей быками, мелким скотом и свиньями. В эдикте макеларии торгуют скотом и вместе занимаются убоем скота. — Покупка товара производится на скотопригонном рынке в Стратигии и по цене, установленной епархом. Продажа мяса должна производиться согласно покупной цене за голову; в пользу мясника идут голова, ноги и внутренности животного. Мясникам возбраняется входить в сделку с гуртовщиками, пригоняющими стада в Никомидию и в другие города; константинопольские мясники должны покупать баранов в Сангарии.

16. Свиноторговцы. Торговля производится на Тавре, вне этого места запрещается входить в сношения с хозяевами свинных гуртов; старшина корпорации обязан всякий раз при покупке товара предъявлять его епарху и не имеет права продавать свиней в розницу перекупщикам.

17. Рыботорговцы. Рыботорговцы составляют отдельный цех и не смешиваются с рыбаками. Местом рыбной торговли определяются большие городские подвалы. В каждой лавке рыбного рынка есть свой смотритель, на обязанности которого лежит наблюдать, чтобы продажа рыбы производилась соответственно с покупной ее ценой на море. Покупка рыботорговцами товара производится на берегу моря, на пристанях, с подходящих к пристани лодок; никоим образом рыботорговец не может идти для покупки на места рыбных ловель, но ожидать прибывающих к берегу лодок с рыбой. Старшины рыботорговцев каждое утро являются к епарху и сообщают ему сведения насчет улова рыбы в минувшую ночь; согласно с этим епарх устанавливает продажную цену рыбы для городских жителей.

18, Хлебопеки. Они покупают жито по установленной епархом цене и, смолов жито, готовят хлеб, продавая его с таким расчетом, чтобы на каждую номисму оставалась им прибыль в один кератий и две милиарисии; кератий составляет чистую прибыль хлебопека, а две милиарисии идут на содержание рабочих, на расходы по топке печей и прокормление лошади, смоловшей жито. Дабы предоставить этой корпорации полный досуг в исполнении столь важной общественной службы, она освобождена была от всяких других общественных повинностей. Хлебопекарни должны строиться в удаленных от жилых помещений местах. Хлебопекарни называются в эдикте словом манкипия (те, которые пекут общественный, раздаваемый народу хлеб). О древности цеха можно судить по тому, что раздача печеного хлеба вместо зернового началась в Риме с половины III в., она производилась в Константинополе в нескольких местах до времени Ираклия.

19. Содержатели мелочных лавок и питейных заведений. Старшина корпорации обязан дать знать епарху, когда поступает в заведение новая партия вина, дабы он установил правила для продажи и указал законную мерку. Запрещается содержателям питейных заведений открывав кабаки в большие праздники и по воскресеньям ранее двух часов дня, по ночам же предписывается закрывать кабаки и тушить плошки с наступлением второго часа (т.е. после захода солнца), дабы не подать повода тем, которые привыкли проводить в кабаках целые дни, заходить туда и ночью, в опьянении затевать шум и драки.

20. Легатарий, или уполномоченный. Епарх назначает с ведома царя легатария, обязанность которого состоит в том, чтобы следить за прибывающими в Константинополь из разных стран купцами и доводить о них до сведения епарха, который должен осмотреть привезенные ими товары и указать способ распродажи их. По истечении определенного срока и по окончании дела легатарий снова доводит о них до сведения епарха и представляет список закупленных ими в Константинополе предметов, дабы не было вывезено из столицы запрещенного к выпуску товара. На обязанности епарха лежит наблюдение за тем, чтобы прибывающие из-за границы с товарами купцы не оставались в столице больше трех месяцев, но чтобы в течение этого срока успели как продать привезенные товары, так и купить, что им нужно, и выбыть из столицы.

21. Посредники (маклера) при покупке лошадей и рогатого скота. Названные здесь маклера покупали тех животных, которые, будучи пригнаны крестьянами в Константинополь, не нашли покупателя. Главная обязанность *bofroı* в том, чтобы свидетельствовать при покупке скота о доброкачественности животных. причем с каждой головы шел в пользу их 1 кератий. Скотопригонный рынок должен быть в определенном месте на площади Тавра, и торговля должна производиться публично, дабы предупредить покупку и продажу заблудившихся или ворованных животных. В случае, ес-

ли покупатель нашел порок, он может отказаться от покупки в течение шести месяцев; по прошествии же шести месяцев это право удерживает только покупатель военного сословия.

22. Ремесленники разного рода: столяры, маляры, мраморщики, слесаря, живописцы и др. Ремесленник, принявший заказ на какую-нибудь работу, не имеет права отказаться от нее, за исключением того случая, когда заказчик не доставит нужного материала для окончания работы, или когда он не исполняет справедливых требований ремесленника. В этом случае с ведома и согласия епарха договор может быть нарушен. Но если ремесленник уклоняется от исполнения заказа по жадности или капризу, тогда заказчик имеет право прогнать его, ничего не заплатив за сделанный труд, и доводит об этом до сведения епарха, который подвергает рабочего телесному наказанию. Особенно интересна четвертая статья устава о ремесленниках. Кто принял заказ вывести стены или устроить цементированное здание со сводами или арки, тот должен принять все меры предосторожности, чтобы фундамент был сделан крепкий, и постройка выведена по правилам строительного искусства. И если в течение десяти лет постройка рухнет не по причине воли Божией, то строитель обязан восстановить ее на собственные средства. В том, однако, случае, если бы расходы на возобновление превышали ценность золотой литры, подрядчик принимает на себя работу безвозмездно, а хозяин-заказчик доставляет нужный для постройки материал. Постройки на глине обязательно должны держаться шесть лет; если же до истечения этого срока постройка развалится, то подрядчик обязан восстановить ее на собственные средства.

Приказ епарха города представляется могущественным рычагом, давшим направление деятельности промышленного и ремесленного населения. Епарх посредством зависящих от него органов не только проникает во все подробности городской трудовой жизни, но является еще ответственным пред правительством лицом за порядок и спокойствие в городе, даже за мысли и убеждения высших классов столичного населения.

Законодательные памятники категорически ставят в зависимость от епарха все городское население. Эклога, памятник VIII в. выражает в одиннадцати пунктах компетенцию епарха города. Соединив однородные пункты - можем представить полноту власти епарха в следующих чертах:

1. Он судит все дела по проступкам в городе и на сто миль за чертой города: а) ведает дела о рабах, выкупающихся на свободу, и дела патронов с вольноотпущенными; б) дела по опеке и о неправильном управлении имуществом опекаемых, и в) дела о проституции.

2. Ведает дела банковские, устанавливает цены на мясо.

3. Следит за порядком в городе и общественным спокойствием в публичных местах-

4. Имеет в своем распоряжении отряд военных людей для содержания порядка и получения сведений о том, что где происходит.

5. Имеет право выселять из столицы, запретить временно или навсегда занятие торговлей и ремеслом, ограничить доступ в театры, лишит права адвокатской практики.

6. Его ведомству подлежат ремесленные корпорации.

Главнейшие сведения о политических правах городских жителей можно узнать от писателей о цирковых партиях. История этих партий представляет некоторые неясности и трудности. Историки предъявляют к ним резкие и суровые обвинения, хотя недостаточно определяют происхождение этих партий и руководившие бурными движениями их мотивы. Но т. к. под цирковыми партиями византийских писателей следует подразумевать городской народ, разделенный по димами οἱ δήμοι, то в «неистовствах» и «безрассудстве» этих партий можно видеть последние взрывы борьбы городов за политические права. В этом смысле вопрос о цирковых партиях имеет большой исторический интерес. Ввиду крайней скудости материалов, касающихся димов и партий цирка, стоит обратить внимание на малоизвестный памятник, находящийся ныне во дворе св. Ирины и воздвигнутый в честь циркового наездника Порфирия.

Городские димы наполняют своими бурными волнениями историю V и VI вв. Затем упоминания о них становятся все реже и реже - признак, что правительством нанесен был городам решительный удар. В Константинополе было четыре дима: венеты, прасины, левки и русии. В политическом и административном отношении они находятся в зависимости от димарха и димократа, высших чинов в византийской служебной табели, которые не имели отношения к делам ипподрома.

Чтобы понять значение городских димов, нужно оценить те известия писателей, в которых эти димы ставятся в определенное отношение к власти полномочного хозяина Константинополя, городского епарха. Нельзя, прежде всего, не отметить, что движения и смуты так называемых партий кроются в неудовольствии против правительства, и в частности против городского епарха, причем дороговизна хлеба, военный постой, притеснения и взятки и т. п. почти всегда выставляются как главные причины волнений. Из этого можно заключить, что в городских димах имеем бытовое явление, коренящееся в организации восточных городов. Писатели, указывая демократические тенденции в больших городах на Востоке, называют Антиохию очагом таких тенденций. Правительство вело борьбу с городскими димами

как законодательным, так и административным путем, ограничивая права горожан и расширяя полномочия епарха. Для Константинополя кульминационным периодом в этом отношении было время епарха Феодота при царе Иустине I в начале VI в., для Антиохии - период Константина Тарсея при Анастасии, т. е. конец V в. Особенно суровой мерой, возбуждавшей население, было назначение городских димов на военную службу. Первый случай такого рода отмечен во время Юстиниана I и заключается в следующем. По случаю нападения аваров и славян, которые прорвались через Анастасиеву стену и угрожали самой столице, масса крестьянского населения из ближайших деревень искала спасения в Константинополе. Юстиниан зачислил этих пришлых людей в городские димы и назначил их на службу на Длинные стены, построенные Анастасием. Военная повинность, к которой привлекаются потом чаще и чаще городские димы, встретила среди них сильную оппозицию, но она последовательно была потушена правительством. В дальнейшем городские димы вполне теряют свое политическое значение - о котором слабые намеки сохранились в Придворном уставе Константина Порфирородного X в. и всецело подчиняются ведомству епарха города.

В Византии продолжали развиваться все те культурные формы, которыми жило человечество до конца V в. На Западе появляются новые народы, в Византии главный и господствующий этнографический элемент остался один и тот же, и культурные Традиции сохранились в нем без перерыва и перемен. Вследствие этого Византия могла пользоваться неисчерпаемым источником готовой древней культуры, между тем как на Западе новые народы должны были постепенно создавать свои собственные условия жизни. Этот твердый и не подвергшийся разрушению фундамент древних веков и создал для Византии ту удивительную устойчивость, которая так характеризует ее. С одной стороны, постоянно идущая традиция, с другой - чувство превосходства перед другими нациями придали Византии известный характер упругости, которым отличаются древние культуры. Это упорство в защите своих особенностей оградило Византию от чужеземных влияний, но, с другой стороны, уменьшило способность применяемости или искусства немедленно разобраться в новой обстановке и составить полный отчет о происходящих внутри и вне событиях.

Во все времена византийские патриоты считали существенным своим преимуществом перед другими народами высокую образованность. Свою культуру и блага образованности превозносили они даже и тогда, когда на Западе начали оживать у новых народов классические предания, но в V и VI вв. Константинополь бесспорно был единственным культурным центром, где наука и искусство имели своих почитателей, и где было распространено среднее и высшее образование. Весьма известно положение, что христианским просвещением и законодательством Византия побеждала некультурные народы, с которыми ей приходилось иметь дело; в этом состояло

политическое орудие ее системы.

В Константинополе не умирали хорошие научные традиции, которые немыслимы без средней и высшей школы. Правительство ценило образование и всеми мерами старалось поддержать просвещение в столице Византийской империи. Так, в 333 г. освобождены от муниципальных должностей медики и профессора наук вместе с их женами и детьми, «дабы предоставить означенным лицам всю необходимую свободу для занятий науками и искусствами и для преподавания другим». В 376 г. преподаватели наук приняты на казенное жалованье, причем большим городам предоставлено право самим избирать своих профессоров, докторов и магистров. Уже приведенные факты достаточно свидетельствуют о заботах правительства к сохранению и развитию образования, воспринятого от древних времен.

До V века одним из главных центров преподавания языческих наук в Римской империи были Афины, где находилась знаменитая философская школа. Туда отовсюду собирались софисты, т. е. греческие учителя риторики и философии, из которых одни желали блеснуть своими знаниями и ораторским искусством, другие надеялись хорошо устроиться в качестве профессоров-учителей. Последние частью получали жалованье из императорской казны, частью из сумм того или другого города. Частные уроки и лекции также оплачивались в Афинах лучше, чем в других городах. Торжество христианства в конце IV века нанесло сильный удар значению афинской школы. Кроме того, умственная жизнь в Афинах была нарушена в самом конце того же IV века тем, что Греция подверглась опустошению от вторгнувшихся туда под предводительством Алариха вестготов. После их удаления афинская школа опустела; философов стало мало. Еще более сильный удар афинской языческой школе был нанесен основанием при Феодосии II высшей христианской школы, или университета, в Константинополе.

Когда Константинополь стал столицей империи, многие риторы и философы прибыли в новую столицу, так что даже и до Феодосии II какой-то вид высшей школы мог там существовать. Преподаватели и ученые приглашались в Константинополь из Африки, Сирии и других мест. Св. Иероним заметил в своей хронике: «Еванфий, наиболее ученый грамматик, умер в Константинополе и на его место пригласили из Афин Харисия». Вот почему современный исследователь высших школ в Константинополе в Средние века говорит, что при Феодосии II высшая школа была не основана, а реорганизована.

К 425 г. относятся два акта, имеющие особенный интерес для истории высшего образования в самом Константинополе. Император Феодосий II одним законом установил штаты ученой коллегии, которая поставлена в особое положение и выделена из состава обыкновенного учительского со-

словия, занимавшегося преподаванием в общественных школах и в частных домах. Эта новая коллегия, которую можно назвать университетом, составляет специальное императорское учебное заведение, в состав которого входит 31 профессор. Оно разделяется на следующие группы по специальностям:

- 1) три оратора для римского красноречия;
- 2) десять грамматиков для римской словесности;
- 3) пять софистов для греческого красноречия;
- 4) десять грамматиков для греческой словесности;
- 5) один философ;
- 6) два профессора для преподавания юридических наук.

Хотя государственным языком оставался все еще язык латинский, тем не менее учреждение кафедр с греческим языком указывает на то, что сам император начинал признавать в новой столице права и за этим языком, который в восточной половине империи был, конечно, более понятен, чем латинский. Нелишне отметить, что риторов с греческим языком было в высшей школе пять, а риторов с латинским языком всего три. Для новой высшей школы, которую ученые иногда называют университетом, было отведено особое здание с обширными залами для аудиторий, где читали лекции.

Этот закон есть не что иное - как устав константинопольского университета, для которого назначены особое здание и особый штат служащих. Закон предусматривает даже ту подробность, чтобы профессора преподавали каждый в предоставленной ему аудитории, дабы не было помехи преподаванию от шума учеников и от смешения разных языков.

Другим законодательным актом определяются права этого ученого учреждения. Коллегия служащих в нем профессоров числится на государственной службе, имеет особые преимущества по табели о рангах и получает одно из существенных прав коллегияльного учреждения - оценивать заслуги своих сочленов. При введении этого устава император Феодосии II возвел часть профессоров в чин графства первой степени, уравнивавший их с губернаторами провинций; для других профессоров открыты дороги к почестям под условием доброй нравственности, преподавательских способностей, ораторского таланта и успешных занятий наукой, если таковые качества будут засвидетельствованы высоким советом профессоров. По выслуге 20 лет и все профессора имеют право на этот чин графства первой

степени. В уставе отмечаются некоторые черты организации жизни студентов в больших городах. Каждый молодой человек по прибытии в университетский город должен был заявиться у магистра ценза и представить ему документ, свидетельствующий об его происхождении и состоянии родителей. Кроме того, от него требовалось, чтобы он указал разряд наук, которыми намерен заниматься, и адрес квартиры в городе. Местная полиция должна была следить за поведением молодых людей; в случае нарушения дисциплины они подвергались наказанию и теряли право на пребывание в университетском городе. Императоры, давая приют науке, заботились также об образовании библиотеки и о сохранении старых рукописей, равно как о составлении списков с них. С этой целью была учреждена в Константинополе комиссия из семи каллиграфов, в коей было четыре специалиста для греческого и три для латинского письма. Назначение комиссии было делать копии со старых кодексов и исправлять обветшалые. — Таким путем могли сохраниться древние рукописи, а равно развиваться в Константинополе школа специалистов-каллиграфов. Известно, что сам Феодосий II любил заниматься перепиской древних кодексов и поощрял занятия каллиграфией.

Весьма важным политическим событием времени Льва I была морская экспедиция в Африку, предпринятая совместными силами обеих половин империи. Вандалы, как и ближайшее к ним племя готы, играли в судьбах империи крупную роль. Это именно наиболее даровитые и близкородственные между собой германские народы, принявшие арианство и принесенные в жертву идее религиозного единства в VI в. Вандалы погибли бесследно как народ, память о них хранится в звучном слове «вандализм», имеющем всемирную известность. В V в., увлекаемые течением, созданным гуннским движением, вандалы в союзе с свевами и аланами перешли из Галлии в Испанию и, поделив между собой эту цветущую страну, вытеснили из нее римское правительство. Вождь вандальского племени астингов успел в 418 г. соединить под своей властью алан и вандалов и образовал в Испании германское королевство.

В 427 г. вандалы были приглашены в Африку возмущившимся против своего правительства римским наместником Бонифацием. Вследствие этого произошло движение всего народа вандалов в провинцию Африку и завоевание ее королем Гейзарихом (он же Гензерих). Правительница Западной империи, вдовья императрица Платидия, и Валентиниан III должны были признать акт завоевания Африки, уступив эту провинцию вандалам по договору 435 г. Карфаген стал столицей германского королевства. Вандалы обратились к морским набегам на Сицилию и Италию и на острова и сделались известными морскими разбойниками. В 450 г., пользуясь смутными событиями в Риме, Гейзарих захватил этот город и подверг его страшному разграблению. В числе отменной добычи была императрица Евдоксия, дочь Феодосия II, бывшая за императором Валентинианом III, с двумя до-

черьми, Евдокией и Плацидией. Они оставались у вандалов до 462 г., когда, наконец, были выпущены на свободу и препровождены в Константинополь, за исключением принцессы Плацидии, вышедшей замуж за Гунериха, сына Гейзариха. Это было крайне тяжелым фактом, взволновавшим общественное мнение на Западе и Востоке и в особенности оскорбительным для авторитета императорской семьи в Константинополе. Вандалы не обнаруживали никакого желания удовлетвориться сделанными завоеваниями и распространяли свои набеги далее и далее, угрожая границам Восточной империи. Африка, бывшая житницей для империи, была теперь отрезана от Рима и Константинополя и угрожала страстными морскими разбойниками прибрежным областям Средиземного моря.

Легкий успех, с каким вандалы утвердились в Африке, стране весьма густо населенной и хорошо организованной в административном отношении - объясняется, главным образом, религиозными смутами и суровыми законами против еретиков. Донатисты - часть ариан и другие несогласные с господствующим вероучением видели в германских завоевателях арианского исповедания освободителей от религиозной нетерпимости и оказывали им всяческое содействие в надежде под господством вандалов свести счеты с православными.

Между тем царь Лев I не мог оставаться равнодушным к потере Африки и к систематическим притеснениям Гейзарихом православного населения и православной Церкви. Хотя он имел мир с вандалами, и его владения были пощажены от корсаров, но тем печальней было положение Италии и Сицилии. Рицимер, который два года распоряжался судьбами Западной империи, ограниченной, впрочем, одной только Италией, не назначая императора после Л. Севера, нашелся, наконец, вынужденным обратиться к авторитету императора в Константинополь и просить его дать Западу императора. Выбор Льва пал в 467 г. на патриция Анфемия, которого приближали к царской семье как личные заслуги, так и то обстоятельство, что он был женат на дочери Маркиана Евфимии. Со времени воцарения Анфемия восточный и западный императоры стали готовить план общего похода в Африку с целью ослабления Гейзариха.

Все, по-видимому, обещало благоприятный исход широко задуманному предприятию. Из полунезависимой Далмации вышел флот под командой Марцеллина, освободив от вандалов Сардинию, он успел соединиться с главными силами у беретов Африки. Сухопутные войска набраны были в Египте и шли под предводительством Ираклия к Триполи, где одержали над вандалами победу, и направились к столице вандальской, Карфагену. Таким образом, и морской и сухопутный отряды успешно начали дело и должны были затем продолжать войну в согласии с главными силами, двинутыми царем Львом. К сожалению, в Константинополе оказался недостаток в организации и особенно в достойном исполнителе широкого плана. Что ка-

сается материальных средств, они были собраны в громадном количестве. Затронуты были и частные средства императорской казны, и те сбережения, которые оказались в казначействе, но, во всяком случае, византийское правительство в состоянии было собрать на морскую экспедицию против вандалов громадную сумму до 40 миллионов рублей золотом. Изготовлен был громадный флот из тысячи с лишком больших судов, на которые посажено было войско и распределены военные запасы и продовольствие. Нужно догадываться, что пользовавшийся еще в это время всем авторитетом Аспар - Ардавурий оказал на подготовляемое предприятие вредное влияние. Говорили, что он втайне придерживался партии Гейзариха, к которому его влекли и германское происхождение, и арианское исповедание, и что он был против подготовляемой экспедиции. Когда зашла речь о назначении главнокомандующего, будто бы он указал на Василиска, брата царицы Вирины, т. е. шурина царя. Этот молодой человек, ничем себя не заявивший, гордый своим родством и связями, оказался злым гением Византии.

Василиск стал во главе громадного флота и благополучно дошел до Африки, остановившись в 4 верстах от Карфагена и начав переговоры с Гейзарихом, который очутившись в отчаянном положении, притворился готовым на все требования византийского главнокомандующего и попросил лишь 5 дней перемирия, чтобы затем начать переговоры. Неизвестно, был ли Василиск подкуплен или исполнял совет Аспара, так или иначе, он согласился на пятидневное перемирие и тем испортил свое положение. Гейзарих воспользовался изменившимся ветром, подогнал к византийским судам несколько своих лодок, наполненных горючими веществами, и произвел пожар в громадном флоте, стоявшем близко к берегу. Трудно сказать, сколько кораблей погибло и сколько уцелело, но результат был непоправим: флот погиб, и все предприятие рухнуло. Началось беспорядочное бегство, спасались, кто мог, на оставшихся судах.

В Константинополе не могли не почувствовать всю тяжесть потери, с гибелью флота пропала надежда обеспечить приморские области от морских пиратов, нужно было окончательно и надолго отказаться от прекрасной, густо населенной и плодородной провинции, которая доставляла империи запасы хлеба. Прямой виновник постигшей империю катастрофы Василиск, возвратившись в Константинополь, искал спасения в церкви св. Софии, откуда вышел только тогда, когда императрица испросила ему у Льва прощение.

Лекция 13.

План:

Зенон и новое исаврийское влияние.

Движение остготов в Италию и основания там государств. Одоакр и Теодорих.

Последствия и роль Халкидонского собора.

а. 28 правило.

б. Политическое значение собора. Потеря восточных провинций.

в. Энотикон.

После смерти Льва I (474 г.) императором сделался шестилетний внук его Лев, который умер в том же году, успев объявить со императором своего отца Зенона, из дикого малоазиатского племени исавров. Зенон после смерти сына сделался императором (474- 491). С его воцарением прежнее германское влияние при дворе сменилось новым варварским влиянием - исаврийским. Дикие исавры получили в столице преобладающее значение, занимая лучшие места и ответственные должности. Зенон, увидев, что среди его соплеменников были люди, поднявшие против него восстание, решительно выступил против повстанцев и подавил мятеж в самой горной Исаврии, где велел срыть большую часть укреплений. Исаврийское же влияние в столице продолжалось до самой смерти Зенона.

В царствование Зенона произошли, однако, события, снова выдвинувшие вопрос об единой нераздельной империи. После того, как миром с вандалами в 475 г. предотвращена была опасность от морских пиратов, появляются новые враги в лице германского племени готов.

Движение остготов в Италию до сих пор представляет много непонятного. И, прежде всего, какими побуждениями руководился император Зенон, посылая Теодориха в Италию? Очень авторитетное мнение высказано Моммзеном, что образование остготского королевства в Италии есть в существе дело Одоакра, т. к. появление в Италии Теодориха было лишь личной переменой стоявшего во главе вождя. Одоакр первый порвал с традицией о Западной Римской империи и, объявив себя королем, дал выражение варварским притязаниям на земельные участки в Италии и право поселения. Когда он провозглашен был 23 августа 476 г. своим войском королем, уже одним этим нарушен был прежний порядок, т. к. Одоакра мало теперь занимал носитель императорской власти, из коих один (Непот) был в Далмации, а другой, с согласия Одоакра, спокойно доживал свои дни в Кампании (Ромул Августул). На место западного императора, которого

больше не было, должны были осуществляться в Италии имперские права восточного императора, но по существу в Италии остались неизменны социальные, и политические, и этнографические отношения.

В 478 г. римский сенат по поручению Одоакра послал в Константинополь посольство, которое должно было передать знаки императорской власти упраздненной Западной империи и, вместе с тем, просить о признании совершившегося факта. Послы должны были объяснить, что Италия не нуждается в отдельном императоре, и что достаточно для Запада и Востока одного общего императора. Сенат предложил назначить Одоакра для управления делами Запада, дать ему достоинство патриция и поручить ему управление Италией. И Зенон, несмотря на то, что в то же самое время западный император Непот просил у него помощи и войска, нашел возможным продолжать переговоры с Одоакром и обещал дать ему звание патриция — При всем трудном положении дела Одоакр остался у власти в продолжение 13 лет; по смерти Непота, весьма вероятно, Зенон уступил ему звание патриция и признал его в правах на обладание Италией.

Нужно думать, что итальянские дела, однако, не могли оставаться безразличны для восточного императора, что новый порядок вещей, установленный Одоакром, не имел исключительно местного значения. Как ни скудны сохранившиеся известия, но из них можно видеть, что новое королевство не совсем укладывалось рядом с империей. — Первый случай к тому представился в смерти Непота (+480), которою Одоакр воспользовался для того, чтобы подчинить Далмацию своей власти, хотя всего естественнее было бы ожидать вмешательства восточного императора в наследство, оставшееся после западного императора. Трудно сказать, принимал ли Одоакр прямое участие во внутренних смутах, производимых в империи Василиском. Иллоном и Теодорихом, сыном Триария, но есть известия, что византийские бунтовщики и повстанцы находили поддержку в Италии. Независимо от всего прочего, уже давно применяема была в империи политика ослаблять одного варварского предводителя, противопоставив ему другого. С этой точки зрения следует рассматривать вопрос о движении остготов в Италию.

Со времени распада державы гуннов в при дунайских областях Норике и Паннонии наступает полное безначалие. Римская власть не доходила до этих отдаленных провинций, и защита их предоставлена была местным силам. Хотя Одоакр сделал попытку заявить о своих притязаниях на имперские области на Дунае, но эта попытка вызвала появление новой политической и военной силы, которая была причиной гибели Одоакра. Распадение империи гуннов имело громадное значение в истории народностей Северо-восточной Европы, и потому необходимо здесь несколько остановиться на этнографии этих областей.

Наибольшая заслуга в деле окончательного ослабления гуннов принадлежит гепидам, которые после того заняли Дакию. Паннония занята готами. Дальнейшая история сосредоточивается около готского племени. Но никак нельзя думать, что мы имеем здесь дело с целыми народами, напротив, чаще всего это племена и военные дружины. В истории тех готов, которые приняли главное участие в образовании королевства в Италии, преимущественное значение принадлежит трем братьям из рода Амалов-Валамиру, Тиудемиру и Видимиру — Они стоят во главе военных отрядов, с ними переговаривается византийское правительство, они же получают от императора денежные средства на жалованье дружине. Рядом с старшинами из рода Амалов другой отряд готского племени упоминается на Нижнем Дунае близ Никополя; есть отряд готов в Далмации близ Драча. Наконец, была еще значительная готская дружина под предводительством Теодориха, сына Триария, которая даже стояла в более близких отношениях к империи, чем другие готы, и которая играла роль еще при жизни Ардавурия. Паннонские остготы находились в постоянном движении, т. к. вожди их недовольны получаемым от империи жалованьем, дружина ищет более обширных и плодородных земель для поселения. Чтобы заручиться верностью в исполнении принятых обязательств со стороны готов, правительство потребовало от них заложника (ок. 461 г.). Таким образом, малолетний Теодорих, сын Тиудемира, был воспитан в Константинополе и сделался полуогреченным германским князем. Между тем катастрофа, постигшая в Константинополе германцев, и появление новых военных отрядов из исаврийцев не могли не отразиться на отношениях между готами и правительством. Прежде всего это вызвало враждебное движение среди готского отряда во Фракии, во главе которого стоял Теодорих, сын Триария, вследствие родственных отношений к Аспару и Ардавuriю принявший слишком близко к сердцу постигшую их катастрофу. Вождь фракийских готов требовал от императора не только наследства, оставшегося после Аспара, но и претендовал на то политическое и военное положение, которое его родственнику принадлежало в империи. Весьма вероятно, что в целях ослабить вождя фракийских готов Зенон выпустил на свободу заложника паннонских готов Теодориха, воспитанного в греческих нравах и около 10 лет проведенного в столице. Но расчеты Зенона не оправдались.

По возвращении к своим соплеменникам Теодорих становится во главе движения паннонских готов, имеющего целью, с одной стороны, расширение занятой ими территории на счет соседних народов, с другой - приобретение военной добычи и средств пропитания. Что всего важнее для византийского правительства было в этом движении - это новое направление, данное набегам под предводительством молодого Теодориха: готы появляются в Македонии, доходят до Фессалии и угрожают осадой Фессалонике. Это был важнейший момент в отношениях империи к готам.

Вероятно, тогда уже Зенон вступил в новые соглашения с Теодори-

хом, который по смерти отца своего Тиудемира сделался представителем рода Амалов, предоставив готам некоторые области в Македонии и наделив Теодориха титулом *magister militum*, т.е. введя его в тесную связь с империей. Во время возмущения Василиска, которое заставило Зенона бежать из Константинополя и искать спасения в горах Исаврии, оба Теодориха, как предводитель фракийского отряда, так и вождь паннонско-македонских готов, носившие одинаковый имперский титул и состоявшие на службе, питали честолюбивые замыслы получить первенствующее положение и заручиться наибольшим влиянием. Василиска поддерживал Теодорих, сын Триария, Зенон опирался на силы и влияние другого Теодориха.

Возвращение Зенона к власти было в то же время триумфом для союзника его, Теодориха паннонского, который не только пожалован саном патриция, но усыновлен Зеноном. Для характеристики отношения империи к германским вождям, имевшим звание федератов, прекрасные места имеются у писателя Малха. Правительство Зенона ведет переговоры с Теодорихом, сыном Триария, который заявляет недовольство идущим от империи жалованьем и выставляет следующие причины для своих притязаний: «В прежнее время оп мог бы удовлетвориться и скромным содержанием; ныне же, когда его поставили в необходимость собрать дружину, он должен или давать достаточное содержание своим людям, или воевать с империей». Правительство, находясь в затруднительном положении, согласилось выдать Теодориху жалованье на дружину в 13000 военных людей, которых он будто бы содержал у себя. Само собой разумеется, Зенон искал возможности ослабить слишком притязательного федерата, выставив против него другого варварского дружинника. Царствование Зенона представляет неоднократные примеры искусного применения этой системы, которая помогала устранять серьезную опасность без особенных потрясений.

Военная и политическая карьера Теодориха, сына Тиудемира, не может иметь достаточного объяснения, если не взвесить все обстоятельства его воспитания и ознакомления со взаимными отношениями римского мира к варварскому. Теодорих должен считаться одним из даровитейших представителей остготского племени, который прекрасно понял положение политических дел на Востоке и Западе. Видя, что некоторым германским племенам выпала уже счастливая роль основать национальные королевства на территории империи, Теодорих не хотел более ограничиваться скромной ролью федерата, хотя бы и отличенного высшими имперскими титулами: он начинает заявлять притязания на более важные полномочия. С этой точки зрения и следует оценивать его беспокойную деятельность, пока она не увенчалась исполнением его заветной мечты. Находившийся под его властью народ-войско, оставив паннонские долины, бродил по Македонии, ища места для оседлости. Нужда и голод заставляли готов искать населенных и обработанных мест, ибо идеал варваров владеть плодородными землями, обрабатываемыми трудом местного населения, властвуя

над которым можно бы было проводить праздную жизнь господина и воина.

Уже находясь в Македонии, Теодорих бросал взоры на Италию и предлагал императору Зенону принять на себя восстановление в Италии нарушенного Одоакром порядка и снова призвать жившего в Салоне Непота на престол западных императоров. Наблюдавший за движением готв Теодориха полководец Зенона Сабиниан нанес им значительное поражение в 479 г.; но в то же самое время фракийские готы Теодориха, сына Триария, стали угрожать самому Константинополю, поставив Зенона в необходимость искать новых союзников на Севере, чтобы отвлечь от Константинополя опасность. Неожиданная смерть вождя фракийских готв устранила на этот раз опасность; часть его дружины перешла, по видимому, к представителю рода Амалов, приняв участие в его дальнейших приключениях. Тем не менее, Зенон нашелся вынужденным вновь вступить в соглашение с Теодорихом, которому снова были предоставлены титул главнокомандующего и, кроме того, почетное звание консула на 484 г. В ближайшее затем время он находится в близких и дружественных отношениях к императору, пользуясь его доверием.

В высшей степени любопытно отметить, что Теодорих стоял во главе имперских войск, назначенных против бунтовщика Илла, находившегося в сношениях с Одоакром; что он же участвовал в отражении болгар, тогда в первый раз упоминаемых в истории. Тем не менее, доверие к нему со стороны Зенона не было продолжительно. Еще не было окончено дело с Иллом в Малой Азии, как Теодорих был отозван от командования войсками. В 486 г. мы находим его в открытой войне с империей, он опустошает Фракию, и до самых стен Константинополя для него не было преграды, т. к. имперское войско было на азиатской стороне и занято усмирением Илла. Тогда император послал в готский лагерь сестру Теодориха, бывшую придворной дамой при императрице, которая и уговорила Теодориха отступить от Константинополя (487). Нужно думать, что в это время уже начались переговоры насчет переселения остготов в Италию.

Мысль об Италии для Теодориха не была неожиданностью; уже и ранее он делал императору предложение восстановить Непота на престоле западного императора, прогнав из Италии Одоакра. Что касается Зенона, для него близость Теодориха начала представлять значительные затруднения, т. к. вождя остготов не удовлетворяли более ни титулы и достоинства, ни денежные выдачи; народ же, стоявший под его властью, требовал от него новых земель, которые обеспечивали бы ему спокойную жизнь и пропитание — И как раз в это время так складывались обстоятельства, что проект войны в Италии казался весьма своевременным и уместным, С одной стороны, на Одоакре лежало подозрение, что он поддерживает Илла, чем затронуты были интересы Зенона; с другой же у Теодориха просил защиты ругийский князь Фридрих, прогнанный Одоакром. Во всяком случае,

не без согласия императора его *magister militum* стал собирать войско для движения в Италию — Конечно, не весь народ готский пошел с Теодорихом, многие остались на прежних местах, по зато к нему могли примкнуть и часть рогов князя Фридриха, и часть охотников из других германских племен, и, может быть, некоторые римские колонисты. Это была разнообразная по своему составу масса людей, соединенная общим военным начальством.

Зимой 488/89 г. началось народное движение среди готов. Военные люди пешком и на конях; дети, женщины и старики со всеми пожитками на возах все эти толпы составляли громадную движущуюся массу народа. Путь шел через нынешнюю Болгарию к Срему, Здесь пытались загородить дорогу гепиды, вероятно по внушению Одоакра, но Теодорих нанес им страшное поражение, захватив их лагерь с большими запасами продовольствия. Дальнейший путь шел на Любляны и Аквилею. Одоакр, очень хорошо понимая, что Теодорих идет в Италию именем императора, ответил на открытый вызов тем, что провозгласил цесарем своего сына⁷.

О ходе военных столкновений между Теодорихом и Одоакром источники дают мало известий. Первое дело было 28 августа 489 г. в Северной Италии, оно окончилось в пользу Теодориха: через месяц готы стояли под Вероной, где Одоакр собрал свои силы, но и здесь перевес был на стороне Теодориха, В то время, как Одоакр заперся а тогдашней столице Равенне, вся Северная и Средняя Италия постепенно перешла на сторону Теодориха, которому итальянцы оказывали доверие как императорскому посланцу. Большим ударом для Одоакра, окончательно подорвавшим его положение, было то, что его главнокомандующий Туфа с частью войск перешел на сторону победителя. Был, однако, еще момент, когда измена Туфы Теодориху и переход его на сторону Одоакра вновь подняли значение Одоакра в Северной Италии, но в течение 490 г. Теодориху пришлось подкрепление от вестготов, с которым он нанес Одоакру новое поражение при Адде и окружил его вновь в Равенне. Три года продолжалась осада этого важного и укрепленного города; лишь с помощью флота, и отрезавшего Равенну от морских сношений и от подвоза съестных припасов, удалось, наконец, Теодориху принудить своего противника к сдаче. Равеннский епископ Иоанн вышел из осажденного города в лагерь готский и начал переговоры о сдаче города. Насчет условий сдачи имеются противоречивые известия: по одним — Одоакр выговорил себе право на одинаковую власть в Италии с Теодорихом, по другим побежденному предоставлено было право жизни. Сын Одоакра Фела остался заложником у Теодориха. 5 марта 493 г. готы вступили во владение Равенной, через 10 дней Одоакр был убит.

Хотя не может возникнуть сомнения в том, что Теодорих шел в Италию с согласия императора, и что сопровождавшее его войско-народ имело определенную цель поселения в Италии на более выгодных условиях, чем

это было в при дунайских провинциях, тем не менее, ни Зенон, ни Теодорих не могли предвидеть всех подробностей этого важного предприятия. Еще прежде, чем занята была Равенна, т. е. прежде решительного дела, определившего судьбу Одоакра, Теодорих послал в Константинополь посольство, во главе которого стоял сенатор Фест. И ранее, когда Одоакр захватил власть, он чрез посольство испрашивал у императора милости-признания его в достоинстве патриция, каковое и давало ему право на управление Италией. Теодорих давно уже был пожалован в это звание, и, следовательно, его посольство имело другое значение. Но в это время произошли именно те события, которых не могли предвидеть договаривавшиеся стороны: в апреле 491 г. умер император Зенон, и на его место вступил Анастасий, а в Италии готы победители подняли своего предводителя на щит и провозгласили его королем. Несколько лет итальянские дела оставались в неопределенном положении, т. к. в Константинополе не хотели санкционировать совершившихся событий, хотя, в копне концов, Анастасий должен был вступить в соглашение с королем Италии.

Оставляя изложение дальнейших событий в Италии до другой главы, приведем здесь несколько сведений из редкого по своей ценности и непосредственности памятника-жития св. Северина, который подвизался во второй половине V в. в местности, имеющей для нас глубокий исторический интерес. В жизни св. Северина упоминаются местности *Asturis*, *Comagenis*, *Favianis*, лежавшие па Дунае, на границе провинций Норика и Верхней Паннонии, неподалеку от нынешней Вены. Слава святого широко распространялась на оба берега Дуная, и немало языческих германцев было им обращено к христианству. Это один из важнейших миссионеров, деятельность которого оставила глубокие следы в местах, где через несколько десятков лет будут господствовать славянские племена. Для второй половины V в. чрезвычайно важны сведения жития св. Северина для характеристики взаимного отношения римского и романизованного населения и варваров. Вся не защищенная городами, и крепостями местность находится уже в руках варваров, в городах живут остатки римлян с слабым гарнизоном!, который боится выходить за стены и не в состоянии защищать горожан, имеющих надобность по делам выходить из города. Жалкий римский трибун говорит святому:

«У меня мало воинов, но если ты повелишь, я выйду против врагов в надежде на твои молитвы!» Политическое положение рисуется в том виде, как оно было после падения державы гуннов, чем и начинается жизнеописание, накануне движения остготов в Италию, первый толчок которого уже сказывается на Дунае в угрозах королю ругов.

Роль св. Северина хорошо рисуется его сношениями с Одоакром, которому он предсказал 13-летнее царствование, и тем влиянием, которое он имел в королевском доме ругов. Очень любопытны известия о постепенном

передвижении романизованного оседлого населения сначала в большой город Лавреак, а потом в Италию, куда было торжественно перенесено тело св. Северина при папе Геласии (492—496). Автор жизнеописания весьма осведомлен в политических событиях своего времени и сообщает такие факты, случившиеся при жизни святого, которые имеют глубокий исторический интерес. Таково, например, сообщение о причинах, вызвавших войну Одоакра с ругами, т.е. о том событии, которое дало Зенону и Теодориху повод рассматривать Одоакра как бунтовщика и ослушника императорской воли. Таково же сообщение о роли Онульфа, брата Одоакра, который вербовал на Дунае охотников для перехода на службу к Одоакру и вызвал обширное переселение в Италию романского населения. Ввиду исключительной важности сведений, сообщаемых нашим житием, оно имеет большое значение для истории V и VI вв. и вполне может служить введением к истории иммиграции славян в при дунайские провинции.

Маркиан унаследовал от своего предшественника весьма сложное состояние дел в церкви. Монофизиты торжествовали. Маркиан, стоя на точке зирения первых двух Вселенских соборов, не мог с этим примириться и созвал в 451 году четвертый Вселенский собор в Халкидоне, имевший первостепенное значение для всей последующей истории. Состав собора был очень многочисленный; папа прислал на собор своих легатов.

Один эпизод, следовавший за Халкидонским собором, чрезвычайно ярко характеризует положение дела. Монах Феодосии египетского происхождения, бывший в соборе, поднял в Палестине народное восстание, во главе которого стояло до 10000 палестинских монахов. Феодосии говорил, что собор изменил вере и принял несторианство. Итак, утверждая во Христе одно естество, Феодосии и его приверженцы начали восстание в пользу осужденного на соборе учения. Им подала руку жившая в Иерусалиме супруга императора Феодосия II Евдокия, может быть, выразившая тем свое нерасположение к царице Пульхерии. Изгнав из Иерусалима епископа Ювенала, повстанцы избрали на его место Феодосия и начали гонение на диофизитов. Движение распространилось на Египет, где против собора были даже некоторые епископы. Хотя принятыми правительством мерами политический характер движения был уничтожен, но религиозная рознь нашла себе выражение в национальных особенностях восточных народностей, так что монофизитство удержалось здесь во весь период существования Византийской империи и насчитывал в прошлом веке не менее 5 миллионов.

Постановления Халкидонского собора имели для истории Византии также крупное политическое значение. Византийское правительство и константинопольская церковь, выступив в середине V века решительно против монофизитства, оттолкнули от себя восточные провинции - Египет и Сирию, где население было по преимуществу монофизитским. Египетские и

сирийские монофизиты остались и после собора 451 года верными своим религиозным взглядам и ни на какие уступки не соглашались. Египетская церковь отказалась от употребления греческого в качестве языка богослужения и ввела в использование египетский (коптский). Религиозные смуты, вылившиеся вскоре после этого в Иерусалиме, Александрии и Антиохии, на почве насильственного введения соборных решений в форме серьезных народных восстаний, должны были быть подавляемы с большим кровопролитием при помощи гражданских властей и военной силы. Подавление всех этих восстаний, однако, не решало основные проблемы эпохи. И вот на фоне все более обострявшихся религиозных противоречий стали ярче выступать, особенно в Египте и Сирии, противоречия племенные. Египетское и сирийское туземное население постепенно приходило к мысли о желательности отпадения от Византии. Подобная религиозная обстановка в восточных провинциях, в связи с составом населения, создала в них к VII веку такие условия, которые облегчили переход этих богатых и культурных областей сначала в руки персов, а потом арабов.

Имеет также немалое значение 28-й канон Халкидонского собора, вызвавший переписку между императором и папой, не признанный последним, но принятый на Востоке. Вопрос был о праве чести константинопольского патриарха в отношении римского папы, т. е. вопрос, решенный уже третьим канонем второго Вселенского собора. Следуя решению последнего собора, 28-й канон Халкидонского собора предоставил «равные преимущества святейшему престолу нового Рима, справедливо рассудив, чтобы город, почтенный царским правительством и синклитом и имеющий равные преимущества с древним царственным Римом, был возвеличен, подобно ему, и в церковных делах, будучи вторым по нем». Далее, в том же 28-м каноне константинопольскому патриарху предоставляется право посвящать епископов в областях Понта, Азии и Фракии, заселенных иноплеменниками. «Достаточно припомнить, - говорит Ф. И. Успенский, - что сюда могли относиться все христианские миссии на Востоке, в южной России и на Балканском полуострове, и все те приобретения восточного духовенства, которые с течением времени могли быть сделаны в указанных областях. Во всяком случае, на этой точке зрения стоят последующие греческие канонисты, отстаивающие права Константинопольского патриархата. Вот в кратких словах всемирно-историческое значение 28-го канона».

Переходя к изложению ближайших после Халкидонского собора событий, необходимо заметить, вместе с проф. Гельцером, что рассматриваемые с политической точки зрения постановления Халкидонского собора составляли большое бедствие для Византийской империи. В тот период, когда великая политическая идея восходила к церковному сознанию, антиэллинское национальное чувство сирийцев и египтян нашло себе спайку в протесте против Халкидонского собора. Здесь не только ближайший результат - отделение Сирии и Египта и части Малой Азии от общения с гос-

подствующей Церковью и широкое развитие на Востоке монофизитства, но и более отдаленные следствия, обнаружившиеся в политическом разобщении египтян и сирийцев с империей, в успехе арабского завоевания и даже в последующих затем событиях.

Самым важным вопросом внутренней жизни при Зеноне был вопрос церковный, поддерживавший смуту в государстве благодаря религиозному разномыслию. В Египте, Сирии, частью в Палестине и Малой Азии население твердо держалось монофизитства. Строго православная политика обоих предшественников Зенона тяжело отражалась на восточных провинциях. Желая найти примирительный выход из создавшегося тяжелого положения, константинопольский патриарх Акакий, стоявший раньше за халкидонское решение, предложил Зенону вступить на путь примирения при помощи взаимных уступок. Согласившийся с патриархом император издал в 482 году Акт единения, или Энотикон (*enwtikon*), адресованный к церквам, подведомственным александрийскому патриарху. Главной задачей этого акта было не задеть ни православных, ни монофизитов в учении о соединении в Иисусе Христе двух природ. О Халкидонском соборе в Энотиконе упоминается лишь один раз в таких выражениях: «Всякого, кто думал или думает иначе, будет ли то теперь или в другое время, в Халкидоне или на каком другом соборе, того мы предаем анафеме».

Однако Энотикон, после первого видимого успеха в Александрии, в конце концов не удовлетворил ни православных, ни монофизитов: первые не могли примириться со сделанными монофизитам уступками; вторые, ввиду неопределенности выражений Энотикона, считали уступки недостаточными. Энотикон Зенона внес новые осложнения в церковную жизнь Византии, увеличив число партий. Часть духовенства стояла за идею примирения и поддерживала Акт единения. Но вместе с тем появились как со стороны православных, так и со стороны монофизитов люди непримиримые, не шедшие ни на какие уступки; такие строго православные назывались акимитами, т. е. неусыпающими (так как в их монастыре служба совершалась непрерывно в течение целых суток, для чего они были разделены на три смены), а строгие монофизиты назывались акефалитами, т. е. безглавыми, так как они не признавали принявшего Энотикон александрийского патриарха. Восстал против Энотикона и римский папа, который, разобрав жалобы восточного духовенства, не согласного с указом, и ознакомившись с самим Актом единения, отлучил на соборе в Риме от Церкви и предал анафеме константинопольского патриарха Акакия. Последний вычеркнул имя папы из церковных диптихов, т. е. перестал почитать. Таким образом, произошел первый разрыв между восточной и западной церковью, продолжавшийся до 518 года, когда на престол вступил Иустин I. Существовавшее уже политическое отчуждение между восточной и западной частями империи, особенно в связи с основанием в V веке на западе вар-

варских германских государств, еще более обострилось благодаря отчуждению церковному.

Лекция 14.

План:

Решение исаврийского вопроса.

Положение дел на восточных границах.

а. Персидская война.

б. Нападения болгар и славян.

Религиозная политика Анастасия.

Восстание Виталиана.

Деятельность Анастасия внутри империи.

После смерти Зенона вдова его Ариадна отдала руку престарелому Анастасию, родом из Диррахиума, занимавшему довольно скромную придворную должность силенциария (*silentarius*). Анастасий был коронован императором, после того как дал константинопольскому патриарху, убежденному стороннику Халкидонского собора, письменное обещание не вводить никаких церковных новшеств.

Прежде всего Анастасию нужно было покончить с исаврами в столице, которые, как известно, при Зеноне получили преобладающее влияние. Их исключительное положение раздражало население столицы. Когда же после смерти Зенона среди исавров обнаружилось движение против нового императора, Анастасий быстро изгнал их из столицы, конфисковав имущество и лишив должностей, а затем в упорной шестилетней войне с исаврами окончательно смирил их уже в самой Исаврии. Многие из исавров были переселены во Фракию. Так закончился сравнительно короткий период варварского исаврийского засилья в Византии. В решении исаврийского вопроса в пользу правительства заключается большая заслуга Анастасия.

Из внешних событий, кроме изнурительной и безрезультатной войны с Персией, имеют крупное значение для последующей истории отношения на дунайской границе. Северная граница, после удаления остготов в Ита-

лию, подвергалась в течение всего царствования Анастасия опустошительным набегам болгар, готов и скифов. Нападавшие с конца V века на византийские пределы болгары были народом тюркского происхождения. Впервые имя болгар на Балканском полуострове упоминается при Зеноне в связи с остготскими передвижениями на северной границе.

Что касается несколько неопределенных названий гетов и скифов, то, принимая во внимание неосведомленность хронистов того времени в этнографических наименованиях северных народов, в этих именах можно видеть понятие собирательное, и наука считает возможным среди них находить славян. Византийский писатель начала VII века Феофилакт Симокатта даже прямо отождествляет гетов со славянами. Таким образом, при Анастасии впервые славяне начали производить вторжения вместе с болгарами на Балканский полуостров. «Гетские всадники», как говорит источник, опустошив Македонию, Фессалию и Эпир, доходили до Фермопил. В науке высказывались мнения о заселении славянами Балканского полуострова в более раннее время.

Все эти набеги тюркских болгар и славян во время Анастасия для той эпохи еще не имели большого значения: вторгавшиеся толпы варваров грабили и уходили. Но набеги эпохи Анастасия явились как бы предвестниками уже крупных славянских вторжений на полуостров в VI веке во время Юстиниана, открывших собой период заселения полуострова славянами и повлекших за собой глубокие последствия для внутренней жизни Византии.

Для защиты столицы от северных народов Анастасий построил во Фракии, на расстоянии 40 верст от Константинополя, так называемую «Длинную стену», которая шла от Мраморного моря до Черного и превратила, по словам одного источника, город из полуострова почти в остров. Однако Анастасиева стена не оправдала впоследствии возлагавшихся на нее надежд и благодаря поспешности в работе и землетрясениям не служила серьезным препятствием для приближения врагов к городским стенам. В настоящее время укрепления Чаталджи, возведенные несколько ближе к городу, являются как бы подражанием Анастасиевой стене, следы которой можно видеть и теперь.

В Западной Европе во время Анастасия происходили дальнейшие изменения. Теодорих сделался остготским королем в Италии, а на далеком северо-западе, еще до вступления Анастасия на престол, Хлодвиг основал сильное франкское государство. Оба государства были созданы на землях, теоретически принадлежавших римскому, т. е. в данном случае византийскому, императору. Конечно, о какой-либо действительной зависимости, особенно отдаленного франкского государства, от Константинополя не было и речи. Но в глазах подчинявшегося германцам туземного населения власть пришлого государя только тогда получала настоящее обоснование,

когда она подтверждалась с берегов Босфора. Поэтому когда готы провозгласили Теодориха в Италии королем, «не дождав, - как говорит современный хронист, - распоряжения нового принцепса», т. е. Анастасия, Теодорих просил последнего прислать ему знаки императорской власти, отправленные раньше Одоакром Зенону. Просьбу остготского короля Анастасий исполнил, после чего первый в глазах итальянского туземного населения сделался законным правителем. Дальнейшему сближению остготов с Италией мешало, как известно, их арианство.

Хлодвигу франкскому Анастасий послал диплом на консульское достоинство, которое с великой радостью было им принято. Конечно, здесь речь шла лишь о почетном звании консула, которое не влекло за собой отправления соответствующих обязанностей. Тем не менее для Хлодвига это имело большое значение. Римское население Галлии смотрело на восточного императора как на носителя верховной власти, от которой другая власть должна была получать свою компетенцию. Диплом Анастасия на консульское звание доказывал галльскому населению законность власти Хлодвига над ними. Он делался этим как бы наместником провинции, которая теоретически оставалась частью единой Римской империи. Подобные отношения византийского государя к западным германским государствам указывают на то, как в конце V и начале VI века еще сильно жила на Западе идея единой империи.

В своей религиозной политике, несмотря на вышеупомянутое обещание патриарху не вводить в церковь никаких новшеств, Анастасий был склонен к монофизитству; через некоторое же время он открыто перешел на сторону монофизитов. Последнее обстоятельство было приветствовано в Египте и Сирии, областях по преимуществу монофизитских. Но зато в самой столице монофизитские симпатии императора вызвали большое смущение. Когда же Анастасий, по образцу Антиохии, велел Трисвятое петь с прибавлением слов «Распныйся за ны», т. е.: «Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, распныйся за ны, помилуй нас», то в Константинополе поднялось сильное восстание, едва не кончившееся низложением императора.

На фоне религиозной политики Анастасия вспыхнуло во Фракии восстание Виталиана, выступившего с большим сухопутным войском, в состав которого входили гунны, болгары и, может быть, славяне, и с многочисленными судами против столицы; имея в виду свергнуть императора с престола, т. е. цель политическую, Виталиан объявил, что поднялся на защиту угнетенной православной церкви. После долгой, упорной и временами неудачной для императора борьбы с Виталианом восстание последнего было подавлено. В истории оно имеет немалое значение: по словам Ф. И. Успенского, Виталиан, «приводя три раза под Константинополь отряды, собранные из племен разного происхождения, и, истребовав от правительства ог-

ромные денежные выдачи, обнажил перед варварами слабость империи и громадные богатства Константинополя и приучил их к комбинированным движениям с суши и с моря».

Внутренняя деятельность Анастасия, до сих пор еще недостаточно оцененная и исследованная в исторической литературе, отличаясь большим оживлением, касается важных сторон экономической и финансовой жизни страны.

На первое место должна быть поставлена его финансовая мера, отменившая ненавистный, тяжелый налог - хрисаргир, т. е. налог, уплачиваемый золотом и серебром (по-латыни он назывался *lustralis collatio*). Это подать, введенная еще при Константине Великом, падала на все существовавшие в империи ремесла и промыслы, не исключая прислуги, нищих, публичных женщин и т. д., и даже, вероятно, на самые орудия для добывания средств к жизни, как, например, на лошадь, мула, осла, собаку и т. д. Особенно страдали от хрисаргира бедные классы. Хотя эта подать должна была быть взимаема раз в пять лет, на самом деле во времени ее взимания господствовали произвол и полная неожиданность, что приводило в отчаяние население. Анастасий, невзирая на крупный доход казне от этого налога, окончательно отменил его, уничтожив все связанные с ним документы. Население восторженно встретило отмену ненавистного налога, о которой, по словам одного историка VI века, «нужно было бы говорить языком Фукидида, или даже еще более важным и красивым». Сирийский источник VI века так описывал радость, с которой декрет об отмене был встречен в Эдессе: «Весь город радовался, и они [жители] все надели белые одежды; все, большие и маленькие, несли зажженные свечи и курильницы, полные горящего ладана, и шли вперед с псалмами и гимнами, благодаря Господа и хваля императора, к церкви св. Сергия и св. Симеона, где они славили благую весть (*the eucharist*). Затем они вернулись в город и организовали радостный и веселый праздник, продолжавшийся всю неделю, и они приняли закон, что они должны отмечать этот праздник каждый год. Все ремесленники радовались, совершая омовения и празднуя во дворе самой большой церкви и во всех портиках (*porticos*) города».

Объем собираемого в Эдессе хрисаргира составлял 140 фунтов золота каждый год. Отмена этого налога давала особое удовлетворение церкви, ибо, из-за того, что брался он и с доходов проституток, налог соответственно легализировал порок.

Конечно, отмена хрисаргира лишала казну значительного дохода, однако эта потеря была скоро компенсирована введением нового налога - «хрисотелии» (*crusoteleia*), «налог золотом», или «налог в золоте», направленный на поддержку армии. Он тоже был тяжелым для бедных классов, так что вся финансовая реформа имела в виду скорее более регулярное

распределение налогового бремени, чем его реальное облегчение. Возможно, наиболее важной финансовой реформой Анастасия была отмена, по совету его верного префекта претория, сирийца Марина, системы, при которой городской (*curiae*) был ответствен за сбор налогов в городе; Анастасий передал эту обязанность должностным лицам, называемым виндиками (*vindices*), которых, вероятно, утверждал префект претория. Хотя эта новая система сбора налогов значительно увеличила доходы, в последующие годы она была изменена. При Анастасии, как кажется, гораздо более острой, чем когда-либо ранее, стала проблема заброшенной и необрабатываемой земли. Бремя дополнительных налогов падало как на людей, не способных платить, так и на неурожайную землю. Собственники плодородной земли, таким образом, становились ответственными перед властями за полную уплату налогов. Это дополнительное обложение, называвшееся по-гречески *epibolh* - т. е. надбавка, придача, была очень древним институтом, восходящим к птолемеевскому Египту. С особой суровостью его собирали во время правления Юстиниана Великого. Анастасий издал также указ о том, что свободный человек, проживший в одном месте тридцать лет, становился колоном, т. е. прикреплялся к земле, не теряя своей личной свободы и права владения имуществом.

Время Анастасия отмечено также большой денежной реформой. В 498 году был введен большой бронзовый фолл (*follis*) с его мелкими номинациями. Новую монету приветствовали особенно бедные граждане, ибо медная монета в обращении стала редкой, была плохой по качеству и не имела указания ценности. Новую монету чеканили на трех монетных дворах, которые функционировали при Анастасии в Константинополе, Никомедии и Антиохии. Бронзовая монета, введенная Анастасием, оставалась образцом имперских денег до второй половины седьмого века.

К числу гуманных мер Анастасия надо отнести его указ запрещении борьбы с дикими зверями в цирках.

Несмотря на то, что Анастасий нередко жаловал податные облегчения провинциям и городам, особенно восточным, ввиду их разорения, вызванного персидской войной, несмотря на крупные сооружения, требовавшие немало средств, как, например, Длинная стена, водопроводы, маяк в Александрии и т. д., государство к концу правления императора обладало солидной денежной наличностью, которую историк Прокопий, правда, очевидно, не без некоторого преувеличения, определяет в количестве 320.000 фунтов золота, т. е. около 130-140 миллионов золотых рублей. Экономия Анастасия, конечно, сыграла свою роль в многосторонней и кипучей деятельности второго преемника Анастасия, Юстиниана Великого. Время Анастасия служит прекрасным введением в следующую, юстиниановскую эпоху.

Лекция 15.

План:

Общие принципы культурной жизни Византии. Наследие предыдущих эпох.

Константинополь. Мировое значение столицы Восточной империи.

а. Описание города.

б. Архитектура.

3. Литература.

4. Просвещение.

5. Искусство.

По своему географическому положению (Балканы и Малая Азия) Византия была главным перекрестком на культурно-политических и торговых путях Восток — Запад; буфером при военной экспансии Запада на Восток и обратно; и явилась мощным синтезатором восточно-западных культурных и духовных ценностей.

Уже из этого понятен не ослабевающий интерес современной науки ко всем аспектам византийской истории и культуры. Однако, византийской эстетике в этом плане «повезло» меньше всего. Seriously её исследованием занялись только в последние полстолетия и круг исследователей пока не очень велик.

Сегодня, по мере изучения и публикации памятников, со все возрастающей очевидностью проявляется непреходящая художественно-эстетическая значимость византийской живописи, архитектуры, литературы, гимнографии, декоративно-прикладного и ювелирного искусства, придворного церемониала, богослужения, наконец, во многом основывавшегося на синтезе всех перечисленных искусств. Начинает осознаваться и значимость собственно эстетической мысли византийцев, которая, как и повсюду в древности и в средние века, не была сконцентрирована в специальных трактатах, но обильно растеклась по их необозримому книжному наследию.

Развитие, становление и расцвет собственно византийской культуры приходится на период IV -V вв. Время уникальное, в своем роде, когда христианство стало государственной религией (при Феодосии Великом) и начало пронизывать все стороны тогдашнего мировосприятия. Это «золотой век» святоотеческой письменности.

В это время во всех концах империи (и в Константинополе, и в Александрии и в Малой Азии) подвизались крупнейшие подвижники, христианские мыслители, заложившие своими многочисленными трудами основы всей последующей христианской культуры, которая легла в основу не только византийской культуры, но и культур православных стран, значительно переживших Византию.

Святые Отцы в своих суждениях о красоте опирались на богатые и разнообразные эстетические традиции. Однако, вступление в христианские общины большого числа знатных и образованных людей привело к определенным изменениям в эстетических представлениях. Во-первых, ригоризм сменяется стремлением максимально использовать достижения античной классики. Идеи Платона, Филона, Плотина занимают свое место в творениях ранних византийцев.

Богословы и мыслители активно развивали идеи апологетов и античных мыслителей о высоком достоинстве человека, его главенствующем месте в материальном мире. Св. Макарий Египетский в своих «Духовных беседах», восхищаясь красотой и совершенством всех частей мира, считает человека венцом творения, более ценным даже, чем ангелы, так как только человека Бог создал по своему образу и подобию, наделили его свободной воли. В конце IV в. Эмесский епископ Немесий написал специальный антропологический трактат «О природе человека», в котором использовал многие соображения, высказанные как античными мыслителями (Аристотелем, Галеном, стоиками), так и апологетами и каппадокийцами. В Византии трактат Немесия почитался в качестве авторитетнейшего источника. Св. Иоанн Дамаскин цитировал его в своих творениях целыми страницами.

Творение Богом мира из ничего и вочеловечивание Бога - вот два догмата, через призму которых идет переосмысление взгляда предшествующих христианству этических систем на материю и человека, созданного из нее. Диалектика материи и духа освящается божественным умопостигаемым таинством, материя начинает пониматься не как враг, но как важный носитель духовного начала в сотворенном мире.

Важной предпосылкой развития эстетического сознания в Византии можно считать религиозную гносеологию, которая IV - VI вв. Пришла к осознанию невозможности формально-логического познания. Первопричи-

ны и перенесла завершение познания (его высший этап) в сферу неформализуемых феноменов. Эмоционально-эстетический опыт и проблема непонятного (образно-символического, в частности) выражения духовных сущностей занимают с этого времени важное место в византийской духовной культуре, открывая широкие перспективы развитию эстетики и художественной культуры.

Ранние византийцы, продолжавшие традиции апологетики, неразрывно связывали красоту с наслаждением. Все прекрасное возбуждает в человеке вожделение: чувственно воспринимаемая красота, как правило, - плотское, духовная красота - стремление души; первая ведет к чувственным наслаждениям, вторая - к духовным. Отсюда - общая тенденция христианских мыслителей к отказу от первой устремленности ко второй. Византийцы постепенно учились и в чувственно воспринимаемой красоте прозревать более глубокие уровни прекрасного, и от нее получать духовное наслаждение. Чаще же в это время чувственно воспринимаемая красота поощряется византийцами не сама по себе, но приводится в качестве своеобразных параллельных, или метафорических образов для перехода к разговору о более высоких уровнях красоты - нравственной красоте или духовной. Отцы церкви, не отрицая видимую красоту, как результат божественного творчестве, все чаще и последовательнее наделяют ее переносным значением. Для них она чаще интересна не сама по себе, но как некое указание на прекрасное более высоких уровней, как знак духовного прекрасного, которое все больше привлекает их внимание.

На одно из первых мест выходит в этот период идея абсолютной, божественной красоты, «истинно прекрасного». Эта идея играла в византийской философско-религиозной системе несколько иную роль, чем у античных мыслителей. Она меньше всего была для них предметом умозрительных рассуждений, но выступала важнейшим элементом гносеологии.

Относительно материального мира и человека, на что уже указывалось, византийцы этого периода практически полностью разделяли взгляды апологетов, то есть им также были свойственны постоянные колебания от принятия земной красоты к отказу от нее и обратно, доходящие на уровне культуры в целом до своеобразной антиномии красоты - ее одновременно восхваления и порицания, принятия и неприятия.

Св. Отцы продолжают усматривать в природной красоте явный признак божественного созидания. Как при созерцании красивого и величественного сооружения или искусной картины на ум приходит мысль о художнике, писал блаж. Феодорит Кирский, так и красоты природы возбуждает мысль о ее Создателе.

Наряду с понятиями красоты и прекрасного ранневизантийская эстетика выдвинула еще одно, постоянно перекликающееся с ними, но имеющее в целом самостоятельное значение - понятие света. Византийцы полагали свет важнейшей категорией своей гносеологии, мистики, эстетики как в теоретическом, так и в практическом аспектах, категорией многозначной и весьма ёмкой.

Установив тесную связь между Богом и светом, византийцы констатировали подобное же отношение между светом и красотой.

Высший духовный свет представлялся им той полнотой, которая являет собой абсолютное единство всего позитивного в его идеальной сущности, то есть единство высшей истины, высшего блага и высшей красоты. Только приобщившись к этому свету человек достигает состояния истинного блаженства. Душа его вся становится оком, созерцающим этот свет, растворяющимся в его красоте и славе. Как писал прп. Макарий Египетский, «душа удостоенная Духом, уготовившим ее в престол и обитель Себе, к приобщению света Его, и осиянная красотой неизреченной славе Его, делается вся светом, вся лицом, вся оком...» (Духовные беседы, I 2). Достижение подобного состояния стало со временем Макария идеалом подвижнической жизни.

Другой важной и близкой к свету модификацией и реализацией прекрасного в византийской эстетике выступал цвет, воспринимавшийся византийцами как материализованный свет. Цветной свет и блеск мозаик в храмах при соответствующем колеблющемся освещении создавал необыкновенный эстетический эффект цветовой атмосферы, в которой совершалось храмовое действо.

Цвет в византийской культуре играл, после слова, одну из главных ролей. В отличие от слова с его семантической определенностью (имеется в виду слово вне структуры поэтического текста), цвет, благодаря ассоциативности его восприятия, являлся могучим возбудителем сферы сверхсознательного и, следовательно, оказывался важным гносеологическим фактором. Цветовые структуры живописи способствовали углубленному восприятию не формализуемого знания, на что обращали внимание и сами византийские мыслители.

Также византийские отцы активно развивали все аспекты теории образа и символа, намеченные апологетами, и также Филоном Александрийским.

Со времени каппадокийцев зрительный образ, в частности живописный образ, оказался на одном уровне со словом, причем слово не имело перед ним особых преимуществ, так как и само являлось «образом».

С одной стороны, символ служит для обозначения, изображения и тем самым выявления непостижимого, безо-бразного и бесконечного в конечном, чувственно воспринимаемом. С другой, - он является оболочкой, покровом и надежной защитой не выговариваемой истины от глаз и слуха «первого встречного» недостойного познания истины.

Непонятная информация символа воспринимается стремящимися к ее познанию далеко не в последнюю очередь в форме «красоты» и «света». Однако, речь идет не о внешней красоте форм, а о некоей обобщенной духовной красоте, содержащейся во всевозможных символах - словесных, изобразительных, музыкальных, предметных, культовых и т.п. Красота же эта открывается только тому, кто «умеет видеть».

Каждый символ (знак, образ) может иметь ряд значений в зависимости от контекста, в котором он употреблен, и от личностных свойств («природы») созерцателя. Однако и при этой многозначности «не следует смешивать священные символы друг с другом»: каждый из них должен быть понят в соответствии с его собственными причинами и его бытием. Полное познание символа приводит к неисчерпаемому изысканному наслаждению от созерцания неопишуемого совершенства и восприятия божественной мудрости, то есть, практически, к эстетическому завершению процесса познания.

Многозначный образ являлся основным элементом в системе византийского знания. В понимании Св. Отцов не только священная иерархия, но и вся структура мироздания пронизана идеей образа. Образ - это важнейший способ связи и соотнесения между принципиально несоотносимыми и несвязуемыми уровнями бытия и «сверх бытия»; только в нем и посредством его возможно умонепостигаемое единство («неслитное соединение») трансцендентности и имманентности божества.

Мысль о большой образно-символической значимости незначительных. Невзрачных и даже безобразных предметов и явлений лежала в основе «невзрачной», обездоленной части населения Империи. Мысль эта обосновывала переоценку всех традиционных ценностей, проводимую ранним христианством. Все почитавшееся в мире римской аристократии ценным (в том числе богатство, украшения, внешняя красота и значительность, все античные искусства), утрачивало свое значение в глазах ранних христиан, и высоким духовным значением наделялось все невзрачное и пре-

зираемое Римом. Отсюда, и представления о невзрачном внешнем виде Христа.

Подобные представления открывали неограниченные возможности для развития христианского символически-аллегорического искусства во всех его видах и жанрах и обосновывали необходимость его существования в христианской культуре.

С утверждением христианства в качестве государственной религии Римской империи в IV в. и с распространением христианского миропонимания по всей средиземноморской ойкумене наметился процесс переориентации всех сфер позднеантичной духовной культуры в русло новой идеологии. Захватил он естественно и области художественной практики и теории искусства.

Следует вспомнить, что античность, а вслед за ней и средние века наделяли термин искусство (*ars*) существенно иным значением, чем то, в котором он употребляется в наше время. Практически все отрасли духовной и предметно-практической деятельности человека назывались в позднеантичный период *artes*. В античности наметилось и деление искусств на свободные (*artes liberales*) и служебные (*artes vulgares*). К последним относились искусства, требующие физических усилий, к первым — сугубо духовные. Во II в. По Р. Хр. Гален считал высокими искусствами риторику, диалектику, геометрию, арифметику, астрономию, грамматику и музыку, как теоретическую дисциплину математического цикла. К служебным искусствам относились все ремёсла. Живопись, скульптура и архитектура автоматически попадали в низший разряд, хотя уже Гален полагал, что изобразительные искусства можно было бы отнести к свободным искусствам. Служебные искусства рассматривались как имеющие утилитарное назначение, а свободные — служащими для удовольствия. В V веке в энциклопедическом трактате карфагенского уроженца Марциана Капеллы «О браке Филологии и Меркурия» приводится система семи свободных искусств, которая, будучи усовершенствованной Боэцием и Кассиодором, стала традиционной для средних веков. Свободные искусства подразделялись на «тривий», включавший грамматику, риторику, диалектику, и «квадривий», состоявший из музыки, арифметики, геометрии и астрономии. К служебным или «механическим» (*artes mechanicae*) относили в этот период музыку, как исполнительское искусство, живопись, скульптуру, архитектуру, различные ремёсла. Таким образом, свободные искусства состояли в основном из научных, с современной точки зрения, дисциплин, а «механические» включали в свой состав ремёсла и те искусства, которые Новое время отнесло к разряду «изящных искусств». Поэтому, как справедливо отмечает современный автор, средневековая философия искусства представляла собой или эпистемологию или технологию.

Византийские мыслители IV в., последовательно разрабатывая во всех деталях новую систему миропонимания, достаточно регулярно обращались к искусствам. Показательны в этом плане взгляды Афанасия Александрийского.

Ранневизантийские писатели активно развивали возникшую еще в античности традицию теоретико-описательного анализа отдельных произведений искусства, прежде всего архитектуры и живописи, положившую начало европейскому искусствознанию.

В своих описаниях произведений искусства византийцы опирались на два различных и хорошо известных им типа экфрасиса — греко-римский и древнееврейский. Одни из них развивали первый тип, другие подражали второму, а третьи пытались использовать и развить их оба в стремлении наиболее полно и всесторонне описать и объяснить рассматриваемое произведение искусства. В качестве характерной черты греко-римского экфрасиса следует указать на тенденцию подробно описывать внешний вид произведения искусства, как бы давать словесный аналог того, *что видит* зритель, рассматривающий данное произведение. Ветхозаветных авторов, напротив, меньше интересовал собственно внешний вид описываемых предметов. За ним они усматривали, говоря современным языком, технологию изготовления соответствующих произведений, поэтому их описания наполнены динамикой и движением процессов изготовления храма и дворца Соломона, «ковчега завета», одежд священнослужителей и т. п. произведений древнееврейского искусства¹. Условно можно было бы обозначить первый тип описания как *статический*, а второй — как *динамический*. Подчеркну, что их соотнесение с греко-римской и ближневосточной культурами делается только на уровне характерных *тенденций*. На практике мы встречаем и в греко-римском мире отдельные примеры динамического экфрасиса, и в ближневосточном — статического, ибо культуры эти, хотя и развивались своими путями, но принадлежат фактически одному средиземноморскому региону и с глубокой древности имели более или менее регулярные контакты.

Толковательный экфрасис не был оригинальным изобретением христианских писателей. В своих описаниях произведений искусства они опирались на богатые традиции античных и библейских описаний с одной стороны, а с другой — переносили на произведения архитектуры и изобразительного искусства также хорошо развитые в эллинистической и позднеримской культуре методы символично-аллегорического толкования словесного материала (библейские экзегезы первых веков по Р. Хр., в частности, многочисленных трактатов Филона Александрийского или Оригена, а также неоплатонического толкования античной мифологии). Принцип символического мышления, активно воспринятый многими христианскими мыслителями, был распространен в ранневизантийский период практически на все

виды искусства.

Среди многочисленных образцов византийского экфрасиса можно выделить целый ряд описаний, в которых на первый план выступает психологический аспект воздействия произведений искусства на человека, что выражается в перенесении акцента с описания самого произведения на описание субъективного впечатления от него.

Обратившись к ранневизантийским описаниям религиозной живописи, мы также встретимся с достаточно многообразными видами описаний, тяготеющими однако в значительно большей мере, чем архитектурный экфрасис, к античной греко-римской традиции.

Итак, в первый период активного становления византийской культуры развитое художественно - эстетическое сознание византийцев нашло многообразное выражение в эстетической мысли своего времени. В патристике была глубоко и всесторонне разработана *теория символизма* и общая *теория образа*; переосмыслены в свете нового христианского миропонимания традиционные представления о прекрасном. При однозначном принятии божественной и духовно-нравственной красоты, утвердилось антиномическое позитивно-негативное отношение к видимой красоте. В среде монашества возникло и сформировалось новое направление в эстетике - *эстетика аскетизма*, — имеющее своей главной целью духовно-телесное преображение, а также — созерцание Бога, результатом которого должно стать неопишущее духовное наслаждение. На стыке патристического и антикизирующего направлений ранневизантийской эстетики активно развивается *искусствоведческая эстетика* — многоуровневое описание и всестороннее осмысление искусства, опиравшееся в основном на художественную практику того времени. Эстетическая мысль ранней Византии сразу же достигает высокого уровня развития, который в последующем уже, пожалуй, не будет превзойден, а её развитие будет продолжаться на путях углубления тех или иных направлений, отдельных теорий, концепций, идей.

Теперь поговорим конкретнее. Прежде всего необходимо сказать о столице империи - Константинополе.

Рим не имел такого значения для Западной империи, как Константинополь для Восточной. — Столица Западной империи могла быть и в Милане, и в Равенне; это не сопровождалось особенно важным значением ни в политическом, ни в административном отношениях; между тем, Константинополь не может быть отделен от Восточной империи.

Константин Великий окружил новую столицу стеной как с суши, так и с моря. Ко времени Феодосия II город разросся далеко за пределы Константиновой сухопутной стены. Необходимо было принять новые меры к защите

города от нападения врагов. Пример Рима, взятого в 410 году Аларихом, являлся серьезным предостережением для Константинополя, которому в первой половине V века угрожали дикие гунны.

Для выполнения столь трудной задачи нашлись около Феодосия талантливые и энергичные люди. Стены строились при нем в два приема. Еще в малолетство Феодосия префект Анфимий, бывший регентом, соорудил в 413 году сухопутную стену с многочисленными башнями, от Мраморного моря до Золотого Рога, в некотором расстоянии на запад от стены Константина (включив в черту города и прежний загородный квартал, называемый Эксокионий). Стена Анфимия, спасшая столицу от нападения Аттилы, существует и по настоящее время, на расстоянии от Мраморного моря на север до развалин византийского дворца, известного под названием Текфур Серая. Только квартал близ Золотого Рога у Влахернского дворца оставался открытым и защищен стеной при императоре Ираклии в 625г. После сильного землетрясения, повредившего стены, префекты Кир и Константин, которых в науке нередко отождествляют, уже в конце царствования Феодосия не только исправили стену Анфимия, но и соорудили впереди последней еще стену, также со многими башнями, перед которой вырыли глубокий и широкий, наполненный водой ров. Таким образом, с суши получился тройной ряд укреплений, уцелевших до нашего времени: две стены и перед ними ров. При Кире были также построены стены вдоль берега моря. Сохранившиеся от того времени до наших дней на стенах две надписи, одна греческая, другая латинская, говорят о строительной деятельности Феодосия. С именем же Кира связывается введение ночного уличного освещения в столице.

Городские стены, которые окружали Константинополь в V веке, сохранились до наших дней. Золотые Ворота (Porta Aurea), через которые императоры официально въезжали в город, были построены в конце IV века или в начале V в. Замечательные благодаря своему архитектурному великолепию, они существуют до сих пор.

Таким образом, можно сказать, что собственный город Константинополь (нынешний Стамбул), вырос до его естественных границ в течение IV и V вв.

Возведенные же Феодосием городские стены сделали Константинополь на много веков неприступным для врагов Византии. Н. Х. Бейнз заметил: «В известном отношении стены Константинополя представляли для Востока пушки и порох, из-за отсутствия которых погибла империя на Западе».

Город быстро стал развиваться, так что уже к концу IV в. массы новых поселенцев не находили места внутри городских стен, и за чертой города

стали возникать новые постройки и поселения. Там указано было императором Феодосием расположение для готских военных отрядов или федератов, по которым загородные части долго были известны под номерами: второй, третий, четвертый, пятый и седьмой.

Дальнейший его прирост был, главным образом, в предместьях: Космидий (в конце Золотого Рога), Галата, Пера, Бешик-таш, Скутари и т. д.

Быстрому росту города способствовали благоприятные условия, в которые он был поставлен: особенные привилегии, предоставленные городу в гражданском и торговом отношениях. Городской округ изъят был от земельной налоговой, и гражданам предоставлены были обширные привилегии: торговые права промышленным людям, пособия от правительства, безденежная раздача хлеба и даровое помещение для бедных. Преимущества государственной и придворной службы, почетное звание сенатора и различные служебные, деловые и практические интересы потянули в Константинополь знатных и богатых людей из Рима, Александрии, Антиохии и других городов. Константин и его ближайшие преемники прибегали к самым крайним средствам, чтобы украсить свою столицу и сделать пребывание в ней приятным для иностранцев и для местных жителей.

Преобразование Византии в столицу империи сопровождалось реформами в христианском духе. Древние святилища на акрополе были частью закрыты, частью обращены в общественные здания для иных целей, храмовые имущества конфискованы или переданы христианам. Статуи богов и богинь посредством легких переделок и приспособлений применены были к христианскому культу. При постройке христианских церквей пользовались прежними храмовыми постройками или употребляли материал древних храмов на постройку новых зданий. Церковь св. Мокия построена на месте храма Зевса; точно так же церковь св. Мины на месте храма Посейдона и св. Ирины на акрополе, последняя сохранилась доселе, хотя обращена в военный музей. Большинство христианских благотворительных учреждений столицы Восточной империи, вероятно, такого же происхождения. Константин желал, однако, придать чрезвычайный блеск своей столице и не задумался в пользу ее лишить древних памятников других городов. Для этого он приказал искать статуи, рельефы, колонны и проч. в ближних и дальних городах и привозить их в Константинополь. Таким образом доставленные из различных городов скульптурные произведения обогатили столицу империи памятниками древнего искусства, послужили образцом для местных художников и украшением для публичных зданий, дворцов, площадей и улиц.

Преемники Константина прилагали также много старания, чтобы украсить и расширить столицу. Юлиан устроил новую гавань, теперь засыпанную, близ церкви Сергия и Вакха и приказал привезти из Египта обелиск

для украшения восточной части города. Время Феодосия и затем Юстиниана в истории Константинополя отмечается громадными сооружениями дворцов, церквей, портиков общественных зданий, как сенат, ипподром, театр, бани, рынки и т. п.

Громадное население города в особенности скоплялось большими массами на площадях и на главных улицах, которые украшены были портиками и колоннадами, общественными зданиями и художественными произведениями искусства. Главная улица Константинополя, прорезывавшая город от внешних стен до площади Августея, св. Софии и императорских дворцов, шла в двух направлениях. Разветвление начиналось близ площади Тавра, причем одна улица направлялась на храм свв. Апостолов и цистерну Аспара к нынешним Адрианопольским воротам, получив совершенно соответствующее ее положению в городе наименование Средней улицы (Меса); другая часть улицы того же названия проходила поблизости от Мраморного моря и направлялась к Золотым воротам. По ней направлялись церковные процессии и торжественные церемониальные выходы императоров, на ней или поблизости от нее находились главнейшие памятники и важнейшие церковные и общественные здания. Исходные пункты Средней улицы сохранились и по настоящее время: Золотые ворота и св. София.

Одним из первых памятников, который встречался по Средней улице с запада на восток, был Эксокионий. — Нужно полагать, что эта местность была поблизости от пересечения улицы стеной Константина, т. к. в IV и V вв. весь этот обширный участок, находившийся между стеной Константина и Феодосия, назывался «за колоннами» (эксокионий), где жили готские военные отряды, и где была выстроена для них церковь, в которой совершалось арианское богослужение на немецком языке. В этом направлении, ближе к Золотым воротам, был построен в 463 г. знаменитый Студийский монастырь с церковью св. Иоанна Предтечи. Переходя в пределы, ограниченные старой стеной Константина, встречаются уже более ясные признаки направления Средней улицы. Здесь прежде всею был холм, называемый Ксиролоф, на котором находилось несколько памятников. На месте нынешнюю Аврет-базара находилась площадь Аркадия, forum Arcade, с колонной в честь императора Аркадия и с его статуей, поставленной Феодосием II в 421г.

Колонна Аркадия, украшенная рельефами, стояла на своем месте до 1719 г. когда вследствие землетрясения была повержена на землю. Ближайшая к аркадиевой площади по Средней улице была площадь Быка, Площадь называлась также просто Быком и получила это название от громадного бронзового быка, который иногда служил печью для сожжения преступников. Ныне эта местность известна под именем Ак-серай, близ площади Феодосия или Тавра было разветвление улиц, одна продолжа-

лась к св. Софии, а другая направлялась прямо на запад, мимо храма свв. Апостолов, к Адрианопольским воротам. Здесь находились следующие достопримечательности: Амастрийская площадь, Капитолий и Филадельфии.

Площадь forum Theodosii сохранилась и составляет одно из центральных мест нынешнею Константинополя. В середине площади находилась колонна, поставленная Феодосием I в память побед его над готами и скифами и украшенная рельефными изображениями, поднимавшимися спиралью кругом колонны. При султани Баязиде II (1481—1512) на месте этой колонны построены бани и самая колонна уничтожена. Ныне здесь находятся мечеть Баязида и здание сераскирата. Далее Средняя улица ведет к центральным местностям Константинополя. За форумом Феодосия следовал хлебный рынок. Здесь был водружен Константином на мраморной колонне крест, сделанный им наподобие того, который видел он на небе; здесь же была арка, у которой происходила смена партий, участвовавших в торжественных процессиях. Далее Меса приводила на площадь Константина.

Это была центральная площадь древнего Константинополя, украшенная портиками, колоннами и триумфальными арками, а посередине имевшая порфиновую колонну, привезенную из Рима из храма Аполлона. На этой площади в разных местах стояли мраморные статуи, произведения лучших древних мастеров, привезенные из многих городов, а также публичные здания, например, второй сенат. Так называемая Обожженная колонна, стоящая на своем первоначальном месте, уже в древнее время получила важное, частью мистическое, частью религиозное и археологическое значение и соединила на себе многообразные народные предания, связанные с судьбой города и империи. Эта колонна пострадала от сильной бури и молнии в царствование Алексея Комнина в 1105 г., причем венчавшая колонну статуя Константина была разбита и сброшена на землю. Царь поправил повреждения на колонне, но вместо статуи приказал поставить крест, приписываемый преданием времени Константина.

Средняя улица приводила к Милию и площади Августея, или Августеона, соседствовавшая с священными и драгоценными памятниками древнего Константинополя: св. София, св. Ирина, Большой дворец и ипподром. На указанном пространстве Меса блистала богатыми и красивыми украшениями и роскошно отделанными портиками: дворцы Лавса, Антиоха, Филоксена; здесь был самый оживленный пункт города. Здесь на площади Августеона были роскошные дворцы и публичные здания: палаты патриарха, библиотека, бани Зевксиппа, сенат и другие здания.

В середине площади стояла статуя св. Елены, или Августы, откуда происходит и название площади; там же была серебряная статуя Евдоксии,

супруги Аркадия; впоследствии здесь же была поставлена колоссальная статуя Юстиниана I. Близ этой площади был Милий, имевший целью обозначить исходную точку для измерения военного пути, идущего от Константинополя. Это было основанное на 4 колоннах купольное здание, украшенное скульптурным искусством, представлявшее собой воспроизведение римского *monumentum aegyptium*. Самыми важными постройками, находившимися близ площади Августеона и более или менее к ней примыкающими, были церковь св. Софии, Большой дворец и ипподром.

Большой дворец, как резиденция Константина, по первоначальному плану принадлежит к IV в. Расширенный и много раз перестроенный византийскими царями, начиная с Юстиниана I до XII в. Большой дворец составил собой с течением времени значительный комплекс зданий, занимавших громадное пространство на первом холме и его спусках к Мраморному морю. В первый период империй до царей Комнинов, которые перенесли свою резиденцию во Влахерны. Большой дворец с прилегавшими к нему зданиями был центром городской и политической жизни, отсюда направлялась церковная и гражданская политика и вся администрация Византийской империи. Он сосредоточивал в себе не только дворцы для помещения императора и его семьи, но также огромные залы для приемов и придворных празднеств, обширные парки и сады и галереи, а также помещения для обширного служебного персонала, для царской гвардии и гарнизона, кроме того, церкви и церковные здания. Большой дворец - это скорее представление о значительной части города, чем дворца в обыкновенном смысле этого слова. Сюда относятся: 1) знаменитая палата Хрисотриктин с тронной залой; 2) Триконх; 3) зала XIX аккувитов; 4) дворцы Дафна и Халка; 5) дворец Магнавра; 6) порфиновый дворец; 7) военный склад и темницы, и постройки Василия Македонянина: Новая церковь и Богородицы Фара. С XIII в. все эти здания начали приходить в упадок, т. к. императоры, не найдя более удобным пребывание на этом месте, предпочитали жить у стен города во Влахернах.

Любимейшим для жителей Константинополя развлечением были ипподром и дававшиеся на нем игры. Он соединен был внутренними ходами и крытыми галереями с императорским дворцом, что доставляло возможность царю быть зрителем цирковых игр, не показываясь народу. Первые основания для ипподрома положены были Септимием Севером, окончательно отстроен этот памятник Константином. Несомненно, ипподром имел назначением дать в Константинополе для народа такую же сумму развлечений, что давал *Circus maximus* в Риме. Цель эта была не только достигнута, но, можно сказать, была превзойдена, ибо константинопольское учреждение централизовало в себе не только удовольствия, но привлекло к себе политические и даже церковные интересы населения и получило не местное только, но и обще имперское значение. В ипподроме нередко решались политические и церковные вопросы первостепенной важности, в

особенности когда правительство стало принимать строгие меры к ограничению муниципальных прав городского населения, и когда цирковые партии приняли политическую окраску. Разрушение ипподрома последовало в 1204 г. при взятии Константинополя крестоносцами, и закончено в XVI в. турками. В настоящее время от здания ипподрома не осталось никаких следов, но сохранились очень определенные указания, по которым определяются как место ипподрома, так и его отношение к Большому дворцу и другим древним постройкам. На месте ипподрома в настоящее время находится большая площадь к юго-западу от св. Софии, называемая Ат-мейдан.

Ближайшие к этой площади здания находятся на месте ипподрома и частью построены из прежнего материала, таковы мечеть Ахмедия, архив и тюрьмы. Первые представления на ипподроме даны были в день открытия Константином столицы. Длина ипподрома была от 1200 до 1300 футов, ширина около половины этого измерения. Сохранившиеся памятники отмечают среднюю линию по длине ипподрома, вдоль которой происходили состязания на колесницах; это *spina* - род платформы, на которой обыкновенно для украшения ипподрома ставились произведения искусства. Таких памятников сохранилось до настоящего времени на месте их первоначального нахождения три. Египетский обелиск Тутмосиса III поставлен Феодосием Великим. На мраморном основании представлен в рельефе Феодосии с своей семьей и свитой смотрящим на цирковое представление из своей ложи. Далее бронзовая змеиная колонна, представляющая фрагмент приношения всей Греции Дельфийскому Аполлону в память победы при Платее. Наконец, столб из больших квадратных тесаных камней, обложенный прежде бронзовыми позолоченными плитами. Уже в X в. он был в состоянии разрушения, так что император Константин Порфирородный подновил этот памятник, сравниваемый древними византийцами с колоссом Родосским. Уместно здесь заметить, что 4 бронзовые коня работы Лизиппа, украшающие ныне фасад св. Марка в Венеции, составляли в свое время принадлежность ипподрома. Эти кони поставлены были на ипподроме Феодосием II и увезены из Константинополя в 1204 г. после завоевания и разграбления города крестоносцами IV крестового похода.

Средняя улица прорезывала город в прямом направлении. От Месы шли в разных направлениях другие улицы. На пути от площади Быка до площади Феодосия в направлении Средней улицы встречается несколько темных и невыясненных пунктов. Новые постройки здесь появились на прежней улице, и новые улицы прошли в другом направлении. Местность, где находится ныне мечеть Шах-заде, составляет один из узловых пунктов, откуда идут большие улицы в разных направлениях, и прежде всею большая улица, идущая прямо на запад, к знаменитому храму свв. Апостолов и к Адрианопольским воротам. По всей вероятности, здесь должно полагать древний Филадельфий, откуда Меса вела прямо к площади Феодосия.

В ближайшем соседстве проходил громадный водопровод Валента, составлявший незаменимый для внутреннего города способ водоснабжения. Поблизости находится храм свв. Апостолов, построенный Константином и назначенный для погребения императорской семьи. Впоследствии он сделался усыпальницей всех византийских императоров, каковой и оставался до завоевания Константинополя в 1453 г. В течение двух лет турецкой эпохи здесь нашла приют патриархия, а в 1455 г. Магомет II построил на месте храма мечеть, называемую Мехмедие. В истории Византии храм свв. Апостолов играл весьма важное значение и с точки зрения роскоши постройки и искусства считался одним из замечательнейших памятников Константинополя. По архитектурной форме храм Апостолов имел форму креста и был окружен обширным двором с галереями из колонн и памятниками искусства. Близ храма были дворец, бани и другие здания, предназначенные для духовенства и военной стражи, охранявшей гробницу царей. Уже при Юстиниане этот храм был расширен и перестроен, причем с особым вниманием были украшены те приделы, арки и портики, которые предназначались для постановки гробниц прежних и будущих царей. Древнейшие епископы и патриархи Константинополя: Григорий Богослов и И. Златоуст, погребены при этом же храме, точно так же патриархи Никифор и Мефодий, прославившиеся борьбой за православие против иконоборцев.

Церковное строительство в Константинополе никогда не ослабевало. Число церквей было около 450, между ними около 100 церквей - монастырских. Не все это были монументальные постройки. Церковное строительство велось правильно, с соблюдением архитектурных законов и с употреблением на постройки хорошего материала. Следует здесь особенно обратить внимание, что некоторые церкви IV и V вв. сохранились до нынешнего времени. Такова церковь св. Ирины, церковь св. Анастасии, Иоанна Богослова, основанная патрицием Студием в 463 г. Древнейшее описание Константинополя указывает для начала V в. 14 церквей, 5 дворцов; августам принадлежало 6 домов, частных домов 4388.

Будучи политическим центром империи, Константинополь постепенно стал также интеллектуальным и артистическим центром государства. Случилось это не сразу. «В Константинополе не было никакой установившейся ранее культуры, которая позволила бы сопротивляться натиску экзотических сил. Константинополь вынужден был прежде всего взвешивать и поглощать новые влияния, задача, которая требовала по меньшей мере сотни лет».

В истории искусства период IV и V веков можно рассматривать как подготовительный период к эпохе Юстиниана Великого, когда «столица достигла полного самосознания и приняла на себя руководящую роль»,

эпохе, которую справедливо описывали как первый золотой век византийского искусства.

На широких просторах Римской империи, внутри границ, которые существовали до персидских и арабских завоеваний VII века, христианский Восток IV и V веков имел множество определенных, хорошо известных литературных центров, основные писатели которых оказывали большое влияние на окружающую их действительность далеко за пределами границ их родных городов и провинций. Каппадокия в Малой Азии имела в IV веке трех знаменитых «каппадокийцев» - Василия Великого, его друга Григория Богослова и Григория Нисского, младшего брата Василия. Важными культурными центрами в Сирии были города Антиохия и Берит (Бейрут) на морском побережье. Последний был наиболее известен своими юридическими изысканиями. Время его славы длилось примерно с 200 г. до 551 г. В Палестине Иерусалим в это время еще не полностью оправился от разрушения во времена Тита и, соответственно, не играл очень существенной роли в культурной жизни IV и V веков. Однако Кесария и к концу IV века южно-палестинский город Газа с его процветающей школой знаменитых риторов и поэтов во многом способствовали пополнению богатств мысли и литературы в это время. Однако над ними всеми египетский город Александрия продолжал оставаться центром, который оказывал широчайшее и глубочайшее влияние на весь азиатский Восток. Новый город Константинополь, только начинал проявлять признаки литературной активности. Здесь официальная защита латинского языка, несколько оторванная от насущной жизни, была особенно ощутимой. Известное значение в общем культурном и литературном развитии этой эпохи имели два других западных центра восточной империи - Фессалоники и Афины, последняя со своей языческой Академией, заслоненная в последующие годы своим победоносным соперником - Константинопольским университетом.

Сопоставление культурного развития восточных и западных провинций Византийской империи показывает интересный феномен: в европейской Греции с ее древним населением умственная и созидательная деятельность была бесконечно малой в сравнении с развитием в провинциях Азии и Африки, несмотря на тот факт, что большая часть этих провинций, согласно Крумбахеру, была «открыта» и колонизирована только со времени Александра Македонского. Тот же исследователь утверждал, что европейская часть византийских провинций была ответственна только за десять процентов всей культурной продукции этого времени. На самом деле подавляющее большинство писателей того времени происходило из Азии и Африки, тогда как после основания Константинополя почти все историки были греками. Патристическая литература имела блистательный период развития в IV и начале V века.

Каппадокийцы Василий Великий и Григорий Назианзин получили прекрасное образование в риторических школах Афин и Александрии. К сожалению, нет никакой информации о раннем этапе образования младшего брата Василия - Григория Нисского. Они все были хорошо знакомы с классической литературой и представляли так называемое «новое александрийское» течение. Оно, это течение, хотя и использовало достижения философской мысли, настаивая на определенное привлечение разума в изучении религиозной догмы и отказываясь от крайностей мистико-аллегорического течения так называемой «александрийской» школы. Вдобавок к большому количеству литературных произведений по чисто теологическим сюжетам, в которой они страстно защищали православие в его борьбе с арианством, они оставили большое количество речей и писем. Это наследие является одним из богатейших источников культурной жизни периода и даже сейчас ее значение с исторической точки зрения не исчерпано. Григорий Назианзин оставил также некоторое количество поэм, которые в основном теологические, догматические и дидактические, но в известном отношении также и исторические. Его большая поэма «О своей собственной жизни» должна из-за своей формы и содержания занять высокое место в литературе в целом. При всей своей блистательности эти три автора были только представителями своих городов. «Когда эти три гения ушли, Каппадокия вернулась в темноту, из которой они ее вытащили».

Антиохия, сирийский центр культуры, создала в противовес александрийской школе свое собственное направление, которое защищало буквальное понимание Священного Писания без аллегорических интерпретаций. Это движение возглавлялось таким необычным человеком действия, каким был ученик Либания и любимец Антиохии Иоанн Златоуст. Он сочетал классическое образование с необычной стилистикой и ораторским искусством, так что его многочисленные сочинения являются одним из драгоценнейших сокровищ мировой литературы. Последующие поколения попали под обаяние его гения и высоких моральных качеств. В результате литературные течения последующих периодов заимствовали идеи, образы и выражения из его трудов как из неисчерпаемого источника. Его репутация была столь велика, что в течение времени многие сочинения безызвестных авторов были приписаны ему. Его подлинные сочинения - проповеди и речи и более двухсот писем, написанных в основном в годы изгнания, представляют собой весьма ценный источник о внутренней жизни в империи.

Очень интенсивную и весьма разнообразную интеллектуальную жизнь во время этого периода можно было найти в Египте, особенно в его основном центре, в Александрии.

Необычной и интересной фигурой литературной жизни конца IV и начала V веков был Синезий из Кирены. Потомок старинной языческой семьи, он воспитывался в Александрии и позднее был посвящен в мистерию неоп-

латонической философии. Он сменил свои привязанности с Платона на Христа, женился на девушке-христианке и стал в последние годы своей жизни епископом Птолемаиды. Несмотря на все это, Синезий, вероятно, всегда чувствовал себя более язычником, чем христианином. Его миссия в Константинополь и его речь-обращение (address) «О царстве» показывают его интерес к политике. Строго говоря, он историком не был, однако он оставил очень важную историческую информацию в 156 письмах, которые отражают его блестящие философские и риторические достижения, которые установили стандарт стиля для византийских Средних веков. Его гимны, написанные метрикой и стилем классической поэзии, показывают странную смесь философских и христианских взглядов. Этот епископ-философ чувствовал, что классическая культура, которая была так ему дорога, приближалась к своему концу.

К V веку относится крупнейший историк египетского монашества Палладий из Эленополя, родившийся в Малой Азии, но хорошо знакомый с египетской монашеской жизнью, так как он провел десять лет в египетском монашеском мире. Под влиянием Афанасия Александрийского Палладий еще раз изобразил идеал монашеской жизни, вводя в свою историю элемент легенды. Безжалостный враг Нестория, Кирилл, епископ Александрийский, также жил в это время. Во время его бурной и энергичной жизни он написал множество писем и проповедей, которые греческими епископами последующего времени иногда заучивались наизусть. Он оставил также известное количество догматических, полемических и экзегетических трактатов, которые являются одним из основных источников по церковной истории V века. Согласно его собственному признанию, его риторическое образование было недостаточным и он не мог похвалиться аттической чистотой собственного стиля.

Другой весьма интересной фигурой этой эпохи была женщина-философ Ипатия, которая была убита фанатичной толпой в начале V века. Она была женщиной исключительной красоты и необычных умственных способностей. Благодаря ее отцу, знаменитому александрийскому математику, она познакомилась с математическими науками и классической философией. Она завоевала широкую известность благодаря своим замечательным качествам преподавателя. Среди ее учеников были известные литераторы, как, например, Синезий из Кирены, который упоминает Ипатию во многих своих письмах. Один источник говорит: «Одетая в плащ, она имела обыкновение бродить по городу и объяснять случайным слушателям сочинения Платона, Аристотеля или каких-либо других философов».

Греческая литература процветала в Египте до 451 года, вслед за решением Халкидонского собора последовал отказ церкви от греческого языка и замена его коптским. Коптская литература, которая развивалась после этого, имеет известное значение даже по отношению к греческой литерату-

ре, ибо некоторое количество не сохранившихся оригинальных греческих сочинений дошли до настоящего времени только в коптском переводе.

Это время увидело развитие литературы религиозных гимнов. Авторы гимнов постепенно отошли от исходной традиции имитации классической поэзии и развили свои собственные формы. Формы эти были совершенно самобытны и иногда их рассматривали просто как прозаические. И только сравнительно недавно эти размеры были частично объяснены. Они характеризуются разными типами акrostихов и рифм. К сожалению, сейчас очень мало известно о религиозных гимнах IV и V веков. Поэтому история их постепенного развития неясна. Тем не менее совершенно очевидно, что развитие их было значительным. Тогда, когда Григорий Богослов следовал античной метрике в большей части своих поэтических гимнов, Роман Сладкопевец, сочинения которого появились в начале VI века при Анастасии I, использовал новые формы для произведений и обращался к акrostихам и рифмам.

Лактанций, известный христианский писатель начала IV века, родом из Северной Африки, писал по-латински. Он особенно важен как автор сочинения «О смерти преследователей» (*De mortibus persecutorum*). Это сочинение дает весьма интересную информацию о времени Диоклетиана и Константина до так называемого Миланского эдикта.

Христианская литература этого времени представлена многими известными авторами, однако языческая литература не очень сильно отставала. Среди ее представителей также было немало талантливых личностей, одним из которых был Фемистий из Пафлагонии, живший во второй половине IV века. Он был философски образованным руководителем Константинопольского университета, придворным оратором и сенатором, весьма уважаемым язычниками и христианами. Он написал большое сочинение «Парафразы Аристотеля», в котором предполагал сделать более ясными самые сложные идеи греческого философа. Он также является автором примерно сорока речей, которые дают много информации о важных событиях эпохи, также как и о его собственной жизни. Крупнейшим из всех языческих риторов IV века был Либаний из Антиохии, который более чем кто-либо другой оказал влияние на своих современников. Среди его учеников был Иоанн Златоуст, Василий Великий, Григорий Назианзин. Его лекции с большим энтузиазмом изучались также молодым Юлианом до его восшествия на престол. Большой интерес представляют 65 публичных речей Либания, которые дают обильный материал о внутренней жизни эпохи. Не меньшее значение представляют его письма, которые по богатству содержания и замечательному духу могут быть сопоставлены с письмами Синезия из Кирены.

Император Юлиан был весьма яркой фигурой в интеллектуальной жизни IV века и, несмотря на краткость своей карьеры, он ясно показал свой талант в разных областях литературы. Речи Юлиана, отражающие его темные философские и религиозные спекуляции, такие как обращение к «Царю Солнцу»; его письма, сочинение «Против христианства», сохранившееся только во фрагментах, сатирический «Мисопогон» («Ненавистник бороды»), написанный против антиохийцев, важный как биографический источник, - все это показывает Юлиана как талантливого писателя, историка, сатирика и моралиста. Особо следует подчеркнуть теснейшую связь его сочинений с насущными проблемами времени.

Языческая литература IV-V веков представлена также многими писателями в области собственно истории. Среди наиболее значительных был автор широко известного сборника биографий римских императоров, написанный по-латински в IV веке и известный под названием *Scriptores Historiae Augustae* («Писатели истории августов»). Автор, время создания и историческое значение сборника - все это является предметом дискуссий, породивших огромное количество литературы. В 1923 году один английский историк писал: «Время и усилия, проведенные над историей августов... ошеломляют, однако результат этих усилий - насколько вообще возможно практическое использование результатов для истории - равен нулю».

Приск Фракийский, историк V века и участник посольства к гуннам, был другим автором, сделавшим существенный вклад в описание событий эпохи. Его «Византийская история», которая сохранилась во фрагментах, и его информация об обычаях гуннов весьма интересны и ценны. Приск на деле был основным источником по истории Аттилы и гуннов для латинских историков VI века - Кассиодора и Иордана. Зосим, живший в V веке и в начале VI, написал «Новую историю», изложение событий в которой доведено до осады Аларихом Рима в 410 году. Ревностный почитатель старых богов, он объяснял упадок Римской империи гневом богов, оставленных римлянами. Наибольшую критику у него вызывает Константин Великий. Его мнение о Юлиане было весьма высоким. Согласно современному исследователю, Зосим является не только историком «упадка Рима», но также и теоретиком республики, которую он защищает и прославляет.

Аммиан Марцеллин, сирийский грек родом из Антиохии, писал свои «Деяния» (*Res Gestae*) - историю Римской империи на латинском языке - в конце IV века. Он стремился быть продолжателем истории Тацита, начиная свою историю от времени Нервы до смерти Валента (96-378). Сохранились только последние восемнадцать книг его сочинений, охватывающие период 353- 378 годов. Автор воспользовался собственным суровым военным опытом во время кампаний Юлиана против персов и дал первостепенное по значению описание современных ему событий. Хотя он оставался язычником до конца жизни, Аммиан проявлял большую терпимость к христианству.

Его сочинение является важным источником для времени от Юлиана до Валента, а также для готской истории и ранней истории гуннов.

Афины, город угасающей классической мысли, были в V веке домом последнего выдающегося представителя неоплатонизма - Прокла из Константинополя, который преподавал и писал там в течение долгих лет. Афины были также местом рождения жены Феодосия II Евдокии (Афинаиды), которая обладала определенными литературными способностями и написала некоторое количество произведений.

Западноевропейская литература этого времени, которая была блистательно представлена замечательными сочинениями Августина и некоторыми другими талантливыми писателями в прозе и поэзии, здесь не рассматривается.

После перенесения столицы в Константинополь, латинский все еще оставался официальным языком империи в IV и V веках. Он использовался во всех императорских декретах, собранных в Кодексе Феодосия, также как и в позднейших декретах V и начала VI веков. Однако в повседневном процессе обучения в константинопольской высшей школе во времена Феодосия II отмечается упадок господства латинского языка и явное предпочтение греческому, который был вообще-то наиболее широко распространенным разговорным языком в восточной половине империи. Греческие традиции поддерживались также афинской языческой школой.

IV век был очень важным периодом в истории византийского искусства. Новый статус христианской веры в Римской империи, сперва как легальной, позже - как государственной религии, ускорил развитие христианства. Три элемента - христианство, эллинизм и Восток - встретились в IV веке, и из их союза выросло то, что известно под именем восточно-христианского искусства.

Сирия и Антиохия, Египет, ведомый Александрией, и Малая Азия, отражая в своей художественной жизни влияния более древних традиций, оказывали весьма сильное и благотворное влияние на развитие восточно-христианского искусства. Сирийская архитектура процветала на протяжении IV, V и VI веков. Блистательные церкви Иерусалима и Вифлеема, а также некоторые церкви Назарета, были возведены в годы правления Константина Великого. Необычная пышность отличала церкви Антиохии и Сирии. «Антиохия, как центр блистательной культуры, естественно оказалась лидером христианского искусства в Сирии». К сожалению, длительное время доступных сведений об искусстве Антиохии было очень мало и лишь недавно красота и значение памятников культуры в городе стали известны лучше. «Мертвые города» центральной Сирии, открытые в 1860 и 1861 годах М. Де Воюэ, дают известное представление о том, что представляла

собой христианская архитектура IV, V и VI веков. Одним из наиболее замечательных памятников конца V века является монастырь св. Симеона Столпника, расположенный между Антиохией и Алеппо и до сих пор производящий впечатление своими величественными руинами. Хорошо известный фриз из Мшатты, к востоку от Иордана (теперь в Берлине, в Kaiser Friedrich Museum), очевидно, также является произведением IV, V или VI веков. К началу V века относится красивая базилика в Египте, возведенная императором Аркадием над могилой Мины, известного египетского святого. Руины базилики были недавно раскопаны и изучены Кауфманом. В области мозаик, портретного искусства, текстиля (узорчатый шелк раннехристианского времени) и так далее, существует множество интересных образцов ранневизантийского времени.

Некоторое количество памятников ранневизантийского искусства сохранилось в западных областях империи. Среди них несколько церквей в Фессалонике (Салониках); дворец Диоклетиана в Салонах (ныне Сплит) в Далмации (начало IV века), несколько живописных изображений в церкви St. Maria Antiqua в Риме, относящихся, очевидно, к концу V века; мавзолей Галлы Плацидии и православный баптистерий в Равенне (V век); а также некоторые памятники в Северной Африке.

Византийский церковный обряд.

(дополнительная лекция)

Византийское искусство неразрывно связано с церковным обрядом. В Византии трудно определить, где кончается священнодействие и где начинается художественное творчество. Византийское богослужение было символическим действием, которое напоминало молящемуся историю человеческого рода, рассказанную в Писании. Каждое движение священника, каждый прочитанный текст или прозвучавшее песнопение рассматривались как указание на то или другое событие Священной истории. При всем том в задачи византийского богослужения не входило создать перед глазами свидетелей обманчивое впечатление легендарной жизни, как это впоследствии было в средневековых мистериях.

«Византийский церковный обряд» - это литургическая система, которая была разработана в православном патриархате Константинополя и в Средние века постепенно была принята православными патриархатами Александрии, Антиохии и Иерусалима. Этот византийский синтез как наиболее распространенное восточно-христианское литургическое наследие используется Церквами.

Византийская литургическая система, известная великолепием своего церемониального и литургического символизма, соответствовавшим имперскому блеску Константинополя до VIII в., является фактически результатом синтеза константинопольских и палестинских обрядов, постепенно сформировавшимся в течение IX-XIV вв. В монастырях православного мира, начиная со времени борьбы с иконоборчеством.

Менее ясной является чрезвычайно сложная история не просто византийской системы богослужения, но и архитектурного и декоративного обрамления, а также мистагогии, которая истолковывает ее. Это не просто обрядовая церковная служба в вакууме. Одной из отличительных черт византийского обряда является тесная взаимосвязь литургического символизма (обрядовой церковной службы), литургического обрамления (архитектуры/иконографии) и литургической интерпретации (мистагогии). Любая подлинная история византийской культуры должна учитывать их взаимодействие в развитии традиции.

В центре нашего внимания будут находиться вторая и третья фазы как наиболее важные. В течение первого периода византийское богослужение было типично позднеантичным антиохийского образца без особых отличительных черт. То же самое было, видимо, характерно и для ранних церквей Константинополя: ни форма, ни символизм обряда или сами здания не были четко выражены византийскими. Но в последние два десятилетия IV в., особенно начиная с правления Феодосия I (379—395 гг.), константинопольский обряд начал приобретать свою четко выраженную специфику и теологические черты, которые станут отличительными для его последующей истории. Четвертая фаза, охватывающая (если не совпадающая полностью) весь средне византийский период, характеризуется в литургическом плане развитием студийского синтеза — монастырского обряда, совершенно отличного по размаху от («Песенного последования») кафедрального обряда Великой церкви. Этот монастырский обряд нашел свое окончательное оформление в студийских типиконах, которые вытеснили соборный чин типикона Великой церкви в ходе реставрации, последовавшей за 1261 г. Что касается пятой фазы, который в период исихатского подъема постепенно видоизменялся и в конце концов вытеснил студийский обряд (в сущности, «савваитский» обряд более раннего времени).

Конечно, история византийского богослужения началась не с Византии. Христиане в городе были задолго до 330г. Как всякий значительный город в христианской античности, Византий имел епископский престол. Его епископы были викарными епископами митрополии Ираклеи во Фракии (восточная префектура). После того как Византии стал Константинополем — Новым Римом, — его престол был возвышен до положения второго по значимости после Рима на первом Константинопольском соборе (II Вселенском) 381 г. Константинополь в конце концов стал центром патриархата,

распространившего свою юрисдикцию на территории епархий Фракии в Европе и Азии и Понта в Малой Азии. Это зафиксировано 28 правилом Халкидонского собора в 451 г.

С несомненной достоверностью зарождение «Византийского церковного обряда» можно отнести к периоду 381—451 гг. Именно начиная с этого периода мы впервые слышим о богослужении Константинополя в гомилиях Григория Богослова (379- 381 гг.) и Иоанна Златоуста (398—404 гг.). От этих столпов Церкви нам становится известно о всеобщих бдениях, шестивиях - молебнах и процессиях, проповедях, псалмодии и песнопениях (как в форме диалога, так и новых антифонных) и евхаристии.

Неудивительно, что раннеконстантинопольская евхаристия (особенно анафора) и соборное богослужение Великой церкви, носит антиохийские черты. Византии первоначально находился в сфере церковного влияния антиохийского престола. Это был главный центр распространения богослужения внутри префектуры Востока. В Доконстантинопольский период несколько епископов Византия были выходцами из Антиохии и ее окрестностей и принимали участие в деятельности синодов Антиохии. Величайший из них, Иоанн Златоуст, был священником в своей родной Антиохии, прежде чем стал епископом столицы в феврале 398 г. Оттуда он привез и приспособил для нужд своего нового епископского престола антиохийскую анафору апостолов, молитву, которая до сих пор используется в византийском богослужении как анафора Святого Иоанна Златоуста.

Появление византийского обряда мы можем реконструировать лишь на основе сохранившихся памятников, в которых запечатлены лишь отдельные отпечатки, оставшиеся от долгого пути. В начале V в. богослужение Константинополя носило локальный характер. Археологические и письменные свидетельства из Греции, Каппадокии и Понта показывают, что церкви в этих регионах, даже при политическом господстве столицы, не придерживались того же самого обряда. Но вскоре они начали воспринимать от столицы ее обряд. К концу первого тысячелетия обряд Великой церкви Константинополя распространился вширь и вглубь повсюду. Мы имеем отчетливое доказательство, что в XI в. его использовали в Малой Азии. Его придерживались в этот период и в других регионах, находящихся под византийским влиянием, насколько позволяют судить сохранившиеся литургические документы из самых разных областей империи от Константинополя до горы Афон, Греции, Великой Греции, Антиохии, Палестины и Синая.

Самый ранний сохранившийся текст, унциальный кодекс *Barberini 336* Ватиканской библиотеки датируется серединой VIII в. Столетием раньше, в 691—692 гг. литургические каноны Трулльского собора показывают, что ви-

зантыйский обряд стал достаточно органичным и последовательным, ясно обнаруживая свою нетерпимость к различным обычаям латинян и армян.

Это было только начало длительного процесса. Византийский церковный обряд получил свое начало с унификацией «Обряда Великой церкви» Константинополя — особенно его собора. Святой Софии — примерно к концу VII в. Обряд Константинополя затем стал взаимодействовать с соседствующей традицией, с обрядом Иерусалима, подобно тому как обряд Древнего Рима находился во взаимодействии с обрядом Галлии.

Период второй.

Империя от Юстиниана I до Ираклия.

Лекция 16.

Характеристика периода.

Как во внешней, так и в религиозной политике преемники Анастасия пошли по иному пути, перенеся центр тяжести с Востока на Запад. Государями за время с 518 по 610 год были следующие лица: один из начальников гвардии (экскуваторов), необразованный Юстин I Старший, случайно избранный на престол после смерти Анастасия (518-527); после него знаменитый его племянник Юстиниан I Великий (527-565), а за ним племянник последнего Юстин II Младший (565-578). С именами Юстина и Юстиниана связан вопрос об их славянском происхождении, которое в течение долгого времени признавалось очень многими за исторический факт. Основанием для этого взгляда послужило напечатанное в начале XVII века ученым книгохранителем Ватиканской библиотеки Николаем Алеманном жизнеописание императора Юстиниана, составленное каким-то аббатом Феофилом, наставником Юстиниана. В этом житии приведены были для Юстиниана и его родни особые имена, которыми они назывались на родине и которые являлись, по мнению лучших славистов, славянскими; так, например, Юстиниан назывался Управдой. Рукопись, которой пользовался Алеманн, была найдена и исследована в конце XIX века (1883 г.) английским ученым Брайсом, который показал, что данная рукопись, будучи составлена в начале XVII века, носит легендарный характер и исторической ценности не имеет. Таким образом, теперь теория о славянском происхождении Юстиниана должна быть отброшена. На основании источников, Юстина и Юстиниана можно считать иллирийцами, может быть, албанцами. Во всяком случае, Юстиниан родился в одной из деревень верхней Македонии, неда-

леко от современного Ускюба, на границе Албании. Некоторые ученые производят семью Юстиниана от римских колонистов в Дардании, т. е. в верхней Македонии. Итак, первые три императора эпохи были иллирийцами, или албанцами, хотя, конечно, романизованными. Их родным языком был латинский.

Слабоумный, не имевший детей Юстин II усыновил и сделал кесарем начальника гвардии, фракийца Тиверия. По этому случаю он произнес весьма интересную речь, которая произвела глубокое впечатление на современников своим искренним тоном и покаянием. Ввиду того, что речь была стенографирована писцами, она сохранилась в оригинале. После смерти Юстина II Тиверий правил как Тиверий II (578-582). Со смертью последнего окончилась династия Юстиниана. После него правил муж дочери Тиверия, Маврикий (582-602). Источники по-разному говорят о его происхождении: одни считают родиной Маврикия и его семьи отдаленный каппадокийский город Арависс, другие, называя его каппадокийцем, считают первым греком на византийском престоле. Одно другому не противоречит, и, может быть, Маврикий был, действительно, первым византийским императором-греком, родом из Каппадокии. Встречается еще традиция, выводящая род Маврикия из Рима. Ю. А. Кулаковский считает вероятным армянское происхождение Маврикия на том основании, что туземное население Каппадокии составляли армяне. Последним императором периода был свергнувший Маврикия тиран, фракиец Фока (602-610).

Лекция 17.

План:

Царствование Юстиниана в изображении историка Прокопия Кесарийского.

Внешняя политика.

Внутренняя политика. Трибониан.

а. Цирковые партии в VI в.

б. Законодательные акты и юридические сборники Юстиниана.

Церковная политика.

а. Отношение к монофизитам.

Преемником Юстина был знаменитый его племянник Юстиниан (527-565), являющийся центральной фигурой всего данного периода.

С именем Юстиниана неразрывно связано имя его царственной супруги Феодоры, одной из самых интересных и талантливых женщин в византийском государстве. «Тайная история», принадлежащая перу Прокопия, историка эпохи Юстиниана, рисует в сгущенных красках развратную жизнь Феодоры в ее юные годы, когда она, исходя из низов общества (отец ее был сторожем медведей в цирке), в морально нездоровой обстановке тогдашней сцены превратилась в женщину, одарившую многих своей любовью. Природа наделила ее красотой, грацией, умом и остроумием. По словам историка Диля, «она развлекала, чаровала и скандализировала Константинополь». Честные люди, встретив Феодору на улице, рассказывает Прокопий, сворачивали с дороги, чтобы прикосновением не осквернить своего платья. Но все грязные подробности о юной поре жизни будущей императрицы должны быть принимаемы с большой осторожностью, как исходящие от Прокопия, который в своей «Тайной истории» задался целью очернить Юстиниана и Феодору. После столь бурной жизни она на некоторое время исчезает из столицы в Африку. По возвращении в Константинополь Феодора уже не была прежней легкомысленной актрисой: она, оставив сцену, вела уединенную жизнь, интересуясь церковными вопросами и занимаясь пряжей шерсти. В это время ее увидел Юстиниан. Красота Феодоры поразила его. Увлеченный император приблизил ее ко двору, пожаловал званием патриции и вскоре женился на ней. Со вступлением Юстиниана на престол она сделалась императрицей Византии. В своей новой роли Феодора оказалась на высоте положения: оставаясь верной женой, она интересовалась государственными делами, умела в них разбираться и влияла в этом отношении на Юстиниана. В восстании 532 года, о чем будет речь ниже, Феодора играла одну из главных ролей; она своим хладнокровием и энергией, может быть, спасла государство от дальнейших потрясений. В своих религиозных симпатиях она открыто стояла на стороне монофизитов, в противоположность колеблющейся политике супруга, который большую часть своего долгого царствования, при некоторых уступках в пользу монофизитства, держался, главным образом, православия. В последнем случае Феодора лучше Юстиниана понимала значение для Византии восточных монофизитских провинций, в которых заключалась живая сила для империи, и хотела вступить на путь примирения с ними. Феодора умерла от рака в 548 году задолго до смерти Юстиниана. На известной равненской мозаике VI века в церкви св. Виталия Феодора изображена в царском облачении, окруженная своим штатом. Церковные историки, ее современники и позднейшие, сурово относились к личности Феодоры. Тем не менее в нашем месяцеслове под 14 ноября мы читаем: «Успение правоверного царя Юстиниана и память царицы Феодоры». Она похоронена в церкви Св. Апостолов.

Многочисленные войны Юстиниана были частью наступательными, частью оборонительными. Первые велись с варварскими германскими государствами западной Европы, вторые с Персией на востоке и со славянами на севере.

Главные силы были направлены императором на Запад, где военные операции византийских войск сопровождались внешним блестящим успехом. Вандалы, остготы и отчасти вестготы должны были подчиниться императору. Средиземное море превратилось почти в византийское озеро. В своих указах Юстиниан называл себя Цезарем Флавием Юстинианом Аламанским, Готским, Франкским, Германским, Антским, Аланским, Вандальским, Африканским. Но эта блестящая внешность имела свою обратную сторону. Успехи были куплены слишком дорогой ценой и повлекли за собой материальное истощение страны. Вследствие переброски войск на запад, восток и север были открыты для нападения персов, славян и гуннов.

Главным врагом, с точки зрения Юстиниана, были германцы. Таким образом, германский вопрос снова встал в VI веке перед Византией; но разница была в том, что в V веке германцы теснили империю, в VI веке империя теснила германцев.

Юстиниан вступил на престол с идеями императора римского и христианского. Видя в себе наследника римских цезарей, он считал своим священным долгом восстановить единую империю в пределах I-II века. Как император христианский, он не мог допустить, чтобы германцы - ариане притесняли православное население. Константинопольские государи, являясь законными наследниками цезарей, имели исторические права на Западную Европу, занятую варварами. Германские короли были лишь вассалами византийского императора, который делегировал им власть. Франкский король Хлодвиг получил звание патриция от Анастасия; от него же получил свое королевское утверждение Теодорих остготский. Юстиниан, решив начать войну с готами, писал: «Готы, захватив силой нашу Италию, решили ее не отдавать». Он остается естественным сюзереном всех правителей, обосновавшихся в пределах Римской империи. Как император христианский, Юстиниан получил миссию насаждать правую веру среди неверных, будут ли то еретики или язычники. В IV веке Евсевий Кесарийский в своей «Похвале Константину», писал, что после того как восторжествовавшее христианство разъясняло творение демонов, т. е. ложных богов, языческие государства отжили свое время. «Единый Бог возвещен всем; вместе с тем единая империя явилась для всех: это - империя Римская... В одно и то же время, как бы небесной волей, два зерна добра возросли для людей: это Римская империя и христианская вера. Вышедши как бы из одного корня две великих силы сразу все подчинили и соединили узами любви: это - единоедержавная Римская империя и учение Христа». Эта теория IV века жила и в VI веке. Из нее для Юстиниана вытекало обязательство

воссоздать единую Римскую империю, которая, по словам одной его новеллы, доходила прежде до двух океанов и которую римляне по небрежности потеряли, и установить в воссозданной империи единую христианскую веру как среди схизматиков, так и среди язычников. Такова была идеология Юстиниана, заставлявшая этого всеобъемлющего политика и крестоносца мечтать о подчинении всего известного тогда мира.

Но надо помнить, что обширные притязания императора на отторгнутые части Римской империи не были исключительно его личным убеждением. Подобные притязания казались естественными и населению занятых варварами провинций, которые, попав в руки ариан, видели единственного защитника в лице Юстиниана. Положение Северной Африки при вандалах было особенно тяжело; они открыли суровые преследования против православного туземного населения, заточали жителей и представителей духовенства в тюрьмы, конфисковывали имущество. Беженцы и изгнанники из Африки, среди которых немало было православных епископов, приезжали в Константинополь и умоляли императора выступить в поход против вандалов, обещая всеобщее восстание туземцев.

Аналогичное настроение замечается и в Италии, где туземное православное население, несмотря на продолжительную религиозную терпимость Теодориха и на его любовь к римской цивилизации, продолжало хранить тайное недовольство и также обращало свои взоры на Константинополь, ожидая оттуда помощи, избавления от пришельцев и восстановления православной веры.

Но еще интереснее то, что сами варварские короли поддерживали честолюбивые стремления императора. Они выказывали знаки глубокого уважения к империи, заискивали перед императором, добивались всеми силами римских почетных званий, выбивали свои монеты с изображением императора и т. д. По выражению французского византиниста Диля, они охотно повторили бы слова того вестготского вождя, который говорил: «Да. Император есть Бог на земле, и всякий, кто поднимет на него руку, должен заплатить за это преступление своею кровью».

Несмотря на благоприятное для императора настроение в Африке и Италии, предпринятые им против вандалов и остготов войны оказались в высшей степени трудными и продолжительными.

Подводя общие итоги всей внешней политике Юстиниана, приходится сказать, что его бесконечные и напряженные войны, в результате не соответствовавшие его надеждам и планам, губельно отозвались на общем состоянии государства. Прежде всего эти гигантские предприятия требовали громадных денежных средств. По преувеличенному, вероятно, подсчету Прокопия в его «Тайной истории», т. е. источнике, к которому надо отно-

ситься с осторожностью, Анастасий оставил в казне громадную для того времени наличность в количестве 320.000 фунтов золота (около 130-140 миллионов золотых рублей), которые Юстиниан будто бы быстро истратил даже в царствование своего дяди.

Но, по свидетельству другого источника VI века, сирийца Иоанна Эфесского, казна Анастасия была окончательно истрачена лишь при Юстине II, т. е. уже после смерти Юстиниана. Во всяком случае, Анастасиев фонд, принятый нами даже в меньших размерах, чем у Прокопия, должен был оказаться Юстиниану очень полезным в его военных предприятиях. Но тем не менее этого было недостаточно. Новые налоги не соответствовали платежным силам страны. Попытки императора сократить расходы на содержание войск отзывались на их численности, а уменьшение последней делало шаткими все его западные завоевания.

С точки зрения римской идеологии Юстиниана его западные войны понятны и естественны. Но с точки зрения действительных интересов страны они должны быть признаны ненужными и вредными. Различие между Востоком и Западом в VI веке было уже настолько велико, что самая идея присоединения Запада к восточной империи была анахронизмом; прочного слияния быть уже не могло. Удержать завоеванные страны можно было лишь силой; но на это, как было замечено уже выше, не было у империи ни сил, ни денег. Увлеченный своими несбыточными мечтами, Юстиниан не понимал значения восточной границы и восточных провинций, где находился настоящий жизненный интерес Византии. Западные походы, являясь результатом одной, личной воли императора, не могли иметь прочных результатов, и план восстановить единую Римскую империю умер с Юстинианом. Благодаря же его общей внешней политике империя должна была пережить тяжелый внутренний хозяйственный кризис.

В момент вступления Юстиниана на престол во внутренней жизни империи царили беспорядок и смута. Бедность, особенно в провинциях, давала себя сильно чувствовать; налоги поступали в казну плохо. Партии цирка, лишенные трона родственники императора Анастасия и, наконец, религиозные распри еще более увеличивали внутренние несогласия и создавали очень тревожную обстановку.

Вступив на престол, Юстиниан ясно понимал, что внутренняя жизнь империи нуждается в крупных реформах; к последним он смело и приступил. Главным источником для административной деятельности императора служат его новеллы, трактат Иоанна Лидийца «О магистратах римского государства» и «Тайная история» его современника Прокопия. В недавние времена ценный материал был обнаружен также в папирусах.

Центральным пунктом в Константинополе был цирк, или ипподром, который являлся любимым местом для сборищ столичного населения, увлекавшегося в былое время пышными цирковыми зрелищами в виде борьбы атлетов-гладиаторов между собой и бега колесниц. На том же ипподроме новый император после коронации нередко появлялся в царской ложе - кафизме - и получал первые приветствия собравшейся там толпы. Возничие цирковых колесниц носили одеяния четырех цветов: зеленого, голубого, белого и красного. Бег на колесницах оставался единственным зрелищем в цирке с тех пор, как христианская церковь запретила гладиаторские состязания. Около возниц определенного цвета образовались партии, получившие прекрасную организацию, имевшие свою кассу, дававшие средства на содержание кучеров, лошадей и колесниц и всегда соперничавшие и враждовавшие с партиями других цветов. Партии стали называться зелеными, голубыми и т. д. Как самый цирк с его состязаниями, так и цирковые партии перешли в Византию из римского государства, и позднейшая литературная традиция относит их происхождение еще к мифическим временам Ромула и Рема. Первоначальный смысл названий четырех партий также неясен. Источники VI века, т. е. эпохи Юстиниана, говорят, что эти наименования соответствуют четырем стихиям: земле (зеленые), воде (голубые), воздуху (белые) и огню (красные). Цирковые празднества отличались необыкновенной пышностью; зрителей иногда бывало до 50.000 человек.

Мало-помалу цирковые партии, называвшиеся в византийское время димами, превратились в партии политические, которые сделались выразительницами того или иного политического или общественного, или религиозного настроения. Толпа в цирке стала как бы общественным мнением и народным голосом. Ипподром, по словам Ф. И. Успенского, «представлял единственную арену, за отсутствием печатного станка, для громкого выражения общественного мнения, которое иногда имело обязательную силу для правительства». Император иногда являлся в цирк и давал толпе объяснения.

В VI веке особенным влиянием пользовались две партии: голубые (венеты), стоявшие за православие, или халкидониты, как назывались приверженцы Халкидонского собора, и зеленые (прасины), стоявшие за монофизитов. Еще в конце правления Анастасия, приверженца монофизитов, в столице вспыхнул мятеж, и православная партия, произведя большие разорения и провозгласив нового императора, бросилась на ипподром, куда вышел испуганный Анастасий, без диадемы, и повелел глашатаям объявить народу, что он готов сложить с себя власть. Увидев своего императора в столь жалком положении, народ успокоился, и мятеж прекратился. Этот эпизод очень характерен, как показатель влияния ипподрома и столичной толпы на правительство и самого императора. Анастасий, как монофизит, сочувствовал, конечно, партии зеленых.

Со вступлением на престол Юстина и Юстиниана восторжествовала православная точка зрения, а с ней вместе и партия голубых. Феодора же была на стороне партии зеленых. На императорском престоле появились, таким образом, защитники различных партий. Почти так же ясно, что димы выражали не только политические и религиозные взгляды, но и разные классовые интересы. Голубых можно рассматривать как партию состоятельных классов, зеленых - как партию бедных. Если это так, византийские факции приобретают новое и очень важное значение в качестве социального элемента общества.

Интересное проявление этой модели можно найти в начале шестого века в Риме, при Теодорихе Великом, когда две соперничающие партии, зеленые и голубые, продолжали состязаться. При этом голубые представляли состоятельные классы, а зеленые - бедных.

Мировую известность получил Юстиниан благодаря своей законодательной деятельности. Император, с его точки зрения, «должен быть не только украшен оружием, но и вооружен законами, чтобы быть в состоянии управлять как в военное, так и мирное время; он должен быть как твердым защитником права, так и триумфатором над побежденными врагами». Сам Бог даровал императорам право творить и толковать законы. Таким образом, император, в представлении Юстиниана, должен быть законодателем, и право на это освящено свыше.

Но, конечно, помимо подобных теоретических оснований императором руководили и практические побуждения. В его время в римском праве царил полный беспорядок.

Во время еще языческой Римской империи, когда законодательная власть находилась всецело в руках императора, единственной формой законодательства были императорские конституции, получившие название «законов» (*leges*). В противоположность последним, все право, созданное прежним законодательством и разработанное юристами классического периода, называлось «древним правом» (*jus vetus* или *jus antiquum*). С половины III века юриспруденция стала быстро падать; юридическая же литература ограничивалась чисто компилятивной работой, стараясь на основании выдержек из императорских конституций и наиболее известных сочинений старых юристов составлять сборники для облегчения судьям, которые уже не были в состоянии справиться со всей юридической литературой. Но это были лишь частные сборники, не имевшие никакой официальной силы. Поэтому в действительности судья должен был разбираться во всех императорских конституциях и во всей обширной классической литературе, что одному человеку было не под силу. Надо помнить, что какого-либо центрального органа для опубликования императорских конституций не существовало; увеличиваясь ежегодно в количестве и будучи разбросаны по

разным архивам, императорские конституции представляли громадные трудности для пользования, тем более что новые указы очень часто отменяли или изменяли старые. Поэтому чувствовалась настоятельная потребность собрать императорские указы воедино и дать всем желающим возможность пользоваться таким сборником. Мы знаем, что в этом отношении было сделано довольно много еще до Юстиниана, который при своей законодательной работе имел уже в руках Codex Gregorianus, Codex Hermogenianus и Codex Theodosianus. Что же касается облегчения пользования классической литературой, т. е. «древним правом», то при Феодосии II и его западном современнике Валентиниане III был издан закон, придававший юридически обязательную силу сочинениям лишь пяти наиболее известных юристов. Прочие юридические писатели могли не приниматься в расчет. Конечно, это было только формальным разрешением вопроса, тем более что и у пяти узаконенных юристов вовсе не легко было найти подходящее решение для данного случая; сами юристы иногда противоречили друг другу; наконец, при изменившихся условиях жизни решения классических юристов оказывались иногда устаревшими. Одним словом, чувствовалась общая потребность в полном и официальном пересмотре всей правовой системы в подведении итогов всего многовекового развития.

В предшествовавших кодексах были собраны за определенное время лишь императорские конституции. Юридическая литература в них затронута не была. Юстиниан предпринял громадную законодательную работу составить не только свод императорских конституций до своего времени, но и переработать юридическую литературу. Главным помощником императора в этом трудном начинании и душой всего дела был Трибониан.

Работа шла поразительно быстро. В феврале 528 года императором была созвана комиссия из десяти опытных и знающих человек, в числе которых находился Трибониан, «правая рука императора в его большом деле кодификации и, возможно, в чем-то вдохновитель работы комиссии», и Феофил, профессор права в Константинополе.

Задача комиссии была пересмотреть прежние три кодекса, удалить из них все устаревшее и привести в порядок конституции, вышедшие после кодекса Феодосия; все это должно было составить один сборник. В апреле 529 года кодекс Юстиниана (Codex Justinianus) уже был опубликован; будучи разделен на двенадцать книг и заключая в себе конституции со времени императора Адриана до Юстиниана, он сделался единственным обязательным для всей империи сводом законов и отменял, таким образом, прежние три кодекса.

Если работа Юстиниана над кодексом была облегчена предшествовавшими законодательными сборниками, то подобная же работа над «древним правом» являлась уже личным делом императора. В 530 году

Трибониану было поручено составить комиссию, которая должна была пересмотреть сочинения всех классических юристов, сделать из них извлечения, отбросить устаревшее, устранить разногласия и, наконец, весь собранный материал расположить в известном порядке. Для этой цели комиссии пришлось прочесть и разобрать около двух тысяч книг и более трех миллионов строк. Эта громадная работа, на исполнение которой, по словам Юстиниана, «никто из его предшественников не надеялся, которая считалась невозможной для человеческого ума» и «которая освободила все древнее право от излишнего многословия», - эта работа через три года была закончена. Опубликованный в 529 году свод, разделенный на пятьдесят книг, получил название дигест (Digesta), или пандект (Pandectae), и тотчас же вступил в действие.

Несмотря на всю важность дигест, поспешность работы не могла не отразиться на достоинствах труда, в котором можно заметить повторения, противоречия, устаревшие решения; затем, благодаря полномочию, данному комиссии, сокращать тексты, пояснять их и, наконец, сводить несколько текстов в один, в работе заметен некоторый произвол, следствием которого были иногда искажения древних текстов. Единства в этой работе не было. Последнее обстоятельство заставляло иногда ученых юристов XIX века, придававших первостепенное значение классическому римскому праву, сурово судить дигесты Юстиниана. Однако, дигесты, несмотря на многие их несовершенства, сослужили большую практическую службу, к тому же они сохранили потомству богатый материал, извлеченный из произведений классических римских юристов, которые далеко не все до нас дошли. Одновременно с работой над дигестами Трибониану и двум его ученым помощникам, Феофилу, профессору в Константинополе, и Дорофею, профессору в Бейруте (Сирия), была поручена новая задача. По словам Юстиниана, не все «были способны выносить тяжесть столь великой мудрости», т. е. кодекса и дигест; например, молодым людям, «которые, стоя в преддверии законов, стремятся войти в самое святилище», было нужно хорошее практическое руководство. В том же 529 году был составлен, преимущественно в учебных целях, официальный элементарный курс гражданского права, состоявший из четырех книг и получивший название институций (Institutiones); последние должны были, по словам императора, свести «все мутные источники древнего права в одно прозрачное озеро». Императорский указ, которым санкционировались институций, был адресован «к жаждущей законов молодежи».

Во время работ над дигестами и институциями текущее законодательство не бездействовало; было издано немало указов; целый ряд вопросов требовал пересмотра. Одним словом, кодекс в издании 529 года уже оказался во многих своих частях устаревшим. Тогда было преступлено к новой переработке кодекса, которая и была закончена в 534 году. В ноябре этого года второе издание кодекса, исправленное и дополненное, было

опубликовано под названием *Codex repetitae praelectionis*. Последнее издание уничтожало собой издание 529 года и заключало в себе указы со времени Адриана до 534 года. Этим закончено было составление Свода. Это первое издание Свода не сохранилось.

Указы, выходившие после 534 года, назывались новеллами (*novellae leges*). В то время как кодекс, дигесты и институции были написаны на латинском языке, громадное большинство новелл было издано уже на языке греческом, что являлось серьезной уступкой со стороны императора, пропитанного римскими традициями, требованиям действительной жизни. Сам Юстиниан, несмотря на свое намерение, не собрал в одно целое выходившие при нем новеллы. Но некоторые частные сборники новелл были составлены во время его правления. Новеллы рассматриваются как последняя часть законодательства и являются одним из самых важных источников для внутренней истории его эпохи.

Все указанные четыре части - кодекс, дигесты, институции и новеллы - должны были, по мысли императора, составить один свод, или *Corpus*, права; но при нем они не были соединены в такой сборник. Только позднее, в Средние века, начиная с XII века, когда в Европе возродилось изучение римского права, весь законодательный свод Юстиниана стал называться *Corpus juris civilis*, т. е. Свод гражданского права. Так он называется и в настоящее время.

Громоздкость законодательного творения Юстиниана и уже мало понятный для большинства населения его латинский язык привели к тому, что еще при жизни императора появился ряд греческих толкований (парафраз, *indices*, комментариев) отдельных частей Свода, более или менее дословные переводы институции и дигест с примечаниями, различные переработки кодекса на греческом языке, особенно при помощи изложения или перевода его текста с примечаниями (так называемые *indices*). Эти вызванные потребностями времени и практическими соображениями небольшие юридические сборники на греческом языке, иногда заключавшие в себе немало ошибок и искажений первоначального латинского текста, оттеснили оригинал и почти заменили его.

Несмотря на вполне понятные несовершенства в выполнении и многие методологические недостатки, гигантское законодательное творение VI века имеет всемирное непреходящее значение. Свод Юстиниана сохранил нам римское право, вписавшее существенные принципы того права, которое управляет современными нам обществами. Когда в Западной Европе началось с XII века изучение римского права, или, как обычно называют это явление, рецепция римского права, то во многих местах Свод гражданского

права делается настоящим законом. Уже одно законодательное дело Юстиниана дает ему полное право именоваться в истории Великим.

Во время Юстиниана процветали три школы права. Одна - в Константинополе, другая - в Риме и третья в Бейруте. Все остальные школы были закрыты, ибо они служили базой для язычества. В 551 году Бейрут (Берит) был разрушен страшным землетрясением, за которым последовала приливная волна и пожар. Бейрутская школа была перенесена в Сидон, но в дальнейшем значения не имела. В России, при царе Федоре Алексеевиче (1676-1682), существовал проект перевода Юстинианова Свода на русский. К сожалению, этот проект реализован не был.

Как наследник римских цезарей, Юстиниан считал своей обязанностью воссоздать Римскую империю. Но вместе с этим он желал, чтобы в государстве был один закон и одна вера. «Единое государство, единый закон и единая церковь» - такова была краткая формула всей государственной деятельности Юстиниана. Исходя из принципа абсолютной власти, он полагал, что в хорошо устроенном государстве все должно было подлежать императорскому вниманию. Понимая, какое прекрасное орудие для правительства представляла собой церковь, он прилагал все усилия к тому, чтобы она находилась в его руках. Исследователями обсуждался вопрос о том, какие побуждения руководили Юстинианом в его церковной политике; в то время как одни склонялись к тому, что в последней политические мотивы стояли на первом плане, что религия была лишь прислужницей государства для государственных целей, другие писали, что этот «второй Константин Великий за делами церкви готов был забывать свои прямые обязанности государственные». Желая быть хозяином в церкви, Юстиниан не только стремился иметь в своих руках внутреннее управление и судьбу духовенства, не исключая самых высших его представителей, но и считал своим правом устанавливать среди своих подданных определенную догму. Какого религиозного направления придерживался император, такого же направления должны были придерживаться и его подданные. На основании вышеизложенного византийский император имел право регулировать быт духовенства, замещать по своему кафедры, выступать в качестве посредника и судьи в клире; он покровительствовал церкви в лице ее служителей, способствовал постройке храмов, монастырей, умножению их привилегий; наконец, император устанавливал вероисповедное единство среди всех подданных империи, давал последним норму правоверного учения, участвовал в догматических спорах и давал заключительное решение по спорным догматическим вопросам. Подобная политика светского преобладания в религиозных и церковных делах, вплоть до тайников религиозных убеждений человека, особенно ярко проявленная Юстинианом, получила в истории название цезарепапизма. Глава государства был цезарем и папой, т. е. совмещал в своей особе всю полноту власти светской и духовной.

Юстиниан был религиозно образованным человеком, знал хорошо Священное Писание, любил лично участвовать в религиозных спорах и являлся автором церковных песнопений. Для Юстиниана религиозные несогласия, как вносящие смуту в государство, казались опасными и с политической точки зрения: они угрожали единству империи.

Два последних предшественника Юстина и Юстиниана, Зенон и Анастасий, вступили на путь примирения с восточной монофизитской церковью и тем самым порвали отношения с римской церковью. Юстин и Юстиниан определенно встали на сторону последней и возобновили с ней общение. Это обстоятельство должно было снова оттолкнуть от Юстиниана восточные провинции, что совершенно не входило в планы императора, желавшего установить единую веру в своем обширном государстве. Осуществить же религиозное соединение Востока с Западом, Александрии и Антиохии с Римом, было невозможно. «Правительство Юстиниана, - по словам одного историка, - в церковной политике представляло собой двуликого Януса, одно лицо которого было обращено на Запад, спрашивало директив у Рима, а другое на Восток, искало истины у сирийского и египетского монашества».

Отношение к монофизитам имело государственное значение и ставили вопрос о в высшей степени важных для государства восточных провинциях: Египте и Сирии с Палестиной; во-вторых, на стороне монофизитов была супруга Юстиниана Феодора, имевшая на него сильное влияние. Один современный ей монофизитский писатель называет ее «правоверной, исполненной ревности», «христолюбивой царицей, поставленной Богом в трудные времена для поддержки гонимых».

По совету Феодоры Юстиниан в отношении к монофизитам уже в начале своего правления вступил на путь примирения. Изгнанные при Юстине и в первые годы Юстиниана монофизитские епископы получили право вернуться из ссылки. Многие монофизиты были приглашены в столицу на религиозное примирительное совещание, на котором император, по словам очевидца, убеждал их «с кротостью Давида, терпением Моисея и снисходительностью апостольской». Пятьсот поселенных в одном из столичных дворцов монофизитских монахов, по выражению современника, превратили дворец в «великую и дивную пустыню отшельников». В 535 г. Север, глава и «истинный законоучитель монофизитов», прибыл в Константинополь и оставался там год. Столица империи в начале 535 года приобрела в известном отношении облик, как в царствование Анастасия. На константинопольскую патриаршую кафедру был возведен епископ Трапезундский Анфим, известный своей примирительной политикой в отношении к монофизитам. По-видимому, монофизиты торжествовали.

Ситуация, однако, очень скоро изменилась. Приехавший в Константинополь папа Агапит и партия акимитов (строго православных) подняли та-

кой шум против религиозной уступчивости Анфима, что Юстиниан, конечно, с внутренним сожалением, вынужден был уступить: Анфим был смещен, и на его место назначен убежденный православный пресвитер Мина. Источник сообщает нам о такой беседе между императором и папой: «Я или заставлю тебя согласиться с нами, или отправлю в ссылку», - сказал Юстиниан. На что Агапит ответил: «Я желал прийти к христианнейшему императору Юстиниану, а нашел теперь Диоклетиана; однако, твоих угроз я не боюсь». Очень вероятно, что уступка императора папе была вызвана отчасти тем, что в это время началась остготская война в Италии, и Юстиниану было необходимо сочувствие Запада.

Поставив в начале своего правления в основу церковной политики сближение с Римом, Юстиниан должен был выступать защитником Халкидонского собора, против которого были непримиримо настроены восточные провинции. Римский престол пользовался при нем наивысшим церковным авторитетом. В своих письмах к римскому епископу Юстиниан называл его «папой», «папой римским», «апостольским отцом», «папой и патриархом» и т. д., причем титул «папа» прилагался исключительно к римскому епископу. В одном послании император называет папу «главой всех святых церквей» и в одной из своих новелл определенно говорит, что «блаженнейший архиепископ Константинополя, Нового Рима, занимает второе место после святейшего апостольского престола Старого Рима».

Юстиниану пришлось столкнуться с иудеями, язычниками и еретиками; к числу последних он причислял манихеев, несториан, монофизитов, ариан и других представителей менее значительных религиозных учений. Арианство было распространено на западе среди германских народов. Остатки язычества существовали в различных частях империи и имели главным своим центром философскую школу в Афинах. Иудеи же и представители других еретических учений находились, главным образом, в восточных провинциях. Наибольшим влиянием, конечно, пользовались монофизиты. Борьба с арианами выразилась в форме его военных предприятий на западе, окончившихся уже известными нам подчинениями, полными или частичными, германских государств.

Напряженная религиозная борьба, которую вел Юстиниан и которая должна была, как он ожидал, примирить монофизитов с православными, не оправдала его надежд. Монофизиты спокойно относились к развертывавшимся событиям и не казались удовлетворенными сделанными уступками. В последние годы своей жизни Юстиниан все решительнее склонялся на сторону монофизитов. Несогласные с ним епископы отправлялись в ссылку. Монофизитство могло сделаться государственной религией, обязательной для всех, что повлекло бы за собой новые крупные осложнения. Но в

это время престарелого императора не стало, и с его смертью императорская религиозная политика изменилась.

Если, подводя итог всему сказанному в области церковно-религиозной политики Юстиниана, предложить вопрос, достиг ли он установления единой церкви в империи, то ответ, конечно, придется дать отрицательный. Примирение православия с монофизитством не состоялось; несторианство, манихейство, иудейство и, в отдельных случаях, язычество продолжали существовать. Религиозного единства не было, и вся политика Юстиниана установить таковое должна быть признана неудавшейся.

Но, говоря о религиозной политике Юстиниана, нельзя забывать о миссионерской деятельности в его время. Он, как император христианский, считал своим долгом насаждать христианскую веру и за пределами государства. До нас дошли известия о принятии христианства герулами на Дунае, некоторыми кавказскими народами, туземными племенами Северной Африки и Среднего Нила.

При убеждении Юстиниана в необходимости иметь в государстве единую веру, не могло быть и речи о терпимом отношении к представителям других религий и еретических учений, которые подвергались при нем суровым преследованиям при помощи военных и гражданских властей.

Лекция 18.

План:

Политическая ситуация.

Вандальская война.

Остготская компания. Тотила.

Война против вестготов на Пиренейском полуострове.

Оборонительные войны.

а. Войны с Персией.

б. Нападения славян и других.

Вандальская экспедиция представлялась чрезвычайно трудной. Надо было перевезти морем в Северную Африку многочисленную армию, которая должна была вступить в борьбу с народом, обладавшим сильным флотом и в середине V века уже разорившим Рим. Кроме того, переброска крупных сил на Запад должна была отразиться на восточной границе, где Персия, наиболее опасный враг империи, вела с последней постоянные пограничные войны.

Историк сообщает интересный рассказ о совете, на котором впервые обсуждался вопрос об африканской экспедиции. Наиболее верные советники императора высказывали сомнение в исполнимости задуманного предприятия и считали его опрометчивым. Сам Юстиниан уже начинал колебаться и только, в конце концов, оправившись от кратковременной слабости, настоял на первоначальном своем плане. Экспедиция была решена. К тому же в это время в Персии произошла смена правителей, и Юстиниану удалось в 532 году с новым государем заключить «вечный» мир на унижительных для Византии условиях ежегодной уплаты персидскому царю крупной суммы денег. Последнее обстоятельство позволяло Юстиниану с большей свободой действовать на западе и юге. Во главе многочисленной армии и флота был поставлен талантливый полководец Велизарий, главный помощник в военных предприятиях императора.

К тому времени вандалы и остготы уже не являлись теми страшными врагами, какими они были раньше. Попав в условия необычного для них расслабляющего южного климата и столкнувшись с римской цивилизацией, они довольно быстро потеряли свою прежнюю энергию и силу. Известное уже нам арианство германцев ставило их в натянутые отношения с туземным римским населением. Восставшие берберские племена также немало ослабляли вандалов. Юстиниан прекрасно учел создавшееся положение: он при помощи умелой дипломатии обострял их внутренние раздоры и был уверен, что германские государства никогда не выступят против него сообща, так как остготы находились в ссоре с вандалами, православные франки враждовали с остготами, а слишком далекие, жившие в Испании вестготы не смогут серьезно вмешаться в эту борьбу. Юстиниан поэтому надеялся разбить врагов поодиночке.

Вандальская война продолжалась с некоторыми перерывами с 533 по 548 год. В начале Велизарий в самый короткий срок рядом блестящих побед подчинил вандальское государство, так что торжествующий Юстиниан объявил, что «Бог, по своему милосердию, предал нам не только Африку и все ее провинции, но и возвратил нам императорские украшения, которые, после взятия Рима (вандалами), были ими унесены». Думая, что война закончена, император отозвал Велизария с большей частью войска в Константинополь. Тогда в Северной Африке вспыхнуло ожесточенное восста-

ние берберов, с которым оставленному оккупационному корпусу было очень трудно бороться.

Преемник Велизария Соломон был полностью разбит и убит. Изнурительная война продолжалась до 548 года, когда императорская власть была полностью восстановлена решительной победой Иоанна Троглиты, как дипломата, так и талантливого генерала. Третий герой императорской оккупации Африки, он поддерживал там полное спокойствие примерно четырнадцать лет. Его деяния рассказаны современником, африканским поэтом Кориппом в его историческом произведении «Иоаннея».

Эти победы не вполне соответствовали надеждам и планам Юстиниана, так как западная часть ее до Атлантического океана воссоединена не была, за исключением сильной крепости Септем (Septem) на проливе Геркулесовы Столпы (теперь испанская крепость Сеута). Но тем не менее большая часть Северной Африки, Корсика, Сардиния и Балеарские острова подчинились Юстиниану, который положил немало труда на водворение порядка в завоеванной стране. Еще в настоящее время величественные развалины многочисленных византийских крепостей и укреплений, возведенных Юстинианом в Северной Африке, свидетельствуют о кипучей деятельности, проявленной императором для защиты страны.

Еще более изнурительна была остготская кампания, продолжавшаяся с перерывами с 535 по 554 год. Из этих хронологических дат видно, что эта война велась в продолжение первых тринадцати лет одновременно с вандальской войной. Вмешавшись во внутренние раздоры остготов, Юстиниан открыл военные действия. Одна армия начала завоевание входившей в состав остготского государства Далмации; другая армия, посаженная на суда и имевшая во главе Велизария, без труда заняла Сицилию и, перенеся военные действия в Италию, завоевала Неаполь и Рим. Вскоре после этого столица остготов Равенна открыла ворота Велизарии. Их король был перевезен в Константинополь. Юстиниан к своему титулу «Африканский и Вандальский» прибавил «Готский». Казалось, что; Италия окончательно покорена Византией.

В это время у остготов появился энергичный и талантливый король Тотила, последний защитник остготской самостоятельности. Он быстро восстановил дела остготов. Одно за другим византийские завоевания в Италии и на островах переходили в руки остготов Несчастный Рим, переходивший несколько раз из рук в руки, превратился в груды развалин. После стольких неудач Велизарий был отозван из Италии. Дела поправил другой выдающийся византийский полководец Нарзес, который рядом искусных действий сумел победить готов. Армия Тотилы была разбита в битве при *Busta Gallorum* в Умбрии. Сам Тотила бежал, но напрасно. «Его окровавленные одежды и шлем, украшенный драгоценными камнями, который он

носил, были доставлены Нарзесу, который послал их в Константинополь, где они были положены к ногам императора как видимое доказательство того, что врага, который так долго бросал вызов его власти, больше нет». После двадцатилетней опустошительной войны, в 554 году, Италия, Далмация и Сицилия были воссоединены с империей. Прагматическая санкция, опубликованная в том же году Юстинианом, возвращала крупной земельной аристократии в Италии и церкви отнятые у них остготами земли и привилегии и намечала ряд мер для облегчения разоренного населения. Со времени остготской войны промышленность и торговля на долгие времена остановились в Италии, а из-за недостатка рабочих рук итальянские поля оставались необработанными. Рим превратился в заброшенный, разрушенный, не имевший политического значения центр, где приютился папа.

Последнее завоевательное предприятие Юстиниана было направлено в год окончания остготской войны (554) против вестготов на Пиренейском полуострове. Но забывшие ввиду грозившей опасности свои внутренние распри вестготы дали сильный отпор византийскому войску и отстояли свою независимость. В руки Юстиниана отошел лишь юго-восточный угол полуострова с городами Карфагеном, Малагой и Кордовой. Его территория, в конечном счете, тянулась от мыса св. Винсента на западе за Карфаген на востоке.

С известными изменениями императорская провинция, таким образом установившаяся в Испании, просуществовала под властью Константинополя примерно семьдесят лет. Не вполне ясно, была ли эта провинция независимой, или же она зависела от наместника Африки.

В результате наступательных войн Юстиниана пространство его монархии, можно сказать, удвоилось: Далмация, Италия, восточная часть Северной Африки (часть современного Алжира и Тунис), юго-восток Испании, Сицилия, Сардиния, Корсика и Балеарские острова вошли в состав государства Юстиниана. Границы его простирались от Геркулесовых Столпов до Евфрата. Но несмотря на эти громадные успехи, разница между замыслами Юстиниана и действительными результатами была очень значительна: западную Римскую империю в ее целом ему возвратить не удалось. Вне его власти остались западная часть Северной Африки, Пиренейский полуостров, северные части остготского государства к северу от Альп (прежние провинции Реция и Норика). Вся Галлия не только осталась в полной независимости от Византии, но Юстиниан, ввиду угрозы со стороны франкского государства, даже согласился на уступку франкскому королю Прованса. Не надо также забывать, что на всем великом пространстве вновь завоеванной территории власть императора далеко не везде была одинаково крепка; на это у государства не хватало ни сил, ни средств. Между тем удерживать эти территории можно было только силой. Поэтому блестящая внеш-

ность наступательных войн Юстиниана таила в себе зачатки серьезных грядущих затруднений как политического, так и экономического характера.

Оборонительные войны Юстиниана были гораздо менее удачны и временами очень унижительно по результатам. Эти войны велись с Персией на востоке и со славянами и гуннами на севере.

В VI веке существовали две «великих» державы: Византия и Персия, у которых уже издавна шли утомительные и кровопролитные войны на восточной границе. После «вечного» мира с Персией, о котором речь была выше и который развязал Юстиниану руки на западе, персидский царь Хосров Ануширван, т. е. Справедливый, талантливый и искусный правитель, уводя честолюбивые замыслы императора на Запад, воспользовался ситуацией.

Получив просьбу о помощи от теснимых остготов и имея всегда насущные вопросы в пограничных областях, он нарушил «вечный» мир и открыл военные действия против Византии. Началась кровопролитная война с перевесом в сторону персов. Призванный из Италии Велизарий ничего не мог сделать. Хосров между тем вторгся в Сирию, взял и разорил Антиохию, этот, по словам Прокопия, «древний, знаменитый, самый богатый, большой, многолюдный и красивый город из всех римских городов на востоке», и дошел до берегов Средиземного моря. На севере персы воевали в прикавказских странах, с лазами (в Лазике), стараясь пробиться к Черному морю. Лазика находилась в то время в зависимости от Византии. Юстиниану после больших трудов удалось купить перемирие на пять лет за уплату крупной суммы денег. Но, в конце концов, бесконечные военные столкновения утомили и Хосрова. В 562 году между Византией и Персией был заключен мир на пятьдесят лет. Благодаря историку Менандру, до нас дошли точные, подробные сведения о переговорах и об условиях самого мира. Император обязался ежегодно платить Персии очень большую сумму денег и выговорил у персидского царя религиозную терпимость для христиан, живших в Персии, но под непременным условием не вести в ней дальнейшей христианской пропаганды. Что было важно для Византии, это согласие персов очистить Лазик, прибрежную область на юго-востоке Черного моря. Другими словами, персам не удалось утвердиться на берегах Черного моря, которое осталось в полном распоряжении Византии. Последнее обстоятельство имело крупное политическое и торговое значение.

Иной характер имели оборонительные войны на севере, т. е. на Балканском полуострове. Как было сказано выше, северные варвары, болгары и, по всей вероятности, славяне опустошали провинции полуострова еще при Анастасии. При Юстиниане славяне являются впервые под своим собственным именем (склавины у Прокопия). В его время славяне уже гораздо более густыми толпами и отчасти болгары, которых Прокопий называет

гуннами, почти ежегодно переходят Дунай и углубляются далеко в византийские области, предавая огню и мечу проходимые местности. Они доходят, с одной стороны, до предместий столицы и проникают к Геллеспонту, с другой стороны, в Греции до Коринфского перешейка и к западу до берегов Адриатического моря. При Юстиниане же славяне уже показали свое стремление к берегам Эгейского моря и грозили Фессалонике, второму после Константинополя в империи городу, который вместе со своими окрестностями вскоре сделается одним из центров славянства на Балканском полуострове. Императорские войска с громадным напряжением боролись со славянскими вторжениями и очень часто заставляли славян уходить снова за Дунай. Но уже почти наверняка можно сказать, что не все славяне уходили обратно; некоторые из них оставались, так как войскам Юстиниана, занятым на других театрах войны, было не под силу до конца доводить ежегодные операции на Балканском полуострове. Эпоха Юстиниана важна именно тем, что она на Балканском полуострове положила основание славянскому вопросу, который, как мы увидим ниже, к концу VI и началу VII века получит для Византии уже первостепенное значение.

Помимо славян, германцы - гепиды и кутургуры, народ, родственник гуннам, вторгались на Балканский полуостров с севера. Зимой 558-559 годов кутургуры во главе с их вождем Заберганом, заняли Фракию. Отсюда один отряд был направлен разорять Грецию, другой захватил Херсонес Фракийский, а третий, конный отряд, направился под предводительством самого Забергана на Константинополь. Страна была разорена. В Константинополе царила паника. Церкви захваченных областей отсылали свои сокровища в столицу или посылали их морем на азиатский берег Босфора. Юстиниан призвал Велизария спасти Константинополь в этой кризисной ситуации. Кутургуры были в конечном счете разбиты по всем трем направлениям их атак, однако Фракия, Македония и Фессалия понесли ужасный экономический урон от их вторжения.

Гуннская опасность чувствовалась не только на Балканах, но и в Крыму, который частично принадлежал империи. Здесь были знамениты тем, что сохраняли в течение веков в варварском окружении греческую цивилизацию, два города - Херсонес и Боспор. Эти города играли важную роль в торговле между империей и территорией современной России. В самом конце V века гунны захватили равнины полуострова и стали угрожать византийским владениям на полуострове, также как и маленькому готскому поселению вокруг Дори в горах, под византийским протекторатом. Под влиянием гуннской опасности Юстиниан построил и восстановил многие форты и возвел длинные стены, следы которых еще видны, своего рода *limes Tauricus*, который обеспечивал эффективную защиту.

Наконец, миссионерский пыл Юстиниана и Феодоры не обошел вниманием африканские народы, которые жили на Верхнем Ниле между Егип-

том и Эфиопией, в районе первого порога - блеммиев и нобадов (нубийцев). Благодаря энергии и искусству Феодоры нобады с их королем Силко были обращены в христианство монофизитского толка и новообращенный король, соединившись с византийским полководцем, заставил блеммиев принять ту же веру. Для того чтобы отметить свою победу, Силко оставил в одном храме блеммиев надпись. В надписи говорится: «Я, Силко, царек (basiliskoV) нобадов и всех эфиопов».

Лекция 19.

План:

Причины и ход восстания «Ника».

Налогообложение и финансовые проблемы.

Торговля в царствование Юстиниана.

а. Защита византийской торговли.

4. Косма Индикоплов и его «Христианская топография».

Причины, вызвавшие страшное восстание 532 года в столице, были разнообразны. Оппозиция, направленная против Юстиниана, была тройного рода: династическая, общественная и религиозная. Остававшиеся еще в живых племянники покойного Анастасия считали себя обойденными вступлением на престол Юстина, а потом Юстиниана и, опираясь на монофизитски настроенную партию зеленых, стремились низложить Юстиниана. Общественная оппозиция создавалась из всеобщего раздражения против высших чиновников, особенно против юриста Трибониана и префекта претория Иоанна Каппадокийского, которые своими нарушениями законов, вымогательствами и жестокостью вызвали глубокое возмущение в народе. Наконец, религиозная оппозиция шла со стороны монофизитов, претерпевавших сильные стеснения в начале правления Юстиниана. Все это вместе взятое вызвало народное восстание в столице. Голубые и зеленые, на время забыв о своих религиозных пререканиях, выступили вместе против правительства. Переговоры императора с народом через глашатая на ипподроме ни к какому результату не привели. Мятеж быстро распространился по городу. От крика мятежников «Ника!», т. е. «Побеждай!», этот мятеж носит в истории название «восстания Ника». Лучшие здания, памятники искусства подверглись разрушению и пожарам. Была сожжена базилика св. Софии, на месте которой позднее был выстроен знаменитый храм св. Софии. Обещание императора отставить от должностей Трибониана и Иоан-

на Каппадокийского и личное обращение его к толпе на ипподроме успеха не имели. Племянник Анастасия был провозглашен императором. Укрывшись во дворце, Юстиниан и его советники уже думали бегством спастись из столицы. Но в этот критический момент их ободрила Феодора. Прокопий сообщает даже речь ее, в которой она высказывала, например, такие мысли: «Человеку, появившемуся на свет, необходимо умереть, но быть беглецом для того, кто был императором, невыносимо... Если ты, государь, хочешь спастись, это нисколько не трудно: у нас много средств: вот море, вот корабли. Однако подумай, как бы после бегства ты не предпочел смерть спасению. Мне же нравится древнее изречение, что царское достоинство есть прекрасный погребальный наряд». Тогда дело подавления мятежа, продолжавшегося уже шесть дней, было поручено Велизарии, который, сумев загнать бунтующую толпу внутрь ипподрома и заперев ее там, перебил от 30 до 40 тысяч мятежников. Восстание было подавлено, и Юстиниан снова укрепился на троне. Племянники Анастасия были казнены. Подавление мятежа 532 года усилило еще больше императорскую власть в смысле ее неограниченности.

Одной из отличительных черт внутренней политики Юстиниана была его упорная борьба с крупными землевладельцами. Эта борьба отражена в новеллах, папирусах, а также в «Тайной истории» Прокопия, который, несмотря на защиту взглядов аристократии и несмотря на изобилие в сочинении абсурдных обвинений в адрес Юстиниана, выскочки, в его глазах, на троне, все же дает весьма интересную картину социальной борьбы в VI веке. Правительство чувствовало, что его самыми опасными соперниками и врагами были крупные землевладельцы, которые вели дела своих больших владений, совершенно не принимая в расчет центральную власть. Одна из новелл Юстиниана, осуждая отчаянное положение государственного и частного землевладения в провинциях из-за ничем не ограниченного поведения местных магнатов и адресованная проконсулу Каппадокии, имеет следующие весьма многозначительные строчки: «Новости дошли до нас о столь значительных злоупотреблениях в провинциях, что их исправление едва может быть осуществлено одним человеком с большими полномочиями. И нам даже стыдно говорить, сколь неприлично ведут себя управляющие крупных землевладельцев, прогуливаясь с телохранителями, как за ними следует целая толпа людей, как они беззастенчиво крадут все подряд... Государственная земельная собственность почти полностью перешла в частные руки, ибо она была украдена и разграблена, включая все табуны лошадей, и ни один человек не выступил против, ибо уста всех были остановлены золотом». Как кажется, каппадокийские магнаты имели полную власть в своей провинции и даже имели свои собственные отряды вооруженных людей и телохранителей. Магнаты захватывали частную и государственную землю. Интересно отметить, что эта новелла появилась на следующий год после восстания Ника.

Юстиниан вел против крупных земельных собственников беспощадную войну. Вторгаясь в дела наследования, насильственными и иногда подложными подношениями императору, конфискациями на основе ложных свидетельств или подстрекательством религиозных споров с целью постараться лишить церковь земельных владений, Юстиниан сознательно и упорно стремился к разрушению крупного землевладения. Особенно многочисленные конфискации были проведены после попытки дворцового переворота 532 года. Юстиниан, однако, не достиг успеха в сокрушении крупного землевладения и оно оставалось одной из неизменных черт жизни империи в более поздние периоды.

Юстиниан видел и понимал недостатки внутренней администрации государства, выразившиеся в продажности, воровстве, вымогательстве и влекшие за собой бедность, разорение, а за ними неизбежную смуту; он давал себе отчет в том, что подобное положение страны вредно отзывалось на общественной безопасности, на городских финансах и на состоянии земледелия, что финансовое расстройство вносило в страну беспорядок. Император желал помочь в этом отношении государству. В его представлении роль преобразователя являлась обязанностью императорского служения и актом со стороны императора благодарности Богу, который осыпал его своими благодеяниями. Но как убежденный представитель идеи абсолютной императорской власти, Юстиниан видел единственное средство для облегчения страны в централизованной администрации с улучшенным и вполне покорным ему штатом чиновничества.

На первом плане стояло финансовое положение страны, внушавшее самые серьезные опасения. Военные предприятия требовали громадных средств; между тем налоги поступали в казну все с большими затруднениями. Это беспокоило императора, и он в одной из новелл писал, что ввиду больших военных расходов подданные «должны вносить государственные налоги со всей готовностью сполна». Но, выступая, с одной стороны, как только что мы видели, защитником ненарушимости прав казны, он, с другой стороны, объявлял себя заступником плательщика против вымогательства чиновников.

Для характеристики преобразовательной деятельности Юстиниана имеют крупное значение две его больших новеллы 535 года. В них изложены главные основания административной реформы и точно определены новые обязанности чиновников. Новелла повелевает правителям «отечески относиться к благомыслящим, повсюду охранять подданных от притеснений, не брать от них никаких приношений, быть справедливыми в приговорах и в административных решениях, преследуя за преступления, охраняя невинных и налагая законную кару на виновных, и вообще относиться к подданным, как отец относился бы к детям». Но в то же время правители, «имея везде чистые руки», т. е. не беря взяток, должны неусыпно заботить-

ся о государственных доходах, «увеличивая государственную казну и прилагая всяческое усердие на ее пользу». Ввиду покорения Африки и вандалов, и других предполагаемых обширных предприятий, говорится в новелле, «необходимо вносить государственные налоги сполна, охотно и в определенные сроки. Итак, если вы благоразумно встретите правителей и они с легкостью немедленно соберут нам государственные налоги, то мы похвалим правителей и подчиненных». Чиновники должны были давать торжественную клятву в честном исполнении своих обязанностей и вместе с тем становились ответственными за полный взнос податей во вверенной им области. Епископы должны были наблюдать за поведением правителей. Провинившимся чиновникам грозило строгое наказание, честно же исполнявшим обязанности были обещаны повышения. Итак, обязанность как правительственных чиновников, так и плательщиков, по новеллам Юстиниана, чрезвычайно проста: первые должны быть честными людьми, вторые должны охотно, сполна и вовремя платить налоги. В последующих указах император неоднократно ссылается на эти основные принципы его административной реформы.

Не все провинции империи управлялись одинаково. Были провинции, особенно пограничные, с беспокойным туземным населением, которые требовали более сильной власти. Известно, что реформы Диоклетиана и Константина до чрезмерности увеличили провинциальные деления и устроили громадный штат чиновников со строгим отделением гражданской власти от военной. При Юстиниане можно заметить в отдельных случаях разрыв с этой системой и возвращение к прежней, до-диоклетиановской системе. Юстиниан соединил несколько мелких провинций, преимущественно восточных, в более крупные единицы; в некоторых же провинциях Малой Азии он, отметив ссоры и распри между представителями военной и гражданской власти, вредившие делу, постановил соединить функции обеих властей в руках одного лица, губернатора, называвшегося претором. Особенное внимание Юстиниан обратил на Египет с Александрией, откуда Константинополь снабжался хлебом. Организация хлебного дела в Египте и его доставки в столицу пришла, как следует из новеллы, в полное расстройство. Чтобы снова привести в порядок столь важную отрасль государственной жизни, Юстиниан передал в руки гражданского лица, августала (*vir spectabilis Augustalis*), также и военные функции как в самой Александрии, в этом многолюдном и беспокойном городе, так и в обеих египетских провинциях. Но подобные попытки централизации территорий и властей в провинциях при Юстиниане не носили систематического характера.

Проводя в некоторых восточных провинциях идею соединения властей, Юстиниан оставил на Западе, в недавно завоеванных префектурах Северной Африки и Италии, прежнее отделение гражданской власти от военной.

Император надеялся, что он рядом своих поспешных указов исправил все внутренние недомогания страны и «дал, - по его словам, - своему государству, благодаря блестящим мероприятиям, новый расцвет». Действительность обманула его ожидания, и многочисленные указы не могли переродить людей. Свидетельство последующих новелл доказывает, что прежние смуты, вымогательства и разорение продолжались. Постоянно приходилось возобновлять указы и напоминать о них. В некоторых провинциях была введена усиленная охрана, а иногда прибегали чуть ли не к осадному положению.

Нуждаясь в средствах, Юстиниан иногда обращался к тем мерам, которые он строго запрещал в указах: он за большие деньги продавал должности и вводил, вопреки своему обещанию, новые налоги, хотя, на основании новелл, видно, что он знал о полной несостоятельности населения нести новые налоговые обязательства. Под влиянием финансовых затруднений он стал прибегать к девальвации денег и выпуску монет пониженного качества. Однако отношение населения к этому быстро стало настолько угрожающим, что он был вынужден практически сразу отказаться от этой меры. Ему нужно было во что бы то ни стало пополнять государственную казну - фиск, занимающий, по словам Кориппа, поэта VI века, «место желудка, посредством которого питаются все члены». Строгость во взимании налогов достигла крайних пределов и гибельно отзывалась на обессиленном населении. По словам одного современника, «иностранные вторжение казалось менее страшным налогоплательщикам, чем прибытие должностных лиц фиска». Деревни обнищали и опустели, так как жители их разбежались. Производительность страны снизилась. В различных местностях происходили возмущения.

Видя разорение страны и сознавая необходимость экономии, Юстиниан стал прибегать к ней в областях, наиболее опасных для империи. Он уменьшил численность войска и стал задерживать ему жалованье; а так как войска главным образом состояли из наемников, то последние, не получая условленного содержания, поднимали восстания и мстили беззащитному населению. Вследствие этих мер граница недостаточно зорко охранялась, и варвары безнаказанно проникали на византийскую территорию, подвергая ее грабежу и разорению. Сооруженные Юстинианом крепости не поддерживались. Не имея возможности противостоять силой вторгавшимся варварам, он должен был от них откупаться, на что нужны были новые средства. Образовался, по словам Диля, заколдованный круг: из-за недостатка денег уменьшили войско; из-за недостатка солдат нужно было теперь найти еще больше денег для уплаты нападавшим врагам.

Если ко всему этому добавить частые голодные года, эпидемии и землетрясения, которые разоряли население и увеличивали просьбы о правительственной помощи, то становится ясным, что к концу правления

Юстиниана положение империи было по-настоящему прискорбным. Среди этих бедствий особого упоминания заслуживает опустошительная чума 542 года. Она началась около Пелузия, на берегах Египта. Существовало традиционное древнее подозрение, что эта болезнь обычно шла из Эфиопии. Как Фукидид изучал чуму в Афинах в начале Пелопонесской войны, так историк Прокопий, который был свидетелем ее действия в Константинополе, определил природу и течение бубонной чумы. Из Египта инфекция пошла на север в Палестину и Сирию; на следующий год она достигла Константинополя, затем, распространившись по Малой Азии и Месопотамии, направилась в Персию. Из заморских территорий она захватила Италию и Сицилию. В Константинополе эпидемия длилась четыре месяца. Смертность была огромной. Деревни и города были заброшены, сельское хозяйство замерло и голод, паника и бегство большого количества людей прочь из зараженных мест были бесконечными. Все это ввергло империю в хаос. Прервались все придворные мероприятия. Сам император заболел чумой, однако заражение не оказалось смертельным. Это был только один из факторов, вызвавших ту безотрадную картину, которая нашла свое отражение в первой новелле Юстина II, в которой он говорит о «государственной казне, отягощенной многими долгами и доведенной до крайней нищеты», и о «войске, настолько уже пропитанном недостатком во всем необходимом, что государство страдало от бесчисленных нападений и набегов варваров».

Попытка административной реформы Юстиниана окончилась полной неудачей. В финансовом отношении империя стояла на краю гибели. С этой стороны, конечно, нельзя упускать из виду тесной связи, которая существовала между внутренней и внешней политикой императора. Его обширные военные предприятия на Западе, требовавшие громадных средств, разорили Восток и оставили преемникам тяжелое, запутанное наследство. Добрые, искренние намерения Юстиниана упорядочить жизнь империи и поднять нравственный уровень правительственных органов, о чем торжественно объявляли его новеллы более раннего времени, столкнулись с его военными планами, как наследника римских цезарей, и не могли быть проведены в жизнь.

В истории византийской торговли время Юстиниана также оставило заметный след. Как и раньше главная торговля велась с Востоком, и наиболее редкие, драгоценные предметы торговли приходили из отдаленных стран Китая и Индии. Западная Европа, находясь в раннее средневековье в периоде создания новых германских государств, из которых некоторые, как известно, при Юстиниане были завоеваны его полководцами, жила в условиях, в высшей степени неблагоприятных для развития собственной экономической жизни. Восточная Римская империя с таким центром, как Константинополь, оказалась силой обстоятельств в роли посредника между

Западом и Востоком, и подобная роль ее продолжалась до эпохи Крестовых походов.

Но само византийское государство не находилось в прямых торговых сношениях со странами дальнего Востока; посредником между ними, имевшим от этого громадные выгоды, являлась персидская держава Сасанидов. Главных торговых путей было два: один сухопутный, другой водный. Первый, караванный, путь шел от западных границ Китая, через Согдиану (Бухару), к персидской границе, где происходила перегрузка товаров из рук китайских купцов в руки персидских, которые уже отправляли их дальше в определенный таможенный пункт на византийской границе. Другой, водный, путь шел таким образом: китайские купцы на кораблях везли свои товары до острова Тапробан (Цейлон), на юг от полуострова Индостан, где товары перегружались, преимущественно на персидские корабли; последние везли их по Индийскому океану и Персидскому заливу к устьям Тигра и Евфрата, откуда вверх по Евфрату товары доходили до лежавшего на этой реке византийского таможенного пункта. Торговля Византии с Востоком, бывшая в руках персидских купцов, находилась в зависимости от отношений империи к Персии; а так как военные действия с Персией были обычным явлением в истории Византии, то византийская торговля с Востоком беспрестанно прерывалась и несла чрезвычайный ущерб. Особенно важной отраслью торговли был китайский шелк, секрет производства которого бдительно охранялся Китаем. Ввиду трудности его доставки цена на шелк и на шелковые изделия, на которые был громадный спрос в Византии, поднималась временами до необычайных размеров. Кроме китайского шелка, из Китая и Индии шли на запад благовония, пряности, хлопок, драгоценные камни и некоторые другие предметы, находившие также широкий сбыт в византийском государстве.

Не мирясь с экономической зависимостью Византии от Персии, Юстиниан поставил своей целью найти такой путь торговых сношений с Китаем и Индией, который не находился бы в сфере персидского влияния. Для этого необходимо было установить прямые сношения с Индией через Красное море. В северо-восточном углу Красного моря (в Акабском заливе) находился византийский порт Айла, откуда индийские товары могли идти уже сухим путем через Палестину и Сирию к Средиземному морю. Другой порт, Клисма (около современного Суэца), лежал в северо-западном углу Красного моря, откуда был прямой путь к Средиземному морю. На одном из островов, Иотаба (Тиран), при входе в Акабский залив, у южной оконечности Синайского полуострова, при Юстиниане был устроен дозорный таможенный пункт для проходящих судов. Но у императора не было в Красном море для регулярной торговли достаточного количества кораблей. Ввиду этого он вступил в сношения с единоверными абиссинцами (с Аксумским царством), убеждая их покупать в Индии шелк и потом перепродавать его Византии, т. е. хотел, чтобы они явились, подобно персам, посредниками в

торговле между Византией и Индией. Но эта попытка окончилась ничем, так как абиссинские купцы не могли справиться с персидским влиянием в Индии, и монополия на покупку шелка осталась в руках персидских купцов. Таким образом, новых путей для прямой торговли с Востоком Юстиниану открыть не удалось. В мирные промежутки Персия по-прежнему оставалась посредницей, удерживая торговлю в своих руках и наживая большие деньги.

Однако, случай помог Юстиниану разрешить вопрос о торговле шелком. Несколько монахов или, по другому источнику, один перс, - сумели, обманув всю бдительность китайских досмотрщиков, доставить в империю коконы шелковичного червя и научили греков искусству разведения шелковичных куколок. Тогда Византия быстро освоилась с этим делом: появились плантации шелковицы; основывались фабрики для выделки шелковых материй. Главные фабрики шелковых тканей были в Константинополе, затем в сирийских городах, Бейруте, Тире и Антиохии, и, наконец, позднее в Греции, в основном в Фивах. Одна существовала в Александрии, ибо египетские одежды продавались в Константинополе. Шелковое производство, сделавшееся казенной монополией, стало давать империи крупные доходы. Византийские шелковые ткани расходились по всей Западной Европе и украшали дворцы западных государей и частные дома богатых купцов. Таким образом, во время Юстиниана византийская торговля пережила один из самых важных моментов в своем развитии. Однако, как бы ни были значительны доходы от шелкового производства, они не были в состоянии поправить общего критического финансового положения империи. Юстин II мог показать тюркскому послу, посетившему его двор, шелковое производство в полном объеме.

Ко времени Юстиниана относится замечательный литературный памятник, сообщающий драгоценные сведения как о географии бассейнов Красного моря и Индийского океана, так и о торговле с Индией и Китаем: это - «Христианская топография» Космы Индикоплова, написанная в середине VI века.

Родившись в Египте, вероятно в Александрии, Косма с ранних лет занялся торговлей, но, не довольствуясь торговыми операциями в родной стране, предпринял ряд дальних путешествий, во время которых посетил берега Красного моря. Синайский полуостров, Эфиопию (Абиссинию) и, может быть, доезжал до Цейлона. Будучи христианином, он после разнообразной жизни окончил свои дни в монастыре монахом. Прозвание Космы Индикопловом (по-гречески «Индикоплевст»), встречается уже в древних списках его сочинения.

Основная цель «Христианской топографии», доказывающей христианам, что, вопреки системе Птолемея, земля имеет не форму шара, а вид

продолговатого четырехугольного ящика, наподобие жертвенника в ветхозаветной скинии Моисея; вся же Вселенная уподобляется общему виду скинии. Для науки имеют громадное значение географические и торговые сведения Космы. Автор добросовестно оповещает читателя о своих источниках и дает им соответственную оценку; он различает свои личные наблюдения, как очевидца, сообщения других очевидцев и, наконец, сведения, полученные им понаслышке. Он в качестве очевидца описывает дворец абиссинского царя в городе Аксуме (в так называемом Аксумском царстве), дает точное описание нескольких интересных надписей на берегу Красного моря и в Нубии, а также индийских и африканских зверей. Сообщает ценнейшие сведения об острове Тапробане (Цейлоне) и выясняет его торговое значение в эпоху раннего средневековья. Из его описания явствует, что Цейлон в VI веке был центром мировой торговли между Китаем, с одной стороны, и восточной Африкой, Персией и через нее с Византией, с другой стороны. По словам Космы, «Служа посредником, остров принимает многочисленные корабли, приходящие со всей Индии, Персии и Эфиопии». Жившие на острове персы-христиане, т. е. несториане, имели там свою церковь и штат духовенства.

Интересно, что, несмотря на почти полное отсутствие примеров прямых торговых сношений Византии с Индией, византийские монеты эпохи Константина Великого появляются на индийских рынках, проникая туда, очевидно, не через византийских купцов, а при посредстве персов и абиссинцев (аксумитов). Монеты с именами императоров в Византии IV, V и VI веков - Аркадия, Феодосия, Маркиана, Льва I, Анастасия I, Юстиниана I, были найдены в южной и северной Индии. В международной экономической жизни VI века Византия играла настолько крупную роль, что, по свидетельству того же Космы, «все народы вели торговлю при посредстве византийской золотой монеты (номисмы или солида), которая принимается повсюду от одного края земли до другого, служа предметом удивления для всех людей и всех государств, так как такой монеты в других государствах не было».

Косма рассказал весьма интересную историю, которая показывает глубокое уважение в Индии к византийской золотой монете (номисме): «Однажды один из местных торговцев по имени Сопатр - умерший, как мы знаем, тридцать пять лет назад, - прибыл для торговых дел на остров Тапробану. Случилось так, что и из Персиды корабль бросил якорь. Люди Адулиса, с которыми был Сопатр, сошли на берег, сошли и персы, с которыми был и посол персов. Затем архонты и сборщики налогов их приняли и отвели к царю. Царь принял их, и после того, как они пали ниц, разрешил им сесть. Тогда он их спросил: «Каковы ваши страны и каковы ваши дела?». Они ответили: «Хорошо». Потом, среди других вопросов, царь спросил: «Который из ваших царей лучше и сильнее?» Перс вскричал: «Наш более могущественный, более великий, более богатый, и он - царь царей».

И если он чего хочет, он - может этого добиться». Сопатр молчал. Тогда царь обратился к нему: «А ты, ромей, тебе нечего сказать?». Сопатр же: «Что мне сказать, когда перс говорит такие вещи? Если ты хочешь узнать правду, ты имеешь здесь обоих царей. Рассмотрю каждого из них и ты увидишь, кто из них более блистателен и могущественен». Царь, удивившись этим словам, сказал: «Как же я имею здесь обоих царей?». Сопатр ответил: «Ты имеешь монеты обоих - от одного номисму, от другого - драхму, то есть миллиарисий. Посмотри на изображение каждого и ты узнаешь правду». Царь, похвалив и одоблив (предложение), велел доставить обе монеты. Номисма была из чистого золота, блестящая и хорошей чеканки. Дело в том, что туда доставляют монеты лучшего образца. Миллиарисий же был серебряной монетой, и этого достаточно, чтобы его невозможно было бы сравнивать с золотой. Царь, покрутив обе монеты, их изучил и, похвалив номисму, сказал: «В самом деле, ромеи блистательны, могущественны и мудры». Он приказал оказать большой почет Сопатру и, посадив его на спину слона, приказал возить по городу в сопровождении барабанов, с большим почетом. Это нам рассказал Сопатр и его спутники с Адулиса, прибывшие на остров. Они также говорили, что перс от всего случившегося был очень унижен».

Кроме историко-географического и бытового значения, труд Космы имеет и крупное художественное значение благодаря многочисленным рисункам (миниатюрам), которыми был украшен его текст; может быть, некоторые рисунки были исполнены самим автором. Рукописный оригинал VI века до нас не дошел; но сохранившиеся позднейшие рукописи «Христианской топографии» содержат копии первоначальных миниатюр и поэтому являются ценным источником для раннего византийского, специально александрийского искусства.

Сочинение Космы впоследствии было переведено на славянский язык и пользовалось большим распространением. Существует много русских списков «Христианской топографии» с приложением портрета самого Космы Индикоплова.

Лекция 20.

План:

Аравия, Эфиопия, Йемен и Абиссиния.

Сирия. Антиохия Сирийская.

Египет.

В описываемый период империя практически постоянно вела войны и особо долгие с Персией, поэтому по направлению к Черному морю и Аравии, Византия пыталась удержать свое влияние посредством дипломатических сношений. Здесь не было имперских гарнизонов и у Юстиниана не было прямых интересов к захвату этих отдаленных провинций. Из-за продолжительных войн с Персией для Византии стала недоступна обычная дорога, по которой прежде доставлялись в Сирию и Египет индийские товары, возникает необходимость искать новых торговых путей. Поэтому Красное море, или Аравийский залив приобретет значение. По нему стали направляться торговые суда на Восток в обход Персии. Это имело громадное значение как для истории Аравии, которая пробудилась к новой, так и для политики Юстиниана. Империя давно уже имела здесь своих приверженцев, и торговые люди заводили разнообразные сношения на том и другом берегах Красного моря, покупая драгоценные произведения Аравии и Эфиопии и перевозя их на север.

В особенности важны по своим последствиям были торговые связи с западным берегом через торговый порт Адулис, открывавший путь в царство аксумское (Абиссиния), откуда экспортировались рабы, слоновая кость, разные благовония и пряности. Здесь, посредством абиссинцев и арабов Йемена намечался караванный путь в Индию в обход персидского царства, что разрешало важную проблему, вызванную политическими осложнениями на персидской границе. Юстиниан принял ряд экстренных мер, чтобы завязать здесь прочные отношения. Он обратил внимание на арабские племена, кочевавшие на юг от византийских владений, именно племена фиников, кинда и маад. За разнообразные привилегии один из начальников этих племен согласился поступить на службу империи и держать в подчинении соседних шейхов в качестве византийского филарха. Император вступил с ним в дружественные сношения, заставил дать в заложники его сына и воспитал его в Константинополе. Таким образом, постепенно распространялись в Аравии византийская образованность и христианство и, вместе с тем, пресекались для Персии средства распространять здесь свое политическое влияние.

Не менее успешна была политика Юстиниана в Йемене и Абиссинии. Здесь прежде всего обращало на себя внимание царство омиритов, или Гимайр, где христианство пустило корни еще раньше Юстиниана, и где церковная организация подвергалась опасности со стороны язычников, находивших поддержку в Персии. Византия оказала покровительство христианской партии в земле омиритов и поощрила притязания абиссинского царя на эту область. Абиссинский царь Эла-Ацбега, или Елесваан, вступил в Аравию, низверг династию местных царей и посадил на престол омиритов своего наместника и, как убежденный христианин, послал в Аравию пропо-

ведников. Таким образом, Аравия была открыта христианскому влиянию монофизитской Церкви при посредстве Абиссинии и политическому преобладанию империи. Открывая Красное море для торговли шелком и другими восточными товарами, Юстиниан в то же самое время сделал попытку вовлечь Абиссинию в свою борьбу с персами. Посредством абиссинского наместника в Аравии Юстиниан имел возможность поддерживать своих партизанов в Северной Аравии и дать значительный авторитет филарху, распространявшему византийское влияние между шейхами мелких колен. С этой целью Византия поддерживала посольствами свои отношения с Абиссинией.

На Востоке самым многолюдным, богатым и просвещенным городом была Антиохия. Выстроенная на берегу Оронта, она имела важное торговое и военное значение из-за близости моря; этот город пользовался вниманием римских императоров и широко распространял свои улицы и предместья по склонам горы и по долине. По населенности он был вторым городом империи, а по богатству, роскоши городских обитателей и по красоте городских зданий не уступал самой столице. Сенат и городские димы отстаивали свои привилегии во время Юлиана и вызвали его едкую и насмешливую критику над нравами Антиохии в составленном самим Юлианом произведении «Мисопогон»; хотя языческие нравы уступили место христианству, но около древнего святилища Аполлона в предместье Дафна долго еще собирались для тайных жертвоприношений приверженцы старого культа. В V и VI вв. Антиохия пользовалась еще прежней славой как административный центр для губернатора Сирии и как кафедра антиохийского патриарха. Христианские императоры оказывали ей исключительное внимание; о построенной Константином Великой церкви, сгоревшей в царствование Юстина, рассказывается, что равной ей не было во всей империи.

Торговля Антиохии была обширная, от нее, шел караванный путь в Персию и Индию, и она посредничала в торговых сношениях Европы с Азией. В начале VI в. в Антиохии было до 300 тыс. населения. Как и в Константинополе, здесь была бойкая общественная жизнь, народ любил игры, состязания в цирке и зрелища. Цирковые партии в Антиохии так же, как в Константинополе, привлекали к себе внимание димов и регулировали общественную жизнь. Нередко были смуты и волнения, которые заставили правительство запретить цирковые представления. Хотя христианство пустило в Антиохии наиболее глубокие корни, и антиохийская патриархия считалась апостольской по происхождению, тем не менее, в этом городе смешанного происхождения общественные нравы изменялись весьма медленно, и жизнь носила черты, отличные от константинопольского византизма. Самым существенным отличием Антиохии было то, что с конца V и особенно в начале VI в. она стала центром религиозного разногласия, выразившегося в монофизитство. Духовные вожди антиохийского духовенства, будучи осуждены Церковью, сделались представителями не только на-

циональной Сирийской Церкви, но, вместе с тем и политическими вождями сирийского народа в его стремлении к сепаратизму.

В борьбе с Антиохией Юстиниану помогли стихии. В 526 г. страшное землетрясение нанесло Антиохии непоправимые бедствия, в то же время пожар истребил оставшиеся не разрушенными здания. Через два года новое землетрясение посетило Антиохию. Хотя правительство не щадило средств на восстановление общественных зданий и на помощь пострадавшим, но эти бедствия были для Антиохии роковыми. Новое несчастье разразилось над городом в 540 г., когда Хозрой взял ее приступом и предал опустошению и грабежу. После персидского погрома самое имя города, казалось, предается забвению. Персидский царь вывел в Персию громадное множество пленных, забрал с собой сокровища из публичных и частных зданий и задумал поселить пленных в особом, отделенном для этой цели месте близ Ктесифона. Новому населению даны были права города и имя Антиохии. Правда, Юстиниан не щадил средств, чтобы возобновить сирийскую столицу. Он частью возобновил прежние здания, частью построил новые; в особенности, однако, щедрость императора имела целью новые церкви и благотворительные учреждения, в устройстве которых ему помогала царица Феодора. Но юстиниановская Антиохия далеко уже не была либеральной и вольнолюбивой Антиохией IV и V вв.

Ничто, однако, не может выразительней характеризовать внутреннюю политику Юстиниана, как провинция Сирия, подвергшаяся страшным преследованиям из-за религиозной идеи. Следствием этой политики было ослабление Сирии и довольно легкий переход ее под власть арабов.

Вот как современник передает впечатление от переживаемых им событий: «В начале царствования Юстиниана на Востоке явилась звезда, подобная большому копы. Это видение всех привело в страшное смущение, потому что явление подобной звезды с таким блеском и таким быстрым движением предвещало грозные события, которые не замедлили исполниться, ибо скоро люди испытали многие бедствия и убийства и пролитие крови. В 525—526 гг. Антиохия неожиданно загорелась со всех сторон, пожар свирепствовал почти 6 месяцев в разных частях города, причем погибло в пламени много людей. В то же время последовало сильное землетрясение. Небесный гнев с такой силой и суровостью преследовал людей, что того, кто спасался от землетрясения, пожирало пламя, и летящие искры производили новый пожар там, где падали. С неба падал огненный дождь, так что весь город, разными способами разрушенный, поверженный, уничтоженный и сделавшийся добычей огня, горел, как пылающая печь, за исключением нескольких домов на вершине ближайшей горы. Долго держалась Великая церковь, построенная Константином, но и она на седьмой день сгорела до основания; то же произошло и с другими церквами, и они, выдержав землетрясение, уничтожены были пожаром». Это было пятое

землетрясение, испытанное Антиохией; но в 539 - 540 гг. она подверглась новому землетрясению, из-за которого выстроенные вновь здания снова были разрушены, пострадали также стены, ворота и многие церкви.

Кроме бедствий, разразившихся над Антиохией и другими городами, Сирию постигли гонения на почве религиозных разногласий. «Во многих частях Антиохии, — говорит Иоанн Эфесский, — во всей Аравии и Палестине, во многих южных и северных городах и в пустыне анахоретов и даже до границ Персии и в прочих городах Востока население изгнано с мест жительства и рассеяно; тех, кого удавалось захватить, сажали в кандалы, и запирали в темницы, и подвергали всяческим наказаниям и мучениям. Многие после отобрания у них имущества умирали под нещадными ударами, на иных насылаемы были военные отряды и разного рода притеснители, которые гнали их с одного места в другое страшными притеснениями... и тех верных, которые принимали изгнанных в свои селения и дома, подвергали грабегам, ударам и истязаниям. Одновременная и стремительная буря преследования жестоко и неудержимо разразилась над всеми землями, всеми городами и над всеми деревнями. У всех церквей и монастырей, у городов и деревень с жадностью и жестокостью расхищены имущества не только церковные, монашеские и монастырские, но и те, что принадлежали светским лицам, женщинам и детям. Всячески притесняемые, мучимые, оскорбляемые, изгоняемые в различные земли и в места поселения, они терпели всякие мучения и все бедствия и испытали все несчастья ради истинной, правой и непорочной веры. То, что мы намерены здесь описать, превышает всякое разумение и не может быть изложено даже во множестве сочинений, в особенности события времени Павла, Евфрасия и Ефрема, когда мужские и женские монастыри Сирии, западные и восточные, как большие, так и малые, вынесли с величайшим терпением всяческие преследования, всякую тягость, мучения, голод, жажду, холод и жестокую наготу. Из них некоторые, нашедши на нынешний день пристанище, если не к вечеру, то завтра уже подвергаются изгнанию и не могут найти себе на ночь ночлега. Итак, наподобие зверей они проводят ночи под открытым небом, бродя по полям и горам, а случись суровая зима - ночуют под дождем, на снегу и на морозе, сидя на скалах, подверженные стуже и холоду и сильным ветрам, не имея ничего подложить под себя и немного прилечь и растянуться на земле. Случалось, что преследователи выселяли верных из их обителей, стаскивали со столбов и изгоняли из келий. Таковые мучения и бедствия и тяжелые испытания постигли монашеский чин во время жизни Павла».

Про время патриарха Ефрема у этого писателя сообщается следующее: «Ефрем, сын Аппиана из Амиды, произвел сильное возмущение в Церкви Божией на Востоке и во всей Сирии. Ибо, обходя все земли и города, он опустошил большие и малые монастыри, поверг на землю и самые столпы, с которых согнал подвижников, других, выгнанных варварской си-

лой из их затворов, мечом и бичами принуждал принять причащение. Военной силой разогнал монахов из монастырей, как находящихся близ Амиды, так и рассеянных по всей стране. Изгнанники в громадном числе пошли в древний монастырь, прежде цветущий и многонаселенный, по имени Телла. Когда они здесь немного отдохнули, посланы были многочисленные ромейские войска и хорепископы и дозорщики, чтобы выгнать их отсюда. Но, когда войска вошли и увидали длинные и густые ряды, выстроенные для церковной службы, то испугались, приняв их за исполинов. Итак, оставив в покое монахов, они захватили ближайшие деревни и начали их опустошать и захватывать скот. Крестьяне с плачем просили монахов или пожалеть их и уйти, или помочь им сразиться с войсками. Видя скорбь и плач всей страны, изгнанники отправились в страну пустынников, где в монастыре Рорлогит жило до 1000 монахов. Поставив здесь палатки под открытым небом, они привлекли сюда жителей окрестных селений, которые сходились толпами столько же для принятия благословения, как из любопытства. Тогда патриарх Ефрем приказал своему брату Иоанну, командовавшему отрядом в Эдессе, отправиться к монахам и предложить им выбрать уполномоченных от каждого монастыря, чтобы переговорить с ним о спорных предметах. Когда же монахи отказались принять это предложение, то Иоанн, распалившись гневом, как вавилонская печь, приказал явиться сюда военным людям, находившимся в Амиде. Тогда старцы монастырей, повинаясь Писанию, которое не одобряет употребления оружия, сделали постановление, чтобы монахи каждого монастыря, разделившись на отделения по числу священников, направились туда, куда заблагорассудит повести их начальник каждого отделения. Что касается стариков, то они должны были, переправившись за Евфрат, ожидать хода событий. Так оставлен был монастырь, снабженный всеми необходимыми для жизни предметами. Как сказано было раньше, никто не смел дать им приюта в своем доме, иначе дом подлежал конфискации, и хозяин дома подвергался уголовной каре, вследствие чего многие были принуждены, как звери, скрываться в пещерах и недоступных местах, прилежащих к Евфрату, между ними случилось быть. и мне смиренному, — замечает автор. Когда слух об этом распространился в соседние города, многие по внушению Божию доставляли им ночью хлеб, вино, овощи и другие необходимые предметы. Многие, подчиняясь необходимости, заходили в недоступные горы, покрытые снегом, и скрывались в загонах козьих и овечьих. Так все угнетаемы были стужей, и холодом, и теснотой, и другими бедствиями!»

Приведенные страницы из истории Иоанна Эфесского служат лучшим комментарием к политике Юстиниана.

Продолжая знакомиться с южной границей империи, мы доходим до Египта. Южная граница империи здесь доходила почти до первых порогов Нила, за которыми начинались области независимых и хищных племен - блеммидов и нобадов. Хотя экономическое положение Египта сильно упало

со времени Августа, так что с Египта при Юстиниане собиралась только половина того количества хлебной подати, какая доставлялась в первом столетии (до 6 миллионов модиев вместо прежних 12 миллионов), тем не менее, от египетских хлебных урожаев зависело продовольствие столицы, почему император озабочен был состоянием этой провинции и принимал энергичные меры к тому, чтобы она не была тревожима южными независимыми племенами. Главными мерами воздействия здесь также была христианская миссия. В 540 г. один монофизитский священник по имени Юлиан, поощряемый и поддержанный царицей Феодорой, отправился с богатыми дарами в Нубию и представился царю Сиако, который крестился со всем народом и предоставил себя на службу империи. Тогда после победы над блеммидами был разрушен языческий храм в Филе (541—542), и поставленный здесь епископ Феодор был первым христианским миссионером в Верхнем Египте.

Намеченные здесь события, касающиеся Абиссинии и Египта, весьма важны с точки зрения истории христианской культуры и заслуживают того, чтобы поставить их в надлежащем освещении. В особенности христианская миссия в Египте при императоре Юстиниане оставила следы на сохранившихся еще на месте памятниках и может быть изучаема и по настоящее время. У Прокопия имеем об этом следующее известие: «От города Аксуме до пределов ромейской державы в Египте, где город Элефантина, 30 дней пути. Здесь живут многие племена, сильнее между ними блеммиды и нобады... Последние жили по берегам Нила, начиная от города Элефантины, с согласия Диоклетиана, который определил выдавать им и блеммидам определенное количество золота... Они и в мое время получают эти деньги, но тем не менее делают набеги на тамошние селения. Тот же государь... построил на острове реки Нила близ Элефантины сильную крепость, соорудил общие для ромеев и варваров храмы и жертвенники и определил в этой крепости жрецов». Здесь Прокопий говорит о знаменитом храме, посвященном культу Исиды и Осириса в Филах, близ нынешнего Асуана, у первых порогов Нила. Этот храм до времени Прокопия принадлежал местному населению, и к нему стекалось множество поклонников Исиды со всех окрестных стран. По приказанию Юстиниана командовавший местным гарнизоном Парс положил конец языческому культу в Филах а при епископе Феодоре языческие храмы стали приспособляться к христианскому богослужению.

Развалины храма Исиды и Осириса. Внутри построек несколько греческих надписей. Наверху обширная терраса, с которой открывается вид на все постройки и окрестности. Отдельные части храма были в VI в. приспособлены для христианского богослужения. Между изображениями нильского лотоса и богини Котор с рогами над головой читаются надписи на греческом языке с крестом. На одной из колонн более подробная надпись, свидетельствующая о строительной деятельности епископа Феодора, которо-

му, как объяснено выше, принадлежит главная заслуга в утверждении в стране христианского исповедания. Как в этом храме, так и в большинстве других египетских памятников и, в особенности, в музеях нужно отметить знак креста (анх) в разнообразных формах и сочетаниях, изображение крылатого змея с тремя головами и с надписями, как на картинах Страшного суда. С точки зрения влияния Египта на христианскую культуру и в рассуждении источников заимствования аскетических идей и сказаний в древней христианской литературе памятники Египта представляют громадной важности материал.

Лекция 21.

План:

Литература.

- а. Историки.
- б. Географы.
- в. Хронисты.
- г. Аскетическая литература. Агиографы.
- д. Поэтическая литература.
2. Закрывание афинской школы.
3. Архитектура.
 - а. Св. София. Мозаика.
 - б. Церковь Святых Апостолов.
 - в. Памятники искусства в Равенне.

Отражая многостороннюю деятельность Юстиниана, которая удивляла даже его современников, эпоха между 518 и 610 годами дала обильное наследство в различных отраслях образования и литературы. Император сам пробовал заниматься литературным творчеством в области догматики и гимнографии. Маврикий также проявлял вкус к письмам. Он, однако, не только покровительствовал, но и поощрял литературу и часто проводил

значительную часть ночи в обсуждениях или размышлениях по вопросам поэзии или истории. Это время дало многих историков, которых мероприятия Юстиниана снабдили богатым материалом.

Юстиниан имел специального историка своего времени в лице Прокопия Кесарийского, нарисовавшего в своих сочинениях очень полную картину его правления. Будучи юристом по образованию, Прокопий был назначен секретарем к известному полководцу Велизарии, с которым участвовал в походах против вандалов, готов и персов. Прокопий имеет значение и как историк, и как писатель. Как историк он был поставлен в наилучшие условия в смысле источников и осведомленности. Близость к Велизарии давала ему доступ ко всем официальным документам канцелярий и архивов, тогда как его личное участие в походах и прекрасное знакомство со страной всегда давало ему драгоценный и живой материал личного наблюдения и устных сообщений современников.

В композиции и стиле Прокопий часто следовал античным историкам, особенно Геродоту и Фукидиду. Как писатель Прокопий, несмотря на зависимость от древнегреческого языка прежних историков и некоторую искусственность изложения, дал пример образного, ясного и сильного языка. Прокопию принадлежат три сочинения. Самое крупное из них - «История в восьми книгах», где описываются войны Юстиниана с персами, вандалами и готами. Но, помимо этого, в этом труде автор затрагивает многие другие стороны государственной жизни и, несмотря на несколько хвалебный тон в отношении императора, не раз высказывает горькую правду. Это сочинение может быть названо общей историей времени Юстиниана. Другое сочинение Прокопия «О постройках», являясь сплошным панегириком императору, может быть, было даже написано по его поручению. Главная тема сочинения - перечисление и описание многочисленных и разнообразных сооружений, возведенных Юстинианом во всех частях его обширной империи. Но, несмотря на риторические преувеличения и чрезмерные восхваления, сочинение «О постройках» содержит богатый географический, топографический и финансовый материал и служит поэтому важным источником для внутренней истории государства. Наконец, третье сочинение Прокопия - «Anecdota» или «Тайная история» (*Historia arcana*) - резко отличается от двух предыдущих. Это есть род злостного памфлета на деспотическое правление Юстиниана и его супруги Феодоры, где сам император, Феодора, Велизарий и его супруга смешиваются с грязью и где Юстиниан выставляется главным виновником всех несчастий, постигших в его время империю. Противоречие между последним сочинением и первыми двумя было настолько разительным, что в науке был поставлен вопрос о подлинности «Тайной истории», ибо казалось невозможным, чтобы все три сочинения принадлежали одному лицу. Только после того как «Тайная история» была подробно изучена в связи с эпохой Юстиниана и всеми ее источниками, вопрос о ней был решен в пользу ее подлинности. Но при умелом поль-

зовании это сочинение является очень ценным источником для внутренней истории Византии в VI веке. Итак, сочинения Прокопия, несмотря на их преувеличения в плохую или хорошую сторону при оценке деяний Юстиниана, представляют собой в высшей степени важный современный источник для знакомства с данной эпохой. Этого мало: славянская история и славянская древность находят у Прокопия ценнейшие известия о быте и верованиях славян, а тогдашние германские племена через него же знакомятся со своей историей.

Современник Юстиниана и Прокопия, историк Петр Патриций, блестящий юрист и дипломат, постоянно посылался послом в Персию и к остготскому двору, где он содержался пленником три года. Его записи составили «Историю», или «Историю Римской империи», рассказывающую - как можно судить по обильным сохранившимся фрагментам, в которых сочинение только и сохранилось, - о событиях от второго триумvirата (от Августа) до времени Юлиана Отступника. Ему также принадлежит трактат «О государственном устройстве» (Катастасис, или Книга церемоний), часть которого была включена в знаменитую книгу времени Константина Багрянородного (X в.) «Книга дворцовых церемоний».

От Прокопия до начала VII века была непрерывная традиция исторических сочинений и каждый историк основывался на трудах своих предшественников.

Прокопию непосредственно следовал хорошо образованный юрист Агафий из Малой Азии, который оставил наряду с некоторым количеством стихотворений и эпиграмм, книгу «О царствовании Юстиниана», которая охватывала период с 552 по 558 гг. Следуя за Агафием, Менандр Протектор писал во времена Маврикия «Историю», которая была продолжением сочинения Агафия и излагала события с 558 по 582 гг., то есть до Маврикия. Сохранились только фрагменты этого сочинения. Они, тем не менее, дают достаточно материала для того, чтобы оценить важность этого источника, особенно с географической и этнографической точки зрения. Сочинение Менандра было продолжено Феофилактом Симокаттой, египтянином, который жил во времена Ираклия и занимал должность секретаря императора. Исключая небольшое сочинение по естественной истории и собрания писем, он описал время Маврикия (582-602). Стиль Феофилакта перегружен аллегориями и искусственными выражениями в гораздо большей степени, чем у кого-либо из его предшественников. Однако, несмотря на все это, Феофилакт является прекрасным, основным источником о времени Маврикия. Он дает также очень ценную информацию о Персии и славянах на Балканском полуострове в конце VI века.

Посол Юстиниана к сарацинам и эфиопам Нонн оставил описание своего далекого путешествия. Сохранился только один отрывок у патриар-

ха Фотия. Однако даже этот фрагмент дает информацию о природе и этнографии стран, которые он посетил. Фотий сохранил также отрывок Феофана Византийского, который писал в конце VI века и, возможно, охватил в своем сочинении период от Юстиниана до первых годов правления Маврикия. Этот фрагмент важен, ибо он содержит информацию о начале шелководства в Византии и содержит также одно из наиболее ранних упоминаний о турках. Другим источником, особенно важным для церковной истории V-VI веков, является сочинение сирийца Евагрия, скончавшегося в конце VI века. Его «Церковная история» в 6 кн. является продолжением историй, написанных Сократом, Созоменом и Феодоритом. Сочинение содержит рассказ о событиях от Эфесского собора в 431 году до 593 года. Кроме информации о событиях церковной жизни, его «История» содержит интересную информацию по общей истории всего периода.

Иоанн Лидиец отличался прекрасным образованием, и Юстиниан был о нем столь высокого мнения, что поручил ему написать панегирик императору. Среди прочих трудов Иоанн оставил трактат «Об управлении римского государства», который еще недостаточно изучен и оценен. Он содержит многочисленные факты о внутреннем устройстве империи и может послужить ценным дополнением к «Тайной истории» Прокопия.

Разностороннее значение «Христианской топографии» Космы Индикоплова, широкий географический масштаб которой так хорошо соответствует размаху планов Юстиниана, уже обсуждалось. К области географии относится также статистический обзор восточной Римской империи времени Юстиниана, который вышел из-под пера грамматика Иерокла и носит название «Спутник путешественника» (SunekdhmoV, Synecdemus). Автор концентрирует свое внимание не на церковной, но скорее на политической географии империи. Невозможно определить, является ли этот обзор результатом собственной инициативы Иерокла или результатом поручения каких-либо руководящих органов. В любом случае в сухом обзоре Иерокла заключен прекрасный источник для определения политической ситуации в империи в начале царствования Юстиниана. Иерокл был основным источником по географическим вопросам для Константина Багрянородного.

Кроме этих историков и географов, VI век имел также своих хронистов. Эпоха Юстиниана продолжала еще оставаться тесно связанной с классической литературой, и сухие византийские хронисты, которых стало много в более поздний период византийской истории, являлись только редкими исключениями в это время.

Промежуточное положение между историками и хронистами занимал Гесихий из Милета, который жил, вероятно всего, во времена Юстиниана. Его труды сохранились только в писаниях Фотия и лексикографа X века Свида. На основании этих фрагментов видно, что Гесихий писал всемир-

ную историю в форме хроники, охватывая период от древней Ассирии до смерти Анастасия (518 г.). Среди сохранившихся есть большой отрывок, посвященный ранней истории Византии даже до времени Константина Великого. Гесихий был также автором истории времен Юстина I и начала царствования Юстиниана, которая по стилю и концепции очень отличалась от первого сочинения и содержала детальное описание событий, современных времени автора. Третьим сочинением Гесихия был словарь знаменитых греческих писателей разных областей знаний. Ввиду того, что словарь не включал христианских авторов, некоторые исследователи утверждают, что он, возможно, был язычником. Это мнение, однако, принимается не всеми.

Истинным хронистом VI века был необразованный сириец из Антиохии Иоанн Малала, автор греческой хроники - всемирной истории, которая, судя по единственной сохранившейся рукописи, рассказывала о событиях с легендарных времен египетской истории до конца царствования Юстиниана. Возможно, однако, хроника содержала также сообщения о более позднем периоде. Хроника является христианской и апологетической по своим целям, очень ясно выражая монархические тенденции автора. Она, очевидно, предназначалась не для образованных читателей, а для масс, для которых автор включил много разнообразных и развлекательных фактов. Особого внимания заслуживает стиль, ибо это сочинение является первым значительным, написанным на греческом разговорном языке, популярном на Востоке, который смешивал элементы греческого с латинским и восточными выражениями. Ввиду того, что эта хроника соответствовала вкусу и умонастроению масс, она оказала огромное влияние на византийскую, восточную и славянскую хронографию. Большое количество славянских извлечений и переводов сочинения Малалы имеют большое значение для восстановления исходного греческого текста его хроники.

В добавление к большому количеству сочинений, написанных по-гречески, к этой эпохе (518-610) относятся также сочинения на сирийском языке Иоанна Эфесского, который умер в конце VI века (возможно, в 586 году). Родившийся в верхней Месопотамии и убежденный монофизит по вере, Иоанн провел много лет своей жизни в Константинополе и Малой Азии, где он и познакомился с Юстинианом и Феодорой. Он был автором «Жизней восточных святых, или Историй, касающихся путей жизни святых Востока» (*Commentarii de Beatis Orientalibus*) и «Церковной истории» (на сирийском), которая исходно охватывала время от Юлия Цезаря до 585 года. Это бесценный источник для данного периода. Написанная с монофизитской точки зрения, «История» Иоанна Эфесского отражает не столько догматические основы монофизитских споров, сколько их национальную и культурную основу. Согласно исследователю, посвятившему себя специально изучению сочинения Иоанна, «Церковная история» «проливает много света на последние моменты борьбы между христианством и языче-

ством, отражая истоки этой борьбы в области культуры». Это сочинение также «весьма ценно для политической и культурной истории, особенно в том, что касается определения предела восточных влияний. В своем повествовании автор входит во все детали и тонкости жизни, давая обильный материал для тесного знакомства с нравами и обычаями, а также древностями описываемого периода».

Монофизитские споры, продолжавшиеся в течение всего VI века, вызвали большую литературную активность в том, что касается догматики и полемики. Даже Юстиниан не устранился от участия в этих литературных диспутах. Сочинения монофизитской направленности в греческом оригинале не сохранились. О них можно судить по цитатам, находимых в сочинениях авторов противоположного лагеря или по переводам, сохранившимся в сирийской и арабской литературе. Среди писателей православного направления выделялся современник Юстина и Юстиниана Леонтий Византийский, который оставил немало сочинений против несториан, монофизитов и прочих. О жизни этого автора догматических сочинений и его полемике с идейными противниками есть очень немного информации. Он является примером интересного явления времени Юстиниана, особенно потому, что влияние Платона на отцов церкви начало уже уступать место влиянию Аристотеля.

Развитие монашеской и отшельнической жизни на Востоке в VI веке оставило свои следы в сочинениях аскетической, мистической и агиографической литературы. Иоанн Лествичник (o thV klimakoV) жил длительное время в пустыне горы Синай и написал то, что известно под названием «Духовная лестница». Сочинение состоит из 30 глав, или степеней, в которых он описывает духовное восхождение к совершенству. Это сочинение стало любимым чтением среди византийских монахов, служа указателем в достижении аскетического и духовного идеала. Однако удивительная популярность сочинения никоим образом не ограничивалась Востоком. Есть множество переводов на сирийский, современный греческий, латинский, итальянский, испанский, французский и славянский. Некоторые из рукописей содержат много интересных иллюстраций (миниатюр).

Главой агиографов VI века следует назвать Кирилла Скифопольского, уроженца Палестины, который провел последние годы своей жизни в знаменитой палестинской лавре св. Саввы. Кирилл хотел составить большой сборник монашеских «житий», однако ему не удалось достичь в этом успеха, возможно, из-за своей ранней смерти. Некоторое количество его сочинений сохранилось. Среди них житие св. Евфимия и св. Саввы, а также несколько житий менее значимых святых. Из-за точности его рассказа, из-за правильности понимания им аскетической жизни, а также из-за простоты его стиля, все сохранившиеся сочинения Кирилла служат ценным источником для культурной истории ранневизантийского времени. Иоанн Мосх, то-

же палестинец, жил в конце VI и в начале VII века. Он является автором знаменитого сочинения «Луг духовный» (*Pratum Spirituale, Leimwn*), написанного на основании собственного опыта, приобретенного им во время многочисленных путешествий по монастырям Палестины, Египта, горы Синай, Сирии, Малой Азии и островов Средиземноморья и Эгейского моря. Сочинение содержит впечатления автора о его путешествиях, а также разнообразную информацию о монастырях и монахах. В некоторых отношениях «Луг духовный» представляет большой интерес для истории культуры. Позже это сочинение стало любимой книгой не только в Византийской империи, но и в других странах, особенно в Древней Руси.

Поэтическая литература также имела ряд представителей в это время. Вполне очевидно, что Роман Сладкопевец (гимнограф), знаменитый благодаря своим церковным песнопениям, творчество которого стало известно во время Юстиниана. В то же время Павел Силенциарий составил два поэтических описания (в греческих стихах) Св. Софии и ее прекрасного внутреннего убранства. Эти сочинения представляют большой интерес для истории искусства и весьма ценились современником Агафием. Наконец, Корипп, родом из Северной Африки, который позже поселился в Константинополе, - человек ограниченных поэтических способностей - написал два произведения по-латински. Первое из них, *Johannis*, написанное в честь византийского полководца Иоанна Троглиты, который подавил восстание североафриканских местных жителей против империи, содержит очень ценную информацию о географии и этнографии Северной Африки, также как и об Африканской войне. Факты, сообщаемые Кориппом, иногда более надежны, чем те, что сообщает Прокопий. Второе произведение Кориппа - Панегирик Юстину (*In laudem Justini*) - описывает в напыщенном стиле восшествие Юстина II и первые годы его царствования. Это произведение уступает первой поэме, однако содержит много интересных фактов о церемониале византийского двора в VI веке.

Папирусы открыли некоего Диоскора, который жил в VI веке в небольшой деревне Афродито в верхнем Египте. Копт по рождению, получил хорошее общее образование с основательной практикой в законах. Его большая коллекция деловых документов и других папирусов дает много ценной информации о социальной и административной истории этого времени, его поэмы ничего не добавляют к славе греческой поэзии; они представляют собой сочинения любителя, которые «полны грубых ошибок в грамматике и в просодии».

Для окончательного искоренения остатков язычества Юстиниан закрыл в 529 году знаменитую философскую школу в Афинах, этот последний оплот отжившего язычества, которому, как было сказано выше, нанес уже

раньше сильный удар основанный в V веке при Феодосии II Константинопольский университет.

В консульство Декия, говорится в истории Малалы, царь отправил в Афины эдикт, «которым запрещалось преподавание философии и толкование римского права». Это весьма краткое сообщение должно быть сопоставлено с известием Феофана, относящимся к тому же году, по которому «Юстиниан начал большое преследование эллинов и всяческой ереси». Афинская катастрофа была отголоском общей внутренней политики, начавшей преследования против религиозных и нравственных убеждений и подвергавшей описки в казну имуществ обвиненных в не правоверии лиц. «И было сильное смущение, — говорит Феофан, — и издан был эдикт, которым лишались политических прав те, кто придерживался эллинских воззрений и еретических верований. Снисхождение давалось лишь таким, которые в трехмесячный срок заявляли о своем правоверии». Эти суровые законы вызвали эмиграцию из империи знатных лиц, бегство в недоступные места тех, кто не мог бежать за границу - казни и отнятие имуществ.

Но нигде древние культурные и вместе антихристианские предания не держались так настойчиво, как в столице эллинизма, в Афинах. Хотя к VI в. Афины лишились наиболее блестящих своих памятников, частью уничтоженных, частью перевезенных в Константинополь, но древний Акрополь со своими храмами продолжал еще будить старые воспоминания, и философские школы привлекали еще в Афины слушателей со всех концов империи. Что касается философских школ, то после смерти Прокла в 485 г. не видим более в Афинах крупного представителя в этой, области. Преемники его в преподавании философии были большею частью иностранцы из Сирии, Лидии и Финикии, и самое философское мышление их ограничивалось формальной стороной и не шло далее толкований по места старых философов. Изящная легенда сообщает об этом следующее. Последнему известному неоплатонику Проклу раз явилась во сне Афина и объявила, что ей более нет места на Акрополе и что она избирает для своего обитания его жилище. Сказание любопытно и в том отношении, что устанавливает тесную связь между языческим культом и древней философией; низверженная с престола Афина продолжает пользоваться уважением в доме философа.

Таким образом, эдикт Юстиниана, запрещающий преподавание философии в Афинах в 529 г., был естественным применением его системы, направленной к установлению религиозного единства. Точно так же и ряд мероприятий, направленных к конфискации имуществ, приписанных к философской кафедре, и лишение философов права оставаться в Афинах - должен быть рассматриваем как логическое последствие политики Юстиниана. Этот акт отмечает собой поворотный пункт в истории, здесь несомненна смена идей и настроений, здесь классические и греко-римские воз-

зрения уступают место византийскому складу идей. «С этого времени Афины переходят в ранг маленького провинциального города, который в течение многих веков будет прозябать в неизвестности и которым не будет более интересоваться Юстиниан, разве только ограничит занимаемую им площадь и даст ему несколько укреплений. В Греции, обедневшей вследствие землетрясений и наводнений, истощенной поборами, разграбленной варварскими нападениями, эллинизм погиб быстро... слово эллин делается синонимом язычника, слово грек становится выражением оскорбительным или презрительным. Христианский Константинополь становится центром христианской культуры».

После закрытия школы при Юстиниане афинские профессора подверглись изгнанию; имущество школы было конфисковано. Один историк пишет: «В том же году, в котором св. Бенедикт разрушил последнее языческое национальное святилище в Италии, а именно храм Аполлона в священной роще на Монте Кассино, была также разрушена твердыня античного язычества в Греции».

Закрытие афинской языческой академии во времена правления Юстиниана не могло нанести серьезного вреда литературе и образованию этого времени, так как академия уже изжила себя. Она не имела уже большого значения в христианской империи. Сокровища классической литературы постепенно проникали, зачастую только внешне, и в христианские сочинения. Университет Константинополя, организованный Феодосием II, продолжал существовать во времена Юстиниана. Новые труды по юриспруденции показывают важность изучения права в это время. Оно ограничивалось, правда, формальным навыком буквального перевода юридических текстов и писанием кратких парафраз и извлечений. У нас нет точной информации о том, как развивалось юридическое образование после смерти Юстиниана. В то время как Маврикий проявлял много интереса к образованию, его преемник Фока, по-видимому, приостановил деятельность университета.

Архитектура этого времени создала уникальный в своем роде памятник - церковь Св. Софии.

Св. София, или Большая Церковь, как она называлась на Востоке, была сооружена по приказу Юстиниана на месте небольшой базилики Св. Софии («Божественной Премудрости»), которая была сожжена во время восстания Ника (532). Для того чтобы сделать этот храм сооружением невиданного блеска, Юстиниан, согласно поздней традиции, приказал наместникам провинции прислать в столицу лучшие части древних памятников. Огромное количество мрамора разных цветов и оттенков было привезено в столицу с богатейших мест добычи мрамора. Серебро, золото, слоновая

кость и драгоценные камни были привезены для того, чтобы усилить великолепие нового храма.

Император выбрал для исполнения этого грандиозного проекта двух талантливых архитекторов - Анфимия и Исидора. Оба были родом из Малой Азии, Анфимий из Тралл, Исидор - из Милета. Оба они деятельно принялись за работу, имея под своим наблюдением до 10 000 человек. Император лично посещал стройку, наблюдая за ее ходом, давая советы и возбуждая усердие строящих. На Рождество 537 года, в присутствии императора, произошло торжественное освящение Св. Софии. Позднейшая традиция сообщает, что будто бы восхищенный своим творением, Юстиниан при входе в храм произнес следующие слова: «Слава Богу, удостоившему меня совершить такое дело! Я победил тебя, Соломон!» По случаю этого торжественного события народу были дарованы великие милости и устроены празднества.

Внешний вид Св. Софии, со стенами из голого кирпича, очень прост и лишен каких-либо украшений; даже знаменитый купол кажется несколько тяжелым и вдавленным. Особенно теряется Св. София в настоящее время, когда она в значительной степени «закрыта» современной турецкой застройкой. Для того, чтобы понять и прочувствовать все величие и великолепие храма, надо увидеть его внутри.

Раньше перед храмом находился обширный двор-atrium, окруженный портиками, посреди которого был прекрасный мраморный фонтан. Четвертая сторона атриума, прилегавшая к храму, представляла собой внешний притвор (нартекс), который пятью дверями сообщался со вторым, внутренним притвором. Девять бронзовых дверей вели оттуда в храм; средняя, более широкая и высокая, царская дверь предназначалась для императора. Сам храм, приближаясь по своему архитектурному типу к купольным базиликам, образует большой прямоугольник, с великолепным центральным нефом, над которым высился громадный купол в 31 метр окружностью, возведенный с необыкновенными трудностями на высоте более пятидесяти метров от поверхности земли.

Из сорока больших окон, сделанных у основания купола, обильный свет разливался по всему храму. По обеим сторонам центрального нефа были построены двухэтажные арки с богато украшенными колоннами. Пол и колонны были сделаны из многоцветного мрамора; им же была выложена часть стены. Чудные мозаики, покрашенные в турецкое время, восхищали взор. Особенно глубокое впечатление производил на молящихся громадный крест у вершины купола, блиставший на мозаичном небе, усеянном звездами. И теперь еще наверху ниже купола можно различить под турецкой краской крупные фигуры крылатых ангелов.

Главный труд для строивших Св. Софию, еще никем до сих пор не превзойденный, заключался в возведении громадного и вместе с тем легкого купола. Этот удивительный купол, однако, обрушился еще при Юстиниане и к концу его правления был отстроен вновь уже в менее смелых формах. Современники Юстиниана с восторгом говорили о Св. Софии. Несмотря на многочисленные и сильные землетрясения. Св. София стоит до наших дней. Храм был преобразован в мечеть в 1543 году. Стржиговский писал: «По своей концепции храм Св. Софии чисто армянский».

Когда время прошло, истинная история строительства храма трансформировалась в источники в своего рода легенду с массой чудесных деталей. Из Византийской империи эти легенды нашли свой путь в южнославянскую и русскую, также как и в исламские - арабскую и турецкую - литературы. Славянские и исламские версии дают весьма интересный материал для истории международных литературных влияний.

Второй знаменитой церковью столицы, построенной Юстинианом, была Церковь Святых Апостолов. Она была первоначально построена при Константине Великом или при Констанции, однако к VI веку она была в состоянии полного упадка. Юстиниан снес ее и построил заново в более крупном и великолепном масштабе. Церковь имела форму креста с четырьмя равными сторонами и центральным куполом между четырьмя другими куполами. Среди архитекторов церкви были Анфимий из Тралл и Исидор Младший. Когда Константинополь был взят турками в 1453 году, церковь была разрушена для того, чтобы освободить место для мечети Мехмеда II Завоевателя. Достаточно ясное представление о том, какой была эта церковь, можно составить по Собору Св. Марка в Венеции, построенному по ее образцу. Церковь Святых Апостолов была также повторена в церкви Св. Иоанна в Эфесе, а на французской земле ее копией является St. Front в городе Периге (Perigueux). Мозаики церкви Апостолов были описаны Николаем Месаритом, епископом Эфесским, в начале XIII века. Церковь Апостолов известна также тем, что она была местом захоронения византийских императоров от Константина Великого до XI века.

Влияние архитектурных памятников Константинополя чувствовалось на Востоке, например, в Сирии, и на Западе, в Паренцо, в Истрии и особенно в Равенне.

Св. София может произвести впечатление, очаровать своим куполом, скульптурными украшениями колонн, многоцветным мрамором стен и пола, и еще более изобретательностью воплощения всего ансамбля; однако чудесные мозаики этого замечательного храма были до последнего времени недоступны из-за того, что они были закрашены в турецкое время. Новая эра в истории Св. Софии все же началась недавно, благодаря просвещенной политике турецкого правительства под руководством Мустафы Кемаля

Ататюрка. Здание было прежде всего полностью открыто иностранным археологам и ученым. В 1931 году вышло распоряжение турецкого правительства, дающее американскому Византийскому Институту разрешение раскрыть и законсервировать мозаики Св. Софии. Профессор Томас Уитмор обеспечил разрешение раскрыть и законсервировать мозаики, и в 1933 году работа началась во внешнем притворе. В декабре 1934 года Мустафа Кемаль объявил, что здание закрыто как мечеть и будет отныне сохраняться как музей и памятник византийского искусства. Благодаря неутомимой и систематической работе Т. Уитмора чудесные мозаики Св. Софии постепенно появляются во всем своем блеске и красоте. После смерти Уитмора в 1950 году работа была продолжена профессором П. А. Андервудом.

Прекрасное представление о византийских мозаиках дает северо-итальянский город Равенна. Полторы тысячи лет тому назад Равенна была цветущим приморским городом на Адриатическом море. В V веке находили в Равенне убежище последние западные римские императоры; в VI веке Равенна была столицей остготского королевства; наконец, с середины VI века и до половины VIII века Равенна была центром управления византийской Италии, отвоеванной Юстинианом у остготов, где жил византийский наместник-экзарх. Это было лучшее время для Равенны, в которой была могучим ключом политическая, торговая, умственная и артистическая жизнь.

Памятники искусства в Равенне соединяются с воспоминаниями о трех лицах: о Галле Плацидии, дочери Феодосия Великого и матери западного императора Валентиниана III, затем о Теодорихе Великом и, наконец, о Юстиниане. Оставляя в стороне более ранние памятники времени Галлы Плацидии и Теодориха, мы скажем несколько слов о равеннских памятниках времени Юстиниана.

Император, будучи сам усердным строителем памятников светской и духовной архитектуры по всей обширной территории своего государства, после завоевания Равенны закончил те церкви, которые начаты были еще при остготском владычестве. Из таких церквей, с точки зрения искусства, имеют большое значение церковь св. Аполлинария в Классисе (S. Apollinare in Classe), т. е. в равеннской гавани Classis, и особенно церковь св. Виталия (S. Vitale). Главное значение в этих церквях имеют мозаики.

Примерно в пяти километрах от Равенны, в пустынной лихорадочной местности, где в Средние века был богатый торговый порт города, возвышается совершенно простая по внешности церковь Св. Аполлинария in Classe, представляющая собой по форме настоящую древнюю христианскую базилику. Сбоку стоит круглая колокольня более позднего происхождения. Внутри церковь имеет три нефа. В древних, украшенных скульптурными изображениями саркофагах, вдоль церковных стен, были погребены

наиболее известные архиепископы Равенны. Мозаика VI века находится в глубине апсиды и изображает св. Аполлинария, покровителя Равенны, стоящего с поднятыми руками на фоне мирного пейзажа и окруженного ягнтями; над святым, на голубом, усеянном золотыми звездами фоне большого медальона, красуется крест, осыпанный драгоценными камнями. Другие мозаики относятся к более позднему времени.

Самым важным монументом в Равенне для суждения об искусстве эпохи Юстиниана является церковь св. Виталия. Здесь мозаики VI века сохранились практически без повреждений. Купольная церковь св. Виталия внутри почти вся, сверху донизу, покрыта чудными скульптурными и мозаичными украшениями. Особенной известностью пользуется апсида, на боковых стенах которой находятся две знаменитых мозаики. На одной из них изображен Юстиниан, окруженный епископом, священниками и светскими людьми; на другой изображена Феодора, его супруга, окруженная своим штатом. Одевание изображенных на картинах людей поражают своим блеском и роскошью. Равенну иногда называют «итало-византийскими Помпеями» или «западной Византией». Ее памятники дают самый ценный материал для характеристики развития ранневизантийского искусства V и VI веков.

Строительная деятельность Юстиниана не ограничивалась только возведением крепостей и церквей. Он построил также много монастырей, дворцов, мостов, цистерн, водопроводов, бань и больниц. В отдаленных провинциях империи имя Юстиниана связано со строительством монастыря св. Екатерины на Синае. В апсиде церкви монастыря находится знаменитая мозаика Преображения, относимая к VI веку.

Сохранилось некоторое количество миниатюр и тканых изделий, относящихся к этой эпохе. И хотя, под влиянием церкви, скульптура была в целом в состоянии упадка, имеется немалое количество изящных и красивых изделий из слоновой кости, резьбы по дереву, особенно на пластинах диптихов, и особенно в группе консульских диптихов. Их производство начиналось в V веке и закончилось вместе с отменой консулата в 541 году.

Два творения Юстиниана оставили глубокий след в истории человеческой цивилизации и вполне оправдали данное ему в истории прозвище «Великого»: это - его Свод гражданского права и Св. София.

Лекция 22.

План:

1. Преемники Юстиниана.
2. Война с персами.
3. Маврикий. Взлет и падение.
 - а. Война с персами .
 - б. Политика Маврикия по отношению к армии.
 - в. Бунт против него и низвержение.
4. Формирование экзархатов и переворот Ираклия 610 г.

Когда сильная фигура Юстиниана сошла со сцены, то вся его искусственная государственная система, временно удерживавшая империю в состоянии равновесия, разрушилась. С его смертью, по словам английского историка Бьюри, «ветры вырвались из темницы; разъединяющие элементы начали действовать с полной силой; искусственная система пала, и метаморфоза в характере империи, совершавшаяся, наверное, уже давно, но несколько затемненная среди поражающих событий деятельного царствования Юстиниана, начала теперь совершаться быстро и заметно».

Время с 565 по 610 гг. принадлежит к одному из самых безотраднейших периодов византийской истории, когда анархия, нищета и эпидемия свирепствовали внутри страны. Царившая тогда смута заставляла говорить жившего в эпоху Юстина II историка Иоанна Эфесского о близости кончины мира. Английский историк Финлей писал об этом времени: «Может быть, не было периода в истории, когда общество находилось в состоянии такой всеобщей деморализации».

Ближайшими преемниками Юстиниана были, как уже сказано выше, Юстин II Младший (565-578), Тиберий II (578-582), Маврикий (582-602) и Фока (602-610). Из них более других выдавался энергичный воин и опытный вождь, Маврикий. Большим влиянием на государственные дела и сильным характером отличалась супруга Юстина II, София, напоминая этим Феодору. Наиболее важными фактами во внешних делах этих государей надо считать персидскую войну, борьбу со славянами и аварами на Балканском полуострове и завоевания лангобардов в Италии. Во внутренней жизни империи - православную политику императоров и образование двух экзархатов.

Пятидесятилетний мир с Персией, заключенный в 562 году Юстинианом, был нарушен при Юстине II, который не захотел дальше платить ус-

ловленной ежегодной суммы денег. В это время ввиду общих действий против Персии Византия завязала отношения с турками, которые, появившись незадолго перед тем в западной Азии и у Каспийского моря и владея уже страной между Китаем и Персией, также видели в персидском государстве своего врага. Турецкое посольство, перевалив через Кавказские горы, после долгого пути прибыло в Константинополь, где встретило любезный прием. Намечался наступательно оборонительный тюрко-византийский союз против Персии. В высшей степени интересно предложение турецкого посольства византийскому правительству о посредничестве в торговле шелком между Китаем и Византией, минуя Персию. Однако тюрко-византийские переговоры не привели к заключению союза и общим действиям против персов, так как Византия в конце шестидесятых годов была отвлечена делами на Западе, особенно в Италии, куда произвели вторжение лангобарды; к тому же и турецкие военные силы казались Юстину не особенно значительными. Результатом краткосрочного ромейско-тюркского мира была напряженность между Византией и Персией. Во время царствования Юстина, Тиберия и Маврикия почти постоянно шла война против персов. Во время царствования Юстина II эта война была очень неудачной для Византии. Осада Нисибии была снята, авары из-за Дуная вторглись в византийские провинции Балканского полуострова, и Дара, важный укрепленный пограничный город, после шестимесячной осады перешел в руки персов. Эта потеря так потрясла слабого умом Юстина, что он стал безумным, и императрица София, заплатив 45 000 золотых монет, добилась передышки в виде годового перемирия (574) Сирийская хроника XII века, базирующаяся, без сомнения, на более раннем источнике, замечает: «Узнав, что Дара захвачена, император впал в отчаяние, он приказал закрыть лавки и прекратить торговлю».

Маврикий (577- 578), прошедший хорошую военную школу и любивший военное дело, подготовил из каппадокийцев надежный военный отряд и воспользовался им для войны с персами. Не ограничиваясь защитой пограничных областей, Маврикий перенес поле сражения на персидскую территорию и стал опустошать персидскую Армению. Успехи его были так значительны, что совершенно изменили взаимное положение враждующих сторон. Уведя из Армении множество пленных, Маврикий поселил их на острове Кипре. На историю дальнейшей войны огромное влияние имели военные реформы Маврикия и смерть Хосроя в 579 г.

Преемник Хосроя Ормисда IV прервал переговоры о мире, начатые Тиберием, и решил продолжить войну. Но византийские войска по прежнему имели перевес благодаря, с одной стороны, миру с аварами, позволившему сосредоточить на Востоке больше военных сил, а также благоразумным военным мерам Маврикия. В 581 г. он одержал над персами большую победу при Констанции в Месопотамии, имея на своей стороне сарацинского князя Мондира, который оказал ему важную услугу. Когда в сле-

дующем 582 г. Маврикий вступил на престол, командование на Востоке перешло к стратигу Иоанну Мистаку, который потерпел от персов несколько поражений. На смену ему был послан Филиппик, женатый на сестре царя Гордии. В 586 г. персидское и византийское войска встретились в Восточной Месопотамии в долине Солах, где произошло решительное сражение, окончившееся поражением персов. Здесь в первый раз упоминается знамя с изображением Нерукотворного образа, с которым Филиппик обходил византийские войска. В этом деле принимал участие в качестве подчиненного Филиппику лица Ираклий, отец будущего императора.

После успешного дела при Солахе высшее руководство военными делами на персидской границе перешло к Ираклию, который с успехом делал набеги на города и селения в Южной Армении, имея главный опорный пункт в Амиде. Весной 586 г. на Восток был послан новый военачальник Приск, положение сторон еще более изменилось не в пользу империи. В византийском войске начался мятеж, раздались жалобы на неправильную выдачу продовольствия и уменьшение денежных выдач. Хотя Маврикий поспешил заменить непопулярного военачальника Филиппиком, но и это мало содействовало успокоению войска. В 588 и 589 гг. последовали две битвы при Мартирополе и Нисибии, окончившиеся поражением персидского войска, но вскоре после поражения они снова овладели этим городом.

Затянувшаяся персидская война могла продолжаться и еще многие годы. Ни персы, ни греки не употребляли в дело больших военных сил, чтобы нанести решительное поражение противнику. Военные действия сосредоточивались на пограничной полосе, и ни одна сторона не отваживалась проникать в собственные области противника. Персия оказалась в весьма затруднительных обстоятельствах: арабы напали на Месопотамию, турки угрожали северным границам, хазары вторглись в Армению. Хотя персидский военачальник Варарам одержал победу над турками, но в Колхиде потерпел поражение от византийского отряда. Когда царь Ормисда, разгневанный за неудачу, хотел лишить его командования, Варарам поднял восстание и начал войну против непопулярного властителя. В 590 г. Ормисда был убит, и на его место провозглашен царем взбунтовавшийся военачальник. Но у Ормисды остался в живых сын Хосрой II, который обратился к Маврикию с просьбой о помощи и с большими обещаниями, если царь примет на себя задачу восстановить его на царстве.

В Константинополе хорошо взвесили внутреннее и внешнее положение Персии и приняли сторону низверженной династии. Двумя победами над узурпатором восстановлена была власть Хосроя II над Персией, и в 591 г. заключен был мир, по которому персы уступили Византии персидскую Армению и Восточную Месопотамию. Утраченные во время 20-летней войны крепости Дара и Мартирополь возвращались Византии. Неожиданно сложившиеся благоприятно для Византии политические события дали ей

весьма выгодный мир и позволили Маврикию перевести часть войск с Востока в Европу, где дунайская граница угрожаема была аварами. В течение 10 лет на восточной границе был прочный мир.

Общее мнение усвоит Маврикию положительные качества честного и благонастроенного правителя, который не щадил сил и средств для того, чтобы поддержать расшатанный строй империи, но остановить процесс распада не было в его силах. «Империя содержала могущественную армию, имела хорошо поставленную администрацию, финансовое управление не было в упадке, и все меры принимались к строгому соблюдению правосудия. Но со всеми этими элементами хорошего правительства правительство Маврикия было плохо, непопулярно, отяготительно. Чувства патриотизма не было ни в одном сословии, не существовало уз единства между государем и подданными, не было общих интересов между правительством и народом, которые делали бы их ответственными в их гражданских поступках перед одним и тем же законом».

Маврикий не был популярен в войске, потому что желал ввести строгую дисциплину в армии, уменьшил жалованье служилым людям и, наконец, ради экономии потребовал, чтобы Дунайская армия проводила зиму за Дунаем в местах, где необходимо было ее постоянное присутствие. В народе Маврикий не пользовался любовью за его скупость. В особенный упрек ставили ему то, что он пожалел выкупа за 12 тыс. пленных, которых каган аварский в раздражении приказал без милосердия умертвить. Так же он был весьма лицеприятен к своим родственникам, которым раздавал должности и почетные титулы и дарил земли и дворцы в столице.

До какой степени расстроена была армия при смерти Юстиниана, об этом трудно составить точное представление. Число военных частей было уменьшено, и численность войска доведена до 150 тыс. Самая существенная сторона вопроса заключалась в системе набора военных людей и в редкости населения в областях империи. Тиберий и Маврикий были реформаторами военного дела, и специально первому приписывается новая и исключительная мера в этом отношении. Чтобы усилить военные средства империи, Тиберий, как извещает об этом Феофан, «организовал собственный военный отряд из 15 тысяч человек, составив его из язычников, купленных им и принятых на военную службу. Этому отряду дано было казенное вооружение и военная одежда, и во главе его поставлен комит федератов Маврикий, а помощником ему дан был Нарсес». До нас с именем Маврикия дошло военное сочинение, трактующее теорию расположения лагеря и военного искусства, поэтому можно с полным основанием думать, что в известии Феофана сохранился след принятой Маврикием обширной реформы. Уже в VII в. мы встречаемся с господствующей в Византии системой привлечения на военную службу целых племен и отрядов из славян, которым отводились участки на пустопорожних землях и на которых возла-

галась военная повинность. Весьма может быть, что у Феофана отмечена самая первоначальная форма этой системы, которая потом была развита в Византийском государстве до широких размеров и продолжалась до самого падения империи. Этот отряд некоторое время играл видную роль в военной истории.

Вновь организованный отряд был направлен в Персию и здесь заявил себя значительными успехами, которые доставили Маврикию триумф в Константинополе в 582 г., тогда он приглашен был разделить власть с Тиберием. В царствование Маврикия отряд находившийся под командой Нарсеса частью остается в Армении, частью принимает участие в персидской войне, по окончании которой в 591 г. действовавшие на Востоке отряды были переведены вместе с тибериевским корпусом в Европу и направлены на Дунай на войну с аварами и славянами.

Военная повинность, возлагаемая Маврикием на гражданское сословие города, вызывала против него сильное недовольство, выразившееся в неоднократных заговорах и попытках низложить его. Что касается собственно военных отрядов, нелюбовь их к Маврикию проглядывает во многих случаях. Между прочим, в войске был слух, что царь желал выдать свое войско неприятелю головой ради его неповиновения. Из-за этого против Маврикия-царя началась сильная ненависть, и его стали осыпать ругательствами, и войско, находившееся во Фракии, перешло на сторону его порицателей. Таким образом, с точки зрения Феофана, нерасположение к царю, постепенно разросшееся в военный заговор, имело своим источником смутный слух, что Маврикий желает выдать войско головой врагам, или то обстоятельство, что он пожалел государственных средств на выкуп пленных.

Но почему у Маврикия не оказалось средств защиты в городе, почему против него оказались народ и стоявшие в Константинополе отряды? У Феофилакта Симокатты есть сведения о той части населения столицы, которая числилась в димах. Когда в городе были получены известия о волнении в военных отрядах, стоявших на Дунае, император старался отвлечь внимание народа часто даваемыми цирковыми представлениями и успокаивал димы объявлениями, что не следует придавать значения бестолковым притязаниям военных людей. Между тем, призвав к себе тогдашних димархов Сергия и Козьму, стоявших во главе двух димов, венетов и прасинов, потребовал у них точных данных о числе записанных у них членов дима. И вот оказалось, что в списке Сергия число дима зеленых было 1500 членов, у Козьмы дим голубых - 900. Итак, в большом городе, население которого считалось сотнями тысяч, насчитывалось собственно 2400 членов боевых цирковых партий при значительном гарнизоне из гвардейских частей, которые всегда могли держать в подчинении эту горсть димотов. Само собой разумеется, указанные димархами числа не обозначали настоящего

положения дел и не могли внушить Маврикию действительной опасности.

Сохранились довольно подробные сведения об обстоятельствах низвержения Маврикия и вступления на престол Фоки. На основании приведенных данных, нельзя приписывать Маврикию тех чрезвычайных мер, клонившихся к восстановлению древнего авторитета римской императорской власти. Можно лишь утверждать, что общее недовольство Маврикием имело причины в его военных мероприятиях. Не прекращавшаяся война на Балканском полуострове побудила Маврикия сделать распоряжение, чтобы военные части, защищавшие дунайскую границу, расположились на зимние квартиры за Дунаем и добывали себе средства жизни в неприятельской стране. С этого началось движение в войске. Но, по известию Феофана, и самое восстание, и передовая роль в движении кентарха Фоки обнаружилось несколько раньше, когда он в качестве выборного от войска явился в столицу с жалобой на страгига Коментиола, будто бы замышлявшего военную измену, и довольно резко говорил с императором. Т. к. Маврикий оставил жалобу без расследования, то это будто бы и было причиной заговора против него. Но дальнейшие известия рисуют положение дела в том смысле, что заговор против Маврикия обнаружился в одно и то же время и в войске, и в населении столицы. Так, царь был предметом оскорблений толпы народа в то время, как он с сыном своим Феодосием совершал религиозную процессию. Народное движение выразилось в такой форме, что царь должен был укрыться во Влахернской церкви.

Настойчивость Маврикия, не хотевшего допустить никаких уступок, выразилась в том, что он оставил начальником Дунайской армии своего брата Петра, не имевшего большого авторитета в войске. Он не только не принял энергичных мер против Фоки, когда в лагере его подняли на щит и провозгласили предводителем, но сам постыдно бежал в Константинополь. Маврикий хотел задобрить народ цирковыми представлениями, но и в ипподроме раздались шумные жалобы. Чтобы занять недовольную и праздную толпу, царь приказал димархам принять на себя защиту городских стен.

Пока бунтующее войско шло из Фракии к Константинополю. Маврикий имел достаточно времени принять меры к собственной защите. Оказалось, что главная опасность для него была не в военном лагере, а дома, в столице. Фока в сущности не был избран императором, и таким не считали его столичные заговорщики. Здесь, в столице, замышляли лишь низвержение Маврикия и возведение на его место или его сына Феодосия, или тестя этого последнего, Германа. Но крайняя нерешительность Маврикия ухудшала положение дел. Он посылает на встречу Фоки послов, желая вступить с бунтовщиком в переговоры; начинает преследование ближайших родственников, его сына и тестя, с которыми заговорщики начали вести переговоры насчет низвержения старого и избрания нового царя. Общее раздра-

жение дошло до крайней степени, тогда Маврикий приказал схватить Германа, искавшего убежища в храме ев, Софии. В городе начался открытый бунт; городские димы, на которые Маврикий возложил военную повинность на Длинных стенах, покинули свои стоянки и усилили брожение недовольных в городе. Начались пожары.

Тогда Маврикий, потеряв надежду на сохранение власти, в одежде частного лица и в сопровождении самых близких и преданных людей вышел из Константинополя и морем отправился на азиатскую сторону. Высадившись в Никомидии, он отправил своего сына Феодосия к Хосрою просить о помощи или пристанище. Между тем, Фока с верными ему фракийскими воинами подошел к столице и остановился в предместье Евдом. Здесь с ним вступили в переговоры остававшиеся в столице сословия и бунтовавшие против Маврикия партии. Войско потребовало, чтобы патриарх и сенат явились в Евдом и признали Фоку в царском достоинстве. 23 Ноября произошла коронация, а через два дня Фока держал торжественный въезд в столицу. Хотя Маврикий был уже не опасен для Фоки, но он приказал доставить его в Халкидон, и там на глазах несчастного отца были умерщвлены его дети, а затем погиб он сам от руки палача. Жестокость Фоки не ограничилась этим; через несколько времени та же участь постигла оставшегося в живых старшего сына Маврикия Феодосия, получившего поручение к персидскому царю Хосрою, и трех его сестер.

Восьмилетнее правление Фоки (602—610) представляет собой самый постыдный период в истории Византии, когда жестокие казни и бесчеловечное избиение всех подозрительных для Фоки родовитых людей, имевших связи с прежним правительством, составляли одну из главных задач правительства. Царствование его, начавшееся истреблением всего мужского поколения Маврикия, продолжалось кровавой расправой со всеми подозрительными лицами.

О настроениях Фоки можно судить по следующему случаю. В пятое лето своего царствования он выдал свою дочь Доменцию за Приска - комита экскуваторов и патриция. Брачное торжество сопровождалось цирковыми зрелищами и народными празднествами, на площадях рядом с изображениями царя повешены были изображения новобрачных. Фоке показалось подозрительным это, и он сделал распоряжение, чтобы димархи Феофан и Памфил были публично казнены, хотя выставление царской семьи рядом с изображением паря было в обычаях времени и не могло заключать в себе ничего преступного. Т. к. в Константинополе скоро поняли, что при Фоке не может быть ни внешней безопасности для империи, ни внутреннего спокойствия, ибо «извне персы злодействовали над ромеями, а внутри еще хуже делал своими убийствами и темничными заключениями Фока», то не было недостатка в выражениях недовольства правительством. Так, сделан был донос на царицу Константину, остававшуюся еще в живых жену Маврикия,

будто она находится в тайных сношениях с Германом и будто между ними созрел заговор о возведении на царство сына Маврикия, Феодосия, который случайно избег смерти. Фока подверг пытке бедную Константину, которая оговорила нескольких слуг, вследствие чего преданы были смерти и сама царица Константина с тремя своими дочерьми, и множество важных и сановных лиц, имевших связи с прежним правительством.

При таких условиях война с персами получила неожиданное направление. Неприятели, завладев пограничной крепостью Дарой, без сопротивления прошли Месопотамией и Сирией и сделались господами всей Малой Азии до Халкидона. Так же и положение дел на Балканском полуострове было далеко не благоприятно. В 604 г. Фока купил мир у кагана, увеличив ежегодно платимую ему дань, но почти вся Македония была уже во власти славян, а во Фракии и Македонии аварское господство постепенно утверждалось на смену византийского. Помимо военных неудач и неспособности Фоки руководить военными предприятиями, весьма характерны для той эпохи его странные административные распоряжения. Например, приказание обратить в христианство всех сирийских иудеев, которое повлекло восстание в Антиохии и распространение недовольства в Сирии и Египте.

В связи с завоеваниями лангобардов в Италии, в управлении последней произошло важное изменение, которое, положило начало развившемуся позднее в империи фемному строю.

Византийская власть в Италии была не в состоянии оказать должного сопротивления лангобардам, завоевавшим две трети полуострова. В таких обстоятельствах, перед лицом грозной опасности в Италии, византийское правительство решило усилить там свою власть, сосредоточив в руках военных правителей гражданские функции. Во главе византийского управления Италией был поставлен генерал-губернатор с титулом экзарха, которому всецело были подчинены гражданские чиновники и резиденция которого находилась в Равенне. Основание равеннского экзархата относится к концу VI века, ко времени императора Маврикия. Подобное сосредоточение административных и судебных функций в руках военных властей не обозначало собой немедленного уничтожения гражданских чиновников; чиновники продолжали существовать параллельно с военными властями, но только действовали по указанию последних. Лишь позднее, в VII в., гражданские власти, по-видимому, исчезли и были заменены властями военными. Экзарх, являясь представителем императорской власти, вносил в свое управление и известные черты столь близкого императорам цезарепапизма. Обладая неограниченными полномочиями, экзарх пользовался царским почтом: его дворец в Равенне назывался священным (*Sacrum palatium*), как называлось лишь место царского пребывания; когда экзарх приезжал в Рим, ему устраивалась царская встреча: сенат, духовенство и народ в торжественной процессии встречали его за стенами города. Все военные дела,

гражданская администрация, судебная и финансовая часть - все это находилось в полном распоряжении экзархат. **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

Если равеннский экзархат был обязан своим возникновением вторжению лангобардов в Италию, то причиной основания африканского экзархата в Северной Африке, на месте прежнего вандальского королевства, была такая же внешняя опасность со стороны африканских туземцев, мавров (берберов), которые нередко поднимали серьезные восстания против византийских войск, оккупировавших эту страну. Начало африканского или карфагенского экзархата относится к концу VI в., ко времени императора Маврикия. Африканский экзархат был устроен одинаково с равеннским экзархатом, и африканский экзарх обладал такими же неограниченными полномочиями, как и его итальянский коллега

Только необходимость заставила императора создать должность такого неограниченного правителя, как экзарх, который, при желании и при наличии известных условий, мог быть опасным для самой императорской власти. Действительно, как мы увидим ниже, африканский экзарх поднимет вскоре знамя восстания против Фоки, и сын экзарха в 610 году делается императором.

Что касается деятельности экзархов, то африканские экзархи, которых умело выбирал Маврикий, искусно управляли страной и энергично и удачно защищали ее от нападений туземцев; равеннские же экзархи справиться с лангобардской опасностью не смогли.

По справедливому рассуждению французского византиниста Диля, в выше названных двух экзархатах надо видеть начало фемной (фема - область, округ) организации, т. е. той областной реформы в Византии, которая, начиная с VII века, стала постепенно распространяться на всю территорию империи и отличительным признаком которой служило соединение в руках правителя фемы, обычно называемого стратигом, военной и гражданской власти.

Под управлением патрикия Геннадия и его преемника Ираклия, не раз принимавшего участие в персидских войнах в качестве начальника отдельных отрядов, Африка достигла известной степени мира и благоденствия. Экзарх мог располагать значительным флотом и материальными средствами, которые вследствие отдаленности Карфагена от центра не подвергались беспощадным вымогательствам. Сношения Приска с патрикием Ираклием имели целью приготовить высадку военного отряда, перевезенного на судах из Африки, и низвержение Фоки с помощью сторонников этого переворота в самом Константинополе.

Верность африканского экзарха важна была для императора, потому что Константинополь зависел от египетского наместника из-за своевременной доставки в столицу хлеба. Малейшая задержка или неточность в доставке хлеба ставили столицу в весьма затруднительное положение. Первые признаки неверности экзарха обнаружились в 609 г., когда Ираклий не выслал кораблей с хлебом в Константинополь, но за то Фока заключил в монастырь проживавших тогда в столице жену Ираклия Епифанию и невесту его сына Евдокию. Это ускорило развязку дела, заставив экзарха решиться на смелый шаг. Он посадил отряд пехотинцев на суда и поручил начальство над ними сыну Ираклию, которому вскоре предстояло начать новую эру в истории Византии, а кавалерийский отряд направил сухим путем под предводительством своего племянника Никиты.

Принятые экзархом меры должны были обеспечить успех, потому что Фока продолжал оставаться в бездействии и не заботился о защите столицы. 3 окт. 610 г. африканские суда с отрядом, предводимым Ираклием, показались в виду Константинополя, сам Фока совершал торжественную процессию в Евдом и мало заботился о том, что происходило в городе. Дальнейшие события произошли быстро и без особенных замешательств. Фока не имел сторонников, на которых мог бы положиться. Самое близкое к нему лицо был его зять Приск, который находился в сношениях с Ираклием и подготовлял высадку африканского войска. Таким образом, через день по прибытии Ираклия к нему приведен был пленный Фока. «Так-то ты, — сказал ему Ираклий, — управлял империей!» «Попробуй сам править лучше», — будто бы отвечал ему Фока. Уступая народной ярости, Ираклий предоставил толпе распорядиться с Фокой по ее желанию. Он подвергся самому жестокому поруганию и сожжен на площади Быка. 5 октября Ираклий был провозглашен императором и коронован на царство патриархом Сергием.

Период третий.

Император Ираклий и его преемники (610 -716).

Лекция 22.

Характеристика периода.

В лице Ираклия и его ближайших преемников Византия имела на своем престоле династию армянского происхождения. По крайней мере, армянский историк VII века Себеос, драгоценный источник для времени Ираклия, пишет, что фамилия Ираклия находилась в родстве с известным ар-

мянским родом Аршакидов. Этому может несколько противоречить свидетельство источников о белокурых, золотистых волосах Ираклия. Ираклий правил с 610 по 641 год. От первой жены Евдокии Ираклий имел сына Константина, который, процарствовав несколько месяцев после смерти отца, умер в том же 641 году. В истории он известен как Константин III (один из трех сыновей Константина Великого считался Константином II). После Константина III правил в течение нескольких месяцев сын Ираклия от его второй жены Мартины, по имени Ираклон или Ираклеон. Ираклон был осенью 641 года свергнут, после чего императором был провозглашен сын Константина III, Констант II, царствовавший с 641 по 668 год. Вероятно, в данном случае греческая форма его имени Конста (лат. Констант) есть уменьшительное имя от Константина; последнее имя было официальным, по крайней мере, на византийских монетах; в западных официальных документах того времени и даже в некоторых византийских источниках он называется Константином. Народ же, по-видимому, называл его Константом. После него правил энергичный сын Константин IV с обычным прозвищем Погонат, т. е. Бородатый (668-685). Но, по всей вероятности, как теперь оказывается, это неверно, и прозвище «Погонат» надо относить к его отцу. Со смертью Константина IV в 685 году кончается лучшая эпоха Ираклейской династии. Последний представитель этой династии, Юстиниан II, с прозвищем Ринотмет («с отрезанным носом»), сын Константина IV, правил два раза, - с 685 по 695 год и с 705 по 711 год. Время Юстиниана II, отмеченное многочисленными жестокостями, еще достаточно не изучено. В 685 г. он был свергнут и по урезанию носа и языка сослан в крымский Херсонес; оттуда ему удалось бежать к хазарскому кагану, на сестре которого он женился; позднее при помощи болгар он успел вернуть себе трон. По возвращении в столицу Юстиниан жестоко стал мстить всем лицам, причастным к его свержению. Наконец, установленная им тирания вызвала в 711 г. революцию, во время которой были убиты сам Юстиниан и его семья. В 711 году Ираклейская династия окончилась. В период между двумя царствованиями Юстиниана II правили два случайных императора - военный вождь Леонтий (695-698), родом из Исаврии, и Апсимар, получивший при возведении на престол имя Тиверия (Тиверий III, с 698 по 705 год). Некоторые ученые склонны приписывать Апсимару-Тиверию гото-греческое происхождение. После жестокого свержения Юстиниана II в 711 году, на протяжении шести лет, с 711 по 717 год, на византийском престоле сидели три случайных императора: армянин Вардан, или Филиппик (711-713), Артемий, переименованный при коронации в Анастасия (Анастасий II, 713-715) и, наконец, Феодосий III (715-717). Время анархии, царившей в Византии с 695 года, окончилось в 717 году возведением на престол знаменитого Льва III, с которого начинается уже новая эпоха в истории Византии.

План:

1. Военные приготовления.

а. Историк Феофан о приготовлениях императора Ираклия.

б. Национализация войска.

в. Принципы комплектации войска.

2. Фемное устройство.

а. Сочинение «О фемах» императора Константина Багрянородного.

б. Причины, послужившие складыванию фемного устройства.

в. Принципы фемов.

г. Значение фемного устройства.

3. Завершение иммиграции славян.

а. Источники.

б. Принципы.

Сразу после воцарения Ираклий находился в колебании. Решительных мер правительство не принимало, вступать в решительную борьбу с врагами империи не решалось и вело переговоры о мире, не имевшие успеха. Только в 622 г., когда Малая Азия, Сирия, Палестина и Египет находились уже под властью персов, Ираклий выступает с определенной внешней политикой и становится во главе вновь организованного и им самим подготовленного войска.

То, откуда Ираклий взял средства на войну и как приготовил войско историк Феофан пишет так: «В 622 г., апреля 4, отпраздновав Пасху, в понедельник вечером Ираклий выступил в поход против персов. Находясь в крайней нужде, он позаимствовал денежные средства из церквей и монастырей, из Великой церкви приказал отобрать паникадила и другие церковные сосуды и начеканил из них золотой и мелкой разменной монеты. Для управления делами за своим отсутствием назначил регентство, в которое вошли, кроме его сына, патриарх Сергей и патрикий Вон, муж тонкого ума и умудренный разумом и опытностью. Отправив письмо к кагану аварскому, просил его оказать внимание к Ромейскому царству, с которым заключил

союз дружбы, и назначил его опекуном своего сына. Из столицы Ираклий держал путь морем на местность, называемую Пилы, откуда пришедши в области, получившие фемное устройство, собрал войско в лагерь и стал учить его военной службе по новой системе, упражняя его в гимнастике и в военном искусстве. Разделив отряд на две части, приказал делать им между собой примерные бескровные стычки и приучал их к военным крикам, и пэанам, и восклицаниям, и движениям, имея целью, чтобы они, когда наступит военное время, не казались новичками, но смело, как бы в шутку, шли на неприятеля. Нашедши же войско доведенным до состояния большой распушенности и трусливости, упадка дисциплины и порядка и рассеянным по разным местам, он скоро соединил всех воедино». Писатель еще раз возвращается к описанию военных упражнений на два строя с сражениями при звуках труб и при ударах щитами.

Ираклий принял ряд мер, имевших значение для ближайших столетий на Балканском полуострове. Он прежде всего понял, что не следует тратить силы на борьбу со славянской иммиграцией; он оставляет славян в покое, пока империя не соберется с силами начнет с ними культурно-политическую борьбу.

Еще в конце IV в., когда имперская армия была наводнена варварскими отрядами, и когда германо-готы угрожали заполнить самую столицу, начали подниматься голоса патриотов в пользу национализации войска.

Перейти от системы найма иностранных отрядов к национальному войску, однако, не удалось византийскому правительству ни в V, ни в VI в. При Юстиниане, когда империя развила до самых крайних пределов свою военную силу, военными делами предводительствовал Велисарий, Нарсес и другие полководцы. Почти у каждого предводителя юстиниановского времени была собственная дружина из нанятых на службу иностранцев, которые служили ядром войска. Последний случай найма в военную службу большого иноземного отряда относится к царствованию Тиверия (578—582), составившего особый корпус в 15000 человек, который был им поручен Маврикию, комиту федератов, впоследствии провозглашенному царем.

Неудовлетворительность системой и громадная опасность для империи со стороны персов и славян побуждали правительство делать попытки к изменению военной системы. Разрешить этот вопрос удалось не сразу, так как было два обстоятельства: с недостаток населения, в особенности на границах, угрожаемых неприятельскими вторжениями, и обилие незанятых и необработанных земель. В административном отношении правительству предстояло отказаться от системы отделения гражданской и военной власти и усилить свои органы в провинции соединением в одном лице военной команды над местными военными людьми и гражданской власти над

населением определенной территории.

Признаки новых взглядов обнаруживаются уже в попытках Юстиниана I реформировать военное дело. Во-первых, его мероприятия по организации провинции Армении, о которых сообщают историки Малала, Феофан и Кедрин. В провинции Армении, которая имела особую важность из-за соседства с Персией, Юстиниан сосредоточил военную власть в одном лице с титулом стратилата. Но как оседлого населения в провинции, которое участвовало бы в несении военной службы, было мало, ибо армяне «отличались бродяжничеством и непостоянством», то состав военных частей усилен был четырьмя полками, вызванными из Анатолика. В военные списки занесены были, кроме того, гражданские чиновники области. То есть Юстиниан или его преемники сделали попытку сосредоточения военной власти в одних руках, туземное население привлекалось к отбыванию воинской повинности, гражданская власть частью становилась в подчинение военной, частью отдельные гражданские чины переименовывались в военные. Та же цель усиления провинциальной власти на случай исключительных обстоятельств диктовала византийскому правительству другое мероприятие, которым необычно усиливалась гражданская власть возложением на нее военных полномочий. Эта мера проведена была в Египет усилением власти губернатора Александрии с титулом августалия, которому предоставлена была военная власть «ради многочисленности населения Александрии» с подчинением ему всех военных сил как в городе Александрии, так и в двух Египтах.

При Маврикии (582—602), отступление от римской системы распространяется с большей последовательностью, чем в юстиниановскую эпоху. В двух провинциях, отдаленных от центра и поставленных в исключительное положение, организованы были наместничества с наименованием экзархатов. В организации экзархата важно отметить прекрасный опыт создать самостоятельную и самодовлеющую административную единицу, в которой все части находятся в соподчинении и которая исполняет военные и гражданские функции на счет материальных средств, извлекаемых в данной провинции. О значении последнего мы скажем ниже.

Служба в пехоте была дешевле; следовательно, для пехотинца требовалось более скромное имущественное положение; служба в кавалерии была дороже, и потому в кавалерию назначался тот, у кого земельный надел был больше. Таким образом, если новобранец имел полный надел, соответственный конной службе, то был обязан на собственный счет приготовить кавалерийское снаряжение; в противном случае конь выдавался ему с конской казенной подставки или с одиночек - со плательщиков (холостой), отбывающих военную повинность по системе складчины - один ратник с нескольких крестьян.

В византийской истории организация фем обычно связывается со временем ираклейской династии. Фемный строй - это вызванная обстоятельствами времени областная организация, отличительным признаком которой является возрастание военной власти провинциальных наместников, приведшее в конце концов к полному подчинению им гражданских должностных лиц. Процесс этот не был внезапным, но шел постепенно. Само греческое слово «фема» (*to qema*) в течение долгого времени обозначало военный отряд, поставленный в провинции; и только позднее этим словом стали называть не только военную часть, но и провинцию, где эта часть находилась. Таким образом, под фемами начали разумеать административные деления империи.

Главным византийским источником для данного вопроса является сочинение «О фемах», принадлежащее перу императора X века Константина Багрянородного, т. е. источник, далеко не современный для эпохи ираклейской династии. Кроме того, в основу этого сочинения положены использованные чисто внешним образом и частью буквально списанные географические сочинения V и VI веков. Поэтому для истории фемного строя в VII веке сочинение дает немного сведений, и там начало фемной организации связывается с именем Ираклия. Император говорит: «Со времени царствования Ираклия Ливийца Ромейская империя уменьшилась в размере и была искалечена как с Востока, так и с Запада». Много интересного, но местами еще не вполне разъясненного материала по данному вопросу дают арабские географы, Ибн-Хордазбех, в первой половине IX века, и Кудама, в начале X века. Но, как видно, и эти два географа не современники для эпохи Ираклия. Для более раннего времени приходится пользоваться случайными замечаниями хронистов и особенно латинским посланием Юстиниана II к папе по вопросу об утверждении шестого Вселенского собора, где дается перечень военных округов того времени, которые еще не называются фемами, а обозначаются латинским словом «войско» (*exercitus*). В исторических источниках этого времени латинское слово *exercitus* и греческое *stratoV*, или иногда *strateuma*, часто употреблялись в смысле территории, или провинции, с военной администрацией.

Настоящим прообразом позднейшей фемной организации явились два основанные в конце VI века экзархата, равеннский и африканский, или карфагенский. Как известно, столь важные изменения в управлении Италией были вызваны нападениями лангобардов, а в Северной Африке нападениями туземных берберских племен, которых источники иногда называют маврами. Таким образом, центральное правительство в наиболее угрожаемых, большей частью пограничных районах империи, для большей успешности борьбы с врагами, стало на путь образования крупных территорий с сильной военной властью в своих пограничных провинциях. Персидские и затем арабские завоевания VII века, отнявшие у Византии восточные провинции, совершенно изменили положение вещей в Малой Азии, которая из

страны, до тех пор почти не нуждавшейся в защите, превратилась в территорию, наиболее угрожаемую со стороны новых соседей-мусульман. Византийское правительство было вынуждено принять на восточной границе решительные меры: произвести перегруппировку военных сил и установить новые административные деления, дав преобладающее значение столь важным в то время военным властям. Такая же опасность грозила со стороны недавно созданного арабского флота, который уже в VII веке становился хозяином Средиземного моря и грозил малоазиатскому побережью, островам Архипелага и даже берегам Италии и Сицилии. На северо-западе империи славяне занимали значительную часть Балканского полуострова, проникнув далеко на юг в Грецию, до Пелопоннеса включительно. На северной границе образовалось во второй половине VII века болгарское ханство. Эти измененные обстоятельства заставили империю прибегнуть к образованию в наиболее опасных провинциях обширных территорий с сильной военной властью стоявших во главе их лиц, наподобие уже известных экзархатов. Империя была милитаризована.

Надо еще учесть, что фемы не явились результатом одного законодательного акта. Каждая из них имеет свою собственную историю, иногда весьма длинную. Проблема происхождения фем может быть решена только путем специального исследования по каждой феме.

Военные меры, предпринятые Ираклием после его победы над Персией, были отправной точкой нового административного режима. Армения может считаться примером милитаризации империи под угрозой персидской опасности. Так, когда Ираклий реорганизовал Армению, он не учредил ни одного гражданского должностного лица. Власть их была чисто военной. Фемная система, таким образом, была только лишь приложением к другим провинциям порядка, учрежденного в Армении. Когда славяне хлынули на Балканский полуостров, примерно во время складывания фем, то, они «содействовали к образованию фемного устройства Малой Азии, давая из себя значительное число охотников для колонизации Вифинии».

Для защиты от надвигающейся опасности были созданы на Востоке в VII веке следующие крупные военные округа, названные позднее фемами: 1) Армениаки, на северо-востоке Малой Азии, на границе с Арменией; 2) Анатолики на юго-западе Малой Азии (от греческого слова *anatolh* - «восток»); 3) «Императорский богохранимый Опсикий» (греч. *ouikion* = лат. *obsequium*), служивший охраной столицы и занимавший часть Малой Азии, прилегавшую к Мраморному морю, и 4) морская фема Карависиев (*Caravasinorum*), названная позже, возможно, в VIII веке, Кивиреотской. Она занимала южный берег Малой Азии и соседние острова. Первые две, занимая всю центральную часть Малой Азии, от берегов Киликии на востоке до берегов Эгейского моря на западе, были предназначены служить защитой

от арабов. Третья была щитом столицы от внешних врагов. Четвертая, морская фема, предназначалась для защиты от арабского флота.

Удивительная аналогия существует между фемной организацией и милитаризацией Персидской империи Сасанидов при шахах Каваде и Хосрове Ануширване в VI веке. В Персии также вся территория империи была разделена между четырьмя военными командованиями. Аналогия столь полна и столь близка, что Штайн объяснял это как умышленное желание императора заимствовать персидскую реформу. Источники, говорит он, дают основания считать, что Ираклий изучал реформы обоих персидских монархов и, возможно, даже имел доступ к каким-то материалам персидских архивов. «Учиться у своих врагов всегда было желанием истинных государственных деятелей».

На Балканском полуострове округ Фракия, созданный против болгар и славян, и позже, где-то в конце VII века, греческий военный округ Эллада, были образованы против славянских вторжений в Грецию. Примерно в это же время округ Сицилия был организован для защиты против морских нападений арабов, начинавших уже грозить западной части Средиземного моря. Обычно, за немногими исключениями, во главе подобных округов - фем - стояли стратеги. Начальник Кивиреотской фемы назывался друнгарий, а Опсия - комит.

Таким образом, организация фем, является попыткой Ираклия милитаризовать империю под влиянием персидской опасности. Ему удалось воплотить реорганизацию только Армении. Блестящая победа над Персией, приведшая к возвращению Сирии, Палестины и Египта, создала срочную необходимость реорганизации в этих провинциях. У Ираклия, однако, не было времени выполнить эту задачу, потому что очень быстро он потерял эти территории, перешедшие к арабам. Персидская опасность была ликвидирована, однако новая, более страшная опасность, выросла вместо нее. Преемники Ираклия, следуя его инициативе, создавали военные округа (позже названные фемами) против арабов. Вместе с тем, императорами руководило возрастание славянской и болгарской опасности на севере империи.

Вот почему эти принципы защиты и обороны были распространены на Балканский полуостров и Грецию.

В этих военных округах и экзархатах гражданские власти не сразу и не во всем заменялись военными властями. Гражданская администрация, гражданские провинции (епархии) продолжали существовать при новом порядке в большинстве округов. Военные, облеченные полнотой власти ввиду

внешних опасностей, упорно делали самих себя все более и более полновластными в гражданских делах.

Главная заслуга византийского правительства заключалась в том, что при введении фемной организации оно поставило военную службу в зависимость от землевладения, чем и обуславливались устойчивость и живучесть фемного устройства. Служба положена с земли, и обыватель служил в таком отделе войска, какому соответствовал земельный участок, находившийся в его пользовании. Соответственно тому были участки для пехотной службы, для кавалерийской и морской.

К царствованию Ираклия следует относить завершение иммиграции славян в империю, окончательное утверждение их на Балканском полуострове и первоначальные формы политической и гражданской организации их как в пределах Византийской империи, так и в ближайшем с ней соседстве. Самым выразительным свидетельством политического положения дел в первой половине VII в. служит известие Исидора Севильского от 615 г.: «Славяне отняли у римлян Грецию, а персы - Сирию, Египет и многие другие области».

Источниками по первоначальной истории славян следует назвать известия Прокопия, Маврикия и автора сказаний о чудесах св. Димитрия. Весьма вероятно, что черты славян в описании Маврикия, указывающие на привычку жить в лесах и болотах, относятся к тем славянам, которые жили на северо-востоке; к ним же следует отнести и сентиментальное описание трех гусяров, приведенных в стан Маврикия, и того народа, из которого они происходили. Здесь отголоски легенды и следы преданий, принесенных в Константинополь служилыми людьми славянского происхождения, поступившими на службу или к византийским военным людям, или к правительству в качестве наемной дружины, или федератов. Это рассказы об отдаленных славянах, с которыми Византия едва ли была в непосредственных отношениях. Независимо от подобных легенд, которые потом найдут себе место в сочинении Константина Порфирородного, византийская историография сохранила сведения, достаточно реальные, относящиеся именно к тем славянским племенам, с которыми византийскому правительству чаще всего приходилось иметь дело на Балканском полуострове. Наиболее удовлетворительными можно назвать сведения о тех племенах, которые образовали болгарский народ.

До времени Ираклия в область наблюдения тогдашней летописи вступают лишь те славянские племена, поселения и воинственные набеги которых простираются на запад по Дунаю до впадения в него Тиссы. Сингидун (Белград) - крайний предел распространения сведений о славянах в доступных нам источниках. Фракия и Македония, Фессалия и Греция и некоторые острова стали доступны славянской иммиграции. Подразумевае-

мая часть славян в культурном отношении стала в тесную зависимость от Византии и с большей или меньшей готовностью в лице своих племенных старшин начала служить политическим интересам византийского государства.

Что касается западной части полуострова, то происходившее здесь передвижение народностей остается малоизвестным. Вообще о славянах за пределами сферы влияния Византии или почти нет известий, или передаются легенды и сентиментальные повествования, не имеющие исторического значения. Самым интересным фактом по отношению к западной части полуострова можно назвать вырвавшийся у папы Григория Великого вопль в письме к епископу Салоны Максиму от 600 г.: «Славянский народ смущает меня и огорчает: огорчаюсь, ибо соболезную вам, смущаюсь, ибо славяне из Иллирии стали уже проникать в Италию, но не советую вам впадать в отчаяние, ибо тем, кто будет жить после нас, суждено увидеть еще худшее».

Движение славян на запад Балканского полуострова к Адриатическому морю закончилось тем, что к началу VII в. вся Далмация, за исключением приморских городов с римским населением, оказалась во власти славян. О начале этого движения, шедшего вместе с аварскими вторжениями, очень сухие известия сохранились у латинских и восточных писателей. Не подлежит сомнению, что славяне уже в III в. были на Драве и Савс, и что в VI в. начали те же славяне проникать и в Далмацию, а к началу VII в. угрожали уже Италии. Господство на Саве и Тиссе является последней волной движения их на запад по материку. С известием Константина Порфирородного о переселении сербов и хорватов в земли, ныне обитаемые этими народами, в тесной связи находится также вопрос о происхождении югославянской ветви славянского племени.

Четыре главы сочинения Константина об управлении империей (гл. 29, 30, 31, 32) составляют загадку в историографии. Содержание этих глав, кратко, в следующем. В первой идет речь о взятии Салоны, важного города Далмации, варварами, которых автор называет славянами и аварами. Захватив Салону, эти варвары утвердились затем в Далмации, прогнав из нее старое римское или романизованное население. Факт завоевания Салоны Константин ставит в хронологическую связь с переселением сербов и хорватов на Балканский полуостров в царствование Ираклия. Т. к. авары с половины VI в. действительно господствовали на Дунае и Тиссе, владели Паннонией и имели в подчинении некоторые славянские племена, то в общем известие Константина, как имеющее внешнюю вероятность, считалось основным источником для ранней истории сербов и хорватов. Выделим из 29 главы самое существенное в смысле общего исторического факта: Далмация захвачена в царствование Ираклия теми хорватами, которые пере-

селились из ранее занимаемой ими страны, называемой Белохорватия.

В следующих двух главах снова повторено повествование о захвате Салоны теми же варварами, затем помещен рассказ о хорватах. От хорватов, обитавших за Баварией, отделился один род и пришел с народом своим в Далмацию, которую освободил из-под власти аваров и подчинил себе. В довольно несвязном и спутанном повествовании настойчиво проведена мысль, что хорваты заняли бывшую под властью аваров землю с ведома и согласия императора Ираклия.

В 32 главе идет речь о движении сербов из страны, называемой Белосербия: точно так же, как и хорваты, эти последние, также с согласия царя Ираклия, получили для обитания свободные земли, занимаемые ими до настоящего времени: Сербию, Черногорию, Боснию и Герцеговину. В частности следует заметить, что по воззрению Константина сербы и хорваты были два пограничных племени, занимавшие большое пространство за Дунаем и Карпатами, нынешнюю Чехию, Моравию и Галицию. Белохорваты составляли восточную ветвь, белосербы - западную.

Сообщение Константина, определяет географические пределы распространения хорватов и сербов и хронологию заселения ими той территории на Балканском полуострове, которая доныне носит их имя, составляет единственный источник, из которого можно отправляться в вопросе сербохорватской археологии. В оценке этого сообщения образовались в науке два направления, из которых одно поддерживает Константина, другое смотрит на его известие как на легенду, составленную для объяснения реального факта, происхождение которого в X в. было забыто. Именно, в X в. географически и этнографически образовалось отдельное политическое тело с именем хорватов, которые на севере распространялись до Истрии, на востоке — до течения р. Вербас, на юге-до Антивари. Это вообще была приморская страна, которая в X в. имела уже за собой блестящую эпоху, т. к. Константин говорит, что Хорватия выставляет 60 тыс. конницы и 100 тыс. пехоты и владеет значительным флотом.

Чтобы осмыслить первичные стадии истории славян на Балканском полуострове, необходимо отрешиться от приведенных в известии Константина дат и исторических сближений и ограничиться скудными заметками, восходящими к более раннему времени.

Выше мы видели, что занятие славянами Далмации нужно относить к половине VI в., и что тот громадный этнографический переворот, который происходил в течение VI в. на Балканском полуострове, не мог не сопровождаться постепенным занятием славянами Паннонии и нынешней Сербии, Боснии и Далмации. В удостоверение этого приводятся и филологические данные, выдвинутые профессором Ягичем. В VII в., по его мнению, не было

еще этнографического и филологического разграничения в сербохорватской ветви славян, и, следовательно, не может быть речи о том передвижении с севера, о котором говорится у Константина. Остается лишь невыясненным, при отрицательном отношении к известию Константина, то обстоятельство, что мысль о первичном разделении славян на две ветви, т.е. на славян и антов, засвидетельствована как древними, независимыми от Константина, источниками (Прокопий и Иордан), так и персидскими, чем известия Константина.

Из предыдущего можно сделать только отрицательный вывод. Вошедшие в сочинение Константина известия о передвижении славян с севера и занятии ими Далмации в VII в. с согласия императора Ираклия не оправдываются ни ходом событий, ни другими источниками и, что всего важнее - не объясняют югославянской истории. В VII в. в истории славян обнаруживается действительно жизненное явление: славянами сделан был первый шаг на пути образования государственного союза - образование княжеской власти у славян и стремление к основанию независимых княжеств. Один и тот же факт намечен в двух направлениях. Прежде всего - жизнь Димитрия Солунского, где есть рассказ о Кувере, которого аварский каган назначил князем над подчиненными ему славянами и болгарами. Кувер поднял свой народ против аварского хана, нанес ему несколько поражений и утвердил свое княжение на юг от Дуная, угрожая исконным греческим городам: Константинополю, Солуни и др. В связи с историей Кувера в том же источнике находим указание на способ колонизации славянами византийских областей, с предоставлением им права внутренней племенной организации под управлением своего князя. Таким образом, к VII в. обнаруживаются начатки той организации, из которой должны были возникнуть славянские племенные союзы или отдельные государства.

Между тем, в тот же период и для той же цели освободительного движения против аварского порабощения образуется, другое зерно. Это княжение Само. О княжестве Само сохранились известия только в латинских источниках, между тем как византийская летопись совсем не знает об этом имени. Притом же оба названные источника не могут считаться хорошо осведомленными о славянских событиях; по одному - центр господства Само был в Чехии и Моравии, по другому — в Хорватии, вследствие чего доселе неясно, где был центр, и куда простирались границы этой первой славянской государственной организации. Не может быть сомнения лишь в том, что Само объединил славян под своей властью и начал борьбу с аварами в царствование Ираклия, т.е. приблизительно около 623 г. Но деятельность Само в границах Византийской империи осталась совершенно не отмеченной византийской летописью, а случайно захвачена Фредегаром потому, что король франкский Дагоберт должен был, расширяя свои владения на Восток, столкнуться со славянами.

Не отрицая за княжеством Само важного значения в смысле утверждения славянского элемента на западных окраинах и продолжительного успешного соперничества с германским преобладанием, историк все же не может уклониться от постановки самого естественного вопроса о том, что же в сущности представляли собой отмеченные источниками VII в. попытки образования у славян княжеской власти и начатки государственного их объединения? Здесь необходимо коснуться вопроса о культурном состоянии славян в период столкновения их с греками византийскими на юге и с итальянцами и германцами на юго-западе.

Много было сказано об историческом возрасте славян сравнительно с германцами, причем главным образом принималась в соображение хронологическая разница образования государственности у германцев и славян, т.е. целый период в 300 лет, если считаться с германскими государствами V—VI вв. и славянскими IX в. Нужно бы доказывать, с целью оправдать разность возрастов, недопустимое положение, что славяне в V и VI вв. являются в истории на весьма низкой ступени культурного развития. Но на этом нельзя настаивать, т. к. все данные говорят за то, что славяне были уже в оседлом быту и занимались земледелием. По отношению к внутреннему быту факты языка указывают на семейно-родовой быт как на исконную форму жизни славян. Те из древних писателей, которые имели случай лично ознакомиться со славянами, отметили характерные особенности их жизни: «Все эти народы, славяне и анты, не повинуются одному повелителю, но из древности живут в димократии, поэтому у них общественные дела всегда обсуждаются на сеймах (вечах)». То же замечание несколько позднее сделано Маврикием: «Не признавая над собой чужой власти, они не находятся в согласии и друг с другом; всякий может высказывать противоречивое другим мнение; что пожелают одни, на то не соглашаются другие, никто не хочет уступить. Так как у них много старшин, не ладящих друг с другом, не бесполезно привлекать некоторых из них на свою сторону увещаниями или подарками, дабы возбудить между ними распрю и препятствовать соединению их под одним вождем».

Такой быт, конечно, должен составлять большое препятствие для образования значительных племенных союзов и государственной организации. Что славяне, делавшие нападения на империю и занявшие Балканский полуостров и частью Грецию, были именно в таком семейном и общественном быту, какой отмечен приведенными выше свидетельствами, это подтверждается всей их бойкой, цветистой, много обещавшей, но оказавшейся пустоцветом, а потому и бесплодной до IX в. историей. При помощи тщательного анализа фактов средневековой западной и восточноевропейской истории получилось наблюдение, что при всех сходствах в развитии общих явлений между Востоком и Западом замечаются и характерные отличия. В этом отношении прежде всего нужно указать, что древний период славянской истории на Балканском полуострове, изучаемый на основании извес-

тий, почерпнутых из наблюдений над западными окраинами Византийской империи, не может быть отделяем от своего естественного географического театра и потому должен удерживать наименование византийского периода. Как в основе первоначальной истории западноевропейских народов, основавшихся в разное время на жительство в пределах Римской империи, заложены разнообразные влияния, исходившие от Рима, которые в совокупности принято называть романизацией, так и основные черты древней славянской истории в пределах Восточной империи должны были развиваться под воздействием влияний, исходивших из Царьграда.

Византии не представлялось выгодным способствовать образованию крупных центров среди славянства; напротив, самые элементарные соображения выгоды склоняли византийских государственных людей к тому, чтобы поселить рознь и вражду между отдельными коленами – жупами, поддерживая одного славянского вождя против другого. Жупное устройство по коленам, отсутствие сильной княжеской власти и постоянная борьба между отдельными коленами – вот те черты, которыми характеризуется славянская жизнь в период заселения Балканского полуострова. Старому государству с организованной военной и административной системой не стоило большого труда наложить свою руку и на такие племена, которые с оружием в руках занимали области империи. То обстоятельство, что византийские известия отмечают как наиболее отличительные черты славянской жизни отсутствие сильной княжеской власти, демократические обычаи, выражающиеся в перенесении политических и общественных вопросов на вече, решения которого необязательны для меньшинства, служит указанием, что эти формы быта наблюдались именно у тех славян, которые жили в пределах империи и старались удержать их «в противность ромейским обычаям». Показание Льва Мудрого, что славяне неохотно исполняют приказания чужого лица и что гораздо легче сносят несправедливости и обиды собственных старшин, лишь бы не следовать ромейским обычаям и законам, относятся, конечно, к тем славянам, которые жили в пределах империи, составляя, однако, из себя привилегированное общество, на которое не простирались имперская администрация и суд. Так как империя старалась не поступаться своими владениями в пользу варваров, то с течением времени все захваты вооруженной рукой приобретали легальный характер, становясь фактом колонизации с разрешения правительства.

Лекция 24.

План:

1. Тяжелое положение империи при вступлении Ираклия на престол.

2. Военные успехи персов.

а. Захват Иерусалима.

б. Разграбление христианских святынь.

1. Завоевание персами Египта.

2. Три похода Ираклия против персов.

3. Осада Константинополя.

4. Отвоевание Ираклием христианских святынь.

5. Значение походов против персов.

а. Персия превратилась в слабое государство.

б. Византийский император официально стал василевсом.

В лице Ираклия империя получила талантливого и энергичного государя, который казался населению образцовым правителем. По словам современника, поэта Георгия Писиды, описавшего в стихах его персидские походы и аварское нашествие, новый император провозгласил, что «власть должна блистать не столько в страхе, сколько в любви».

К моменту его пришествия к власти положение империи было крайне опасным. Персы угрожали с востока, авары со славянами с севера. Внутренние дела после только что пережитого несчастного правления Фоки находились в состоянии анархии. У нового императора не было в распоряжении ни достаточного количества войск, ни денег. Поэтому начало правления Ираклия было исполнено тяжелых испытаний для империи.

В 611 году персы предприняли завоевание Сирии и овладели главным городом византийских восточных провинций, Антиохией. Дамаск вскоре также перешел в руки персов. Завоевав Сирию, персы двинулись в Палестину и приступили в апреле 614 года к осаде Иерусалима, продолжавшейся двадцать дней. Наконец, стенобитные орудия персов разрушили городскую стену, после чего, по выражению одного источника, «злые враги вступили в город с большой яростью, точно рассвирепевшие звери и обозлившиеся драконы». Город был разграблен; христианские святыни разрушены. Храм Гроба Господня, построенный Константином Великим и Еленой, был сожжен и ограблен. Христиане подверглись беспощадному избиению. Иерусалимские евреи были на стороне персов и при взятии ими города при-

нимали деятельное участие в избиении христиан, которых, по некоторым сведениям, погибло до 60 000. Много драгоценностей было увезено в Персию. Одна из самых дорогих святынь христианского мира, Святое Животворящее Древо, или Крест Господень, была также увезена в Ктесифон. Среди многочисленных пленных, отправленных в Персию, находился иерусалимский патриарх Захария. По словам академика Н. П. Кондакова, «это было бедствие, неслыханное после взятия Иерусалима при Тите и на этот раз непоправимое: для этого города уже не было потом эры, подобной временам Константина, и великолепные сооружения в его стенах, подобно так называемой Омаровой мечети, уже не составят эпохи в истории; отныне город и его здания приходят в упадок, со ступеньки на ступеньку, и самые крестовые походы, изобилующие всякого рода результатами и, пожалуй, всякой добычей для самой Европы, отзовутся только смутой, путаницей и разложением в жизни самого Иерусалима. Персидское нашествие разом снесло наносную, искусственную греко-римскую культуру Палестины, разорило земледелие, обезлюдило города, уничтожило или на время, или навсегда монастыри и лавры, прекратило торговлю. Этим нашествием освободились от прежних уз и страха грабительские племена арабов, и они приготовились к сплочению в будущем и повсеместному наступлению. Отныне период культурного развития страны кончен; для нее настает та смутная эпоха, которой всего естественнее было бы дать название Средних веков, если бы только она не продолжалась вплоть до настоящего времени».

Легкость завоевания персами Сирии и Палестины объясняется монофизитским составом большей части населения этих областей. Монофизиты испытывали сильные притеснения со стороны византийского правительства преемников Юстиниана и поэтому предпочли владычество персидских огнепоклонников, в стране которых несториане, например, пользовались относительной веротерпимостью.

Персидское нашествие не ограничилось Сирией и Палестиной. Часть персидского войска, пройдя через всю Малую Азию и завоевав Халкидон, на берегу Мраморного моря у Босфора, расположилась лагерем у Хрисополя (сов. Скутари), напротив Константинополя. Другая же персидская армия завоевала Египет. Александрия пала в 618 или 619 году. Как в Сирии и Палестине, монофизитское население Египта не оказало должной поддержки византийскому правительству и с легким сердцем перешло под власть персов. Потеря Египта была тяжелым ударом для Византийской империи, так как Египет был житницей Константинополя. Прекращение снабжения египетским зерном имело тяжелые последствия для экономического положения столицы.

Одновременно с жестокими потерями на юге и востоке в войне с персами Византия подверглась серьезной опасности на севере, а именно на

Балканском полуострове, где аваро-славянские полчища во главе с аварским каганом, грабя и разрушая, дошли до самого Константинополя и ворвались в город. На этот раз дело ограничилось набегом, позволившем аварскому кагану возвратиться на север с многочисленными пленными и богатой добычей. Эти захватчики упоминаются в произведениях современника Ираклия, Исидора Севильского, который заметил в своей хронике: «Шел шестнадцатый (пятый) год правления Ираклия, в начале которого славяне захватили у римлян Грецию и персы захватили Сирию, Египет и множество провинций». Примерно в это же время (624) Византия потеряла свои последние владения в Испании, где вестготское завоевание было завершено королем Свинтилой. Балеарские острова остались в руках Ираклия. **Ошибка! Источник ссылки не найден.**

После некоторых колебаний император решил начать войну с Персией. Ввиду истощения казны император воспользовался церковными сокровищами столицы и провинций и повелел отчеканить большое количество золотой и серебряной монеты. Опасность со стороны аварского кагана на севере была, как надеялся Ираклий, устранена уплатой ему большой суммы денег и вручением знатных заложников. После этого, весной 622 года, император переправился в Малую Азию, где в течение нескольких месяцев производил набор войска и обучал его военному делу. Персидский поход имел целью возвратить Животворящее Древо и Иерусалим.

Современные историки полагают, что Ираклий с 622 по 628 год совершил три персидских похода, увенчавшихся успехом византийского оружия. Поэт Георгий Писидас составил Эпиникий (Песнь победы), названный «Ираклиада», а в другой поэме «Гексамерон» («Шестоднев»), о сотворении мира, он намекал на шестилетнюю войну, в которой Ираклий победил персов. **Ошибка! Источник ссылки не найден.** Ираклий привлек на свою сторону кавказские народы и вступил в союз с хазарами. Северные прикавказские области Персии служили одной из главных арен военных действий.

Во время отсутствия императора, пребывавшего со своими войсками в далеких походах, столица подверглась серьезной опасности. Аварский каган, нарушив заключенные с императором условия, двинулся в 626 году с громадными толпами аваров и славян к Константинополю, вступив одновременно в соглашение с персами, отряд которых дошел до Халкидона. Аваро-славянские полчища осадили Константинополь, который переживал опасные моменты. Однако константинопольскому гарнизону удалось отбить атаку и обратить нападавших в бегство. Узнав о неудаче аварского кагана, персы удалились из-под Халкидона в Сирию. Поражение аваров под Константинополем в 626 году явилось одной из главных причин ослабления дикого аварского государства.

Между тем Ираклий в конце 627 года нанес решительное поражение персам около Ниневии (сов. Мосула на р. Тигр) и вступил в центральные персидские области. Богатая добыча досталась в руки императора. Он послал в Константинополь обширный, триумфальный манифест, описывающий его успехи и объявляя о конце войны и его блистательной победе. В 629 году слава Ираклия была полной. Персы были навсегда повержены, на Дунае могущество аваров быстро уменьшалось. В это самое время персидский царь Хосров был свергнут и убит, а его победитель, вступивший на престол Кавад Широе, начал с Ираклием мирные переговоры. На основании условий мира персы возвратили Византии завоеванные области, Сирию, Палестину и Египет, и увезенное ими Животворящее Древо. Ираклий с великим торжеством вернулся в столицу; а несколько времени спустя направился в Иерусалим, где Животворящий Крест, возвращенный из Персии, был водворен на прежнее место. Армянский историк Себеос так описывает события: «В день вступления в Иерусалим немало происходило там ликования. Раздавался голос плача и печали, лились слезы умиленного сердца у царя и знати, всех войск и жителей города. И никто не мог петь Господних песен от плачевного умиления всей толпы. Царь водрузил Крест на своем месте и всю церковную утварь расположил по своим местам и раздал всем церквам и жителям города подарки и деньги на ладонь».

О победе Ираклия над персами упомянуто в Коране: «Побеждены Румы в ближайшей земле, но они после победы над ними победят через несколько лет».

Персидская война Ираклия составляет важную эпоху в истории Византии. Из двух мировых держав, какими в раннее средневековье были Византия и Персия, последняя потеряла окончательно прежнее значение и превратилась в слабое государство, вскоре под натиском арабов прекратившее свое политическое существование. Византия, нанеся удар своему вековому врагу, возвратившая империи все потерянные восточные провинции и христианскому миру драгоценную святыню Древа Господня, освободившая столицу от грозных аваро-славянских полчищ, была, на высоте славы и могущества. Правитель Индии послал свои поздравления Ираклию по случаю его победы над персами вместе с большим количеством драгоценных камней. Царь франков Дагоберт послал специальных послов для заключения вечного мира с империей. Наконец, в 630 году персидская царица Боран также послала специального посланника Ираклию и заключила официальный мир.

В связи с успехом персидской войны Ираклий в 629 году впервые официально назвал себя василевсом. Это название уже давно употреблялось на Востоке и особенно в Египте, а с IV века в частях империи, говорящих на греческом языке. Но оно не было принято, как официальный титул. До VII века греческим эквивалентом для латинского названия «император»

(imperator) был «автократор», т. е. «самодержец», что этимологически не соответствует значению слова «император». Единственным иностранным государем, если не считать далекого абиссинского царя, был персидский царь, которому римский император соглашался давать титул василевса. По этому поводу Бьюри замечает: «Пока вне Римской империи существовал крупный независимый василевс, императоры воздерживались принимать титул, который пришлось бы разделять с другим монархом. Но как только этот монарх был низведен до положения зависимого вассала и не было более конкуренции, император отметил это событие, приняв официально тот титул, который в течение нескольких столетий прилагался к нему неофициально».

Лекция 25.

План:

1. Арабы до Мухаммеда.
 - а. Аравийский полуостров.
 - б. Начало формирования самостоятельных арабских государств.
 - в. Арабские династии.
 - г. Религиозные представления древних арабов.
2. Мухаммед и возникновение ислама.
 - а. Жизнь Мухаммеда.
 - б. Религиозное учение Мухаммеда.
3. Ислам в Аравии.

Сирия, Палестина и Египет, возвращенные империи области, с преобладающим монофизитским населением снова поднимали вопрос об отношении византийского правительства к монофизитам, имевший серьезное государственное значение. Также многолетняя, упорная борьба Ираклия с персами, несмотря на блестящий окончательный исход, должна была на время ослабить военную мощь Византии ввиду крупных потерь в войсках и сильного финансового напряжения. Но столь необходимого отдыха страна не получила, так как вскоре после окончания персидской войны появилась

совершенно неожиданная и сначала недостаточно оцененная грозная опасность со стороны арабов, открывших своим выступлением против Византии и Персии новую эру во всемирной истории.

Еще в дохристианские времена арабы, народ семитской расы, населяли Аравийский полуостров и Сирийскую пустыню, расположенную к северу от него, до Евфрата. Аравийский полуостров, равный по величине приблизительно четверти Европы, омывается, как известно, на востоке Персидским заливом, на юге Индийским океаном, на западе Красным или Черным морем; на севере он сливается с сирийской пустыней. Наиболее известные в истории области этого полуострова были: 1) Неджд, занимавший центральное плоскогорье; 2) Йемен, или Счастливая Аравия, на юго-западе полуострова и 3) Хиджаз - прибрежная полоса по Красному морю, идущая от севера полуострова до Йемена. Пустынный полуостров далеко не везде был удобен для жилья, и арабы, ведя кочевой образ жизни, обитали главным образом в центральной и северной Аравии. Это были бедуины, считавшие себя настоящими, наиболее чистыми представителями арабского племени, истинными носителями благородства и доблести. Кроме кочевых бедуинов были и оседлые жители немногочисленных городов и поселков, к которым бедуины относились свысока и даже с некоторым пренебрежением.

Римское государство неминуемо должно было на своей восточной сирийской границе сталкиваться с арабскими племенами и принимать меры для большей безопасности последней. В этих видах римские императоры выстроили ряд пограничных укреплений, другими словами, сирийский *limes*, напомилавший, в меньших размерах, *limes romanus* на дунайской границе против германцев. Развалины главнейших римских укрепленных пунктов на сирийской границе сохранились до наших дней.

Уже со II века до Р. Хр. среди сирийских арабов стали образовываться самостоятельные государства с сильным влиянием арамейской и греческой культур, называемые иногда арабско-арамейскими эллинистическими царствами. Из городов особенно выдвинулась и разбогатела, благодаря выгодному положению на пересечении важных торговых путей, Петра, величественные развалины которой до сих пор привлекают к себе внимание историков и археологов.

Наиболее важным из сирийских арабских царств в культурном и политическом отношении в эпоху Римской империи была Пальмира, где эллинистически образованная и мужественная царица Зиновия, как ее называют римские и греческие писатели, во второй половине III века создала большое государство: она завладела Египтом и большей частью Малой Азии. Император Аврелиан вернул империи единство, и побежденная царица в 273 году должна была идти за триумфальной колесницей победителя при

въезде его в Рим. Восставшая Пальмира подверглась разрушению. Известный эпиграфический памятник Пальмиры, а именно высеченный на громадном камне пальмирский тариф II века по Р. Хр., дающий ценные сведения о торговле и финансах этого города, был перевезен в Петроград и хранится в Эрмитаже.

В византийское время выделились две арабские династии. Одна - династия Гассанидов в Сирии, монофизитская по религии, находившаяся в зависимости от византийских императоров, особенно усилившаяся в VI веке при Юстиниане, помогавшая империи в ее военных предприятиях на востоке и прекратившая свое существование, вероятно, в начале VII века при завоевании персами Сирии и Палестины. Вторая арабская династия была династия Лахмидов с центром в городе Хире у Евфрата, находившаяся в вассальных отношениях к персидским Сасанидам, враждебная поэтому Гассанидам, прекратившаяся также в начале VII века. В Хире было распространено христианство в форме несторианства, и некоторые представители династии Лахмидов также были христианами. Обе династии обязаны были защищать границу: Гассаниды - византийскую, Лахмиды - персидскую. Как видно, оба вассальных государства исчезли в начале VII века, так что, ко времени выступления Мухаммеда, в пределах Аравийского полуострова и населенной арабами Сирийской пустыни не было, за одним исключением, ни одной политической организации, которая заслуживала бы названия государства. Лишь на юго-западе Аравийского полуострова продолжало существовать с конца второго века до Р. Хр. царство Сабейско-Химьярское, или Химьяритов (Омиритов). Однако около 570 г. Йемен был завоеван персами

Древние арабы до Мухаммеда жили в условиях родового быта. Кровное родство являлось единственной основой их общих интересов, сводившихся почти исключительно к обязательным для всех членов племени принципам верности, покровительства, помощи и мести за причиненные врагами племени обиды. Ничтожного повода было достаточно, чтобы вызвать длившуюся иногда десятки лет кровопролитную борьбу между племенами. Воспоминания об этих временах сохранились в древней арабской поэзии и прозаических преданиях. Враждебность и высокомерие были преобладающим настроением во взаимных отношениях различных племен арабской древности.

Религиозные представления древних арабов были очень примитивны: племена имели своих богов и священные предметы, например камни, деревья, источники; через них арабы хотели узнавать будущее; в некоторых частях Аравии было распространено почитание звезд. Едва ли древние арабы, по мнению одного знатока арабской древности, в своих религиозных переживаниях поднимались выше чувства фетишиста перед предметом его поклонения. Они верили в невидимые дружественные, но чаще враждеб-

ные силы, - в демонов (джиннов). Представление о высшей невидимой силе, об Аллахе, отличалось у древних арабов неопределенностью. Молитвы, как формы почитания, они, по-видимому, совсем не знали; если же они обращались к божеству, то это обращение было воззванием о помощи для мести за понесенную обиду или несправедливость. «Остатки до-исламских стихотворений не заключают никаких намеков на стремление к божеству даже более возвышенных душ и дают лишь слабые указания на отношение их к религиозным преданиям своего народа».

Кочевая жизнь бедуинов, проводивших свои дни в перевозимых с места на место палатках, конечно, не способствовала устройению постоянных, определенных мест для совершения религиозного культа, хотя бы и очень примитивного. Но, как было замечено уже выше, помимо бедуинов были оседлые жители городов и поселков. Последние возникали и развивались преимущественно на торговых путях, особенно по караванной дороге, шедшей с юга на север, из Йемена в Палестину, Сирию и к Синайскому полуострову. Из городов на этом пути наиболее известными и богатыми были, еще задолго до появления Мухаммеда, Мекка (Макораба у древних писателей) и к северу от нее Йасриб (будущая Медина). В них останавливались торговые караваны, приходившие с севера и юга. Между купцами было немало евреев, которые жили не только в двух поименованных городах, но и в других частях полуострова, например в северном Хиджазе. Известно, что много евреев было и в Йемене, в царстве Химьяритов. С севера, из римско-византийских владений Палестины и Сирии, и с юга, из Абиссинии через Йемен, проникали на полуостров христиане. Центром смешанного населения полуострова сделалась Мекка, где с ранних пор уже находилось святилище первоначально совершенно не арабского характера, Кааба, кубообразное каменное сооружение около 35 футов в высоту, внутри которого хранился главный предмет поклонения, черный камень, ниспосланный, по преданию, с неба. Предание связывало основание мекканского святилища с именем ветхозаветного Авраама. Мекку, благодаря ее выгодному торговому положению, посещали торговцы всех арабских племен. Для большего привлечения их сюда в Каабе были, по словам легенды, поставлены идолы различных племен, так что представители каждого племени, придя в это святилище, могли совершать поклонение своему наиболее почитаемому божеству. Число паломников увеличивалось, чему особенно способствовал соблюдавшийся во время священного периода «Божий мир», который более или менее гарантировал неприкосновенность территории племен, пославших своих представителей в Мекку. Время религиозных празднеств совпадало с большой мекканской ярмаркой, на которой арабы и иностранные купцы устраивали свои торговые дела. Мекка богатеет; в ней приблизительно с V века выделилось богатое и знатное племя курейшитов, которое получило в городе преобладающее значение. Конечно, материальные интересы склонных к наживе мекканцев не были забыты, и

священные собрания Мекки бывали ими использованы в своих своекорыстных целях.

Под влиянием еврейства и христианства, с которыми, особенно в Мекке, была полная возможность познакомиться, среди арабов встречались незадолго до Мухаммеда отдельные личности, искренне воодушевленные религиозными идеями, совершенно непохожими на сухую обрядность их древних религиозных обычаев. Стремление к монотеизму и аскетическому образу жизни являлось отличительной чертой этих скромных исповедников, находивших удовлетворение в своих личных переживаниях и не оказывавших большого влияния на других. Объединителем арабов и основателем одной из мировых религий явился Мухаммед. Из скромного проповедника покаяния он сделался сначала пророком, а затем главой политической общины.

Мухаммед родился около 570 года. Происходя из племени курейшитов и принадлежа к одному из беднейших родов его, хашимитам, он рано осиротел и должен был зарабатывать себе хлеб, сопровождая торговые караваны богатой вдовы Хадиджи в качестве погонщика верблюдов. Материальное положение Мухаммеда улучшилось, когда он женился на Хадидже. Под влиянием знакомства с евреями и христианами он, обладая уже с детства болезненной натурой, стал все больше и больше задумываться над религиозным укладом жизни Мекки. Возникавшие сомнения приводили его в отчаяние и доставляли бесконечные страдания; с ним делались нервные припадки; во время своих одиноких скитаний по окрестностям Мекки ему казались видения, и у него крепла уверенность в том, что Бог посылает его для спасения своего вступившего на ложный путь народа.

Ему было сорок лет, когда он решился выступить открыто в роли проповедника нравственности, сначала в своей семье; затем его стала слушать немногочисленная группа лиц из низшего слоя, а позднее и некоторые почтенные люди. Курейшиты выступили против Мухаммеда и создали ему в Мекке невозможные условия жизни. В таких обстоятельствах он со своими приверженцами в 622 году тайно удалился в лежащий к северу город Йасриб, население которого, имея в своем составе немало евреев, не раз приглашало к себе проповедника, обещая ему лучшие условия жизни. Йасриб радушно встретил Мухаммеда и его приверженцев и впоследствии стал называться Мединой, т. е. городом (пророка).

Год переселения или, как еще чаще говорят, бегства («хиджра») Мухаммеда из Мекки в Медину сделался мусульманской эрой. С 622 года арабы, а за ними и другие мусульманские народы, ведут свое летоисчисление, но по лунным годам, которые, как известно, немного короче годов солнеч-

ных. Обычно началом первого года хиджры мусульмане считают пятницу 16 июля 622 года. Эра хиджры была введена лишь к 16 году (считая от 622 г.).

Из-за неудовлетворительного состояния источников, о первоначальном мекканском периоде жизни Мухаммеда почти нет достоверных сведений. В это время его учение имело столь неопределенный, почти хаотический характер, что не могло еще даже и называться новой религией.

В Медине Мухаммед, сделавшись уже главой многочисленной общины, положил начало политическому государству на религиозной основе. Выработав главные основания своей религии, установив религиозные обряды и упрочив свое политическое положение, он в 630 году завоевал Мекку, где уничтожил идолов и другие следы политеизма. Культ единого Бога-Аллаха был поставлен в основу новой религии. Всем своим врагам Мухаммед объявил амнистию. Взятие Мекки не сопровождалось ни убийствами, ни грабежом. С этих пор Мухаммед со своими последователями мог свободно совершать паломничество в Мекку и установить свои обряды. В 632 году Мухаммед умер.

Религиозное учение Мухаммеда, который не был последовательным мыслителем, невозможно изложить в систематическом виде. Его учение не является оригинальным творением; оно создано под влиянием других религий: христианства, иудейства и отчасти парсизма (религия тогдашней персидской державы Сасанидов). Исходно мусульманская община была теснее связана с христианством, чем с иудаизмом. **Ошибка! Источник ссылки не найден.** С этими религиями Мухаммед мог познакомиться в молодые годы во время своих путешествий, а затем в Мекке и Йасрибе (Медине). Характерной чертой его религиозного учения является сознание полной зависимости человека от Бога, слепое подчинение его воле. Единый Бог неограниченно господствует над своими созданиями. Поэтому религия Мухаммеда носит название ислама, т.е. «предание себя Богу, покорность»; последователи же ислама называются мусульманами (или часто, в неправильном написании, магометанами; правильнее было бы: мухаммеданами). В основе его религии лежит ясное представление о едином Боге - Аллахе; таким образом, его учение есть религия монотеистическая. Положение «нет Божества кроме Бога и Мухаммеда, Его посланника» является одним из основных положений его учения. Мухаммед признавал пророками также Моисея и Иисуса Христа, который был предпоследним пророком; но они, по учению Мухаммеда, были ниже его. В бытность свою в Медине он говорил, что его религиозное творение представляет собой восстановление в чистом виде религии Авраама, испорченной христианами и евреями.

Одной из первых задач Мухаммеда было вывести арабов из состояния их варварства (джахилийя) и привить им некоторые более высокие нравственные принципы: вместо распространенного среди арабов-

язычников жестокого обычая мести он учил миролюбие и самообладанию; им был положен конец существовавшему среди некоторых племен обычаю закапывать живыми в землю новорожденных девочек; были несколько урегулированы брачные отношения в смысле ограничения полигамии; дозволялось иметь одновременно четыре законных жены; большая свобода в этом вопросе представлялась лишь Мухаммеду. В противовес прежним родовым понятиям Мухаммед в своем учении выдвинул личные права. Были введены определенные установления относительно молитвы и поста: во время молитвы надо было обращаться лицом по направлению к Каабе; для великого поста был избран девятый месяц, называемый рамаданом; еженедельный праздничный день был назначен в пятницу. Подверглись запрещению вино, кровь, свинина, мясо животных, погибших не от заклания или служивших жертвами в языческом культе, азартные игры. Вера в ангелов и дьявола для мусульманина обязательна. Представления о рае и аде, воскресении и страшном суде имели материалистический характер; основные черты этих представлений можно найти в еврейско-христианской апокрифической литературе.

Мухаммед включил в свое учение также милосердие Бога, раскаяние грешников и добрые дела. Современные религиозные правила и предписания развивались постепенно, некоторые - после смерти Мухаммеда. Так, например, молитва в строго определенное время не была еще установлена во времена Омейядов.

Еще в начале мединского периода из многочисленных основных учений и установлений выделились в виде обязательных требований ислама следующие: 1) исповедание единого Бога-Аллаха и его посланника Мухаммеда; 2) совершение строго установленной молитвы в определенное время, с соблюдением определенных обрядов; 3) уплата известной суммы на военные и благотворительные нужды мусульманской общины; 4) пост в месяце рамадане; 5) совершение паломничества в Мекку к Каабе (хадж). Все основания и правила мусульманской религии соединены Кораном; который распадается на 114 глав (суры). Предание о словах и деяниях Мухаммеда, объединенное позднее в различных сборниках, носит название сунны.

История первоначального ислама при Мухаммеде принадлежит, из-за состояния источников, к одним из наиболее темных и спорных вопросов в истории.

При жизни Мухаммеда вся Аравия не была подчинена ему, никогда не признавала исключительно одного властителя. Мухаммед господствовал над областью, обнимавшей, где-то, менее трети всей поверхности полуострова. Эта часть и находилась под влиянием новых идей ислама. Остальная часть полуострова продолжала жить в политических и религиозных условиях, немногим отличающихся от тех, которые там существовали до появле-

ния ислама. На юго-западе полуострова, в Йемене, было христианское государство, продолжавшее свое существование и в эпоху Мухаммеда. Но и большинство племен в северо-восточной Аравии было христианским, так как преобладающей религией Месопотамии и арабских областей вдоль Евфрата было христианство, которое там сильно распространилось по сравнению с пришедшей в полный упадок официальной персидской религией. Таким образом, в момент своей смерти, Мухаммед не был ни политическим властителем всей Аравии, ни ее религиозной главой.

Вначале Византия видела в Мухаммеде и последователях его учения арианство и ставила ислам наравне с другими сектами. Византийская апологетическая и полемическая литература выступает против ислама так же, как против монофизитов, монофелитов и представителей других еретических учений. Живший в VIII веке при мусульманском дворе и принадлежавший к сарацинской семье знаменитый Иоанн Дамаскин, например, не видел в исламе новой религии, но лишь аналогичный с другими ересями пример отпадения от истинной христианской веры. Византийские историки также весьма мало интересовались выступлением Мухаммеда и вызванным им политическим движением. **Ошибка! Источник ссылки не найден.** Из хронистов первым сообщает сведения о жизни Мухаммеда, «правителя сарацин и лжепророка», Феофан, писавший в начале IX века.

Лекция 26.

План:

1. Арабские завоевание VII века.
 - а. Причины завоеваний.
2. Завоевания арабов до начала VIII века.
 - а. «Правоверные халифы».
 - б. События, случившиеся в их правления
 - в. Завоевание Иерусалима.
 - г. Постройка кораблей. Морские завоевания.
3. Последствия завоеваний.

4. Константин IV и осада арабами Константинополя.

5. Мардаиты. Завоевания в других бывших областях империи.

В момент смерти Мухаммеда убежденных мусульман было немного; но и это меньшинство оставалось в Медине до окончания первых завоеваний; лишь очень немногие из них бились в Сирии и Персии. Громадное же большинство воевавших арабов состояло из бедуинов, знавших ислам лишь по имени, имевших в виду исключительно материальные, житейские выгоды и жаждавших добычи и необузданной вольности. О каком-либо религиозном энтузиазме с их стороны не могло быть и речи. Затем, первоначальный ислам был терпим. Коран прямо заявляет: «В религии нет принуждения» (II, 257). Известно терпимое отношение первоначального ислама к христианству и иудейству. Коран говорит о допущении Богом других религий: «Господь твой если бы захотел, сделал бы людей одной религиозной общиной» (XI, 120). Религиозный фанатизм и религиозная нетерпимость в исламе явление позднейшее, несвойственное арабской нации и объяснимое влиянием мусульман-прозелитов. Поэтому вопрос о религиозном энтузиазме и фанатизме арабов-завоевателей VII века отпадает.

Настоящими же причинами завоеваний арабов были практические и материальные. Бедная по природе Аравия не могла более уже удовлетворять жизненным потребностям арабов, которые, под угрозой нищеты и голода, должны были сделать отчаянную попытку спастись «из горячей темницы пустыни». Эти условия и объясняют ту силу, с которой арабы ринулись на Византию и Персию.

Одними условиями аравийской жизни нельзя объяснить военных успехов арабов. Причину последних надо искать также в условиях жизни восточных византийских и южных провинций, прежде всего перешедших в руки арабов, а именно: Сирии, Палестины и Египта. Ранее я неоднократно отмечал усиливавшееся недовольство этих провинций из-за религиозных мотивов. Будучи большей частью монофизитскими и встречая неуступчивость центрального правительства в отношении их убеждений, эти провинции готовы были отделиться от Византии и предпочли очутиться под владычеством арабов, которые отличались религиозной терпимостью и для которых важно лишь было, чтобы новые подданные платили определенные налоги; их же религиозные верования мало интересовали арабов.

С другой стороны, православная часть населения восточных провинций была также недовольна политикой центральной власти из-за некоторых уступок монофизитам, особенно в VII веке. В связи с монофелитской тенденцией Ираклия Евтихий, арабский христианский историк X века, говорил, что граждане Эмессы (Химса) называли императора «Маронитом и врагом нашей веры», а Белазури, арабский историк IX века, говорил, что затем они

обратились к арабам, говоря: «Ваша власть и правосудие приятнее нам, чем та тирания и те оскорбления, которым мы подвергались». Это, конечно, арабское свидетельство, однако оно точно отражает образ мысли православногo населения. Кроме того, большая часть населения византийских областей Сирии и Палестины в своей большей части принадлежало к семитской расе и, главным образом, к арабской народности. Поэтому арабы-завоеватели в покоренной стране встретили единоплеменное население, говорившее на их же языке. Помимо благоприятного для арабов настроения среди монофизитского населения этих провинций и племенного с ним родства, не надо опускать из виду, что Византия и ее войска после войн с персами, были ослаблены и не могли оказать свежим арабским силам надлежащего сопротивления.

В Египте были особые причины для слабого сопротивления арабам. Главную причину следует искать в общем состоянии византийской армии. В количественном отношении воинские соединения были достаточными, но общая организация войска была слабой. Войско делилось на много подразделений, каждым из которых командовали пять различных дуксов, облеченных одинаковыми полномочиями. Их безразличие к общим проблемам провинции, их личное соперничество, отсутствие сотрудничества и координации в достижении общей цели, их военная бездарность - все это вместе парализовало сопротивление. Солдаты были не лучше командиров. При всей своей многочисленности, египетская армия была под плохим руководством и имела плохую подготовку. Все это создавало сильную тенденцию к дезертирству и пораженчеству. На базе изучения папирусов Гельцер пришел к выводу, что образовавшееся там, в период, предшествующий арабскому завоеванию, сословие крупных землевладельцев, фактически не только обособившихся от центрального правительства, но и не создавших настоящей местной власти, также явилось одной из важных причин падения византийского владычества в Египте. Амелино, также на основе изучения папирусов, предположил, что другим важным фактором, обеспечившим арабское завоевание, стала слабость гражданской администрации Египта. Следовательно, основные причины успеха арабов следующие: религиозная ситуация в Сирии, Палестине и Египте, этническое родство населения первых двух стран с жителями Аравии, слабость вооруженных сил, недостаточность военного руководства и слабость гражданской администрации.

Также надо иметь в виду, что как византийская, так и арабская историческая традиция в источниках преувеличивает число войска с обеих сторон. На самом деле войска были вовсе не так велики. Некоторые ученые для общего числа арабского войска, сделавшего сирийскую и палестинскую кампанию, дают цифру, и то, опасаясь преувеличения, в 27 000 человек. Византийское войско было, по всей вероятности, еще малочисленнее. Не надо также забывать, что военные действия вели не только аравийские

арабы, но и арабы Сирийской пустыни, примыкающей к границам Византии и Персии.

При более внимательном изучении эпохи первоначального ислама его религиозная сторона в ходе событий того времени отступает на задний план. «Ислам, - по словам одного исследователя, - изменился в силу политическую, потому что он только как таковая мог восторжествовать над своими врагами; если бы ислам всегда оставался простым моральным и религиозным учением, он быстро перестал бы жить в скептической и материалистической Аравии, и особенно в столь враждебной обстановке Мекки».

В 632 г., после смерти Мухаммеда главой мусульман был избран его родственник Абу-Бекр, с титулом халифа (наместника). Следующие три халифа. Омар, Осман и Али, также были избираемы, но династии не основали. Эти первые четыре преемника Мухаммеда известны под названием «правоверных халифов». Наиболее важные завоевания, совершенные арабами в византийских пределах, падают на время халифа Омара.

Рассказы о том, будто бы Мухаммед обратился письменно к современным ему государям, в том числе и к Ираклию, с предложением принять ислам, и о том, будто бы последний дал ему доброжелательный ответ, являются позднейшими измышлениями, не имеющими никакой исторической ценности, тем не менее и в настоящее время есть ученые, которые признают эту переписку фактом историческим.

При жизни Мухаммеда лишь отдельные отряды бедуинов переходили византийскую границу. Но при втором халифе Омаре события развернулись с большой быстротой. Хронология военных событий тридцатых и сороковых годов VII столетия очень темна и запутана. По всей вероятности, события шли в таком порядке (по А.А. Васильеву): в 634 году в руки арабов перешла византийская крепость в Заиорданье Босра; в 635 году пал сирийский город Дамаск; в 636 году сражение при реке Ярмуке отдало в руки арабов всю Сирию, и в 637 или 638 году, после двухлетней осады, арабам сдался Иерусалим. Главную роль в последнем событии играли со стороны арабов сам халиф Омар, со стороны города – свт. Софроний Иерусалимский. Рассказ о договоре, на основании которого будто бы Софроний сдал Иерусалим Омару и в котором будто бы устанавливались гарантии для христиан в их религиозной и общественной жизни, сохранился с некоторыми позднейшими добавлениями. Крест Господень удалось вывести из Иерусалима до взятия города арабами и отправить в Константинополь. С одновременным завоеванием Месопотамии и Персии закончился первый период арабских завоеваний в Азии. В конце тридцатых годов арабский вождь Амр появился у восточной границы Египта и начал его завоевание. Уже после смерти Ираклия арабы в 641 или 642 году завоевали Александрию.

Амр - победитель послал это послание Омару в Медину: «Я захватил город, от описания которого воздержусь. Достаточно сказать, что я захватил там 4000 вилл с 4000 бань, 40 тысяч платящих подушный налог евреев и четыре сотни мест развлечений царского достоинства». К концу сороковых годов Византийская империя была вынуждена покинуть Египет навсегда. Завоевание Египта сопровождалось дальнейшим продвижением арабов на запад по побережью Северной Африки. К 650 году Сирия, часть Малой Азии и Верхняя Месопотамия, Палестина, Египет и часть византийских провинций в Северной Африке были уже под властью арабов.

Последние завоевания, приведя арабов к берегам Средиземного моря, поставили им новые задачи морской державы. Не имея собственного флота, арабы ничего не могли сделать против многочисленных византийских судов, для которых новые арабские прибрежные области были вполне доступны. Арабы быстро поняли положение вещей. Сирийский наместник и будущий халиф Моавия деятельно принялся за постройку кораблей, экипаж которых состоял в первое время из местного, привычного к морю греко-сирийского населения. По сведениям, извлеченным из папирусов, выясняется, что в конце VII века одной из главных забот египетской администрации была постройка судов и оснащение их опытными моряками.

Начиная уже с пятидесятих годов VII века, т. е. при Константине III, арабские суда Моавии начинают нападения; они в эти годы овладели важной византийской морской базой, островом Кипром, разгромили византийский флот, находившийся под начальством самого императора, у южных берегов Малой Азии, захватили остров Родос, на котором разбили знаменитый колосс Родосский, доходили до Крита и Сицилии и начали угрожать Эгейскому морю, направляясь к столице. Захваченные в этих экспедициях пленные, например в Сицилии, были переселены в Дамаск.

Благодаря вышеперечисленным завоеваниям арабов, лишившим ко второй половине VII века Византию ее восточных и южных провинций, империя утратила свое положение мировой Римской державы. Сильно уменьшившаяся территориально, Византия превратилась в государство с преобладающим греческим населением. Наиболее греческими частями его были Малая Азия, острова Эгейского моря и Константинополь с ближайшей к нему областью. Что касается Балканского полуострова вообще, то он, включая Пелопоннес, к этому времени значительно видоизменился в своем этнографическом составе вследствие появления там крупных славянских поселений. Наконец, на западе Византии принадлежали разрозненные части Италии, не вошедшие в состав Лангобардского королевства, например юг Италии с Сицилией и другими островами этой части Средиземного моря, Рим, Равеннский экзархат. В византийских владениях Италии греческое население жило на юге ее и в Сицилии, где оно значительно увеличилось в VII веке, так как туда бежали перед арабским нашествием нежелавшие

подчиниться завоевателям жители Египта и Северной Африки. Можно сказать, что Римская империя превратилась в Греческую империю. Задачи последней сузились и потеряли прежний широкий размах. Главное внимание империи с половины VII века должно было быть направлено на Малую Азию и Балканский полуостров. Однако даже эти владения находились под постоянной угрозой лангобардов, славян, болгар и арабов.

В связи с влиянием арабских завоеваний на Византию весьма важно обратить серьезное внимание на информацию, сообщаемую византийскими агиографическими. Византийская агиография дает живую и производящую сильное впечатление картину массовой миграции населения с прибрежных районов в центральные области империи под влиянием арабских вторжений на суше и по морю. Агиография подтверждает, расширяет и хорошо иллюстрирует те весьма краткие указания, которыми нас снабжают историки и хронисты. Для более подробного изучения вопроса советую книгу А.П. Рудакова «Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии», «Алетейя» СПб., 1997.

Дальнейшие завоевания арабов в Северной Африке на некоторое время приостановились из-за энергичного сопротивления берберов и междоусобной войны, вспыхнувшей между последним «правоверным халифом» Али и сирийским наместником Моавией. Эта кровопролитная война закончилась в 661 году насильственной смертью Али и появлением на престоле Моавии, который начал династию Омейядов и сделал столицей государства Дамаск.

Утвердив свою власть, Моавия возобновил наступательные действия против Византии, с одной стороны послав флот против столицы, с другой стороны возобновив дальнейшее продвижение на запад в Северной Африке.

Особенно тяжелые времена выпали на время энергичного императора Константина IV (668-685), когда арабский флот, пройдя через Эгейское море и Геллеспонт в Пропонтиду и сделав базой город Кизик, в течение нескольких лет ежегодно, обычно в летние месяцы, подступал к Константинополю и безуспешно осаждал его. Константин сумел, очевидно, хорошо подготовить столицу к осаде. Главную же роль в успехах византийского войска сыграл изобретенный сирийским греком-перебежчиком Калинником «греческий огонь», иначе говоря, жидкий или морской огонь. Это род взрывчатого состава, выбрасываемого специальными сосудами, или сифонами, и воспламенявшегося при попадании на неприятельских судах. Для этого в византийском флоте были построены специальные «сифононосные» суда, производившие страшное смятение среди арабов. Особенностью этого огня было то, что он горел и на воде. В течение довольно долгого времени

тайна состава греческого огня зорко охранялась правительством, и это средство не раз содействовало успеху византийского флота.

Все попытки арабских кораблей овладеть Константинополем окончились неудачей. В 677 году неприятельские суда ушли, направляясь к берегам Сирии, и у южного берега Малой Азии сильно пострадали от бури. Сухопутные военные действия арабов в Малой Азии также окончились не в их пользу. В таких обстоятельствах уже состарившийся Моавия заключил с императором мир на условии уплаты ему определенной ежегодной дани.

Столь успешным отражением арабов от Константинополя и заключением с ними выгодного и почетного мира Константин IV оказал большую услугу не только своему государству, но и вообще Западной Европе, от которой была удалена таким образом серьезная мусульманская опасность. Эта удача Константина произвела сильное впечатление на Запад, откуда, по словам хрониста, аварский каган и другие государи западных народов, узнав об этом, «послали императору через послов дары и просили его утвердить с ними мирную любовь... И настала, - заключает хронист, - великая безопасность на Востоке и Западе».

При преемнике Константина IV, Юстиниане II, в его первое правление (685-695), на восточной арабской границе произошло событие, имевшее немаловажное значение в дальнейшем развитии арабо-византийских отношений. В горах сирийского Ливана издавна жили так называемые мардаиты, что в переводе обозначает «повстанцы, отступники, разбойники», которые представляли собой организованное войско и являлись оплотом византийской власти в этих местах. После покорения Сирии арабами мардаиты, отступив оттуда на север к арабо-византийской границе, своими набегами на окрестные области доставляли много хлопот и неприятностей арабам, но вместе с тем были, по выражению хрониста, «медной стеной», защищавшей Малую Азию от арабских вторжений. При новых мирных переговорах при Юстиниане II император, по просьбе халифа, обещавшего уплату известной дани, согласился переселить мардаитов во внутренние области империи, чем «разрушил медную стену». Позднее они встречаются в качестве моряков в Памфилии (на юге Малой Азии), в Пелопоннесе, на острове Кефалонии и в некоторых других местностях. Такое удаление от границы мардаитов укрепило положение арабов в новозавоеванных местностях и облегчило в будущем их наступательные действия вглубь Малой Азии.

Параллельно с действиями арабов под Константинополем и на восточной границе, их войска, начиная с шестидесятых годов, стали продвигаться на запад в Северной Африке, где в самом конце VII века перешел в руки мусульман Карфаген, столица Африканского экзархата, а в начале VIII века крепость у Геркулесовых Столпов Септем (Сеута). В начале того же

VIII века арабы, под начальством полководца Тарика, переправились из Африки в Испанию и быстро завоевали у вестготов большую часть полуострова. От имени Тарика, как известно, произошло современное арабское название Гибралтара, что в переводе означает «Гора Тарика». Ислам грозил Западной Европе впервой половине VIII века уже со стороны Пиренейского полуострова.

Интересно отметить, насколько быстро и как глубоко арабский язык и культура распространились в Испании. Большое количество горожан-христиан приняли арабскую культуру, хотя они и не приняли ислам. Их было достаточно много для того, чтобы сформировать социальный класс, названный словом арабского происхождения – «мусарабы», то есть арабизированные.

Подобный процесс можно отметить и в Египте, 699-й год, когда арабский язык стал обязательным в государственном делопроизводстве, положил конец греческой и египетской литературе на египетской почве. После этой даты мы имеем эру переводов коптских сочинений на арабский.

Отношения, установившиеся между арабами и туземным населением Сирии, Палестины и Египта, сильно отличались от отношений, создавшихся в Северной Африке (современные Триполи, Тунис, Алжир и Марокко). В Сирии, Палестине и Египте арабы, не встретив со стороны местного населения упорного сопротивления, а наоборот найдя в нем поддержку и сочувствие, относились к своим новым подданным терпимо. Они оставили христианам, за немногими исключениями, их храмы и право совершать богослужение и требовали за это правильной уплаты определенной подати и политической верности. Иерусалим, как одно из наиболее почитаемых мест для христианского мира, был открыт для паломников, приезжавших в Палестину из далекой Западной Европы на поклонение святым местам. Для паломников в Иерусалиме были, как и раньше, странноприимные дома и больницы. Не надо также забывать, что в данных областях арабы столкнулись с византийской культурой, под влияние которой они быстро подпали. Одним словом, в Сирии и Палестине между победителями и побежденными установились на довольно продолжительное время хорошие отношения. Несколько хуже дело обстояло в Египте; но и там, в первое время, положение христиан было терпимо.

После арабского завоевания патриаршества завоеванных провинций попали в руки монофизитов. Однако мусульманские наместники предоставили привилегии православному населению Сирии, Палестины и Египта и спустя некоторое время православные патриаршества Антиохии и Александрии были восстановлены. Арабский историк и географ X в. Масуди утверждает, что четыре священные горы – «Синай, Хорив, Оливковая гора около Иерусалима и гора Иордана», то есть гора Табор - оставались в ру-

ках православных. И лишь постепенно монофизиты и прочие еретики, включая мусульман, заняли у православных ведущие места в святых местах в Иерусалиме. Иерусалим был позже, вместе с Меккой и Мединой, возведен в ранг священного мусульманского города. Для мусульман священный характер города установлен тем фактом, что Моавия был провозглашен халифом в Иерусалиме.

Иначе сложились дела в Северной Африке. Там громадное большинство туземцев, берберские племена, хотя и приняли христианство, однако на самом деле оставались прежними варварами. Берберы оказали упорное сопротивление арабам, которые за это страшно разорили и опустошили страну. Тысячи пленных были уведены на восток и проданы в рабство. Когда арабы в конце концов завоевали Северную Африку, многие местные жители выселились в Италию или Галлию. Менее чем через пятьдесят лет после арабского завоевания, африканская церковь, когда-то столь славная в летописях христианской истории, была почти совершенно уничтожена. «В течение почти двух веков, - по словам Дияля, - Византийская империя собрала в этих странах, не без славы, тяжелое наследство Рима; в течение почти двух веков она, под защитой своих крепостей, обеспечила стране большое, несомненное процветание; в течение почти двух веков она в этой части Северной Африки поддерживала традиции античной цивилизации и приобщила, благодаря своей религиозной пропаганде, берберов к более высокой культуре: в пятьдесят лет арабское завоевание разрушило все эти результаты».

Несмотря на быстрое распространение ислама среди берберов, христианство, однако, продолжало оставаться среди них, и даже в XIV веке можно слышать о «нескольких маленьких христианских островках» в Северной Африке.

Лекция 27.

План:

1. Лангобарды до конца VII в.
 - а. Интересы империи.
 - б. Ротари и его политика по отношению к Церкви и империи.
 - в. Эдикт короля Ротари.

г. Военные дела Ротари.

д. Герцог Гримоальд.

е. Констант и лангобарды.

2. Славянское продвижение на Балканском полуострове и в Малой Азии.

3. Основание Болгарского царства.

4. Монофелитство.

а. «Изложение веры» (экфесис).

б. «Образец веры» Константа II.

в. Шестой Вселенский собор и церковный мир.

В 596 г. король Агилульф, оставив Среднюю Италию, угрожал движением на юг, и вместе с герцогами Сполето и Беневента стал производить опустошения в Кампании и хотел напасть на Сицилию и Корсику, где находились богатые патримонии римского престола, и откуда папа получал самые важные материальные средства. Из-за этого обстоятельства самые заветные желания папы заключались в установлении прочного соглашения с лангобардами, чего он и достиг при посредстве королевы Теоделипды в 598 и в 603 гг.

В VII в. в Италии становилось возможным соседство итальянцев с лангобардскими завоевателями, хотя византийское правительство не отказывалось от надежды на возвращение всей Италии под власть империи. Родственные связи между лангобардскими королями и баварскими герцогами, позволили папам войти в непосредственные сношения с арианствующими лангобардами и влиять на их политику. Кафоличество стало делать успехи среди ариан. В городах стали появляться кафолические епископы рядом с арианскими. Римские епископы не только приобретали нравственное влияние на всю Италию - лангобардскую и византийскую, но и скрепляли своим авторитетом два враждебные элемента - победителей и побежденных. В то время, как церковная власть постепенно делала прочные завоевания в стране, императорское правительство, действовавшее через своих представителей в Италии, экзархов Равенны, рядом политических ошибок вызвало полное охлаждение итальянцев к Византии.

Лангобардский вопрос в Италии становился на первый план. Также,

находясь в Италии с флотом и с достаточными военными силами, император легче мог следить за арабами и принимать своевременные меры к их обузданию.

В 663 г. император Констант, несмотря на серьезный протест в Константинополе, отправился в Афины, где провел зиму, летом посетил Рим, наконец, поселился в Сиракузах, где и жил до самой своей смерти в 668г. В это время итальянские отношения были следующие. Новый король Ротари, избранный в 636 г., был женат на Гундеберге, дочери Теоделинды, и, следовательно, был доступен через свою супругу влияниям со стороны Рима. Но летопись отмечает, что король и королева не были между собой в согласии по политическим вопросам, и что отношение Ротари к римскому населению и католической Церкви далеко не отличалось благорасположением. Хотя Ротари был искренним арианином, он не нашел нужным начать борьбу с католической Церковью, тем более, на это время падает ожесточенная религиозная вражда между папой и императором. Важнее внутренняя деятельность Ротари.

Задачей каждого лангобардского короля была борьба с герцогской властью, которая ослабляла лангобардов и мешала национальной политике королей. Пока герцоги имели право вести самостоятельную политику и вступать в отдельные соглашения с франками, с экзархом и с римским папой, до тех пор короли лишены были возможности выступить национальными государями лангобардов. Деятельность Ротари характеризуется чертами устроителя государства и строгого блюстителя справедливости. С беспощадной строгостью он относился к тем герцогам, которые стояли на пути осуществления его политических планов.

Выразительным актом времени короля Ротари служит его эдикт, изданный в 643 г. Это первый акт лангобардского законодательства на римской почве, составленный на основании обычного права. Ни один германский народ не был так исключителен в ревнивом охранении своих народных прав и в противопоставлении своей народности к побежденным. Закон, изданный Ротари, совершенно не признает римского населения, среди которого утвердились лангобарды. Цель его, как и других народных законов, изданных в завоеванных германцами землях, - защита слабых против сильных и установление такого общественного порядка, при котором бы каждый жил под защитой закона и мирно пользовался принадлежащим ему имуществом. Важность закона состоит в том, что он смело и открыто выставляет правовые нормы лангобардского населения и противопоставляет их римскому праву. Закон написан на латинском языке, и в некоторых его определениях проявляется влияние римской культуры. По закону есть только один народ, господствующий в стране на правах воина, землевладельца и господина, — это лангобарды. Римляне не имеют ни личных, ни имущественных прав, все городское и сельское население рассматривает-

ся на положении рабов или полусвободных. В письмах папы Григория указывается, как пленные римляне толпами были уводимы на продажу в рабство. Во всем законе только раз упоминается имя римлянин, и то применительно к женщине, впавшей в блудодеяние, — до такой степени лангобардское право было нетерпимо к чуждой национальности. Ясно, что при завоевании Италии местное население лишено было личных и имущественных прав, и только с течением времени римляне, из-за особенной королевской милости и при условии полного отречения от прежней национальности, могли быть возвышаемы до свободного состояния.

Характерный признак цены лица по древнему праву — *вира* — назначена по закону Ротари только за лангобарда, римлянин не имеет *виры*. Полноправный, благородный лангобард отличается особенным преимуществом — правом военной службы. С точки зрения народного хозяйства, он землевладелец, т. к. весь государственный строй исходит из того положения, что лангобард, завоевавший своим мечом землю, имеет право на эту землю, а т. к. военная служба остается и на будущее время его обязанностью, то он не сам занимается обработкой земли, а имеет для этой цели подчиненное население, сидящее на его участке и занятое его обработкой. Рядом с известиями о жалком состоянии завоеванного населения встречаются и другие, по которым римское население уходило на земли, занятые лангобардами, чтобы избавиться от вымогательства и непосильных поборов со стороны византийских чиновников.

Итальянские города при лангобардах имели значение не как самостоятельные общины, но как резиденции королей и герцогов. Центром администрации и суда делаются королевские дворы (*curtes regiae*), городское население становится смешанным, управление переходит к лангобардским поселенцам. Постепенная смена римских имен германскими заметна при сравнении известий Григория Турского и Павла Диакона: у первого встречаем между историческими деятелями только римские имена, у последнего римляне упоминаются весьма редко и то между духовными лицами.

Лангобардский закон оставляет, однако, для римского населения возможность некоторых средств к изменению бесправного положения. Так, купцы и откупившиеся на волю получали равные с победителями гражданские права. Браки лангобардов с римлянами, — причем римлянка возводилась в свободное состояние, — должны были значительно ослабить суровые постановления закона и способствовать к уравниванию побежденных с победителями. — Культурные преимущества, предприимчивость и трудолюбие были на стороне римского населения и, во всяком случае, давали ему средства к успешной конкуренции с лангобардами. На этом пути мог совершаться медленный процесс восстановления нарушенных завоеванием прав.

Не менее важными нужно признать военные дела Ротари. Он лучше своих предшественников понял, что лангобардам нельзя останавливаться на полдороги, что их положение в Италии далеко не прочно. Прежде всего он предпринял движение за Апеннины с целью увеличения своих владений на севере и установления более правильной границы с франкским королевством. Завоеванные на севере земли он не отдал в управление кому-либо из герцогов (как был ранее), а присоединил к королевским владениям. Точно так же он распространил свои владения по направлению к Равенне, нанеся здесь византийским войскам сильное поражение, в котором погибло 8 тыс. человек. Почти в то же время идет наступление на империю в Южной Италии из Беневента, где герцоги Радоальд и преемник его Гримоальд начали также наступательную войну против империи из Беневента. Здесь были отняты у Византии Сорренто и Салерно (646), и империя стремилась заключить с лангобардами перемирие, отказавшись от упомянутых городов.

После смерти короля Ротари в 652 г., пользуясь смутами, происшедшими в Павии из-за королевского достоинства, беневентский герцог Гримоальд убил короля Гарибальда и овладел королевским тронном в 662г. Чтобы придать вид законности своему поступку, Гримоальд женился на дочери убитого им короля. Но никто и не смел оспаривать у него власть, т. к. соединенные в одних руках земли королевства и беневентского герцогства равнялись половине всех лангобардских владений в Италии. Таким образом, во время Гримоальда положение лангобардов в завоеванной стране изменилось; на севере и на юге находившиеся под Византией города и области подверглись стеснению. Требовалась экстренная мера, чтобы спасти экзархат и зависевшие от него провинции.

В 662 г. византийский царь, вопреки воле сената и народа, преодолев множество затруднений, отправился из Константинополя на Запад. В столице осталась царица с детьми; по некоторым известиям, их задержали в качестве заложников. Брат Константа, Феодосий, постриженный по его, был убит за несколько времени перед этим. На пути в Италию император посетил Афины, где провел зиму. Весной 663 г. мы находим, однако, Константа на юге Италии занятым приготовлениями к войне. Во власти греков оставались лишь приморские города, которых лангобарды не могли брать, потому что не имели флота. Кроме Тарента, где высадился Константин, под его властью оставались Неаполь, Амальфи, Сорренто, Гаета, находившиеся в постоянной опасности быть захваченными отрядами могущественного герцога Беневента. В это время Гримоальд был на севере, в своих королевских землях, а в Беневенте оставался сын его Ромуальд. Император, действительно, захватил несколько принадлежавших лангобардам мест и приблизился к Беневенту, где ему оказано было упорное сопротивление. Получив известие о происшествиях на юге, Гримоальд поспешил на защиту своего герцогства и побудил Константа отступить от Беневента. Чтобы защитить себя от неожиданных нападений с тыла, император оставил 20-тысячный

отряд на севере от Неаполя, в Формии, и предпринял путешествие в Рим.

«Книга римских епископов» сохранила церемониал приема этого императора. «Уже у шестого камня за городом, отмечавшего мили, императора встретили папа, духовенство и представители города с крестами, знаменами и свечами. В торжественной процессии император вступил в Рим; это было в среду, 5 июля 663 г. Нужно думать, что он шел по *Via Appia* и, следовательно, через *porta Sebastiana* и далее к церкви св. Петра, как это сделал король Теодорих при своем вступлении в Рим. Затем он поселился в старом дворце цесарей. Как ни был запущен этот дворец, но он, во всяком случае, еще был возможен для обитания, ибо в нем жил дука города Рима. В следующую субботу был император в базилике *S. Maria Maggiore* и сделал ей приношение, в воскресенье ходил в торжественной процессии в храм св. Петра, где был встречен клиром и папой. Здесь папа предложил угощение, и Константин возложил на алтарь шитый золотом паллий. В следующую субботу посетил Латеран, где взял ванну, и обедал в базилике Юлия».

В день своего отбытия император слушал литургию на гробе апостола, затем простился с папой и ушел на кораблях, нагруженных добычей, в Неаполь. Но награбленными древностями не удалось воспользоваться ни ему, ни его столице. В Сиракузах, где Константин проживал последние годы своей жизни на острове Ортигии, и куда стекались значительные богатства из Южной Италии и из Африки, он был убит подкупленным рабом в бане. Впоследствии оставшиеся здесь сокровища и предметы искусства разграблены были сарацинами.

В таком виде складывались итальянские отношения к концу VII в.

Со второй половины VI века славяне уже не только нападали на Балканские владения империи и грабили их, но, проникая до Геллеспонта, Солуни (Фессалоник), южной Греции и берегов Адриатического моря, в большом числе оставались на полуострове.

О завершении иммиграции славян речь уже была. В эпоху ираклейской династии славяне упорно продвигались по полуострову и все гуще его заселяли. Солунь (Фессалоники) была окружена славянскими племенами и с трудом находила защиту против их нападений за городскими стенами.

На своих кораблях славяне спускались до Эгейского моря, нападали на византийский флот и препятствовали продовольственному снабжению столицы. Император Константин II был вынужден предпринять кампанию «против Склавинии». К этому времени относятся упоминания о миграции большого количества славян в Малую Азию и Сирию. При Юстиниане II славяне общим числом не менее 80 тысяч человек были перевезены в Оп-

сикий. Одна часть из них (около 30 000) была мобилизована императором и позже была использована в борьбе против арабов, во время которой изменила императору и перешла на сторону арабов. Из-за этого проступка оставшиеся славяне Опсикия были подвергнуты страшным избиениям. От того времени сохранилась печать славянской военной колонии в Вифинии, провинции фемы Опсикия. Начиная с VII века, вопрос о славянских поселениях в Малой Азии приобретает большое значение.

Вторая половина VII века была ознаменована также образованием на северной границе, в области нижнего Дуная, нового болгарского государства, последующая история которого будет важное значение в судьбах Византии. В это время вопрос шел еще о древних болгарях, народе гуннского (тюркского) происхождения, тесно связанного с племенем оногуров. При Константе II болгарская орда под предводительством Аспаруха (Испериха), теснимая хазарами на запад из приазовских степей, поселилась близ устья Дуная, а затем перешла на его южный берег на византийскую территорию, в современную Добруджу, где в силу известного договора, заключенного с Византией, болгары, как союзники последней, должны были охранять дунайскую границу империи от набегов других варваров. Однако, сохранял он свою силу недолго. Болгарская орда сильно беспокоила императора, и Константин IV в 679 году предпринял против болгар поход, окончившийся поражением византийского войска. Император вынужден был заключить с ними мир, обязался платить им ежегодную дань и уступил страну между Дунаем и Балканами, т. е. прежние провинции Мезию и Малую Скифию (совр. Добруджу); устья Дуная и часть побережья Черного моря отошли к болгарам. Образовавшееся таким образом и признанное императором болгарское государство явилось новым опасным соседом для империи.

Тюркские болгары, обосновавшись на Балканском полуострове и постепенно распространяя свои владения, столкнулись с плотным славянским населением тех мест. Пришлые болгары, дав славянам военную организацию и дисциплину, явились объединяющим началом для живших на полуострове в состоянии разрозненности славянских племен и образовали сильное государство, что было для византийского правительства совершенно нежелательным и что позднее вызывало неоднократно военные действия империи против болгар и славян. Славянская среда, в которую попала сравнительно со славянами немногочисленная болгарская орда Аспаруха, оказала сильное влияние на племенное изменение пришлых болгар, которые стали терять свою гуннскую (тюркскую) национальность и к середине IX века, уже в своей большей части ослабялись, сохранив древнее название болгар.

В 1899-1900 годах Русский археологический институт в Константинополе предпринял раскопки под руководством Ф. И. Успенского на предполагаемом месте древнего болгарского становища (аула). На месте древней

столицы болгарского государства Илиски (или Плискова), около современного селения Абобы в Северо-восточной Болгарии, на северо-восток от г. Шумлы (Шумен), были открыты основания ханско-княжеского болгарского дворца и окружавших его стен с башнями и воротами, основания большой церкви, надписи, предметы искусства и украшения, золотые и медные монеты, свинцовые печати и т. д. «Сделанные институтом наблюдения и раскопки на месте упомянутого лагеря (близ Шумлы) раскрыли весьма важные данные, по которым можно составить ясное представление о болгарской орде, поселившейся на Балканах, и о постепенных изменениях, которые в ней происходили под влиянием сношений с Византией». «Как показывают древнейшие памятники болгарского быта, найденные при раскопках их древней столицы, - пишет в другом месте Ф. И. Успенский, - болгары скоро подчинились культурным влияниям, идущим из Константинополя, и ханы их постепенно вводили при своем дворе обычаи и обряды византийского двора».

Персидские походы Ираклия, возвратившие империи монофизитские области, Сирию, Палестину и Египет, снова поставили вопрос об отношении византийского правительства к монофизитам. Еще во время походов Ираклий уже вступил в переговоры с монофизитскими епископами восточных провинций, чтобы путем известных догматических уступок сделать возможным церковное примирение. Последнее казалось достижимым, если православная церковь согласится признать в Иисусе Христе при двух естествах одно действование (энергию, *energeia*) или одну волю (*Jelhma*). От последнего греческого слова и самое учение о единой воле получило название монофелитства. Антиохия и Александрия в лице назначенных Ираклием патриархов - монофизитов готовы были пойти навстречу подобному примирению. Константинопольский патриарх Сергей должен был также способствовать выполнению этого плана. Но против монофелитского учения восстал живший в Александрии палестинский монах Софроний, слова которого производили большое впечатление и угрожали нарушением примирительной политики Ираклия. Папа римский Гонорий, признавая вообще опасными споры о догматических вопросах, нерешенных вселенскими соборами, тем не менее признал правильным учение о единой воле. Между тем Софроний, возведенный в сан иерусалимского патриарха и получивший таким образом возможность иметь еще более сильное и широкое влияние, в своем синодальном послании к константинопольскому епископу со всей богословской ученостью доказывал несостоятельность монофелитского учения. Видя надвигающуюся церковную смуту, Ираклий в 638 году издал составленный в христологической части патриархом Сергием указ, так называемый «экфесис» (*ekJesiV*) или «Изложение веры», который, как полагал император, мог бы примирить православных с монофизитами. Однако, эта императорская мера не достигла желаемых результатов. С одной стороны, новый папа не одобрил «экфесиса» и, защищая в Иисусе Христе две воли и два действования, признал монофелитское учение ересью, что

вносило совершенно неожиданную остроту в отношения императора к папе. С другой стороны, по самому времени опубликования «Изложение веры» уже не могло иметь того значения, на которое рассчитывал Ираклий. Главной целью императора было примирить восточные монофизитские провинции с православием. Но в 638 году, когда появился указ Ираклия, Сирия, Палестина и византийская часть Месопотамии уже не принадлежали Византии и находились во власти арабов. Оставался Египет, но и его дни были сочтены. Таким образом, монофизитский вопрос уже терял для Византии свою государственную важность, а вместе с этим терял значение и указ Ираклия; тем более, что подобные попытки религиозных компромиссов, никогда не давали удовлетворительных результатов и, конечно, не решали вопроса.

После смерти Ираклия, при Константе II, после потери Египта, перешедшего в сороковых годах VII века к арабам, император, оставаясь сторонником монофелитства, несмотря на то, что этот вопрос потерял уже свое государственное значение и расстраивал отношения с папским престолом, встал на путь попыток примирения с папой при помощи некоторых уступок в монофелитском учении. В этих целях Константин II издал в 648 году «типос» (*typov*), или «Образец веры», запрещавший всем «подданным, в православии находящимся, в непорочной христианской вере пребывающим и к католической и апостольской церкви принадлежащим, иметь впредь какие-либо споры о единой воле или едином действовании (энергии), или о двух дейстованиях и двух волях». Помимо запрещения дальнейших споров об одной или двух волях, «типос» повелевал снять выставленные в притворе храма св. Софии написанные рассуждения по данному вопросу, то есть «экфесис» Ираклия. Но это мероприятие Константа II не дало желанного церковного мира. Папа Мартин на Латеранском соборе, при участии представителей греческого духовенства, осудил «нечестивейший экфесис» (*impilssima Ecthesis*) и «злодейский типос» (*scelerosus Typus*) и объявил еретиками тех лиц, имена которых связаны были с составлением этих указов. Наиболее выдающийся богослов VII века Максим Исповедник решительно выступил против типоса и вообще против монофелитства. В восточной церкви также стало замечаться неудовольствие по поводу церковной политики императора.

Разгневанный на папу из-за Латеранского собора Константин II приказал равеннскому экзарху арестовать его и доставить в Константинополь. Папа Мартин был привезен в столицу, где суд обвинил его в стремлении поднять против императора западные области. Подвергнутый тяжелым унижениям папа был заключен в темницу, откуда через некоторое время отправлен в Херсон, обычное место ссылки для опальных лиц в византийское время. В своих письмах из Херсона папа жаловался на трудные условия тамошней жизни и просил прислать ему туда съестных припасов, особенно хлеба, ко-

торый «известен там разве по названию, а его и видом не видать». Вскоре по прибытии папа умер.

После некоторых переговоров с преемниками папы Мартина его второй преемник Виталиан примирился с императором и константинопольским патриархом. Раскол между церквями прекратился. Подобное церковное примирение с Римом имело для Византии и политическое значение, укрепляя в Италии влияние византийского императора.

Знаменитый противник монофелитства, Максим Исповедник, арестованный экзархом в Италии, был доставлен в Константинополь и, будучи по приговору суда подвергнут тяжелому увечью, страдальцем умер в далекой ссылке.

Хотя монофелитство уже потеряло, как мы знаем, государственный интерес, однако оно, даже после запрещения типоса, продолжало сеять смуту в умах населения. Тогда преемник Константа II, Константин IV, желая дать государству церковный мир, созвал в 680 году шестой Вселенский собор в Константинополе, который вынес осуждение монофелитству. Мир с Римом был восстановлен. Послание от шестого собора, отправленное папе, называло его «предстоятелем первого престола вселенской церкви, стоящим на твердом камне веры» и объявляло, что послание папы к императору излагало истинное исповедание. Таким образом, во время Константина IV византийское правительство стояло против монофизитства и монофелитства.

Религиозный мир с Римом был достигнут путем решительного отчуждения от монофизитского и монофелитского населения восточных провинций. Последнее обстоятельство способствовало дальнейшему укреплению власти арабов в этих провинциях. Сирия, Палестина и Египет окончательно обособились от Византийской империи.

Но соглашение, достигнутое с Римом на шестом Вселенском соборе, длилось не очень долго. Даже в царствование Юстиниана II, преемника Константина IV, отношения между Византией и Римом снова обострились. Желая дополнить решения пятого и шестого Вселенских соборов, Юстиниан II созвал в 691 году в Константинополе синод, собравшийся в Купольном зале. Этот собор называется Трулльским, по месту его проведения, или Пятошестым (Quinisextum), ввиду того, что он дополнил решения двух предыдущих Вселенских соборов. Этот синод сам себя провозгласил Вселенским собором. Папа Сергей отказался подписывать акты собора из-за некоторых параграфов, таких как запрещение праздновать субботу и разрешение священникам жениться. Следуя примеру Константа II, который выслал папу Мартина в Крым, Юстиниан приказал арестовать Сергия и доставить его в Константинополь. Однако итальянская армия защитила папу от импе-

раторского посланника, который не поплатился жизнью только благодаря вмешательству папы.

Во время второго царствования Юстиниана II (705-711) папа Константин посетил по приглашению императора Константинополь. Это был последний папа, приглашенный в столицу Византийской империи. Юстиниан принимал его с высшим почетом, самолично, как утверждает биограф папы, пал ниц перед папой с императорской короной на голове и целовал его ноги. Юстиниан и папа достигли компромисса, однако точной информации об этом нет. Папа Константин, как утверждает немецкий церковный историк Гефеле, последовал пути «золотой середины», которого придерживался впоследствии папа Иоанн VIII (872-882), заявляя, что «он готов принять все те каноны, которые не противоречат истинной вере, добрым нравам и декретам Рима». Папа Константин вернулся в Рим в безопасности и народ приветствовал его с большой радостью. Церковный мир казался наконец установленным внутри сильно сократившихся границ империи.

Лекция 28

Литература, просвещение и искусства в VII - VIII вв.

План:

1. Тяжелое состояние культурной жизни империи в данный период.
2. Поэт: Георгий Писидийский.
3. Хронисты: Иоанн Антиохийский и анонимный автор Пасхальной Хроники.
4. Св. Максим Исповедник. Его влияние на западное богословие.
5. Агиографы: свт. Софроний Иерусалимский и Леонтий, епископ Неаполя Кипрского.
6. Церковная гимнография: св. Андрей Критский.
7. Архитектура.

Для литературы и искусства период с 610 по 717 год является самой темной эпохой за все время существования империи. После многогранной деятельности предшествующей эпохи, творческая, созидательная деятель-

ность кажется умершей полностью. Основной причиной творческого застоя этого периода являлись, прежде всего, политические условия существования империи, которая вынуждена была направлять все силы на защиту от внешних врагов. Персидское и позже арабское завоевание культурно развитых и продуктивных в интеллектуальном отношении восточных провинций - Сирии, Палестины, Египта и Северной Африки, арабская угроза Малой Азии и даже самой столице, аваро-славянская угроза Балканскому полуострову - все это создавало практически невозможные условия для любой интеллектуальной и художественной жизни. Неблагоприятные условия преобладали не только в провинциях, отторгнутых от империи, но и в тех, что продолжали являться ее частью.

За все это время Византийская империя не имела ни одного историка. Только дьякон Св. Софии Георгий Писидийский (Писиды - провинция в Малой Азии), живший при Ираклии, описал в стихах военные походы Ираклия против персов и авар. Он оставил три исторических сочинения: 1) «Об экспедиции императора Ираклия против персов»; 2) «О нападении авар на Константинополь в 626 году и их поражении в результате вмешательства Богородицы»; 3) «Ираклиада» - панегирик императору по случаю окончательной победы над персами. Среди других сочинений полемического и теологического характера можно выделить «Гексамерон» («Шестоднев») - философско-теологическую дидактическую поэму по поводу сотворения мира с намеками на современные автору события. Это сочинение распространилось за пределы Византийской империи. Русский перевод был сделан уже в XIV веке. Поэтический гений Георгия Писиды был оценен и в последующие века. А в XI веке ученого и философа Михаила Пселла даже попросили решить вопрос – «Кто был лучшим стихо-писателем - Еврипид или Георгий Писида?» Георгий Писида - лучший византийский светский поэт.

Среди хронистов были Иоанн Антиохийский и анонимный автор Пасхальной Хроники. Иоанн Антиохийский, живший, вероятно, во времена Ираклия, писал всемирную хронику от Адама до смерти императора Фоки в 610 г. К сожалению, сочинение дошло до наших дней только во фрагментах, из-за чего среди ученых были долгие дискуссии об идентификации автора. Иногда его даже идентифицировали с Иоанном Малалой, который также был родом из сирийской Антиохии. Но, как показывают сохранившиеся фрагменты, сочинение Иоанна Антиохийского значительно превосходило труд Малалы, так как оно не рассматривает всемирную историю с узкой точки зрения уроженца Антиохии, а имеет, поэтому более широкий взгляд на историю. Автор демонстрирует также более искусное использование источников, относящихся к ранним периодам. Также во времена Ираклия неизвестный священнослужитель составил так называемую Пасхальную хронику, которая хотя и представляет из себя не более чем перечисление событий от Адама до 629 года, содержит некоторое количество интересных

исторических замечаний. Основное значение этого компилятивного труда заключается в определении использованных источников, а также в той части, которая посвящена современным автору событиям.

В области теологии монофелитские споры VII века, как монофизитские споры предшествующих времен, обеспечили подъем весьма разнообразной литературы, которая не очень хорошо сохранилась, осужденная соборами VII века и предназначенная судьбой к ранней гибели, подобным образом, как это происходило с монофизитскими писаниями. Об этой литературе можно судить почти исключительно на основании актов шестого Вселенского собора и на основании сочинений Максима Исповедника, который цитировал фрагменты не дошедших до нас сочинений в процессе их опровержения.

Максим Исповедник был одним из наиболее значительных византийских теологов. Будучи современником Ираклия и Константа II, он являлся убежденным сторонником православия в течение периода монофелитских споров VII века. За свои убеждения он был посажен в тюрьму и, после многочисленных попыток, сослан в далекую кавказскую провинцию Лазику, где он оставался до конца своих дней. В своих сочинениях, посвященных полемике, экзегезе Писаний, аскетизму, мистицизму и литургике, он отразил в основном влияние трех знаменитых отцов церкви - Афанасия Великого, Григория Назианзина и Георгия Нисского, - а также мистические взгляды Дионисия Ареопагита, широко распространенные в Средние века. Сочинения Максима имели большое значение для развития византийского мистицизма. «Сочетанием сухого спекулятивного мистицизма Дионисия Ареопагита, - писал С. Л. Епифанович. (Святой Максим Исповедник и византийское богословие. Киев, 1915, с. 137), - с живыми этическими проблемами созерцательного аскетизма блаженный Максим создал живой тип византийского мистицизма, который проявлялся в многочисленных трудах последующих аскетов. Он, следовательно, может считаться основателем византийского мистицизма в полном смысле слова». К сожалению, Максим не оставил систематического изложения своих взглядов и их нужно выводить из его многочисленных писаний. Помимо его теологических и мистических сочинений, Максим оставил большое количество интересных писем.

Влияние и значение сочинений Максима касалось не только Востока. Они нашли свой путь на Запад и позднее нашли свое отражение в сочинениях Иоанна Скота Эриугены, который также очень интересовался сочинениями Дионисия Ареопагита, и позже утверждал, что он достиг понимания «темнейших» идей Дионисия только благодаря «чудесной манере», в которой они были объяснены Максимом, которого Эриугена называет «божественным философом», «наимудрейшим», «самым выдающимся из настав-

ников» и т. д. Амбигву Максима (сочинение по поводу Григория Богослова) Эриугена перевел на латинский.

Младший современник Максима, Анастасий Синаит излагал свои собственные полемические, экзегетические и литературные взгляды в стиле, подобном Максиму, проявляя, однако, гораздо меньше способностей.

В области агиографии можно отметить патриарха Иерусалимского Софрония, который пережил арабскую осаду Святого Города и написал обширное повествование о мученичестве и чудесах святых Кира и Иоанна. Это сочинение содержит много информации по географии и истории нравов и обычаев. Еще более интересны писания Леонтия, епископа Неаполя Кипрского, который также жил в VII веке. Он был автором многих житий, среди которых «Житие Иоанна Милостивого», патриарха Александрии в VII веке, особенно ценно для истории социальной и экономической жизни данного периода. Леонтий Неаполитанский существенно отличается от большинства агиографов тем, что он писал для народа. Его язык находится под сильным влиянием разговорного народного языка.

В области церковной гимнографии VII век представлен Андреем Критским, уроженцем Дамаска, который провел большую часть своей жизни в Сирии и Палестине, после того как они попали под власть арабов. Позже он был назначен архиепископом Крита. Как автор гимнов, он знаменит в основном своим Великим канонам, который и теперь читается в православной церкви во время Великого поста. Некоторые части канона показывают влияние Романа Сладкопевца. В каноне повторены основные события Ветхого Завета, начиная с грехопадения Адама, а также слова и деяния Спасителя.

Этот краткий обзор литературных событий темных и трудных лет времени династии Ираклия показывает, что большая часть узкого круга византийских писателей этого времени происходила из восточных провинций, некоторые из которых были уже под властью мусульманских завоевателей.

Ввиду внешних событий времени династии Ираклия, единственные памятники византийского искусства VII века сохранились за пределами собственно империи. Это незначительное количество памятников, которое сохранилось, говорит о солидной основе для художественной жизни Византии, заложенной в «Золотой век» Юстиниана Великого. Если, начиная со второй половины VI века, византийское искусство лишь слегка проявляет себя в пределах империи, в VII веке это влияние очень четко видно за ее пределами. Известное количество датируемых церквей в Армении представляет блистательные примеры византийского влияния. Среди них собор в Эчмиадзине, восстановленный между 611 и 628 годами, и церковь цитадели в Ани (622). Мечеть Омара в Иерусалиме, построенная в 687-690 го-

дах, является чисто византийским произведением. Некоторые фрески Санта Мариа Антика в Риме относятся к VII веку и началу VIII.

Период четвертый.

Эпоха иконоборчества (717 - 867).

Лекция 29.

Характеристика периода.

Почти все VIII столетие и первая половина IX характеризуются общим термином «иконоборческого периода». Этот период не только носит во главе имя Льва Исавра, но и тесно связан с этим именем главными течениями, берущими начало в царствование этого император; и теми реформами в законодательстве, которые падают на его время, включая военное дело и гражданские отношения земледельческого класса. Этот период носит наименование иконоборческого не потому, однако, что вопросом о почитании или не почитании икон исчерпывались все интересы, но потому, что умственная, нравственная и политическая жизнь общества в это время зависела от иконопочитания и направлялась стоявшими в борьбе партиями почитателей икон и противников почитания икон (иконокласты - иконоборцы).

Кроме почитания икон, иконоборческим движением были затронуты самые существенные вопросы христианского вероучения; о воплощении Бога-Слова, о Богородице, а также подвергались изменению обряды и формы богослужения. Также иконоборческий период нанес большой удар монастырям и монастырскому роду жизни, возбуждав сомнение в правильности и целесообразности монашеского подвига. Так как множество здоровых и могущих приносить пользу обществу людей оставляет гражданские обязанности и идет в монастыри. На монастыри затрачивается значительная часть труда, и что монастырям и богоугодным учреждениям принадлежала чуть ли не треть всей государственной земли. Из этого видно, что иконоборческий период является периодом реформ, глубоких и разнообразных перемен во всех условиях религиозной, гражданской и политической жизни Византийского государства и потому заслуживает особенного внимания.

Иконоборческая эпоха задела за живое самые чувствительные струны человеческого существа; тогда люди боролись не на живот, а на смерть из-

за отвлеченного принципа, живо интересуясь ходом религиозной борьбы и жертвуя для торжества идеи самыми дорогими интересами. Как выше сказано, иконоборческие цари не только боролись против поклонения иконам, но выступали с реформами, и в этом состоит основной факт, по которому иконоборческой эпохе принадлежит глубоко важное значение в истории Византии.

Так же этнографическая основа, к началу этого периода получает разнообразные примеси от иммиграции новых элементов. Повторились, правда в меньшем объеме, те явления, какие имели место в эпоху переселения народов и которые вызвали падение Западной империи.

В течение VII в. славянами окончательно была занята значительная часть Балканского полуострова, что не могло не придать совершенно нового характера дальнейшему развитию истории стран, заселенных новыми обитателями. В желании обезопасить себя со стороны Балканского полуострова и ослабить волны движения славян, византийское правительство принимает ряд мер к заселению ими Малой Азии; с этой целью практиковалась система правительственной колонизации славянами тех областей, которым угрожало арабское завоевание. Но эта мера, в свою очередь, создавала ряд непредвиденных затруднений на Востоке. Существенным мотивом, который объясняет судебную реформу и земледельческий закон исаврийских царей, должны быть признаны славянская иммиграция и колонизация византийских областей новыми подданными. Исаврийские цари должны были посредством нового законодательства, частью опиравшегося на обычное право славян, определить условия жизни мелкого земледельческого класса и согласовать его гражданское положение с существовавшими в империи законами.

В такой же мере административная и законодательная деятельность Льва зависела от славянской колонизации Балканского полуострова и некоторых частей Малой Азии, как его религиозная политика была обусловлена и частью подготовлена мусульманскими завоеваниями и влиянием магометанства. Ислам вырос на почве исторических и культурных условий, какие представляли в то время две империи на Востоке: Персия и Византия. Отторгнув от Византийской империи Сирию, Палестину, Египет, Африку и некоторые острова, мусульманство своими военными успехами ограничило пределы империи, лишило ее большинства инородческих элементов и содействовало большему синтезу родственных этнографических групп. Хотя византийское православие с отпадением названных выше областей утратило в своем объеме, но взамен оно выиграло в цельности и крепости. Реакционные элементы на перифериях группируются в усилившихся религиозных сектах; православное же византийское царство, опираясь на эллинское национальное начало, приобретает характер исключительности, с ко-

торым Византия вступает в средние века.

Другие признаки, характеризующие период. Византийский престол был занимаем в это время двумя инородческими династиями; исаврийской и армянской. Обе династии, явившие ряд весьма способных и даровитых правителей, старались придать эллинизму то место в империи, какое ему принадлежало по праву, причем иконоборческая система служила обычным орудием административного и законодательного воздействия. В провинциях возникают попытки к организации независимых княжений. Среди узурпаторов выделяются смелостью и талантливостью самозванцы славянского происхождения.

Лекция 30.

План:

1. Исаврийская или Сирийская династия (717- 802). Вопрос происхождения Льва III.
2. Отражение арабского нашествия императором Львом III Исавром.

До недавнего времени император Лев III (717-741), основатель новой династии, во всех исторических трудах назывался исаврийцем, а потомки его именовались исаврийской династией. Однако, в конце XIX века было выдвинуто мнение, что Лев был не исавром по рождению, но сирийцем. В настоящее время эта точка зрения принимается некоторыми исследователями, но отвергается другими. Путаница в этом вопросе может быть прослежена до Феофана-хрониста начала IX века, автор основной информации о происхождении Льва. Он пишет: «Лев Исавриец... происходил из Германикеи, на самом же деле из Исаврии». Латинский же перевод Феофана, сделанный папским библиотекарем Анастасием во второй половине того же IX века, сообщает, не упоминая ни словом об Исаврии, что Лев происходил из жителей Германикеи и был родом сириец (*genere Syrus*). Житие Стефана Нового также называет Льва «родом сириец» (*o surogenhV*). Германикея, действительно, находилась в пределах северной Сирии, на восток от Киликии. Арабский источник также называет Льва «христианским жителем Марата», т. е. Германикеи, умевшим правильно говорить по-арабски и по-ромейски. Поэтому нет нужды предполагать, будто Феофан смешал сирийскую Германикею с Германикополем, входившим в состав провинции Исаврии. Сирийское происхождение Льва, таким образом, становится очень вероятным.

Сын Льва III, Константин V Копроним (741-775), в первый раз был женат на Ирине, дочери хазарского кагана. От этого брака у них был сын Лев IV, часто называемый Хазар (775-780), который был женат на гречанке из Афин Ирине. Последняя, после смерти мужа, стала править государством за несовершеннолетием сына Константина VI, провозглашенного императором (780-797). Когда последний сделался единодержавным правителем, между ним и властолюбивой Ириной вспыхнула вражда и борьба за власть, окончившаяся тем, что мать свергла с престола и ослепила своего сына и сама сделалась единодержавной правительницей империи (797-802). С именем Ирины связывается вопрос о том, могут ли женщины в Византии осуществлять самодержавную власть, т. е. быть в полном смысле этого слова государем империи. С основания империи жены императоров носили титул «августы» и во время несовершеннолетия сыновей осуществляли императорскую власть, но всегда от имени своих сыновей. В V веке, как известно, Пульхерия, сестра Феодосия II, стояла во главе регентства во время несовершеннолетия брата. Исключительное положение по своему политическому влиянию занимала в VI веке Феодора, супруга Юстиниана Великого. Но это были примеры женского управления от имени сына или брата; политическое влияние Феодоры вполне зависело от воли ее супруга. Первым в истории Византии примером женщины, правившей со всей полнотой верховной власти, была мать несчастного Константина VI Ирина. Она была настоящим автократом. Подобное явление было новшеством в византийской жизни, противоречившим вековой традиции империи. С этой стороны любопытно отметить тот факт, что в официальных документах Ирина называлась не императрицей, а «Ирина - верный император» (василевс). В представлении того времени законодательствовать мог лишь император-мужчина, для чего и была принята такая фикция. переворот 802 года, во главе которого встал будущий император, один из высших гражданских сановников Никифор, сверг с престола Ирину, которая вскоре умерла в изгнании. С низложением Ирины окончилась Исаврийская, или Сирийская, династия. Таким образом, в период времени с 717 по 802 год Византия имела на престоле династию восточного происхождения, из Малой Азии или северной Сирии с примесью хазарской крови в лице супруги Константина V.

События восшествия на престол Льва, зафиксированные в летописи Феофана, ставят его в близкие отношения с арабскими вождями Сулейманом и Мослемой, которые вступили уже на византийскую территорию и готовили согласованное нападение на Константинополь. Если бы высшая военная власть не попала благовременно в такие искусные руки, то, конечно, империя не могла бы устоять против напора арабов. Так как против Византии стоял теперь враг, далеко превосходивший Восточную империю по силе и военным средствам. Существенная опасность была в самонадеянности арабов, в том настроении всего мусульманства, что для правоверных нет более такого врага, с которым можно было бы серьезно считаться, и что, следовательно, нет более непреодолимых препятствий к распростра-

нению ислама. Халиф Сулейман посылал в Европу своего брата, дав ему лучшую армию, какую когда-либо выставляли арабы. Заранее уверенный в успехе своего предприятия, он дал обещание лично прибыть на театр военных действий, если того потребуют обстоятельства. Предварительные сношения Мослеме со стратигом фемы Анатолики имели целью установление соглашения, где бы учитывались интересы Льва и арабов.

После отступления от Амория Мослема захватил Пергам, подступил к Абидосу, где вошел в сношения с арабским флотом, состоявшим из 1800 кораблей, и переправил сухопутное войско на европейскую сторону Еллиспонта, в провинцию Фракию. Заняв некоторые фракийские города, он прошел берегом Мраморного моря до столицы, куда прибыл 15 августа, чтобы начать осаду Константинополя с суши и с моря. Вокруг сухопутных стен он приказал вырыть ров и сделать высокий вал, поверх которого вывел каменное ограждение. К первому сентября прибыл флот из больших военных кораблей, который должен был отрезать столицу от сношений с европейскими и азиатскими провинциями, а главное, пресечь сношения с Черным морем и с черноморскими городами Херсонесом и Трапезундом.

Осада Константинополя продолжалась целый год. Почему все усилия арабов оказались безуспешными, и они потерпели под Константинополем громадные потери? Прежде всего, по воззрению историка Феофана, Лев Исавр одержал над арабским вождем большую дипломатическую победу. Он затягивал дело переговорами и личными объяснениями, желая выиграть время. От венчания на царство в марте 717 г. прошло 5 месяцев до обложения столицы врагами. Этим временем и воспользовался, сколько мог, новый царь для защиты. Правда, сухопутные и морские стены находились в хорошем состоянии; для флота была защищенная стоянка в Золотом Роге. Необходимые запасы были заготовлены своевременной доставкой их в казенные магазины. Кроме того, было заключено соглашение с болгарам, чтобы они тревожили своими нападениями арабский стан. Обыкновенно приписывают заслугу в этом отношении Льву, но, конечно, часть следует приписать его предшественнику Анастасию. У греков было преимущество искусства и техники: они умело воспользовались теми средствами, какие были в их распоряжении.

Главную роль должен был играть флот. Он был разделен на две части в видах более тесного обложения: одна часть поставлена была у азиатского берега между Халкидоном и нынешней Модой, другая расположена у европейского берега от Галаты по Босфору. «Благочестивый царь», как случайно назван царь Лев, выждал время, когда течением из Босфора и ветром большие военные суда выведены были из надлежащего положения, направил на неприятельский флот свои суда с страшным «морским» огнем и произвел в нем громадные опустошения: «Одни суда, объятые огнем, отнесены к городским стенам, другие утонули в глубине; наконец, некоторые

отнесены были к островам Оксии и Платин». Неприятели, хотя и сильно пострадавшие от действия огня, решились немедленно поправить дело и отомстить за поражение. Сулейман посадил на суда отборных воинов в полном вооружении и, приблизившись к стенам города, сделал попытку взять стены с моря. Но и это оказалось безуспешным, т. к. константинопольский гарнизон не допустил арабов к стенам и снова нанес им поражение своим огнем. Хотя царь приказал снять цепь, которая запирала вход в Золотой Рог, но неприятель не посмел воспользоваться этим, боясь ловушки, а отступил в Босфор, к Стенни.

Между тем умер халиф Сулейман, не успев ни послать нужных подкреплений, ни дать распоряжений относительно продолжения войны. По принятым мусульманами обычаям в прежнее время, военные действия против Константинополя продолжались только весной и летом, а на зиму флот уходил в более безопасное место. На этот раз осада продолжалась без перерыва и принесла арабам много разочарований. Сухопутное войско стояло лагерем под стенами города. За расстройством флота надежды арабов могли еще основываться на действиях с суши. Но до глубокой осени не слышно ни об одном серьезном деле с этой стороны: в инженерном искусстве и в защитительных сооружениях византийцы были учителями средневековых народов и не позволили арабам придвинуться к стенам города. Но главное бедствие для арабов был климат. Зима оказалась необычайно суровой, окрестности Константинополя в продолжение трех с лишним месяцев были покрыты обледенелым покровом, так что в лагере Мослемы погибла от бескормицы большая часть верблюдов и лошадей, а равно и воины, привыкшие к теплым зимам родины, не вынесли суровости фракийских холодов. В этом была причина крушения всего мусульманского предприятия против Царьграда.

Весной прибыли две новые эскадры с подкреплениями: одна из Александрии в 400 судов, она стала якорем в Босфоре; другая из 360 судов шла из Африки с военными запасами и продовольствием остановилась, не доходя до Константинополя из опасения греческого огня, в гаванях Вифинии. Между тем, арабские моряки, набранные из египетских христиан, ввиду сомнительного исхода войны решились бежать на сторону христиан и ночью прибыли в Константинополь и сообщили императору точные сведения о двух эскадрах: «От дворца Иерии до города море покрыто судами». Эти сведения побудили императора принять немедленное решение — «послать против неприятельского флота огненосные корабли с сифонами». «Нападение сопровождалось полным успехом: одни корабли сделались жертвой пламени, другие посажены на мель, иные захвачены в плен. Взяв добычу и запасы, наши с радостью возвратились», — говорит Феофан.

Сухопутная армия старалась еще держаться во Фракии. Но ей пришлось бороться с недостатком съестных припасов и фуража для скота.

Высылаемые отряды для отыскания продовольствия один за другим были отрезываемы и не привозили ожидаемых припасов. В этом большую услугу Византии оказали болгары, погубившие значительное число врагов. В лагере стали обнаруживаться голод и болезни, погубившие огромное число воинов.

Все выше указанное поднимало дух населения в столице и ее окрестностях. Из города стали делать вылазки на судах; море очистилось до такой степени, что рыбацкие лодки появились у островов и городских стен, и никто не препятствовал им ловить рыбу. В Малой Азии на выручку арабам шел отряд под начальством Мордасаха. Но, когда этот отряд был поблизости от Никеи и Никомидии, царские мужи, скрываясь в засадах с военными людьми, партизанскими вылазками не допустили его до соединения с армией Мослемы и заставили бежать. Предводитель мусульманского войска снял осаду и начал отступление.

После страшной бури при выходе из Дарданелл, и после потерь в Архипелаге возвратилось к берегам Сирии только пять судов. Остатки сухопутной армии высадились в одной из гаваней Мраморного моря и возвратилась в Дамаск сухим путем: но она потеряла под Константинополем более 100 тыс. и возвратилась в весьма жалкое состоянии.

Войны с арабами, составлявшие главную и наиболее трудную задачу царствования Льва недостаточно освещены за недостатком источников. Тем интересен сохранившийся в Никее памятник, говорящий о мусульманском походе. Это надпись на мраморной плите, вделанной в стену, состоящая из 5 строк и сохранившая память о событии, о котором в современной летописи имеем краткое указание. Надпись свидетельствует о том, что на этом месте при помощи Божией посрамлена дерзость врагов, и что христоролюбивые цари Лев и Константин в память своей победы воздвигли эту башню. По всей вероятности, упоминаемый в надписи факт относится к 726/27 г., и о нем у летописца Феофана, говорящего о нападении арабов на Никею, присоединено, что арабы разрушили в некоторых частях стены города и едва не взяли храма в честь отцов первого Вселенского собора, в котором изображены честные лики их. Сопоставляя данные надписи и летописи, можно заключить, что храм в память первого Вселенского собора находился близ той башни, на которой сохранилась указанная выше надпись.

Льву удалось в первые годы правления и отразить нападение внешнего врага, сделав его на все последующее время далеко не столь опасным для империи, и утвердить на престоле Византии династию Исавров успешным подавлением двух мятежей.

Лекция 31.

План:

1. Периоды иконоборчества.
2. Причины гонений на иконы.
3. Иконоборческий эдикт Льва Исавра.
4. Иконоборчество в царствование Константина V Копронима.
 - a. Собор 754 года и его последствия.
5. Правление Льва IV Хазара и его отношение к иконам.
6. Императрица Ирина и VII Вселенский собор.

История иконоборческого движения делится на два периода: первый период продолжался с 726 по 780 год и официально закончился седьмым Вселенским собором 787 года; второй период продолжался с 813 по 843 год и закончился так называемым Восстановлением Православия.

Изучение иконоборческой эпохи представляет очень большие затруднения из-за состояния источников. Все сочинения иконоборцев, акты императоров, деяния иконоборческих соборов 753-754 и 815 годов, богословские иконоборческие трактаты и т. д., были уничтожены после Восстановления Православия. Остатки иконоборческой литературы известны нам из отрывков православных полемистов. Определения иконоборческого собора 753-754 гг., например, сохранились в деяниях седьмого Вселенского собора. Определения собора 815 года сравнительно недавно были открыты в одном из трактатов патриарха Никифора. Особенно важное значение в этом смысле имеют три знаменитых «Слова против порицающих святыне иконы» преподобного Иоанна Дамаскина, современника двух первых императоров-иконоборцев. Таким образом, дошедшие до нас источники об иконоборстве имеют предвзятый к иконоборцам характер, вследствие чего и значение этого периода оценивалось учеными по-разному и нередко неправильно.

Прежде всего, поднимался вопрос о причинах на первый взгляд совсем понятного для VII-VIII веков движения против икон, продолжавшегося с некоторым промежутком более ста лет и имевшего для империи очень

серьезные последствия. Одни исследователи видели в политике императоров-иконоборцев религиозные причины, другие - причины политические. Но об этом мы говорили более подробно в курсе ОЦИ (1 год обучения) в связи с VII Вселенским собором.

Очевидно, что иконоборческое движение было очень сложным явлением и, к сожалению, состояние источников до сих пор препятствует его прояснению. А.А. Васильев замечает: «Прежде всего интересно отметить, что все императоры-иконоборцы были родом с Востока: Лев III и его династия были исаврийцами или, может быть, сирийцами; возобновителями иконоборства в IX веке были Лев V из армян и, наконец, Михаил II и его сын Феофил, родом из Фригии, т. е. одной из внутренних областей Малой Азии. Если же мы обратимся к восстановителям иконопочитания, то увидим следующее: во-первых, оба раза восстанавливали иконопочитание женщины, Ирина и Феодора; во-вторых, родом они были: Ирина - гречанка из Афин, Феодора - из Пафлагонии, малоазиатской области на берегу Черного моря, рядом с Вифинией, недалеко от столицы, - одним словом, не внутри полуострова. Указанная особенность в происхождении иконоборческих государей не может быть объяснена случайностью, и их восточное происхождение поможет лучше понять как их роль в движении, так и саму суть последнего. Восстановительницы же иконопочитания были родом из других областей».

Между тем, икона в Византии проникла во все стороны церковной жизни. Иконами с изображениями Иисуса Христа, Богородицы, святых и различных сцен из Ветхого и Нового Заветов обильно украшались храмы. Изображения в церквях представляли собой мозаику, фреску или резьбу на слоновой кости, дереве или бронзе, т. е. были живописные иконы и иконы-статуи. Небольшие изображения воспроизводились в рукописях (миниатюры). Особенно почитались нерукотворные иконы. Икона проникает в домашнюю жизнь: иногда иконы святых выбирались в качестве восприемников детей; вытканые изображения святых украшали парадное одеяние византийской аристократии. Есть, например, известие, что на тоге одного сенатора была выткана история всей жизни Иисуса Христа.

Люди, воздававшие поклонение иконам, иногда понимали это поклонение слишком реально, т. е. чтили своим поклонением не то лицо, которое было изображено на иконе, а саму икону, сам материал, из которого она была сделана. Последнее являлось большим соблазном для многих из верующих, видевших в этом сходство с язычеством.

Наряду с этим, по словам Н. П. Кондакова, «в столице наблюдается характерное размножение монастырей, монашеских общин, всякого рода обителей, которых число к концу VIII века (может быть, правильнее к VIII веку) возрастает в небывалой пропорции». По мнению проф. И. Д. Андрее-

ва, в иконоборческий период в Византии число монахов можно без преувеличения определить в 100 000 человек.

Если поклонение иконам, чудотворным и обыкновенным, и мощам могло смущать многих людей, то чрезмерное развитие монашества и великое умножение монастырей задевали уже чисто светские, государственные интересы. Благодаря неумеренному поступлению в монахи и уходу в монастыри молодых и здоровых людей, империя лишалась необходимых сил для войска, земледелия, промышленности и т. д.; одним словом, монашество и монастыри делались очень часто прибежищами для лиц, желавших избавиться от государственных обязанностей и вовсе не имевших искреннего стремления уйти от мира. Кроме того, богатые земельные угодья и другие имущества, отходившие к монастырям, были освобождены от государственных налогов и этим самым наносили ощутимый ущерб казне. Таким образом, в церковной жизни империи в VIII веке можно различать две стороны: религиозную и светскую.

Императоры-иконоборцы, будучи родом с Востока, были хорошо знакомы с существовавшими там религиозными взглядами; они на этих взглядах выросли; они с ними сроднились и, сделавшись императорами, перенесли их в столицу, чтобы положить в основание своей церковной политики. Императоры-иконоборцы не были ни неверующими, ни рационалистами, как о них говорили раньше. Наоборот, они были искренно и убежденно верующими и хотели очистить религию от тех искажений, которые с течением времени проникли в нее и отдалили от первоначального истинного направления. С их точки зрения, поклонение иконам и почитание мощей являлось остатками язычества, которые во что бы то ни стало необходимо было уничтожить для возвращения христианской религии к первоначальному образцу. «Я император и священник» - писал Лев III папе Григорию II. Исходя из этого положения, Лев III, будучи провозглашен императором, считал себя вправе сделать свои религиозные взгляды обязательными для подданных империи.

Первые девять лет правления Льва, посвященные им отражению внешних врагов и укреплению трона, не были ознаменованы какими-либо мерами относительно икон. Церковная деятельность императора в этот период выразилась в его требовании евреям и монтанистам принять крещение.

Лишь на десятый год своего правления, т. е. в 726 году, император, по словам хрониста Феофана, «начал вести речь об уничтожении святых и досточтимых икон». Большинство современных историков говорили об эдикте Льва III против икон, изданном им в 726 году или в 725 году. К сожалению, текст этого декрета неизвестен. Вскоре после издания эдикта он приказал уничтожить очень почитаемую икону - статую Христа, стоявшую

над одной из дверей Халки - так назывался великолепный вход в императорский дворец. Уничтожение иконы вызвало возмущение, в котором главное участие приняли женщины. Посланец императора, которому было введено уничтожить икону, был убит, за что защитники иконы Спасителя понесли тяжелые наказания. Это были первые мученики иконопочитания. О каких-либо других фактах преследования икон сведений нет.

Враждебное к иконам настроение Льва вызвало серьезное противодействие. Константинопольский патриарх Герман и римский папа Григорий II высказались решительно против предполагаемой политики императора. В Греции и на островах Эгейского моря вспыхнуло восстание во имя защиты икон, подавленное, правда, войсками Льва. Все это не давало ему возможности выступить с более решительными мерами.

Наконец, только в 730 году император созвал род собора, на котором был составлен эдикт против икон. Весьма вероятно, что этот собор не издавал нового эдикта, а скорее восстановил декрет 725 или 726 года. Не соглашавшийся подписать его патриарх Герман был низложен и был вынужден удалиться в свое поместье, где мирно и окончил жизнь. Вместо него патриархом сделался Анастасий, который подписал эдикт. Это был первый эдикт против икон, изданный не только от имени императора, но и скрепленный подписью патриарха, т. е. как бы изданный также от имени церкви, что было очень важно для Льва.

Но и после издания этого эдикта, т. е. за последние одиннадцать лет правления Льва, источники молчат о преследовании икон; по-видимому, последнего не было на самом деле. Во всяком случае, о каком-либо систематическом гонении на иконы при Льве III не может быть и речи. Самое большее, что можно предположить, это отдельные факты преследования икон.

Враждебная иконам политика Льва III нашла отповедь в трех знаменитых защитительных словах против порицающих иконы Иоанна Дамаскина, жившего тогда в пределах арабского халифата. Два из этих слов были написаны, наверное, при Льве III; время написания третьего более или менее точному определению не поддается.

О противодействии взглядам Льва со стороны папы Григория II было упомянуто выше. Преемник его, Григорий III, последний папа, утвержденный византийским императором, созвал в Риме собор и предал отлучению иконоборцев. После этого Средняя Италия ушла из-под влияния Византии и вошла окончательно в область интересов папских и западноевропейских. Южная Италия осталась за Византией.

Совершенно иной была картина в царствование Константина V Копронима (741-775), преемника Льва III. Воспитанный своим отцом, Константин проводил вполне определенную иконоборческую политику и в последние годы своего царствования начал преследование монастырей и монахов. Ни один из иконоборческих императоров не подвергался в сочинениях иконопочитателей таким поношениям как этот «многоголовый дракон», «жестокий преследователь монашеского чина», «этот Ахав и Ирод».

В момент вступления Константина на престол положение империи было таково, что ее европейские провинции придерживались иконопочитания, малоазиатские же имели в составе населения немало иконоборцев. Первые два года правления Константина прошли в борьбе его со своим зятем Артаваздом, который поднял восстание против императора в защиту икон, принудил его покинуть столицу и заставил провозгласить себя императором. В течение года, когда Артавазд правил государством, иконопочитание было восстановлено. Однако, Константину удалось свергнуть Артавазда и вернуть себе трон. Главные виновники восстания понесли жестокие кары. Попытка Артавазда, показавшая Константину возможность при создании соответствующих условий без труда восстановить иконопочитание, заставила последнего принять решительные меры и твердо укрепить в народном сознании правоту иконоборческих взглядов.

Константин решил для этого созвать собор, который должен был бы обосновать иконоборческую политику, одобрить ее и этим самым создать в народе убеждение в правильности императорских мероприятий. Собор, на который съехалось более трехсот епископов, состоялся во дворце Иерии, на азиатском берегу Босфора, против Константинополя, в 754 году. Однако патриархи на соборе отсутствовали: константинопольская кафедра была в то время вакантна; Антиохия, Иерусалим и Александрия отказались принять участие в соборе; папские легаты также на соборе не появлялись. Впоследствии это обстоятельство явилось в глазах противников собора основанием для признания недействительными его решений. Через несколько месяцев собор был переведен в Константинополь, где и был избран новый патриарх.

Определение собора 753-754 года, сохранившееся в деяниях седьмого Вселенского собора, вынесло окончательный приговор иконопочитанию, который гласит, что «всякая икона, сделанная из какого угодно вещества, а равно и писанная красками при помощи нечестивого искусства живописцев, должна быть извергаема из христианских церквей; она чужда им и заслуживает презрения. Да не дерзнет никакой человек заниматься таким нечестивым и неблагоприличным делом. Если же кто-либо с этого времени дерзнет устроить икону, или поклоняться ей, или поставить ее в церкви, или в собственном доме, или же скрывать ее, такой, если это будет епископ или пресвитер, или диакон, то да будет низложен, а если монах или мирянин, то да

будет предан анафеме, и да будет он виновен и перед императорскими законами, так как он противник Божиих распоряжений и враг отеческих догматов». Из этого определения, помимо его общего значения для икон, важно отметить, что лица, виновные в иконопочитании, подлежат императорским законам, т. е. светской власти, чем впоследствии участники седьмого Вселенского собора и будут объяснять факты необыкновенного насилия, проявленного некоторыми императорами в отношении церкви и монахов. Анафема провозглашалась тому, кто «старается представить посредством вещественных красок свойства Бога-Слова... и лики святых, не приносящие никакой пользы, потому что это глупая затея и изобретение дьявольского коварства». В конце определения собор возгласил: «Новому Константину и благочестивейшему императору многая лета!.. Благочестивейшей и августейшей (императрице) многая лета!.. Вы утвердили догматы святых шести Вселенских соборов. Вы уничтожили идолослужение...» Анафеме были преданы патриарх Герман, «почитатель дерева», и Мансур, т. е. Иоанн Дамаскин, «мыслящий по-сарацински, злоумышляющий против империи, учитель нечестия, превратно толковавший Божественное Писание».

После собора преследование икон стало проводиться в жизни с неумолимой жестокостью. Иконы разбивались, сжигались, замазывались и подвергались всяческому поруганиям. С особенной яростью преследовалось почитание Божией Матери. Против иконопочитателей было открыто жестокое преследование, сопровождавшееся казнями, пытками, тюремными заключениями, конфискациями и изгнанием. Вместо икон появлялись изображения деревьев, птиц, зверей или сцен охоты, цирка, театра и т.д. По словам жития, Влахернский храм в Константинополе, лишенный прежнего своего благолепия и расписанный по-новому, превратился «в овощную лавку и птичник». При уничтожении икон живописных (мозаик и фресок) и икон-статуй, погибали многочисленные памятники искусства. Немало погибло в то время и рукописей с миниатюрами.

Одновременно с преследованием икон шло и преследование мощей. Сохранилась сатира иконоборческой эпохи на чрезмерное почитание мощей, где говорится о десяти руках мученика Прокопия, о пятнадцати челюстях Феодора, о четырех головах Георгия и т. д. Большое ожесточение проявил Константин V также по отношению к монахам, этим «идолопоклонникам и мраколюбцам», и монастырям. Борьба с монахами была настолько напряженной, что некоторые даже считают спорным, как точнее определить преобразовательную деятельность данного периода: была ли это борьба с иконами или с монахами. Монахи подвергались всяческому преследованиям: их заставляли облачаться в светское платье, вступать в брак; они, держа женщин за руки, должны были проходить к ипподрому при насмешках и оскорблениях собравшегося народа. Хронист Феофан сообщает, что один наместник в Малой Азии собрал монахов и монахинь своей провинции в Эфесе и сказал им: «Пусть каждый из вас, кто хочет подчи-

ниться императору и нам, наденет белое платье и немедленно возьмет жену, тот же, кто так не сделает, будет ослеплен и выслан на Кипр». Его поздравил Константин V, который написал: «Я нашел в вас человека, который согласно моему сердцу выполняет все мои желания». Кипр был, очевидно, одним из мест, куда император ссылал упорствовавших монахов. Известно, что пяти монахам удалось оттуда бежать и достичь территории халифата. Эти монахи были доставлены в Багдад. Монастыри отбирались и обращались в казармы и арсеналы. Монастырские имения конфисковались. Светским людям запрещалось искать убежища в монашестве. Все это повело к тому, что монахи уходили в места, незатронутые императорской политикой. По мнению некоторых ученых, в эпоху Льва и Константина в одну только Италию переселилось около 50 000 монахов; последнее обстоятельство имело громадное значение для судеб средневековой южной Италии, так как поддержало там господство греческой народности и православной церкви. Однако даже южная Италия была, очевидно, не совсем свободна от бедствий иконоборчества. Есть интересное свидетельство, что в IX веке св. Георгий Декапольский попал в руки иконоборческого епископа южно-италийского города Гидра (Отранто). Многие монахи мигрировали также на северные берега Черного моря и на побережье Сирии и Палестины. Среди мучеников, пострадавших при Константине V, особенно известен св. Стефан Новый.

Пятилетнее правление преемника Константина V, Льва IV Хазара (775-780), по сравнению со временем его отца, является некоторым успокоением во внутренней жизни империи. Будучи сам сторонником иконоборства, Лев не чувствовал острой вражды к монахам, которые при нем снова начали иметь некоторое влияние. В свое кратковременное царствование он не успел ярко проявить себя и как иконоборец. Весьма вероятно, на Льва оказывала влияние его молодая супруга, афинянка Ирина, известная сторонница иконопочитания, на которую с надеждой обращали свои взоры сторонники последнего направления. Со смертью Льва IV (780) окончился первый период иконоборства.

Из-за малолетства его сына Константина, государством стала управлять мать, гречанка Ирина, решившая восстановить иконопочитание.

Несмотря на определенные симпатии к иконопочитанию, Ирина в первые три года своего правления не предпринимала никаких шагов к его официальному восстановлению. Подобная медлительность объясняется внутренними и внешними затруднениями империи, которая должна была вести борьбу с претендентом на престол, с арабами и жившими в Греции славянами. Кроме того, надо было приступить к восстановлению иконопочитания с большой осторожностью и подготовкой, так как большая часть войска была настроена иконоборчески, а каноны иконоборческого собора 753- 754 гг., объявленные Константином V государственными законами,

продолжали еще на многих оказывать известное влияние. Но многие представители высшего духовенства приняли решения иконоборческого собора не по убеждению, а поневоле, и потому представляли собой «материал, слишком податливый для реформаторских операций иконоборческих императоров, не могущий представить затруднений и для операций противоположного характера».

Только через четыре года после начала правления Ирины патриархом Константинопольским был избран Тарасий, заявивший о необходимости созыва Вселенского собора для восстановления иконопочитания, а к папе Адриану I было отправлено посольство с приглашением прибыть на предполагаемый в Константинополе собор. Папа отправил на собор своих представителей.

Собор состоялся в 786 году в храме св. Апостолов. Однако иконоборчески настроенные столичные войска ворвались в храм с обнаженными мечами и заставили распустить собрание. Казалось, иконоборческая партия снова восторжествовала, но ненадолго. Ирина хитростью избавилась от непокорных войск, заменив их другими, ей преданными, войсками.

В следующем 787 году собор был созван в Никее. Семь заседаний собора, на которых император и императрица отсутствовали, происходили в Никее. Последнее же, восьмое заседание происходило в императорском дворце в Константинополе. Число собравшихся на собор епископов было более трехсот. Это был седьмой и последний Вселенский собор.

По определению собора иконопочитание было восстановлено. «Честные» иконы были приняты, и думающие иначе подвергались анафеме. Анафема объявлялась всем, «обзывающим священные иконы идолами, говорящим, что христиане прибегают к иконам, как к богам, и что кафелическая церковь когда-либо принимала идолов». «Тогда, - по словам деяний собора, - сияющая счастьем благочестивейшая императрица взяла соборное определение и подписала его, а затем передала его соцарствующему ей своему сыну, чтобы и он подписал». После этого епископы возгласили многолетия и славословия «новому Константину и новой Елене». По вопросу о мощах было постановлено, что если в возобновленных храмах не положены святые мощи, то следует это восполнить. Обращение монастырей в обыкновенные жилища подвергалось великому осуждению, и вместе с тем требовалось восстановление упраздненных иконоборцами и обращенных на мирские нужды монастырей. Большое внимание было обращено собором на поднятие нравственности духовенства: осуждалось приобретение церковных должностей за деньги (симония); запрещались двойные, т. е. смешанные, монастыри и т. д.

Значение Никейского собора заключается не только в восстановлении иконопочитания. Собор собрал воедино богословские доказательства в пользу иконопочитания, которые иконопочитатели после этого могли противопоставить иконоборцам. Одним словом, православные получили в руки оружие, которого у них раньше не было и с которым им в будущем было уже легче бороться с иконоборцами, когда наступил второй период иконоборческого движения.

Лекция 32.

План:

Внутренняя деятельность императоров Исаврийской (Сирийской) династии. Законодательство.

а. Эклога.

б. Земледельческий закон, или Крестьянский устав.

в. Военный закон.

Морской родосский закон.

Фемы. Реформа фем, ее необходимость и значение.

Лев III не только был талантливым вождем и защитником империи против внешних врагов, но и мудрым законодателем. Уже во времена Юстиниана Великого, т. е. в VI веке, латинский язык его кодекса, дигест и институций был для большинства провинций империи малопонятным языком. В провинциях, особенно на Востоке, старые местные обычаи заменяли официальный закон. Выпускаемые на греческом языке новеллы отмечали лишь акты текущего законодательства. Но потерь своих восточных провинций: Сирии с Палестиной и Египет, а на юге - Северную Африку и на севере - северные области Балканского полуострова, империя становилась более «греческой» по языку. Необходимо было дать для общего пользования подданным законник на греческом языке, отражавший на себе изменившиеся со времени Юстиниана Великого условия жизни.

Лев III, прекрасно осознав необходимость такого сборника и поручил дело его составления комиссии из выбранных им лиц. Результатом работы комиссии было опубликование от имени «мудрых и благочестивых императоров Льва и Константина» законодательного сборника, под названием Эклоги. Время издания ее точно неизвестно: в то время как западные ученые относят Эклогу к концу правления Льва (739-740 г.). В настоящее время

большинство исследователей вопроса считают, что дата публикации Эклоги - март 726 года.

Эклога, что в переводе значит «выборка», «извлечение» и ее источники: «Сокращенное извлечение законов, учиненное Львом и Константином, мудрыми и благочестивыми царями, из институций, дигест, кодекса, новелл Великого Юстиниана и их исправление в смысле большего человеколюбия» (по-гречески *eiV to jilanJrwpoteron*) или, как переводят другие, «в смысле улучшения». В предисловии к Эклоге говорится, что законы, изданные предшествующими императорами, были написаны во многих книгах, и что смысл их для одних является трудно понимаемым, для других совершенно непонятым, особенно для тех, кто не живет в богохранимом императорском граде. Под многими книгами, о которых говорит Эклога, подразумеваются заменившие место Юстиниановых законных книг их греческие переводы и различные комментарии, вытеснившие употребление самих латинских подлинников. Находилось очень немного лиц, которые могли понимать эти греческие переводы и толкования; вследствие же многочисленности книг и разнообразия и противоречивости излагавшихся в них мнений, в гражданском праве Византии происходила значительная путаница. Лев III задался целью помочь делу. Идеей правды и справедливости проникнуты положения Эклоги, высказанные в ее предисловии: судьи должны «воздерживаться от всяких человеческих страстей, но от здравого помысла производить решения истинной справедливости, не презирать нищего и не оставлять без обличения сильного, неправду деющего... Справедливо воздерживаться от всякого дароимания». Наконец, все служащие по судебным делам должны были получать определенное жалованье из императорского «благочестивого казначейства, с тем, чтобы они уже ничего не брали с какого бы то ни было лица, судимого у них, дабы не исполнилось на нас глаголемое пророком: «Продаша на серебре праведнаго» (Амос 2, 6), и чтобы мы не навлекли на себя гнева Божия, сделавшись преступниками его заповедей».

Сама Эклога, разделяется на 18 титулов и касается главным образом гражданского права и лишь сравнительно немного права уголовного. В ней идет речь о браке, обручении, о приданом, о завещаниях и о наследстве без завещания, об опеке, об отпущении рабов на свободу, о разного рода обязательствах (о продаже, покупке, найме и т. п.), о свидетелях; один титул содержит главу уголовного права о наказаниях.

Эклога во многом отступала от Юстинианова права и иногда даже противоречила ему, так как приняла в себя решения обычного права и судебной практики, существовавших параллельно с официальным законодательством Юстиниана. Сравнительно с последним Эклога во многом представляет значительный шаг вперед; например, во взгляде на брак можно отметить проведение более высоких, христианских начал. Глава о наказа-

ниях изобилует телесными членовредительскими наказаниями, например, отсечение руки, урезание языка, ослепление, отрезание носа. Но последнее обстоятельство не дает нам права считать Эклогу варварским законом, так как в большинстве случаев эти наказания заступили место смертной казни. В этом смысле исаврийские императоры могли с полным основанием заявлять «о большем человеколюбии» своего законодательства. Не надо забывать и того, что Эклога угрожает одинаковыми наказаниями знатным и простым, богатым и бедным, тогда как Юстинианово право, нередко без достаточного основания, налагает на них различные наказания. Внешней особенностью Эклоги является обилие ссылок на Священное Писание для подтверждения того или другого юридического положения. На протяжении VIII и IX веков, вплоть до вступления на престол Македонской династии (867 г.), Эклога служила руководством при юридическом преподавании вместо прежних институций и подвергалась неоднократно ученой переработке. Известны, например, Частная Эклога (*Ecloga privata*), Частная распространенная Эклога (*Ecloga privata aucta*). Когда со вступлением на престол Василия Македонянина произошел поворот в пользу Юстиниановых законов, то узаконения императоров-исаврийцев были официально объявлены несообразностями («болтовней»), противоречащими божественному догмату и разрушающими спасительные законы. Тем не менее, государи Македонской династии заимствовали из осужденного ими же законника многие статьи и внесли их в свои законники, а сама Эклога подверглась еще новой переработке.

Позднее Эклога Льва и Константина вошла в состав судебных книг православной церкви, и в частности русской. Так, она находится в печатной русской Кормчей книге под заглавием: «Леона, царя премудрого, и Константина верной царю главизны» (т. е. главы).

Эклога не является в высшей степени смелым нововведением. Но важное значение Эклоги в том, что с ее появлением начинается новый период в истории греко-римского или византийского права, тянувшийся до вступления на престол Македонской династии, т. е. до эпохи реставрации Юстинианова права. Лев III своей Эклогой пошел на встречу требованиям жизни и времени.

К исаврийской династии, а именно ко времени Льва III, большая часть ученых относит еще три небольших законодательных памятника, а именно: Земледельческий закон, или Крестьянский устав (*nomos gewrgikoV*), Военный закон (*nomos stratiwtikoV*) и Морской родосский закон (*nomos podiwV nautikokoV*). Эти три памятника, существующие в многочисленных и отличных друг от друга редакциях, или изводах, следуют в рукописях часто вслед за Эклогой или другими юридическими памятниками. Ни имена их составителей, ни время их издания в рукописях не сообщаются. Поэтому отнесе-

ние их к тому или другому времени зависит от оценки их содержания, языка и сравнения с другими однородными памятниками.

Наибольшее значение из вышеназванных трех памятников имеет Земледельческий закон (*νόμος γεωργικός, leges rusticae*). Это сочинение не датировано. Некоторые исследователи относят его к эпохе Льва III, однако надо признать, что этот вопрос еще далек от окончательного решения. Еще не доказано, что Земледельческий закон был издан в VIII веке и, возможно, его публикация окажется связанной с предшествующим периодом. После пересмотра всех существующих точек зрения, наиболее вероятная дата составления Земледельческого закона - вторая половина VIII века.

Земледельческий закон обратил особенное внимание ученых тем, что в нем нет никаких указаний на колонат, т. е. на крепостное право, господствовавшее в поздней Римской империи. Зато в нем находятся указания на нечто новое, а именно: на личную крестьянскую собственность и на общинное землевладение. Последние нововведения приводятся в науке в связи с обширными славянскими поселениями в империи, принесшими туда родные им условия жизни. По этому поводу А.А. Васильев отмечает: «Однако более внимательное изучение Кодекса Феодосия и Юстиниана, новелл последнего и, в последнее время, данных папирологии и житий святых четко доказывает существование в Римской империи деревень, заселенных свободными землевладельцами, общинная земельная собственность которых существовала в очень древние времена. Нельзя, таким образом, делать общих выводов на основе Земледельческого закона. Он может служить только дополнительным свидетельством того факта, что в Византийской империи мелкое свободное крестьянство и свободная сельская община существовали с крепостным правом. Теория славянского влияния должна быть отклонена, а внимание должно быть повернуто к изучению вопроса о мелком свободном крестьянстве и деревенской общине в период ранней и поздней Римской империи на базе новых и старых материалов, которые до сих пор еще недостаточно использованы».

Земледельческий закон имеет большой интерес с точки зрения славянской науки. Существует, например, древнерусский перевод этого памятника, вошедший в состав одной, важной по своему содержанию и историческому значению, компиляции, носящей в рукописях название: «Книги законные, имиже годится всякое дело исправляти всем православным князем». Закон вошел также в сербские памятники юридического содержания.

Очень часто в рукописях юридического характера, вслед за Эклогой и другими законодательными памятниками, можно найти Морской закон и Военный закон. Оба эти законы не датированы и относятся учеными к эпохе Исаврийской династии.

Морской закон (*nomos nautikoV, leges navales*) или Родосский Морской закон представляет собой устав торгового мореплавания. Некоторые исследователи предполагают, что этот закон был извлечен из второй главы четырнадцатой книги дигест, которая содержит заимствованный из греческого права так называемый «Родосский закон об авариях» (*lex Rhodia de jactu*) - закон, где речь идет о возложении убытков на хозяина корабля и прочих товарохозяев в случае, если для спасения корабля и груза часть последнего будет выброшена за борт. В настоящее время зависимость Родосского закона от дигест, также как и его связь с Эклогой, не принимается исследователями.

Этот закон, в том виде, в каком он до нас дошел, представляет собой компиляцию материалов разных эпох и разного характера. Большая их часть происходит от местных обычаев. Третья часть Морского закона совершенно очевидно должна была войти в третью книгу Василик (об этом речь пойдет дальше). Второе издание Морского закона было осуществлено либо непосредственно теми, кто составлял Василики, либо под их руководством. Существующий ныне текст является, таким образом, его вторым изданием.

По стилю Морской закон носит официальный характер, а по содержанию он значительно отличается от Юстиниановых дигест, т. е. от использованного Родосского закона об авариях, отражая на себе следы влияний позднейшего времени. В этом законе, например, устанавливается ответственность хозяина корабля, его наемщика и пассажиров за целостность судна и груза; в случае бури или морского разбоя все они должны быть привлечены к возмещению убытков. Это было своего рода страхованием. Подобные особенности Морского закона объясняются тем, что со времени Ираклия, т. е. с VII века, морская торговля и вообще морское судоходство были сопряжены с большими опасностями ввиду морских нападений арабов и славян. Морские разбои стали обычным явлением, поэтому хозяева судов и купцы могли продолжать торговлю лишь на условии общности риска.

Время составления Морского закона приблизительно между 600 и 800 годами. Нет никаких оснований полагать, что происхождение Морского закона, Земледельческого закона и Военного было одинаковым.

Несмотря на возвращение государей Македонской династии к нормам Юстинианова права, Морской закон продолжал действовать на практике и влиял на некоторых византийских юристов X- XII веков. Сохранившаяся практика Морского закона указывает на то, что византийское торговое мореплавание после VII и VIII веков не могло подняться. Завладевшие позднее торговлей Средиземного моря итальянцы имели свое собственное морское право. С падением же византийской морской торговли вышел из

употребления и Морской закон, так что в юридических памятниках XIII-XIV веков о нем уже упоминаний нет.

Военный же закон (*nomos stratiwtikoV*, *leges militares*) представляет собой извлечение из греческих изложений дигест и кодекса Юстиниана, Эклоги и некоторых других источников, прибавленных к закону позднее. Главное содержание Военного закона состоит в перечне наказаний, налагаемых на военных за их проступки (за восстание, неповиновение, бегство, прелюбодеяние и т. п.). Наказания, приводимые в законе, отличаются большой суровостью. Однако, к сожалению, ни Земледельческий закон, ни Морской, ни Военный не могут рассматриваться с уверенностью как результат законодательной деятельности исаврийских императоров.

Большинство ученых относят реорганизацию и дополнение провинциальной фемной системы, которая возникла в VII веке, к VIII веку, и, в частности, ко времени правления Льва III. Но дело в том, что о мероприятиях Льва III в области провинциального устройства нет прямых известий. Существует перечень фем с некоторыми указаниями на их организацию, принадлежащий арабскому географу первой половины IX века Ибн-Хордазбеку. Сопоставляя его данные с данными о фемах VII века, ученые приходят к некоторым выводам относительно фемных изменений в VIII веке, т. е. во время Исаврийской династии. Оказывается, что в Малой Азии, кроме трех уже перечисленных фем VII века, были созданы в VIII веке, может быть, при Льве III, две новых: 1) Фракийская фема в западной части Малой Азии, образованная из западных областей обширной фемы Анатолики и получившая свое название от стоявших там европейских гарнизонов из Фракии, и 2) Фема Букелларий (Букеллариин), представлявшая собой восточную половину обширной фемы Опсикия и названная от букелларинов (*bucellarii*), римских и иностранных войск, бывших на службе империи. Константин Багрянородный говорит, что букеллариин следовали за войском, доставляя ему пропитание. Таким образом, к началу IX века в Малой Азии было пять фем, которые в источниках за это время и отмечаются как «пять восточных фем». Европейских фем к концу VIII века было четыре: Фракия, Македония, Эллада и Сицилия. Однако, решающая роль Льва III в организации фем не может быть доказана. Это - предположение.

Завершение и распространение системы фем при Исаврийской династии было неразрывно связано с внешней и внутренней опасностью, которые испытывала империя. Образование новых фем путем разделения огромных территорий прежних фем диктовалось политическими соображениями. На своем собственном опыте Лев очень хорошо знал, как опасно оставлять слишком большую территорию в руках всемогущего военачальника, который мог восстать и потребовать титул императора. Так, внешняя опасность требовала усиления централизованной военной власти, особенно в провинциях, которым угрожали враги империи - арабы, славяне и бол-

гары; с другой стороны, внутренняя опасность, исходящая от слишком сильных военачальников (стратегов), зависимость которых от центральной власти часто напоминает вассальные отношения, делала крайне необходимым сокращение огромных размеров территорий под их властью.

Лекция 33.

План:

1. Отношения к арабам, болгарам и славянам.
2. Юго-западная окраина империи.
3. Потеря экзархата.
4. Каролинги.
5. Сицилия и Калабрия.

После поражения 718 года, арабы при Льве III уже не предпринимали серьезных военных действий против империи, тем более что им стала грозить с севера, со стороны Кавказа, хазарская опасность. Известно, что Лев III устроил брак своего сына и наследника Константина с дочерью хазарского кагана, который и стал поддерживать своего нового родственника. Итак, Лев III в борьбе с арабами нашел себе двух иноземных союзников: сначала болгар, позднее хазар. Но тем не менее, арабы не были спокойны и, производя свои нападения в Малой Азии, все еще иногда глубоко заходили на запад, даже, например, до Никои, т. е. почти что до берегов Пропонтиды. В конце своего правления Льву удалось нанести арабам сильное поражение при Акроиноне, во Фригии (теперь город Афиун Кара Хиссар на железной дороге в Конию). Арабы вынуждены были после этого очистить западную часть Малой Азии и отступить к востоку.

С битвой при Акроиноне мусульмане связывают легенду о турецком национальном герое Сайиде Баттал Гази, борце за веру, могилу которого показывают даже сегодня в одной из деревень на юг от Эскишехра (средневековая Дорилея). Историческим прототипом этого героя был борец за веру Абдаллах ал-Баттал, который пал в битве при Акроиноне. Задача борьбы с арабами была блестяще разрешена Львом III.

В середине VIII века в арабском халифате вспыхнули тяжелые внутренние смуты в связи с переменой династии: Омайяды были свергнуты Аб-

басидами. Последние перенесли столицу и центр всего управления из Дамаска в далекий от византийской границы Багдад, на р. Тигр. Все это позволило преемнику Льва III Константину V рядом успешных походов продвинуть границу империи далее на восток на всем протяжении Малоазиатского полуострова.

Однако во времена Ирины, при халифе аль-Махди, арабы снова начали успешные наступательные действия в Малой Азии, и в 782-783 годах императрица была вынуждена начать переговоры о мире. Итоговое соглашение, заключенное на три года, было очень унижительным для империи. Императрица взяла на себя обязательство платить арабам ежегодную дань в размере девяноста или семидесяти тысяч динаров (денариев) в полугодовых взносах. Весьма вероятно, что войска, посланные Ириной в Македонию, Грецию и Пелопоннес в том же году (783) для подавления славянского восстания, были взяты с восточного фронта. Это ослабляло положение Византии в Малой Азии. В 798 году, после успешных операций арабской армии при халифе Харун ар-Рашиде, было заключено новое мирное соглашение с Византийской империей, сводившееся к уплате дани, как при халифе аль-Махди.

Очень активные отношения были между императорами исаврийской династии и болгарами. Последние, недавно утвердившись на нижнем Дунае, должны были прежде всего отстаивать свое еще мало устроенное политическое существование против попыток Византии уничтожить дело Аспаруха. Условия же внутренней жизни Болгарии в VIII веке были в этом смысле очень затруднительны: с одной стороны, отдельные болгарские орды и их вожди соперничали друг с другом из-за верховной власти хана и создавали династические смуты; с другой стороны, пришлые победители, тюркские болгары, должны были вести борьбу с покоренными ими славянами полуострова. Болгарские ханы конца VII и начала VIII века искусно действовали по отношению к своему самому опасному врагу, Византии. Как уже было замечено выше, болгары помогли Юстиниану II снова овладеть престолом, а Льву III оказали существенную помощь при отражении им арабов от Константинополя. После этого в течение тридцати с лишком лет византийские писатели ничего не говорят о болгарях. Во всяком случае, при Льве III болгары сумели сохранять с Византией выгодный мир, причем последняя выплачивала им даже некоторую сумму денег.

При Константине V отношения обострились. При помощи переселенных во Фракию с восточной границы сирийцев и армян император построил против болгар укрепления. Болгарский посол был презрительно встречен Константином, после чего болгары открыли военные действия. Константин совершил восемь или девять кампаний, сухопутных и морских, против болгар, поставив себе целью уничтожение болгарского ханства. Однако, войны шли с переменным успехом, и Константину не удалось добиться своей це-

ли. Тем не менее, его энергичная борьба и ряд возведенных им против болгар укреплений позволяют некоторым историкам называть Константина «первым Болгаробойцей».

В самой Болгарии в конце VIII века династические смуты прекращаются; резкий антагонизм между болгарами и славянами сглаживается. Одним словом, там создается, мало-помалу, Болгария IX века, когда она, постепенно ослабяившись, стала представлять собой мощное государство с определенными наступательными планами против Византии. Эта наступательная политика болгар сказалась уже в конце VIII века, при Константине VI и матери его Ирине, когда Византия после военной неудачи должна была согласиться платить Болгарии дань.

Когда в VIII веке идет речь о военных столкновениях между империей и болгарами, то под последними надо разуметь не только болгар, но и славян, вошедших в состав их ханства.

Итальянские отношения при Константине V шли по тому направлению, какое им было дано иконоборческой политикой его отца Льва. В политическом смысле нигде иконоборческая система не принесла таких роковых для империи последствий, как на юго-западной окраине. Здесь греко-византийский мир стоял лицом к лицу с совершенно чуждым ему латино-германским миром, который был более приспособлен и успел воспользоваться прямолинейностью восточных императоров с таким искусством и дальновидностью, что произвел мировой переворот в истории в пользу романо-германского элемента.

Иконоборческие эдикты были непосредственным поводом, давшим содержание резкой переписке и подогревшим обнаружившиеся к тому времени недоразумения между Востоком и Западом. Главная причина споров лежала в политических, религиозных и национальных требованиях, которые неизбежно должны были привести к взаимному столкновению. Император стоял на стороне старых прав империи и держался обеими руками за свои итальянские владения, которые ускользали из его рук.

По смерти Льва III и двух пап, носивших имя Григорий, взаимоотношения оставались в неопределенном положении, и ежечасно готовы были вспыхнуть вооруженные столкновения на границах с лангобардами. В Италии за империей оставались небольшие клочки и узкие полосы: Апулия и область Отранто, или прежняя Калабрия, Бруттия, Неаполь, Рим под именем дуката, Равенна с городским округом, Пентаполь и Венеция. Несколько раз составлялись соглашения между различными городами против византийского господства. В иных местах объявлялись самозванцы, принимавшие звание императора. Авторитет наместника или экзарха постепенно падал, и римский дукат приобретал с каждым годом более самостоятельно-

сти. Григорий III, по свидетельству местной папской хроники, занимается возобновлением римских укреплений, ведет переговоры с лангобардскими герцогами по политическим делам, заботится о путях сообщения между Римом и Равенной. Римский епископ начинает чувствовать себя государем, и Рим находится в периоде образования светского государства. Политический такт и опытность подсказали наместнику святого престола порвать связи с империей и искать союза и поддержки у христианнейшего народа франков.

Союз Каролингов с папами дал новое направление европейской истории. Этим союзом, с одной стороны, положено начало объединения римско-германского мира в Священной Римской империи, с другой— в нем кроется основание духовного могущества папства и светской власти римского престола. В половине VIII в. франкские майордомы из дома Каролингов решились захватить королевскую власть и нуждались для того в помощи папы: с другой стороны, и римские папы, находясь в борьбе с лангобардами, искали себе военной поддержки вне Италии. Обстоятельства сблизили эти силы. Римский папа освятил церковным авторитетом узурпацию Пипина и разрешив франков от присяги королю Хильдериху III. Услуга обязывала Каролингов принять участие в итальянских делах.

Незадолго до венчания Пипина на королевство лангобардский король Айстульф занял Равенну и овладел Пентаполем. Смерть папы Захария и смуты при выборе нового папы были благоприятны для Айстульфа, который вступил в римский дукат и в июне 752 г. начал угрожать Риму. Выбранный папа Стефан III сначала посылал посольства к Айстульфу с дарами и просьбой дать мир Церкви. Сношения с императором не давали положительного результата. Папа, понимая серьезность положения, назначал в Риме религиозные процессии, в которых принимал сам участие, неся на руках икону Христа. Народ с посыпанными пеплом головами сопровождал церковную процессию. В это время Стефан III переслал письмо к Пипину, в котором просил увидеться с королем франков.

Пипин помог. Это было в 753 г., через год после низвержения последнего Меровинга и перенесения королёвской власти на Каролингов. Сношения папы с Пипином составляли тайну для императора. Из Рима нельзя было попасть во Францию, минуя лангобардские владения, поэтому папа, воспользовавшись приказанием императора вести с королем переговоры, отправился в Павию, в сопровождении епископа и герцога Отхара, посланными к нему из Франции. Переговоры в Павии не привели ни к какому результату. Айстульф не тронулся ни слезами папы, ни письмом императора и не соглашался уступить завоеванных областей. При этом он старался удержать папу от путешествия во Францию. 15 ноября, наконец, папе Стефану дано было разрешение и в конце года он благополучно миновал гра-

ницу.

6 января 754 г. была торжественная встреча в Понтионе. Король со всем семейством выехал ему навстречу, пал перед папой на колени и потом некоторое время шел пешком возле когия папы, исполняя должность маршала. С пением гимнов и псалмов приняли папу в королевском дворце. Зимой 754 г. папа провел в монастыре С.-Дени. К сожалению, от переговоров не сохранилось никаких письменных актов. Можно лишь предполагать и делать догадки о последовавших между ними соглашениях и взаимных обязательствах.

Прежде всего предстояло выяснить вопрос об империи и о правах императора в Италии. Затем нужно было придать удобную форму военному вмешательству в итальянские дела.

В Кьерси весной 754 г. решен был главный вопрос о походе в Италию, также был составлен проект передачи Пипину экзархата и Пентаполя. Знаменитый дар церкви ап. Петра, т.е. начало светской власти пап, относится также к этому времени. Но прежде чем была исполнена эта статья соглашения, папа с своей стороны оказал громадную услугу новой династии: 28 июля 754 г. в церкви С.-Дени совершено было миропомазание над Пипином и его сыновьями Карлом и Карломаном. При этом папа под страхом отлучения заповедал вельможам и народу избирать себе королей только из этой освященной Церковью фамилии.

Пипин же дал торжественную клятву за себя и за свое потомство заботиться о Церкви и блюсти ее интересы.

Подлинный документ дара Пипина утрачен, но содержание его можно восстановить на основании переписки ближайших к этому времени пап. Прежде всего, там шла речь о вознаграждении убытков, понесенных Церковью вследствие лангобардских завоеваний. Пипин обещал возратить эти имущества из благоговейного почтения к св. Петру. В этом смысле папа поручал Пипину все дела св. Петра, и Пипин давал обещание защищать права Церкви. Далее шла речь о населении Римского дуката и о жителях городов, непосредственно или посредственно зависевших от папы. Пипин давал обещание защищать не только Церковь, но и всех римлян дуката.

До половины VIII в. при всем богатстве и влиянии папы были только богатыми землевладельцами; новое пожалованье Пипина закрепляло за ними верховные политические права над Римским дукатом. С тех пор римское население должно было давать присягу на верность папам как своим государям. В спорах своих подданных с лангобардами папа посылает уполномоченных к лангобардскому королю для совместного разбора дел; назначает судей и других чиновников для управления городами. Римское вой-

ско повинуется папе; когда угрожает Риму опасность, он стягивает военные отряды из Тусции и Кампании, Перуджии и Пентаполя. В случае нужды направляет военную силу и для внешней войны. На папской службе появляются герцоги (duces) и др. светские и духовные чины, составляющие его совет (optimates). Судебные приговоры папы имели значение высшей инстанции, его чиновники имели власть судить, лишать свободы и наказывать преступников.

Римляне приносили присягу на верность папе и королю, составляли как бы одно с франками государство, также Пипин и его сыновья назывались королями франков и патрициями Рима. Папа обязан был доносить королю, новому патрицию, о важнейших событиях в своем государстве. Политические сношения с лангобардским королем и другие внешние дела папа не мог вести без согласия короля франков.

Пипин еще раз отправил посольство к Айстульфу, предлагать ему без пролития крови отказаться от занятых областей. И сам папа просил о том же лангобардского короля, обещая выдать ему сумму в 12 тыс. солидов за возвращение занятых мест. Но Айстульф не хотел и слышать об отступлении. Предпринятый в Италию поход окончился скоро. После битвы, проигранной лангобардами, он был заперт в Павии и должен был согласиться на предложенные ему требования. По заключенному с Пипином договору он обязался уступить Равенну и другие недавно заятые города, сделать удовлетворение церкви св. Петра и признать свою зависимость от франкского короля. Он дал клятву в исполнении заключенного договора, выдал заложников и, наконец, выплатил Пипину и его приближенным значительные суммы. Пипин удалился из Италии, а папа с торжеством вступил в Рим.

По удалении короля Пипина папа Стефан III стал ждать уполномоченных от лангобардского короля. Но Айстульф в начале 755 г. вторгся в Римский дукат и оцепил Рим. Папа пишет письмо Пипину. Он почему-то медлил и не предпринимал решительных мер. Папа снова обращается с отчаянным воплем к римским патрициям. От страшных угроз переходя к ласкательству, он напоминает и о заслуге св. Петра по отношению к Пипину, т.е. что Пипин помазан в короли, будучи возлюблен верховным апостолом и превознесен над всеми другими. 55 дней продолжалась тесная осада Рима; окрестности были опустошены, сношения осажденных прерваны. Крепкие стены еще защищали город, но Айстульф готовился на приступ, если римляне не выдадут ему своего епископа.

От 24 февраля 756 г. сохранилось три письма папы, отправленных во Францию морским путем. Но Стефану казалось, что Пипина не трогают его письма, что он не спешит на помощь. Он сочиняет письмо от апостола Петра и отправляет его вместе с двумя своими. Письмо было получено Пипином во второй половине марта, 1 мая состоялось собрание государствен-

ных чинов, и непосредственно затем Пипин предпринял в Италию второй поход. Между тем Айстульф снял осаду с Рима и в начале апреля был уже в Павии. Узнав о приближении франков, он вышел им навстречу к Альпам, но не устоял против сильного натиска и снова поспешил к Павии. Находясь в тесной осаде, он обратился к Пипину с просьбой о мирных переговорах и заявил согласие принести полное удовлетворение как за нарушение договора, так и за ущерб, нанесенный Церкви. Лангобардское королевство признало зависимость от Пипина и обязалось выплачивать ежегодную дань. Нарни, Комачио и другие города экзархата, завоеванные Айстульфом были переданы папе. Ключи этих городов вместе с заложниками от каждого из них представлены были в Рим, и здесь акт передачи вместе с ключами положен у раки св. Петра. Это было началом территориального владения, фундаментом папской области. Как же относился ко всему этому император Константин V, так ревниво оберегавший восточную и западную границы?

Константин не обнаружил энергии и предусмотрительности, какая его отличала в сношениях с арабами и болгарами. Видимо, Константин V, успокоился достигнутыми им успехами в борьбе с арабами и перестал обращать внимание на поддержание военного флота. Не имея в достаточном количестве морских судов, Византия не могла с успехом отстаивать свой интерес в Италии. Во время второго похода Пипина в Рим прибыл императорский протасикрит Георгий и силенциарий Иоанн, с указанием устроить итальянские отношения. Для послов было новостью, что Пипин предпринял уже второй поход. По-видимому, надеясь еще уладить дело личными переговорами с Пипином и объявлением ему воли императора, они поспешили морским путем в Марсель в сопровождении доверенного лица папы.

Оставив в Марселе своего товарища вместе с папским уполномоченным, протасикрит Георгий поспешил на встречу Пипина и нашел его уже близ Павии. Послу не оставалось ничего более, как донести императору о положении дел в Италии, сложившихся весьма неблагоприятно.

Айстульф недолго пережил постигшие его политические неудачи. Он умер в 756 г., упав с лошади на охоте. Извещая Пипина о неожиданной смерти короля лангобардов, которая развязывала затянувшийся узел, папа писал: «Божественным ударом поражен и низвержен в глубину ада этот тиран, последователь дьявола, пожиривший христианскую кровь и истреблявший христианские церкви». Но в начале следующего года умер и папа, столько сделавший для возвеличения престола св. Петра.

Айстульф не оставил наследника. Большинство склонялось к избранию в короли герцога Тусции Дезидерия, который имел опору и в преданном ему ополчении Тусции, и в высших церковных кругах. Папа заблаговременно с Дезидерия взял торжественную клятву, что он не замедлит вы-

дать папе остающиеся еще за лангобардами города и что будет жить в мире с Церковью и в верности королю франков. Такими обещаниями Дезидерий обеспечил себе поддержку со стороны папы и Пипина. В марте 757 г. он объявлен королем. Папа получил от нового короля только Фаенцу(?) и Феррару.

Более Дезидерий не спешил с выражениями своей преданности Церкви и не заявлял желаний выдать папе обещанные города. Напротив, он желал воспользоваться наступившим роздыхом для приведения в порядок нарушенных военным временем дел. Так, герцогства Сполето и Беневент во время смуты перешли в зависимость франкского короля. В это время Дезидерий тайно общался с византийским императорским послом Георгием. Речь шла о восстановлении византийской власти в экзархате и о взаимном военном союзе между лангобардами и империей для совместных действий против папы. Император не придавал большой ценности сообщениям из Рима и предоставил папе добиваться уступок со стороны Дезидерия мирными переговорами и соглашениями.

В это время король франков был занят внутренними делами, и в течение 10 лет Дезидерий мог укреплять свое положение, не опасаясь нападений ни с севера, ни с востока. Это открывало ему широкие перспективы по отношению к папе.

Дезидерий постепенно усиливал свое влияние в стране. Особенно важны были отношения завязавшиеся у него с семейством Карла. В 770 г. мать королей Берта в Павии заключила проект родственного союза между домом Дезидерия и Каролингами. Предполагалось, что сын лангобардского короля Адельхис вступит в брак с сестрой Карла Гизелой (?), а один из молодых королей женится на лангобардской принцессе. Этот союз мог изменить франко-итальянские отношения и ниспровергнуть искусно построенное папами здание. Папа был встревожен этим союзом и желал помешать замыслам.

Стефан IV написал к Карлу длинное письмо, в котором ласкательства сменялись угрозами. Но папские угрозы не подействовали на Карла: он развелся со своей женой и взял за себя дочь Дезидерия (Дезидерату). Не прошло и года после женитьбы Карла, как он отверг Дезидерату и отослал к своему отцу. Причины развода неизвестны. В 772 г. к Дезидерию прибыла вдова Карломана Гельберта с детьми; она искала у лангобардов защиты, так как Карл присвоил себе удел своего умершего брата и лишил наследства племянников.

Дальнейшие события 773/74 г., имели своим последствием падение лангобардского королевства. После трех походов франков в Италию и пленения Дезидерия. В 774 г. Карл принял на себя титул лангобардского коро-

ля и на некоторое время оставил итальянские дела и сосредоточил свое внимание на Германии, где вел 30-летнюю войну с саксами.

Рим и часть Италии, фактически освободились из-под власти византийского императора и начали жить самостоятельными интересами, считая себя как нечто отдельное от империи и не находящееся с ней в неразрывной связи. Широкий размах внешней политики Карла и его завоевания в Восточной Европе привели его к мысли о высочайшей в мире узурпации - о перенесении титула императора, носителем которого были византийские цари, на франкского короля. Это событие, подготовленное переговорами с Римом, совершилось в 800 г.

Походы Каролингов в Италию сопровождались последствиями оценивающимися с точки зрения общеевропейской истории. Пробудив освободительное движение и вызвав в городах и в Церкви стремление к организации местных сил. Господству Византии в Италии нанесен был сильный удар в половине VIII в., но сфера ее политического и культурного влияния в Южной Италии несколько не ослабела и в IX в. византийские императоры снова выступают с притязаниями на господство в Средней и Северной Италии. С потерей экзархата Византия еще не утрачивала своих владений в Италии, а, напротив, продолжала владеть на юге двумя территориями, организованными в фемы. Кроме того, на севере удерживала за собой береговую область с городом Венецией.

После похода Карла Италию составляли, за исключением франкских и церковных областей, еще две лангобардские области: герцогства Сполето и Беневент. Первое, правда, скоро подчинилось Каролингам, но Беневент, защищенный горами Аbruццо с севера дольше удерживал самостоятельность. Собственно византийские владения после 754 г. были следующие: береговая полоса с Неаполем в центре и две южные оконечности полуострова, Калабрия и Отранто. Которые, несмотря ни на что, остаются верными Византии и сохраняют свой язык и обряд. Хотя беневентские герцоги в конце VII в. отняли у Византии Бриндизи, Тарент и Отранто, но за империей оставался еще город Галлиполи, которым и ограничивались здесь ее владения. Но зато в нынешней Калабрии они владели всей гористой местностью у Мессинского пролива. Именно с этого времени имя Калабрии стало употребляться в новом значении, будучи перенесено с восточной оконечности полуострова на западную и заменив прежнее имя Бруттии. Таким образом, византийская фема Калабрия была совокупностью владений империи у Тарентского залива. В административном отношении византийское герцогство, или дукат Калабрия, было в зависимости от фемы Сицилия. После падения экзархата главным представителем византийской власти на Западе был стратиг Сицилии, и Сиракузы рассматривались как столица всех южно-итальянских владений Византии. Со времени Константа II, Сицилия и Калабрия составляли одно неразрывное целое в административ-

ном и финансовом отношении. Во время иконоборческой борьбы Калабрия присоединяется к Сицилии и не разделяет оппозиции против иконоборческих императоров остальной Италии. В административном «церковном» отношении она введена в зависимость Константинопольского патриархата, будучи по языку и богослужению страной греческой.

Твердое положение, занимаемое в Сицилии и Калабрии, позволяло императору не покидать надежды на возвращение экзархата и на завоевание церковных владений. Пока не наступила пора начать серьезную войну на юго-западной окраине, защита этих отдаленных владений лежала на стратегии Сицилии. Патриций и стратиг Сицилии не раз объявлял себя императором.

В истории борьбы за итальянские владения важное значение принадлежит также дукам Неаполя. Они владели береговой полосой от Палермо до Террачины. Неаполитанское духовенство то стояло на стороне папы, то склонялось к константинопольскому патриарху. К концу VIII в. Неаполь стремится к независимости, первым автономным дукой был Стефан. После его смерти власть над Неаполем перешла к его сыну, а потом к зятю. Постепенно исчезает на монетах изображение императора и заменяется патроном города св. Ианнуарием. Политическая судьба Неаполя зависит от его северного соседа, беневентского герцога; в борьбе с Беневентом выработался у неаполитанцев местный патриотизм. Из-за опасности с севера беневентские дуки дорожили своими отношениями к Византии и нередко искали союза и помощи у сицилийского стратега. Такие отношения продолжались здесь до начала IX в., когда арабы начали делать высадки и завоевания в Сицилии и Южной Италии.

Лекция 34.

План:

Карл Великий.

Значение коронавания Карла для Византийской империи.

а. Две империи.

Славяне в Греции.

Итоги деятельности Исаврийской династии.

В представлении средневекового человека Римская империя была едина, поэтому когда в империи было двое или более императоров, это объяснялось тем, что два государя управляют единым государством. В 476 году ни о каком падении Западной Римской империи не может быть и речи. Идеей о существовании единой империи объясняется в VI веке военная политика Юстиниана на Западе. Эта идея продолжала жить и в 800 году, когда произошло знаменитое коронавание Карла Великого в Риме императорской короной.

Но в то время как идея о единой империи в теории неизменно жила в сознании средневековья, в действительности восточный, или византийский, греко-славянский мир, каким он был уже к концу VIII века, и западный, романо-германский мир, являлись к этому времени и по своему языку, и по составу, и по культурным задачам совершенно различными, обособленными мирами. Идея единства империи пережила себя и сделалась историческим анахронизмом, конечно.

Иконоборчество сыграло некоторую роль в подготовке события 800 года. Папство, энергично протестовавшее против иконоборческих мероприятий в Византии и предавшее иконоборцев отлучению, стало искать себе друзей и защитников на Западе в лице возвысившихся во франкском государстве в VIII веке сначала майордомов, потом королей Каролингского дома. В конце VIII века на франкском престоле сидел самый знаменитый представитель этого дома, Карл Великий.

Взаимные интересы папы и франкского короля, которые привели в конце концов к коронации последнего, являются сложным вопросом, по-разному оцениваемым в исторической литературе.

В первый день Рождества Христова 800 года, во время торжественного богослужения в храме Св. Петра, папа Лев III возложил на коленопреклоненного Карла императорскую корону. Присутствовавший в церкви народ возгласил: «Карлу, благочестивейшему Августу, венчанному Богом, великому и миролюбивому императору, многие лета и победа!»

О значении принятого Карлом императорского титула учеными высказывались различные мнения. Одни полагали, что титул императора не дал Карлу никаких новых прав, что на самом деле он остался, как и прежде, «королем франков и лангобардов и римским патрицием». Другие думали, что в 800 году, в лице императора Карла, была создана отдельная Западная империя вне всякой зависимости от существования Восточной, или Византийской, империи.

Но так оценивать явление 800 года значит приносить в его оценку взгляды позднейших эпох. В конце VIII века не было представления о «ти-

тулярном» императоре, не о создании отдельной Западной империи. Событие 800 года надо рассматривать с современной той эпохе точки зрения, как на него смотрели и сами действующие лица, т. е. Карл Великий и папа Лев III.

Ни тот, ни другой не думали создавать Западную империю в противоположность империи Восточной. Карл был убежден, что в 800 году, по получении титула императора, он сделался государем и продолжателем праяней единой Римской империи. Рим только возвратил себе от Константинополя право императорского избрания. В умах людей того времени не было представления, будто две империи могли существовать одновременно. По своему существу империя была едина. Обстоятельства облегчали для Карла проведение в жизнь этого единственно тогда возможного взгляда на императорскую власть.

Взаимоотношения между Карлом и византийским императором начались задолго до 800 года. В 781 году было устроено бракосочетание между Ротруд, дочерью Карла, которую греки называли Эрутро, и Константином, византийским императором, которому тогда было 12 лет и чья мать Ирина была фактической правительницей империи. Западный историк того времени, Павел Диакон, писал Карлу: «Я радуюсь, что ваша прекрасная дочь может поехать за моря и получить скипетр для того, чтобы сила королевства, благодаря ей, направилась в Азию».

Тот факт, что в 797 году Ирина низложила императора и своего сына Константина и стала самодержавной правительницей империи, шло в полный разрез с традициями Римской империи, где женщина никогда не правила со всей полнотой верховной власти. С точки зрения Карла и папы Льва, императорский трон считался вакантным, так как на нем восседала женщина, и поэтому Карл, принимая императорский венец, занял свободный престол единой Римской империи и сделался законным преемником не Ромула Августа, а Льва IV, Ираклия, Юстиниана, Феодосия и Константина Великого, - вообще императоров восточной линии. Подтверждением этого является то, что в западных летописях (анналах), современных 800 году, и последующих веков, которые велись по годам византийских государей, непосредственно за именем Константина VI, сына Ирины, следует имя Карла.

Как же отнеслась к провозглашению Карла императором Византия? Она не отрицая прав Ирины на престол, рассматривала событие 800 года как одну из многочисленных попыток возмущения против царствовавшего государя и боялась, как бы провозглашенный император не пошел на Константинополь, чтобы силой свергнуть Ирину и овладеть императорским

троном. В глазах византийского правительства это было лишь возмущением некоторых западных провинций против законного государя.

Но, Карл понимал непрочность своего нового положения, так как вопрос о восточном императорстве его коронованием решен не был. Карл не называл себя «императором римлян», официальным титулом византийских императоров, но «управляющим римской империей». Он понимал, что в Византии после смерти Ирины будет избран новый император, права которого на императорский титул будут признаны неоспоримыми на Востоке. Предвидя в грядущем подобные затруднения, Карл открыл переговоры с Ириной, предлагая ей вступить с ним в брак и «соединить, - по словам хроники, - восточные и западные области». Ирина благосклонно отнеслась к предложению о браке, но вскоре после этого она была свергнута и отправлена в ссылку (в 802 году), так что этот план никогда не был осуществлен.

По низложению Ирины на византийский престол вступил Никифор. Между ним и Карлом велись переговоры, вероятно, о признании первым императорского титула второго. Но лишь в 812 году послы византийского императора Михаила I Рангаве приветствовали Карла в Аахене как императора. Это узаконило императорское избрание 800 года. Возможно также, что с 812 года, в качестве противовеса титулу, носимому Карлом, титул «император ромеев» (*BasileuV twv Romaiwn*) стал официально употребляться в Византии для обозначения легитимного суверенитета Константинополя, в качестве символа верховной власти византийских императоров. С 812 года было два римских императора, несмотря на то, что продолжала существовать одна Римская империя. «Другими словами, - пишет профессор Бьюри, - акт 812 года оживил в теории положение V века. Михаил I и Карл, Лев V Армянин и Людовик Благочестивый находились в таком же отношении друг к другу, как Аркадий и Гонорий, Валентиниан III и Феодосии II; Римская империя (*imperiū Romanum*) простиралась от границ Армении до берегов Атлантики». Но подобное единство империи было лишь чисто номинальным, теоретическим. Обе империи жили совершенно особой жизнью. К тому же, и сама идея о единстве империи стала забываться на Западе.

Императорское достоинство, приобретенное Карлом для Запада, было недолговечным. Оно во время возникших смут после распада Карповой монархии стало достоянием случайных лиц и в начале X века совершенно исчезло, чтобы во второй половине этого века снова появиться, но уже в антиисторической и уродливой форме «Священной Римской империи германской нации».

Начиная с 800 года, можно впервые говорить о Восточной Римской империи.

Бросая общий взгляд на время царствования Ирины останавливают на себе наше внимание упоминания о славянских поселениях в Греции. Ирина происходила из Афин, и поэтому с конца VIII в. начинается история Греции, о которой в VI столетии имеются весьма скудные известия, а затем почти на сто лет нет и упоминаний в летописи. Между тем необходимо выяснить состояние, в котором Греция находилась после всех потрясений, произведенных славянской иммиграцией.

В первой половине VII в. славяне владели уже морскими судами и делали нападения на Крит и другие острова. Не может быть сомнения, что в то время они уже владели некоторыми частями в Средней и Южной Греции. Они участвовали со своими далматинскими собратьями в нападениях на Южную Италию около половины VII в. Вот известие, относящееся к половине VIII в. и свидетельствующее о том, что происходило в Южной Греции в первой четверти того же века. Епископ Виллибольд, плывя из Сиракуз на поклонение святым местам, пристал к городу Монемвасии, который, находился в славянской стране». Со времени Льва Исавра имеются более точные данные о положении Греции и о симпатиях господствующей в ней населения. Население Греции, именуемое у византийского писателя новым термином элладики, возмутилось по случаю издания иконоборческого эдикта и, снарядив флот, двинулось на Константинополь. Хотя это движение не имело серьезных последствий, т. к. Лев Исавр нанес повстанцам поражение и казнил зачинщиков бунта, но вся обстановка показывает, что Греция этого времени не только была населена оседлым элементом, но и была областью, подчиненной культурному государству. Об этом говорит военный флот и религиозный мотив движения, и то обстоятельство, что во главе военной организации стоит турмарх Агаллиан(?). Видимо Греция начала тогда получать устройство фемы и имела во главе стратига, и что самое имя элладики применяется к новому населению, вошедшему в состав Греции.

Ослаблению Греции в этнографическом отношении содействовали события 746—747 гг. В Греции и на островах в 746 г. распространилась моровая язва, занесенная из Сицилии. От этой язвы пострадали многие города, и в числе их Монемвасия. Летом 747 г. моровая язва свирепствовала в Константинополе и произвела в нем страшные опустошения, которые правительство Константина V нашлось в необходимости вознаградить путем обязательной колонизации столицы из всех провинций империи. Видимо этот период имеет в виду Константин Порфирородный в своем знаменитом месте из «Фемы»: «Ославянилась вся страна и сделалась варварской, когда моровая язва захватила всю вселенную, и Константин Копроним управлял ромейским скипетром». Громадная смертность, постигшая столицу, сопровождалась разнообразными последствиями. Вследствие принятых правительством мер из Фессалии под давлением болгар должны были двинуться на юг те славяне, которые были у Пагасейского(?) залива уже в оседлом состоянии и занятых культурой хлеба и фруктов. Кроме того, неко-

торые известия заставляют предполагать, что между утвердившимися в Пелопоннесе славянскими племенами в конце VIII в. происходило движение в пользу образования княжеской власти.

Из времени Ирины сохранилось упоминание о двух походах в Грецию, вызванных происходившими там событиями. В 783 г. самый могущественный при Ирине государственный муж Византии патрикий и логофет Ставракий, получил поручение устроить дела на Балканском полуострове и в Греции, находившиеся, в расстройстве. Целью похода были славянские племена, не признававшие византийской власти и не платившие податей. Этот поход сопровождался важными Ставракий «подчинил все славянские племена и заставил их платить дань империи», а из Пелопоннеса получена «большая добыча и выведен многочисленный полон», который в следующем году был выставлен в ипподроме на показ народу. Здесь речь шла о некоторых славянских коленах, осевших в Средней Греции и в Пелопоннесе, о которых история сохранила память и в позднейшие столетия, не будучи в состоянии дать преобладание славянскому элементу в занятой области, тем не менее, требовали исключительных мер со стороны правительства, чтобы подвести их под состояние подданных императора.

С походом Ставракия связано военное движение Ирины по Фракии «с большой военной силой и с музыкальными инструментами», предпринятое в 784 г. Летописец говорит, что Ирина прошла Балканский полуостров от Верии до Филиппополя и отсюда до Анхиала без всяких военных столкновений, занималась строительством городов и в мире возвратилась. При чем, под Верней нужно понимать пограничный с Болгарией город, и что эта военная прогулка по Фракии должна обозначать общую уверенность в спокойствии на этой стороне Балканского полуострова.

Еще есть известие от 799 г. о событиях, последовавших вскоре после устранения от власти и ослепления царя Константина. Как известно, в Афинах Ирина держала в заключении представителей Исаврийской династии, ослепленных сыновей Константина Копронима. Несмотря на то, что она имела все основания полагаться на верность греческого населения Афин, тем не менее, здесь обнаружилось движение в пользу ослепленных царевичей, и составил заговор с целью провозглашения царем одного из них. Само по себе это обстоятельство мало интересно, но интересны некоторые подробности. Сторону царевичей поддерживает славянский князь Акамир, начальствовавший племенем вечесичей (?), поселившихся в Фессалии, а его подстрекали к тому элладики, местное население, при чем не греки, а смешанное и, главным образом, славянское население полуострова (но это только предположение). Ирина легко справилась с заговором, послав в Афины спафария Феофилакты, который найдя виновников, ослепил их. Хотя движение в пользу Исаврийцев оказалось потушенным, но в разных местах греческого полуострова уже в начале IX в. обнаруживается

присутствие чуждых этнографических элементов, которых правительство желает поставить в служебное положение.

Теперь о трех славянских племенах, о которых сохранились известия: велесичи у Пагасейского залива, о которых упоминают сказания о св. Димитрии; милинги и езериты по склонам Тайгетского хребта. Также встречаются отдельные поселения в других местах: у Коринфского залива близ города Патр и около Афин.

В северном Пелопоннесе на Коринфском заливе есть город Патры, имел важное значение в торговом и промышленном отношении. В самом начале IX в. (805 или 807 г.), в царствование Никифора, Патры подвергались нападению и осаде со стороны славян и были спасены от грозившей им опасности, благодаря заступничеству апостола Андрея, патрона города, который здесь был замучен и мощи которого хранятся в городском соборе. Известие об этом событии в сочинение Константина Порфирородного попало, вероятно, из местных сказаний о чудесах св. апостола Андрея. При царе Никифоре, говорится в этом сказании, славяне, замыслив восстание, стали опустошать соседние греческие селения, а потом разграбили окружающую Патры равнину и осадили город. По прошествии некоторую времени голод и жажда заставили жителей города вступить в переговоры с осаждающими и условиться насчет сдачи города. Именно в это время и оказана была Патрам чудесная помощь. Оказывается, что стратиг фемы находился тогда в крепости Коринфе, и осажденные, естественно, ожидали, что он прибудет на выручку и освободит их от славян. Ожидая стратига, жители Патр нашли возможным послать на горы дозорщика, чтобы он условленным знаком дал им знать, приближается ли из Коринфа войско или нет. В случае приближения он должен был склонить вперед данное ему с этой целью знамя; в случае отрицательном знамя нужно было держать прямо. Т. к. ожидаемой выручки не было, то сигнальщик стоял на виду у горожан, держа прямо знамя; случилось, однако, что конь его споткнулся, вследствие чего знамя склонилось вперед, из чего осажденные вывели заключение, что из Коринфа приближается стратиг с войском. В надежде на близкую помощь, они открыли ворота и бросились на врагов; их изумленным взорам ясно представился апостол Андрей, преследующий и побивающий врагов. Следствием этого было то, что варвары, охваченные страхом и удостоверившись собственными глазами, как святой апостол помогает жителям города Патр, сами прибегли с молитвами в честной храм его. Когда же императору донесено было коринфским стратигом о происшедшем, то он сделал распоряжение, чтобы славяне со всеми их семьями, родством и со всем имуществом записаны были за храм апостола в митрополии Патры. С тех пор записанные за митрополию славяне приняли обязательство содержать стратигов, царских посланцев и иностранных послов, когда они останавливаются в Патрах. Для этого они имели своих трапезарей и поваров и доставляли всенужное на изготовление стола, т. к. «митрополия ни о

чем не заботится, а сами славяне по разверстке и складчине всей общины вносят все необходимое по этой статье».

Официальное подтверждение этому событию находится в синодальном послании патриарха Николая (1084—1111) к царю Алексею I Комнину, в котором патриарх защищает привилегии митрополии Патры, дарованные ей царем Никифором по случаю чудесного избавления города от варваров, как названы в этом акте славяне.

О других славянских поселений сохранилось данные о милингах и езеритах, живших в горных ущельях по склонам горы Тайгета. Они неоднократно доставляли хлопоты византийскому правительству набегами на населенные греческие места и восстаниями. Большинство их обращено было в христианство духовенством митрополии Патр, но все же исключительность положения их и известная внутренняя самостоятельность удерживается долго.

В начале XIII в., по завоевании Греции крестоносцами IV крестового похода для подчинения мнлингов франки должны были построить две крепости, Мистру и Маину(?). Рифмованная французская Морейская хроника дает весьма любопытные об особенностях его быта и административного устройства. Когда милинги принуждены были сдаться франкам, то они поставили условием, чтобы за ними была сохранена их свобода, чтобы на них не было наложено податей, и чтобы вассальные отношения их были понимаемы как в прежнее время господства империи. Автор хроники понимает, что франки в этом случае имели дело со славянами.

Значение греческого и многообразных инородческих элементов в судьбах истории Византии остается еще не выясненным в подробностях вопросом.

В исторической науке высоко ценятся заслуги первых представителей Исаврийского дома, особенно его родоначальника Льва III. Действительно, последний, вступив на престол после периода смуты и безначалия, выказал себя недюжинным полководцем, талантливым администратором и понимающим задачи времени законодателем. Религиозная политика иконоборцев стоит особняком. Но в большинстве трудов иностранных ученых Лев III признается, например, греками «одним из величайших государей Восточной империи, одним из благодетелей человечества», немцами «одним из величайших людей на императорском троне», ясно понимавшим необходимость «коренной реформы во главе и членах», «человеком, которому суждено было кровью и железом произвести возрождение империи, великим военным гением». Английский ученый называет дело Льва возрождением Римской империи, а французский историк считает дело исаврийских императоров «одним из самых великих и наиболее достойных уваже-

ния усилий, которые когда-либо были сделаны для поднятия материального, морального и умственного уровня народа», и сравнивает их обширную организационную попытку по степени ее важности с попыткой Карла Великого. В оценках русских ученых, которые, если не считать церковных историков, общей историей исаврийских императоров не занимались, нельзя заметить столь великого их превознесения.

Признавая выдающуюся энергию и некоторый административный талант первых двух иконоборцев, из которых Лев спас империю, на основании доступного исторического материала, необходимо воздержаться от преувеличения западных историков. Так как их иконоборческая политика вызвала в империи на протяжении более ста лет тяжелую внутреннюю смуту, нарушившую нормальную жизнь государства и безусловно его ослабившую. То же иконоборческое движение, уже в его первый период, т. е. в VIII веке, отдалило от Византии Италию, где папа, предав иконоборцев проклятию, обратил свои взоры на запад к франкским правителям, вступил с ними в тесные сношения и этим самым открыл новую эпоху средневековой истории, заложив вместе с тем одно из оснований для будущего разделения церквей. Итак, в исаврийскую эпоху Византия потеряла Среднюю Италию, включая Равеннский экзархат, завоеванный в половине того же VIII века лангобардами и позднее переданный Пипином Коротким папе.

Особого внимания заслуживает вопрос об уменьшении количества монахов и монастырей и о довольно частой секуляризации монастырской земельной собственности. Исследование этой социальной стороны деятельности императоров Исаврийского дома и связи ее с иконоборством является одной из насущнейших, очередных задач византиноведения. Внимательное изучение данного вопроса может осветить с новой точки зрения иконоборческую эпоху, открыть в ней еще более глубокий смысл и вскрыть ее общеисторическое значение.

Лекция 35.

План:

Император Никифор I.

Споры с Западом из-за Венеции.

Внутренняя политика империи.

Церковная политика.

Царица Ирина была единодержавной владычицей в течение пяти лет, с 797 по 802 г. В это время главное влияние на дела имел евнух Ставракий, а после его смерти в 800 г. - его соперник, евнух Аеций. У них при дворе были свои приверженцы и партии.

Перед самой смертью Ставракий хотел сделать переворот и даже подготовил в столице заговор, подкупив Константинопольские полки. Но царица приняла своевременные меры к обузданию Ставракия и ограничению его власти среди войска. По смерти Ставракия все влияние перешло к Аецию. Этот тоже принимал меры чтобы отыскать преемника Ирины, основателя новой династии.

Аеций командовал двумя фемами на востоке: Анатоликой и Опсикией; его брат Лев - фемами Фракией и Македонией. В 802 г. в Константинополь явилось посольство от Карла Великого с предложением Ирине брачного союза. Это могло разрешить вопрос о наследстве, но тогда уже был готов заговор в пользу насильственного переворота, которым воспользовались, однако, не те, кто его подготовил. 31 октября произошел совершенно неожиданный переворот. «Октября 31-го, индикта 11, в 4 часа ночи с воскресенья на понедельник патрикий и главный логофет Никифор свергнул с престола благочестивейшую Ирину поущением Божиим, неисповедимыми судьбами по множеству грехов наших. На стороне его были патрикий и доместик схол Никита и брат его патрикий (и стратиг Фракии) Сисиний из рода Трифиллиев. злых клятвопреступников. К той же партии принадлежали патрикий Лев Серандапих(?), патрикий Григорий Мусулакый, патрикий и квестор Феоктист и патрикий Петр, привлечший на свою сторону некоторых начальствующих лиц из стоявших в столице полков».

Заговорщики обманули стражу около Большого дворца и были свободно пропущены через ворота Халки. Они выдавали себя за исполнителей воли Ирины, которая будто бы под давлением Аеция, желавшего провозгласить царем своего брата, предпочитает возвести на престол логофета Никифора. В ту же ночь во дворце совершилось провозглашение Никифора, а утром коронация в церкви св. Софии. Находившаяся под охраной Ирина вынуждена была принять совершившийся переворот и признать Никифора в царском достоинстве. Вынудив у нее признание, где спрятаны ее сокровища, Никифор сначала назначил ей пребывание на острове Нринкипо(?), но через несколько дней заключил под крепкую стражу на острове Лесбосе, где она и умерла в августе 803 г.

Никифор царствовал недолго от 802 по 811 г. Происходил он из провинции Писидии, симпатизировал иконоборцам. На престоле старался действовать в государственных интересах. Своего сына Ставракия, короно-

ванного патриархом Тарасием в 803 г., он женил на афинянке Феофано, родственнице царицы Ирины.

Преыдушая деятельность Никифора прошла в финансовых ведомствах. Не будучи подготовлен к военным делам, он тем не менее лично участвует в главных походах и, как увидим, на войне в трагической обстановке потерял жизнь. Во внутренних и внешних делах к началу IX в. назрели вопросы первостепенной важности, с которыми необходимо было считаться и которые нужно было решать не ущерб интересам империи. По важности, первое место занимали сношения с Западной империей. Во время переворота послы Карла Великого были очевидцами происшедшего и должны были оставить столицу Восточной империи, не достигнув цели. Но, отпуская франкское посольство, Никифор присоединил к нему своих уполномоченных, которые передали Карлу сведения о восшествии на престол Никифора. С точки зрения Восточной империи притязания Карла на титул императора стали еще более спорными, с тех пор как на Востоке оказался носителем императорской короны законно избранный сенатом и народом и коронованный патриархом мужчина, а не женщина, как это было. Из-за этого предположения о заключении мира не встретили в Константинополе сочувствия и были оставлены без ответа.

Необходимо было прийти к соглашению не только относительно границ, но и выяснить сферу политического и церковного влияния обеих империй. Равеннский экзархат включал в себя Венецию и Истрию, управляемые отдельным дукой. В Истрии было несколько значительных городов, дававших империи дань. Со временем итальянские владения были утрачены, за исключением Неаполя и некоторых других приморских городов, а после присоединения лангобардские области к Франкскому государству своими остатками территориальных владений в Южной Италии и несколькими приморскими городами в Средней. Восточная империя вошла в непосредственное соседство с Западной.

Венеция и после падения экзархата в 756г., и после подчинения Лангобардского королевства (774) продолжала оставаться под властью империи. Находясь под управлением *magister militum*, который имел в подчинении и Истрию, герцогство Венеция (ряд городов и торговых поселений, начиная от Аквилеи и Градо и до устьев Brentы), только вступала на путь политического обособления. Уже в конце VIII в. заметна попытка избирать наследственных дук, которые во время своей жизни назначали себе в соправители сыновей или родственников. Византийское правительство смотрело сквозь пальцы на это отступление, лишь бы дук признавал себя в зависимости от империи. Дальнейший шаг к обособлению состоял в учреждении своей епископии в Оливоло. Будучи под покровительством за свою верность императорского флота и имея торговые привилегии для своих купцов, Венеция ясно понимала свои выгоды и хорошо определяла свои отношения

к западному и восточному императорам. Организуя управление, Карл Великий уступил Венеции некоторые преимущества в торговле в Италии, но после прекращения сношений с Византией, он распорядился, чтобы венецианским купцам был запрещен доступ в область прежнего экзархата. Обнаруживается борьба духовной и светской партий. Первая тянула на сторону франкского, вторая - греческого влияния. Около 798 г. дук Венеции Маврикий умертвил патриарха Иоанна, на место которого был возведен его родственник Фортунат, который пользовался личным расположением Карла и сумел благо расположить его к церковной партии и охладить к светской власти в Венеции. В 803 г. несколько трибунов и нобилей приняли сторону Фортуната и, переселившись во франкскую часть Северной Италии, выбрали дукой одного из трибунов по имени Обелерий. Это совпало с первыми переговорами Карла с царем Никифором. Обелерий себе в соправители выбрал своего брата Беата и переселился в Маламокко и Риальто вместе с правительственными учреждениями и знатными фамилиями, а на место епископа в Оливоло поставил диакона Иоанна из своих приверженцев.

В 803—804 гг. Обелерий снарядил флот и направил его в Далмацию, где к нему присоединились византийский дук Павел — и епископ Зары. В начале 805 г. оба венецианские дуки и далматинские уполномоченные, дук Павел и епископ Донат, явились к Карлу с подарками и дали ему ленную присягу на владения, принадлежавшие Восточной империи.

В Византии понимали значение Венеции и Далматинского побережья. Император Никифор весной 806 г. отправил флот под командой патрикия Никиты с целью возвращения к повиновению отложившиеся области. Сопротивления не было оказано ни в Венеции, ни в Далмации. Венецианский дук Обелерий получил от византийского правительства титул спафария, а его соправитель Беат взят был в Константинополь и там удержан под разными предложениями, точно так же и епископ Оливоло Христофор. В 807 г. было заключено перемирие на условиях сохранения произведенного в пользу Византии переворота. По истечении срока перемирия в следующем году снова появился императорский флот под командой патрикия Павла. Весной 809 г. греческий флот сделал нападение на соперничавший с Венецией город Комаккио в долине р. По.

После удаления патрикия Павла со своим флотом на Венецию напал Пипин и из-за шестимесячной осады правительство и богатые венецианские купцы должны были перейти из Риальто в Маламокко и другие города. Но в конце концов Пипин одержал верх, принудив к сдаче последний оплот венецианцев и захватив в плен дуку Обелерия и его соправителя. Венеция должна была признать свою зависимость от Карла и обязаться к ежегодной дани. Многие знатные венецианцы были уведены пленными во Францию. Пипин замышлял уже поход в Далмацию, но его остановило приближение

византийского флота под командой патрикия Павла. Для переговоров о мире весной 810 г. был отправлен спафарий Арсафий к Пипину.

Весной 811 г. Арсафий прибыл с письмом Карла в Константинополь, где Карл приветствовал Никифора как брата, давал понять, что Венеция, Истрия и Далмация могут быть снова уступлены Византии, если только за ним будет признан титул императора (василевса) и уведомлял, что для установления точных условий договора придёт специальное посольство. Когда франкское посольство, состоявшее из базельского епископа Геито(?), графа Гуго Турского и др. лиц, прибыло в Константинополь, оно не нашло в живых Никифора, погибшего в войне с болгарами. Избранный на царство Михаил Рангав дал согласие на установленные предварительными переговорами условия и отпустил франкское посольство, присоединив к нему своих уполномоченных - митрополита Михаила, протоспафария Арсафия и Феогноста с подарками для Карла и поручением обменяться мирными грамотами. В 812 г. Карл подписал договор об уступке Византии спорных областей на севере Италии и Далматинского побережья и был торжественно приветствован со стороны византийского посольства титулом императора. На обратном пути через Рим посольство виделось с папой Львом, который вручил ему подписанный им акт церковного мира между Римом и Константинополем. Константинопольский патриарх, в свою очередь, не замедлил отправить в Рим синодик, которым покрывались любовью и братским общением все предшествовавшие недоразумения и раздоры. Таким образом, восстановился мир и доброе согласие между старой и новой империей.

Характеристика Никифора наиболее определяется его внутренней деятельностью. Никифора был человеком большого практического ума, который правильно определил самые слабые места государственного управления и пытался устроить их по мере своей умения. Т. к. главным образом, дело шло о правильном распределении государственных повинностей и податей. Император был суров, не давая пощады ни лицам, ни учреждениям, поэтому его финансовая система встретила большое недовольствие среди современного общества и оставила весьма недобрую память.

Прежде всего он желал обеспечить преемство власти за своим сыном. Хотя его сын Ставракий был мало пригоден к царствованию, тем не менее, он был коронован патриархом Тарасием, и его имя стало упоминаться в актах и провозглашениях рядом с именем отца. Династический вопрос и потому занимал царя, что его вступление на престол не обошлось без военных беспорядков. В феме Анатолика был провозглашен царем стратиг патрикий Вардан. Военное возмущение сообщилось и другим анатолийским фемам. Но Никифор разъединил восставших и сделал безопасным Вардана, который сдался на милость царя и постригся в монахи в построенной им обители на острове Проти.

Финансовые меры Никифора по сообщениям писателя Феофана, вытекали из реальных потребностей того времени и имели целью не интересы частных лиц, а общее благо. Например, вопрос о военной повинности, о способах набора и содержания военных людей.

В истории Никифора у Феофана есть исключительная по своему содержанию глава, где он собрал в один венок все злодеяния царя и, приравняв их к египетским казням, изложил в десяти положениях. Остановимся вниманием прежде всего на тех положениях, которые затрагивают военную систему и земельный вопрос. Отдельно рассматриваемые места Феофана дают мало для понимания, но, будучи сопоставлены между собой и введены в надлежащую историческую обстановку, они получают значительный интерес. Первое обвинение: «Безбожными приемами ища всячески унижить войска, Никифор выселил христиан из всех фем и определил устроить их в славянских областях, владения же их назначил на продажу. И стало положение хуже неприятельского пленения: многие в отчаянии богохульствовали и накликали неприятельское нашествие, другие же оплакивали родительские могилы и завидовали счастьем умерших, были и такие, что надевали на себя петлю, лишь бы освободиться от мучительной жизни. Ибо благоприобретенную недвижимость не в состоянии были взять с собой, и родительскими трудами нажитое добро пропадало даром. И все были в безвыходном затруднении: бедные - по указанным и другим причинам, о которых скажу ниже; богатые же - из сострадания к ним и по бессилию оказать им какую-либо помощь, так как и сами ожидали тяжких бедствий. Это началось в месяце сентябре и окончилось к святой Пасхе. Второе вместе с этим бедствие заключалось в том, что он сделал распоряжение об отбывании воинской повинности бобылями и об вооружении их на счет соседей, обязав их доставлять в казну по 18 номисм в качестве круговой поруки перед государством».

К земельным мерам относятся еще следующие два бедствия, помеченные у Феофана номерами 3 и 4: это, во-первых, распоряжение о проверке земельных участков и о повышении с них податей; во-вторых, отмена сделанных прежде облегчений в уплате повинностей. Итак, мы рассмотрели четыре казни из десяти, относящиеся более или менее к однородной сфере. Что касается выселения военных людей из некоторых фем в славянские области, эта мера так была обычна в империи во все времена, что следует удивляться той картине бедствия, какая нарисована автором. Видимо это один из случаев обмена населения Малой Азии и Балканского полуострова, вызванный на этот раз непокорным духом азиатских фем. Но правительство организовало систему переселений на началах наделения землей на новых местах поселения и, конечно, не допускало такого разорения, о каком свидетельствует текст Феофана. Можно заметить, что заключительные слова писателя: «Началось с сентября, а окончилось к Пасхе» - позволяют предполагать здесь применение правительственной системы

перевода крестьянского населения из одной местности в другую. Что касается той местности, куда именно направлялась колонизация, это не так легко определить. «Славиния»-это термин часто употребляемый у Феофана и притом для различных славянских областей в Македонии и Фессалии.

Военная служба и повинности возлагались на оставшихся на местах крестьян вследствие закона о круговой поруке, о которой речь идет во втором обвинении против Никифора. Как второе его злодеяние писатель указывает именно увеличение тягостей военной службы, т. к. с привлечением к отбыванию воинской повинности бобылей или лиц, не имевших за собой достаточных наделов, доходами с которых могли бы содержаться пешие или конные воины, обязанность вооружить и содержать такого воина возлагалась на соседей.

Наконец, в третьем и четвертом пунктах обвинений против Никифора ставятся ему в вину увеличение податей и отмена сделанных прежде послаблений. Здесь имеются в виду специально те изъятия, которые сделаны были в последние годы Ирины. Уменьшение таможенных пошлин с товаров, ввозимых в Дарданеллы и Босфора, также облегчение от других повинностей и общая мера, распространенная на землевладение, промышленность, торговлю и проч.

Пятому обвинению едва следует придавать серьезное значение: «С первого года вступления на царство он обложил подымной податью крестьян, приписанных к богоугодным заведениям: сиро-питательный дом, странноприимный, для престарелых, равно как церковных и монастырских крестьян. Кроме того, приказав взять в царское заведование наиболее доходные имущества, лежавшие на них подати возложить на оставшихся за богоугодными домами крестьян, так что податные сборы возросли вдвое, а хозяйства и усадьбы уменьшились».

Пропуская не имеющие значения обвинения в мероприятиях против искателей кладов и в обложении податями живого товара - рабов, если они были куплены в Кикладских островах. переходим к девятой и десятой вине Никифора, которые изложены следующим образом: «Он принудил приморских жителей, занимающихся мореплаванием, преимущественно малоазийских обитателей, никогда не живших земледелием, покупать присвоенные им себе земельные участки». В особенности следует отметить десятую вину: «Собрав более значительных торговых людей Константинополя, он возложил на них обязательство взять двенадцать литр золота с выплатой процентов по четыре керата на номисму и с несением обычных торговых пошлин».

Оба приведенные акта представляли бы весьма большой интерес, но в том виде, как они изложены у Феофана, возбуждают сомнения. Если им-

ператор стремился к поощрению торговли, то странно было бы отвлекать мореплавателей к занятиям земледелием. Некоторый свет бросает на этот вопрос система военной морской службы, основанная на землевладении. Как служба на коне, так морская служба и пешая построены были в Византии на системе владения земельной собственностью. Если только мы правильно понимаем место Феофана, девятая вина Никифора и заключается в первом опыте обязательной приписки к земельному участку тех лиц, которые должны нести военно-морскую службу.

Что касается десятой вины, она представляет весьма любопытную финансовую операцию, заключенную на выгодных условиях для той и другой стороны. В данном случае нужно подразумевать на одной стороне казну, на другой - торговых людей столицы. Видимо, что имелась какая-то государственная надобность, для удовлетворения которой Никифор обратился к общественной предприимчивости. Этим распоряжением имелось в виду вызвать содействие к постройке больших судов, которыми можно было бы воспользоваться в случае необходимости и для поенных целей. К подобным мерам и в другое время византийское правительство прибегало для постройки торгового флота, который служит и для военных целей, пока при Василии Македоняnine не был организован государственный военный флот.

В области церковной политики Никифор не принадлежал к приверженцам иконопочитателей и не разделял взглядов царицы Ирины на положение Церкви и духовенства в государстве, но в этом отношении он поступал довольно осторожно. Со смертью патриарха Тарасия в 806 г. и с избранием в патриаршее достоинство Никифора, бывшего до того на государственной службе в должности секретаря (асикрит) и возведенною в высший церковный сан из светского звания, определенно выступает на сцену церковная политика. Связанная с игуменом Студийского монастыря, знаменитым в церковной истории Феодором Студитом. Но о нем у нас был разговор в курсе ОЦИ 1 года обучения.

Рассматривая известия о внутренней деятельности Никифора, переданные в неблагоприятном освещении современной хроникой, видно что в мероприятиях его нет случайности и страстности, какая видна у Константина V, и что, напротив, в церковной политике Никифора заметна скорей нерешительность, бывшая причиной долго волновавшего умы спора о законности венчания Константина VI и Феодоты. Что касается финансовых мероприятий, то Феофан, по всей вероятности, не входил в их оценку и передал лишь народный взгляд на тяготу податей и пошлин. «Никифор, усиливая притеснения христиан, установил систему безбожных дозоров при покупке всякою рода домашнего скота и плодов, несправедливые конфискации и поборы с имущественных лип, назначил роет на постройку судов он, который законом установил отмену роста и ввел другие бесчисленные

вредные измышления, исчислением коих можно бы сделать обременительную нашу историю». Приведенное место, а несколько ниже, обличает или непонимание, или пристрастие: «Сделал распоряжение, чтобы военные люди имели в рабском подчинении епископов и клириков, чтобы распоряжались на владельческом праве епископиями и монастырями и злоупотребляли имуществами Церкви: золотые и серебряные сосуды, искони посвященные Богу, употреблял на частную потребность и позволил себе объявить догму, что священные церковные предметы могут быть обращены па общественную надобность, подобно тому, как Иуда говорил о мире Господнем». Обвинения здесь весьма слабы и выражены в слишком общих чертах и не могут характеризовать деятельность Никифора.

Лекция 35.

План:

Отношения между Византией и арабами.

Восстание Фомы Славянина.

а. Политическая сторона.

б. Религиозная сторона.

Первое русское нападение на Константинополь.

Борьба с западными арабами. Завоевание арабами Крита и Сицилии.

В IX веке враждебные отношения между Византией и арабами почти не прекращались. На восточной сухопутной границе эти отношения вылились в форму однообразных, ежегодных столкновений, сопровождавшихся частыми обменами пленными. В пограничной области со стороны мусульман, от Сирии до пределов Армении, был устроен ряд укрепленных пунктов, которые служили защитой против нападений византийских войск. Такие же укрепленные города были и со стороны византийской границы. Сравнительно редко в IX веке столкновения на восточной границе принимали вид настоящих походов вглубь страны. Во всяком случае, по мере постепенного политического упадка и ослабления халифата в IX веке, с его сильными внутренними смутами и с получением в нем преобладающего значения сначала персов, а позднее турок, постоянные нападения мусульман на Византию с востока уже не грозили, как в VII-VIII веках, самому существова-

нию империи; но сосредоточиваясь, большей частью, в близких к границам областях, эти нападения продолжали наносить сильный вред государству, подрывая благосостояние пограничных провинций, уменьшая их податную силу, уничтожая население. Современниками византийских государей в первые три десятилетия IX века были в халифате знаменитые халифы Харун-ар-Рашид (786-809) и Мамун (813-833), при которых персидское влияние получило исключительное преобладание, и арабская национальность должна была отступить на задний план.

Но если на сухопутной границе, за немногими исключениями, византийско-арабские столкновения не привели в данный период к важным результатам для той или другой стороны, то действия мусульманского флота в Средиземном море, повлекшие за собой для Византии потерю острова Крита, большей части Сицилии и ряда важных пунктов в Южной Италии, имели для империи в высшей степени существенное значение.

Одним из интересных моментов арабо-византийских отношений в первой половине IX века является участие арабов в восстании Фомы в царствование Михаила II.

Восстание Фомы, по происхождению славянина, поднятое им в Малой Азии и получившее размеры настоящей междоусобной войны, длившейся более двух лет, должно быть признано центральным событием времени Михаила II. Оно имеет большой интерес с различных точек зрения: с политической, религиозной и социальной.

С политической стороны восстание Фомы интересно тем, что ему удалось привлечь на свою сторону, за исключением войска двух фем, всю Малую Азию. Под его знамена, по свидетельству современного источника, собрались разнообразные жившие в Малой Азии и на пограничном Кавказе народности: славяне, которые образовали в Малой Азии, благодаря переселениям, обширные колонии, персы, армяне, грузины и представители некоторых других кавказских народностей. На стороне Фомы оказалась столь внушительная сила, что халиф Мамун, не задумываясь, вступил с ним в тесный союз, обязуясь помочь ему в свержении Михаила и получив в свою очередь обещание от Фомы уступить ему некоторые пограничные территории Византии. Итак, в лице Фомы император получил в высшей степени опасного и грозного соперника. Восточные арабы, как видно, были очень заинтересованы ходом возникшего движения.

С религиозной стороны восстание Фомы интересно тем, что он, воспользовавшись недовольством большого числа населения против возобновившегося иконоборства, объявил себя сторонником иконопочитания и даже выдавал себя за Константина, сына императрицы Ирины, восстановительницы православия. Этим Фомы также привлек на свою сторону много-

численных приверженцев. Наконец, в восстании Фомы можно заметить и социальную подкладку, так как в это время в Малой Азии, после того как сборщики государственных податей перешли на сторону Фомы, по словам источника, поднялись «арабы на господ», т. е. поднялись низшие классы против своих притеснителей, в надежде на лучшее будущее. Вспыхнувшая междоусобная война, по словам того же источника, «как бы некие открывшиеся Нильские пороги, затопила землю, не водой, а кровью».

Фома, на сторону которого перешел также флот Эгейского моря, направил свои действия против Константинополя и, без труда справившись с противодействием на пути туда войск Михаила, осадил с суши и с моря столицу. Жившие в европейских провинциях Фракии и Македонии славяне, после прибытия Фомы на европейский берег, присоединились к нему. Осада Константинополя Фомой продолжалась целый год. Михаил находился в очень трудном положении. Однако ему помогли два обстоятельства: с одной стороны, ему удалось нанести поражение флоту Фомы; с другой стороны, неожиданно появившиеся с севера болгары под предводительством своего государя Омуртага разбили сухопутное войско Фомы. После этого Фома уже не мог вернуть себе прежней силы, и дело его было проиграно. Вынужденный бежать, он был схвачен и предан казни. Остатки его приверженцев без труда были уничтожены. Таким образом закончилось в 823 году это сложное, тянувшееся более двух лет восстание, после чего Михаил смог почувствовать себя более или менее твердо на троне.

Для Византии восстание имело довольно важное значение. Попытка восстановить иконопочитание потерпела неудачу. Благодаря неукладке его восстания халиф Мамун также потерпел неудачу в своих наступательных планах на Византию. Затем, восстание Фомы произвело в Малой Азии серьезные социальные изменения. В VI веке, при Юстиниане Великом, в империи процветала система крупных земельных поместий, обрабатываемых крепостными крестьянами. При императорах Исаврийского дома в VIII веке, по крайней мере, в некоторых местностях, можно отметить противоположное этому явление мелких держаний, мелких крестьянских собственников. Между тем в X веке снова появится преобладание крупной земельной собственности. Поэтому на IX век падает процесс преобразования мелких крестьянских держаний в крупные угодья, что и может быть приведено в связь с восстанием Фомы. Последнее, благодаря своей ожесточенности и продолжительности, разорило большинство мелких держателей, не могших более нести тяжестей налогов, и отдало их земли в руки богатых соседей. Это обстоятельство, по мнению некоторых историков, и было одной из важных причин появления в X веке громадных земельных владений, беспокоивших императорскую власть, особенно, в Малой Азии.

Среди почти ежегодных столкновений с арабами, источники неожиданно начинают говорить о первом нападении руссов, т. е. русских, на Кон-

стантинополь. Сравнительно еще недавно это достопамятное для нас событие было относимо громадным большинством историков к 865 или 866 году и часто приводилось в связи с летописным походом Аскольда и Дира. Но после издания в 1894 году бельгийским ученым Францем Кюмоном найденной им в Брюсселе краткой греческой анонимной хроники это мнение пришлось признать неверным, так как хроника сообщает совершенно точную дату. Руссы подошли к Константинополю на двухстах судах 18 июня 860 года, но потерпели сильное поражение и потеряли много своих кораблей. При этом нелишне вспомнить, что некоторые ученые, еще задолго до появления анонимной хроники, уже сомневались в прежней датировке этого события и путем различных хронологических комбинаций склонялись к 860 году. Так, знаменитый итальянский ученый XVIII века Ассемани относил первое нападение руссов к концу 859 или началу 860 года, о чем позднее ученые совершенно забыли. Вполне независимо от Ассемани Голубинский, еще за четырнадцать лет до издания анонимной Брюссельской хроники, пришел также к убеждению, что данное нападение руссов имело место в 860 или в самом начале 861 года.

Современник последнего события патриарх Фотий называл в своей проповеди нападение руссов, этого «скифского грубого и варварского народа», «варварским упорным и грозным морем», «северной и страшной грозой».

Одновременно с военными столкновениями на востоке шла упорная борьба империи с западными арабами. Северная Африка, с большим трудом завоеванная арабами в VII веке, очень быстро освободилась от власти восточных халифов, так что после 800 года, например, аббасидские халифы уже не оказывали никакого влияния на страны к западу от Египта, где в Тунисе образовалась с 800 года сильная самостоятельная династия Аглабитов, владевшая большим флотом.

Византийские владения в Средиземном море подвергались со стороны арабов серьезной опасности. Уже в самом начале IX века, при императоре Никифоре I, африканские арабы помогали жившим в Пелопоннесе славянам во время их восстания и осады города Патр (Патраса). В царствование Михаила II Византия потеряла важный в стратегическом и торговом отношении остров Крит, захваченный арабскими выходцами из Испании, нашедшими убежище сначала в Египте и оттуда уже переправившимися на Крит. Арабский предводитель основал на острове новый город, окруженный глубоким рвом, по-арабски хандак, откуда и произошло другое название острова Кандия. Со времени завоевания острова арабами Крит сделался гнездом пиратов, грабивших и разорявших острова Эгейского моря и прибрежные местности и наносивших этим большой ущерб политическим и экономическим интересам империи.

Еще ощутительнее для Византии была потеря Сицилии. Последняя уже в VII и VIII веках подвергалась иногда арабским нападениям, не имевшим серьезного значения. Но в эпоху Аморийской династии обстоятельства изменились. В конце правления Михаила II в Сицилии поднял восстание и был провозглашен императором Евфимий. Однако, убедившись, что собственными силами ему нельзя будет справиться с правительственными войсками, Евфимий призвал к себе на помощь в Сицилию африканских арабов. Последние, прибыв в Сицилию, начали овладевать островом. Евфимий между тем был убит сторонниками императора. Арабы укрепились в Палермо (Палермо) и постепенно заняли большую часть Сицилии, включая Мессину, так что к концу правления Аморийской династии из всего большого количества сицилийских городов, только Сиракузы остались в руках христиан. Естественным переходом для арабов из Сицилии было продвижение их в византийские владения в Южной Италии.

Аппенинский полуостров оканчивается на юге двумя полуостровами, из которых юго-восточный в древности назывался Калабрией, а юго-западный - Бруттиумом. В византийское время в этих названиях происходит перемена. С середины VII века название Бруттиум становится все менее и менее употребительным и заменяется названием Калабрии, которое стало таким образом обозначать оба полуострова. Одним словом, под Калабрией стали разумеать совокупность византийских владений в Южной Италии вокруг Тарентского залива.

В связи с постепенным завоеванием Сицилии арабский флот начал производить нападения на итальянское побережье. Взятие арабами Тарента при Феофиле сразу явилось серьезной опасностью для византийских южно-итальянских владений. Пришедший на помощь императору в Тарентский залив венецианский флот потерпел сильное поражение. Между тем арабы хитростью захватили на восточном берегу полуострова укрепленный важный город Бари, откуда стали производить дальнейшие завоевания внутри страны. Пришедший туда с войском западный император Людовик II потерпел неудачу и должен был отступить. С другой стороны, арабские пираты в сороковых годах IX века появились в устьях Тибра, угрожая Риму, и, завладев богатой добычей, удалились. Во время этого нападения особенно пострадали римские базилики св. Петра и Павла, находившиеся за городскими стенами.

Подведя итоги арабо-византийским отношениям, необходимо признать, что на западе Византия понесла крупные неудачи. Она потеряла Крит и Сицилию, - первый до 961 года, а вторую навсегда, - и ряд важных пунктов в Южной Италии, хотя в последней арабы в половине IX века и не занимали еще больших сплошных территорий. Иные результаты борьбы с арабами были на восточной границе, где империя почти целиком смогла

отстоять свои пределы; происшедшие незначительные изменения не имели на общий ход дела какого-либо влияния.

Лекция 36.

План:

1. Царь Феофил.
2. Восточные границы империи.
3. Потеря Амории.
4. Царица Феодора. Михаил III.
5. История иконоборчества второго периода и восстановление православия.
6. След иконоборческой эпохи в истории Византии.

Сын Михаила II Феофил, вступил на престол по естественному преемству власти от отца к сыну. Хотя основатель аморийской династии ничем не выдавался из среды обыкновенных военных людей, но получивший самое лучшее по тому времени образование. Его воспитателем был известнейший ученый и ритор Иоанн Грамматик.

Наследник престола был сопричислен к власти своим отцом с первых лет его правления и имел возможность вполне ознакомиться с правительственными делами еще до смерти своего отца. Его склонность к литературным занятиям и к поэзии и покровительство науке и искусству выразились в многочисленных новых предприятиях его времени и в деятельности современных ему ученых и художников. В особенности источники отмечают любовь Феофила к правосудию, во имя которой он не допускал никаких упущений даже по отношению к самым близким лицам. Женившись на девице пафлагонского происхождения по имени Феодора, которая вместе с другими красавицами, собранными со всей империи, представлена была ему во дворце и остановила на себе его внимание. Однако, его супруга не разделяла его взгляды.

Деятельность Феофила была направлена на Восток. Поэтому необходимо подробнее ознакомиться с состоянием дел Багдадского халифата и выяснить причины столкновений между Аббасидами и империей.

В это время Византия подвергалась опасности постоянных, нападений и со стороны моря, и со стороны суши. Остров Крит, сделавшись арабским владением, стал высылать корсаров к берегам Малой Азии. Самая морская фема Кивиррзотов(?) подвергалась опустошениям. Остатки византийского флота здесь были разбиты в 829 г., и арабы после того почти без сопротивления делали набеги на Кикладские острова, на Афон и на прибрежные места Азии. Еще хуже было положение со стороны сухопутной границы. Прежняя пограничная линия укреплений на персидской границе была уничтожена вследствие завоевания Персии арабами, а значение прежних крепостей Дара и Нисибис было утрачено с тех пор, как арабы завоевали Палестину и Сирию. Теперь арабы хозяйничали в пределах империи.

В IX в. арабы умели и воевать, и защищать завоеванные места. Пограничная линия арабских укреплений с Византией опиралась на Антиохию и Самосат, где арабы имели свои военные запасы и откуда организовались военные предприятия против империи. Однако, арабские владения шли далее, простираясь до гор Тавра. Важнейшим пограничным укреплением был Тарс. Он был окружен двойной стеной и снабжен продовольствием, военными запасами и сильным гарнизоном. Пограничная укрепленная линия от Тарса шла на север на Адану и Мопсуестию, затем на Аназарб, Мараш и Малатию(?), или Мелитену. Вся эта линия была сильно укреплена и имела в непосредственном соседстве византийскую оборонительную линию в фемах Анатолика, Каппадокия и Харсины.

В царствование Михаила II халифат был занят внутренней войной, вызванной появлением религиозно-социальной секты хуррамитов, распространяемой неким Бабеком персидского происхождения. Гнездом нового учения была горная страна на юго-западе Каспийского моря, между Арменией и Азербайджаном; многие племена, принявшие учение Бабека, подняли восстание против халифа и более 20 лет вели с его правительством войну. В особенности в 829- 830 гг. повстанцы уничтожили все высланное против них войско, нанеся сильный удар самолюбию Мамуна.

Военные столкновения между халифатом и империей начались на восточной границе вслед за вступлением на престол Феофила и продолжались в течение трех лет до смерти Ал-Мамуна, умершего в 833 г. в Тарсе во время похода против Византии. Выступив из Багдада в 830 г., Мамун прибыл в Таре и в половине июля вместе с сыном своим Аббасом вступил в пределы империи. Военные действия происходили близ укрепленной линии, в феме Анатолика, где арабов встретил сам Феофил с двумя лучшими

своими полководцами Мануилом и Феофовом. Арабы имели в этом походе решительный успех и овладели несколькими византийскими укреплениями. На следующий год возобновилась война с новой силой. На этот раз нападающей стороной был царь Феофил, который неожиданно перешел теснины Тавра и напал на арабскую крепость Тарс, в которой погубил значительное число населения. Другие отряды двинулись на северо-запад, где в феме Харсианы арабам было нанесено сильное поражение и, по свидетельству византийской летописи, захвачено в плен до 25 тыс. человек. После этой победы Феофил торжественно въехал в столицу: «Когда Феофил прибыл во дворец Иерию (что в нынешнем Фанараки на азиатском берегу), навстречу ему прибыла августа и регент с магистром и епархом города и сената, возложив охрану города на гвардейские полки. Сенат приветствовал царя земным поклоном в некотором расстоянии от входа во дворец, а царица (Феодора) вошла за решетку нижней залы и приветствовала его целованием. Феофил приказал сенату оставаться с ним в Иерии в течение семи дней как бы в консистории с целью выждать, пока доставят сюда пленных агарян. По истечении семи дней отплыл из Иерии к святому Маманту и пробыл там три дня, и отсюда прибыл во Влахерны, где вышел из корабля и, сев на коня, держал путь за внешние стены в палатки, которые были раскинута на долине. Тогда же были доставлены к месту стоянки царя и военнопленные. Городской же епарх занялся украшением города, убрав его наподобие брачной комнаты. Разнообразные ткани и шелковые материи, и серебряные светильники, и цветы, и разных цветов розы украшали главную улицу города от Золотых ворот до Халки. В триумфальном шествии принимали участие разделенные отрядами войск на отдельные группы пленники, добыча и оружие. Затем ехал император на белом коне, покрытом драгоценной попоной, держа в руке скипетр. На нем была одета вытканная золотом широкая одежда (хитон, или хламида) с лороном в розовых и виноградных узорах, опоясанный шпагой и имея на голове тиару. Вместе с ним ехал кесарь (это был Алексей Муселе), одетый в золотой панцирь с наручниками и наколенниками из золота, нося на голове кесарскую повязку с золотым обручем, опоясанный шпагой и сидя на белом коне а драгоценной попоне, в руке у него было золотое копье. При вступлении царя в великие Золотые ворота магистр, регент и епарх города поднесли ему золотой венец, украшенный драгоценными камнями и дорогим жемчугом, который царь принял и держал на правом плече. Тут устроили ему торжественный прием, обычный для праздничной процессии, городские димы, приветствуя его возглашениями. Оттуда шествие направлялось через Сигму мимо св. Мокия до Миля. Здесь сошли с коней члены сената и пошли впереди царя до колодца св. Софии. Перед входом в Халки находится возвышение, на нем с одной стороны стоял золотой орган, известный под названием «Несра, вне иного чуда», с другой - золотой и украшенный драгоценными камнями трон, а посреди большой золотой крест. Когда царь сел на трон, началось представление городских сословий и поднесение даров. Царь принимал подношения, благодарил и держал речь об удачах окончившейся войны. Присутствовавшие славословили его восклицаниями.

Затем, встав с трона, сел на коня и, проследовав чрез портики Ахилла мимо бань Зевкеиппа(?), вступил в некрытый ипподром и, пройдя под кафизмой через Дафну, спустился в крытый ипподром и отсюда, сошед с коня, вошел во дворец. На следующий день происходили приемы и пожалование чинов и наград, давались представления в цирке, причем вновь в торжественной процессии показывались народу пленники и военная добыча». Едва ли не в том же году Ал-Мамун предпринял вновь наступление в византийские пределы. Царь Феофил предлагал халифу возвратить часть пленников, лишь бы достигнуть мира на Востоке, но летом 831 г. война велась в феме Каппадокия. Здесь арабы взяли город Ираклию - Кивистру, захватили много пленников в городе Тиане и нанесли поражение византийскому отряду, во главе которого стоял сам Феофил.

В следующем 832 году снова начались военные действия, хотя халифу предстояло принять личный поход в Египет, чтобы усмирить тамошнее восстание. По окончании египетского похода Мамун осадил византийское укрепление Лупу, которое защищало киликийский проход и находилось на пути от Тарса в Тиану. В течение ста дней арабы не могли взять этой крепости, пока не выстроили сами двух башен, при помощи которых могли наносить вред византийскому гарнизону. Хотя Феофил спешил прийти на выручку осажденной крепости, но был на пути разбит арабами, захватившими богатую добычу. Тогда крепость сдалась арабам и была ими обращена в опорный пункт при наступлении против Византии. Из-за этого Феофил вступил в сношения с халифом насчет заключения мира и обмена пленными. Но с его стороны последовал такой высокомерный ответ, который не оставлял места для мирного соглашения.

На следующий год арабы вступили в Каппадокию. На этот раз сын Мамуна Аббас занялся возобновлением и укреплением Тианы, которая пришла в полное разрушение. Между тем сам халиф приготавливал большие военные средства для наступления против империи. Среди приготовлений к походу Ал-Мамун умер в августе 833 г. и погребен в Тарсе.

При преемнике Мамуна, халифе Ал-Мутасиме, нет известий о военных действиях на восточной границе, хотя и попытки Феофила заключить мир с арабами не увенчались успехом. В 837 г. сам Феофил начал военные действия на восточной границе. Поход был предпринят при самых благоприятных условиях. Редко империя располагала такими громадными силами, как на этот раз — в войске было до 100 тыс. в состав его входили славяне и перешедшие к Феофилу персы из приверженцев Бабека. Феофил открыл поход в направлении к Месопотамии, где в то время не могло быть значительного сопротивления. Ему удалось взять без труда арабские крепости Малатию и Самосат, составлявшие ключ арабских укреплений на северо-западной границе халифата, и затем приступил к важному городу Запетре, или Сочопетре, родине Мутасима. Этот город был взят и подвергся

беспощадному опустошению: победители жестоко издевались над пленниками, выкалывая им глаза и отрезывая уши. Это была вторая победа Феофила, которую он отпраздновал в столице новым триумфом. В память этой победы начат был постройкой загородный дворец известный под именем дворца Врия. Но эта последняя победа весьма затронула халифа Мутасима, и он решился немедленно мстить за нее.

В 838 г. военные действия между халифатом и империей достигают своего высшего напряжения. Арабы не ограничиваются кавалерийскими наездами и опустошением страны, они проникают в середину Малой Азии и почти одновременно берут две важные византийские крепости, Аморий и Анкиру. По словам арабского летописца Табари, ни один халиф до того времени не имел с собой в походе такого числа войск, оружия, снарядов, мулов, кожаных мехов, мехов для молока, железных орудий, нефти. В то время Аморий имел важное церковное и политическое значение, будучи возведен в метрополию и пользуясь обширным влиянием в феме Анатолика. Ввиду своего политического и географического положения этот город представлял собой сильную крепость, стены его были защищены 44 башнями. Арабское войско было разделено на две большие части, из коих одна шла с юга от крепости Тарса по направлению к Аморию, другая-с северо-восточной стороны через Армению на Анкиру.

Ближайшие и непосредственные распоряжения к защите Амория сделаны были из Дорилея, где у императора была главная квартира. Защита была вверена стратигу Анатолика патрикию Аэцию, причем гарнизон был усилен новыми частями под начальством протоспафария Федора Кратира. Со стороны арабов главным вождем был Афшин-Хайдар ибн Каус, которому и предоставлена была задача отвлечь внимание Феофила от Амория движением на северо-востоке; во главе же отряда, направлявшегося от Тарса к Аморию, стоял Ашнас турецкого происхождения. Первое и решительное действие, решившее судьбу Амория, происходило далеко от Дорилей, Аморий и Тарс. Сначала царь Феофил имел целью встретить часть арабского войска, стоявшую на р. Ламус недалеко от Тарса и которая должна была идти на Аморий. Но из-за слухов о движении неприятелей на фему Армениак он признал возможным отделить часть из своего отряда и лично направиться с ней в Армениак, чтобы остановить движение Афшина. Недалеко от Коман и фемы Армениак византийское войско, предводимое двумя лучшими генералами Мануилом и Феоффовом, сошлось с арабским отрядом, во главе которого стоял Афшин. Здесь произошла известная по своим гибельным последствиям для империи битва на равнине Дазимон. Она началась утром 22 июля и сначала шла удачно для греков, но со вступлением в дело арабской конницы счастье повернуло на сторону мусульман. Когда началось беспорядочное бегство византийского войска, царь подвергался неминуемой опасности быть окруженным врагами и попасться в плен, но ему помог выбраться из опасного места Мануил, проводив его до

Амасии, где сосредоточивались остатки потерпевшей поражение армии. За этим несчастьем следовало другое. Наступавшее с северо-востока арабское войско стало угрожать Анкире, и, прежде чем была послана помощь этому городу, он был уже взят неприятелем. После этого все арабские силы стали сосредоточиваться у Амория.

Для царя Феофила, который снова приблизился к Дорилею, не оставалось надежды на успешный исход войны, и он поспешил обратиться к Мутасиму с письмом, в котором объяснял последовавшие при взятии Запеты жестокости и предлагал халифу выдачу пленников и другое, если он оставит продолжение похода. Но Мутасим отдал уже приказ Афшину и Ашпасу приступить к осаде Амория и сам стал лагерем среди осаждавшей город армии. Осада началась 1 августа 838 г. Она потребовала значительных земляных работ и возведения укреплений вокруг стен. Но и аморийский гарнизон под начальством патрикия Аэция честно исполнял свое дело и наносил большой урон осаждающим. Обе стороны имели значительные потери. Легенда объясняет взятие города Амория изменой со стороны одного мусульманина, который содержался в Амории в плену. Он будто бы выдал халифу секрет военной обороны города и указал часть стены, которая не могла выдержать действия стенобитных машин.

С тех пор как неприятель начал бить стену в указанном ему месте, для защитников города не оставалось никакой надежды на спасение, т. к. скоро обрушилась часть стены, и все усилия гарнизона заделать обвалившееся место бревнами и посредством наложения войлока уменьшить силу удара машин не могли спасти город. В самых последних и решительных делах принимал участие сам Мутасим. Прежде всего был заполнен в некоторых местах глубокий ров перед городскими стенами, затем придвинуты были подвижные башни с достаточным числом военных людей. В то же время продолжала постепенно увеличиваться брешь в стене вследствие действия стенобитных машин, которую уже невозможно было своевременно заделывать. Тогда защитник этой части стены, не получая помощи от стратига Аэция, вступил в переговоры с арабами насчет условий сдачи крепости. Они ворвались в город во время прекращения военных действий, когда завязались переговоры об условиях сдачи. Аморий был взят после упорного сопротивления, продолжавшегося почти два месяца и стоившего осаждавшим огромных жертв, измеряемых десятками тысяч погибших.

Множество беззащитных жителей было убито, множество взято военнопленными. Город предан огню, грабежу и страшному опустошению. По приказанию халифа пленники были поделены на два разряда - знатные и простые люди, — и все были разделены между главными вождями. Собранный военный добыча продавалась в течение пяти дней, что не успели продать - сожгли. Женщин, детей и рабов продавали по дешевой цене и целыми группами - по пяти и десяти. Мутасим возвратился назад с громад-

ным обозом добычи и со множеством пленных, в числе которых были высшие сановники патрикий Аэций и протоспафарий Феодор Кратир. Все пленники приведены были в Багдад и поселены в построенном Мутасимом городе Самра на р. Тигр, где они томились в заключении и приняли мученическую смерть в 846 г.

Феофил пришел к мысли составить европейскую коалицию против мусульман. С этой целью он вступил в сношения с западным императором Людовиком Благочестивым, с дожем Венеции и, наконец, с испанским халифом Абдаррахманом II из династии Омейядов. Прежде всего византийское посольство в конце 838 г. появилось в Венеции у дожа Петра Трандонико(?). Во главе этого посольства был патрикий Феодосий, который побудил Венецию снарядить флот и послать его против сицилийских арабов, начавших делать завоевания в Южной Италии. Но экспедиция не имела успеха, ибо венецианский флот был разбит арабами. Пробыв в Венеции около года, патрикий Феодосий 17 июня 839 г. был принят германским императором в Ингельгейме, причем вел переговоры о направлении флота в Африку против мусульман с целью раздробить силы Мутасима.

Несмотря на все попытки положение дел на восточной границе осталось весьма неудовлетворительным. Проникновение арабов в Малую Азию расстроило систему военной обороны, уничтожив значение фемы Анатолика. Поэтому Феофил не пожалел громадной суммы в 2400 ф. золота, (около миллиона рублей на 1913 г.), чтобы получить от арабов почетный мир и выкупить всех пленников, но халиф поставил такие условия, на которые Феофил не согласился. Мир не был заключен и война продолжалась, хотя не с таким, как прежде, напряжением.

Смерть Феофила не была неожиданностью. Регентство за малолетством наследника Михаила III было назначено самим императором. Оно состояло из царицы Феодоры, ее дочери Феклы, патрикия Феоктиста и протомистра Мануила, дяди царицы. Довольно влиятельное значение имел и брат царицы, патрикий Варда, который затем становится самым важным государственным мужем в империи. В это время первые роли принадлежали лицам армянского происхождения, прибывшим вместе с Феодорой. Кроме ее матери Феоктисты и трех незамужних сестер, важным значением пользовались ее дядя Мануил и братья Варда и Петрона. Пять дочерей Феофила и Феодоры избрали монашескую жизнь, за исключением Марии, вышедшей замуж за Алексея Муселе, тоже армянского происхождения.

Это правительство прежде всего считало для себя обязательным изменить церковную политику и восстановить православие. Посмотрим на политику регентства и на внешние отношения империи в малолетство Михаила, оставшегося по смерти отца 4-летним ребенком.

Первым лицом в регентстве был логофет Феоктист. Ему доверяла Феодора так как он был хорошим исполнителем ее предначертаний и верным истолкователем ее воли. Не имея удачи во внешних войнах и потерпев неоднократно поражение, Феоктист постоянно находил защиту в Феодоре и платил ей преданностью и верностью. Положительным его качеством было то, что он держал в порядке государственное хозяйство и обогащал казну сбережениями. Дядя царицы Мануил имел больше значения при Феофиле, чем во время регентства. Во время регентства Мануил мало принимал участия в государственных делах и вел частную жизнь в своем удаленном от центра дворце.

Самая важная роль с течением времени перешла к Варде, брату царицы. Способный и образованный человек, который прекрасно мог направлять политику государства и принимать меры к успокоению внутренних смут. Варда весьма неудачно справлялся со своими обязанностями по отношению к наследнику и мало заботился об его нравственном развитии. Его цель заключалась в том, чтобы сделать царевича неспособным к серьезным и самостоятельным. Но главную роль в управлении обширным государством играла сама царица и в деле восстановления православия, и в организации государственного управления, и в особенности в порядке расходования государственных средств.

Внешнее, и внутреннее положение империи требовало от регентства внимания и постоянных оборонительных мер, в особенности со стороны мусульман.

С именем царицы Феодоры соединяется громадного значения акт завершения иконоборческой смуты.

Первые государи периода 802-867 годов не являлись сторонниками иконоборчества и поэтому казалось, что иконопочитание, восстановленное Ириной, может постепенно укрепиться и не будет подвергнуто новым испытаниям. Император Никифор придерживался политики религиозной терпимости, сочетавшейся с идеей временного господства над церковью. Признавая постановления Никейского собора и победу иконопочитателей, он в то же время не был ревностным иконопочитателем. Видимо, религиозные вопросы интересовали императора весьма незначительно. Они имели для него значение лишь с точки зрения государства. Монашество при нем переживало иногда тяжелые моменты, особенно когда весьма уважаемый и любимый народом патриарх Тарасий был заменен новым патриархом Никифором, который был поставлен волей императора непосредственно из мирян.

Михаил I Рангаве правил только короткое время (811-813) и был под постоянным влиянием патриарха и монахов. Он был послушным сыном

церкви и защитником ее интересов. Во время его правления Феодор и студиты были возвращены из ссылки.

После восстановления иконопочитания Ириной прошло 25 лет. Однако иконоборческое направление продолжало жить в восточных областях Малой Азии и в рядах войска. В 813 году Лев, военачальник, по происхождению армянин, сделался императором. Будучи вынужденным скрывать свои иконоборческие взгляды, как только он низложил Михаила Рангаве и укрепил свое положение, стал проводить открыто свою иконоборческую политику.

Иконоборческим мероприятиям Льва V со всей решимостью воспротивился патриарх Никифор, который позже был низложен императором. Патриархом Константинополя стал Феодот, согласный с религиозной политикой Льва. В 815 году второй иконоборческий собор собрался в храме Св. Софии в Константинополе. Акты этого собора были уничтожены, но постановление собора сохранившееся в одном из апологетических сочинений патриарха Никифора было опубликовано.

Императоры-иконоборцы второго периода. Лев V Армянин, Михаил II Косноязычный и Феофил, должны были проводить свою политику уже в иных условиях, по сравнению с теми, что преобладали в первом периоде. Второй период длился только около тридцати лет (815-843). Иконоборцы второго периода встретили более сильное сопротивление, чем их предшественники. Борьба для иконоборцев стала гораздо труднее. Особенно упорное противодействие им оказывали игумен Студийского монастыря Феодор и его последователи студиты, убежденные защитники икон, имевшие большое влияние на народ. Мало того, Феодор открыто говорил и писал против вмешательства императорской власти в дела церкви, отстаивая начала церковной независимости и свободы веры. Император, разгневанный взглядами Феодора и его деятельностью, отправил его в дальнюю ссылку. Высланы были и многие из его последователей.

Согласно сохранившимся источникам, преследование икон и их почитателей было весьма жестким во времена Льва V. Они называют мучеников, которые пострадали в это время. С другой стороны, даже самые непримиримые противники Льва V признают, что его деятельность была очень эффективной и искусной по защите империи и мудрой в его административной деятельности. Согласно одному историку, патриарх Никифор, низложенный Львом, «сказал после смерти Льва, что государство ромеев потеряло весьма великого, хотя и нечестивого правителя». Однако другие современники называли Льва «пресмыкающейся змеей» и сравнивали его время с «зимой и густым туманом».

Мнения очень различаются между собой, когда речь заходит о религиозных взглядах преемника Льва, Михаила II. Тогда как одни историки считают его нейтральным, индифферентным человеком, который «стал на дороге веротерпимости и провозгласившим свободы совести», другие называют его «убежденным иконоборцем, хотя и не фанатичным», «решившим поддерживать иконоборческую реформу Льва, гармонизировавшую с его личными убеждениями, но в то же время отказавшимся от дальнейшего преследования иконопочитателей». Несмотря на свои иконоборческие склонности, Михаил не открывал преследований иконопочитателей, хотя, когда Мефодий, ставший впоследствии патриархом Константинопольским, доставил императору послание от папы и взывал к восстановлению иконопочитания, последний был подвергнут жестокому бичеванию и заключению в гробнице. Сравнивая время Льва V и царствование Михаила II, современники употребляли такие фразы: «огонь погас, но дым остался», «с пресмыкающейся змеей еще не был умерщвлен хвост ереси и корчился», «зима прошла, но не наступила совершенная весна» и т. д. При Михаиле скончался знаменитый защитник икон и свободы церкви Феодор Студит.

Феофил, преемник Михаила II и последний иконоборческий император, был человеком хорошо образованным в богословских вопросах, отличавшимся ревностным почитанием Богородицы и угодников Божиих и автором нескольких церковных песнопений. В исторической литературе мнения о Феофиле очень противоречивы, начиная от самых отрицательных, до очень хвалебных. С точки зрения иконоборчества царствование Феофила было самым суровым временем во вторую эпоху этого движения. Главным советником и руководителем иконоборческой политики императора был будущий константинопольский патриарх Иоанн Грамматик, ученейший человек своего времени, обвиненный, в чернокнижии и сношении с темными силами. Монахи, среди которых было немало иконописцев, подверглись жестоким преследованиям. Например, руки монаха-иконописца Лазаря были сожжены раскаленным железом. За ревностную защиту икон два брата, Феофан и Феодор, подверглись палочным ударам и выжиганию на их лбах определенных оскорбительных греческих стихов, которые были специально для этой цели сочинены самим Феофилом. С этих пор они получили прозвание «начертанных».

Феодора, супруга Феофила, была ревностной сторонницей иконопочитания и ее религиозные взгляды были хорошо известны ее мужу. Когда Феофил умер в 842 году, Феодора сделалась официальной правительницей государства за малолетством их сына Михаила. Первой задачей Феодоры было восстановить иконопочитание. Очевидно, сила сопротивления иконоборцев была гораздо менее значительной, чем в эпоху первой восстановительницы иконопочитания, так как Феодоре понадобился всего год с небольшим, чтобы созвать собор по данному вопросу для подтверждения ее религиозных устремлений, в то время как Ирина вынуждена затратить

семь лет для той же задачи. Патриарх Иоанн Грамматик был низложен с патриаршего престола и константинопольская кафедра была предоставлена Мефодию, который очень пострадал во времена Михаила. Акты собора, созванного Феодорой, не сохранились, однако другие источники показывают, что они подтвердили каноны Никейского собора и восстановили иконопочитание. Когда собор закончил свою работу, в храме Св. Софии, была отслужена торжественная служба в первое воскресенье Великого Поста, 11 марта 843 года. Этот день до сих пор отмечается как Торжество Православия в православной церкви.

Подводя итоги всему иконоборческому движению, можно прийти к таким заключениям: иконоборческая партия черпала свои силы в придворной партии и армии, включая ее ведущих военачальников, некоторые из которых сделали императорами, как Лев III, Лев V и Михаил II. Иконоборческие настроения армии объясняются некоторыми исследователями тем фактом, что большая часть солдат была набрана среди восточных национальностей, по преимуществу армян, которые, как известно, были переселены в большом количестве в западные провинции, в основном во Фракию. Поэтому в своем большинстве войско было настроено иконоборчески по убеждению. Что же касается придворной партии и высшего духовенства, то гражданские власти и часть епископов меняли, по большей части, свои взгляды не по убеждению, а из-за страха или честолюбия. Население Константинополя и большая часть духовенства были на стороне иконопочитания. Императоры-иконоборцы, талантливые вожди и администраторы, победители арабов и болгар, про некоторых из них даже можно сказать, что они были спасителями христианства и зарождавшейся западной цивилизации, преследовали иконы не во имя политических целей и амбиций. Они действовали так во имя искреннего убеждения, что работают во благо церкви и христианства. Религиозные реформы этих императоров были в то время губительными для исполнения их политических решений. Борьба с иконопочитателями привела к большим внутренним неурядицам и ослабила политические силы империи. Борьба эта привела также к разрыву с западной церковью и к постепенному отдалению Италии от Византийской империи. Только политическими причинами можно объяснить политику императоров-иконоборцев по отношению к монахам и монастырям. Очень трудно составить детальное представление о богословской доктрине иконоборцев, так как практически вся литература, касающаяся иконоборческого учения, была уничтожена иконопочитателями. Однако даже среди иконоборцев были как люди умеренные, так и крайне радикальных позиций. Изображение икон рассматривалось как потенциальный источник двух опасностей: возврата к язычеству или возврата к какой-либо из ересей, осужденных Вселенскими соборами. В связи со вторым периодом иконоборчества важно подчеркнуть, что если в течение VIII века императоры Исаурийской династии всегда поддерживались восточными провинциями Малой Азии, то в IX веке ситуация меняется.

Иконоборчество отдалило от империи Италию и папство, что явилось одной из основных причин разделения церквей в девятом веке. Коронавание Карла Великого папой в 800 году еще более отдалило папу от Византии. Окончательный разрыв произошел во второй половине IX века при Михаиле III, когда в Константинополе разыгралось известное дело Фотия и Игнатия.

Лекция 37.

План:

Хронисты.

- а. Георгий Синкелл.
- б. Феофан Исповедник.
- в. Никифор, патриарх Константинопольский.
- г. Георгий Амартол.

Произведения иконоборцев.

Защитники иконопочитания.

- а. Иоанн Дамаскин.
- б. Феодора Студита.

Гимнография. Монахиня Кассия.

Высшее образование. Высшая школа в Константинополе.

- а. Патриарх Фотий.
- б. Патриарх Иоанн Грамматик.
- в. Лев математик.

Взаимные культурные контакты между халифатом и империей.

Художественные памятники.

Византийские монеты и печати.

Постройки времени Феофила.

Глубокое, сложное и интенсивное общественное движение иконоборчества, вызвало большую литературную активность. Однако, литература иконоборцев была почти полностью уничтожена. Нам она известна только по маленьким фрагментам, сохранившимся в трудах оппонентов иконоборцев, которые их цитировали с целью опровержения.

Эпоха иконоборчества не имела историков, хотя хронисты этого времени оставили многочисленные сочинения, полезные для правильного понимания византийской хронографии и ее источников и весьма ценные для изучения самого иконоборческого периода. Георгий Синкелл, умерший в начале IX века, оставил Хронографию от сотворения мира до царствования Диоклетиана (284 г. н. э.), которую он написал во время своего пребывания в монастыре. Не смотря на то, что это сочинение не проливает свет на иконоборческую эпоху, т.к. автор не занимался современными ему событиями, хроника имеет очень большое значение для прояснения некоторых проблем предшествующей греческой хронографии, ибо Георгий использовал такие сочинения.

Его Хроника была продолжена в начале того же века его другом, Феофаном Исповедником, влияние которого как хрониста на литературу последующих периодов было весьма большим. Он был непримиримым врагом иконоборцев во время второго периода движения. По приказу Льва V Армянина он был арестован и, после нахождения некоторое время в тюрьме, был сослан на один из островов Эгейского моря, где и умер в 817 году. Хроника Феофана посвящена периоду от царствования Диоклетиана, где Георгий Синкелл прервал свое изложение событий, до падения императора Михаила I Рангаве в 813 году. Несмотря на ярко выраженную восточно-православную точку зрения, несмотря на пристрастный характер изложения, сочинение Феофана весьма ценно не только из-за обширного материала, взятого из ранних источников, некоторые из которых не сохранились, но и в качестве источника современных событиям иконоборческого движения. Его хроника отводит иконоборчеству гораздо больше места, чем это обычно делают византийские хронисты. Сочинение Феофана было любимым источником последующих хронистов. Латинский перевод его хроники, сделанный папским библиотекарем Анастасием во второй половине IX века, имел такое же значение для средневековой хронографии на Западе, как греческий оригинал на Востоке.

Другим значительным писателем этого времени был Никифор, патриарх Константинопольский в начале IX века. За свою смелую оппозицию иконоборчеству во времена Льва V Армянина он был низложен и сослан. В своих сочинениях, часть которых остается неопубликованной, Никифор, основанной на глубоком убеждении, истинность взглядов иконопочитателей. Он опровергает аргументы иконоборцев главным образом в своих трех «Опровержениях невежества и безбожной бессмыслицы нечестивой Маммоны [это имя он применял к Константину V] против спасительного воплощения Слова Господа». С исторической точки зрения, его «Краткая история», которая излагает события от смерти Маврикия в 602 году до 769 года, имеет значительную ценность. Несмотря на тот факт, что, желая дать этому сочинению характер популярного изложения, подходящего для широкого круга читателей, Никифор придал ему несколько дидактический характер, «Краткая история» остается важным источником, ибо она содержит много интересных фактов по политической и церковной истории этого периода. Видимо, автор «Истории» и Феофан оба использовали один общий источник.

Наконец, Георгий Монах (Monachus) Амартол, также противник иконоборцев, оставил всемирную хронику от Адама до смерти императора Феофила в 842 году, т. е. до окончательной победы иконопочитания. Это сочинение имеет большую ценность для культурной истории периода, т.к. оно содержит много обсуждений проблем, занимавших византийское монашество того времени. Природа самого монашества, распространение иконоборческой ереси и распространение сарацинской веры. Сочинение дает также живую картину устремлений и вкусов византийских монастырей в IX веке. Хроника Амартола послужила основой для позднейших византийских обработок всемирной истории и оказала огромное влияние на начальные шаги развития славянских литератур, особенно русской. Начало русских летописей тесно связано с сочинением Амартола. Рукопись Древнерусского перевода Амартола содержит 127 миниатюр, которые еще не полностью изучены и оценены, но имеют очень большое значение для истории русского и византийского искусства XIII века. Эта рукопись является единственной иллюстрированной копией Хроники Амартола, дошедшей до нас. За исключением одного анонимного автора, Амартол является единственным хронистом, современным периоду 813-842 годов. Он писал об этом периоде, используя в основном устные рассказы современников и личные наблюдения. Рукописная традиция сочинения Амартола, которая изменялась и расширялась многократно в последующие столетия, дошла до нас в столь сложной и запутанной форме, что вопрос о подлинном тексте его сочинения является одной из самых сложных проблем византийской филологии. Только в самом начале двадцатого века был опубликован критический текст Амартола. Недавно было опубликовано критическое издание древнерусского перевода Хроники Амартола, дополняющее греческий текст про-

должения этой хроники, который послужил основой для славянского перевода.

Иконоборческая литература была почти полностью уничтожена, однако часть актов иконоборческого собора 754 года сохранилась в актах седьмого Вселенского собора. Фрагменты обширного сочинения против почитания икон, написанного Константином V Копронимом, сохранились в трех «Опровержениях» патриарха Никифора. Этот император был автором еще нескольких литературных произведений. Лев V приказал составить общий компилятивный свод, благоприятный иконоборчеству и основывающийся на Библии и отцах церкви. Ни одно из этих сочинений не сохранилось. Некоторое количество иконоборческих поэм сохранилось в сочинениях Феодора Студита. Седьмой Вселенский собор постановил, что вся иконоборческая литература должна быть уничтожена.

Огромное количество литературного материала, посвященного защите иконопочитания, написано Иоанном Дамаскиным, уроженцем Сирии, которая была тогда под арабской властью. Он был министром халифа в Дамаске и умер около 750 года в знаменитой палестинской лавре св. Саввы. Иоанн оставил много сочинений в области догматики, полемики, истории, философии, ораторского искусства и поэзии. Его основное сочинение - «Источник Знания». О нем мы говорили в курсе II года обучения ОЦИ. Благодаря своему творению, Иоанн дал в руки иконопочитателей мощное оружие в борьбе со своими оппонентами, какового они не имели в начальной стадии иконоборческого движения. Позднее, в XIII веке, это сочинение было использовано Фомой Аквинским в качестве модели для своего труда «Summa Theologiae».

Интересно замечание А.А. Васильева о сочинении «Варлаам и Иоасаф»: «Имя Иоанна Дамаскина тесно связано также с сочинением «Варлаам и Иоасаф», который пользовался огромной популярностью на всех языках в течение средних веков. В течение Средних веков, вплоть до последнего времени, роман практически единодушно приписывался Иоанну Дамаскину, однако в 1886 году французский востоковед Х. Зотенберг выдвинул некоторые доказательства того, что Иоанн не мог быть автором этого сочинения, и многие согласились с его выводами. Однако в последние годы исследователи, занимавшиеся этим сюжетом, менее уверены и склоняются более к предшествующей точке зрения. Так, если автор статьи об Иоанне Дамаскине, помещенной в «Catholic Encyclopedia» в 1910 году, говорит, что роман «Варлаам и Иоасаф» приписывается ему ошибочно, то издатели и переводчики последних лет полагают, что имя св. Иоанна Дамаскина до сих пор имеет право появляться на титульной странице их изданий».

Второй период иконоборчества отмечен активной деятельностью хорошо известного защитника иконопочитания Феодора Студита, настоятеля

монастыря в Константинополе, который пришел в упадок при Константине V, но стал оживать при Феодоре. При его руководстве был выработан новый устав для монастырей на основе общей жизни. Интеллектуальные запросы монахов должны были удовлетворяться школой, организованной в монастыре. Монахи должны были упражняться в чтении, в письме, в копировании рукописей, в изучении Писания и сочинений отцов церкви, а также в искусстве сочинения гимнов, которые они пели во время служб.

Будучи одним из крупных религиозных и общественных деятелей в грозный период иконоборчества, Феодор показал свои способности значительного писателя в разных литературных жанрах. Его догматические и полемические сочинения ставили целью разработать фундаментальные положения об иконах и иконопочитании. Его многочисленные проповеди, которые образуют так называемый Малый и Большой Катехизис, оказались наиболее популярными из его произведений. Он оставил также некоторое количество эпиграмм, акростихов и гимнов, но некоторые из них до сих пор не опубликованы. Его большое количество писем религиозно-канонического и общественного характера весьма ценно для культурной истории своего времени.

Два последних царства этого периода были отмечены творческой деятельностью монахини Кассии, талантливой поэтессы византийского времени. Когда Феофил решил выбрать жену, в столице был устроен смотр невест, для которого самые красивые девушки были собраны со всех провинций в Константинополь. Кассия была одной из них. Император должен был ходить между рядов девушек с золотым яблоком и протянуть его той, на которой он собирался жениться. Он собирался протянуть его Кассии, которая нравилась ему больше других, однако ее несколько смелый ответ на вопрос императора заставил последнего изменить свои намерения, и он выбрал Феодору, будущую восстановительницу православия. Кассия впоследствии основала монастырь, где и провела оставшуюся часть жизни. Сохранившиеся поэмы и эпиграммы Кассии отличаются оригинальностью мысли и живостью стиля.

Преследование иконопочитателями православных дало богатый материал для многочисленных житий святых и обеспечило расцвет блистательного периода византийской агиографии.

Во время Аморийской династии был достигнут прогресс в области высшего образования в Византии. При Михаиле III его дядя Кесарь Варда организовал высшую школу в Константинополе, во дворце. Там обучали семи основным искусствам по системе, воспринятой позже византийскими школами и Западной Европой, так называемым «семи свободным искусствам» (*septem artes liberales*), разделенных на две группы - тривиум (*trivium*), включавший в себя грамматику, риторику и диалектику; и квадравиум

(quadrivium), включавший в себя арифметику, геометрию, астрономию и музыку. В школе изучали также философию и древних классических писателей. Стремясь сделать образование доступным для всех, Варда объявил, что образование будет бесплатным. Профессоров университета хорошо оплачивала государственная казна. Будущий патриарх Фотий был одним из профессоров университета Варды.

Она стала центром, вокруг которого собирались лучшие умы империи во время следующей эпохи - эпохи Македонской династии. Фотий, первое патриаршество которого приходится на время Михаила III, стал центром литературного и интеллектуального движения второй половины IX века. Исключительно одаренный, со страстной любовью к знанию, он получил прекрасное образование и посвятил затем все свое внимание и энергию обучению других. Его образование было разносторонним, и знания его были обширными не только в области богословия, но также в грамматике, философии, естественных науках, праве и медицине. Он объединил вокруг себя группу людей, которые хотели обогатить свои знания. Фотий, как большинство широко образованных людей в средние века, был обвинен в том, что тратил время на изучение запрещенных наук - астрологии и магии.

Среди сочинений Фотия его «Библиотека», или как ее часто называют «Мириовивлион» («Тысяча книг»), имеет особое значение. В доме Фотия существовало что-то вроде клуба чтения, где круг избранных друзей собирался для того, чтобы читать литературные сочинения самого разного характера - светские и религиозные, языческие и христианские. Богатая библиотека Фотия была в распоряжении его друзей. Уступая их просьбам, он начал записывать обзоры прочитанных ими книг. В «Библиотеке» Фотий приводит отрывки, иногда краткие, иногда очень пространные, из множества книг, также как свои выводы и критические замечания. Здесь масса информации о грамматиках, ораторах, историках, специалистах в естественных науках, докторов, соборах, житиях святых и т. д. Очень большое значение «Библиотеки» Фотия в том, что здесь можно найти фрагменты несохранившихся сочинений. В «Библиотеке» Фотия имеется информация только о прозаиках. Многочисленные другие сочинения Фотия относятся к богословию и грамматике. Он оставил также много проповедей и писем. В двух своих проповедях он упоминает о первом русском нападении на Константинополь в 860 году, свидетелем которого он был.

По универсальности характера своих знаний и по своей привязанности к изучению древних авторов, Фотий является представителем того интеллектуального направления в Византийской империи, которое проявилось, особенно в столице, с середины IX века. Это движение нашло свое выражение, в частности, в таком событии, как открытие университета Варды, преподаванию в котором Фотий уделял много времени. Широта ума Фотия в отношении с другими людьми была такова, что даже исламский

правитель (эмир) Крита мог быть его другом. Один из его учеников, Николай Мистик, патриарх Константинополя в X веке, писал в своем письме сыну эмира и преемнику, что Фотий «хорошо знал, что, несмотря на разницу в вере, являющуюся препятствием, мудрость, доброта и другие качества, которые украшают и придают достоинство человеческой природе, привлекают чувства тех, кто любит прекрасное, и вот почему, несмотря на разницу верований, он любил вашего отца, который обладал этими качествами».

Патриарх Иоанн Грамматик, иконоборец, производил впечатление на своих современников глубиной и разнообразием своих знаний. Его поэтому даже обвиняли в колдовстве. Другим значительным человеком этого времени был Лев, известный математик, живший во времена Феофила. Он стал столь знаменит за границей благодаря своим ученикам, что халиф Мамун, весьма заинтересованный в развитии образования, отправил Феофилу личное письмо с просьбой прислать Льва в Багдад на короткое время, говоря, что он воспримет это как дружеский жест и предлагая за это, как говорит традиция, вечный мир и 2000 фунтов золота. Император отказался выполнить эту просьбу. Когда Феофил услышал об этом приглашении, он дал Льву жалованье и определил его государственным преподавателем в одной из константинопольских церквей. В этом случае Феофил обращался с наукой «как если бы это был секрет, необходимый хранить, подобно производству греческого огня. Он полагал, что это плохая политика - просвещать варваров». В последующие годы Лев был избран епископом Фессалоники. Когда во времена Феодоры он был низложен за свои иконоборческие взгляды, Лев продолжал преподавать в Константинополе и стал главой высшей школы, организованной Вардой. Можно, наконец, вспомнить, что апостол славян Константин (Кирилл) учился под руководством Фотия и Льва и до своей миссии к хазарам занимал кафедру философии в высшей школе столицы.

Этот краткий обзор достаточен для того, чтобы показать, что литературная и интеллектуальная жизнь процветала во времена иконоборческого движения.

В связи с обменом письмами между Феофилом и Мамуном по поводу математика Льва интересно рассмотреть вопрос о взаимных культурных контактах между халифатом и империей в первой половине IX века. Халифат, управлявшийся в это время Харун ар-Рашидом и затем Мамуном, переживал блистательный период, характеризующийся развитием образования и наук. В своем желании соперничать со славой Багдада Феофил построил дворец по образцу арабских моделей. Некоторые свидетельства показывают, что влияние Багдада на Византийскую империю было очень плодотворным.

Иконоборческая эпоха внесла новую струю жизни в византийское искусство, обратившись вновь к эллинистическим образцам, особенно александрийским, и введя восточные украшения, заимствованные от арабов, которые те, в свою очередь, заимствовали в Персии. И хотя иконоборцы изгоняли из религиозного искусства изображения Христа, Богородицы и святых, они были терпимы к изображению человеческой фигуры в целом, которое стало в эту эпоху более реалистичным под влиянием эллинистических моделей. Жанровые сцены повседневной жизни стали любимым сюжетом артистов и в целом это было время господства чисто светского искусства. В качестве примера этой тенденции можно привести следующий факт. На месте фрески, изображавшей шестой Вселенский собор, император иконоборец Константин V Копроним приказал поместить портрет своего любимого наездника.

Художественные памятники эпохи, как религиозные, так и светские, почти полностью погибли. Некоторое количество мозаик церквей в Фессалонике могут относиться к этому времени. Целая серия обработанных изделий из слоновой кости, особенно шкатулок из слоновой кости, также может быть отнесена к IX веку. Иллюстрированные рукописи иконоборческой эпохи, иллюстрации которых были сделаны византийскими монахами, свидетельствуют о новом духе, который проник в искусство. С точки зрения страничных иллюстраций наиболее интересна Хлудовская Псалтырь. Эта древнейшая из иллюстрированных Псалтирей хранится в Москве.

Иконоборческая эпоха оставила глубокий след в художественной жизни этого времени. Немало прекрасных памятников искусства, мозаик, фресок, статуй, миниатюр было разрушено во время борьбы по поводу икон. Богато украшенные стены храмов были либо покрыты штукатуркой, или новыми орнаментами. «Словом, - пишет Н. П. Кондаков, - в церковной жизни столицы наступило то протестантское запустение, которое рано или поздно должно было вытеснить всю художественную жизнь Византии. Масса образованных и богатых людей перебрались с семьями в Италию, множество монахов основали на громадном пространстве в Южной Италии, а также в Малой Азии и в Каппадокии пещерные обители и скиты, расписанные греческими иконописными мастерскими. Таким образом, греческое искусство и иконопись VIII-IX столетий приходится искать вне Византии, в Малой Азии или же в Южной и Средней Италии». Однако, одновременно с разрушением художественных памятников с изображением Христа, Богородицы и святых, иконоборцы начали создавать новый тип искусства, обратившись к новым сюжетам. Они ввели орнаментику, стали изображать жанровые сцены, такие как изображение охоты, ипподрома, деревьев, птиц и животных. Некоторое количество прекрасных произведений искусства из слоновой кости, эмали и интересных миниатюр дошли до нас от времени иконоборческого движения

Одним из важных результатов иконоборческой эпохи является исчезновение в восточной церкви скульптурных изображений святых или сцен Священной Истории. Официально ни церковь, ни государство этого не запрещали, так что подобное исчезновение произошло само собой. В этом некоторые историки усматривают частичную победу иконоборцев над умеренными иконопочитателями.

Иконоборчество отразилось также на византийских монетах и печатях. Один совершенно новый тип монет и печатей развился под влиянием иконоборческих идей в VIII веке. Новые монеты и печати ограничивались иногда только легендами, без каких-либо изображений Христа, Богородицы или святых. Иногда использовался крест или монограмма в виде креста. В целом же на монетах изображали только крест и императорскую фамилию. Человеческие изображения условны. Позже, когда иконопочитание было восстановлено, изображения Христа, Богородицы и святых опять появляются на монетах и печатях.

Совершенно исключительное значение как в истории искусства, так и в культурном отношении имеют постройки времени Феофила. Главнейший Большой дворец украшен и расширен громадными и дорогими сооружениями, служившими предметом удивления для современников и иностранцев, посещавших Константинополь в X и XI вв. Между двумя главными частями дворца, из которых одна принадлежала ко времени Константина Великого и была поблизости от ипподрома, а другая лежала к юго-востоку и возникла в позднейшее время (хрисотриклик), находилось не занятое постройками место, на котором и были предприняты Феофилом постройки в восточном стиле: Триконх, Сигма и ряд портиков; среди них особенной известностью пользовалась мистическая фиала по своим чудесам акустики. В ближайшем расстоянии от Триконха был дворец из карийского мрамора для дочерей Феофила и знаменитый балкон. Все эти здания отличались изысканной роскошью, украшены были мраморными колоннами, мозаикой и золотом. Затейливые неожиданности, встречавшие посетителя в тронном зале Магнавры: золотой трон с развесистым золотым деревом, с грифонами и львами и золотым органом. Все это характеризует вкусы царя Феофила, как и заново построенный им на азиатском берегу Врийский дворец.

Период пятый.

Эпоха македонской династии (867-1081).

Лекция 37.

Характеристика периода.

План:

Характеристика периода.

Вопрос о происхождении Македонской династии.

История Македонской династии делится на два периода, неравных по значимости и продолжительности. Первый продолжается с 867 по 1025 год - год смерти императора Василия II. Второй - короткий период с 1025 до 1056 года, смерти императрицы Феодоры, последняя представительница этой династии.

Первый период был самым блистательным временем политической истории империи. Борьба на востоке и на севере с арабами, болгарами и русскими увенчалась блистательным успехом византийского оружия во второй половине X и в начале XI века. Это произошло несмотря на отдельные поражения в конце IX и в начале XI века. Триумф Византийской империи был особенно велик при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии. Он достиг своей высшей точки во время царствования Василия II. В то время сепаратистские движения в Малой Азии были подавлены, византийское влияние в Сирии усилилось, Армения была частично присоединена к империи, частично же - приведена в состояние вассальной зависимости; Болгария была преобразована в византийскую провинцию, а Русь, приняв христианство от Византии, вошла в более тесные религиозные, политические, торговые и культурные связи с империей. Это был момент высочайшей силы и славы, когда-либо достигнутый империей. Интенсивная законодательная работа выразилась в публикации гигантского кодекса, Василик. Количество знаменитых новелл, направленных против губительного роста крупной земельной собственности, интеллектуальное движение вперед, ассоциируемое с именами патриарха Фотия и Константина Багрянородного, добавляют еще больше славы и значения первому периоду Македонской династии.

После 1025 года, когда могущественная фигура Василия II сошла с исторической сцены, империя вошла в период частых дворцовых переворотов и анархии, который привел к смутному времени 1056-1081 годов. С приходом первого из Комнинов, который захватил трон в 1081 году, империя вновь обрела свою силу. Внутренний порядок был восстановлен, и некоторое время интеллектуальная и художественная жизнь еще процветала.

Вопрос о происхождении Василия, первого представителя Македонской династии, вызывал в науке ряд разноречивых мнений. Различные ис-

точники приписывают ему различное происхождение. В то время как греческие источники сообщают об армянском и македонском происхождении Василия, а армянские - исключительно об армянском происхождении, арабские источники называют его славянином. Отсюда вытекает, с одной стороны, общепринятое название династии Македонской; но, с другой стороны, одни ученые считают Василия армянином, другие, особенно в русской литературе до семидесятых годов XIX столетия, славянином. Большинство ученых видит в Василии армянина, поселенного в Македонии, и считает его династию армянской. Но, так как в Македонии жило много армян и славян, то самое вероятное, принимая во внимание показания арабских источников, видеть в Василии потомка смешанного союза - армяно-славянского. По словам историка времени Василия, его семья могла быть армянской по своим предкам; но она постепенно, путем браков со славянами, которых много было в этой части Европы (т. е. в Македонии), сильно ослабилась. Итак, если попытаться определить Македонскую династию более точно со стороны ее племенного состава, то правильнее всего называть ее династией армяно-славянской. В последние годы ученые стали придерживаться точки зрения, что Василий родился в македонском городе Хариуполисе.

Судьба Василия, до избрания его на престол, была очень необычна. Явившись никому не известным юношей в Константинополь искать счастья, он обратил на себя внимание придворных своим ростом, громадной силой и умением объезжать наиболее диких лошадей. Слухи дошли до императора Михаила III, который, приблизив его к себе, подчинился вполне своему новому любимцу. Василий вскоре был объявлен соправителем и коронован в храме Св. Софии императорской короной. Но он жестоко отплатил своему благодетелю. Заметив, что Михаил начал подозрительно относиться к нему, Василий велел своим людям убить Михаила, после чего сам сделался императором и царствовал с 867 по 886 год. После него правили его сыновья Лев VI Философ, или Мудрый (886-912), и Александр (886-913), переживший на год брата. Сын Льва VI, Константин VII Багрянородный, или Порфирородный (913-959), государь, не имевший никакой склонности к управлению и проводивший почти все свое время за литературной работой в кругу наиболее просвещенных людей своего времени, был вынужден отдать на долгие годы управление государством в руки своего тестя, начальника флота Романа Лакапина (919-944). В 944 году сыновья последнего свергли отца с престола и заточили его в монастырь, но сами в свою очередь были свергнуты в 945 году Константином Багрянородным, который самостоятельно правил после этого с 945 по 959 год. После смерти его сына Романа II (959-963), процарствовавшего всего четыре года, остались вдова его Феофано и два несовершеннолетних сына, Василий и Константин. Феофано отдала свою руку талантливому военачальнику Никифору Фоке, который и был провозглашен императором (Никифор II Фока - 963-969). После насильственной смерти Никифора Фоки на престол был возведен, армянин по происхождению, Иоанн Цимисхий (969-976), женатый на

Феодоре, сестре Романа II и дочери Константина VII Багрянородного. Только после смерти Иоанна Цимисхия настоящими императорами сделались два сына Романа II, Василий II Болгаробойца (976-1025), и Константин VIII (976-1028). Главное управление государством находилось в руках Василия II, при котором империя достигла высшей степени своего могущества и блеска. С его смертью начинается эпоха упадка Македонской династии. После кончины Константина VIII императором был престарелый сенатор Роман III Аргир (1028-1034), женатый на дочери Константина VIII Зое. После смерти Романа Аргира овдовевшая Зоя, 56 лет от роду, вышла замуж за Михаила Пафлагонянина, который и был, по настоянию Зои, провозглашен императором (Михаил IV Пафлагонянин 1034-1041). Правление Михаила IV и кратковременное царствование его племянника Михаила V Калафата (1041-1042), вызвали сильное брожение и острое недовольство в империи. В результате Михаил Калафат был низложен и ослеплен. В течение менее двух месяцев Византией управляли две сестры, овдовевшая вторично Зоя и ее младшая сестра Феодора. Однако, Зоя в том же 1042 году вышла в третий раз замуж, и ее новый муж, провозглашенный императором, Константин IX Мономах, правил с 1042 по 1054 год. Престарелая Зоя умерла раньше своего третьего супруга. Отстраненная же от власти ее сестра Феодора пережила Зою и после смерти Константина Мономаха сделалась, наконец, самодержавной правительницей империи (1054-1056). После императрицы Ирины, известной первой восстановительницы иконопочитания в конце VIII и начале IX века, Зоя и Феодора являются в летописях византийской истории вторым и последним примером того, что на престоле восседала женщина, как самодержавная и полновластная василисса - императрица ромеев. Незадолго до своей смерти Феодора, по настоянию придворной партии, избрала себе в преемники престарелого патрикия Михаила Стратиотика, который после смерти Феодоры в 1056 году и вступил на престол. Со смертью Феодоры окончательно прекратилась династия македонских императоров, занимавшая престол в течение 189 лет.

Лекция 38.

План:

Внешняя деятельность государей Македонской династии.

Отношения Византии к:

а. Арабам.

б. Армении.

Главная задача внешней политики Василия I, основателя Македонской династии, заключалась в борьбе с мусульманским миром. Обстоятельства благоприятствовали этому. При нем Византия находилась в мирных отношениях на востоке с Арменией, на севере с Русью и Болгарией и на западе с Венецией и западным императором. А также, если учесть внутренние смуты в восточном халифате из-за возраставшего влияния при арабском дворе турок, отпадение Египта, где в 868 году образовалась самостоятельная династия Тулунидов, междоусобную борьбу североафриканских арабов и трудное положение испанских Омайядов по отношению к местному христианскому населению, то все это еще более уяснит благоприятное положение, в каком находился Василий I для борьбы с восточными и западными арабами.

Однако империя, боровшаяся с арабами почти во все время правления Василия, не смогла использовать благоприятно сложившиеся для нее внешние условия.

Открытые в начале семидесятых годов удачные военные действия на востоке Малой Азии против павликиан отдали в руки императора их главный город Тефрику, этим он расширил византийскую территорию. Но столкновения с восточными арабами вылились, после нескольких значительных сражений, в форму ежегодных пограничных столкновений, оканчивавшихся с переменным успехом то для одной, то для другой стороны. Все-таки в результате малоазиатская граница Византии продвинулась на восток.

Серьезнее были отношения Василия к западным арабам, которые к тому времени владели уже большей частью Сицилии и занимали некоторые важные пункты в Южной Италии. Южно-итальянские смуты повлекли за собой вмешательство западного императора Людовика II, который овладел важным городом Бари и с которым Василий заключил союз для общих действий против западных арабов в целях изгнания их из Италии и Сицилии. Но союз не дал желанных результатов и скоро распался. После смерти Людовика жители Бари передали город византийским властям.

Между тем арабы заняли важный в стратегическом отношении остров Мальту, а в 878 году после девятимесячной осады приступом взяли Сиракузы. После потери Сиракуз, другим важным населенным пунктом, который Византийская империя удерживала, оставался только город Тавромений, или Таормина, на восточном побережье острова. Это был поворотный момент во внешней политике Василия. Взятие войсками Василия Тарента в Южной Италии и успешное продвижение вглубь страны под начальством Никифора Фоки в последние годы правления Василия были некоторым утешением после сиракузской неудачи.

В последние годы своей жизни Василий, заключил союз, уже в целях борьбы с восточными арабами, с армянским царем Ашотом Багратидом (Багратуни). Но в это время Василия не стало. Несмотря на потерю Сиракуз, Василию удалось несколько расширить свои пограничные владения в Малой Азии и восстановить значение Византии в Южной Италии.

Если Василий I жил в мире со своими соседями, исключая арабов, то при его преемнике Льве VI Мудром (886-912) дело обстояло иначе. Тотчас по вступлении его на престол началась неудачная для Византии болгарская война, в связи с которой впервые в истории Византии появляются мадьяры (венгры, угры). К концу правления Льва VI у Константинополя стоят русские. Союзная с ним Армения, подвергавшаяся непрерывным арабским нашествиям, не смогла получить ожидаемой от Византии помощи. Вопрос о четвертом браке императора вызывал сильное внутреннее брожение в государстве.

Дела с арабами при Льве VI шли вообще неудачно. Происходившие с переменным успехом военные столкновения на восточной границе не имели важных результатов. На западе мусульмане в самом начале X века овладели городом Региумом, на итальянском берегу Мессинского пролива, после чего пролив оказался всецело в руках арабов; а в 902 году они завоевали последний значительный укрепленный пункт византийской Сицилии, Тавромений, или Таормину. Сицилия всецело перешла в руки арабов, так как остававшиеся еще в руках греков небольшие пункты в Сицилии уже не имели никакого значения в дальнейшей истории Византии. Восточная политика Льва VI во вторую половину его царствования несколько не зависит от отношений к сицилийским арабам.

Начало X века было ознаменовано многочисленными морскими походами мусульманского флота. Еще в конце IX века критские пираты опустошали побережье Пелопоннеса и острова Эгейского моря. Еще более грозными стали морские нашествия арабов, когда их сильные два флота, сирийский и критский, действовали сообща. Известно нападение мусульманского флота, под начальством греческого ренегата Льва Триполитанина, на Фессалонику (Солунь) в 904 году. После упорной осады мусульмане взяли Фессалонику. Однако через несколько дней они с большим числом пленных и богатой добычей удалились на восток в Сирию. Только после этого бедствия византийское правительство приступило к укреплению Фессалоники. До нас дошел подробный рассказ о завоевании Фессалоники арабами, принадлежащий перу местного священника, Иоанна Камениата, лично пережившего все бедствия осады.

Морские успехи арабов побудили византийское правительство обратить внимание на свой флот, который был значительно улучшен. Но обширная морская экспедиция, предпринятая Львом VI против союзных вос-

точных и критских арабов, потерпела неудачу. Константин Багрянородный, сообщая нам точный состав участвовавшего в этой экспедиции флота, отмечает присутствие в нем семисот русских.

Таким образом, византийская политика по отношению к арабам при Льве VI была неудачна: на западе Сицилия была окончательно потеряна; в южной Италии, после отозвания оттуда Никифора Фоки, успехи византийского оружия прекратились; на восточной границе арабы, хотя медленно, но все-таки упорно двигались вперед; на море Византия потерпела ряд серьезных неудач.

Несмотря на религиозную вражду с арабами и военные столкновения с ними, в официальных документах встречаются иногда очень дружественные отзывы о них. В правление Константина VII Багрянородного (913-959) и Романа I Лакапина (919-944) Византия до конца двадцатых годов X века не могла энергично бороться с арабами, так как должна была напрягать все силы на борьбу с Болгарией. Для империи явилось счастьем, что сам халифат в это время переживал эпоху распада, внутренних смут и образования отдельных самостоятельных династий. Можно, однако, упомянуть успешную операцию византийского флота в 917 году, когда пират-ренегат Лев Триполитанский, захвативший в 904 году Фессалонику, был полностью разбит при Лемносе.

После окончания болгарской войны у империи и арабов, выделились талантливые военачальники. У греков появился domestik Иоанн Куркуас, завоевавший «почти тысячи городов», о котором было даже написано специальное, не дошедшее до нас сочинение. Его талант привел к «новому рассвету на восточной границе». Арабы получили энергичного вождя в лице представителя самостоятельной династии Хамданидов, властителя Алеппо в Сирии, Сейф-ад-Даулы, при дворе которого образовался богатый центр литературной деятельности и эпоху которого современники называли «золотым веком». В сороковых годах X века Куркуас одержал целый ряд побед в арабской Армении и взял много городов в верхней Месопотамии. В 933 году им была захвачена Мелитена, а в 944 году город Эдесса вынужден был отдать нерукотворный образ Спасителя (to mandilion), перевезенный с большим торжеством в Константинополь. Это был последний триумф Куркуаса. Однако его популярность встревожила правительство и он был снят со своего поста. В это время пал Роман Лакапин и на следующий месяц лишились трона его сыновья. Константин Багрянородный стал единственным императором.

Эпоха Романа Лакапина имела большое значение для византийской политики на Востоке. После трех веков обороны, империя под руководством Романа и Иоанна Куркуаса начала наступление и стала побеждать. Пограничные провинции были относительно свободны от арабских набегов.

В течение последних двенадцати лет правления Романа, мусульманские отряды лишь дважды пересекали границу. Роман утвердил главнокомандующим Куркуаса, «самого блистательного из полководцев, что дала империя для [грядущих] поколений. Он вдохнул новый дух в армии империи и повел их победителями далеко в страну неверных... Иоанн Куркуас был первым в череде великих завоевателей и, как первый, заслуживает высокой оценки. И в этой похвале часть должна быть отдана Роману Лакапину, выбору которого империя обязана его службой и во время правления которого прошли эти славные двадцать лет». Последние годы правления Константина Багрянородного ознаменовались ожесточенными столкновениями с Сейф-ад-Даулой, которые, после нескольких ощутительных для греков неудач, закончились, поражением арабов в северной Месопотамии и переходом византийских войск через Евфрат. В эти годы там отличались византийские вожди Никифор Фока и Иоанн Цимисхий, будущие императоры. Большая новая морская экспедиция, снаряженная против критских арабов, при участии отряда из 629 русских, потерпела полную неудачу, потеряв большую часть своих судов. Однообразные столкновения греков с мусульманами на западе, в Италии и Сицилии, на общий ход событий влияния не имели.

Со времени побед на востоке Иоанна Куркуаса, Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, перенесших границу империи за Евфрат, для Византии началась блестящая эпоха побед над мусульманами.

Во время правления Романа II (959-963) энергичный и талантливый военачальник Никифор Фока, завоевал остров Крит и тем самым уничтожил гнездо арабских пиратов, наводивших ужас на население островов и побережья Эгейского моря. В возвращенном Крите Византия получила важный стратегический и торговый пункт в Средиземном море. С таким же успехом Никифор Фока вел после этого войну на востоке с Сейф-ад-Даулой и после осады даже овладел, правда временно, столицей Хамданидов Алеппо.

Деятельность следующих трех императоров, Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия II Болгаробойцы, представляет собой блестящие страницы военной истории империи в ее борьбе с исламом.

Никифор Фока во время своего правления (963- 969) обратил главное внимание на восток, хотя временами и был отвлекаем оттуда враждебными отношениями к болгарам, осложнившимися еще вмешательством в борьбу русского князя Святослава, и столкновениями в Италии с германским государем Оттоном Великим. На востоке византийские войска, после занятия Тарса, овладели Киликией. В то же время византийскому флоту удалось отвоевать у арабов остров Кипр.

Обладание Киликией и Кипром открывало Никифору путь в Сирию. После этого он к завоеванию главного города Сирии Антиохии. После подготовительного вторжения в Сирию Никифор осадил Антиохию. Но осада затянулась, так что император, оставив у Антиохии войско, возвратился в столицу. Во время отсутствия Никифора, в последний год его правления (969), византийские войска овладели Антиохией. Громадная добыча досталась победителям. Вскоре после этого в руки византийского войска перешел и другой важный центр Сирии, Алеппо, резиденция Хамданидов. До нас дошел любопытный текст договора, заключенного между византийским военачальником и владельцем Алеппо. В этом договоре точно определены границы и названия местностей в Сирии, которые или переходили во владение византийского государя, или становились в отношении к нему в вассальную зависимость. Из главных завоеванных пунктов во власть империи перешла Антиохия. Город Алеппо (по-арабски Халеб) становился вассальным. Мусульманское население облагалось определенной податью в пользу Византии. Христиане, живущие в вассальных областях, от всяких налогов освобождались. Правитель (эмир) Алеппо обязан был помогать императору в случае войны последнего с не мусульманами в этих областях, давать охрану византийским торговым караванам, вступившим на его территорию. Восстановление разрушенных церквей было гарантировано христианам. Обеспечивалась свобода перехода христиан в мусульманство и мусульман в христианство.

Заключение этого договора произошло уже после смерти Никифора Фоки, павшего от руки убийц в конце 969 года. Никогда еще мусульмане не подвергались такому унижению, как во время Никифора Фоки. Киликия и часть Сирии с Антиохией были от них отняты, а большая территория признала себя в вассальной зависимости от империи.

Арабский историк одиннадцатого века Иахья Антиохийский пишет, что мусульманское население было уверено в том, что Никифор Фока мог покорить всю Сирию и все другие провинции тоже. «Военные экспедиции Никифора, - пишет хронист, - стали радостью для его солдат, так как никто на них не нападал и им не сопротивлялся. Он двигался вперед, куда ему хотелось, разрушал, что ему нравилось, не встречая ни мусульманина, ни какого-либо другого человека, который мог бы его остановить или воспрепятствовать ему делать то, что он хочет... Никто не был в состоянии ему сопротивляться». Греческий историк Лев Диакон писал, что если бы Никифор не был бы убит, то он оказался бы в силах «установить границы их [греческой] империи на востоке в Индии, а на западе - на границе мира», т.е. по Атлантическому океану.

На западе политика Никифора Фоки была неудачна. При нем территории, еще принадлежавшие в Сицилии Византии, были завоеваны мусульманами. Сицилия всецело перешла в их руки. Главной задачей преем-

ника Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия (969-976), было укрепить за империей приобретения в Киликии и Сирии. Первые годы своего правления Иоанн Цимисхий не мог лично участвовать в военных действиях на восточной границе. Война с русским князем Святославом и Болгарией и внутреннее восстание Варды Фоки, провозглашенного императором, требовали со стороны нового государя неустанного внимания. Но война закончилась удачно; восстание Варды Фоки было подавлено. Византийская принцесса Феофано заключила брак с наследником германского престола, будущим императором Оттоном II. Только после этого Иоанн Цимисхий мог обратиться на восток.

Его походы против восточных мусульман были удачны. Особенно, последний поход, о котором до нас дошло письмо Иоанна Цимисхия к своему союзнику, армянскому царю Аняту III, сохранившееся у армянского историка Матфея Эдесского. Император, поставил целью освободить Иерусалим из рук мусульман. Выступив из Антиохии, он завладел Дамаском, после чего, устремившись к югу, вступил в Палестину, где ему добровольно подчинились города Назарет и Кесария; из самого Иерусалима пришла просьба о пощаде. Видимо, для дальнейшего наступления вперед сил было недостаточно, так что Иоанн Цимисхий, не дойдя до Иерусалима, направился вдоль берега моря к северу, завоевав на пути целый ряд городов. Это письмо содержит много преувеличений. При его сравнении с подлинной информацией, сообщаемой арабским христианским историком, Йахйей Антиохийским, очевидно, что результаты палестинской кампании были гораздо менее значимы.

Когда византийское войско возвратилось в Антиохию, император уехал в Константинополь, где и умер в начале 976 года. Одна византийская хроника пишет: «Народы испытывали великий страх перед нападением Цимисхия; он расширил землю ромеев; сарацины и армяне бежали, персы боялись, и отовсюду приносили ему дары и умоляли заключить с ними мир; он прошел до Эдессы и реки Евфрата, и наполнилась земля войсками ромеев; Сирия и Финикия были растоптаны ромейскими конями, и он одержал великие победы; меч христиан носился (поражал) подобно серпу».

Однако, результатом последней блестящей экспедиции Иоанна Цимисхия не было присоединение завоеванных областей. Его войска возвратились в Антиохию, главный опорный пункт византийских военных сил на востоке в конце X века.

При Василии II (976-1025), преемнике Иоанна Цимисхия, общее положение дел в государстве не благоприятствовало энергичной политике на востоке. Малоазиатские восстания Варды Склира и Варды Фоки и продолжавшаяся более тридцати лет болгарская война требовали напряженного внимания со стороны Василия. После подавления восстаний, несмотря на

болгарскую войну, император не раз принимал личное участие в борьбе с восточными мусульманами. Сирийским владениям Византии грозила со стороны египетского халифа большая опасность. Находившийся в вассальных отношениях к империи Алеппо несколько раз был занимаем враждебными ей войсками. Своими личными появлениями в Сирии, Василий восстанавливал там византийское влияние. Но каких-либо новых значительных завоеваний в этих областях Василию сделать не удалось. В самом начале XI века между императором и египетским халифом из династии Фатимидов был заключен мир. После этого у Василия II до его смерти серьезных столкновений с восточными арабами не было. Алеппо за это время порвал свою вассальную зависимость от Византии.

Хотя официально между Василием и халифом Хакимом были установлены мирные отношения, последний продолжал политику жестоких преследований христиан, которая не нравилась Василию, как христианскому императору. В 1009 году Хаким разрушил церковь Гроба Господня и Голгофу в Иерусалиме. Церковные святыни и богатства были захвачены, монахи схвачены, а паломники стали подвергаться преследованиям. Йахья Антиохийский писал, что исполнитель жестокой воли Хакима «стремился разрушить непосредственно Гроб Господень и сравнять его с землей. Он разбил на куски большую его часть и уничтожил его». Испуганные христиане и иудеи толпились в мусульманских государственных учреждениях, обещая принять ислам. Декрет Хакима о разрушении храма был подписан его христианским министром.

Василий не сделал ничего явного для защиты преследуемых христиан и их святынь. После смерти Хакима в 1021 г. вновь наступил период терпимости к христианам и в 1023 году патриарх Никифор был послан в Константинополь объявить, что церкви и их собственность были возвращены христианам, что церковь Святого Гроба и все разрушенные церкви в Египте и Сирии восстановлены и что, в целом, христиане во владениях халифа находятся в безопасности.

На западе сицилийские арабы производили ежегодные нападения на Южную Италию, и византийское правительство, будучи занято в других местах, ничего не могло предпринять против этого. Вмешательство в итальянские дела родственного византийскому двору германского государя Оттона II, после некоторых успехов, окончилось неудачно, так как арабы нанесли ему сильное поражение. В конце своего правления Василий II задумал обширную экспедицию возвращения Сицилии, но во время ее подготовки умер.

Начавшееся после смерти Василия смутное время в Византии ободрило мусульман, которые, особенно со стороны Алеппо, перешли наступление. Дело было поправлено молодым и талантливым вождем Георгием

Маниаком, которому в начале тридцатых годов XI века удалось овладеть Эдессой и взять там вторую святыню города - письмо Иисуса Христа к Абагару, царю Эдесскому.

После падения этого города император Роман III предложил арабам заключить договор. Прежде всего, христиане должны были получить право восстановить все разрушенные церкви, а церковь Святого Гроба должна была быть восстановлена на средства имперской казны. Во-вторых, император должен был иметь право утверждения патриарха Иерусалимского. В результате разногласий по многим пунктам договора, переговоры шли длительное время. Халиф, очевидно, не возражал против первых двух условий. Когда окончательное соглашение было достигнуто в 1036 году, император получил право восстановления церкви Святого Гроба на свои средства. В 1046 году персидский путешественник Насири-Хусрау, который посетил восстановленную церковь, описывал ее как просторное здание, рассчитанное на 8000 человек. Здание, писал он, было сделано с максимальным искусством, с применением разноцветного мрамора, с орнаментами и скульптурой. Внутри церковь была повсеместно украшена живописными изображениями и византийской золотой парчой. Легенда, сообщаемая этим персидским путешественником, гласит, что даже император прибыл в Иерусалим, но частным образом, так, чтобы никто не мог узнать его.

Попытки империи отвоевать Сицилию, несмотря на некоторые успехи Георгия Маниака, окончились ничем. В сицилийской экспедиции участвовала варяго-русская дружина, бывшая на службе Византии, и герой скандинавских саг Гаральд-Гардрад.

Уже с первой половины XI века у Византии на востоке появляется новый враг в лице турков-сельджуков, отношения с которыми разовьются у империи в следующий период ее истории.

Итак, в эпоху Македонской династии, несмотря на смутное время в империи после смерти Василия II (1025), Византия, благодаря Никифору Фоке, Иоанну Цимисхию и Василию II, владела на востоке территорией до Евфрата и северной Сирией с Антиохией. Это был наиболее блестящий момент в истории отношений империи с восточными мусульманами.

Одновременно с мусульманскими делами на востоке в эпоху Македонской династии развивались важные события в области отношений империи с Арменией.

Армения с давних пор являлась яблоком раздора еще между римлянами и персами. Их вековая борьба за это государство привела к тому, что в конце IV века Армения была поделена между соперниками: меньшая западная часть с городом Феодосиополем (Эрзерум) отходила к Римской им-

перии; восточная, более обширная часть Армении отходила к персидским Сасанидам и стала называться на востоке Персарменией. Юстиниан Великий провел в Армении важные военные и гражданские реформы, имевшие целью уничтожить сохранившиеся еще некоторые местные устои жизни и обратить Армению в обыкновенную имперскую провинцию.

В VII веке арабы, после покорения Сирии и поражения Персии, подчинили Армению, о чем армянские, греческие и арабские источники дают разноречивые сообщения. Армяне, пользуясь обстоятельствами, отвлекаясь по временам арабов от армянских дел, пытались свергнуть новое иго, за что страна их не раз подвергалась жестокому опустошению. В конце VIII века, когда Армения была совершенно разорена арабами, армянские феодалы подверглись жестокому истреблению, величественные произведения христианского зодчества были разрушены. Словом, плоды всей культурной работы предшествующих веков были сведены на нет.

В середине IX века арабский халиф, нуждаясь в армянской помощи для своей борьбы с Византией, пожаловал армянскому правителю Ашоту из фамилии Багратидов титул «князя князей». Ашот своим управлением на благо страны заслужил общее признание и четверть века спустя, в конце IX века, получил от халифа уже титул царя. Это было новое армянское царство с династией Багратидов. Узнав об этом, византийский император Василий I, незадолго до смерти поспешил воздать новому армянскому царю подобную же честь: он также отправил ему царский венец и заключил с ним союзный и дружественный договор, называя Ашота в письме своим возлюбленным сыном и уверяя его, что из всех других государств Армения всегда останется его особенно близким союзником. Из этого явствует, что Ашот Багратид был нужен как императору, так и халифу в их взаимной борьбе в качестве союзника.

Наступившие после Ашота смуты снова заставили мусульман вмешаться во внутренние дела Армении, и только Ашоту «Железному» в первой половине X века удалось при помощи византийских войск и грузинского царя более или менее очистить страну от арабов. Сам Ашот лично отправился ко двору византийского императора Романа Лакапина в Константинополь, где встретил торжественный прием. Ашот II первый принял титул шаханшаха, т. е. царя царей. Ашот III во второй половине X века перенес официальную столицу своего государства в крепость Ани, которая после этого стала постепенно украшаться великолепными постройками и превратилась в богатый культурный центр.

Новые волнения в Армении, связанные с болгарскими затруднениями Василия II, заставили последнего лично, после подчинения Болгарии, направиться походом в прикавказские страны. Результатом его было присоединение к империи части Армении и приведение другой части в вассальную

зависимость. Это новое расширение империи на востоке, сопровождавшееся триумфальным въездом Василия в столицу, было последним военным торжеством, увенчавшим деятельное и славное правление престарелого василевса. В сороковых годах XI века, при императоре Константине IX Мономахе, новая столица Армении, Ани, перешла во власть Византии. Этим был положен конец владычеству Багратидов, последний представитель которых, будучи приглашен в Константинополь, получил во владение от Византии взамен утраченной Армении земли в Каппадокии, денежную пенсию и дворец на Босфоре. Византийская империя была, однако, не в состоянии сохранить свою власть в Армении, население которой было недовольно как административной, так и религиозной политикой империи. Большая часть византийских войск, занявших Армению, к тому же была возвращена и отозвана для защиты Константина Мономаха сперва против восстания Льва Торникия, а затем - от печенегов. Пользуясь подобным положением дел, турки-сельджуки стали вторгаться в Армению и постепенно ее завоевывать.

Лекция 39.

План:

Взаимоотношения Византийской империи с болгарами и мадьярами.

Византийская империя и Русь.

Печенежская проблема.

Болгаро-византийские отношения во время Македонской династии имеют чрезвычайно важное значение для империи. Болгария, сделавшаяся при царе Симеоне страшным врагом Византии и угрожавшая даже столице и самой императорской власти, была в начале XI века окончательно побеждена и превратилась в византийскую провинцию.

При первом македонском государе Василии I отношения Византии к Болгарии отличались мирным характером. Сразу после смерти императора Михаила III начавшиеся переговоры о воссоединении болгарской церкви с греческой пришли к благополучному результату. Сын царя Бориса Симеон был отправлен для получения образования в Константинополь. Подобные дружественные отношения были очень выгодны для обоих государств. Василий мог, не задумываясь о севере, направлять свои силы на борьбу с арабами на восток в глубину Малой Азии и на запад в Италию. Борис, в

свою очередь, хранил этот мир, который был нужен ему для внутреннего упрочения своей незадолго перед тем принявшей христианство страны.

После вступления на престол Льва VI в 886 г. мир с болгарами был сразу нарушен из-за таможенных недоразумений, наносивших удар болгарской торговле. Государем в Болгарии был в это время Симеон, получивший образование в Константинополе, оказавший великие культурные услуги своему государству и мечтавший об исполнении обширных политических замыслов на счет Византии. Лев VI обратился за помощью к диким мадьярам, которые согласились сделать неожиданный набег на Болгарию с севера и этим самым отвлечь внимание Симеона от Византии.

Это был очень важный момент в истории Европы. Впервые в конце IX века в международные отношения европейских государств было введено новое племя финно-угорского происхождения - мадьяры (венгры, угры; византийские источники часто их называют турками, а западные источники - аварами).

Симеон, потерпевший вначале неудачу в столкновении с мадьярами, сумел тем не менее справиться с обстоятельствами. Выиграв время при помощи переговоров с Византией и привлеки на свою сторону печенегов, Симеон разбил мадьяров, направившихся после этого разгрома на север к местам своего будущего обоснования на средне дунайской равнине. Покончив с мадьярами, Симеон устремился на Византию и после решительной победы над греками дошел, по сообщениям арабских хроник, до стен самого Константинополя. Побежденному императору удалось заключить с Симеоном мир на условии не предпринимать против болгар враждебных действий и ежегодно доставлять Симеону богатые дары.

После взятия и разграбления Фессалоники арабами в 904 году, Симеон захотел овладеть этим городом. Лев VI избавился от этого лишь уступкой болгарам других земель. От 904 года сохранился пограничный столб между Болгарией и Византией с интересной надписью о договоре между ними. «По этому акту все славянские земли в теперешней южной Македонии и южной Албании, которые до того времени все еще находились под властью византийского императора, теперь (т. е. в 904 году) перешли к болгарской державе; другими словами, этим актом Симеон завершил объединение на Балканском полуострове под скипетром болгарского государя тех славянских племен, которые дали окончательную физиономию болгарской народности».

После этого до конца правления Льва VI ни о каких враждебных столкновениях между Болгарией и Византией не слышно.

Со времени смерти Льва VI и до смерти Симеона Болгарского в 927 году Византия находилась почти в непрерывной войне с Болгарией. Симеон стремился к завоеванию Константинополя. Напрасно патриарх Николай Мистик отправлял к нему унижительные послания, написанные «не чернилами, а слезами». Иногда же тот же Николай Мистик, желая устрашить Симеона, грозил ему союзом Византии с Русью, печенегами, аланами и западными турками, т. е. мадьярами (венграми). Но этот заведомо неосуществимый проект союза не оказал на Симеона влияния. Болгарская армия разбила греков во многих битвах. Греческие потери были особенно значительны в 917 году, когда византийские войска были уничтожены на реке Ахелой около Анхиала (во Фракии). Историк Лев Диакон посетил место битвы в конце X века и писал: «и теперь еще видны кучи костей у Анхиала, где было тогда бесславно перерезано войско ромеев». После битвы при Ахелое путь на Константинополь был открыт. Однако в 918 году болгарские войска оказались занятыми в Сербии. В 919 году адмирал Роман Лакапин стал императором. Тем временем болгары продолжили свой путь на юг до Дарданелл, и в 922 году взяли Адрианополь (Одрин). Затем их войска проникли, с одной стороны, в Среднюю Грецию, с другой - подошли к стенам Константинополя, который в какой-то момент попробовали захватить. Императорские загородные дворцы были сожжены. Симеон сделал даже попытку вступить в сношения с африканскими арабами для совместной осады столицы. За исключением Константинополя и Солуни вся Фракия и Македония находились в руках болгар. Во время раскопок, произведенных Русским Константинопольским Археологическим институтом около деревни Абобы, в северо-восточной Болгарии, были открыты колонны с наименованиями византийских городов, которыми владел Симеон, предназначенные для Большой церкви, построенной им близ княжеского дворца. На обладании большей частью территории империи на Балканском полуострове Симеон отчасти и основывал свое право именоваться царем болгар и греков.

В 923 или 924 году произошла беседа между Романом Лакапином и Симеоном под стенами Константинополя. Император, прибывший первым, сошел с императорского корабля, а Симеон прибыл по суше. Оба монарха поприветствовали друг друга и стали беседовать. До нас дошла речь Романа. Было заключено своего рода перемирие, условия которого не были слишком тяжелыми, хотя Роман должен был платить Симеону ежегодную дань. Симеон, однако, был вынужден вскоре отойти от стен Константинополя, так как он предчувствовал большую опасность от недавно сформировавшегося сербского королевства, которое вело переговоры с Византийской империей. Кроме того, у него не было удовлетворительных результатов в переговорах с арабами. Позднее он начал подготовку к новой кампании против Константинополя, однако Симеон умер в самый разгар этих приготовлений в 927 г.

При Симеоне Болгария достигла громадных пределов; границы ее шли от Черного моря до Адриатического и от нижнего Дуная до глубины Фракии и Македонии, не доходя немного до Фессалоники. С именем Симеона связывается первая попытка заменить на Балканском полуострове греческое владычество владычеством славянским. После смерти Симеона на болгарский престол вступил кроткий Петр, породнившийся с византийским императором. Империя признала за Петром царский титул. В то же время было признано Византией учрежденное еще Симеоном болгарское патриаршество. Мир длился примерно сорок лет. После долгой череды блестящих болгарских побед условия мира, «едва скрывающие упадок болгарского могущества», были удовлетворительны для Византии. Этот договор представлял реальный успех мудрой и энергичной политики Романа Лакапина. «Великая Болгария» времен Симеона была раздираема внутренними смутами. В связи с ослаблением политической мощи Болгарии, мадьяры и печенег наводнили Фракию и в 934 году дошли вплоть до Константинополя. В 943 году они вновь появились во Фракии. Роман Лакапин заключил с ними пятилетний мирный договор, который был возобновлен после его падения и действовал во время всего правления Константина Багрянородного. Позже, во второй половине X века, мадьяры населяли Балканский полуостров много раз. Упадок болгарского могущества был очень выгоден Византийской империи. Никифор Фока и Иоанн Цимисхий продолжали упорную борьбу с болгарами. Им помогал и русский князь Святослав по приглашению Никифора Фоки. Однако Византия была встревожена успехами русского оружия в Болгарии, доведшими Святослава до византийской границы и позволившими ему затем вторгнуться настолько глубоко на территорию империи, что Начальная русская летопись замечает: «за малом бо бе не дошел Царягряда». Иоанн Цимисхий, выступивший под предлогом защиты Болгарии против русского вторжения, после своей победы над Святославом завоевал всю восточную Болгарию и захватил всю болгарскую династию. Таким образом, произошло при Иоанне Цимисхий присоединение к его державе восточного болгарского царства.

После его смерти покоренные болгары, воспользовавшись внутренними затруднениями империи, подняли восстание. Во главе болгар встал энергичный правитель западно-болгарского царства, Самуил, «один из наиболее выдающихся правителей первого болгарского царства» который, судя по всему, был и основателем новой династии Василия II. Борьба последнего с Самуилом была в течение долгого времени неудачна для Византии, особенно ввиду войн империи на востоке. Самуил расширил территорию завоеваниями и провозгласил себя болгарским царем. Только с начала XI века счастье стало переходить на сторону Василия, который за свою жестокость в борьбе с болгарами получил прозвание Болгаробойцы. Самуил, увидев 14 000 ослепленных Василием и возвращенных на родину болгар, умер, потрясенный подобным ужасным зрелищем. После смерти Самуила Болгария не могла уже продолжать сопротивления и быстро под-

чинилась Византии. В 1018 году первое болгарское царство прекратило свое существование и было обращено в византийскую провинцию с императорским наместником во главе, но с сохранением известной внутренней автономии.

Вспыхнувшее против империи около середины XI века сильное болгарское восстание под предводительством Петра Деляна было подавлено; следствием последнего восстания было уничтожение болгарской автономии. В заселенные болгарскими землями во время византийского господства стала проникать эллинизация. Однако болгарская народность сохранила свою национальность, особенно благодаря образованию в XII веке второго болгарского царства.

«Падение болгарского царства в 1018 году относится к числу самых важных и решающих событий XI века и Средних веков в целом. Романская (Византийская) империя была снова на подъеме и простиралась с Адриатического моря до Черного и от Дуная до южной оконечности Пелопоннеса».

Во время македонских государей русско-византийские отношения развивались очень оживленно. По словам нашей летописи, русский князь Олег в 907 году, т. е. в царствование Льва VI Мудрого, стоял с многочисленными судами под стенами Константинополя и, разорив его окрестности и перебив большое количество греческого населения, заставил императора вступить с ним в соглашение и заключить договор. Хотя известные византийские, восточные и западные источники об этом походе не упоминают и вообще не называют имени Олега, тем не менее в основе русского летописного сообщения, не лишенного легендарных подробностей, лежит действительный исторический факт.

Знаменитая «История» Льва Диакона, имеет интересное замечание, на которое обычно не обращали внимания, хотя в настоящее время его следует расценивать как единственный засвидетельствованный в греческих источниках намек на соглашения с Олегом. Это обращение к Святославу, которое Лев Диакон вкладывает в уста Иоанну Цимисхию: «Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, *презрев клятвенный договор* (taV enorkouV spondaV), приплыл к столице нашей с огромным войском на 10 тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору приплыл едва лишь с десятком лодок, сам став вестником своей беды». Эти «клятвенные договоры», заключенные с Византийской империей до времени Игоря - соглашения с Олегом, о которых сообщает русский летописец. Интересно сопоставить с приведенными данными известие византийских источников об участии русских с начала X века в византийских войсках в виде вспомогательных отрядов и соответствующее место в договоре 911 года нашей

летописи о позволении русским, если они пожелают, служить в войске византийского императора.

В 1912 году американский еврейский ученый Шехтер издал и перевел на английский язык любопытный, к сожалению, сохранившийся лишь в отрывках еврейский средневековой текст о хазаро-русско-византийских отношениях в X веке. Ценность этого документа особенно велика тем, что в нем мы встречаем имя «царя Руси Хальгу (Хельгу)», т. е. Олега, и находим новые о нем известия, например, о его неудачном походе на Константинополь.

В царствование Романа Лакапина столица дважды подвергалась нападению со стороны русского князя Игоря, имя которого, помимо русских летописей, сохранилось как в греческих, так и латинских источниках. Первый поход Игоря в 941 году, предпринятый им на многочисленных судах к черноморскому побережью Вифинии и в Босфор, где русские, опустошая страну, дошли по азиатскому берегу пролива до Хрисополя (Скутари, против Константинополя), окончился для Игоря полной неудачей. Русские суда, благодаря «греческому огню», были уничтожены. Остатки судов возвратились на север. Русские пленники подверглись казни.

С гораздо большими силами был предпринят Игорем второй поход 944 года. По словам русских летописей, Игорь собрал большое войско из «варягов, руси, полян, славян, кривичей, тиверцев и печенегов». Император отправил к Игорю и печенегам лучших бояр, богатые подарки и обещал первому платить дань, которую брал с Византии Олег. Игорь, подойдя к Дунаю и посоветовавшись с дружиной, решил принять условия императора и возвратился в Киев. В следующем году между греками и русскими был заключен менее выгодный для последних, в сравнении с договором Олега, договор и мир.

Дружественные отношения, оформленные этим договором, более определенными при Константине VII Багрянородном, в 957 году, когда русская великая княгиня Ольга приехала в Константинополь, где была с великим торжеством принята императором, императрицей и наследником. О приеме Ольги в Константинополе сохранилась официальная современная запись в известном сборнике X века «О церемониях византийского двора».

Особенно важны отношения Василия II Болгаробойцы к русскому великому князю Владимиру, с именем которого связано представление об обращении в христианство его самого и русского государства.

В восьмидесятих годах X века положение императора и его династии казалось критическим. Поднявший восстание против Василия Варда Фока, имея на своей стороне почти всю Малую Азию, подошел с востока к самой

столице, тогда как с другой стороны победоносные в то время болгары грозили ей с севера. В столь стесненных обстоятельствах Василий обратился за помощью к северному князю Владимиру, с которым ему и удалось заключить союз: Владимир должен был отправить на помощь Василию шеститысячный отряд, взамен чего получал руку сестры императора Анны и обязывался за себя и за свой народ принять христианскую веру. Благодаря русской «варяго-русской дружине», восстание Варды Фоки было подавлено, и сам он погиб. Избавившись от страшной опасности, Василий, видимо, не хотел соблюдать обещания, данного Владимиру, относительно сестры Анны. Тогда русский князь осадил и взял важный византийский город в Крыму Херсон (Корсунь). После этого Василий II уступил. Владимир принял крещение и получил в супружество византийскую царевну Анну. Год крещения Руси: 988-й или 989-й, в точности неизвестен; одни ученые стоят за первый, другие за второй. На некоторое время между Византией и Русью снова настали времена мира и согласия; обе стороны безбоязненно вели между собой торговлю.

В 1043 году, в царствование Константина Мономаха, в Константинополе произошла, по словам источника, между «скифскими купцами», т. е. русскими, и греками ссора, во время которой один знатный русский был убит. Очень вероятно, что это обстоятельство послужило поводом к новому походу русских на Византию. Русский великий князь Ярослав Мудрый отправил в поход своего старшего сына Владимира с большим войском на многочисленных судах. Но русские суда потерпели полное поражение, особенно благодаря знаменитому «греческому огню». Остатки русского воинства во главе с Владимиром поспешно удалились. Это было последнее нападение русских на Константинополь в Средние века. Этнографические изменения, происшедшие во второй половине XI века в степях современной южной России, в виде появления половцев, лишили русское государство возможности поддерживать прямые сношения с Византией.

В XI веке пачинакиты (из греческих источников), или печенеги (из русских летописей), в течение довольно продолжительного времени оказывали громадное влияние на судьбу Византии. Даже, незадолго до первого крестового похода, когда печенеги единственный раз во время своей краткой и варварской исторической жизни сыграли немаловажную роль во всемирной истории, о чем речь будет в своем месте.

Византия уже давно знала печенегов, поселившихся с IX века на территории современной Валахии, к северу от нижнего Дуная, и на равнинах современной южной России, так что территория, занятая ими, простиралась от нижнего Дуная до берегов Днепра, а иногда заходила и дальше. На западе граница печенегов соприкасалась с границей Болгарского государства. На востоке постоянной границы быть не могло, так как с этой стороны непрестанно теснили печенегов другие варварские кочевые племена, осо-

бенно узы и куманы, или половцы. Печенеги, узы и куманы (половцы) были народы тюркского (турецкого) происхождения, т. е. были такими же турками, как турки-сельджуки, угрожавшие Византии со стороны Малой Азии в XI веке. Куманский или половецкий язык находится в ближайшем родстве с другими турецкими языками, и что различие между ними есть различие только диалектическое. Близкое родство между печенегами и турками-сельджуками имеет для будущего большое значение.

Печенеги были одним из важных северных соседей, служивших основой для сохранения равновесия на севере в отношениях империи к Руси, мадьярам и болгарам. В X веке Константин Багрянородный в своем труде «Об управлении империей», посвященном сыну и наследнику престола Роману, уделяет немало места печенегам. Прежде всего, он советует для пользы государства жить с печенегами в мире и иметь с ними дружественные отношения; если империя живет в мире с печенегами, то ни русские, ни мадьяры, ни болгары не могут открыть враждебных действий против империи. Из того же сочинения видно, что печенеги служили посредниками в торговых сношениях византийских владений в Крыму, т. е. фемы Херсон, с Русью, Хазарией и другими соседними странами. Для Византии печенеги в X веке имели в высшей степени важное значение как в политическом, так и в экономическом отношении.

Во второй половине X века и в начале XI века обстоятельства изменились. Восточная Болгария была завоевана Иоанном Цимисхием, а вся Болгария - Василием II. Печенеги стали непосредственными соседями империи, настолько сильными, многочисленными и упорными, что последняя была не в состоянии дать надлежащий отпор их натиску. С тыла печенегов теснили половцы. Феофилакт Болгарский, писатель XI века говорит о набегах печенегов, которых называет скифами.

До середины XI века серьезная опасность для Византии со стороны печенегов, по-видимому, не угрожала. Около же середины этого века они перешли Дунай.

«Это событие, оставляемое без внимания во всех новых исторических сочинениях, имело громадное значение в истории человечества. По своим последствиям оно почти так же важно, как переход за Дунай западных готтов, которым начинается так называемое переселение народов».

Император Константин Мономах (1042-1054) отвел в придунайской Болгарии печенегам земли для поселения и отдал в их руки три крепости на Дунае. Обязанность печенежских поселенцев была защищать границы империи от нападений своих соплеменников, оставшихся за Дунаем, и от князей русских.

Но задунайские печенеги упорно стремились к югу. В первое время, несмотря на то, что печенеги, в громадном количестве (источники говорят даже о 800 000 человек), перейдя Дунай, доходили до Адрианополя, а отдельные отряды и до самых стен столицы, войскам Константина Мономаха удавалось с ними справляться и наносить им чувствительные удары. Но предпринятая им в конце правления экспедиция против печенегов за Балканы окончилась разгромом византийского войска.

Полное поражение сделало невозможным для империи продолжение новой борьбы с печенегами и император вынужден был купить мир весьма дорогой ценой. Его щедрые дары побудили их пообещать мирно жить в своих провинциях на севере от Балкан. Печенежские князья были пожалованы византийскими придворными чинами.

Итак, к концу Македонской династии, особенно во время правления Константина Мономаха, печенеги были уже самым опасным северным врагом Византии, который в последующих событиях будет временами играть в высшей степени важную роль.

Лекция 40.

План:

Отношения Византии к Италии.

Отношения с Западной Европой.

Отношения с Италией для Византии имели важное значение, ввиду успехов арабов в Сицилии и южной Италии. Что касается отношения Византии к Венеции, то она освободившись в середине IX века от византийской зависимости, стала самостоятельной, поэтому если между двумя государствами завязывались отношения, интересы которых в X веке очень близко сходились в вопросе о западных арабах и адриатических славянах, то уже на официальном уровне.

От времени Василия I осталась его переписка с западным императором Людовиком II, из которой видно, что между обоими государями происходил горячий спор о неправильности присвоения Людовиком императорского титула. Еще во второй половине IX века чувствовались последствия коронации 800 года.

Хотя некоторые историки утверждали, что письмо Людовика II Василию подложное, современные исследователи не поддерживают этой точки зрения. Попытка заключить союз между Василием и Людовиком II окончилась неудачей. Занятие византийскими войсками Вари, Тарента и удачные действия в южной Италии против арабов византийского начальника Никифора Фоки подняли там византийское влияние в конце правления Василия I. Мелкие итальянские владения, как например, герцогства Неаполитанское, Беневентское, Сполетское, княжество Салернское и другие, часто меняли свое отношение к Византии в зависимости от ее действий против арабов. Папа Иоанн VIII, забыв о недавнем разрыве с восточной церковью, осознавая грозную для Рима арабскую опасность, вступил с Василием I в оживленные переговоры, соглашался на всевозможные уступки и явно стремился к заключению политического союза.

При Льве VI византийские владения в Южной Италии делились на две фемы: Калабрию и Лангобардию. Калабрия выделилась из фемы Сицилии, после того как с падением Сиракуз и Таормины Сицилия фактически перешла в руки арабов. Что касается Лангобардии, то в силу успехов византийского оружия в Италии Лев VI окончательно выделил ее в виде самостоятельной фемы со стратигом во главе из фемы Кефаллени или Ионийских островов. При постоянных военных действиях с переменным успехом границы Калабрии и Лангобардии отличались большой неопределенностью.

С усилением византийского влияния в южной Италии там в X веке замечается увеличение греческих монастырей и церквей, которые создали ряд культурных центров.

В том же X веке у Византии в Италии появляется сильный соперник и враг в лице германского государя Оттона I, который, будучи в 962 году коронован императорской короной в Риме папой Иоанном XII, стал известен в истории, как основатель «Священной Римской империи германской нации». Сделавшись императором, Оттон захотел быть и хозяином положения в Италии, что уже прямо задевало византийские интересы, особенно в феме Лангобардии. Переговоры между ним и восточным императором Никифором Фокой, который мечтал о заключении союза с германским государем против мусульман, затянулись.

Для новых переговоров в Константинополь был отправлен в качестве императорского посла епископ города Кремоны Лиутпранд, бывший уже раньше послом в Византии при Константине Багрянородном. Будучи встречен на берегах Босфора недостаточно почетно и пережив там немало унижений и уколов самолюбию, Лиутпранд написал рассказ о своем вторичном пребывании при византийском дворе в виде памфлета. Из его памфлета «Донесение о константинопольском посольстве» (*Relatio de legatione constantinopolitana*), видно, что в Византии продолжались старые споры о

титуле «василевса» для западного государя. Лиутпранд обвинял византийцев в слабости и бездействии и оправдывал своего государя. «Кому служит Рим, о желании дать свободу которому вы шумите? Кому он платит налоги? Разве прежде не служил он куртизанкам? И вот, в то время когда все спали и даже находились в состоянии бессилия, мой господин, августейший император, освободил Рим от столь постыдного рабства». Лиутпранд, видя, что греки, намеренно затягивая переговоры и не позволяя послу сноситься с его государем, готовили войска для отправки в Италию, употреблял все усилия, чтобы уехать из Константинополя, что ему удалось лишь после больших хлопот и проволочек.

Разрыв между двумя империями совершился, и Оттон I вторгнулся в пределы Апулии. Новый византийский император Иоанн Цимисхий совершенно изменил политику: он не только заключил мир с германским государем, но и добился брака сына и наследника последнего, будущего императора Оттона II, с византийской принцессой Феофано. Между империями установился союз. Арабские нападения на южную Италию, против которых Василий II, занятый внутренними восстаниями, ничего не мог сделать, заставили предпринять поход на юг молодого императора Оттона II (973-983). Последний потерпел сильное поражение от арабов и вскоре умер. С этих пор попытки германского вторжения в византийские фемы на юге Италии надолго прекратились.

С конца X века произошла административная реформа в византийской Италии, где прежний «стратиг Лангобардии» был заменен «катепаном Италии», имевшим резиденцию в Бари. Распри между различными итальянскими княжествами помогали византийскому катепану защищать юг Италии против сарацин.

Сын византийской принцессы Феофано, воспитанный в уважении к Византии и к античной культуре, германский государь Оттон III (983-1002), ученик знаменитого ученого Герберта, будущего папы Сильвестра II, мечтал об установлении прежней империи со столицей в древнем Риме. Только подражая византийским монархам, Оттон III надеялся восстановить императорский трон в Риме. Он называл себя *imperator romanorum* и будущую всемирную монархию *Orbis romanus*. Однако молодой Оттон III неожиданно умер в 1002 г., 22 лет от роду.

Если в начале XI века византийская южная Италия, благодаря вмешательству венецианского флота, была в безопасности от арабов, то вскоре в Италии появился у Византии новый враг, который некоторое время спустя будет уже страшной грозой для восточной империи. Этим врагом были норманны.

Первый значительный отряд норманнов прибыл в Италию в начале XI века по приглашению Мела, поднявшего восстание против византийского господства. Однако Мел и его норманнские союзники потерпели сильное поражение при Каннах. Войскам Василия II в этой победе оказали существенную помощь служившие в рядах византийского войска русские. Победа при Каннах укрепила положение Византии в южной Италии, поэтому император Михаил IV Пафлагонец в тридцатых годах XI века снарядил экспедицию для отвоевания у арабов Сицилии под начальством знаменитого полководца Георгия Маниака, в войске которого участвовал скандинавский герой Гаральд-Гардрад и варяго-русская дружина. Несмотря на успех кампании, овладение Мессиной, византийское предприятие в конце концов не удалось, потому, что Георгий Маниак, заподозренный в честолюбивых замыслах, был отозван.

Норманны же, пользуясь раздорами между Византией и римским престолом, держа сторону Рима, медленно, но успешно продвигались в византийской Италии. В конце периода, в середине XI века, среди норманнов в Италии начал выделяться энергичный Роберт Гуискар, или Гвискард, главная деятельность которого разовьется уже после прекращения Македонской династии.

Лекция 41.

План:

Социальное и политическое развитие.

Церковная политика.

а. Патриарх Фотий.

б. Его преемник Николай Мистик.

в. Император Никифор Фока. Его «Новелла».

г. События 1054 г.

Законодательная деятельность македонских императоров.

а. Прохирон.

б. Эпанагога.

в. Василики и Типукит.

г. Книга Эпарха.

Главным событием церковной жизни Византии за время Македонской династии является окончательное разделение церквей, восточной и западной, на восточно-православную и западно-католическую, завершившееся после почти двухвековых споров в середине XI века.

Василий I во время своего правления в церковной жизни занимался двумя делами низложением патриарха Фотия и восстановление на патриаршем престоле низложенного при Михаиле III Игнатия. Этим Василий надеялся укрепиться на троне. С одной стороны, он считал выгодным для себя жить в мире с папой; с другой стороны, желал угодить народу, среди которого было очень много сторонников низложенного Игнатия. Император Василий и патриарх Игнатий в своих письмах к папе признавали силу и влияние последнего на дела восточной церкви. Император писал папе: «Отец духовный и божественно чтимый первосвященник! Ускори исправлением церкви нашей и через борьбу с несправедливостью даруй нам обилие благ, т. е. чистое единство, общение духовное, свободное от всякого спора и всякой схизмы. Церковь, единую во Христе, и стадо, повинующееся одному пастырю». Игнатий заканчивает письмо просьбой прислать в Константинополь папских викариев, чтобы «с ними добре и по надлежащему устроить церковь»; «мы примем их, - пишет Игнатий, - как Провидение Божие, являемое при посредстве верховного Петра и при посредстве вашего настояния». Для папства это был момент кажущегося торжества на Востоке. Папа Николай I не дожил до этой победы. Отправленные из Византии на его имя письма были получены уже его преемником Адрианом II.

На соборах в Риме и затем, в присутствии папских легатов, в Константинополе в 869 г. Фотий был низложен и вместе со своими сторонниками предан проклятию. На западе Константинопольский собор 869 года был признан Вселенским.

В Болгарии же, в конце правления Михаила III восторжествовало латинское духовенство. Но Василий I, несмотря на противодействие папских легатов и недовольство самого папы, добился того, что латинские священники были удалены из Болгарии, и болгарский царь Борис снова примкнул к восточной церкви.

Низложенный патр. Фотий, живя в заточении и терпя многочисленные лишения, продолжал пользоваться прежним почетом и популярностью. Сам Василий, сознавая свою ошибку в отношении к Фотию, стал переходить на

его сторону. Сначала он возвратил Фотия из заточения, поселил его во дворце и поручил ему воспитание и образование своих детей. Когда Игнатий в глубокой старости скончался, Василий предложил Фотию занять патриарший престол. Восстановление Фотия знаменовало собой начало новой политики по отношению к папе.

В 879 году в Константинополе был созван собор, который по числу собравшихся иерархов и по общему великолепию обстановки превосходил даже некоторые из Вселенских Соборов. Легаты папы Иоанна VIII присутствовали на соборе и не только должны были согласиться на снятие с Фотия осуждения и на восстановление с ним общения римской церкви, но и выслушали без возражения прочитанный на соборе Никео-цареградский символ веры без прибавления распространенного на Западе *filioque*. На последнем заседании собора папские легаты воскликнули: «Кто не признает Фотия священным патриархом и не будет иметь с ним общения, то жребий того да будет вместе с Иудой и да не будет тот причислен к христианам!». Этот же собор доказывал, что папа является таким же патриархом, как и все другие патриархи, и что у него нет прав на управление всей церковью; поэтому и константинопольский патриарх в папском утверждении не нуждается.

Папа, был раздражен постановлениями собора 879 года и отправил в Константинополь своего легата, который должен был настоять на уничтожении негодных папе постановлений собора, а также добиться уступки относительно болгарской церкви. Однако ни император Василий, ни Фотий ни в чем не уступили папе, а легат подвергся аресту. Раньше полагали, что когда весть об этом акте открытого неповиновения дошла до Иоанна VIII, он анафематствовал Фотия в торжественной церемонии, в храме ап. Петра, держа Евангелие в руках, в присутствии большого количества народа. Это была так называемая вторая схизма Фотия. Однако последние исследования Аманна (Amann), Дворника (Dvornik) и Грюмеля (Grumel) показали, что второй схизмы Фотия никогда не существовало и что ни Иоанн VIII, ни кто-либо из его преемников никогда не анафематствовал Фотия. Взаимоотношения между империей и Римом полностью не прекратились, хотя и стали случайными и неопределенными.

Фотий покинул патриаршую кафедру при вступлении в 886 году на престол своего ученика и сына Василия I, Льва VI. Пять лет спустя Фотий умер, сыграв важную роль как в церковной и культурной жизни Византии.

Факт низложения Фотия императором Львом VI объясняется боязнью нового государя перед усиливавшимся политическим влиянием Фотия и его партии, а также желанием Льва возвести на патриарший престол своего

брата Стефана. При преемниках последнего можно заметить тенденцию к примирению с римской церковью на основании обоюдных уступок.

В это же время осуществлялся целый ряд попыток распространения христианства среди язычников и иноверцев. Была сделана попытка насадить христианство среди русов, которых Василий, по словам источника, будто бы «убедил сделаться участниками спасительного крещения» и принять рукоположенного патриархом Игнатием архиепископа. Трудно точно сказать, о каких русах здесь идет речь. При Василии же была обращена в христианство большая часть славянских племен, поселившихся в Пелопоннесе; славяне-язычники остались в горах Тайгета. При нем же настойчиво проводилось насильственное обращение евреев в христианство.

Церковные дела в Византии осложнились в начале X века во время патриаршества Николая Мистика, самого выдающегося иерарха после Фотия, родственника и ученика последнего. Благороднейшие стороны Фотия, по словам историка, «жили в его ученике Николае Мистике, который более, чем другие, стремился следовать предначертанному им идеалу патриарха». Этот патриарх оставил весьма интересное собрание писем, неценных с исторической и церковной точки зрения.

Между императором Львом и патриархом Николаем Мистиком были разногласия из-за четвертого брака императора. Несмотря на это, император заставил одного пресвитера обвенчать его с Зоей, сделавшейся, таким образом, четвертой супругой императора, три первых супруги которого умирали довольно быстро одна за другой. После венчания, за отсутствием патриарха, сам Лев возложил на Зою императорскую корону, что дало повод Николаю Мистике впоследствии сказать, будто бы император был для Зои «и женихом, и архиереем».

Это дело вызвало сильное смущение в народе. Непокорный Николай Мистик был низложен и отправлен в изгнание. На соборе в Константинополе, в присутствии папских легатов, было решено допустить подвергнутого епитимий императора к церковному общению, не расторгая его четвертого брака. На патриарший престол был возведен Евфимий.

Собор не дал империи церковного мира. Среди византийского духовенства образовались две партии. Одна, стоявшая на стороне Николая Мистика, была против признания четвертого брака императора и поносила нового патриарха Евфимия. Другая партия, представлявшая собой меньшинство, соглашалась с соборным постановлением относительно брака Льва и признавала Евфимия патриархом. Это разъединение перешло из столицы в провинции. Шла упорная борьба между николаитами и евфимитами. Наконец, сам император понял, что только энергичный и опытный Николай Мистик мог поправить дело. Незадолго до своей смерти в 912 г.

Лев VI вызвал его из заточения и, после низложения Евфимия, восстановил на патриаршем престоле.

Заботясь о церковном мире в империи, Николай Мистик хотел восстановить также отношения с Римом, прерванные из-за одобрения папой четвертого брака Льва. Во время регентства Зои, четвертой жены покойного императора, управлявшей государством за малолетством сына Константина VII Багрянородного, Николай Мистик был лишен влияния. Но, когда в 919 году управление государством перешло в руки тестя Константина, начальника флота Романа I Лакапина, и правительница Зоя была пострижена в монахини, тогда Николай Мистик снова получил прежнее влияние. Главным фактом последних лет его патриаршества было созвание собора в Константинополе из николаитов и евфимитов, которые с общего согласия составили «том единения» (ο τομοῦ τῆς ενῶσεως). Этим соборным актом четвертый брак был «объявлен безусловно недозволительным и недействительным, как запрещенный церковью и нетерпимый в христианской стране». О четвертом браке Льва Мудрого в «томе единения» упоминания нет. Этот акт удовлетворил обе партии, которые заключили между собой мир. После некоторой переписки с папой последний согласился послать в Константинополь двух епископов, которые, с его соизволения, осудили смущение, внесенное четвертым браком императора Льва. После этого общение между константинопольской и римской церквями было восстановлено. После смерти Николая Мистика в 925 году Роман Лакапин добился полного контроля над.

Очень интересной личностью с церковной точки зрения является император Никифор Фока. Будучи одним из наиболее одаренных императоров-воинов, имя которого связано с блестящими страницами византийской военной истории, он, до своего вступления на престол, увлекался иноческими идеалами, носил власяницу и поддерживал тесные отношения с основателем Большого монастыря на Афоне, св. Афанасием Афонским. Византийский историк Лев Диакон пишет, что Никифор был суров и неумолим в молитвах и всенощных бдениях во имя Бога, невозмутим духом во время песнопений и нисколько не подвержен тщеславию. Он был наполовину солдат, наполовину аскет. Многие были смущены, когда при своем вступлении на престол аскетически настроенный Никифор Фока вступил в брак с молодой и красивой вдовой покойного императора Романа II, Феофано, которая пользовалась чрезвычайно сомнительной славой. Впоследствии на гробнице Никифора было между прочим написано, что Никифор «все победил, исключая женщины».

Наиболее известным мероприятием Никифора в церковной жизни империи является «Новелла» 964 года о монастырях и религиозно-благотворительных учреждениях.

В Византии в эпоху Македонской династии монастырское землевладение было велико и часто расширялось за счет свободных крестьянских участков. Еще перед началом иконоборчества, т. е. в конце VII и начале VIII веков, восточная церковь уже владела громадными земельными участками. Императоры-иконоборцы VIII века открыли поход против монастырей; часть монастырей была закрыта, и достояние их отобрано в казну. С окончанием иконоборчества и восшествием на престол Македонской династии число монастырей и количество земли, поступившей в их владение, стали быстро возрастать. Уже новелла Романа I Лакапина высказывала намерение несколько ограничить рост монастырского землевладения. Решительно по данному вопросу высказывается новелла Никифора Фоки 964 года.

Эта новелла, отмечая «явную болезнь» в монастырях и «других священных домах» в виде безмерного любостяжания, не считая апостольской заповедью или отеческим преданием «приобретение многодесятичных громадных поместий и множество забот о плодовых деревьях» и желая «вырвать с корнем зло богоненавистного славолубия», запрещает строить новые монастыри и делать в пользу старых монастырей, богаделен и странноприимных домов, или же митрополитов и епископов, пожертвования и вклады.

Этот суровый закон не смог долго просуществовать. Василий II отменил закон Никифора Фоки, «как направленный к оскорблению и обиде не только церковей и богоугодных домов, но и самого Бога», и восстановил силу прежних по данному вопросу законов Василия I и Льва VI Мудрого, т. е. Василия, и новеллы Константина Багрянородного. Василий отменил новеллу Никифора Фоки, потому что считал ее также причиной гнева Божьего, обрушившегося на империю в восьмидесятых годах X века, когда внешние и внутренние затруднения ставили на край гибели судьбу государства.

Никифор Фока укреплял византийскую церковную организацию в южной Италии, т. е. в Апулии и Калабрии, куда во второй половине X века стало сильно проникать папское и вообще западное влияние, особенно в связи с коронованием германского государя Оттона I императорской римской короной и с усилением на юге Италии лангобардов. Никифор Фока через своего патриарха запретил в Апулии и Калабрии латинский церковный обряд и предписал придерживаться греческого. Это послужило новым основанием для дальнейшего отчуждения папства от Византии, тем более что в последнее время царствования Никифора папа стал называть его императором греков, а титул императора ромеев, т. е. римского, как официально титуловался византийский государь, он перенес на Оттона германского.

Никифор Фока хотел провозгласить св. мучениками всех воинов, положивших жизнь свою на поле брани. Но против этого решительно воспротивились патриарх и епископы. Император должен был уступить.

С именами Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия связывается начало новой эпохи в жизни знаменитого монастыря Афона. Отдельные подвижники жили на Афоне со времени начала монашества в IV веке. Наряду с подвижниками в VII веке появились там небольшие и небогатые монастыри.

В эпоху иконоборческих смут VIII века в малодоступных местностях Афона искали спасения многие из преследуемых иконопочитателей, привозивших с собой церковную утварь, мощи и рукописи. Но спокойной жизни на Афоне не было из-за неоднократных опустошительных нападений арабов с моря; монахов убивали или увозили в плен. Поэтому до середины X века Афон пережил несколько запустений. Лишь при Никифоре Фоке афонское монашество укрепилось, когда св. Афанасий Афонский построил первый большой монастырь, ввел общежительное устройство и дал своей киновии новый устав (типик). Подвижники (анакореты), недовольные введением на Афоне общежительного (киновитского) монашества, подали жалобу преемнику Никифора Фоки, Иоанну Цимисхию, на Афанасия, обвиняя последнего в том, что он нарушил древние обычаи Святой Горы (так уже назывался Афон в типике Афанасия). Цимисхий, разобрав дело, утвердил древний афонский устав, допуская на Афоне как анахоретство, так и киновитство. По примеру св. Афанасия стали основываться другие монастыри, не только греческие. При Василии II уже существовал Иверский, или Грузинский монастырь; выходцы из Италии основали монастыри Римский и Амальфитанский. Около 1000 года, когда умер в глубокой старости св. Афанасий, на Афоне было 3000 «разнонародных монахов». В XI веке уже есть известие и о русской обители. Впервые официально Афон был назван Святой Горой во втором его уставе (типике), данном примерно в середине XI века императором Константином IX Мономахом. Управление монастырями поручалось совету игуменов во главе с первым из них - протом; совет же назывался протатом. Таким образом, в эпоху Македонской династии на Афоне окончательно образовался центр святости, культуры и просвещения.

Вопрос о разделении церковей окончательно разрешился в середине XI века. Помимо общих причин догматического характера, надо иметь в виду и условия южно-итальянской жизни в середине XI века. Несмотря на меру Никифора Фоки относительно церковной организации в Апулии и Калабрии, латинское церковное влияние продолжало туда проникать. В середине XI века папой был Лев IX, который был не только религиозным, но и политическим деятелем. Ключийское движение, охватившее тогда обширные круги западноевропейского духовенства и поставившее себе задачей ре-

форму церкви, восстановления ее павших нравов и расшатанной дисциплины и уничтожения укоренившихся в церкви светских обычаев и привычек, симонии, брака духовенства и инвеституры, развивалось под непосредственным покровительством и руководством папы. Ключницей, проникая в определенную область, ставили ее в тесную зависимость от папы. Это движение стало делать большие успехи в Южной Италии. Кроме того, Лев IX со своей точки зрения имел и политические основания для вмешательства в южно-итальянские дела. Между папой и константинопольским патриархом Михаилом Керуларием произошел обмен посланиями. Папа в своем послании ссылался на известный «Дар Константина» (Donatio Constantini), будто бы отдававший римскому епископу вместе с духовной и светскую власть. Но, несмотря на подобные осложнения, трудно было ожидать скорого разрыва, тем более что византийский император Константин IX Мономах был склонен к мирному разрешению вопроса.

В Константинополь прибыли папские легаты, среди которых был кардинал Гумберт. Легаты и гордо и заносчиво держали себя в отношении патриарха, который, уклонившись от каких-либо переговоров с ними, не соглашался ни на какие уступки Риму. Тогда, летом 1054 года, легаты положили на алтарь храма Св. Софии отлучительную грамоту. В ответ на это Михаил Керуларий созвал собор, на котором была произнесена анафема на римских легатов и лиц, пришедших «в богохранимый град, подобно грому, или буре, или граду, или лучше, подобно диким кабанам, чтобы низвергнуть истину».

Так произошел окончательный раскол западной и восточной церкви в 1054 году. Отношение трех восточных патриархов было для Михаила Керулария важным. Посредством патриарха Антиохийского, он известил патриархов Иерусалимского и Александрийского о разделении церквей, сопроводив новость соответствующими извещениями.

Раскол 1054 года сделал патриарха совершенно независимым от папских претензий с запада. Его авторитет значительно возрос в славянском мире и среди восточных патриархов. Однако с политической точки зрения раскол 1054 года был фатальным для империи, так как сводил на нет в будущем любую попытку стабильного соглашения с западом, находившимся под сильным влиянием папства. Это оказалось фатальным, ибо иногда Византийская империя очень нуждалась в западной помощи, особенно тогда, когда с востока стала усиливаться турецкая опасность.

Окончательный разрыв церквей в 1054 году непосредственно ощутили духовенство и правительство. Население оставалось очень спокойным и некоторое время даже не знало о доктринальных расхождениях Рима и Константинополя.

Время Македонской династии отличается оживленной законодательной деятельностью. Василий I задался целью дать общий свод греко-римского, или византийского права, который должен был бы заключать в себе в хронологическом порядке законодательные акты, как древние, так и более новые. Ввиду малого знакомства с латинским языком и указанной выше громоздкости четырех частей Юстинианова свода, право изучалось обычно по его греческим переводам, изложениям, извлечениям и комментариям, которые, получив преобладающее влияние в юридической практике, далеко не всегда отличались точностью и не раз имели результатом искажение первоначального текста. Василий I имел в виду удалить устаревшие и отмененные последующими новеллами законы и ввести в сборник законы новые; сохраненные в новом сборнике латинские термины и выражения должны были быть объяснены по-гречески. Общим языком законодательного предприятия Василия должен был быть греческий язык.

До его завершения Василий выпустил Прохирон (Prochiron, по-гречески ο προχειρον πομοV), т. е. руководство по праву, имевшее целью дать желающим в руки краткое изложение тех законов, которые должны управлять государством и прежде всего установить в империи правосудие. Прохирон распадается на сорок отделов (титолов) и заключает в себе главные нормы гражданского права и перечисление наказаний за различные проступки и преступления. Главный источник, особенно для первых 21 отделов, институции Юстиниана; другие части Юстинианова свода привлекались в гораздо меньшей мере. Притом, составители Прохирина обращались не к латинскому оригиналу свода, а к греческим переработкам и сокращениям. Несмотря на суровое суждение, Эклога исаврийских государей, была полезна и пользовалась таким распространением, что Прохирон во многих отделах, особенно после отдела 21-го, пользуется ее данными. Те же лица, которые бы заинтересовались более детальным изучением действующего права, должны были, судя по тому же введению Прохирина, обращаться к большому своду в 60 книгах, составленному также при Василии.

В конце правления Василия был составлен другой законодательный памятник, Эпанагога (ἡ ἐπαναγωγῆ; в переводе «приведение, введение»), который иногда не правильно называется новым изданием, просмотренным и дополненным, Прохирина. Эпанагога, по словам этого сборника, является введением к сорока томам «очищенных» прежних законов, составленных при том же Василии, и, подобно им, разделяется на сорок отделов (титолов).

Об этих законодательных сборниках, один в 60 книг, упомянутый в Прохироне, другой в 40 книг, упомянутый в Эпанагоге, в точности неизвестно. Вероятно, они при Василии закончены и изданы не были, а при его преемнике Льве VI легли в основу изданных последним Василиик.

По мнению одних ученых, Эпанагога никогда не была официально опубликована и осталась лишь законопроектом; по мнению других, Эпанагога была официально опубликованным законом.

Эпанагога довольно сильно отличается от Прохирона. Во-первых, в ее начале внесены совершенно новые отделы о царской власти, о власти патриарха, о других государственных и церковных властях, дающие представление об основах государственного и общественного строя в Византии и об отношении церкви к государству. Во-вторых, материал, заимствованный Эпанагогой из Прохирона, распределен иначе. В составлении Эпанагоги принимал участие патриарх Фотий; особенно это сказывается в определении отношения царской власти к власти патриарха и в вопросе о положении вселенского патриарха Нового Рима, перед которым остальные патриархи являются только местными иерархами. Подобно Прохирону, Эпанагога, называя во введении Эклогу императоров-иконоборцев «болтовней исавров, направленной на противодействие Божественного учения и на уничтожение спасительных законов», и говоря о ее полной отмене, тем не менее в некоторых частях пользуется Эклагою.

Эпанагога, вместе с некоторыми другими законодательными памятниками Византии, была переведена на славянский язык. Извлечения из нее находятся в славянских кормчих и в нашей печатной кормчей. Идеи Эпанагоги оказывали влияние и на позднейшую русскую историю; так, например, в документах по делу патриарха Никона, при царе Алексее Михайловиче, прямо приводятся постановления Эпанагоги о царской власти.

Работы Василия в этой области дали возможность его сыну и преемнику Льву VI Мудрому издать Василики, являющиеся наиболее полным памятником греко-римского или византийского законодательства, где на греческом языке переработаны и слиты в один кодекс все части Юстинианова Свода. Название Василик происходит не от имени Василия I, при котором, как мы знаем, был подготовлен для них материал, а от греческого слова василевса - царь, император; в переводе они обозначают «императорские законы».

Юридическая компиляция Льва VI, распадающаяся на 60 книг, преследовала цель, намеченную его отцом, т. е. восстановить в силе законодательство Юстиниана с опущением законов, потерявших свою силу или чуждых изменившимся условиям византийской жизни, - другими словами, приспособить его к действующему праву. Поэтому Василики не представляют собой полного, буквального перевода Юстиниановых законов. Часть новелл и других законодательных памятников, вышедших после Юстиниана, включая некоторые новеллы Василия I и даже Льва VI, также служили источниками для Василик. Ни одна из рукописей не содержит полный текст

Василик: в разных рукописях сохранились разные части свода. В общей же сложности мы располагаем двумя третями сборника.

Для восстановления утраченных книг Василик большое значение имеет сочинение XI или XII века - Типукит (ΤιρουκεϊτοV), приписываемый византийскому юристу Пацису. Сочинение представляет собой обзор содержания Василик по рубрикам, с указанием основных глав каждого раздела. Типукит содержит также указание повторяющихся мест по всем разделам.

Восстановление античного права в Василиках, несмотря на сделанные в нем изменения, которые приблизили его к жизни, было искусственным и не могло вполне заменить законодательных актов. Например, многие части Эклоги оставались в силе и после Василик, сделавшись предметом различных позднейших добавлений и обработок. Василики, тем не менее, остаются колоссальным достижением в области византийской культуры и юриспруденции, стоящим после *Corpus Juris Civilis*.

Ко времени Льва VI надо относить один из любопытнейших памятников, «драгоценное сокровище для истории внутренней жизни Константинополя», так называемую «Книгу Эпарха», найденную в Женеве и изданную швейцарским ученым Николем (Nicole) в конце XIX века. Дата документа точно не установлена. Возможно, он составлен в царствование Льва VI или позже, в десятом веке, возможно, даже при Никифоре Фоке (после 963 года).

Эпархом назывался в Византии константинопольский градоначальник, облеченный громадными полномочиями, стоявший на самых высших ступенях византийской чиновной лестницы. На его обязанности лежало прежде всего охранение общественной тишины и безопасности в столице, для чего в его распоряжении находился большой штат подчиненных, которые составляли приказ или, как называли в Византии, секрет эпарха. Помимо других многочисленных прав и обязанностей эпарха по его должности, его ведомству подлежали столичные корпорации, или цехи, ремесленников и торговцев.

Книга эпарха знакомит с мало известной стороной внутренней жизни Константинополя. Она перечисляет различные разряды ремесленников и торговцев, говорит о внутреннем устройстве их цехов, об отношении к ним государства и т. д. Начинает документ свое перечисление с такой корпорации, которая не подходит под понятие ремесленной или торговой корпорации, а именно с корпорации стряпчих, или нотариусов (тавуллариев, *si taboullariou, tabularii*). Затем из ремесленников идут ювелиры, обделыватели шелка-сырца, выделыватели шелковых материй, полотна, воска, мыловары, кожевники, хлебопеки. Из торговцев Книга эпарха называет менял, торговцев шелковыми тканями и платьями, шелком-сырцом, благовонными

товарами, воском, мылом, различных мелочных торговцев, мясников, торговцев свиньями, рыбой, лошадьми, булочников, трактирщиков. Каждая корпорация пользовалась монополией, так что под страхом строгого наказания запрещалось заниматься двумя различными ремеслами, даже близко подходившими друг к другу. Вся внутренняя жизнь цехов, их устройство, производство, место торговли, нормировка цен и барыша, ввоз в столицу и вывоз из нее и т. д. все это подлежало строгой регламентации со стороны государства. Свободной торговли и свободного производства не существовало. Главным лицом, имевшим право вмешиваться лично или через своих представителей во внутреннюю жизнь цехов и регулировать их производство или торговлю, был столичный эпарх.

От времени Льва VI существует более ста новелл, которые дают очень богатый материал для внутренней истории Византии в конце девятого и в начале десятого веков. Они еще не изучены и не использованы должным образом.

Лекция 42.

План:

Смутное время (1056-1081).

а. Императоры.

Турки-сельджуки.

Печенеги.

Норманны.

а. Роберт Гуискар.

В 1025 году после смерти Василия II Болгаробойцы империя вступила в период смут, частной смены случайных государей и начинающегося общего упадка. Императрица Зоя возвела на престол трех своих супругов. В 1056 году в лице императрицы Феодоры, сестры Зои, Македонская династия прекратила свое существование.

Империя после этого пережила смутный период в 25 лет, с 1056 по 1081 год, закончившийся возведением на престол Алексея Комнина, основателя династии Комнинов.

Этот период имел в истории Византии важное значение, так как создал в империи условия, вызвавшие впоследствии на Западе крестоносное движение. В эти двадцать пять лет внешние враги Византии сильно теснили ее: с запада норманны, с севера печенеги и узы и с востока турки-сельджуки. За это время территория империи значительно уменьшилась в своем размере.

Также в этот период шла борьба военного элемента и крупной землевладельческой знати, особенно малоазиатской, с центральным правительством, – борьба провинции со столицей, закончившаяся победой войска и крупного землевладения, т. е. провинции над столицей, в лице Алексея Комнина.

Все императоры смутного времени XI века были греками. В 1056 году престарелая, почти умирающая императрица Феодора, по настоянию придворной партии, избрала в императоры почтенного по возрасту патрикия Михаила Стратиотика, после чего вскоре умерла. Михаил VI Стратиотик, ставленник столичной придворной партии, смог удержаться на престоле всего год с небольшим (1056-1057), так как против него поднялись войска в Малой Азии, провозгласившие императором прославившегося борьбой с турками, Исаака Комнина, представителя крупной землевладельческой фамилии. Михаил Стратиотик был вынужден отречься от престола и окончил дни свои частным лицом.

Но эта победа была кратковременной: Исаак Комнин правил всего с 1057 по 1059 год, когда он отрекся от престола и постригся в монахи. Возможно, что Исаак Комнин пал жертвой искусной интриги со стороны элементов, недовольных его самостоятельным и энергичным правлением. Император, ставя на первый план интересы государственной казны, наложил руку на незаконно приобретенные крупными собственниками земли и уменьшил жалованье крупных чиновников. В интриге против Исаака Комнина принимал участие известный ученый и государственный деятель Михаил Пселл.

Преемником Исаака был Константин X Дука (1059-1067), талантливый финансист, защитник правильного правосудия, интересовавшийся преимущественно делами гражданского управления. На войско и военное дело новый император обращал мало внимания. Это было время реакции гражданского управления против восторжествовавшего при Исааке Комнине военного элемента, реакции столицы против провинции. Однако внешняя опасность, грозившая империи с севера и востока, со стороны печенегов и

узов с одной стороны, турок сельджуков с другой, не оправдала антивоенного характера правления Константина Дуки. Чувствовалась настоятельная необходимость иметь на престоле государя-воина, который мог бы оказать надлежащее сопротивление неприятелю. В XI веке ученый Михаил Пселл, писал, что в его время «войско есть нерв государства ромеев». В таких обстоятельствах против императора составила сильная оппозиция. Когда в 1067 году Константина X Дуки не стало, государством в течение нескольких месяцев управляла его жена Евдокия Макремволитисса в качестве регентши с тремя сыновьями. Но военная партия нашла для нее супруга в лице талантливого военачальника Романа Диогена, родом из Каппадокии, который и сделался императором Романом IV Диогеном (1067- 1071).

Его вступление на престол знаменует собой вторую победу военной партии. Четырехлетнее правление этого императора-воина окончилось для него трагически. Роман Диоген попал в плен к турецкому султану, который, однако, даровал ему свободу. По получении известия о плене императора столица взволновалась. После некоторых колебаний императором был провозглашен сын Евдокии Макремволитиссы от Константина Дуки, ее первого мужа, ученик Михаила Пселла, Михаил VII Дука, по прозвищу Парапинак. Евдокия постриглась в монахини. Возвратившийся из плена Диоген, вопреки данной ему гарантии личной безопасности, был ослеплен и вскоре умер.

Михаил VII Дука Парапинак (1071-1078), любивший заниматься науками, беседовать с учеными, сам писавший стихи, не имевший никакой склонности к военным делам, восстановил бюрократический режим своего отца Константина Дуки. Но последний режим не соответствовал внешнему положению государства. Новые успехи турок и печенегов настоятельно требовали, чтобы во главе империи стоял император-воин, опиравшийся на армию, в которой население видело спасение государства. Выразителем народных нужд, явился стратиг одной из малоазийских фем Никифор Вотаниат, который, будучи провозглашен императором в Малой Азии, принудил Парапинака постричься и уйти в монастырь, после чего вступил в столицу и был коронован патриархом. Правил Никифор III Вотаниат с 1078 по 1081 год. Но, престарелый и физически слабый император не мог справиться ни с внутренними, ни с внешними затруднениями. Крупная землевладельческая аристократия провинции не признавала прав Никифора III на престол. В различных частях империи появились претенденты, оспаривавшие трон у Вотаниата. Особенно искусно воспользовался обстоятельствами один из его главных военачальников Алексей Комнин, племянник Исаака Комнина и родственник фамилии Дуков. Он поставил себе целью добиться престола, что ему и удалось. Вотаниат отрекся от престола и удалился в монастырь, где был пострижен в монашество. В 1081 году Алексей Комнин был венчан на царство и, положив конец смутному времени в Византии XI века, открыл

собой эпоху династии Комнинов. Его вступление на престол знаменовало собой победу военной партии и крупного провинциального землевладения.

При столь частой смене императоров и почти не прекращавшейся борьбе за трон внешняя политика империи не могла стоять на надлежащей высоте, особенно ввиду той сложной и опасной для государства обстановки, которая создалась ввиду успешных действий главнейших врагов империи: турок сельджуков с востока, печенегов и узов с севера и норманнов с запада.

Византийская империя знала турок уже давно. Проект турецко-византийского союза существовал во второй половине VI века. Турки служили в Византии как наемники, а также - в дворцовой гвардии. Их было немало в рядах арабских войск на восточных рубежах империи. Турки принимали активное участие в осаде и грабеже Амория в 838 году. Но все эти сношения и столкновения с турками до XI века не имели важного значения для империи. С появлением в первой половине XI века на восточной границе турок сельджуков обстоятельства изменились.

Сельджуки (или сельджукиды) были потомками туркменского князя Сельджука, находившегося около 1000-го года на службе у одного из туркестанских ханов. Из киргизских степей Сельжук со всем своим племенем переселился в Бухарскую область, где он и его народ приняли ислам. Вскоре сельджуки настолько усилились, что два внука Сельджука во главе своих диких туркменских полчищ могли уже произвести нападение на Хорасан.

С середины же XI века сельджуки стали играть важную роль и в истории Византии, угрожая ее пограничным провинциям в Малой Азии и на Кавказе. В сороковых годах XI века, при императоре Константине IX Мономахе, Армения с ее новой столицей Ани была присоединена к Византии. Но последнее обстоятельство лишило бывшее Армянское царство его значения, как государства-буфера между империей и турками, по крайней мере, на северо-востоке. Наступая после этого в Армению, сельджуки наступали уже на византийскую территорию. Одновременно с этим сельджуки стали продвигаться и в Малую Азию.

Во время кратковременного правления Исаака Комнина восточная граница успешно оборонялась против натиска сельджуков. Но с его падением антивоенная политика Константина Дуки ослабила военные силы Малой Азии и тем облегчила вторжение сельджуков в византийские пределы. При Константине X Дуке и после его смерти, во время семимесячного регентства его жены Евдокии Макремволитиссы, второй султан сельджукидов Алп Арслан завоевал Армению со столицей Ани и опустошил часть Сирии,

Киликию и Каппадокию. В Кесарии, турки ограбили главную святыню города - церковь Василия Великого, где хранились мощи святого.

Муж правительницы Евдокии, энергичный Роман Диоген, предпринял несколько походов против турок, из которых первые были довольно удачны. Но разноплеменное войско, состоявшее из македонских славян, болгар, узов, печенегов, варягов, франков, под которыми в это время в Византии разумели вообще представителей западноевропейских народностей, не было хорошо организованным и обученным войском, способным с успехом противостоять быстрым движениям турецкой конницы и системе быстрых и смелых кочевых набегов. Особенно ненадежны в рядах византийского войска были составлявшие в нем легкую конницу узы и печенеги, которые при столкновении с турками тотчас же почувствовали с последними племенное родство.

Последний поход Романа Диогена закончился для него роковой битвой в августе 1071 года при Манцикерте (Маназкерт, теперь Мелазгерд) в Армении, на север от озера Ван. Незадолго до сражения отряд узов со своим вождем перешел на сторону турок. Это вызвало большое беспокойство в войске Романа Диогена. В пылу завязавшейся битвы один из византийских военачальников распустил слух о поражении императорского войска, которое, будучи охвачено паникой, обратилось в бегство. Геройски сражавшийся Роман Диоген был захвачен в плен турками и с почетом встречен Алп Арсланом.

Между победителем и побежденным был заключен «вечный» мир и дружественный договор. Главные пункты которого, следующие: 1) Роман Диоген получал свободу за уплату определенной суммы; 2) Византия должна была платить Алп Арслану ежегодно крупную сумму денег; 3) Византия обязывалась возратить ему всех пленных турок. Роман, после возвращения в Константинополь, нашел престол занятым Константином X Дукой и, подвергшись ослеплению, вскоре умер.

Сражение при Манцикерте имело серьезные последствия для империи. Хотя, согласно соглашению, Византийская империя не уступала Алп Арслану никакой территории, ее потери были весьма велики, так как армия, защищавшая малоазийскую границу, была уничтожена и империя была не в состоянии противостоять последующему продвижению турок. Печальное положение империи было еще больше осложнено слабой администрацией Михаила VII Дуки. Поражение при Манцикерте было смертельным ударом для византийского господства в Малой Азии. После 1071 года больше не было византийской армии, способной оказывать сопротивление туркам.

После катастрофы 1071 года и до вступления на престол Алексея Комнина в 1081 году, турки пользовались беззащитностью страны и внут-

ренными раздорами. Та или другая партия не задумываясь приглашали их к себе на помощь и тем самым все глубже вводили во внутреннюю жизнь государства. Турки доходили по Малой Азии отдельными отрядами до ее западных границ. Поддерживая, например, Никифора Вотаниата в его стремлении захватить престол, турки дошли с ним до Nikeи и Хрисополя (теперь Скутари, напротив Константинополя).

К тому же после смерти Романа Диогена и Алп Арслана ни турки, ни империя не считали себя связанными договором, заключенным этими правителями. Турки использовали любую возможность для грабежа византийских провинций Малой Азии и, по словам современному событиям византийского хрониста, входили в эти провинции не как бандиты-налетчики, но как постоянные хозяева. Это утверждение, конечно, является преувеличением, по крайней мере для периода до 1081 года. Преемник Алп Арслана передал командование военными силами Малой Азии Сулейману-ибн-Куталмышу, который занял центральную часть Малой Азии и позже основал Румийский, или Малоазийский, султанат. Из-за того, что его столицей был византийский город Малой Азии Иконий (совр. Конья), это государство сельджукидов часто называется Иконийским султанатом. Новый султанат распространил свою власть как до Черного моря на север, так и до Средиземного моря на юге и стал опасным соперником империи. Турецкие войска продолжали продвигаться на запад, византийские же войска не были сильны чтобы противостоять им.

Продвижение вперед сельджукидов и угрожающие перемещения северных узов и печенегов к столице побудили Михаила VII Дуку Парапинака в начале своего царствования обратиться за помощью на Запад и отправить послание папе Григорию VII, с обещанием отплатить за помощь папы содействием в воссоединении церквей. Григорий VII отреагировал благосклонно и послал целую серию посланий западноевропейским властителям и «всем христианам». Однако призывы Григория ни к каким реальным результатам не привели и никакая помощь с Запада послана не была. Папа тем временем оказался втянутым в длинную и жестокую борьбу за инвеституру с немецким королем Генрихом IV. К моменту восшествия на престол Алексея Комнина стало очевидно, что продвижение на запад сельджукидов является смертельной опасностью для империи.

К концу Македонской династии самыми опасными врагами Византии на севере были печенеги. Византийское правительство разрешало им жить в областях на север от Балкан и присваивало печенежским князьям византийские придворные чины. Но это не было разрешением печенежского вопроса, так как из-за Дуная непрестанно прибывали новые толпы печенегов и родственников им узов, устремляясь с целью грабежа византийской территории к югу. Исаак Комнин имел успех в борьбе с продвижением печенегов.

Он восстановил византийскую власть на Дунае и смог дать надлежащий отпор туркам.

Во время Константина Дуки на Дунае появились узы. «Это было настоящее переселение. Целое племя в числе 600 тысяч, со всем своим имуществом и скарбом, толпилось на левом берегу реки. Все усилия воспрепятствовать их переправе были напрасны». Области Фессалоники, Македонии, Фракии и даже Эллады подверглись страшному опустошению. Когда ужасная опасность была устранена, народ приписал свое избавление чудесному вмешательству свыше. Часть узов даже поступила на службу к императору и получила в надел некоторое количество казенных земель в Македонии. Печенеги и узы, служившие в византийской армии, сыграли важную роль в битве при Манцикерте.

Новая финансовая политика Михаила VII Дуки Паррапинака, который сократил денежные подарки, отправляемые в придунайские города, привели к волнениям среди печенегов и узов придунайских областей. Заключив союз с задунайскими кочевниками и вступив в соглашение с одним из восставших против императора византийских военачальников, печенеги и другие жившие у Дуная племена, видимо, славяне, двинулись на юг и, разграбив Адрианопольскую область, дошли до столицы, которую и осадили. Константинополь сильно страдал от недостатка пропитания. В это Михаил Паррапинак, под давлением сельджукской и печенежской опасности, отправил послание о помощи к папе Григорию VII.

Однако ловкие интриги византийской дипломатии посеяли раздор среди осаждавших столицу союзников, которые сняли осаду и с богатой добычей возвратились на Дунай. К концу этого периода печенеги принимали довольно живое участие в борьбе за престол Никифора Вотаниата и Алексея Комнина.

Таким образом, узо-печенежский вопрос в эпоху смутного времени перед началом династии Комнинов не был решен. Эта северная опасность перешла к Комнинам.

К концу эпохи Македонской династии появившиеся в Италии норманны, пользуясь внутренними затруднениями Византии и ее разрывом с Римом, начали продвигаться в сторону ее южно-италийских владений. Восточная империя не могла уделять должного внимания на западную опасность со стороны норманнов, так как была занята восточными нападениями турок сельджуков, которые вместе с печенегами и узами, нападавшими на Византию с севера, являлись естественными союзниками норманнов. Сильным орудием в руках норманнов в их борьбе с Византией был созданный ими флот, оказавший впоследствии сухопутным норманнским отрядам существенные услуги. Кроме того, у норманнов в середине XI века появи-

лась крупная, энергичная личность - Роберт Гуискар, который «вырос из вождя разбойников в основателя государства».

Главным делом Роберта Гуискара было подчинение византийской Южной Италии. Роберт подчинил Бриндизи, Тарент и Реджо (Регий), а через несколько лет первые два города снова были взяты прибывшими в Бари византийскими войсками, в состав которых входили варяги. Но затем успех перешел на сторону норманнов.

Роберт Гуискар предпринял осаду Бари, главного центра византийского владычества в Южной Италии. Бари был в то время одним из самых укрепленных городов Южной Италии. В IX веке мусульмане лишь при помощи хитрости смогли на некоторое время овладеть Бари, а западный император Людовик II в том же деле встретил со стороны этого города упорное сопротивление. Осада Бари Робертом являлась крупным военным предприятием, в котором значительную роль сыграл норманнский флот, установивший блокаду порта. Осада продолжалась около трех лет. Наконец, весной 1071 года Бари вынужден был сдаться Роберту.

Падение Бари знаменовало собой конец византийской власти в Южной Италии. В завоеванном городе Роберт приобретал в Апулии важный опорный пункт для быстрого и окончательного подчинения небольших остатков византийского владычества внутри страны. Подчинение Южной Италии развязало Роберту руки для завоевания Сицилии у мусульман.

Завоевание Южной Италии не имело своим последствием уничтожение в стране византийского влияния. Западная империя, будь то империя Карла Великого или Оттона Германского, являлась во многих отношениях отражением устоев, идей и внешних жизненных условий освященной многими веками Восточной империи. Норманнские завоеватели Южной Италии в лице Роберта Гуискара должны были еще в большей степени подчиниться влиянию Византии.

Роберт, герцог Апулии, рассматривая себя законным наследником византийских василевсов, сохранил в покоренной стране византийскую администрацию. В норманнских документах встречается название фемы Калабрии, во главе городов стоят стратиги или экзархи; норманны гордятся византийскими титулами. Греческий язык в богослужении также сохранился; в некоторых местах греческий язык при норманнах считался даже языком официальным.

Честолюбивые планы Роберта Гуискара шли гораздо дальше пределов Южной Италии. Учитывая внутреннюю слабость Византии и ее внеш-

ние затруднения, норманнский завоеватель стал мечтать об императорской короне восточного василевса.

Поняв опасность со стороны Роберта, император Михаил VII Дука Парапинак хотел предотвратить ее путем брачных уз между обоими дворами. Сын императора был обручен с дочерью Роберта. Но и это не помогло, и после низложения Михаила VII норманны усилили свои враждебные действия против империи и ко времени вступления Комнинов на престол собирались перенести войну из Италии на восточный берег Адриатического моря.

Падение Бари весной 1071 года и битва при Манцикерте в августе того же года показывают, что 1071 год является одним из самых важных на всем протяжении византийской истории. В этом году Византия потеряла Южную Италию на Западе и подписала смертный приговор своему владычеству в Малой Азии на Востоке. Уменьшенная в своих размерах, лишенная источника своих главных жизненных сил в Малой Азии, Восточная империя значительно ослабла со второй половины XI века. Несмотря на некоторый подъем при Комнинах, она стала постепенно уступать как в политическом, так и в экономическом значении государствам Западной Европы. Смутный период империи, закончившийся во внешней политике отступлением последней на всех границах Европы и Азии и характеризующийся почти непрерывной внутренней борьбой, оставил вступившей на престол династии Комнинов тяжелое государственное наследство.

Лекция 43.

План:

1. Забота о просвещении. Литература.

а. Император Лев VI.

б. Император Константин VII Багрянородный. «Об управлении государством».

в. Историк Иосиф Генесий и Феодор Дафнопат.

г. Симеон Метафраст и Константин Кефалас.

д. «Лексикона Суды» и др.

2. Хронисты.

а. Историк Лев Диакон.

б. Анонимный продолжатель Феофана.

г. Хронисты X века.

3. Поэты. Иоанн Кириот, Геометр и др.

4. Учреждение философского факультета и школы права в X в.

а. Константин (Михаил) Пселл.

5. Эпическая поэзия и византийские народные песни.

6. Михаил Атталиат.

7. Византийское искусство.

8. Архитектура.

Время Македонской династии было временем интенсивного развития в сфере образования, литературы, воспитания и искусства. Это было время, когда четко проявились основные черты византийской учености, что выразилось в развитии более тесной связи между светским и богословским элементом или примирении античной языческой мудрости с новыми идеями христианства в развитии универсального и всеобщего знания и, в конечном счете, в отсутствии оригинальности и творческого гения. Во время всего этого периода высшая школа в Константинополе была снова центром научных и литературных исследований, вокруг которого группировались лучшие интеллектуальные силы империи.

Император Лев VI, ученик Фотия, не будучи одаренным очень большим литературным талантом, написал много проповедей, церковных гимнов и других сочинений. Его основная заслуга заключалась в поддержке интеллектуальной атмосферы, созданной Фотием. Лев защищал и поддерживал всех ученых и литераторов. В его время «императорский дворец превращался иногда в новую Академию или новый Лицей».

Особо выдающейся фигурой в идейной жизни десятого века был император Константин VII Багрянородный, сделавший много для интеллектуального развития Византии не только защитой образования, но и сочинением многочисленных оригинальных сочинений. Константин оставил все пра-

вительственные дела Роману Лакапину и посвятил большую часть своего времени тому, что его интересовало. Ему удалось создать в обществе плодотворное литературное и научное движение, в котором он сам принимал личное активное участие. Он много писал сам, побуждал писать других и ему удалось поднять образование своего народа на гораздо более высокий уровень. Его имя тесно связано с возведением многих прекрасных зданий; он страстно интересовался искусством и музыкой и тратил большие суммы денег на составление антологий из древних авторов.

До наших дней сохранилось большое количество сочинений времени Константина VII. Некоторые из них написаны самим Константином, другие - с его личной помощью, тогда как еще один тип - антологии древних текстов и энциклопедий с отрывками по множеству вопросов, были составлены по его просьбе. Среди его сочинений выдержанная в хвалебных тонах биография его деда Василия I, «Об управлении государством» (*De administrando Imperio*), посвященная своему сыну и наследнику. Сочинение содержит много ценной информации по географии иностранных государств, их связям с Византией и византийской дипломатии. Сочинение открывается главами о северных народах - печенегах, русских, узах, хазарах, мадьярах (турках), из которых особенно первые двое играли ведущую роль в политической и экономической жизни X века. В сочинении речь идет также об арабах, армянах, болгарях, далматах, франках, южных итальянцах, венецианцах и некоторых других народах. Сочинение содержит также названия порогов Днепра, которые даны на двух языках - «славянском» и «русском», то есть скандинавском. Это одно из важнейших оснований, на которых основывается теория скандинавского происхождения первых «русских» князей. Сочинение написано между 948 и 952 годами (или 951 год), и написано в порядке, отличном от современного опубликованного текста. Бьюри, посвятивший специальное исследование по поводу этого сочинения, называет его «лоскутной работой». Сочинение дает, тем не менее, впечатляющую картину политической, дипломатической и экономической мощи империи в X веке. Много географического материала есть и в его третьем сочинении - «О фемах», частично основанном на географических трактатах V- VI веков. В это время было составлено большое сочинение «О церемониях византийского двора». Это прежде всего детальное описание сложных правил жизни византийского двора. Его можно рассматривать как «книгу дворцовых правил». Сочинение было составлено на основе данных официальных архивов двора различных периодов и содержащаяся в трактате информация о крещении, свадьбе, коронации, похоронах императоров, о разных церковных святынях, о приемах иностранных послов, о снаряжении военных экспедиций, о должностях и титулах и о многих других аспектах жизни, что является бесценным источником для изучения не только жизни при дворе, но и для общественной жизни всей империи. Византийский придворный церемониал, развившись и сформировавшись на базе Поздней Римской империи времени Диоклетиана и Константина Великого,

позднее проник в придворную жизнь западной Европы и славянских государств, включая Россию. Даже некоторые придворные церемонии Турции двадцатого века имеют следы византийского влияния. Константину мы обязаны подробным рассказом о триумфальном возвращении чудотворной иконы Спасителя из Эдессы в Константинополь.

Из круга литераторов и ученых, собиравшихся вокруг Константина, происходит историк Иосиф Генесий, автор истории от времени Льва V до Льва VI (813-886 годы), и Феодор Дафнопат, написавший не сохранившееся историческое сочинение, несколько дипломатических посланий, проповеди для христианских праздников и биографии. По просьбе императора Константин Родосский сочинил поэтическое описание церкви Апостолов, которое особенно ценно, ибо дает нам картину этой знаменитой церкви, разрушенной позднее турками.

Среди энциклопедий, которые появились при Константине, было знаменитое собрание Житий святых, составленное Симеоном Метафрастом. К началу X века относится также «Палатинская Антология» составленная Константином Кефаласом. Сборник получил название от единственной рукописи - Codex Palatinus, находящейся сейчас в Германии, в Гейдельберге. Заявление некоторых ученых о том, что Константин Кефалас был не кем иным, как Константином Родосским, следует признать невозможным. «Палатинская Антология» является большим собранием коротких стихотворений христианских и языческих времен и является примером тонкого литературного вкуса X века.

Ко времени Константина Багрянородного относится составление «Лексикона Суды». Нет никакой информации ни о жизни, ни о личности автора этого лексикона, который является богатейшим источником для объяснения слов, собственных имен и предметов общего употребления. Литературные и исторические статьи по поводу не дошедших до нас сочинений являются особенно ценными. Несмотря на некоторые недостатки, «Лексикон Суды» является прекрасным памятником компиляторской деятельности византийских ученых в то время, как во всей остальной Европе наука была в полном упадке.

Другой значительной фигурой периода Македонской династии был Арефа, епископ Кесарийский, живший в начале X века. Его всестороннее образование и глубокий интерес к литературным произведениям, как церковным, так и светским, отразился и на его собственных трудах. Его греческий комментарий на Апокалипсис, первый, насколько известно, его схолии к Платону, Лукиану и Евсевию, ценное собрание писем, до сих пор не опубликованное, сохранившееся в одной из рукописей, хранящихся в Москве -

все эти материалы показывают, что Арефа был выдающейся фигурой в культурном движении X века.

Патриарх Николай Мистик, хорошо известный благодаря своему активному участию в церковной жизни этого времени, оставил ценное собрание из 150 писем. Оно содержит послания, адресованные арабскому эмиру Крита, Симеону Болгарскому, папам, императору Роману Лакапину, епископам, монахам и разным должностным лицам гражданской администрации. В них есть материал о внутренней и политической истории X века.

Лев Диакон, современник Василия II и очевидец событий болгарской войны, оставил историю в десяти книгах, охватывающую период 959-975 годов и содержащую рассказ об арабской, болгарской и русской кампаниях империи. Эта «История» во всем очень ценна, так как является единственным греческим источником, современным описываемым событиям и рассказывающим о блистательном периоде Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. Сочинение Льва Диакона бесценно также информацией о первых страницах русской истории, ибо содержит большое количество информации о Святославе и его войне с греками.

Сочинение Иоанна Камениата, священника из Фессалоники, об арабском завоевании Фессалоники в 904 году, уже упоминалось.

Среди хронистов этого времени следует упомянуть анонимного продолжателя Феофана (*Theophanes Continuatus*), описавшего события с 813 года по 961 на основе сочинений Генесия, Константина Багрянородного и продолжателя Георгия Амартола. Вопрос об идентификации автора этой компиляции до сих пор не разрешен. Группу хронистов X века обычно представляют четырьмя именами - Львом Грамматиком, Феодосием Мелитенским, анонимным Продолжателем Георгия Амартола, Симеоном Магистром и Логофетом, так называемым Псевдо-Симеоном Магистром. Они, однако, не являются оригинальными писателями. Все они были копиистами, сокращавшими или перерабатывавшими Хронику Симеона Логофета, полный греческий текст которой до сих пор не опубликован. Есть, однако, ее древнерусский перевод, так что о неопубликованном греческом тексте можно составить хорошее представление.

К X веку относится также весьма интересная фигура в византийской литературе - Иоанн Кириот, обычно известный под своим прозвищем - Геометр. Максимум его литературной активности приходится на время Никифора Фоки, Иоанна Цимисхия и Василия II. Первый из них был его любимым героем. От него осталась коллекция эпиграмм и приуроченных к определенному случаю поэм, сочинение в стихах об аскетизме («Рай») и несколько гимнов в честь Богородицы. Его эпиграммы и поэмы тесно связаны с важнейшими политическими событиями того времени, такими как смерти

Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, восстания Барды Склира и Барды Фоки в поэме «Восстание», болгарская война и т. д. Все они имеют немалое значение для исследователя данного периода. Одна из поэм Геометра, по поводу его путешествия из Константинополя в Селиврию, по районам, где прошла война, дает удивительно сильную и патетическую картину страданий и разорения местного крестьянства. Многие из его поэм переведены на современные языки. Его прозаические сочинения - риторического, экзегетического и ораторского характера менее интересны, чем поэмы.

Во время царствования Никифора Фоки был также составлен Псевдо-Лукианов Диалог «Филопатрис». Он представляет собой «византийскую форму гуманизма» и для X века свидетельствует о «возрождении греческого духа и классических вкусов».

Один из лучших византийских поэтов, Христофор Митиленский, который лишь недавно стал хорошо известен, блистал в первой половине XI века. Его короткие сочинения, написанные в основном ямбическим триметром в форме эпиграмм или обращений к разным лицам, включая современных ему императоров, отличаются изяществом вкуса и тонким умом.

В X веке, когда византийская цивилизация переживала время подъема, представители варварского Запада приезжали на Босфор за образованием. Однако, в конце X и начале XI века, когда все внимание империи было сосредоточено на кампаниях, которые подняли империю на вершину ее военной славы, интеллектуальная и творческая активность немного упали. Василий II относился к ученым с презрением. Анна Комнина, автор XII века, замечает, что «наука... начиная с владычества Василия Порфирородного, и до самого царства императора Мономаха, находилась в пренебрежении у большинства людей, хотя и не исчезла вовсе». Отдельные личности, тем не менее, продолжали усердно работать и проводили долгие ночи над книгами при свете ламп. Однако высшее образование с государственной поддержкой на широкой основе возрождается только в середине XI века при Константине Мономахе, когда группа ученых, возглавляемая Михаилом Пселлом, вызвала у императора интерес к их проектам и стала играть значительную роль при дворе. Начались горячие диспуты о сущности реформ высшей школы. Тогда, когда одна группа хотела создать юридическую школу, другие стремились к философской школе, то есть школе для образования общего плана. Волнение постоянно возрастало и дело доходило даже до уличных демонстраций. Император нашел хороший способ выйти из этой ситуации, организовав философский факультет и школу права. Основание университета произошло в 1045 году. Новелла по поводу его открытия сохранилась. Философское отделение, возглавляемое знаменитым ученым и писателем Пселлом, давало философское образование и стре-

милось дать своим студентам широкое образование. Школа права была своего рода юридическим лицеем или академией.

Византийское правительство чувствовало сильную нужду в образованных и опытных чиновниках, особенно - в юристах. Ввиду отсутствия специальных юридических школ, молодые люди черпали свои знания от практикующих юристов, нотариусов и правоведов, которые редко обладали глубокими и разносторонними знаниями в этой области. Юридический «лицей», основанный при Константине Мономахе, как раз и служил для удовлетворения этой срочной потребности. Лицей возглавлял Иоанн Ксифилин, знаменитый современник и друг Пселла. Как и ранее, образование было бесплатным. Профессора получали хорошее жалованье, шелковые одежды, питание и пасхальные подарки. Прием был свободным для всех тех, кто хотел поступить, вне зависимости от социального или экономического статуса, лишь бы у них был достаточный уровень подготовки. Новелла по случаю основания юридической школы дает взгляд изнутри на правительственные взгляды по вопросам образования и юридического знания. Юридическая школа XI века имела четко выраженные практические цели, так как от нее ждали подготовки искушенных чиновников, знакомых с законами империи.

Глава философской школы, Константин Пселл, более известный под своим монашеским именем Михаил, родился в первой половине XI века. Благодаря своему прекрасному образованию, обширным знаниям и блестящим способностям, он стоял весьма высоко в оценках современников и стал одной из самых влиятельных личностей в империи. Он был приглашен ко двору, где ему дали важные обязанности и высокие титулы. В то же время он обучал философии и риторике большое количество студентов. Следуя примеру его друга Иоанна Ксифилина, главы юридической школы, он принял постриг под именем Михаила и провел некоторое время в монастыре. Но одинокая монашеская жизнь не соответствовала темпераменту Пселла. Он покинул монастырь и вернулся в столицу, где он вновь получил при дворе свое важное место. К концу жизни он достиг высокого положения первого министра. Умер он в конце XI века, вероятно, в 1078 году.

Живя в эпоху смут и начинавшегося упадка империи, при частых сменах императоров, что нередко означало и смену направлений и политики, Пселл умел хорошо приспособливаться к менявшимся обстоятельствам и, служа при девяти императорах, продолжал возвышаться в чинах и приобретать все более влиятельное положение. Пселл не пренебрегал ни лестью, ни заискиванием, ни взятками, чтобы создать свое благополучие. Нельзя, таким образом, сказать, что Пселл отличался большими нравственными достоинствами, хотя в этом отношении он ничем не отличался от громадного большинства людей той смутной и тяжелой эпохи.

Он обладал, тем не менее, многими качествами, которые ставили его значительно выше своих современников. Пселл был высокообразованным человеком, он много знал, читал и работал. Обладая обширными и разносторонними познаниями и большим трудолюбием, он оставил много сочинений в различных областях знания и литературы: в богословии, философии (где он следовал Платону), в естественных науках, филологии, истории, праве, поэзии, в речах и письмах. История Михаила Пселла, описывающая события от смерти Иоанна Цимисхия до последних лет жизни автора (976 - 1077), является весьма ценным источником для истории XI века, несмотря на некоторую пристрастность в изложении. Во всем литературном творчестве Пселл был представителем светского знания, тесно связанного с эллинистической культурой. Очень заметно, что он не отличался скромностью в оценках самого себя. Историки до сих пор расходятся в своих оценках на личность и деятельность Михаила Пселла. Тем не менее, он занимал высокое место в культурной жизни Византии XI века, как Фотий в жизни X и Константин Багрянородный в жизни IX веков.

Период Македонской династии, особенно X век, рассматривается как период расцвета византийской эпической поэзии и византийских народных песен, главным героем которых был Василий Дигенис Акрит. Интенсивная жизнь восточных окраин с ее почти непрерывными военными действиями создавала большое поле для смелых подвигов и опасных приключений. Наиболее глубокое впечатление в памяти народа оставил на долгие времена герой этой пограничной области Василий Дигенис Акрит. Имя этого эпического героя, как видно, Василий. Дигенис же и Акрит - его прозвания. Прозвание Дигениса, что можно передать как «рожденный от двух народов», объясняется тем, что отец его был араб-мусульманин, а мать - гречанка-христианка. Вообще «Дигенисами» называли детей от разноплеменных браков. Акритами же назывались в византийское время защитники крайних границ государства - от греческого слова акра - граница. Акриты, пользовавшиеся иногда полунезависимым положением от центрального правительства, сопоставляются не без основания с западноевропейскими маркграфами (правителями пограничных областей-марок).

Эпический герой Дигенис Акрит проводит всю жизнь в борьбе с мусульманами и апелатами. Апелатами, что первоначально означало «те, кто угоняет скот», затем «разбойники», назывались в византийское время горные разбойники, которые, не считаясь ни с императором, ни с халифом, разоряли страну того и другого. В мирные времена с этими разбойниками совместными усилиями боролись христиане и мусульмане, тогда как во времена военных действий каждая сторона стремилась завоевать поддержку этих опасных людей.

На основании разных намеков, которые можно найти в эпосе о Дигенисе Акрите, можно утверждать, что истинное событие, на котором основа-

но повествование, произошло в середине X века в Каппадокии и в области Евфрата. В эпосе Дигенис совершает великие подвиги и сражается за христиан и за империю. В его системе взглядов православие и Романия (Византийская империя) неразделимы. Описание дворца Дигениса дает хорошее представление о великолепии и богатстве, по поводу которых так негодовал Василий II Болгаробойца. Прототипом Дигениса Акрита был не христианин, а полупоэтический борец за исламскую веру Сайид Баттал Гизи, имя которого связывается с битвой при Акроинионе. Имя Дигениса оставалось популярным и в последующие периоды Византийской истории. Феодор Продром, поэт XII века, тогда, когда пытался воздать должную похвалу императору Мануилу Комнину, не смог найти ничего лучшего, как назвать его «новым Акритом».

Эпос пережил Византийскую империю. Даже сегодня народы Кипра и Малой Азии воспевают знаменитого византийского героя. Около Трабзонта путешественникам показывают его могилу, которая, согласно народным представлениям, защищает новорожденных против дурных заклинаний. По содержанию эпос весьма напоминает хорошо известные западноевропейские эпические легенды, такие как «Песнь о Роланде» времени Карла Великого, или эпос о Сиде.

Эпос о Дигенисе Акрите сохранился во множестве рукописей, древнейшая из которых относится к XIV веку. Изучение эпоса недавно вошло в новую фазу. Сейчас практически очевидно, что историческим прототипом Дигениса был Диоген, турмарш феми Анатолики в Малой Азии, который погиб в 788 году, сражаясь против арабов. Многие части поэмы датируются X веком, когда византийские войска дошли до Евфрата и когда могила Дигениса близ Самосаты была идентифицирована около 940 года. Весьма интересные связи были установлены между византийским эпосом, а также арабскими и турецкими эпическими сказаниями и даже со сказками «Тысяча и одна ночь». Этот эпос с его интересной исторической основой и связями с восточными эпосами, является одной из наиболее привлекательных проблем византийской литературы.

Византийский эпос в форме народных былин нашел отражение и в русских эпических сочинениях; эпос о Дигенисе Акрите встречается в древней русской литературе как «Деяние и житие Девгениево Акрита». Интересно отметить, что в русской версии поэмы о Дигенисе встречаются иногда эпизоды, которые до сих пор еще не найдены в греческих текстах.

Интеллектуальная и художественная жизнь империи в трудные и смутные времена продолжала развиваться в Македонский период по всем направлениям. Творческая деятельность, например, Михаила Пселла не прерывалась. Это одно может служить показателем того, что культурная жизнь страны также не прерывалась. Случайные правители этого времени

покровительствовали Пселлу, также как и представители Македонского дома.

Среди значительных писателей этого времени был Михаил Атталиат. Он родился в Малой Азии, однако позже переехал в Константинополь, где выбрал юридическую карьеру. Его сохранившиеся сочинения относятся к области истории и юриспруденции. Его история, охватывая период 1034-1079 годов, основанная на личном опыте, дает правдивую картину времени последних македонских правителей и смутного периода. Стиль Михаила Атталиата показывает следы искусственного возрождения классицизма, который был столь распространен при Комнинах. Юридический трактат Михаила Атталиата, полностью основанный на Василиках, пользовался большой популярностью. Его задачей было издать весьма краткий общедоступный учебник права. Весьма ценная информация о культурной жизни Византийской империи в XI веке находится в уставе, составленном Михаилом для богадельни и монастыря, которые он основал. Устав содержит инвентарь собственности богадельни и монастыря, который включал среди прочего список книг, переданных монастырской библиотеке.

Время Македонской династии имеет большое значение для истории византийского искусства. Период с середины IX века вплоть до XII века, то есть включая период династии Комнинов, характеризуется учеными как второй Золотой Век византийского искусства, считая первым время Юстиниана Великого. Иконоборческий кризис указал искусству новые пути вне религиозных сюжетов. Эти пути вели к возврату к традициям ранних александрийских образцов, к развитию заимствованных от арабов украшений, связанных с исламской традицией украшений, и к замене религиозных тем на исторические и светские мотивы, воплощенные с большим реализмом. Однако искусство македонской эпохи не ограничивалось имитацией или копией этих сюжетов. Оно создало кое-что новое и оригинальное.

Василий I был великим строителем. По его распоряжению возведена Новая Церковь, строительство которой было важным моментом в строительной политике Василия, как и возведение Св. Софии во времена Юстиниана. При Василии был построен также новый дворец Кенургий, украшенный блестящими мозаиками. При Василии I были восстановлены и украшены Св. София и церковь Святых Апостолов. Св. София, поврежденная землетрясением 989 года, была также объектом заботы императоров X и XI веков.

При Македонской династии впервые появились имперские школы живописцев икон. Там было изготовлено не только значительное количество икон и живописи на стенах церквей. В школах брались также и за иллюстрирование рукописей. При Василии II появился знаменитый Ватиканский Менологий с прекрасными миниатюрами, исполненными восемью иллюст-

раторами, имена которых написаны на полях. К этому времени относится также большое количество интересных, оригинальных и тонко исполненных миниатюр.

Основным центром художественной жизни был город Константинополь, однако в византийских провинциях этого времени также сохранились важные памятники искусства - церковь Скрипу (874) в Беотии; группа церквей на Афоне, датируемых от X до начала XI века; церковь св. Луки Стириса в Фокиде (начало XI века); церковь Неа Мони на Хиосе (середина XI века); церковь монастыря Дафни в Аттике (конец XI века). В Малой Азии многочисленные скальные церкви в Каппадокии сохранили большое количество весьма интересных фресок, некоторые из которых относятся к IX, X и XI векам.

Влияние византийского искусства македонского времени распространилось за границы империи. Последние живописные изображения знаменитой римской церкви Santa Maria Antica, относящейся к IX или X веку, могут быть отнесены к лучшим произведениям Македонского Возрождения. Святая София в Киеве (1037), как многие другие русские церкви, также относятся к «византийской» традиции эпохи македонских императоров.

Блистательный период Македонской династии (867-1025) был также лучшим временем в истории византийского искусства с точки зрения жизненности и оригинальности искусства. Последующий период смут времени Комнинов, начиная с 1081 года, увидел рождение совершенно иного искусства, более сухого и более холодного.

Период шестой.

Эпоха крестовых походов. Династии Комнинов (1081 - 1185) и Ангелов (1185 - 1204).

Лекция 44.

Характеристика периода.

План:

Комнины, их внешняя политика.

Революция 1081 года возвела на престол Алексея Комнина, дядя которого, Исаак, в течение короткого времени уже был императором в конце пятидесятих годов (1057—1059).

Греческая фамилия Комнинов, впервые упоминаемая в источниках при Василии II, происходила из деревни в окрестностях Адрианополя. Позднее, приобретя большие имения в Милой Азии, Комнины сделались представителями крупного малоазиатского землевладения. Как Исаак, так и его племянник Алексей стали известными благодаря военным талантам. В их лице на византийском престоле восторжествовали военная партия и провинциальное крупное землевладение, и вместе с тем закончилось смутное время империи. Первые три Комнина подолгу удерживались на престоле и мирно передавали его от отца к сыну.

Энергичное и умелое правление Алексея I (1081—1118) вывело государство из ряда суровых внешних опасностей, грозивших существованию империи. Еще задолго до смерти. Алексей назначил наследником своего сына Иоанна, тем причинил большое неудовольствие своей старшей дочери Анне, знаменитому автору «Алексиады», которая, будучи замужем за Никифором Вриением, тоже историком, составила сложный план как добиться от императора удаления Иоанна и назначения наследником ее супруга. Но, престарелый Алексей остался тверд в своем решении, и после его смерти Иоанн был провозглашен императором.

Вступив на престол, Иоанна II (1118—1143) сразу же встретили проблемы: был раскрыт заговор против него, во главе которого стояла его сестра Анна и в котором замешана была его мать. Заговор не удался. Иоанн очень милостиво отнесся к виновным, большая часть которых лишилась имущества. Своими высокими нравственными качествами Иоанн Комнин заслужил всеобщее уважение и получил прозвание Калоиоанна (Калояна), т. е. Хорошего Иоанна. Иоанна высоко оценивают как греческие, так и латинские писатели. Он был, по словам Никиты Хониата, «венцом всех царей, которые восседали на римском престоле из рода Комнинов».

Противник ненужной роскоши и излишней расточительности, при Иоанне двор жил экономной и строгой жизнью; былых развлечений, веселья и громадных трат не было. Царствование этого милостивого, тихого и нравственного государя было почти одной сплошной военной кампанией.

Полной противоположностью Иоанну был его сын и преемник Мануил I (1143—1180). Убежденный поклонник Запада, латинофил, поставивший себе идеалом тип западного рыцаря, стремившийся постигнуть тайны астрологии, сразу изменил суровую придворную обстановку отца. Веселье, любовь, приемы, роскошные празднества, охота, устраиваемые на западный образец поединки-турниры, — все это широкой волной разлилось по

Константинополю. Посещения столицы иностранными государями, Конрадом III германским, Людовиком VII французским, Кылыч-Арсланом, султаном Иконийским, и различными латинскими князьями Востока, стоили необычайных денег.

Громадное число западноевропейских выходцев появилось при византийском дворе, и в их руки стали переходить наиболее выгодные и ответственные места в империи. Два раза Мануил был женат на западных принцессах: первая жена его была сестра жены германского государя Конрада III, Берта Зульцбахская, переименованная в Ирину; вторая жена Мануила была дочь антиохийского князя, Мария, француженка, красавица. Все правление Мануила было обусловлено его увлечением западными идеалами, его несбыточной мечтой восстановить единую Римскую империю через отнятие при помощи папы императорской короны у германского государя и его готовностью заключить унию с западной церковью. Латинское засилье и пренебрежение туземными интересами вызывали в народе общее неудовольствие; настоятельно чувствовалась необходимость в перемене системы. Мануил умер, не увидев крушения своей политики.

Сыну и наследнику Мануила, Алексею II (1180—1183), едва было двенадцать лет. Регентшей была объявлена его мать Мария Антиохийская. Власть перешла в руки племянника Мануила протосеваста Алексея Комнина, любимца правительницы. Новое правительство искало опоры в латинском элементе. Народное раздражение росло. На столь популярную раньше императрицу Марию стали смотреть как на «иностранку».

Против могущественного протосеваста Алексея составила сильная партия, во главе которой встал Андроник Комнин. Андроник, племянник Иоанна II и двоюродный брат Мануила I, принадлежал к младшей, отстраненной от престола линии Комнинов. Эта линия Комнинов в третьем поколении дала государей Трапезундской империи, которые известны в истории под названием династии Великих Комнинов. Андроник являл собой «законченный тип византийца XII века со всеми его достоинствами и пороками». Красивый и изящный, атлет и воин, хорошо образованный и обаятельный в общении, особенно с женщинами, легкомысленный и страстный, скептик и, в случае нужды, обманщик и клятвопреступник, честолюбивый заговорщик и интриган, в старости страшный своей жестокостью. Андроник, по мнению Диля, был той гениальной натурой, которая могла бы создать из него спасителя и возродителя изнуренной Византийской империи, для чего ему недоставало немного нравственного чувства.

Современный Андронику историк Никита Хониат писал о нем: «Кто родился из столь крепкой скалы, чтобы быть в состоянии не поддаться потокам слез Андроника и не быть очарованным вкрадчивостью речей, которые он изливал наподобие темного источника». Тот же историк в другом

месте сравнивает Андроника с «многообразным Протеем», старцем-прорицателем древней мифологии, известным своими превращениями.

Находясь, несмотря на дружбу с Мануилом, Андроник большую часть царствования Мануила провел в скитаниях по различным странам Европы и Азии. Будучи отправлен сначала императором в Киликию, а затем к границам Венгрии, Андроник, обвиненный в политической измене и в покушении на жизнь Мануила, был заключен в константинопольскую тюрьму, где провел несколько лет и откуда, после ряда необычайных приключений, ему по заброшенной водосточной трубе удалось бежать для того, чтобы снова быть пойманным и заключенным еще на несколько лет в темницу. Снова бежав из заключения на север, Андроник нашел убежище на Руси, у князя Галицкого Ярослава Владимировича. Русская летопись отмечает под 1165 годом: «Прибеже ис Царягорода братан царев кюр (т. е. кир — господин) Андроник к Ярославу у Галич и прия и Ярослав с великой любовью, и да ему Ярослав неколико городов на утешение». По сведениям византийских источников, Андроник встретил у Ярослава радушный прием, жил в его доме, ел и охотился с ним вместе и даже участвовал в его советах с боярами. Однако, пребывание Андроника при дворе Галицкого князя казалось опасным Мануилу, так как беспокойный родственник последнего вступал уже в сношения с Венгрией, с которой у Византии начиналась война. Мануил в таких обстоятельствах решил простить Андроника, который «с великой честью», по словам русской летописи, был отпущен Ярославом из Галиции в Константинополь.

Получив в управление Киликию, Андроник недолго пробыл на новом месте. Через Антиохию он прибыл в Палестину, где у него был роман с Феодорой, родственницей Мануила и вдовой Иерусалимского короля. Разгневанный император отдал приказ ослепить Андроника, который, будучи вовремя предупрежден об опасности, бежал с Феодорой за границу и в течение нескольких лет скитался по Сирии, Месопотамии, Армении, пробыв некоторое время в Иверии (Грузии).

Посланцам Мануила удалось захватить любимую Андроником Феодору с их детьми, после чего он обратился с просьбой о прощении к императору. Прощение было дано, и Андроник принес Мануилу полное раскаяние в поступках своей прошлой, бурной жизни. Назначение Андроника правителем малоазиатской области Понта, на побережье Черного моря, явилось как бы почетным изгнанием опасного родственника. В 1180 году умер Мануил, после которого императором сделался его малолетний сын Алексей II. Андронику тогда было уже шестьдесят лет.

Искусно выставляя себя защитником поправленного права малолетнего Алексея II, попавшего в руки злых правителей, и другом ромеев (*filorwmaios*). Андроник сумел привлечь к себе сердца измученного населе-

ния, которое его боготворило. По словам Евстафия Солунского, Андроник «для большинства был дороже самого Бога» или, «тотчас следовал за Ним».

Подготовив в столице надлежащую обстановку, Андроник двинулся к Константинополю. При известии о движении Андроника многочисленная столичная толпа дала волю своей ненависти по отношению к латинянам (1182): она с остервенением набросилась на, латинские жилища и начала избиение латинян, не различая пола и возраста; опьяненная толпа громила не только частные дома, но и латинские церкви и благотворительные учреждения; в одной больнице были перебиты лежавшие в постелях больные; папский посол после поругания был обезглавлен; много латинян было продано в рабство на турецких рынках. Всесильный правитель Алексей Комнин был заточен в темницу и ослеплен. После этого Андроник совершил торжественный въезд в столицу. Для укрепления своего положения он начал постепенно уничтожать родственников Мануила и велел задушить императрицу-мать Марию Антиохийскую. Затем, заставив провозгласить себя со императором и дав торжественное обещание охранять жизнь императора Алексея, он несколько дней спустя отдал распоряжение тайно его задушить. После этого, в 1183 году Андроник в 63 года сделался полновластным императором ромеев.

Появившись на престоле, Андроник мог поддерживать свою власть лишь путем террора и жестокостей, на что и было направлено все внимание императора. Во внешних делах он не проявил ни силы, ни инициативы. Настроение народа изменилось не в пользу Андроника; недовольство росло. В 1185 году вспыхнула революция, возведшая на престол Исаака Ангела. Попытка Андроника бежать не удалась. Он подвергся страшным мучениям и оскорблениям, которые перенес с необыкновенной стойкостью. Во время своих страданий он лишь повторял: «Господи, помилуй! Зачем вы сокрушаете сломанный тростник». Новый император не позволил, чтобы растерзанные останки Андроника удостоились хоть какого-либо погребения. Такой трагедией закончила свое существование последняя славная на византийском престоле династия Комнинов.

Лекция 45.

План:

Алексей I и внешняя политика до первого Крестового похода.

а. Норманнская война.

Борьба империи с турками и печенегами.

а. Трудные 1091-1092 года.

б. Послание Алексея Комнина к графу Роберту Фландрскому.

По словам Анны Комниной, дочери императора Алексея, последний после своего вступления на престол, ввиду турецкой опасности с востока и норманнской с запада, «замечал, что царство его находится в предсмертной агонии». Действительно, внешнее положение империи было очень тяжелым и с годами становилось еще более затруднительным и сложным.

Герцог Апулии, Роберт Гуискар, покончив с завоеванием византийских южно-итальянских владений, имел гораздо более широкие замыслы. Желая нанести удар в сердце Византии, он перенес военные действия на Адриатическое побережье Балканского полуострова. Оставив управление Апулией старшему сыну Рожеру, Роберт с младшим сыном Боемундом, располагая значительным флотом, выступил в поход против Алексея, имея своей целью приморский город в Иллирии Диррахий (прежний Эпидамн; по-славянски Драч; теперь Дураццо). Диррахий, главный город одноименной образованной при Василии II Болгаробойце фемы - дуката, т.е. области с дукой во главе управления, укрепленный, считавшийся ключом к империи на западе. От Диррахия начиналась построенная в римское время военная Егнатиева дорога (via Egnatia), шедшая на Солунь и дальше на восток к Константинополю. Поэтому главное внимание Роберта было направлено на этот пункт.

Алексей Комнин, чувствуя невозможность одними своими силами справиться с норманнской опасностью, обратился за помощью на Запад к германскому государю Генриху IV. Но последний, испытывая в это время затруднения внутри государства и не закончив еще своей борьбы с палой Григорием VII, не мог быть полезным византийскому императору. Отозвалась на призыв Алексея Венеция, преследовавшая, конечно, собственные цели и интересы. Император обещал республике св. Марка за оказанную помощь флотом обширные торговые привилегии. В интересах Венеции было помочь восточному императору против норманнов, которые, к случае успеха, могли захватить торговые пути с Византией и Востоком. Кроме того, для Венеции была налицо и непосредственная опасность: норманны, завладевшие Ионическими островами, особенно Корфу и Кефалонией, и западным побережьем Балканского полуострова, закрыли бы для венецианских судов Адриатическое море.

Норманны, завоевав остров Корфу, осадили Диррахий с суши и с моря. Хотя подошедшие венецианские корабли освободили осажденный город со стороны моря, но прибывшее во главе с Алексеем сухопутное вой-

ско, в состав которого входили македонские славяне, турки, варяго-английская дружина и некоторые другие народности, потерпело сильное поражение. В начале 1082 года Диррахий открыл ворота Роберту. Однако, вспыхнувшее восстание в Южной Италии заставило Роберта удалиться с Балканского полуострова, где оставшийся Боемунд после нескольких успехов был побежден. Предпринятый Робертом новый поход против Византии окончился также неудачей. Среди его войска открылась эпидемия, жертвой которой пал и сам Роберт Гуискар, умерший в 1085 году на острове Кефалонии. На острове есть небольшая бухта и деревня у северной оконечности острова Фискардо (Гвискардо, от прозвания Роберта «Гуискар» — Guiscard). Со смертью Роберта норманнское нашествие в византийские пределы прекратилось, и Диррахий снова перешел к грекам.

Видим, что наступательная политика Роберта Гуискара на Балканском полуострове потерпела неудачу. Но зато вопрос о южно-итальянских владениях Византии был решен окончательно. Роберт основал итальянское государство норманнов, так как ему первому удалось соединить в одно целое различные графства, основанные его соплеменниками, и образовать Апулийское герцогство, пережившее при нем свой блестящий период. Наступивший после смерти Роберта упадок герцогства продолжался около пятидесяти лет, когда основание Сицилийского королевства открыло новую эру в истории итальянских норманнов.

Венеция, оказавшая помощь флотом Алексею Комнину, получила от императора громадные торговые привилегии, которые создали для республики св. Марка совершенно исключительное положение. Помимо великолепных подарков венецианским церквям и почетных титулов с определенным содержанием дожу и венецианскому патриарху с их преемниками, императорская грамота Алексея, или хрисовул, предоставлял венецианским купцам право купли и продажи на всем протяжении империи и освобождал их от всяких таможенных, портовых и других сборов; византийские чиновники не могли осматривать их товары. В самой столице венецианцы получили целый квартал с многочисленными лавками и амбарами и три морских пристани, которые назывались на Востоке скалами (*maritimas tres scalas*), где венецианские суда могли свободно грузиться и разгружаться. Хрисовул Алексея дает перечень наиболее важных в торговом отношении византийских пунктов, приморских и внутренних, открытых для Венеции, в северной Сирии, Малой Азии, на Балканском полуострове и Греции, на островах, кончая Константинополем, который в документе назван Мггалополис, т. е. Великий Город. В свою очередь венецианцы пообещали быть верными подданными империи.

Дарованные венецианским купцам льготы ставили их в более благоприятное положение, чем самих византийцев. Хрисовулом Алексея Комнина было положено твердое основание колониальному могуществу Венеции

на Востоке и созданы условия для ее экономического преобладания в Византии, которые должны были на долгое время сделать невозможным появление других конкурентов в данной области. Однако, эти же исключительные экономические привилегии, послужили впоследствии одной из причин политических столкновений Восточной империи с республикой св. Марка.

Турецкая опасность с востока и севера, т.е. со стороны сельджуков и печенегов еще более усилилась и обострилась при нем. Если победа над норманнами и смерть Гуискара позволили Алексею вернуть византийскую территорию на западе до Адриатического побережья, то на других границах, благодаря нападениям турок и печенегов, империя значительно уменьшилась в своих размерах. Анна Комнина пишет, что «в то время, о котором идет речь, восточную границу Ромейского владычества образовывал соседний Боспор, западную — Адрианополь».

В Малой Азии, почти целиком завоеванной сельджуками, обстоятельства складывались благоприятно для империи, так как среди малоазиатских турецких правителей (эмиров) шла междоусобная борьба за власть, что ослабляло турецкие силы и приводило страну в состояние анархии. Но Алексей не мог направить всего своего внимания на борьбу с турками ввиду нападений на империю с севера печенегов.

Последние в своих действиях против Византии нашли союзников внутри империи в живших на Балканском полуострове павликианах. Павликиане представляли собой восточную дуалистическую религиозную секту, одну из главных отраслей манихейства, основанную в III веке Павлом Самосатским и преобразованную в VII веке. Живя в Малой Азии, на восточной границе империи, и твердо отстаивая свое вероучение, они были вместе с тем прекрасными воинами, доставлявшими немало хлопот византийскому правительству. Одним из излюбленных приемов византийского правительства было переселение различных народностей из одних областей в другие. Подобная судьба постигла и павликиан, которые в большом количестве были переселены с восточной границы во Фракию в VIII веке Константином V Копронимом и в X веке Иоанном Цимисхием. Центром павликианства на Балканском полуострове сделался город Филиппополь. Поселив восточную колонию в окрестностях этого города, Цимисхий, с одной стороны, достиг удаления упорных сектантов из их укрепленных городов и замков на восточной границе, где с ними трудно было справляться; а с другой стороны, он рассчитывал, что на месте нового поселения павликиане будут служить крепким оплотом против частых нападений на Фракию северных «скифских» варваров. В X же веке павликианство распространилось по Болгарии благодаря преобразователю этого учения попу Богомилу, по имени которого византийские писатели называют его последователей богомилами. Из Болгарии богомильство позднее перешло в Сербию и Боснию, а

затем и в Западную Европу, где последователи восточного дуалистического учения носили различные названия: патарены в Италии, катары в Германии и Италии, побликаны (т. е. павликиане) и альбигойцы во Франции и т. д.

Византийское правительство, однако, ошиблось в своих расчетах на роль поселенных на Балканском полуострове восточных сектантов. Во-первых, оно не предполагало возможности быстрого и широкого распространения ереси, что на самом деле случилось. Во-вторых, богомилство сделалось выразителем национальной славянской и политической оппозиции против тяжелого византийского управления в церковной и светской областях, особенно в пределах покоренной при Василии II Болгарии. Поэтому вместо того, чтобы защищать византийские пределы от северных варваров, богомилы призывали печенегов для борьбы против Византии. К печенегам присоединились куманы (половцы).

Борьба с печенегами, несмотря на временные успехи, была очень тяжелой для Византии. В конце восьмидесятых годов Алексей Комнин потерпел у Дристра (Силистрии), на нижнем Дунае, страшное поражение и сам едва спасся от плена. Только раздоры из-за дележа добычи, возникшие между печенегами и куманами, ни позволили первым на этот раз вполне использовать свою победу.

После короткого отдыха, Византия, должна была пережить ужасное время 1090—1091 годов. Снова вторгшиеся печенеги после упорной борьбы дошли до стен Константинополя. Анна Комнина рассказывает, что в день празднования памяти мученика Феодора Тирона жители столицы, посещавшие находившийся в предместье за городской стеной храм мученика, не могли сделать этого в 1091 году, так как нельзя было открыть городских ворот из-за стоявших под стенами печенегов.

Положение империи сделалось еще более критическим, когда с юга стал грозить столице турецкий пират Чаха, проведший молодые годы в Константинополе при дворе Никифора Вотаниата. Пожалованный византийским чином и убежавший в Малую Азию при вступлении на престол Алексея Комнина. Овладев Смирной и некоторыми другими городами западного побережья Малой Азии и островами Эгейского моря при помощи созданного им флота, Чаха задумал нанести удар Константинополю с моря, отрезав таким образом для него пути к пропитанию. Но желая, чтоб задуманный им удар был действеннее, он вступил в сношения с печенегами на севере и с малоазиатскими сельджуками на востоке. Уверенный в успехе своего предприятия, Чаха уже заранее называл себя Императором (василевсом), украшал себя знаками императорского достоинства и мечтал сделать Константинополь центром своего государства. В лице Чахи для Византии явился враг, который с предприимчивой смелостью варвара соединял

тонкость византийского образования и отличное знание всех политических отношений тогдашней восточной Европы. Казалось, что на развалинах Восточной империи должно было основаться турецкое сельджуко - печенежское царство.

Алексей понимал всю сложность положения империи и, следуя обычной византийской дипломатической тактике настраивать одних варваров против других, обратился к половецким ханам, этим — «союзникам отчаяния», которых просил помочь ему против печенегов. Суровые половецкие ханы, Тугоркан и Боняк были приглашены в Константинополь, где встретили льстивый прием и получили роскошную трапезу. Византийский император униженно просил о помощи варваров, державших себя с императором панибратски. Дав Алексею слово, половцы сдержали его. 29 апреля 1091 года произошла кровопролитная битва, в которой вместе с половцами, вероятно, участвовали и русские. Печенеги были разгромлены и беспощадно истреблены. Это сражение нашло отражение в сложенной тогда византийской песне: «Из-за одного дня скифы (так Анна Комнина называет печенегов) не увидели мая».

Своим вмешательством в пользу Византии половцы оказали громадную услугу христианскому миру. Их предводители, — по словам историка, — Боняк и Тугоркан, должны быть по справедливости названы спасителями Византийской империи».

Алексей с торжеством возвратился в столицу. Лишь небольшая часть пленных печенегов не была перебита, и эти остатки столь страшной орды были поселены на восток от реки Вардара и вошли позднее в ряды византийской армии, где составляли особый род войска. Печенеги же, успевшие спастись от истребления за Балканы, были настолько ослаблены, что в течение тридцати лет не предпринимали ничего в Византии.

Чаха, не успевший своим флотом помочь печенегам, потерял часть завоеваний в столкновении с греческими морскими силами. А затем император сумел возбудить против него никейского султана, который, пригласив Чаху на пир, собственноручно убил его, после чего вступил в мирное соглашение и Алексеем. Следующий 1092 год протекал для империи уже в совершенно изменившейся обстановке.

В страшные дни 1091 года Алексей искал себе союзников не только в лице варварских половцев, но и среди людей Латинского Запада. Анна Комнина пишет: «Он приложил все усилия, чтобы письмами вызвать отовсюду наемное войско».

В связи с изложенными событиями, историками разбирается известное в литературе послание Алексея Комнина к его старому знакомому, про-

езжавшему за несколько лет перед тем из Святой Земли через Константинополь, графу Роберту Фландрскому. В этом послании император рисует отчаянное положение «святейшей империи греческих христиан, сильно утесняемой печенегами и турками», говорит об убийствах и поруганиях христиан, детей, юношей, жен и дев, о том, что почти вся территория империи занята уже врагами; «остался почти лишь один Константинополь, который враги угрожают в ближайшем времени у нас отнять, если к нам не подоспел быстрая помощь Божия и верных христиан латинских»; император «бежит перед лицом турок и печенегов» из одного города в другой и предпочитает отдать Константинополь в руки латинян, чем язычников. Послание, для возбуждения ревности латинян, перечисляет длинный ряд святынь, хранившихся в столице, и напоминает о накопленных в ней бесчисленных богатствах и драгоценностях. «Итак, спешите со всем народом вашим, напрягите все ваши силы на то, чтобы такие сокровища не попали в руки турок и печенегов... Действуйте, пока имеете время, дабы христианское царство и, что еще важнее. Гроб Господень не были для вас потеряны и дабы вы могли получить не осуждение, но награду на небеси. Аминь!»

Этот документ, рисующий в столь ярких красках критическое положение Византии около 1090 года, дошел до нас лишь в латинской редакции. Мнения ученых разделились: в то время, как одни ученые, считают послание подлинным, другие считают его подложным. Новейшие историки, занимавшиеся данным вопросом, склоняются с некоторыми ограничениями к подлинности послания, т. е. признают существование не дошедшего до нас оригинала послания, адресованного Алексеем Комнином Роберту Фландрскому.

С вопросом о послании Алексея Комнина к Роберту Фландрскому связан в отчасти важный вопрос о том, призывал ли император Запад к Крестовому походу, или нет. Исходя из точного указания современницы Анны Комниной о том, что Алексей отправлял послания на Запад, мы можем признавать и факт отправления им послания к Роберту Фландрскому, легшего в основу латинского текста. Очень вероятно, что это послание Алексея было отправлено именно в критический для Византии 1091 год.

Успех в отношении внешних врагов сопровождался таким же успехом по отношению к врагам внутренним. Заговорщики и претенденты, хотевшие воспользоваться затруднительным положением государства, были разоблачены и наказаны.

Еще до времени первого Крестового похода, кроме выше упомянутых народов, при Алексее Комнине стали играть уже некоторую роль сербы и мадьяры. Во второй половине XI века Сербия добилась независимости, которая была оформлена принятием сербским князем титула короля (кряля). Это было первое сербское королевство со столицей в Шкодре (Шкодер,

Скадар, Скутари). Сербь участвовали в войске Алексея во время его войны с норманнами, но покинули в опасный момент императора. После же возвращения Византией от норманнов Диррахия у Алексея с Сербией начались враждебные действия, которые, ввиду тяжелых условий для империи, не могли быть особенно успешными для императора. Однако, незадолго до Крестового похода между сербами и империей был заключен мир.

Отношения к Венгрии (Угрии), которая принимала еще раньше деятельное участие в болгаро-византийской борьбе X века при Симеоне, также несколько осложнились во время Алексея Комнина благодаря тому, что в конце XI века Венгрия при государях из династии Арпада стала стремиться на юг к побережью Далмации, что вызывало недовольство как со стороны Венеции, так и со стороны Византии.

Итак, международная политика империи ко времени первого Крестового похода сильно разрослась и усложнилась и ставила государству новые задачи. Однако, к середине девяностых годов XI века Алексей Комнин, освободившийся от многочисленных грозивших империи опасностей и создавший, казалось, для государства условия мирной жизни, мог постепенно собраться с силами для борьбы с восточными сельджуками. Для этой цели императором был предпринят ряд оборонительных работ.

В это время Алексей Комнин услышал о приближении к границам своего государства первых крестоносных отрядов. Начинаясь первый Крестовый поход, изменивший планы Алексея и направивший его и империю по новому, сделавшемуся позднее роковым для Византии пути.

Лекция 46.

План:

Первый Крестовый поход и Византия.

Эпоха Крестовых походов является одной из наиболее важных и мировой истории, особенно с точки зрения экономической истории и культуры в целом. Длительное время религиозные проблемы заслоняли другие стороны этого сложного и разнородного движения. Чем более внимательно историки изучают внутренние условия жизни Западной Европы в XI веке, в особенности экономическое развитие итальянских городов этого времени, тем более они убеждаются, что экономические явления также сыграли весьма значительную роль в подготовке и проведении первого Крестового похода. С каждым новым Крестовым походом эта мирская струя пробивалась в них все сильнее, чтобы одержать наконец окончательную победу

над первоначальной идеей движения во время четвертого Крестового похода, когда крестоносцы взяли Константинополь и основали Латинскую империю.

Со времени своего первого выступления на арене всемирной истории в тридцатых годах VII века арабы с поразительной быстротой завоевали Сирию, Палестину, Месопотамию, восточные области Малой Азии, прикавказские страны, Египет, северное побережье Африки, Испанию. Во второй половине VII века и в начале VIII они дважды осаждали Константинополь, от которого были оба раза отбиты благодаря энергии и таланта императоров Константина IV Погоната и Льва III Исавра. В 732 году вторгнувшиеся из-за Пиренеев в Галлию арабы были остановлены Карлом Мартеллом при Пуатье. В IX веке арабы завоевали остров Крит, а к началу X века в их руки перешли остров Сицилия и большая часть южно-итальянских владений Византии.

Эти арабские завоевания имели очень большое значение для политической и экономической ситуации в Европе. Экономические связи Западной Европы с восточными странами были ограничены мусульманами, но не прерваны. Торговцы и паломники продолжали путешествовать в обе стороны и экзотические восточные продукты были в Европе доступны, например, в Галлии.

Первоначально ислам отличался терпимостью. Отдельные случаи нападений на церкви христиан бывали в X веке; но подобные прискорбные факты являлись лишь случайными и преходящими. В 15 отвоеванных у христиан областях они, по большей части, сохраняли церкви, христианское богослужение и не творили препятствий для дел христианской благотворительности. В эпоху Карла Великого, в начале IX века, в Палестине восстанавливались и строились новые церкви и монастыри, для чего Карлом посылалась обильная милостыня; при церквях устраивались библиотеки. Паломники беспрепятственно ездили по святым местам. Эти взаимоотношения между франкской империей Карла Великого и Палестиной, в связи с обменом несколькими посольствами между западным монархом и халифом Гарун ар-Рашидом, привели к, что в Палестине при Карле Великом был установлен франкский протекторат; политическая же власть халифа в этой стране оставалась неизменной. С начала IX века франкская империя имела весьма обширные интересы в Палестине. Это был очень важный факт для последующего развития международных отношений, которые предшествовали Крестовым походам.

Во второй половине X века блистательные победы византийского оружия при Никифоре Фоке и Иоанне Цимисхии над восточными арабами сделали Алеппо и Антиохию вассалами (vassal states) империи, и после

этого византийская армия, возможно, вошла в Палестину. Эти военные успехи Византии имели свой отклик в Иерусалиме.

Переход Палестины во второй половине X века (969 г.) под власть египетской династии Фатимидов, не внес существенного изменения в благоприятное положение восточных христиан и в безопасность приезжавших паломников. Однако, в XI веке обстоятельства изменились. Здесь необходимо отметить два важных факта. Сумасшедший фатимидский халиф ал-Хаким открыл жестокое гонение на христиан и иудеев на всем пространстве своих владений. По его велению, в 1009 году храм Воскресения и Голгофа в Иерусалиме подверглись разрушению. В своей ярости разрушения церковей он остановился только потому, что боялся аналогичной судьбы мечетей в христианских областях. Арабский историк XI века Йахьи Антиохийский рассказывает, что в 1012 году один вождь кочевников восстал против халифа, захватил Сирию и обязал христиан восстановить храм Рождества в Иерусалиме и назвал одного епископа по своему выбору патриархом Иерусалимским. Потом этот бедуин помог этому патриарху построить заново церковь Рождества и восстановил много мест, по мере своих возможностей.

Однако, только после смерти ал-Хакима в 1021 году, для христиан наступило время терпимости. Между Византией и Фатимидами был заключен мир, и византийские императоры получили возможность приступить к восстановлению храма Воскресения, постройка которого была закончена в половине XI века при императоре Константине Мономахе. Христианский квартал был обнесен крепкой стеной. Паломники после смерти ал-Хакима снова получили свободный доступ в Святую Землю, и источники за это время отмечают среди других лиц одного из наиболее знаменитых пилигримов, а именно — Роберта Дявола, герцога Нормандского, который умер в Никее в 1035 году, по пути из Иерусалима. Преследования христиан вскоре возобновились. В 1056 году храм Гроба Господня был закрыт и более трехсот христиан было выслано из Иерусалима.

Храм Воскресения был восстановлен после разрушения с надлежащим великолепием, о чем свидетельствует русский паломник игумен Даниил, посетивший Палестину в первые годы XII века, т.е. в первое время существования Иерусалимского королевства, основанного в 1099 году, после первого Крестового похода. Даниил перечисляет колонны храма, говорит о выложенном мраморном поле и шести дверях и дает интересные сведения о мозаиках. У него же мы находим сообщения о многих церквях, святынях и местах Палестины, связанных с новозаветными воспоминаниями. По словам Даниила и современного ему англосаксонского паломника Зевульфа, «погани срацини» (т.е. арабы) были неприятны тем, что скрывались в горах и пещерах, нападали, иногда с целью грабежа на проезжавших по дорогам пилигримов. «Сарацины всегда устраивали западни для христиан, прячась

в горных долинах и пещерах скал, сторожа день и ночь за теми, на кого они могли напасть».

Мусульманская терпимость в отношении христиан проявлялась и на Западе. В конце XI века испанцы отняли у арабов город Толедо и, к своему удивлению, нашли христианские храмы в городе нетронутыми и узнали, что в них беспрепятственно совершалось богослужение. Одновременно, когда в конце того же XI века норманны завоевали у мусульман Сицилию, они, несмотря на более чем двухвековое господство последних на острове, нашли на нем громадное число христиан, свободно исповедовавших свою веру. Итак, первым событием XI века, которое больно отозвалось на христианском Западе, было разрушение храма Воскресения и, Голгофы в 1009 году. Другое событие, связанное со Святой Землей, произошло во второй половине XI века.

Турки-сельджуки, после того как они разбили византийские войска при Манцикерте в 1071 году, основали Румийский или Иконийский, султанат в Малой Азии и стали, затем успешно продвигаться во всех направлениях. Их военные успехи имели отзвук и Иерусалиме: в 1070 году турецкий полководец Атциг направился в Палестину и захватил Иерусалим. Вскоре после этого город восстал, поэтому Атциг вынужден был начать осаду города снова. Иерусалим был взят вторично и подвергнут страшному разграблению. Затем турки захватили Антиохию в Сирии, обосновались в Никее, Кизике и Смирне в Малой Азии и заняли острова Хиос, Лесбос, Самос и Родос. Условия пребывания европейских паломников в Иерусалиме ухудшились.

Таким образом, разрушение храма Воскресения в 1009 году и переход Иерусалима в руки турок в 1078 году были теми двумя фактами, которые глубоко подействовали на религиозные настроенные массы Западной Европы и вызвали в них сильный порыв религиозного воодушевления. Многим, наконец, стало ясно, что в случае гибели Византии под натиском турок весь христианский Запад подвергнется страшной опасности.

Ближайшую же опасность от возрастающего усиления турок испытывали византийские императоры, которые после манцикертского поражения, как им казалось, уже не могли справиться с турками одними собственными силами. Взоры их были направлены на Запад, главным образом на папу, который, как духовный глава западноевропейского мира, мог своим влиянием побудить западноевропейские народы оказать посильную помощь Византии. Иногда же, императоры обращались и к отдельным светским правителям на Западе.

Папы отнеслись весьма сочувственно к призывам восточных василевсов. Помимо чисто идейной стороны дела, а именно помощи Византии, а с

нею и всему христианскому миру, и освобождения святых мест из рук неверных, папы имели в виду и интересы католической церкви в смысле дальнейшего усиления в случае успеха папской власти и возможности возвращения восточной церкви в лоно церкви католической. Церковного разрыва 1054 года папы забыть не могли. Первоначальная мысль византийских государей получить с Запада лишь вспомогательные наемные отряды превратилась впоследствии, постепенно, преимущественно под влиянием папской проповеди, в идею о крестовом походе Западной Европы на Восток, т.е. о массовом движении западноевропейских народов с их государями и наиболее выдающимися военными вождями.

Во второй половине XIX века ученые полагали, что первая идея о крестовых походах и первый призыв к ним вышел в конце X века из-под пера знаменитого Герберта, папы Сильвестра II, но в настоящее время в этом послании «От лица разоренной Иерусалимской церкви к церкви Вселенской», находящемся в собрании писем Герберта, где Иерусалимская церковь обращается к Вселенской с просьбой прийти ей на помощь своими щедротами, лучшие знатоки вопроса о Герберте видят, во-первых, подлинное произведение Герберта, написанное им еще до времени папствования, вопреки мнению некоторых о позднейшей фальсификации послания, и, во-вторых, видят в нем не проект; крестового похода, а простое окружное послание к верующим для побуждения их к посылке милостыни на поддержание христианских учреждений Иерусалима. Не надо забывать и того, что в конце X века положение христиан в Палестине не давало еще никаких оснований для крестового предприятия.

Еще до Комнинов, под угрозой сельджукской и узо-печенежской опасности, император Михаил VII Дука Паррапинак обратился с посланием к папе Григорию VII, прося его о помощи и обещая за нее соединение церквей. Папа отправил целый ряд посланий с увещеваниями помочь гибнущей империи. В письме к графу Бургундскому он писал: «Мы надеемся... что, после подчинения норманнов, мы переправимся в Константинополь на помощь христианам, которые, будучи сильно удручены частыми нападениями сарацин, жадно просят, чтоб мы им протянули руку помощи». В другом письме Григорий VII упоминает «о жалкой судьбе столь великой империи». В письме к германскому государю Генриху IV папа писал о том, что «большая часть заморских христиан истребляется язычниками в неслыханном поражении и наподобие скота ежедневно избивается, и что род христианский уничтожается»; они смиренно молят нас о помощи, «чтобы христианская вера в наше время, чего не дай Боже, совершенно не погибла»; послушные папскому убеждению, итальянцы и другие европейцы готовят уже армию свыше 50 000 человек и, поставив, если возможно, во главе экспедиции папу, хотят подняться против врагов Бога и дойти до Гроба Господня. «К этому делу, — пишет далее папа, — меня особенно побуждает также и то обстоятельство, что Константинопольская церковь, не согласная с на-

ми относительно Святого Духа, стремится к согласию с апостольским престолом».

Как видно, в этих письмах речь идет не только о Крестовом походе для освобождения Святой Земли. Григорий VII рисовал план экспедиции в Константинополь для спасения Византии. Принесенная папой помощь обуславливалась воссоединением церквей, возвращением в лоно католической церкви «схизматической» церкви восточной. В вышеприведенных письмах идет речь более о защите Константинополя, чем об отвоевании святых мест, тем более, что все эти письма были написаны ранее 1078 года, когда Иерусалим перешел в руки турок и положение палестинских христиан ухудшилось. Поэтому, в планах Григория VII, священная война против ислама стояла на втором месте, и что папа, вооружая западное христианство на борьбу с мусульманским востоком, имел в виду «схизматический» восток, который для Григория VII был более ужасен, чем ислам. Считая послания Григория VII первым планом крестовых походов, нужно отметить связь между этим планом и разделением церквей 1054 года.

Подобно Михаилу VII Паррапинаку, Алексей Комнин, особенно переживая ужасы 1091 года, также обращался к Западу, прося о присылке наемных вспомогательных отрядов. Но, благодаря вмешательству половцев и насильственной смерти турецкого пирата Чахи, опасность для столицы миновала без западной помощи, так что, в следующем 1092 году, с точки зрения Алексея, вспомогательные западные отряды казались уже ненужными для империи. Между тем, дело, начатое на Западе Григорием VII, приняло широкие размеры, благодаря папе Урбану II. Скромные просьбы Алексея Комнина о вспомогательных войсках были забыты. Речь шла теперь о массовом вторжении.

Немецкий историк Зибель отмечает следующие главные (с западной точки зрения) причины крестовых походов: 1) Общее религиозное настроение Средневековья, усилившееся еще в XI веке благодаря клюнийскому движению; в обществе, подавленном сознанием греховности, замечается стремление к аскетизму, отшельничеству, к духовным подвигам, к паломничеству; под таким же влиянием находились тогдашние богословие и философия. Это настроение являлось первой общей причиной, поднявшей массы населения на подвиг освобождения Гроба Господня. 2) Возвышение папства в XI веке, особенно при Григории VII. Для папства крестовые походы представлялись в высшей степени желательными, так как открывали для дальнейшего развития их могущества широкие горизонты: в случае успеха предприятия, инициаторами и духовными руководителями которого они должны явиться, папы распространят свое влияние на ряд новых стран и возвратят в лоно католической церкви «схизматическую» Византию. Идеальные стремления пап помочь восточным христианам и освободить Святую Землю, особенно характерные для личности Урбана II, перемешива-

лись таким образом с их стремлениями увеличить папскую власть и могущество. 3) Мирские, светские интересы также играли значительную роль у различных общественных классов. Феодалное дворянство, бароны и рыцари, участвуя в общем религиозном порыве, видели в крестоносном предприятии прекрасный случай удовлетворить свое славолюбие, воинственность и увеличить свои средства. Подавленные тяжестью феодального бесправия крестьяне, увлеченные религиозным чувством, видели в крестовом походе временное освобождение от тяжелых условий феодального гнета, отсрочку в уплате долгов, уверенность в защите оставляемых семей и скудного имущества со стороны церкви и избавление от грехов. Позже другие явления были подчеркнуты историками в связи с истоками первого Крестового похода.

В XI веке западные паломничества в Святую Землю были особенно многочисленны. Некоторые паломничества организовывались большими группами. Помимо индивидуальных паломничеств, предпринимались и целые экспедиции. Так, в 1026 - 1027 гг. семьсот паломников, среди которых был французский аббат и большое количество норманнских рыцарей, посетило Палестину. В том же году Вильям, граф Ангулемский, в сопровождении аббатов запада Франции и большого количества знати, совершил путешествие в Иерусалим. В 1033 году было такое количество паломников, какого не было когда-либо ранее. Однако самое знаменитое паломничество произошло в 1064—1065 гг., когда более 7000 человек под руководством Гюнтера, епископа германского города Бамберга, отправились на поклонение святым местам. Они прошли через Константинополь и Малую Азию и, после многочисленных приключений и потерь, достигли Иерусалима.

В связи с этими мирными до-крестовыми паломничествами вставал вопрос, можно ли рассматривать XI век, как это часто уже делалось, в качестве периода перехода от мирных паломничеств к военным экспедициям крестоносного времени. Многие исследователи стремились обосновать это, т.к. в Палестине после турецкого завоевания, группы паломников начали путешествовать вооруженными, чтобы защитить самих себя от возможных нападений. Конечно, иногда рыцари-паломники были вооружены, однако, «хотя некоторые из них носили кольчуги, они еще были, мирными паломниками» и не являлись крестоносцами. Они сыграли значительную роль в предыстории Крестовых походов благодаря той информации, которую они несли в Западную Европу о положении в Святой Земле, пробуждая и поддерживая к ней интерес. Все эти экспедиции паломников имели место до того, как турки завоевали Палестину. Результатом одного из новейших исследований о паломничествах в XI веке до турецкого завоевания стало открытие притеснений паломников арабами задолго до селджукского завоевания. Нет никакой информации о паломничествах в XI веке из Византии в Святую Землю.

До первого Крестового Похода Европа испытала уже три настоящих крестовых похода — войну Испании против мавров, норманнское завоевание Апулии и Сицилии и норманнское завоевание Англии в 1066 году. Более того, в Италии в XI веке возникло — с центром в Венеции — особое экономическое и политическое движение. Мир на берегах Адриатики послужил солидной основой экономического могущества Венеции, которая в то время торговали с мусульманскими портами. В то же время Генуя и Пиза, которые в X и в начале XI века многократно подвергались нападениям мусульманских пиратов Северной Африки, предприняли в 1015—1016 годах экспедицию на Сардинию, которая была в руках мусульман. Им удалось отвоевать Сардинию и Корсику. Корабли обоих городов заполнили порты североафриканского побережья, и в 1087 году, с благословения папы, они успешно атаковали город Мехдия на побережье Северной Африки. Все эти экспедиции против неверных объяснялись не только религиозным энтузиазмом или духом приключений, но и экономическими причинами.

Другим фактором в истории Западной Европы, который связывают с началом Крестовых походов, является возрастание численности населения во Фландрии и во Франции и некоторых других странах, которое началось около 1100 года. Одним из аспектов передвижения масс людей в конце XI века была средневековая колониальная экспансия из некоторых западноевропейских стран, особенно из Франции. Одиннадцатый век во Франции был временем постоянного голода, неурожаев, сильных эпидемий и суровых зим. Эти суровые условия жизни привели к уменьшению населения в областях, ранее полных изобилия и процветания. Принимая во внимание все эти факторы, можно прийти к выводу, что к концу XI века Европа была духовно и экономически готова к крестовому походу.

Общая ситуация перед первым Крестовым походом была совершенно отличной от ситуации перед вторым. Эти пятьдесят один год, 1096—1147, были одними из самых важных эпох в истории. В течение этих лет экономические, религиозные и все культурные аспекты европейской жизни изменились радикально. Новый мир был открыт для Западной Европы. Последующие Крестовые походы не очень много добавили в жизнь этого периода. Они были лишь развитием процессов, которые происходили в эти годы между первым и вторым Крестовым походами.

Первый Крестовый поход является первым организованным наступлением христианского мира против неверных, и это наступление не ограничивалось центральной Европой, Италией и Византией. Испанских грандов (counts), епископов, *vice comites* и других знатных и могущественных лиц папа Урбан II в своем письме 1089 г. призывает остаться в своей собственной стране вместо того, чтобы идти в Иерусалим, и направить свою энер-

гию на восстановление христианских церквей, разрушенных маврами. Это был правый фланг крестоносного движения против неверных.

В это же время на северо-востоке Русь отчаянно сражалась с дикими ордами половцев (куманов), которые появились в южных степях около середины XI века, разорили страну и привели в расстройство торговлю, заняв все дороги, ведущие из Руси на восток и на юг. В то время как Западная Европа крестовыми походами предприняла наступательную борьбу на азиатский Восток, когда и на Пиренейском полуострове началось такое же движение против мавров, Русь своей степной борьбой прикрывала левый фланг европейского наступления. Но эта историческая заслуга Руси стоила ей очень дорого: борьба сдвинула ее с насиженных днепровских мест и круто изменила направление ее дальнейшей жизни. Таким образом, Русь участвовала в общем западноевропейском крестоносном движении, защищая себя и в то же время Европу от варваров-язычников.

Скандинавские царства также участвовали в первом Крестовом походе, однако они присоединялись к основной армии небольшими соединениями. В 1097 году датский дворянин Свейн (Svein) привел отряд крестоносцев в Палестину. В северных странах избыточный религиозный энтузиазм не проявлялся и большая часть скандинавских рыцарей была движима в меньшей степени христианскими устремлениями, чем любовью к войне и приключениям, надеждой добычи и славы.

В это время было две христианские страны на Кавказе — Армения и Грузия. Однако после поражения византийской армии при Манцикерте в 1071 году, Армения попала под власть турок, так что не было даже вопроса об участии кавказских армян в первом Крестовом походе. Что касается Грузии, то сельджуки захватили страну в XI веке, и только после того как крестоносцы захватили Иерусалим в 1099 году, Давид Строитель изгнал турок. Это произошло около 1100 года, или, как утверждает грузинская хроника, тогда, когда франкская армия двинулась вперед и взяла Иерусалим и Антиохию. Грузия стала свободной, и Давид стал могущественным.

В 1095 году, в связи с осложнениями и проектируемыми реформами, папа Урбан II собрал собор в Пьяченце, туда же прибыло посольство от Алексея Комнина с просьбой о помощи.

В ноябре 1095 года в Клермоне (в Оверни, в центральной Франции) собрался знаменитый собор, на который съехалось так много народа, что в городе не нашлось достаточно жилья для всех, прибывших и многие разместились под открытым небом. По окончании собора, на котором был рассмотрен ряд наиболее важных, текущих дел, Урбан II обратился к собравшимся с пламенной речью, подлинный текст которой до нас не дошел. Записавшие же речь на память некоторые очевидцы собрания сообщают нам

тексты, сильно отличающиеся друг от друга. Папа, обрисовав в ярких красках преследования христиан в Святой Земле, убеждал толпу поднять оружие на освобождение Гроба Господня и восточных христиан. С криками «Dieu le veut!» («Deus lo volt» в хронике) толпа бросилась к папе. По его предложению, будущим участникам похода были нашиты на одежду красные кресты (отсюда название «крестоносцы»). Им было объявлено отпущение грехов, прощение долгов и защита их имущества церковью на время их отсутствия. Крестоносный обет считался непреложным, и его нарушение влекло за собой отлучение от церкви. Из Оверни воодушевление распространилось на всю Францию и в другие страны. Создавалось обширное движение на Восток, истинные размеры которого на Клермонском соборе нельзя было и предвидеть.

Поэтому движение, вызванное на Клермонском соборе и вылившееся в следующем году в форму крестового похода, является личным делом Урбана II, нашедшего для осуществления этого предприятия в жизненных условиях западноевропейского средневековья второй половины XI века в высшей степени благоприятные условия.

Ввиду того, что турецкая опасность в Малой Азии становилась все более угрожающей, вопрос о первом Крестовом походе был практически решен в Клермоне. Новости об этом решении дошли до Алексея как неожиданный и приведший в замешательство сюрприз. Новость приводила в замешательство, ибо он не ждал и не хотел помощи в виде крестового похода. Когда Алексей призывал наемников с Запада, он приглашал их для защиты Константинополя, то есть, иными словами, своего собственного государства. Идея же освобождения Святой Земли, которая не принадлежала империи более четырех столетий, имела для него второстепенное значение.

Для Византии проблема крестового похода в XI веке не существовала. Религиозный энтузиазм не процветал ни в массах, ни у императора, не было и проповедников крестового похода. Для Византии политическая проблема спасения империи от ее восточных и северных врагов не имела ничего общего с далекой экспедицией в Святую Землю. Византия имела свои собственные «крестовые походы». Были блистательные и победоносные экспедиции Ираклия против Персии в VII веке, когда Святая Земля и Крест Животворящий были возвращены империи. Были победоносные кампании при Никифоре Фоке, Иоанне Цимисхии и Василии II против арабов в Сирии, когда императоры планировали окончательно вернуть себе власть над Иерусалимом. Этот план не осуществился, и Византия, под нажимом турецких успехов в Малой Азии в XI веке, отказалась от всякой надежды возвращения Святой Земли. Для Византии палестинская проблема в это время была избыточна. В 1090—1091 гг. она была в двух шагах от гибели и когда Алексей обратился за западной помощью, а в ответ получил известие о при-

ближении крестоносцев, его первой мыслью стало спасение империи. В «Музах», поэме написанной Алексеем ямбическими стихами, есть интересные сведения о первом Крестовом походе, а также в «Алексиаде» Анны Комниной. Эти упоминания показывают отношение Византии к крестовым походам. В оценке Алексея крестоносцы отнесены в ту же категорию, что и варвары, угрожающие империи, турки и печенеги. Что касается Анны Комниной, то она лишь мимоходом упоминает о «простых» людях среди крестоносцев, искренне собиравшихся посетить Святую Землю. Идея крестового похода была абсолютно чужда византийскому менталитету конца XI века. У правящих кругов Византии было одно желание — отвернуть грозную турецкую опасность, угрожавшую с востока и севера. Потому-то первый Крестовый поход был исключительно западным предприятием, политически лишь слегка связанным с Византией. Византийская империя предоставила крестоносцам некоторое количество воинских соединений, которые, однако, не выходили за пределы Малой Азии. Византия не принимала никакого участия в завоевании Сирии и Палестины.

Весной 1096 года, благодаря проповеди Петра Амьенского, Пустынника во Франции собралась толпа из бедных людей, мелких рыцарей, бездомных бродяг с женами и детьми. Почти без оружия, и двинулась через Германию, Венгрию и Болгарию к Константинополю. Это недисциплинированное ополчение под предводительством Петра Амьенского и другого проповедника, Вальтера Неимущего, не дававшее себе отчета, где оно проходило, и не приученное к повиновению и порядку, по пути своего прохождения грабило и разоряло страну. Алексей Комнин с неудовольствием узнал о приближении крестоносцев, тем более когда до него дошли вести о грабежах и разорениях, чинимых крестоносцами по дороге. Подойдя к Константинополю и расположившись в его окрестностях, крестоносцы стали по обыкновению заниматься грабежом. Обеспокоенный император поспешил переправить их в Малую Азию, где они без труда были почти все перебиты турками около Никеи. Петр Пустынник еще до последней катастрофы возвратился в Константинополь.

Неблагоприятное впечатление, оставленное этими крестоносцами в Византии, распространялось и на последующих крестоносцев. Турки же, легко покончив с неподготовленными толпами Петра, получили уверенность в такой, же легкой победе и над другими крестоносными ополчениями.

Летом 1096 года на Западе началось крестоносное движение графов, герцогов и князей, т.е. собралось уже настоящее войско. Ни один из западноевропейских государей не принял участия в походе. Германский государь Генрих IV был всецело занят борьбой с папами за инвеституру. Французский король Филипп I находился под церковным отлучением за свой развод с законной женой и женитьбу на другой женщине. Вильгельм Рыжий Анг-

лийский находился в непрерывной борьбе с феодалами, церковью и народными массами и с трудом удерживал в руках власть.

Среди предводителей рыцарских ополчений были следующие наиболее известные лица: Готфрид Бульонский, герцог Нижней Лотарингии, не лишенный религиозности, но далеко не идеалистически настроенный феодал, желавший вознаградить себя в походе за потери, понесенные им в своем государстве. С ним отправились два брата, среди которых был Балдуин — будущий король Иерусалимский. Под предводительством Готфрида выступало лотарингское ополчение. Роберт, герцог Нормандский, сын Вильгельма Завоевателя и брат английского государя Вильгельма Рыжего, принял участие в походе из-за неудовлетворенности незначительной властью в своем герцогстве, которое он за известную сумму перед отправлением в поход заложил английскому королю. Гуго Вермандуа, брат французского короля, исполненный тщеславия, искал известности и новых владений и пользовался большим уважением среди крестоносцев. Грубый и вспыльчивый Роберт Фриз, сын Роберта Фландрского, также принял участие в походе. За свои крестоносные подвиги его прозвали Иерусалимским. Гуго Вермандуа встал во главе средне французского, Роберт Нормандский и Роберт Фриа во главе двух северофранцузских ополчений. Во главе южно-французского, или провансальского, ополчения встал Раймунд, граф Тулузский, борец с испанскими арабами, талантливый полководец и религиозный человек. Наконец, Боемунд Тарентский, сын Роберта Гуискара, и его племянник Танкред, ставшие во главе южно-итальянского норманнского ополчения, приняли участие в походе без каких-либо религиозных оснований, а в надежде, при удобном случае, свести свои политические счета с Византией, по отношению к которой они являлись убежденными и упорными врагами и, очевидно, Боемунд нацелил свои желания на овладение Антиохией. Норманны внесли в крестоносное предприятие чисто мирскую, политическую струю, которая шла вразрез с основным положением крестоносного дела. Армия Боемунда была подготовлена лучше всех других крестоносных отрядов, ибо в ней было много людей которые имели дело с сарацинами в Сицилии и с греками в Южной Италии. Все крестоносные армии преследовали самостоятельные задачи; не было ни общего плана, ни главнокомандующего. Главная роль в первом Крестовом походе принадлежала французам.

Одна часть крестоносных ополчений направилась в Константинополь сухим путем, другая часть — морем. По дороге крестоносцы грабили проходимые местности и производили насилия.

К таким защитникам Божьего дела Алексей Комнин должен был питать недоверие. Не нуждаясь вообще в данный момент ни в какой иностранной помощи, император с неудовольствием опасением взирал на приближавшиеся к его столице с разных сторон крестоносные ополчения,

не имевшие по своей численности ничего общего с теми скромными вспомогательными отрядами, о которых взывал к Западу император. Конечно, Алексей не представлял собой человека, смиренно подбиравшего то, что оставляли ему крестоносцы. Алексей Комнин проявил себя государственным человеком, донявшим, какую грозную опасность несут с собой для существования его империи крестоносцы; поэтому главной мыслью его и было переправить, как можно скорее, беспокойных и опасных пришельцев в Малую Азию, где они должны были делать то дело, за которым и пришли на Восток. Между пришедшими латинянами и греками сразу создавалась атмосфера взаимного недоверия и недоброжелательства; в их лице встретились политические противники, которые впоследствии должны будут решить между собой спор оружием.

Итак, в 1096 году началась эпоха Крестовых походов, столь чреватая многообразными и важными последствиями как для Византии и Востока вообще, так и для Западной Европы.

Первый рассказ о впечатлении, которое произвело на народы Востока начало крестоносного движения, исходит от арабского историка двенадцатого века Ибн ал-Каланиси: «В этом году (490-й год хиджры — от 19 дек. 1096 г. до 8 дек. 1097 г.) начала приходить целая серия сообщений о том, что армии франков появились со стороны моря в Константинополе с силами, которые невозможно сосчитать из-за их множества. Когда эти сообщения стали следовать одно за другим и передаваться из уст в уста повсеместно, людей охватил страх и растерянность».

После того как крестоносцы постепенно собрались в Константинополе, Алексей Комнин, рассматривая их ополчения как наемные вспомогательные дружины, высказал желание, чтобы он был признан главой похода и чтобы крестоносцы принесли ему вассальную присягу и дали обещание передавать ему, как их сюзерену, завоеванные крестоносцами области на Востоке. Крестоносцы исполнили это желание императора: присяга была принесена и обещание дано. Текст вассальной клятвы, которую дали лидеры крестоносного движения, в подлинном виде не сохранился. Требования Алексея в отношении различных земель были неодинаковы. Он искал приобретений в тех областях Малой Азии, которые незадолго перед тем были потеряны империей после поражения при Манцикерте (1071 г.) 11 которые являлись необходимым условием силы и прочного существования Византийского государства и греческой народности. Относительно Сирии и Палестины, уже давно потерянных Византией, император не выставлял подобных требований.

Переправившись в Малую Азию, крестоносцы приступили к военным действиям. В июне 1097 года после осады крестоносцам сдалась Никея, которую они должны были передать византийцам. Следующая победа кре-

стонощев при Дорилее (теперь Эски-Шехир) заставила турок очистить западную часть Малой Азии и отойти внутрь страны, после чего Византии представлялась полная возможность восстановить свою власть на малоазиатском побережье. Несмотря на природные затруднения, климатические условия и сопротивление мусульман, крестоносцы продвинулись далеко на восток и юго-восток. Балдуин Фландрский завладел в Верхней Месопотамии городом Эдессой и образовал из его области свое княжество, явившееся первым латинским владением на Востоке и оплотом христиан против турецких нападений из Азии. Но пример Балдуина имел свою опасную, отрицательную сторону: другие бароны могли последовать его примеру и основать свои княжества.

После долгой изнурительной осады главный город Сирии, прекрасно укрепленная Антиохия сдалась крестоносцам, после чего, дорога к Иерусалиму была свободна. Однако, из-за Антиохии разыгралась жестокая распря между вождями, закончившаяся тем, что Боемунд Тарентский, следуя примеру Балдуина, сделался владельцем антиохийским князем. Ни в Эдессе, ни в Антиохии крестоносцы уже не приносили вассальной присяги Алексею Комнину.

Так как с вождями, основывавшими свои княжества, оставалось и большинство их ополчения, то к Иерусалиму подошли лишь, жалкие остатки крестоносцев 20 000—25 000 человек; пришли они изнуренными и совершенно ослабевшими.

В это время Иерусалим перешел от сельджуков в руки, сильного египетского халифа из династии Фатимидов. После ожесточенной осады укрепленного Иерусалима, крестоносцы 15 июля 1099 года штурмом взяли Святой Город, конечную цель их похода, произвели в нем страшное кровопролитие и разграбили его; многие сокровища были увезены вождями; знаменитая мечеть Омара была разграблена. Завоеванная страна, занимавшая узкую береговую полосу в области Сирии и Палестины, получила название Иерусалимского королевства, королем которого был избран Готфрид Бульонский, согласившийся принять титул «Защитника Гроба Господня». Устроено новое государство было по западному феодальному образцу.

Крестовый поход создал сложную политическую обстановку. Византия, довольная ослаблением турок в Малой Азии и возвращением значительной части последней под власть империи, была в то же время встревожена появлением крестоносных княжеств в Антиохии, Эдессе, Триполи, которые стали представлять собой для Византии нового политического врага. В свою очередь, крестоносцы, обосновавшиеся в своих новых владениях, боясь усиления империи со стороны Малой Азии, точно так же заключают союзы с турками против Византии.

О полном разрыве Алексея Комнина с крестоносцами говорить нельзя. Борьба между императором и Боемундом была неминуема. Удобный момент для Византии настал тогда, когда Боемунд I неожиданно был захвачен в плен турками, эмиром из I династии Данишмендов, завоевавших в самом конце XI века Каппадокию и образовавших самостоятельное владение, которое во второй половине XII века было уничтожено сельджуками. Переговоры Алексея с эмиром о выдаче ему за известную сумму Боемунда не удалось. Выкупленный другими, Боемунд возвратился в Антиохию и на требование императора, сославшегося на заключенные с крестоносцами условия, передать ему Антиохию ответил Алексею решительным отказом.

В 1104 году, мусульмане одержали большую победу над Боемундом и другими латинскими князьями при Харране, на юг от Эдессы. Это поражение крестоносцев чуть не повлекло за собой разрушения христианских владений в Сирии, окрылило надежды как Алексея, так и мусульман. Дальнейшее пребывание на Востоке уже цели для Боемунда не имело. Для того чтобы сломить византийскую мощь, надо ей нанести удар в Константинополь с новыми набранными в Европе силами. Ввиду всех этих обстоятельств Боемунд сел на корабль и направился в Апулию спрятавшись в гробе, оставив вместо себя в Антиохии; племянника Танкреда.

Возвращение Боемунда в Италию было встречено с энтузиазмом, собирались толпы, чтобы посмотреть на него, как говорит средневековый автор, «словно они собирались увидеть самого Христа». Собрав войско, Боемунд начал враждебные действия против Византии. Сам папа благословил намерения Боемунда.

Войска Боемунда были набраны во Франции и Италии, однако в его армии были также англичане, немцы и испанцы. План его заключался в повторении кампании его отца, Роберта Гуискара, в 1081 году: взять Диррахий (Дураццо) и затем через Салоники идти на Константинополь. Но поход оказался для Боемунда неудачным. Он потерпел под Деррахием поражение и вынужден был заключить с Алексеем мир на унижительных для себя условиях. Вот главные пункты договора: Боемунд объявлял себя ленником Алексея и его сына Иоанна, обязуясь помогать империи против всех ее врагов, будут ли это христиане или мусульмане; обещал передавать Алексею все завоеванные земли, которые раньше принадлежали Византии; что же касается земель, не принадлежавших Византии и которые в будущем могут быть им отняты у турок или армян, Боемунд должен рассматривать их как земли, уступленные ему императором; своего племянника Танкреда он будет считать за врага, если тот не согласится подчиниться императору; Антиохийский патриарх будет назначаться императором из лиц, принадлежащих к Восточной церкви, чтобы не было бы латинского патриарха Антиохийского. Города и области, гарантировавшие Боемунду, перечислены в соглашении. Документ завершается торжественной клятвой Боемунда на

кресте, терновом венце, гвоздях и копье Христа в том, что пункты договора будут им соблюдаться.

Этим и заканчивается его бурная и роковая для крестовых походов деятельность. В последние три года жизни он уже никакой роли не играл. Он умер в 1111 году в Апулии.

Смерть Боемунда затруднила положение Алексея, так как Танкред Антиохийский не соглашался исполнять договора своего дяди и передать Антиохию императору. Для последнего предстояло все начинать снова. Был обсуждаем план похода под Антиохию, не приведенный, однако, в исполнение. Очевидно, у империи в данное время не было возможности предпринять эту нелегкую экспедицию. Последние годы правления Алексея были заняты ежегодными и успешными для империи войнами с турками в Малой Азии.

Во внешней жизни империи Алексей выполнил трудную задачу. В одном из своих писем современник Алексея архиепископ Болгарский Феофилакт, сравнивает Болгарскую фе-му с виноградной лозой, которую «обрыгают все проходящие по пути» (пс.79;13). Это сравнение можно приложить к Восточной империи времени Алексея. Все его соседи старались использовать слабость империи, чтобы вырвать у него те или другие области. Норманны, печенеги, сельджуки и крестоносцы грозили Византии. Алексей, получивший государство в состоянии слабости и смуты, сумел дать им всем надлежащий отпор и остановил этим на продолжительное время процесс распада Византии. Государственные границы при Алексее, как в Европе, так и в Азии, расширились. Повсюду враги империи должны были отступить, так что с территориальной стороны его правление знаменует собой безусловный прогресс. В области внешней политики Алексей, успешно преодолев все трудности, улучшил международное положение государства, расширил его границы и на некоторое время остановил успехи направивших со всех сторон на империю врагов.

Лекция 47.

План:

Внешняя политика при Иоанне II.

а. Расширение контактов с западными странами.

б. Отношение Иоанна к Востоку.

Сын и наследник Алексея, Иоанн II, представлял собой тип императора-воина проведшего большую часть своего правления среди войск и военных предприятий. Чего-нибудь нового в области внешней политики этот император не ввел; он являлся, главным образом, продолжателем политики отца, который наметил уже все важные вопросы, европейские и азиатские, наиболее интересовавшие империю. Иоанн задался целью пойти дальше по уготовленному отцом политическому пути; отец остановил нападавших на Византию врагов; сын задумав «отнять у соседей захваченные от греков провинции и мечтал о восстановлении Византийской империи в ее прежнем блеске».

Отчетливо понимая положение вещей, Иоанн мало интересовался европейскими делами. Он должен был временами вести борьбу и в Европе, но там его войны имели оборонительный характер. Лишь к концу правления, благодаря усилению норманнов, выразившемуся в соединении Южной Италии с Сицилией и образовании Сицилийского королевства, европейские дела получили для Византии большую важность. Главный же интерес внешней политики Иоанна был сосредоточен на Востоке, в Малой Азии.

Опасность со стороны норманнов заставила Алексея сблизиться с Венецией, обязавшейся помогать Византии флотом, и даровать за это республике св. Марка исключительные торговые привилегии. Нахлынувшие в империю, особенно в Константинополь, венецианцы богатели и вскоре составили в столице венецианскую колонию, столь многочисленную и столь разбогатевшую, что она стала иметь преобладающее значение. Мало-помалу, венецианцы, забыв, что они были не у себя на родине и не в покоренной стране, стали вести себя вызывающе и гордо по отношению даже к высокопоставленным и знатным византийцам, что вызвало сильное неудовольствие в стране.

При жизни Алексея отношения между византийцами и венецианцами не принимали острых форм. Но с его смертью обстоятельства изменились. Иоанн II, зная, что в норманнской Апулии происходили смуты, и рассчитывая поэтому, что норманнская опасность для Византии миновала, решил уничтожить торговый договор отца с Венецией. Рассерженные венецианцы отправили свой флот, который стал нападать на византийские острова Адриатического и Эгейского морей. Видя невозможность оказать надлежащее сопротивление венецианским кораблям, Иоанн вынужден был вступить в переговоры с Венецией, которые привели к полному восстановлению торгового договора 1082 года. Другие итальянские приморские города, Пиза и Генуя, также пользовались при Иоанне некоторыми торговыми привилегиями.

В первые же годы царствования Иоанна был окончательно решен печенежский вопрос. Разгромленные при помощи половцев при Алексее Ком-

нине печенеги в течение 30 лет не тревожили византийских пределов. В начале правления Иоанна оправившиеся печенеги, перейдя Дунай, вторглись на византийскую территорию. Однако, императорские войска нанесли им тяжкое поражение. В память этой победы Иоанн установил особый «печенежский праздник», который, по свидетельству Никиты Хониата, совершался еще в конце XII века.

После поражения печенеги уже не играют никакой роли во внешней истории Византии. Взятые в плен и поселенные в пределах империи печенеги составили особый род византийского войска, который и принимал участие в военных действиях уже на стороне Византии.

Стремление Венгрии (Угрии) к Адриатическому побережью вызвало недовольство Алексея Комнина и обострило его отношения с мадьярами. Брак Иоанна с мадьярской принцессой должен был улучшить отношения. Помимо утверждения мадьяр на Далматинском побережье, империя была недовольна сближением Угрии с сербами. Последние, вынужденные вместе с болгарами подчиниться Византии в начале XI века, при Василии II Болгаробойце, уже в середине этого столетия начали поднимать восстания. Конец XI и начало XII века является для Сербии временем первого освобождения из-под византийского владычества. При Иоанне замечается особенное сближение Угрии с Сербией, которой первая склонна была помочь в деле ее освобождения. Сербская княжна была выдана замуж за мадьярского Арпадовича.

Таким образом, на северо-западе к концу правления Иоанна образовалась новая тревожная для Византии сила в виде сблизившихся Угрии и Сербии. Военные экспедиции Иоанна против них были весьма успешны.

В последние десять лет правления Иоанна изменились отношения с Южной Италией, где после некоторого периода смуты настала новая эпоха силы и могущества. Рожер II соединил в своих руках Сицилию и Южную Италию, и в первый день Рождества 1130 года в торжественной обстановке был венчан в Палермо королевской короной. Благодаря такому соединению земель Рожер II сразу сделался одним из самых могущественных государей Европы. Для Византии это было страшным ударом. Император теоретически еще сохранял притязания на южно-итальянские земли и занятие их норманнами считал лишь временным. Возвращение Италии являлось для императоров XII века мечтой. Принятие Рожером королевского титула казалось оскорблением императорскому достоинству; признание же этого титула знаменовало бы отречение византийского василевса от всяких прав на итальянские провинции. Но внезапное усиление Рожера было нежелательно не только для Византии, но и для германского государя, имевшего в качестве Римского императора важные интересы в Италии. Ввиду общей опасности между Иоанном II и германским государем Лотарем Саксонским,

а после его смерти Конрадом III Швабским (Гогенштауфеном), произошло соглашение, вылившееся несколько позднее в форму союза двух империй, имевшего главной целью сломить норманнское могущество в Италии. Этот союз двух империй показал себя уже при преемнике Иоанна, Мануиле I. Если Иоанну не удалось нанести удара могуществу Рожера, то он, по крайней мере, успел воспрепятствовать ему напасть на Византию.

Таким образом, наиболее важными моментами внешней политики Иоанна на Западе являются его отношение к образованию Сицилийского королевства и создание союза двух империй.

В Малой Азии Иоанн совершал почти ежегодные успешные походы, так что в тридцатых годах XII века смог вернуть империи ее утерянные территории. После этого Иоанн считал силы турок настолько надломленными, что решил, по нарушая интересов государства, прервать военные действия против них и предпринять новую, более отдаленную, кампанию на юго-восток против армянской Киликии и крестоносного Антиохийского княжества.

Киликийская Армения, или Малая Армения, была основана в конце XI века беженцами из собственно Армении, которые покинули свою страну перед продвижением турок. Среди прочих знатных фамилий фамилия Рупенов (Рубенов) начинает играть главную роль в управлении новой страной. Малая Армения, расширившая свои пределы за счет Византии, вступила в союзные отношения с латинскими князьями на Востоке. Иоанн Комнин тогда выступил в поход, желая наказать восставшую Малую Армению и вместе с этим решить вопрос об Антиохийском княжестве, которое еще в эпоху первого похода не принесло императору вассальной присяги и позднее не подчинилось ему, вопреки договору Алексея Комнина с Боемундом.

Поход Иоанна увенчался полным успехом. Киликия была покорена, и армянский князь со своими сыновьями отправлен в Константинополь. Увеличенная присоединением Малой Армении византийская территория достигла границ Антиохийского княжества. В борьбе с последним Иоанн также достиг полного успеха. Осажденная Антиохия должна была просить у него мира, который и был дарован Иоанном на условии признания антиохийским князем сюзеренитета империи. Князь получил из рук императора инвеституру на уступаемые земли, а в знак взятия Антиохии Иоанном на антиохийской цитадели был поднят императорский штандарт. Через год император, вернувшись в Антиохию, совершил в качестве сюзерена торжественный въезд в город, окруженный сыновьями, придворными и многочисленными воинами. Триумфальное шествие двигалось по разукрашенным улицам. Рядом с императором, в качестве как бы его оруженосца, ехал антиохийский князь. Встреченный у городских ворот патриархом во главе с его кли-

ром, Иоанн, среди громадной толпы, при пении гимнов и псалмов, при звуках музыки, проехал сначала в собор, а затем во дворец.

Планы императора шли дальше. Судя по некоторым указаниям, источников, он мечтал о восстановлении византийского владычества в долине Евфрата и, кажется, хотел вмешаться в дела Иерусалимского королевства; может быть, в представлении Иоанна подобное вмешательство основывалось на возможности признания иерусалимским королем императорского сюзеренитета, как это было в Антиохии.

Однако, этим планам не суждено было сбыться. Во время похода против турок, на охоте в горах Киликии, Иоанн ранил себя в руку отравленной стрелой, вследствие чего и умер в 1143 году вдали от столицы, успев перед смертью назначить наследником своего младшего сына Мануила. С его смертью латинские владетели на Востоке избавились от грозившей им опасности. Посвятив все свое царствование войне против врагов империи. Иоанн передал в руки наследника государство еще более сильным и обширным, чем то, которое он сам подучил от своего энергичного и талантливого отца. Панегирист Иоанна, считая его выше Александра Македонского и Ганнибала, восклицает: «Крепок был кельтский дуб, но ты вырвал его с корнями. Киликийский кедр поднялся, а ты, перед нами, его поднял и обратил в пыль».

Лекция 48.

План:

Внешняя политика Мануила I и второй Крестовый поход.

- а. Взаимоотношения с турками.
- б. Союз двух империй.
- в. Второй Крестовый поход.

Внешняя политика Мануила после Крестового похода.

Иоанн во внешней политике главное внимание обращал на Восток. Его же преемник Мануил, благодаря норманнским отношениям и своим личным симпатиям к Западу, был вовлечен главным образом в западную политику, что для империи имело печальные последствия. Сельджукская

опасность, не находившая в лице Мануила надлежащего отпора, снова стала грозой на восточной границе.

Византийская граница в Малой Азии подвергалась обычным опустошительным набегам мусульман, разорявшим, истреблявшим и изгонявшим христианское население. Мануилу нужно было обеспечить спокойствие в пограничных областях, для чего он построил целый ряд укрепленных центров, преимущественно на тех путях, по которым неприятель производил свои нападения. Вступив в первые годы своего правления в союз с мусульманскими эмирами Каппадокии Данишмендами, Мануил имел своим врагом в Малой Азии иконийского, или румского, султана, с которым и начал войну. Императорские войска успешно дошли до главного города султаната Иконии (Конии); но, узнав о полученных султаном подкреплениях, они только разграбили городские предместья и отступили, причем на обратном пути потерпели сильное поражение от сельджуков, чуть не повлекшее за собой настоящей катастрофы для отступавшего войска. Однако, известие о Крестовом походе, заставил обоих врагов искать мира, который и был заключен.

Западная политика Мануила в первые годы правления была основана на идее союза с Германией, вызванного сознанием общей опасности перед усилением итальянских норманнов. Прервавшиеся из-за смерти императора Иоанна переговоры с германским государем Конрадом III были возобновлены. Снова поднялся вопрос, начатый еще при Иоанне, о бракосочетании Мануила с родной сестрой жены германского государя, Бертой Зульцбахской. Брачный союз Мануила с невесткой Конрада, Бертой Зульцбахской, переименованной в Византии в Ирину, скрепил союз двух империй. Последний давал надежду Мануилу освободиться от опасности, грозившей его государству от Рожера II, который, имея перед собой двух противников: византийского и германского государей, не мог уже с прежними надеждами начать борьбу с Византией.

Но неожиданное событие быстро разрушило мечты Мануила. Второй Крестовый поход изменил положение вещей: он лишил Византию германской поддержки и подверг ее двойной опасности: со стороны крестоносцев и норманнов.

После первого Крестового похода христианские государи на Востоке, т.е. император византийский и латинские правители Антиохии, Эдессы и Триполи, отчасти и король иерусалимский, вместо того, чтобы общими силами стараться сломить силу мусульман, занялись распрями между собой. Особенно губельны были для общего дела враждебные отношения Византии к Антиохии и Эдессе. Подобные обстоятельства дали возможность ослабленным и отодвинутым крестоносцами первого похода мусульманам

оправиться и снова угрожать христианским владениям со стороны Месопотамии.

В 1144 году один из мусульманских правителей-атабегов Мосула, как назывались сделавшиеся независимыми сельджукские наместники, Зенги неожиданно овладел Эдессой. Анонимная сирийская хроника, недавно переведенная на французский, дает детальное описание осады и взятия Эдессы Зенги. Последний, как говорит хронист, «покинул Эдессу через четыре дня после ее взятия... Жители Эдессы выкупили своих пленников, и город был вновь заселен. Правитель Зайн-эд-Дин отнесся к ним очень хорошо». Однако после смерти Зенги к 1146 г., бывший князь Эдессы Жоселин вновь овладел городом. Тогда сын Зенги, Нур-ад-Дин, вновь захватил Эдессу без большого труда и избил христиан. Женщин и детей продавали в рабство и город был почти полностью разрушен. Это было тяжелым ударом для христианского дела на Востоке, так как Эдесское княжество по своему географическому положению являлось форпостом крестоносцев, задачей которого было принимать на себя первую тяжесть мусульманского натиска. Ни Иерусалим, ни Антиохия, ни Триполи помочь эдесскому князю не могли; а между тем, после Эдессы и этим латинским владениям, особенно Антиохии, стала серьезнее угрожать мусульманская опасность.

Падение Эдессы произвело сильное впечатление на Западе. Однако, папа Евгений III не мог стать инициатором и вдохновителем нового крестового предприятия, так как разыгравшееся в сороковых годах в Риме демократическое движение, в котором принимал деятельное участие Арнольд Брешианский, создавало для папы ненадежную обстановку и даже заставило Евгения III на время покинуть Рим. Инициатором похода был французский король Людовик VII, а проповедником его, приведшим эту идею к исполнению, был знаменитый монах Бернард из Клерво, огненное вино которого подняло сначала Францию. Перейдя затем в Германию, он убедил принять крест германского государя Конрада III и воодушевил к походу немцев.

Западные народы, наученные горьким опытом первого похода и разочарованные в его результатах, уже не показывали прежнего воодушевления, и на собрании в Везеле (в Бургундии) французские феодалы были настроены против похода. Не без труда Бернард одержал победу над ними, благодаря своему пылкому и убедительному красноречию. В представлении Бернарда первоначальный план Людовика VII принял широкие размеры, которые видоизменяли основную идею походов, а именно освобождение святых мест из рук мусульман; крестовые походы стали выражать идею похода вообще против язычников. Так, благодаря Бернарду, одновременно с походом на Восток было решено организовать еще две экспедиции: про-

тив мусульман, которые в это время владели Лиссабоном, и против полабских славян-язычников.

Весть о крестовом походе обеспокоила Мануила, который в нем видел опасность для своего государства и для своего влияния на латинских князей на Востоке, особенно в Антиохии, которые, получив поддержку с Запада, могли совершенно не считаться с византийским императором. Затем, участие Германии в походе лишало Византию гарантий, положенных в основу союза двух империй. Германский государь, уезжая из своей страны надолго на Восток, не мог уже учитывать западных интересов византийского государства, которое оставалось, таким образом, открытым для честолюбивых замыслов Рожера. Зная, сколь опасны были для столицы первые крестоносцы, Мануил приказал исправить ее стены и башни, не рассчитывая, очевидно, на союзные и родственные отношения к Конраду.

После переговоров крестоносцы в 1147 году решили двинуться к Константинополю сухим путем, которым шли уже крестоносцы первого похода. Первым через Венгрию выступил Конрад; месяц спустя этой же дорогой направился Людовик. Движение крестоносцев к Константинополю сопровождалось такими же насилием и грабежами, как и в первый раз.

Когда германские войска остановились у стен столицы, Мануил все усилия употребил на то, чтобы их переправить в Азию до прихода французского ополчения, что, после крупных препирательств с родственником и союзником Конрадом, императору, наконец, удалось. В Малой Азии немцы стали сразу страдать от недостатка пропитания, а затем, подвергшись нападению турок, были перебиты; лишь жалкие остатки германской армии возвратились в Никею. Некоторые историки приписывают эту неудачу германского похода интригам Мануила, который будто бы даже вступил в соглашение с мусульманами, побуждая их к нападению на крестоносцев.

Подступившие к столице вскоре после переправы немцев в Малую Азию французы еще более тревожили Мануила. Людовик VII, с которым незадолго до похода вступил в переговоры Рожер, убеждавший французского короля идти на Восток через его итальянские владения, был особенно подозрителен императору, как возможный тайный союзник Рожера, «неофициальный союзник Сицилии». Подозрения Мануила имели под собой серьезную почву.

Рожер, зная, что Мануил был в это время всецело поглощен Крестовым походом и своими отношениями к крестоносцам, забыв об общих интересах христианства и преследуя лишь политические цели, неожиданно захватил остров Корфу и опустошил целый ряд; других византийских островов; по свидетельству некоторых западных источников, даже Афины были захвачены. Наконец, высадившиеся отряды норманнов захватили Фивы и

Коринф, знаменитые в то время богатством, производством шелка и шелковых тканей. Не довольствуясь захватом большого количества драгоценных материй, «норманны, среди прочих многочисленных пленных, увезли в Сицилию наиболее искусных шелководов и ткачих». Это вовсе не значит, что отправленные в Палермо шелководы и ткачихи создали там шелковое производство. На самом деле, шелковое производство и разведение шелковичного червя были известны в Сицилии и раньше. Но прибытие пленных гречанок дало там новый подъем этой отрасли промышленности. Афины также не были пощажены норманнами.

Когда известие об успешном набеге норманнов на Грецию дошло до стоявших перед Константинополем французов, то последние, раздраженные уже слухами о соглашении Мануила с турками, заволновались. Некоторые приближенные Людовика даже советовали ему овладеть Константинополем. В столь опасном положении император только и мечтал о том, чтобы переправить французов также в Малую Азию. Наконец, был распространен слух, будто бы немцы успешно действуют в Малой Азии. Людовик согласился тогда переправиться через Босфор и даже принес Мануилу ленную присягу. Только очутившись в Малой Азии, Людовик узнал правду о горькой судьбе германского войска. Французско-немецкое ополчение, после целого ряда испытаний и бедствий, потерпело позорную неудачу под Дамаском. Разочарованный Конрад на греческом корабле покинул Палестину и направился в Солунь, где находился Мануил, готовившийся к военным действиям против норманнов. Встретившиеся в Солуни Мануил и Конрад, обсудили общее положение вещей, окончательно заключили союз для общих действий против Рожера. После этого Конрад вернулся в Германию. Оставшийся на востоке Людовик, видя полную невозможность что-либо сделать с находившимися у него средствами, также через несколько месяцев через Южную Италию возвратился во Францию.

Блестяще начатый второй поход окончился самым жалким образом. Мусульмане на Востоке не только не были ослаблены; наоборот, нанеся несколько поражений крестоносцам, они укрепились духом и надеялись даже на уничтожение христианских владений на Востоке. Кроме того, раздоры между французскими и немецкими войсками и между палестинскими и европейскими христианами не служили к чести крестоносцев. Мануил был рад окончанию похода, так как это ему развязывало руки для его западной политики против Рожера, закрепленной заключением формального союза с Германией. Неудачу предприятия скорее надо отнести к недостаточной организации и общей недисциплинированности крестоносцев. Рожер своим нападением на острова и Грецию также внес немало губительного элемента и дело похода. Вообще, религиозная основа крестоносных предприятий отступала на второй план, и все яснее давали себя чувствовать мирские, политические мотивы.

Еще во время крестового похода, Мануил принял серьезные меры для борьбы с Рожером, которому желал отомстить за предательский набег на острова и Грецию и который все еще продолжал занимать Корфу. Венеция, смотревшая, с некоторым опасением по усилению норманнов, охотно согласилась поддержать своим флотом византийское предприятие и получила за эту помощь новые торговые привилегии в империи: в Константинополе венецианцам, помимо переданных им по прежним торговым договорам кварталов и пристаней (скал), были отведены новые места и новая пристань (скала). Пока шли эти переговоры, император деятельно готовился к войне против «островного (т. е. Сицилийского) дракона, думавшего изрыгать пламя своего гнева выше кратеров Этны». Планы Мануила не ограничивались вытеснением врага с византийской территории; император рассчитывал перенести затем военные действия в Италию и сделать попытку восстановить там прежние византийские владения.

Временно отвлеченный от подготовленного предприятия переходом через Дунай и нападением на византийские пределы куманов (половцев), с которыми императору удалось быстро справиться, Мануил, при помощи венецианского флота, овладел Корфу.

Рожер, видя, какая опасность может ему грозить от союза Византии с Германией, обещавшей сухопутное войско, и Венецией, приславшей флот, развил искусную дипломатическую деятельность, которая должна была создать Византии затруднения. Благодаря сицилийскому флоту и интригам, против Конрада внутри Германии поднялся герцог Вельф, давний враг Гогенштауфенов, что помешало германскому государю выступить в Италию в союзе с Византией; сербы, поддержанные уграми (венграми), также открыли военные действия против Мануила, что отвлекло его внимание на север. Наконец, Людовик VII, огорченный неудачей Крестового похода, раздраженный против греков и вступивший на обратном пути в дружественное соглашение с Рожером, снова готовил Крестовый поход, который грозил Византии неминуемой опасностью. Аббат Сугерий, управлявший Францией во время отъезда Людовика во второй поход, являлся инициатором нового крестоносного предприятия, а знаменитый Бернард Клервоский был даже готов сам стать во главе ополчения. Рожер сблизился и с папой. Кроме того. Запад вообще относился неодобрительно к союзу «правоверного» германского государя со «схизматическим» Византийским императором. В Италии находили, что Конрад был уже, заражен греческим непослушанием, и папская Курия делала по пытки повлиять на его возвращение на путь истины и усердного служения католической церкви. Папа Евгений III, аббат Сугерий и Бернард Клервоский прилагали старания, чтобы разорвать союз двух империй.

Таким образом, в середине XII века, «против Мануила и Византии готовилась образоваться сильная коалиция, во главе которой стоял король

Рожер, к которой уже принадлежала Венгрия с Сербией, к которой готовилась присоединиться Франция, а также и папа, к которой старались привлечь Германию и ее короля. Если бы удалось последнее, то Константинополю уже теперь грозил бы 1204 год.

Однако, опасность для Византии оказалась не столь велика. Проект французского похода не был приведен в исполнение из-за холодного отношения к этой идее французского рыцарства и последовавший вскоре смерти Сугерия. Конрад оставался верным союзу с Восточной империей.

Но, когда Мануил мог ожидать особенной пользы от своего союза с Германией, Конрад III умер (1152). Смерть его вызвала в Германии толки о неестественной смерти короля, будто бы отравленного придворными докторами, которых тогда вообще поставляла Италия, где была знаменитая медицинская школа в Салерно, находившаяся во владениях Рожера. Наследник Конрада, Фридрих I Барбаросса, вступивший на престол с идеями о дарованной ему Богом неограниченной императорской власти, не мог примириться с разделением своей власти в Италии с восточным императором. В трактате, заключенном вскоре после вступления Фридриха на престол между ним и папой, германский государь, величая Мануила гех, а не *imperator*, как обращался к последнему Конрад, обязывался изгнать из Италии восточного императора и не дать ему возможности там обосноваться. Однако, вскоре, в силу ряда причин, Фридрих изменил свои планы и хотел возвратиться к идее византийского союза.

В 1154 году Рожер II умер. Новый сицилийский король Вильгельм I поставил своей целью расторгнуть союз двух империй и союз Византии с Венецией. Республика св. Марка, знавшая о планах Мануила утвердиться в Италии, им сочувствовала. В таких обстоятельствах Венеция порвала свои союзные отношения с Византией и, получив крупные торговые выгоды в Сицилийском королевстве, заключила союз с Вильгельмом I.

После ряда удач византийцев в Южной Италии, Вильгельм нанес войскам Мануила суровое поражение у Брундузия (Бриндизи), которое сразу уничтожило все результаты его экспедиции. Сдавшемуся грекам столицу Апулии, Бари, по приказанию Вильгельма, сравняли с землей.

Неудачная кампания Мануила в Италии, ясно доказавшая Фридриху Барбароссе, что в данном случае дело шло об утверждении там греков, окончательно порвала ослабнувшие узы византийского союза. Всякая надежда на примирение с Барбароссой у Мануила исчезла, а вместе с этим исчезли и надежды на итальянские завоевания. В 1158 году между Мануилом и Вильгельмом Сицилийским был заключен мир, условия которого точно неизвестны, означавший для Византии отречение от планов и вместе с тем «разрыв дружбы и союза между двумя империями, завязанных еще при

Лотаре Саксонском и Кало-Иоанне и еще более скрепленных личными отношениями Конрада и Мануила».

Благодаря новым условиям задачи византийской политики изменились. Она должна была противодействовать стремлениям Гогенштауфенов присоединить Италию, которая, с точки зрения Фридриха Барбароссы, должна была признавать его власть. Византийская дипломатия стала деятельно работать в новом направлении. Мануил, желая порвать отношения между Фридрихом и папой, искал у папского престола поддержки в своей борьбе с Фридрихом и соблазнял папу перспективой возможной церковной унии восточной церкви с западной. Вызвав борьбу между папой и германским государем, Мануил надеялся «восстановить Восточную империю во всей полноте ее прав и уничтожить аномалию, которая представлялась его взору в виде Западной империи». Однако, эти переговоры не удались, так как папы вовсе не желали попасть в зависимость от одного императора к другому; наоборот, папы XII века сами хотели достичь верховенства над императором византийским.

Когда открылась борьба между Фридрихом Барбароссой и северо-итальянскими городами, Мануил стал помогать последним денежными субсидиями. Разрушенные Фридрихом стены Милана были восстановлены при помощи византийского императора. Особенно деятельны были его сношения с Генуей, Пизой и Венецией, которая под угрозой немецкой опасности снова обратилась к Византии. Но Мануил желая из-за недостатка средств попользоваться громадными богатствами венецианских купцов на территории его государства, неожиданно велел арестовать всех находившихся в Византии венецианцев и конфисковать их имущества. Венеция отправила против Византии флот, который благодаря эпидемии должен был вернуться без успеха. По всей вероятности, при жизни Мануила добрые отношения между Венецией и Византией восстановлены не были. Желая ответить на византийскую политику в Италии тем же, Фридрих Барбаросса вступил в сношения с самым опасным врагом Византии на востоке, с Иконийским султаном Кылыч-Арсланом, и убеждал последнего напасть на греческую империю, в надежде, что малоазиатские затруднения отвлекут Мануила от европейских дел.

В Малой Азии же ситуация становилась все более угрожающей. В Киликии, которая была завоевана Иоанном Комнином, вспыхнуло восстание под предводительством Тороса. Две армии Мануила, посланные против Тороса, потерпели поражение. Ситуация стала еще более тревожной, когда Торос вошел в союз со своим бывшим врагом, князем антиохийским Рено Шатийонским. Они выступили против греков вдвоем. В то же самое время Рено осуществил успешный морской набег на Кипр. Мануил прибыл в Киликию лично. Его прибытие оказалось столь неожиданным, что Торос едва не

попал в плен и бежал. В 1158 году Мануил снова стал хозяином положения в Киликии. Торос подчинился императору и был им прощен.

Рено Шатийонский, понимая, что он не в состоянии противостоять византийским войскам, решил добиться прощения Мануила. Император был в Мопсуэстии, в Киликии. С голыми ногами, Рено пал ниц перед императором и протянул ему рукоять своего меча, отдавая себя в его распоряжение. Здесь же присутствовали послы от большинства восточных народов, включая абасгов (абхазов) и иберов и все находились под сильным впечатлением. Эта сцена сделала латинян презираемыми во всей Азии. Рено признал себя вассалом империи. Король иерусалимский Балдуин III лично прибыл в Мопсуэстию, где в лагере Мануила он был с почестями принят императором. Однако Балдуин был вынужден заключить с ним договор с обязательством поставлять императору вооруженные силы.

В апреле 1159 г. Мануил торжественно вступил в Антиохию. За ним шли пешком и без оружия Рено Шатийонский и другие латинские князья. Король иерусалимский ехал на лошади, но тоже без оружия. Император следовал по улицам, украшенным коврами, драпировками и цветами под звуки труб и барабанов и пение гимнов к собору, ведомый патриархом Антиохийским в его патриарших одеждах. Восемь дней императорские штандарты реяли над городскими стенами.

Подчинение Рено Шатийонского и вход Мануила в Антиохию в 1159 году знаменовали триумф византийской политики по отношению к латинянам. Это был результат более чем шестидесяти лет усилий и борьбы.

В церкви Рождества в Вифлееме сохранилась надпись, датированная 1169 годом, текст которой гласит: «Эта работа была завершена художником и мозаистом Эфраимом в царствование императора Мануила Багрянородного Комнина и в дни Великого короля иерусалимского Амори, и в дни святейшего епископа святого Вифлеема в год 6677, индикта второго».

Что касается взаимоотношений Мануила с мусульманскими лидерами, то он и Кылыч-Арслан несколько лет имели дружеские отношения и в 1161—1162 гг. султан даже приезжал в Константинополь, где ему был устроен торжественный прием императором. Этот прием детально описан в греческих и восточных источниках. Султан провел в Константинополе восемь дней. Все сокровища и богатства столицы были нарочито показаны знаменитому гостю. Слепленный блеском дворцового приема, Кылыч-Арслан даже не рискнул сесть рядом с императором. Турниры, скачки и даже морской праздник с демонстрацией знаменитого «греческого огня» были организованы в честь султана. Дважды в день еда приносилась ему на золотой и серебряной посуде и затем не забиралась, а оставлялась в распоряжении гостя. Однажды, когда император и султан обедали вместе, вся

посуда и украшения стола были предложены Кылыч-Арслану в качестве подарка».

В 1171 году король иерусалимский Амори I прибыл в Константинополь и был торжественно встречен Мануилом. Гийом Тирский оставил детальное описание этого визита. Это был расцвет славы и могущества Мануила на Ближнем Востоке.

Но политические результаты визита Кылыч-Арслана в столицу были не очень важными. Был заключен договор о дружбе, но короткий по длительности. Несколькими годами позже султан объявил своим друзьям и должностным лицам, что чем больший вред причиняет он империи, тем более ценные подарки получает он от императора.

На восточной границе мир долго длиться не мог. Под влиянием различных местных причин и убеждений Фридриха, вспыхнули военные действия. Мануил сам встал во главе войска. Целью похода была столица султана Иконий (Кония). Византийские войска в 1176 году углубились в горные ущелья Фригии, где находилась недалеко от границы крепость Мириокефалон. Здесь турки неожиданно напали на них с нескольких сторон 17 сентября 1176 года и нанесли полное поражение. Император с трудом спас свою жизнь и успел избежать плена.

Однако, в силу каких-то совершенно загадочных причин Кылыч-Арслан не использовал своей победы и открыл переговоры с императором, которые и привели к заключению терпимого мира.

Сражение при Манцикерте 1071 года было уже смертельным ударом для владычества Византии в Малой Азии, но современники этого не понимали и все еще надеялись поправить дела и избавиться от сельджукской опасности. Два первых Крестовых похода этой опасности не уменьшили. Сражение при Мириокефалоне 1176 года окончательно разрушило последнюю надежду Византии на возможность вытеснения из Малой Азии турок. О какой-либо серьезной наступательной политике империи на Востоке после этого не могло быть и речи. С трудом она могла охранять границу и отражать сельджукские толпы, не перестававшие проникать на византийскую территорию.

Почти одновременно с этим поражением в Малой Азии Мануил на свое письмо к Фридриху Барбароссе, в котором он изображал положение сельджукского султана как слабое (Фридрих, однако, знал правду о сокрушительном поражении Мануила), с упреками по поводу его сношений с иконийским султаном, получил от германского государя ответ, в котором тот сообщал следующее. Германские императоры, получившие власть от славных императоров римских, должны управлять не только Римской импе-

рией, но и «греческим королевством»; поэтому он приглашает Мануила признать авторитет западного императора и подчиниться авторитету папы и заканчивает свой ответ заявлением, что в будущем он будет соотносить свое поведение с поведением Мануила, напрасно сеявшего смуту среди вассалов западной империи.

Сражение при Леньяно в 1176 г., закончившееся полным поражением Фридриха в Северной Италии и повлекшее за собой торжество североитальянских городов и поддерживавшего их папства, должно было, казалось, несколько поправить дела Мануила в Италии. Но Венецианский конгресс (1177), в котором участвовали Фридрих, папа и представители итальянских городов, подтвердил самостоятельность последних и примирил германского государя с папой. Был положен конец той вражде, которая существовала между Германией, ломбардскими городами и папской курией и на которой Мануил строил свои дипломатические расчеты.

Венецианский конгресс был таким же ударом для Византийской империи, как и поражение, нанесенное ей Иконийским султаном при Мириокефалоне. Сблизив в одно и то же время враждебные Византии элементы на Западе, он был предвестником коалиции, завоевавшей в 1204 г. Константинополь.

Для Венеции конгресс 1177 года имел чрезвычайное значение, собрав блестящее европейское общество во главе с западным императором и папой. Более десяти тысяч иностранцев прибыло в Венецию, и все удивлялись красоте, богатству и мощи этого города.

Незадолго до смерти Мануилу удалось одержать последний дипломатический успех, женить своего сына и наследника Алексея на восьмилетней дочери французского короля Людовика VII, Агнессе, получившей в Византии имя Анны. Несколько обостренные отношения, установившиеся между Византией и Францией после второго Крестового похода, благодаря этому браку должны были сгладиться.

После знаменитого письма, посланного Мануилом английскому королю Генриху II после поражения при Мириокефалоне, отношения между двумя государями стали очень дружественными и для последних лет правления Мануила есть некоторые свидетельства о появлении византийских посланников в Вестминстере, принимать которых Генрих II поручил англичанину Джеффри де Хею. Тот же Джеффри был послан в Константинополь. Генрих II хорошо информированный о любимых спортивных занятиях Мануила, среди которых охота была не на последнем месте, даже послал ему свору собак на корабле, отплывшем из Бремена.

Политика Мануила не была похожа на осторожную и продуманную политику его деда и отца. Будучи охвачен мечтой восстановить единство империи и тяготея к западным вкусам и западному укладу жизни, а потому направляя все усилия на борьбу с Италией и Венгрией, на отношение к Западной империи, Франции, Венеции и другим итальянским городам, Мануил оставил без надлежащего внимания Восток, не сумел помешать дальнейшему развитию Иконийского султаната и, в конце концов, увидел крушение всех надежд империи в Малой Азии после разгрома при Мириокефалоне.

Предпочтение, отдаваемое Мануилом Западу, чуждому Византии и в те времена не могшему равняться с культурой византийской, принесло пагубные плоды для государства. Принимая с распростертыми объятиями иностранцев и раздавая им наиболее ответственные и выгодные места, он возбудил столь сильное негодование среди подданных, что можно было ожидать при первом удобном случае кровавых столкновений.

Колоритная фигура Мануила Комнина не могла не оставить глубокого впечатления далеко за пределами Византийской империи. Его имя и подвиги, в основном легендарные, были хорошо известны в русском героическом эпосе, в русских песнях, также как и в русских летописях. Мануил послал княгине полоцкой Евфросиние икону Божьей Матери Эфесской. Также знаменитое, письмо пресвитера Иоанна было адресовано Мануилу.

Лекция 49.

План:

Внешняя политика при Алексее II.

При Андронике I Комнинах.

После смерти Мануила на престоле оказался его двенадцатилетний сын Алексей II (1180- 1184); правительницей была объявлена его мать Мария Антиохийская; всеми делами государства распоряжался любимец последней протосеваст Алексей Комнин, племянник Мануила. Ожесточенная борьба придворных партий и продолжавшееся латинское засилье привели к тому, что в столицу был призван Андроник, давно исполненный честолюбивых замыслов овладеть императорским престолом и выступивший теперь в роли защитника слабого, окруженного злыми советниками императора Алексея II и греческих национальных интересов. Незадолго до его вступления в столицу там была резня латинян 1182 года.

В том же 1182 году Андроник вступил в Константинополь и, вопреки торжественным обещаниям, стал явно стремиться к единодержавию. По его приказанию, правительница Мария Антиохийская, и немного времени спустя Алексей II были задушены. Правитель Алексей Комнин был схвачен и ослеплен. В 1183 году шестидесятитрехлетний Андроник сделался полновластным государем империи. Для укрепления своего положения он женился на вдове Алексея II, Агнессе (Анне), Французской, которой в момент смерти своего фиктивного (так как он имел тогда всего около 14 лет) супруга было лишь 12 лет.

Население встретило Андроника с восторгом. У него было две главных задачи во внутренней жизни империи: во-первых, установить национальное правительство и освободить Византию от латинского засилья; во-вторых, ослабить служилую аристократию и крупное поместное дворянство, так как преобладание крупных землевладельцев влекло за собой разорение и гибель земледельческого сословия крестьян. Подобная программа, сколь она ни была трудна для выполнения, конечно, должна была встретить полное сочувствие народа.

С Андроником новая партия пришла к власти. Он был, или по меньшей мере казался, народным царем, царем крестьян. Народ пел песни о нем и слагал поэтические, сказания, следы которых сохранились в летописях и пометках на полях неопубликованных рукописей «Истории» Никиты Хониата. Среди прочего, Никита писал о том, что Андроник велел воздвигнуть себе статую около северного входа в церковь Сорока Мучеников. Император был там представлен не в имперских одеждах, не с золотыми украшениями, подобающими правителю, а в качестве работника, утомленного трудом, в весьма скромных одеждах, держащим косу.

Андроник усердно принялся за реформы. Жалование многих чиновников империи было повышено, чтобы сделать их менее доступными подкупу; судьями назначались честные и неподкупные люди; податные тяготы были облегчены, и корыстные сборщики податей подвергались суровым наказаниям. Против крупных землевладельцев принимались строгие меры, и многие представители византийской аристократии были подвергнуты казни.

Но, произвести коренную реформу социального строя, явившегося результатом длительного исторического процесса, было не под силу Андронику. Представители гонимой земледельческой аристократии ждали только удобного момента, чтобы избавиться от ненавистного государя и заменить его лицом, придерживающимся социальных воззрений первых трех Комнинов. Чувствуя повсюду измену и заговоры, Андроник вступил на путь террора, который, разя без разбора правого и виноватого, и не только уже в среде высших классов, создал вокруг государя обстановку раздражения и ненависти. Народ, еще недавно встречавший торжественными кри-

ками своего избранника, отвернулся от него как от человека, который не дал того, что обещал, и уже искал нового претендента на престол.

Сложное и угрожающее внутреннее положение осложнилось еще более неудачами внешней политики. Андроник пришел к выводу, что политическая изоляция империи была невозможной с точки зрения ее основных жизненных интересов. Для спасения ситуации он должен был возобновить отношения с западными державами, к которым он столь явно испытывал отвращение.

Отношение Запада к Византии было исключительно угрожающим. После смерти Мануила в Западной Европе было у Византии два врага: Германия и Сицилийское королевство. Союз двух империй, бывший основой западноевропейской политики в течение некоторого времени правления Мануила, прекратился, а помощь, оказанная Византией ломбардским городам в их борьбе против Фридриха Барбароссы, сделала последнего врагом Восточной империи, который пошел по пути все более тесного сближения с Сицилийским королевством.

Латиняне, бежавшие в 1182 году из Константинополя от погрома, явились на Запад в свои государства и, рассказав об ужасах пережитого испытания, просили отомстить за оскорбление и убытки. Особенно были раздражены торговые итальянские республики, понесшие крупные финансовые потери. Представители некоторых знатных византийских фамилий, преследуемые Андроником, также убежали в Италию и побуждали итальянские правительства к открытию военных действий против Византии.

Западная опасность для Восточной империи все росла. Фридрих Барбаросса устроил брак своего сына и наследника Генриха с наследницей Сицилийского королевства Констанцией, помолвка с которой была объявлена в Германии за год до смерти Андроника. Это было очень важным событием, так как после смерти Фридриха его наследник присоединял к владениям германского государя Неаполь и Сицилию. Этим самым для Византии из двух отдельных врагов создавался единый страшный враг, политические интересы которого не могли примириться с интересами Восточной империи. Брачный союз с норманнским королевским домом имел целью создать для западного императора в сицилийском государстве опорный пункт для его замыслов против Византии, чтобы при помощи норманнов легче завоевать «королевство» греков.

Современный Андронику сицилийский король Вильгельм II, пользуясь внутренними замешательствами в Византии, подготовил против нее обширную экспедицию, целью которой было не только желание отомстить за погром 1182 года или помочь какому-то подозрительному претенденту на

византийский трон, а стремление самому завладеть греческим престолом. Андроник же решил начать переговоры как с Западом, так и с Востоком.

Он заключил договор с Венецией до начала 1185 года. В этом договоре, заключенном «чтобы поддержать империю» Андроник соглашался отпустить венецианцев, находившихся еще в заточении после избиения 1182 г. и обещал платить каждый год определенную сумму в возмещение причиненных убытков. Он начал на деле соблюдать этот договор, и первая сумма была уплачена в 1185 году. Он также постарался сблизиться с папой, от которого он явно надеялся получить помощь, обязуясь обеспечить известные гарантии католической церкви. В конце 1182 г. папа Луций III послал легата в Константинополь. Кроме того, одна западная хроника приводит весьма интересный материал, согласно которому в 1185 г. Андроник против воли патриарха построил в Константинополе церковь, которую он снабдил богатым доходом. Там латинские католические священники совершали культ по своему обряду. «До наших дней церковь эта называется Латинской церковью».

Незадолго до смерти, Андроник заключил формальный союз с султаном Египта Саладином. По словам западного хрониста, «движимый болью и огорчением [Андроник] должен был прибегнуть к совету и поддержке Саладина». Условия этого союза, скрепленного клятвой, были следующими. Если Саладин сможет с помощью советов и помощи императора захватить Иерусалим, Саладин оставит для себя любую другую область, которую они смогут завоевать. Иерусалим и все побережье, кроме Аскалона, остаются свободными. Однако он будет владеть этими территориями под сюзеренитетом Андроника. Император будет владеть всеми завоеванными у Иконийского султана территориями до Антиохии и Малой Армении, если новые союзники смогут ими овладеть. Однако, из-за смерти, Андроник не смог реализовать этот план. Договор этот показывает, что Андроник был готов уступить Палестину Саладину на условии, что тот признает сюзеренитет империи. Однако ни соглашение с Венецией, ни уступки папе, ни союз со знаменитым Саладином не могли спасти ситуацию, или сохранить власть в руках Андроника.

В восточной части Средиземноморья наместник острова Кипр Исаак Комнин отделился от империи и провозгласил независимость острова под своим правлением. Не имея хорошего флота, Андроник не смог подавить восстание. Кипр был потерян. Потеря Кипра, была серьезным ударом для империи, так как она имела там важный стратегический и торговый пункт, приносящий казне большие доходы, благодаря торговле с латинскими государствами на Востоке.

Однако основной и решительный удар был нанесен Андронику с запада, когда хорошо организованная экспедиция Вильгельма II Сицилийско-

го подняла паруса против империи. Военные действия открылись у Дураццо, быстро перешедшего в руки норманнов, которые затем по Егнатиевой военной дороге направились к Фессалонике (Солуни). Туда же прибыл и норманнский флот. Венеция в этой войне придерживалась строгого нейтралитета.

Началась десятидневная осада Фессалоники с моря и суши. Драгоценный рассказ об этой осаде написан современником и очевидцем ее, фессалоникийским архиепископом Евстафием, откуда черпал свои сведения о норманно-византийской войне другой историк, Никита Акоминат. В августе 1185 года Фессалоника была взята норманнами, которые произвели нем страшный разгром и избиение. Это было местью латинян за константинопольскую резню 1182 года. После нескольких дней грабежа и убийства норманнское войско двинулось далее на восток, по направлению к Константинополю.

При известии о взятии Фессалоники и о приближении норманнских войск к столице население Константинополя подняло восстание, обвиняя Андроника в нерешительности и слабости. С неожиданной для него быстротой был провозглашен императором Исаак Ангел. Андроник был низложен и умер мучительной смертью. переворотом 1185 года заканчивается эпоха византийских Комнинов. С Исаака Ангела начинается новая династия Ангелов.

Кратковременное правление Андроника I, поставившего при вступлении на престол себе целью защитить земледельческий класс, крестьян, против всемогущего произвола крупных собственников и освободить государство от западно-латинского засилья, резко отличается от характера правления всех других Комнинов, и уже благодаря этому одному заслуживает внимательного и строго научного исследования. В некоторых отношениях, особенно в сфере социальных вопросов и интересов, время Андроника I, еще далеко не разъясненное.

Лекция 50.

План:

Внешняя политика времени Ангелов.

а. Характеристика императоров из дома Ангелов.

Отношение к норманнам и туркам.

Образование Второго Болгарского царства.

Третий Крестовый поход и Византия.

Генрих VI и его восточные планы.

Династия Ангелов, возведенная на престол революцией 1185 года на смену Комнинов, происходила от современника Алексея Комнина, Константина Ангела, из малоазиатского города Филадельфии, человека незнатного происхождения, женатого на дочери императора Алексея и приходившегося дедом Исааку II Ангелу, первому императору из этого дома, по женской линии родственного Комнинам.

Одной из целей Андроника было создание национального правительства. Эта задача ему не удалась, и к концу царствования он стал поворачиваться к Западу. Однако после его смерти необходимость национального правительства была сильно ощутимой.

Исаак II (1185—1195), представлявший собой, по словам Гельцера, «воплощенную злую совесть, севшую на подгнивший трон цезарей», не обладал никакими государственными талантами. Чрезмерная роскошь двора и безграничная расточительность, связанные с непомерными и произвольными поборами и хищениями, слабость воли и отсутствие какого-либо определенного плана в управлении государством в соединении с внешними осложнениями, особенно на Балканском полуострове, где создалась новая опасная для империи сила в виде Второго Болгарского царства, и в Малой Азии, где продолжалось успешное продвижение турок, не остановленное третьим Крестовым походом, — все это создало атмосферу недовольства и возмущения в стране. По временам вспыхивали восстания в пользу того или другого претендента на престол. Однако, основной причиной общего недовольства была «усталость от бесконечного продолжения двух бедствий, отмеченных еще Андроником — ненасытности фискальной администрации и высокомерия знати». В 1195 г. против Исаака был составлен заговор его братом Алексеем, который, с помощью некоторой части знати и войска, низложил императора. Исаак был ослеплен и брошен в тюрьму, а его брат Алексей стал императором. Он известен как Алексей III Ангел (1195—1203), или Ангел Комнин, прозываемый иногда Бамбакорабд.

Новый император по своим внутренним качествам и способностям почти ничем не отличался от своего брата. Та же безумная расточительность, то же отсутствие всякого политического таланта и интереса к управлению и военная неспособность быстрыми шагами вели империю по пути распада и унижения. Не без злой иронии замечает об Алексее III историк Никита Акоминат: «Какую бы бумагу ни поднес кто царю, он тотчас подписывал, будь там бессмысленный набор слов, и если бы проситель требо-

вал, чтобы по суше плавали на кораблях, а море пахали, или чтобы переставили горы на середину морей, или, как говорится в басне, чтобы Афон поставили на Олимп». Поведение императора находило подражателей среди столичной знати, которая наперебой друг перед другом старалась соперничать в тратах и роскоши. Восстания происходили как в столице, так и в провинциях. Жившие в Константинополе иностранцы, венецианцы и пизанцы, устраивали кровавые столкновения между собой на улицах столицы. Внешние отношения точно так же не отличались успехами.

Сыну низвергнутого Исаака II, молодому царевичу Алексею удалось бежать на ливанском корабле из Византии в Италию, откуда он проехал в Германию ко двору германского государя Филиппа Швабского, женатого на Ирине, дочери низложенного Исаака Ангела и сестре бежавшего в Западную Европу царевича Алексея. Это было время начала четвертого Крестового похода. Царевич просил у папы и у германского государя, своего зятя, помочь вернуть византийский престол слепому отцу Исааку. После целого ряда сложных обстоятельств, Алексею удалось направить крестоносцев на венецианских кораблях вместо предполагавшегося Египта на Константинополь. Крестоносцы в 1203 году захватили столицу Византии и, низложив Алексея III, восстановили на престоле престарелого, лишённого зрения Исаака (1203 - 1204) и посадили его сына Алексея рядом с отцом на троне в качестве соправителя (Алексей IV). Крестоносцы же остались около Константинополя, ожидая от Исаака и Алексея выполнения условий.

Однако, невозможность со стороны императоров выполнить эти условия и их полное подчинение воле стоявших вблизи крестоносцев, вызвали возмущение в столице, которое завершилось провозглашением императором Алексея V Дуки Мурзуфла (1204), родственника фамилии Ангелов, женатого на дочери Алексея III. Исаак II и Алексей IV погибли во время смуты. Тогда крестоносцы, видя, что главная их опора в столице, в лице двух погибших государей, исчезла, и что Мурзуфл, выступивший под знаменем антилатинского движения, является их врагом, решили взять Константинополь для себя. После упорного штурма латинян и отчаянного сопротивления столицы, Константинополь 13 апреля 1204 года перешел в руки западных рыцарей и подвергся ужасающему разгрому и разграблению. Император Мурзуфл успел бежать из города. Византийская империя пала, и на ее месте образовалась феодальная Латинская империя со столицей в Константинополе и рядом вассальных государств в различных областях Восточной империи.

Греческая по своему происхождению династия Ангелов, или Ангелов - Комнинов, не давшая империи ни одного более или менее талантливого императора, ускорила гибель ослабевшего извне и разъединенного внутри государства.

В момент революции 1185 года, низвергнувшей Андроника I и возведшей на престол Исаака Ангела, положение империи было очень опасным. Сухопутные войска норманнов, после взятия Фессалоники, двигались к столице, около которой уже находился норманнский флот. Однако, опьяненные своими успехами норманны, занявшись грабежом захваченных областей и относясь пренебрежительно к византийскому войску, потерпели от последнего поражение и вынуждены были очистить Фессалонику и Диррахий. Эта неудача норманнов на суше заставила удалиться из-под Константинополя их корабли. Мирный договор, заключенный между Исааком Ангелом и Вильгельмом П, закончил норманнскую войну. Сельджукскую же опасность в Малой Азии Исаак Ангел смог на некоторое время ослабить ее лишь щедрыми подарками и ежегодной данью турецкому султану.

Для Исаака Ангела было крупной удачей прекращение, хотя бы и временное, враждебных действий с норманнами. Покоренная еще во времена Василия II Болгаробойцы Болгария, после нескольких неудачных попыток вернуть себе независимость, свергла византийское иго и в 1186 году образовала так называемое Второе Болгарское царство. В конечном успехе болгарского движения сыграли видную роль не только славяне, но и тюркский элемент в лице половцев, или куманов, и романский элемент в лице валахов, или румын. Особенно валахи принимали живое участие в восстании на стороне болгар.

Во главе этого движения стояли два брата, Петр (или Калопетр) и Асень. Вопрос об их происхождении, так же как и об участии валашского элемента в восстании 1186 года, обсуждался многократно. Историки ранее полагали, что оба брата выросли среди валахов и приняли их язык. В последнее время болгарские историки стали связывать происхождение Петра и Асеня с кумано-болгарским этническим элементом на севере Болгарии, стали стремиться уменьшить силу и роль валашско-румынского элемента в 1186 г. и стали считать образование Второго Болгарского царства в Тырново национальным делом болгар.

Освободительное движение во второй половине XII века на Балканах возникло и энергично поддерживалось в валашской среде предками современных румын. К нему присоединились болгары и куманы в областях за Дунаем. Никита Хониат ясно говорит, что восстание было поднято влахами, что их лидеры, Петр и Асень, принадлежали к тому же народу; что вторая кампания Византийской империи в это время была направлена против влахов; что после смерти Петра и Асеня империя влахов перешла в руки их младшего брата Ивана. Во всех тех случаях, когда Никита упоминал болгар, он упоминал их имя вместе с влахами.

Среди валахов, начавших освободительное движение, болгары играли активную роль и немало способствовали внутренней организации нового

царства. Куманы также участвовали в этом движении. Новое болгарское царство в этническом смысле было валашско-болгарско-куманским, а его династия была валашской.

Причиной восстания было недовольство византийским владычеством. ощущавшееся и валахами, и болгарами, а также их стремление к независимости. Время было особенно благоприятно для них, так как империя, переживая еще последствия смуты времени. Андроника и революции 1185 года, не могла с надлежащими средствами приступить к ликвидации восстания.

Петр, этот «отпавший лукавый раб», как его назвал митрополит Афинский Михаил Акоминат, и Асень сперва понесли несколько поражений от византийских сил, однако они смогли заручиться поддержкой от куманов, живших по ту сторону Дуная. Борьба стала для империи более трудной, и в конце концов Петру и Асеню удалось заключить своего рода соглашение. Петр с самого начала восстания принял царский титул, теперь же он надел подобающие одежды и принял знаки царского достоинства. Новое болгарское царство со столицей в Тырново было признано независимым от Византии. Была признана и независимость национальной церкви. Новое царство известно как Болгарское царство Тырново.

Одновременно с болгарским восстанием происходило аналогичное движение в сербских землях, где основатель династии Неманичей, великий жупан Стефан Неманя, положивший начало объединению Сербии, вступил в союзные отношения с Петром Болгарским для общей борьбы против империи.

В 1189 году германский государь Фридрих Барбаросса двигался через Балканский полуостров по направлению к Константинополю. Сербь и болгары захотели использовать момент и при помощи Фридриха добиться своей цели. Во время своего пребывания в Нише германский государь принял сербских послов и самого великого жупана Стефана Неманю и там же вел переговоры с болгарами. Сербь и болгары предлагали крестоносцам союз против византийского императора, но под тем условием, чтобы Фридрих позволил Сербии присоединить Далмацию и сохранить отвоеванные от Византии земли, а Асеням предоставил бы в бесспорное владение Болгарию и обеспечил за Петром императорский титул. Но Фридрих не дал им решительного ответа и двинулся дальше.

Вскоре после перехода крестоносцев в Малую Азию византийское войско понесло сильное поражение от болгар. Сам император с трудом спасся от плена. «Многочисленная потеря убитыми, — по словам источника, — наполнила города плачем и заставила деревни петь горькие песни».

В 1195 году произошел в Византии государственный переворот, лишивший престола и зрения Исаака и возведший на трон его брата Алексея. Который должен был прежде всего заботиться о своем укреплении на престоле и начал поэтому с болгарами мирные переговоры. Но последние предъявили неприемлемые условия. Спустя некоторое время, в 1196 году, благодаря греческим проискам, оба брата — Асень, а позднее Петр, погибли от руки убийц. После этого в Болгарии воцарился их младший брат Иоанн, живший прежде заложником в Константинополе и прекрасно изучивший византийские нравы. Это и был знаменитый царь Калоян, «с 1196 года гроза греков, а после и латинян».

Византия не могла справиться с новым болгарским государем, который, вступив в сношения с попой Иннокентием III, получил через его легата королевский венец. Болгары признали папу своим верховным главой, и тырновский архиепископ был возведен в звание примаса.

Таким образом, во время династии Ангелов Византия на Балканском полуострове получила сильного соперника в лице болгарского государя. Второе Болгарское царство, усилившееся к концу правления Ангелов, сделалось настоящей грозой для сменившей их Латинской империи.

После безрезультатного второго Крестового похода положение христианских владений на Востоке продолжало вызывать серьезные опасения: внутренние раздоры между князьями, придворные интриги, споры между духовно-рыцарскими орденами, преследование частных интересов. Все это еще более ослабляло христиан и облегчало поступательное движение мусульман. Наиболее важные центры христианских владений, Антиохия и Иерусалим, не обладали достаточной силой для успешной защиты. Энергичный властитель Сирии Нур-ад-Дин Махмуд, завладев в середине XII века Дамаском, стал грозить Антиохии. Но настоящая опасность вышла из Египта, где курд Саладин, талантливый вождь и тонкий политик с широкими планами, свергнув представителя правившей там династии Фатимидов, завладел в конце 60-х годов XII века Египтом и основал династию Айюбидов. Воспользовавшись смертью Нураддина, Саладин завоевал Сирию, а затем большую часть Месопотамии и этим самым окружил Иерусалимское королевство с юга, востока и севера.

В Иерусалиме в это время была сильная смута, о чем Саладин знал. Получив известие о том, что один из мусульманских караванов, где находилась его сестра, разграблен христианами, Саладин вступил в пределы Иерусалимского королевства и у Тивериадского озера (при Хиттине) в 1187 году разбил христианское войско. Король иерусалимский и с ним много других владетельных князей попали в плен. Заняв после этого ряд прибрежных пунктов, как-то: Бейрут, Сидон, Яффу и некоторые другие, и отрезав таким образом возможность для христиан получать подкрепления с моря, Сала-

дин направился к Иерусалиму и без особенного труда осенью того же года завладел Священным Городом. Все попытки Европой не привели ни к чему: Иерусалим снова перешел в руки неверных. Новый крестовый поход был необходим.

Папа на Западе деятельно работал в пользу осуществления крестового похода. Ему удалось поднять трех государей: французский король Филипп II Август, английский король Ричард I Львиное Сердце и германский государь Фридрих I Барбаросса примкнули к движению. Но в этом походе отсутствовала общая руководящая идея. Участники похода прежде всего старались обеспечить для себя добрые отношения правителей тех стран, через которые им приходилось идти. Филипп Август и Ричард направились через Сицилию, для чего должны были завязать дружественные отношения с сицилийским королем. Фридрих Барбаросса, собираясь идти на Восток через Балканский полуостров, завязывал сношения с угорским (венгерским) королем, великим жупаном Сербии, императором Исааком Ангелом и даже с султаном Иконийским в Малой Азии, врагом Саладина, т. е. мусульманским государем. Политические комбинации и расчеты заставляли государя не гнушаться мусульманским союзником. В то же самое время христиане имели перед собой в виде противника не разрозненные мусульманские силы, как было раньше, а покрытого победоносной славой, особенно после взятия Иерусалима, талантливого и энергичного Саладина, объединившего и своих руках силы Египта, Палестины и Сирии. Услышав о подготовлявшемся крестоносном походе, Саладин призвал мусульман к неутомимой борьбе с христианами. Средневековая легенда рассказывает, будто сам Саладин перед тем объездил Европу, чтобы ознакомиться с положением христианских стран.

Пройдя благополучно Венгрию, Фридрих Барбаросса углубился к области Балканского полуострова и вступил в переговоры с сербами и болгарами. Для успеха дальнейшего его продвижения было важно, какие отношения установятся между Фридрихом и Исааком Ангелом.

Уже со времени избиения латинян в Константинополе в 1182 году отношения между христианским Востоком и Западом были натянуты. Сближение Фридриха Барбароссы с постоянными врагами Византии — норманнами, выразившееся в бракосочетании его сына с наследницей королевства Обеих Сицилий, заставило Исаака еще с большим недоверием относиться к германскому государю. Несмотря на договор, заключенный представителем византийского императора с Фридрихом в Нюрнберге перед выступлением последнего в поход, Исаак Ангел начал сношения с Саладином, против которого и направлялся поход. При дворе Исаака появились послы Саладина. Между ними был заключен союз против Иконийского султана; в силу этого Исаак должен был, по возможности, задерживать на пути Фридриха, а Саладин обещал грекам возвратить святыне места. Положение

Исаака по отношению к Фридриху становилось очень сомнительным. Переговоры Фридриха с сербами и болгарами, явно направленные против Византии, также не могли не тревожить Исаака.

Между тем крестоносное войско Фридриха заняло Филиппополь. Исаак в своем послании к германскому государю, называя последнего «королем Алеманнии», а себя «императором ромеев», упрекал его в намерении завоевать греческое государство, но обещал помочь ему переправиться через Геллеспонт в Малую Азию, если только Фридрих даст ему знатных заложников из немцев и обязуется передать ему половину земель, которые немцы завоюют в Азии. Германские послы, находившиеся в Константинополе, были заключены в темницу. Дело дошло до того, что завоевание Константинополя было уже решенным вопросом для Фридриха, который написал своему сыну Генриху, приказывая собрать у берегов Италии флот и добиться у папы проповеди крестового похода против греков. Между тем, войска Фридриха, захватив Адрианополь, заняли Фракию почти до самых стен Константинополя.

В это трудное время Исаак уступил. Между ним и Фридрихом был заключен мир в Адрианополе, главные условия которого заключались в следующем: Исаак давал суда для перевозки войска Фридриха через Геллеспонт в Малую Азию, вручал заложников и обещал снабжать крестоносцев пропитанием. Весной 1190 года переправа немецкого войска через Геллеспонт состоялась.

Экспедиция Фридриха окончилась полной неудачей. После похода по Малой Азии крестоносное ополчение с трудом дошло до границ государства Малой Армении, в пределах Киликии, где император случайно утонул в реке (1190); после чего его войско рассеялось по разным направлениям.

Поход других двух западноевропейских государей, Филиппа II Августа и Ричарда I Львиное Сердце, отправившихся в Палестину морем из Сицилии, затрагивал гораздо менее интересы Византии. Однако, с именем Ричарда связан вопрос об окончательной утрате Византией острова Кипра, важного стратегического пункта в восточной части Средиземного моря.

Сам поход окончился ничем. Не достигнув никаких ощутительных результатов, оба государя вернулись в Европу. Иерусалим остался в руках мусульман. Христиане сохранили за собой лишь узкую береговую полосу от Яффы до Тира. Саладин вышел полным победителем.

Опасность для Византии стала больше при сыне и преемнике Фридриха Барбароссы Генрихе VI. Последний, проникнутый идеей Гогенштауфенов о неограниченной, дарованной им Богом императорской власти, уже по одному этому не мог дружественно относиться к другому императору ви-

зантийскому. Но кроме того, унаследовав, как супруг норманнской принцессы Констанции, королевство Обеих Сицилий, но вместе с тем унаследовал и всю упорную вражду норманнов к Византии и их завоевательные планы. В Константинополь был отправлен ультиматум, в котором Генрих требовал от Исаака Ангела уступки ему территории на Балканском полуострове, между Диррахием и Солунью, завоеванной раньше норманнами, но потом возвращенной ими Византии; там же шла речь о возмещении убытков, понесенных Фридрихом Барбароссой во время Крестового похода, и о помощи Генриху флотом для его палестинской экспедиции. Исаак едва успел отправить к нему посольство, как был в 1195 году низвергнут с престола и ослеплен своим братом Алексеем III.

Со времени последнего государственного переворота в Византии поведение Генриха VI стало еще более угрожающим. Устроив брак своего брата Филиппа Швабского с дочерью низложенного императора Исаака Ириной, он создал для первого некоторые права на Византию. В лице Генриха VI новый византийский император «должен был опасаться не только западного императора, наследника норманнских королей и крестоносца, но прежде всего также мстителя за низвергнутого Исаака и его семью». Подготавливаемый Генрихом Крестовый поход имел целью столько же Константинополь, сколько Палестину. В его планы входило обладание всем христианским Востоком, включая Византию. Обстоятельства, как казалось, благоприятствовали его стремлениям: к Генриху прибыло посольство от правителя Кипра, прося императора дать ему королевский титул и выражая желание быть «навсегда человеком (т. е. вассалом) Римской империи». С подобной же просьбой о королевском титуле обратился к Генриху правитель Малой Армении (Киликии). Если бы Генриху удалось; утвердиться в Сирии, то с помощью вассальных государств Кипра; и Малой Армении он мог бы окончательно окружить Византийскую империю.

В такой критический момент для Византии на сторону последней стал папа, понимавший, что если мечта Штауфенов об универсальной монархии с включением в нее Византии осуществится, то папство осуждено будет на вечное бессилие. Поэтому папа прилагал все старания, чтобы удержать Генриха от завоевательных планов на Восточную империю, «схизматичность» которой в данном случае не смущала наследника Петра. Для папства казалось второстепенным вопросом, будет ли Византия, как оплот против западного императорства, католическим или схизматическим государством, будет ли сидеть на византийском престоле законный греческий государь или узурпатор; главное было для папства конца XII века, чтобы византийское государство сохранило свою самостоятельность.

Между тем Генрих отправил грозное послание Алексею III, подобное тому, какое раньше было отправлено Исааку. Алексей мог купить мир только за уплату Генриху громадной суммы; для этого он ввел во всем государ-

стве особую подать, называвшуюся «аламанской», и снял драгоценные украшения с императорских гробниц в Константинополе. Лишь таким униженным образом он мог купить мир своего страшного врага. В конце лета 1197 года Генрих прибыл в Мессину, чтобы лично присутствовать при отправлении Крестового похода. Был собран громадный для того времени флот, имевший своей целью не святые места, а Константинополь. Но в это время молодой, полный сил Генрих заболел лихорадкой и осенью того же 1197 года умер. С его смертью рушились обширные планы Генриха; вторично в короткое время Восток ускользал от Гогенштауфенов. Византия с великой радостью встретила смерть Генриха и освобождение от «аланской подати». Свободно вздохнул и папа.

Лекция 51.

План:

Четвертый Крестовый поход и Византия.

Четвертый Крестовый поход представляет собой сложное историческое явление, в котором нашли свое отражение самые разнообразные интересы и переживания; высокий религиозный порыв, надежда на воздаяние в будущей жизни, жажда духовного подвига и верность взятому на себя крестоносному обету перемешивались с жаждой приключений и наживы, склонностью к путешествиям и феодальной привычкой проводить жизнь в войне. Но в четвертом походе можно отметить особую черту, которая давала себя чувствовать и в предыдущие походы: в нем получили особенное преобладание мирские чувства и материальные интересы над духовно-религиозными порывами, что выразилось во взятии крестоносцами Константинополя и основании Латинской империи.

В конце XII века, особенно в эпоху Генриха VI, германское влияние было преобладающим в Италии, а его восточные планы являлись грозной опасностью для Восточной империи. После его неожиданной смерти обстоятельства изменились.

Новый избранный в 1198 году папа Иннокентий III задался целью восстановить папский авторитет, подорванный политикой германских государей, в полной силе и стать самому во главе христианского движения против ислама. Италия встала на сторону папы в его борьбе с германским преобладанием. Видя главного врага папства и Италии в Гогенштауфенах, папа стал поддерживать в Германии Оттона Брауншвейгского, избранного частью Германии королем против Гогенштауфена Филиппа Швабского, брата покойного Генриха VI. Для византийских императоров представлялся пре-

красный случай осуществить планы Комнинов, на месте немецкого универсального государства создать такое же византийское. В действительности тяжелое внешнее и внутреннее положение Византии не позволяло надеяться на возможность успеха столь обширных планов.

Но Иннокентий III не желал видеть в восточном императоре схизматика, для чего открыл переговоры об унии. Они затянулись, и раздраженный папа в одном из своих позднейших писем грозил Алексею III, в случае упорства последнего, поддержать в правах на византийский престол семью низложенного и ослепленного им Исаака, дочь которого, была замужем за германским государем Филиппом Швабским. Алексей III на унию не соглашался и в одном из своих писем выставил даже положение, что императорская власть выше духовной. Вследствие этого отношения между Римом и Византией сделались несколько натянутыми.

Не переставая вести переговоры с Константинополем и политическую игру в Германии, Иннокентий III действовал в деле организации общего Крестового похода, в котором западное и восточное христианство должны были бы слиться воедино для достижения общей цели освобождения святых мест от рук неверных. Папские послания были отправлены ко всем христианским государям; папские легаты обходили Европу, обещая участникам похода отпущение грехов и целый ряд житейских выгод; красноречивые проповедники воодушевляли народные массы. В одном из своих посланий Иннокентий, описав печальное положение Святой Земли и высказав свое негодование против государей и князей его времени, отдававших удовольствиям и междоусобным распрям, описывает, что думают и говорят о христианах мусульмане, которых папа называет в послании язычниками.

Из крупных западноевропейских государей ни один не отозвался та призыв Иннокентия III. Французский король Филипп II Август находился под церковным отлучением за свой развод с женой; английский король Иоанн Безземельный, только что вступивший; на престол, должен был прежде всего укрепиться на троне и вел упорную борьбу с баронами; наконец, вспыхнувшая в Германии, борьба за престол между Оттоном Брауншвейгским и Филиппом Швабским не позволяла ни одному из них покинуть страну. Лишь король венгерский принял крест. Зато лучший цвет западного рыцарства, особенно из северной Франции, принял участие в походе. Тибо (Теобальд) Шампанский, Балдуин Фландрский, Людовик Блуаский и многие другие приняли крест. В состав крестоносного ополчения вошли французы, фламандцы, англичане, немцы, сицилийцы.

Центральной же фигурой похода был венецианский дож Энрико Дандоло, типичный представитель Венеции по уму и характеру. Несмотря на то, что ему в момент вступления на престол было уже около восьмидесяти лет, а может быть и больше, он по кипучей энергии, по горячему патрио-

тизму и ясному пониманию насущных, главным образом экономических, задач Венеции походил на молодого человека. Когда дело шло о величии и пользе республики св. Марка, Дандоло не стеснялся средствами. Обладая искусством обходиться с людьми, замечательной выдержкой и осторожностью, он представлял собой пример замечательного государственного деятеля, искусного дипломата и, вместе с тем, ловкого коммерсанта.

В момент возникновения четвертого похода отношения между Венецией и Византией не отличались особенным дружелюбием. Легенда рассказывает, что Дандоло лет за тридцать перед тем, во время пребывания в Константинополе в качестве посла, был предательски ослеплен греками при помощи вогнутого зеркала, сильно отражавшего солнечные лучи; это и являлось будто бы причиной глубокой ненависти Дандоло к Византии. Конечно, не на этом факте основывалось взаимное недоверие и соперничество Венеции и Византии. Дандоло, прекрасно понимая, какой неисчислимый источник богатств представлял собой Восток вообще, христианский и мусульманский, для экономического процветания республики, обратил внимание прежде всего на ближайшего соперника, т.е. на Византию. Он требовал, чтобы все торговые привилегии, полученные раньше Венецией в Византии и несколько урезанные при последних Комнинах, начиная с Мануила, были восстановлены в полной мере. Дандоло имел в виду арест венецианских купцов, захват их судов и конфискацию их имуществ при Мануиле и избиение латинян в 1182 г. Кроме того, дож не мог примириться с тем, что после долгих лет венецианской торговой монополии в Восточной империи, ее императоры стали давать торговые привилегии другим итальянским юродам, Пизе и Генуе, чем сильно подрывали венецианское торговое благосостояние. Постепенно в уме Дандоло созрел план покорения Византийской империи, чтобы таким образом окончательно обеспечить Венеции восточный рынок. Подобно Иннокентию III, Дандоло грозил Алексею III поддержкой прав на престол семье низложенного и ослепленного брата Исаака Ангела.

В подготовительной истории четвертого Крестового похода ни первый план выступили два лица: папа Иннокентий III, представитель духовного начала в походе, искренно желавший вырвать святыне места из рук мусульман, увлеченный мыслью об унии с Восточной церковью, и дож Энрико Дандоло, представитель мирского начала, ставивший прежде материальные интересы. Немалое влияние на ход похода оказали еще два лица: византийский царевич Алексей, сын низложенного Исаака Ангела, бежавший из Константинополя на Запад, и германский государь Филипп Швабский, женатый на дочери того же Исаака Ангела и сестре царевича Алексея.

Главой крестоносного ополчения был избран Тибо Шампанский, который, пользуясь всеобщей любовью и уважением, был душой предприятия. Но, Тибо еще до начала похода неожиданно умер. Оставшиеся без вождя

крестоносцы избрали нового главу в лице Бонифация, маркиза Монферратского. Руководящая роль в походе вследствие этого перешла из рук Франции в руки итальянского князя.

Палестина в то время принадлежала египетской династии Айюбидов, в среде которых в конце XII века, после смерти Саладина, вспыхнули распри и раздоры, что, казалось, должно было облегчить задачу крестоносцев. К началу четвертого похода главной опорой латинских христиан на Востоке оставались два крупных промышленных центра, Антиохия и Триполи, и прибрежная крепость Акра.

Крестоносцы должны были собраться в Венеции, которая за определенную сумму предложила перевезти их на своих судах. Ближайшей целью похода был Египет, под властью которого находилась в то время Палестина; было намерение сначала завоевать Египет, чтобы потом уже с большей легкостью добиться у мусульман возвращения Палестины. Однако, Венеция не хотела приступить к перевозке крестоносцев до уплаты полностью условленной суммы за корабли. Так как у крестоносцев требуемой суммы не оказалось, то Дандоло предложил им в счет невыплаченных денег помочь ему завоевать город Зару (Задр), лежащий на далматинском побережье Адриатического моря, т.к. он незадолго перед тем отпал от Венеции и был передан венгерскому королю, также принявшему крест. Крестоносцы согласились на просьбу дожа и поплыли к Заре, городу, который; должен был участвовать в Крестовом походе. Таким образом, поход, предпринятый против «неверных», начинался осадой крестоносцами города, где жили такие же крестоносцы. Несмотря на негодование папы и на угрозы его отлучить крестоносное ополчение от церкви, крестоносцы приступом взяли Зару для Венеции и разгромили ее. Выставленные жителями города на стенах распятия не остановили нападающих. Дело под Зарой, нанесшее удар престижу крестоносцев, дало Дандоло право торжествовать свою первую в этом походе победу. Услышав о взятии Зары и выслушав жалобы венгерского короля на союзников, т.е. на крестоносцев и венецианцев, папа предал их отлучению. «Вместо того, чтобы достичь обетованной земли, — писал папа крестоносцам, — вы жаждали крови ваших братьев — Сатана, всемирный соблазнитель, вас обманул... Жители Зары повесили распятия на стенах. Не взирая на Распятого, вы произвели штурм и принудили город сдаться... Под страхом анафемы остановитесь в этом деле разрушения и возвратите послам венгерского короля все то, что было у них отнято. В противном случае знайте, что вы подпадаете отлучению и лишаетесь действительно преимуществ, обещанных всем крестоносцам».

На венецианцев угрозы папы и отлучение не произвели впечатления. Крестоносцы же — «франки», употребляли все средства, чтобы добиться снятия отлучения. Наконец, папа, смилостивившись, даровал им отпущение, оставив под отлучением венецианцев. Однако, он определенно не за-

претил прощенным крестоносцам сноситься с отлученными венецианцами. Их общие действия продолжались.

Во время осады и сдачи Зары выступает новое лицо — византийский царевич Алексей Ангел, сын низвергнутого и ослепленного Алексеем III брата Исаака. Царевич Алексей, спасшись из темницы, бежал на Запад с целью добиться помощи для возвращения трона своему несчастному отцу. После безрезультатного свидания в Риме с папой, царевич направился на север, в Германию, к своему зятю, германскому государю Филиппу Швабскому, женатому на Ирине, сестре Алексея и дочери Исаака. Ирина, по словам Никиты Акомината, просила мужа помочь брату, который «без крова и отечества странствует подобно звездам блуждающим и ничего не имеет с собой, кроме собственного тела». Ощутительной материальной поддержки Филипп, занятый борьбой внутри государства с Оттоном Брауншвейгским, оказать царевичу не мог; но он отправил посольство в Зару с просьбой к Венеции и крестоносцам помочь Исааку и его сыну Алексею. Царевич обещал за это подчинить Византию в религиозном отношении Риму, заплатить крестоносцам крупную сумму денег и, после восстановления его отца на престоле, принять лично участие в Крестовом походе.

Таким образом, поднимался вопрос о возможности полного изменения в направлении похода и его характера. Дожд Дандоло сразу оценил все выгоды для коммерческой Венеции в предложении Филиппа. Главная роль в походе на Константинополь и в восстановлении низложенного Исаака на византийском престоле открывала дожд обширные горизонты. Но крестоносцы не сразу согласились на предлагаемое изменение и требовали, чтобы поход не уклонялся от своей первоначальной дели. Однако, в конце концов обе стороны пришли к соглашению.

Большая часть крестоносцев решила принять участие в походе на Константинополь с тем, чтобы после короткого там пребывания направиться в Египет. В Заре был заключен между Венецией и крестоносцами договор о завоевании Константинополя. Сам царевич Алексей в это время явился в лагерь под Зарой. В мае 1203 года флот с Дандоло, Бонифацием Монферратским и царевичем Алексеем отплыл от Зары и через месяц появился уже перед Константинополем.

Новгородская летопись, в которой сохранился подробный рассказ о четвертом Крестовом походе, упоминает о взятии крестоносцами Константинополя и об основании Латинской империи. Русская летопись заклемила отклонение крестоносцев от первоначальной цели. «Поход был решен совместно папой и Филиппом Швабским, о чем не говорит ни один западноевропейский источник».

В результате, в сложной истории четвертого Крестового похода действовали разнообразные силы, исходящие от папы, Венеции и германского государя на Западе и из внешних и внутренних условий Византии на Востоке. Все эти силы, переплетаясь между собой и, влияя друг на друга, создали сложное явление.

Ясно, что среди всех планов, надежд и осложнений над всем преобладала твердая воля Дандоло и его непоколебимая решительность развивать торговую деятельность Венеции, для которой обладание восточными рынками обещало неограниченное богатство и блестящее будущее. Кроме того, Дандоло был обеспокоен возрастанием экономического могущества Генуи, которая в это время на Ближнем Востоке, и в Константинополе, начинала завоевывать сильные позиции. Также нужно принимать во внимание экономическое соперничество между Венецией и Генуей, когда обсуждается проблема четвертого Крестового похода. Наконец, невыплаченный Византией долг Венеции за венецианскую собственность, захваченную Мануилом Комнином, также может иметь отношение к изменению направления четвертого Крестового похода.

В конце июня 1203 года крестоносный флот появился у Константинополя, по словам историка Никиты Акомината, «представлял собой в совершенстве знаменитый изнеженностью Сибарис». Участник похода, французский писатель Виллардуэн в таких выражениях описывает глубокое впечатление, произведенное на крестоносцев видом византийской столицы: «Так вот, вы можете узнать, что они долго разглядывали Константинополь, те, кто его никогда не видел, ибо они не могли и представить себе, что на свете может существовать такой богатый город, когда увидели эти высокие стены, и эти могучие башни, которыми он весь кругом был огражден, и эти богатые дворцы, и эти высокие церкви, которых там было столько, что никто не мог бы поверить, если бы не видел собственными глазами и длину и ширину города, который превосходил все другие города. И знайте, что не было такого храбреца, который не содрогнулся бы, да это и вовсе не было удивительно; ибо с тех пор, как сотворен мир, никогда столь великое дело не предпринималось таким числом людей».

Казалось, что укрепленная столица могла с успехом противостоять не особенно многочисленным крестоносцам. Однако, последние, высадившись на европейском берегу и овладев предместьем., Галатой, на левом берегу Золотого Рога, перерезали защищавшую вход в него железную цепь, проникли в гавань и сожгли много византийских судов. В это же время рыцари пошли на приступ самого города. Несмотря на отчаянное сопротивление, особенно со стороны наемных варяжских отрядов, крестоносцы в июле овладели городом. Безвольный и вялый Алексей III бежал из столицы, успев захватить с собой государственную казну и драгоценности. На престоле восстановлен был освобожденный из заключения Исаак II, а его

соправителем был объявлен сын его царевич Алексей, приехавший с крестоносцами (Алексей IV). Это была первая осада и первое взятие крестоносцами Константинополя для восстановления Исаака II на престоле.

Крестоносцы, восстановив Исаака на престоле, требовали от его сына исполнения данных им обещаний, т.е. уплаты крупной суммы денег и отправления в крестовый поход, на чем уже настаивали западные рыцари. Алексей IV, уговорив крестоносцев не оставаться в Константинополе, а расположиться в его предместье, и не имея возможности уплатить всю сумму, умолял их дать ему отсрочку. Это повело к обострению отношений между латинянами и византийцами. В самом городе росло недовольствие населения против политики императоров, приносивших интересы государства в жертву крестоносцам. В столице вспыхнуло восстание, в результате которого императором был провозглашен в начале 1204 года честолюбивый Алексей Дука Мурзуфл, свергнувший Исаака II и Алексея IV. Первый вскоре умер в темнице, а Алексей IV был, по приказанию Мурзуфла, задушен.

Мурзуфл, известный под именем императора Алексея V, явился ставленником столичной партии, враждебно настроенной к крестоносцам. Последние не имели к нему никакого отношения, а со смертью Исаака и Алексея IV считали себя по отношению к Византии свободными от всяких обязательств. Столкновение между греками и крестоносцами становилось неизбежным. Крестоносцы приступили к обсуждению плана овладения Константинополем, на этот раз уже для себя. В марте 1204 года был выработан и заключен договор между Венецией и рыцарями о разделе Византийской империи после ее завоевания. Главные пункты договора были следующие: во взятом городе будет латинское правительство; вся захваченная добыча должна быть разделена союзниками между собой согласно условию; затем образованный из шести венецианцев и шести французов совет изберет императором того, кто, по их мнению, лучше может управлять страной «во славу Бога и святой Римской церкви и империи»; императору должна принадлежать одна четверть завоеваний в столице и вне ее, а также два столичных дворца; остальные три четверти завоеваний должны быть разделены пополам между Венецией и рыцарями; распоряжение храмом Св. Софии и избрание патриарха будет предоставлено той стороне, из которой не будет избран император; все рыцари, получившие крупные владения и более мелкие надель, должны принести императору феодальную присягу; один лишь дож Дандоло будет освобожден от какой-либо присяги императору.

Крестоносцы приступили к штурму города с суши и с моря. В течение нескольких дней столица упорно защищалась. Наконец, настал роковой для Византийской империи день — 13 апреля 1204 года, когда крестоносцам удалось овладеть Константинополем. Император Алексей V Дука Мурзуфл,

боясь быть захваченным, бежал. Константинополь перешел в руки крестоносцев. Столица Византийской империи «пала, будучи осажденной криминальной флибустьерской экспедицией, каковым являлся четвертый Крестовый поход».

По взятии города латиняне произвели в течение трех дней невероятный разгром и расхищение всего того, что веками собиралось в Константинополе. Ни церкви, ни церковные святыни, ни памятники искусства, ни частная собственность не были пощажены. В грабеже участвовали как западные рыцари и их солдаты, так и латинские монахи и аббаты.

В эти три дня погибло огромное количество произведений искусства; были разорены библиотеки; уничтожались рукописи. Св. София была безжалостно разграблена. Современник событий Ж. Виллардуэн заметил: «Со времени сотворения мира никогда не было в одном городе захвачено столько добычи». Новгородская летопись останавливается особенно на описании ограбления церквей и, монастырей. Упоминание о разгроме 1204 года нашло свое место и в русских хронографах.

Награбленная добыча была собрана и поделена между латинянами, светскими и духовными. После этого похода вся Западная Европа обогатилась вывезенными константинопольскими сокровищами; редкая западноевропейская церковь не получила чего-либо из освященных останков Константинополя. Большая часть этих реликвий, оказавшаяся в монастырях Франции, погибла во время Французской революции. Четыре бронзовых коня античной работы, служивших одним из лучших украшений константинопольского ипподрома, были увезены дожем Дандоло в Венецию, где они украшают портал собора св. Марка.

Победителям предстояла трудная задача организовать завоеванные земли. Решено было установить, как было и раньше, империю. Возникал вопрос о том, кто будет императором. Наиболее вероятной казалась кандидатура Бонифация Монферратского, стоявшего во главе Крестового похода. Но против его кандидатуры высказался Дандоло, считавший Бонифация слишком могущественным и, по его итальянским владениям, слишком близким к Венеции лицом. Сам Дандоло, как дож Венеции, т.е. республики, не претендовал на императорскую корону. Тогда собравшийся совет остановил свой выбор, не без влияния со стороны Дандоло, на более далеком от Венеции и менее могущественном Балдуине Фландрском, который был избран императором и торжественно коронован в Св. Софии.

В момент восшествия на престол Балдуина были живы еще три греческих императора: Алексей III Ангел, Алексей V Дука Мурзуфл и Феодор

Ласкарь. Со сторонниками первых двух императоров Балдуину удалось справиться.

После избрания императора поднимался другой сложный вопрос о дележе завоеванных земель между участниками похода. «Деление Романии», было произведено на основах выработанных в марте 1204 года условий. Константинополь был поделен между Балдуином и Дандоло, причем 5/8 города получил император, а остальные 3/8 его и Св. Софию получила Венеция. Кроме 5/8 столицы Балдуин получил южную Фракию и небольшую часть северо-западной Малой Азии, прилегающую к Босфору, Мраморному морю и Геллеспонту, с некоторыми островами в Эгейском море (Лесбос, Хиос, Самос и др.). Оба берега Босфора и Геллеспонта входили в состав владений Балдуина. Бонифаций Монферратский получил вместо предназначенных владений в Малой Азии Фессалонику с окружающей областью и частью Фессалии и основал Фессалоникийское королевство, находившееся в ленной зависимости от Балдуина.

Исключительные выгоды извлекла из дележа «Романии» Венеция, получившая некоторые пункты на Адриатическом побережье (Диррахий, Ионийские острова, большую часть островов Эгейского моря, некоторые пункты в Пелопоннесе, остров Крит, некоторые гавани во Фракии с Галлиполи на Геллеспонте и ряд пунктов внутри Фракии). Дандоло получил византийский титул «деспота», был освобожден от вассальской присяги Балдуину и назывался «властителем четверти с половиной всей империи Романии», т.е. трех восьмых ее; этот титул оставался за дожами до середины XIV века. Согласно договору, храм Св. Софии был отдан в руки венецианского духовенства, и Константинопольским патриархом, т. е. патриархом латинским, был избран венецианец Фома Морозини.

Венеция заняла в новой Латинской империи, весьма слабой по сравнению с могущественной республикой, господствующее положение. В руки республики св. Марка перешла лучшая часть византийских владений: лучшие гавани, наиболее важные стратегические пункты, ряд плодоносных местностей; весь морской путь из Венеции в Константинополь был во власти республики. Четвертый Крестовый поход, создавший «колониальную империю» Венеции на Востоке, дал ей неисчислимые торговые выгоды и возвел республику на высшую ступень ее политического и экономического могущества. Это была полная победа тонкой, продуманной и эгоистически патриотичной политики дожа Дандоло.

Латинская империя была основана на феодальных началах. Завоеванная территория была разделена императором на большое число более или менее крупных феодалов, владельцы которых, западные рыцари, должны были приносить ленную присягу Константинопольскому императору.

Бонифаций Монферратский, король Фессалоникийский, двинулся через Фессалию походом на юг в Грецию и завоевал Афины. Афины в средние века были захлопнутым, провинциальным городом, где на Акрополе, в древнем Парфеноне, находился православный собор в честь девы Марии. Во время латинского завоевания в начале XIII века афинским архиепископом был уже около 30 лет знаменитый Михаил Акоминат, брат историка Никиты Акомината, оставивший нам богатое литературное наследие в виде речей, стихов, писем, дающих богатый материал для внутренней истории империи во времена Комнинов и Ангелов и о состоянии Аттики и Афин в средние века; эти провинции в произведениях Михаила изображаются в очень мрачном свете, с варварским населением, может быть, славянским, и с варварской речью около Афин, опустением Аттики и с бедностью ее населения. «Живя долго в Афинах, я сделался варваром», — писал он и сравнивал иногда город Перикла с Тартаром. Михаил, видя невозможность сопротивляться войскам Бонифация, удалился из своей митрополии и остальное время жизни провел в уединении на одном из островов около берегов Аттики. Латиняне завоевали Афины, которые вместе с Фивами были переданы Бонифацием на ленных условиях Бургундскому рыцарю Отто де ля Рош (Otto de la Roche), получившему титул герцога Афин и Фив (*dux Athenarum atque Thebarum*). Собор на Акрополе перешел и руки латинского духовенства.

В это время в Южной Греции, т.е. в древнем Пелопоннесе образовалось княжество Ахайское (Морейское), обязанное своим устройством французам.

Жоффруа Виллардуэн, услышав у берегов Сирии о взятии Константинополя крестоносцами, поспешил туда; но, будучи отнесен ветром к южным берегам Пелопоннеса, высадился там и покорил часть страны. Но чувствуя, что собственными силами ему не удержаться, он обратился за помощью к фессалоникийскому королю Бонифацию, находившемуся в Аттике. Он даровал право завоевания Морей одному из своих рыцарей, французцу Гийому Шамплитту, из рода шампанских графов, который вместе с Виллардуэном в два года подчинил всю страну. В начале XIII века византийский Пелопоннес превратился во французское княжество Ахайское, с князем Гийомом во главе, разделенное на двенадцать бароний и получившее западноевропейское феодальное устройство. После Гийома княжеская власть перешла на некоторое время к фамилии Виллардуэнов. Двор Ахайского князя отличался великолепием.

Пелопоннесские феодалы строили укрепленные замки с башнями и стенами по западноевропейскому образцу, из которых наиболее известна Мистра, на уступах Тайгета, в древней Лаконии, недалеко от античной Спарты. Это величественное средневековое феодальное сооружение, сделавшееся со второй половины XIII века столицей греко-византийских дес-

потов в Пелопоннесе, хранит в своих церквах в неприкосновенности драгоценные фрески XIV—XV веков, имеющие важное значение для истории византийского искусства эпохи Палеологов. На Западной оконечности полуострова был сильный укрепленный замок Клермон, или Хлумутци, сохранившийся до двадцатых годов XIX века, когда он был разрушен турками. Было немало и других замков.

В Пелопоннесе франки не смогли прочно укрепиться лишь на среднем из его южных полуостровов, где, несмотря на два построенных ими укрепленных замка, жившие в горах славяне (племя мелингов) оказывали упорное сопротивление и почти никогда не находились в полном подчинении у западных рыцарей.

На юге Пелопоннеса Венеция владела двумя важными портами, Модон и Корон, которые представляли собой станции для венецианских судов на их пути на Восток и являлись прекрасными наблюдательными пунктами над морской торговлей Леванта.

О времени латинского владычества в Пелопоннесе, помимо других источников, сообщает много интереснейшего материала так называемая Морейская хроника (XIV века), дошедшая до нас в различных версиях: греческой (стихотворной), французской, итальянской и испанской. По точности изложения фактического материала Морейская хроника и не может быть поставлена на одно из первых мест среди других источников, но для ознакомления с внутренним укладом жизни в эпоху франкского владычества в Пелопоннесе, с феодальными отношениями в стране, с учреждениями, с общественной и частной жизнью и, наконец, с географией Морей в ту эпоху этот источник дает массу драгоценного материала.

Взятие крестоносцами Константинополя и образование Латинской империи поставило папу в трудное положение. Будучи против изменения пути крестового похода и предав отлучению рыцарей и венецианцев после захвата Зары, Иннокентий III после падения столицы Византийской империи стоял лицом к лицу с совершившимся фактом.

В своем ответе на письмо императора Балдуина, который, называя себя «Божьей милостью Константинопольским императором и присно Августом», а также «папским вассалом», сообщил папе о взятии византийской столицы и о своем избрании, Иннокентий III, совершенно забыв о своем прежнем отношении к этому вопросу, с радуется в Господе» содеянному чуду «для хвалы и славы Его имени, для чести и пользы апостольского престола и для выгоды и возвеличения христианского народа». Папа призывает все духовенство, всех государей и народы защищать дело Балдуина и выражает надежду, что со взятием Константинопольской империи станет легче отвоевание Святой Земли из рук неверных; в конце письма папа

убеждает Балдуина быть верным и покорным сыном католической церкви. В другом письме папа пишет: «конечно, хотя нам приятно, что Константинополь вернулся к повиновению своей матери, святой Римской церкви, однако, нам было бы приятнее, если бы Иерусалим был возвращен под власть христианского народа».

Но настроение папы изменилось, когда он подробнее ознакомился с ужасами разгрома Константинополя и с содержанием договора о дележе империи. Договор носил чисто светский характер с ясной тенденцией ограничить вмешательство церкви. Балдуин не просил у папы об утверждении своего вышеприведенного императорского титула; Балдуин и Дандоло самостоятельно решили вопрос о Св. Софии, о выборе патриарха, о духовных имуществах и т. д. Во время же разграбления Константинополя подверглись поруганию и осквернению церкви, монастыри и целый ряд высокопочитаемых святынь. Все это вызвало в душе папы тревогу и недовольство крестоносцами.

Таким образом. Латинская империя на Востоке, как построенная на феодальном основании, не представляла собой крупной политической силы, а в церковной жизни не могла сразу наладить отношений с римским престолом.

Однако, цель западных рыцарей и купцов не была вполне достигнута, так как не все византийские земли вошли в состав новых латинских владений на Востоке. После 1204 года остались три независимых греческих государства. Никейская империя с династией Ласкарей, в западной части Малой Азии, лежащая между малоазиатскими владениями латинян и землями Иконийского или Румского султаната и владевшая частью побережья Эгейского моря, была самым крупным самостоятельным греческим центром и самым опасным соперником Латинской империи. В западной части Балканского полуострова, в Эпире, образовался Эпирский деспотат под управлением династии Комнинов - Ангелов. Наконец, на юго-восточном побережье Черного моря в 1204 году образовалась Трапезундская империя с династией «Великих Комнинов».

Если латиняне не достигли на Востоке политического единства, то они одинаково не достигли и единства религиозного, так как эти три греческих государства остались верными заветам греко-восточной церкви, т. е. с точки зрения папы, были схизматическими; особенно неприятна для папского престола была Никея, где греческий епископ, нисколько не считаясь с пребыванием латинского патриарха в Константинополе, назывался Константинопольским патриархом. Кроме того, и греки Латинской империи, несмотря на политическое подчинение латинянам, не принимали католичества.

Результаты четвертого Крестового похода имели роковое значение как для Византийского государства, так и для будущего крестовых походов. В политическом отношении Восточная империя, как единое целое, перестала существовать, уступив место целому ряду западноевропейских феодальных государств, и никогда уже, даже и после восстановления империи при Палеологах, не могла вернуть себе прежнего блеска и влияния.

Сам четвертый ясно показал полное обмирщение идеи движения и раздвоил прежде единое течение, увлекавшее на Восток западные народы, которые с 1204 года должны были направлять свои силы не только в Палестину или Египет, а в больших размерах в свои новые владения на территории Восточной империи для поддержания там своей власти. Это обстоятельство должно было повести к замедлению борьбы с мусульманскими властителями святых мест.

Лекция 52.

План:

Внутреннее управление.

а. Финансовые и социальные обстоятельства.

б. Оборона и торговля.

Внутренняя ситуация в Византийской империи и административная система в течение XII века менялись мало. В то время как история Византийской церкви при Комнинах и Ангелах более или менее полно изучена, совершенно иная ситуация наблюдается в вопросах внутренней социальной и экономической жизни. Если вообще внутренняя история Византии разработана мало и неудовлетворительно, то это особенно дает себя знать начиная с эпохи Комнинов.

Являясь представителем крупной землевладельческой аристократии, Алексей Комнин сделался императором государства, денежное хозяйство которого было расстроено как многочисленными военными предприятиями, так и внутренними смутами предшествовавшего времени. Имея в распоряжении плохие финансы, Алексей должен был, особенно в начале своего правления, вознаграждать своих сторонников, которые помогли ему утвердиться на престоле, и одарять богатыми пожалованиями членов своей фамилии. Затем, напряженные войны с турками, печенегами, норманнами и события, связанные с первым Крестовым походом, также требовали гро-

мадных расходов. Средством для пополнения казны послужили ему земельные владения крупных собственников и монастырей.

Алексей не стеснялся конфисковывать владения крупных собственников; даже в случае политических заговоров обычная за это смертная казнь заменялась конфискацией земли. Подобной же участи подвергались монастырские владения, которые в виде пожалования (по-гречески харистикии) отдавались в пожизненное владение какому-нибудь лицу, которое называлось после этого харистикарием.

Харистикарная система не является изобретением Комнинов, которые только чаще других, ввиду финансовых затруднений, стали к ней прибегать. Эту систему можно поставить в связи с секуляризацией монастырских земель при императорах-иконоборцах и с явлениями социальной жизни еще более раннего времени. В X и XI веках харистикарный способ уже, применялся часто. Монастыри жаловались лицам духовным и светским, даже женщинам; причем случалось, что мужские монастыри отдавались женщинам, а женские — мужчинам. Харистикарий должен был защищать интересы пожалованного ему монастыря, ограждать его от произвола губернатора и сборщиков податей, от незаконных поборов и умело вести монастырское хозяйство, обращая в свою пользу остающиеся от этого доходы. В действительности дело обстояло не так, и монастырские пожалования являлись для харистикария источником лишь доходов и наживы, вследствие чего монастырское хозяйство приходило в упадок. Во всяком случае, харистикии были весьма выгодной статьей для получателей, почему византийские савонники их усердно добивались. Распоряжение Алексея о перечеканке на деньги некоторых церковных сосудов было этим же императором и отменено.

Но конфискаций земель оказывалось недостаточно для поправления финансов. Алексей Комнин прибегнул к порче монеты, т. е. к выпуску низкопробной монеты, за что источники особенно сильно упрекают Алексея. Последняя его мера сводилась к тому, что он, наряду с прежними полновесными золотыми монетами — номисмами (примерная стоимость номисмы (солида или иперпира) была около двух долларов, а миллиарисия — от пятидесяти до восьмидесяти центом), которые также назывались иперпирами или солидами (по-русски златницы), пустил в оборот какой-то сплав из меди и золота или серебра и золота, который носил имя номисмы и должен был ходить наравне с последней. Новая номисма по сравнению с прежней, состоявшей из 12 серебряных монет, так называемых миллиарисиев, равнялась по ценности всего четырем миллиарисиям, т.е. была в три раза дешевле. Причем, подати Алексей желал получать хорошей, полноценной монетой. Подобные меры еще более ухудшали государственные финансы и озлобляли население.

Тяжелые внешние обстоятельства и почти полное, несмотря на принимаемые меры, финансовое разорение страны заставляли правительство с крайней суровостью собирать налоги; а так как многие крупные земельные владения, как светские, так и церковные, были освобождены от платежа налогов, то вся тяжесть обложения падала на простой народ, совершенно изнемогавший под непосильным бременем фискальных взысканий. Сборщики податей были, по выражению архиепископа Феофилакта, «скорее разбойники, чем сборщики, презирающие как божеские законы, так и императорские веления, свирепствовали среди населения».

Благоразумное правление Иоанна (или Калояна) Комнина несколько поправило государственные финансы, несмотря на почти не прекращавшиеся войны. Но следующее правление Мануила снова поставило страну на край финансового банкротства. В то время количество населения в империи, а следовательно и платежные силы страны, уменьшились. Некоторые области Малой Азии были покинуты ввиду мусульманских нашествий; часть населения была уведена в плен, другая часть спасалась бегством в прибрежные города; оставленные территории не могли платить налогов. Аналогичное явление можно заметить и на Балканском полуострове благодаря нападениям венгров, сербов и задунайских народностей.

Между тем расходы росли. Помимо трат на военные предприятия Мануил расточал громадные суммы множеству иностранцев, прибывших в Византию, требовал денег на постройки, на поддержание безумной роскоши при дворе и на содержание своих фавориток и фаворитов.

Подобно Алексею Комнину, Мануил улучшал свои финансы путем конфискаций светских и церковных имений и восстановил знаменитую новеллу Никифора Фоки 964 года о церковном и монастырском землевладении. Развитие торговых отношений с западными государствами, особенно с итальянскими городами, должно было, казалось, дать империи новый источник доходов в виде таможенных пошлин, хотя Венеция, самая торговая итальянская республика, по-видимому, была освобождена от всяких пошлин. Но, с другой стороны, установившиеся в эпоху Крестовых походов прямые торговые сношения итальянских городов с мусульманским Востоком, идя помимо Византии, лишали последнюю крупных выгод, которые она имела раньше, благодаря своему положению посредницы в торговле между Западом и Востоком.

Лишь во время последнего Комнина, Андроника I, кратковременное правление которого является реакцией против правления Мануила, так как Андроник выступил под знаменем защитника национальных туземных интересов и мелкого люда против латинофильства Мануила и крупных собственников, положение податных классов улучшилось. Крупные землевладельцы и сборщики податей притихли; областные правители стали полу-

чать от казны крупное содержание; продажа общественных должностей прекратилась.

В то время, как византийские источники рисуют грустную картину внутренней жизни страны при Мануиле, не имевшей возможности оправиться в кратковременное правление Андроника, хотя последний и прилагал ряд мер для внутреннего устройства государства, еврейский путешественник Вениамин Тудельский (из испанского города Туделя), посетивший Византию в семидесятих годах XII века, т.е. при Мануиле, оставил в описании своего путешествия любопытные строки о внутренней жизни страны, явившиеся результатом его личного наблюдения и устных сообщений. Вениамин писал: «Все греческое царство должно платить государству ежегодную подать, но города настолько полны золота, пурпура и щелка, что таких строений с соответствующим богатством нельзя больше увидеть нигде. Утверждают, что налоги одной столицы приносят ежедневно 20 000 золотых, — сумму, в состав которой входят поступления за торговые помещения, таможенные доходы и т. д. Греки, настоящие обитатели страны, очень богаты золотом и драгоценными камнями; они одеваются в шелк, отделанный золотом, ездят верхом, подобно сыновьям князей. Страна очень обширна, богата плодами; но и хлеб, мясо и вино имеются там в таком изобилии, что никакая, другая страна не может похвалиться подобным богатством. Жители сведущи в греческой литературе; одним словом, они живут счастливо, каждый под своим виноградником и фиговым деревом».

В другом месте тот же автор пишет; «Все категории торговцев приезжают сюда из земли Вавилонской, из земли Шинар (Месопотамия), из Персии, из Мидии, из всех земель, подвластных Египту, из империи Руси, из Венгрии, из Печенегии, из Хазарии, из земли Ломбардии и из Сефарада (Испания) . Это деловой город, и торговцы прибывают туда из всех стран по суше и по морю, и нет другого подобного города, за исключением Багдада, большого города ислама».

Трудно сказать точно, сколь велико было население столицы в это время. Однако возможно, правда, в качестве предположения, что в конце XII века оно насчитывало от 800 000 до 1 000 000 человек.

В связи с увеличением крупных земельных владений при Комнинах и Ангелах, можно было наблюдать усиление силы и могущества крупных земельных собственников, становящихся все менее зависимыми от центрального правительства: процесс феодализации быстро распространялся в империи.

Ко времени Мануила Комнина относится весьма интересный хрисовул, запрещавший передачу, исключая должностных лиц сенаторского или военного ранга, земельной собственности, предоставленной императором.

Если же передача, тем не менее, происходила, вопреки этому правилу, недвижимая собственность возвращалась в казну. Этот эдикт Мануила, запретивший низшим классам думать о приобретении земельных дарений императора, дал аристократии огромные территории. Этот хрисовул был отменен в декабре 1182 г. Алексеем II Комнином. Эдикт был подписан им; однако же он был принят под давлением всемогущего регента Андроника. С 1182 г. императорские дарения недвижимой собственности могли передаваться кому бы то ни было, безотносительно к его социальному положению.

Хрисовул 1182 г. нужно интерпретировать в связи с новой политикой Андроника по отношению к византийской аристократии и крупным земельным собственникам, против которых он начал ожесточенную борьбу. Алексей II Комнин, подписавший закон, был просто устами желания Андроника. Поэтому-то представляется сомнительным мнение некоторых ученых, которые полагают, что запрет Мануила был обращен против франков и имел целью запретить приобретения этим иностранным торговцам и что, соответственно, отмена эдикта была франкофильским актом, полностью соответствующим политике Алексея II Комнина.

Правительство Алексея II, который был ребенком, и его матери, старалось опереться на ненавидимые обществом латинские элементы, однако после того, как Андроник вошел в столицу и был провозглашен регентом, положение изменилось. Правительство попало в его руки, и с конца 1182 г. его политика была открыто враждебна латинянам.

Ввиду почти постоянных военных действий войско в эпоху Комнинов стоило правительству громадных средств, но Комнины заботились об укреплении своей армии. В ее состав входили, помимо туземного элемента, поставляемого федами, многочисленные наемные отряды самых разнообразных национальностей. Во время Комнинов отмечается новый национальный элемент в войске; элемент англосаксонский.

Причиной появления англосаксов в Византии было завоевание Англии норманнами при Вильгельме Завоевателе в 1066 году, когда разразившаяся в этом году катастрофа над Англией после сражения при Гастингсе или Сенлаке отдала страну в руки сурового завоевателя и создала новые условия жизни. Попытки восстаний со стороны англосаксов против нового правителя были жестоко подавлены казнями и потушены в потоках крови. В таких обстоятельствах многие отчаявшиеся англосаксы стали покидать свою родину. Во всяком случае, в восьмидесятых годах XI века, т.е. в начале правления Алексея Комнина, встречаются уже несомненные признаки и, указания на англосаксонскую эмиграцию в греческую империю. Это было началом варяго-английской дружины, которая в истории Византии XII века играла крупную роль, подобно тому, как в X и XI веках играла такую же роль

варяго-русская дружина. Никогда, по-видимому, не было такого количества наемного иноземного войска в Византии, как во время латинофильского правления Мануила.

Что касается флота, то морские силы, хорошо организованные Алексеем, по-видимому, постепенно теряли свою боеспособность. чтобы во время Мануила прийти в упадок. Никита Акоминат в своей истории сурово порицает Мануила за разрушение морской мощи империи. В этом отношении при Комнинах помогли Византии вступившие с ней в союз венецианские корабли, за счет, конечно, экономической независимости Византии.

Мануил восстановил и укрепил известное количество населенных пунктов, находившихся в состоянии упадка. Он укрепил важный, занимающий выгодное стратегическое положение город Атталия (Саталия) на южном берегу Малой Азии. По его приказу были проведены также фортификационные работы и возведен мост в Абидосе, при входе в Геллеспонт, где находилась одна из самых важных византийских таможен и где, начиная со времени Комнинов, венецианцы и их соперники — генуэзцы и пизанцы — имели свои представительства.

Вопрос о провинциальном (фемном) управлении при Комнинах не разработан. Известно, что в XI веке число фем доходило до 38. В связи с уменьшением территории империи в XI и XII веках, границы провинций и их число не могли остаться прежними. Материал для суждения по данному вопросу может быть почерпнут из новеллы Алексея III Ангела от ноября 1198 г., где говорится о торговых привилегиях, дарованных императором Венеции и где перечисляются «поименно все области, находящиеся под властью Романии, в которых (венецианцы) должны торговать». Список, имеющийся в этой новелле и являющийся еще недостаточно изученным источником, дает приблизительное представление об изменениях, которые произошли в провинциальном устройстве империи в XII веке.

Большая часть прежних фем управлялась военными должностными лицами, или стратигами. Позднее, особенно после битвы при Манцикерте в 1071 г., и затем в течение XII века, по мере возрастания турецкой опасности в Малой Азии и отделения Болгарии в 1186 г., территория империи значительно уменьшилась. Ввиду уменьшения территории, весьма важный и почетный титул стратига, присваиваемый главному должностному лицу фемы, к концу XI века вышел из употребления. При Комнинах титул «стратиг» исчез полностью, так как стал соответствовать гораздо меньшему, чем раньше, размеру провинций. Постепенно он был заменен «дуксом» — титулом, который носили в IX веке и ранее наместники некоторых небольших провинций.

В торговой ситуации империи при Комнинах и Ангелах произошло весьма важное изменение: в результате Крестовых походов Запад и Восток начали устанавливать прямые торговые связи между собой и Византия потеряла роль коммерческого агента между ними. Это был тяжелый удар по экономическому могуществу империи. С другой стороны, и в столице, и в некоторых других городах Венеция уже обеспечила себе с начала царствования Алексея Комнина господствующее положение. При том же императоре пизанцы получили важные торговые привилегии в Константинополе. Они получили место для причала и специальный квартал с лавками и частными домами. Специальные места были зарезервированы для пизанцев во время богослужений в Св. Софии и на ипподроме на время общественных спектаклей. К концу правления Иоанна Комнина генуэзцы начали первые переговоры с Византией и совершенно очевидно, что основным пунктом этих переговоров были торговые дела. Политика Мануила была тесно связана с торговыми интересами Венеции, Пизы и Генуи, которые, уменьшая экономическое могущество империи, находились в постоянной торговой конкуренции между собой. В 1169 году Генуя получила исключительно выгодные торговые привилегии по всей империи, за исключением двух мест на северных берегах Черного и Азовского морей.

После страшного истребления латинян в 1182 г. их положение при Ангелах стало снова более благоприятным и, наконец, в 1198 г. Алексей III с неохотой гарантировал Венеции «хрисовул», повторяющий и подтверждающий предыдущую буллу Исаака Ангела относительно оборонительного союза с Венецией. Документ обновлял торговые привилегии и добавлял некоторое количество новых позиций. Границы венецианского квартала остались без изменений.

Не только в столице, но также и во многих провинциальных городах и островах империи, венецианцы, пизанцы и генуэзцы полностью использовали преимущества своих традиционных привилегий и имели свои собственные кварталы. Фессалоника (Салоники) была после Константинополя самым важным экономическим центром империи. Там каждый год в конце октября, по случаю праздника св. Димитрия, покровителя города, организовывалась знаменитая ярмарка. В те дни греки и славяне, итальянцы, испанцы (иберийцы) и португальцы (лузитане), «кельты из-за гор» (французы) и люди, которые приезжали с дальних берегов Атлантики, собирались в Фессалонике и вели свои торговые дела. Фивы, Коринф и Патры в Греции были знамениты своими шелками. Адрианополь и Филиппополь на Балканском полуострове также были важными торговыми центрами. В коммерческой деятельности этого времени принимали участие также острова Эгейского моря.

По мере приближения фатального 1204 года, экономическая значимость империи оказывалась все более подорванной благодаря торговой

удаче и инициативе итальянских республик: Венеции, Генуи и Пизы. Венеция здесь занимала первое место. Монархия теряла свое могущество и богатство в пользу аристократии, точно так же, как она была вынуждена потерять свои другие многочисленные права в пользу коммерческого, космополитического класса, больших городов империи.

Лекция 53.

План:

1. Просвещение, наука, литература и искусство.

Время Македонской династии отличалось напряженной культурной работой в области науки, литературы и просвещения. Деятельность таких лиц, как Фотий в IX веке, Константин Багрянородный в X веке и Михаил Пселл в XI веке с окружавшей их культурной элитой, и оживление в жизни преобразованной в том же XI веке константинопольской высшей школы создали такую обстановку, в которой происходило культурное возрождение эпохи Комнинов и Ангелов. Увлечение античной литературой является отличительной чертой того времени. Гесиод, Гомер, Платон, историки Фукидид и Полибий, ораторы Исократ и Демосфен, греческие трагики и Аристофан и другие видные представители разнообразных областей античной литературы служили предметом изучения и подражания для писателей XII и начала XIII веков. Особенно это подражание было заметно в языке, который в чрезмерной погоне за чистотой древней аттической речи сделался искусственным, напыщенным, временами тяжелым для чтения и нелегким для понимания, оторванным от живой разговорной речи. Но некоторые из писателей, искушенные в красотах классической речи, тем не менее не пренебрегали иногда также пользоваться и народной, разговорной речью их времени и оставили нам любопытные памятники живого языка XII века. Писатели эпохи Комнинов и Ангелов понимают превосходство византийской культуры перед народами Запада.

Данная эпоха в области литературы имеет целый ряд интересных и выдающихся представителей как в духовной, так и в светской среде. Культурная струя проникла также в семью самих Комнинов, из которой многие представители, подчиняясь влиянию создавшейся обстановки, уделяли время на занятие наукой и литературой. Мать Алексея I Комнина, высокообразованная и умная Анна Далассина, о которой ее ученая внучка Анна Комнина пишет, что «ее достоинства могли сделать честь не только женщинам, но и мужчинам, и сама она была украшением человеческой природы», часто приходила даже к обеденному столу с книгой в руках, не переставая толковать догматические вопросы святоотеческих писателей и особенно философа и мученика Максима. Сам император Алексей Комнин писал богословские рассуждения против еретиков. В 1913 году были изданы

написанные ямбическим размером две «Музы» Алексея Комнина, посвященные его сыну и наследнику Иоанну в качестве написанного незадолго до смерти «увещевания». «Музы» Алексея, представляя собою род политического завещания, касаются не только отвлеченных вопросов морали, но и целого ряда современных исторических событий, например, первого Крестового похода.

Дочь Алексея Анна и ее супруг Никифор Вриенний занимают почетное место на страницах византийской историографии. Переживший Алексея и игравший важную роль в государственных делах при нем и при его сыне Иоанне, супруг Анны Никифор Вриенний задался целью написать историю Алексея Комнина. Смерть помешала Никифору выполнить его план, и он успел составить род семейной хроники или мемуаров, имеющих целью показать причины возвышения дома Комнинов и не доведенных даже до вступления Алексея на престол. Рассказ Вриенния охватывает события с 1070 по 1079 год, т. е. до начала правления Никифора III Вотаниата, и обращает внимание на деятельность членов дома Комнинов. Язык Вриенния довольно прост. Из древних образцов у него можно довольно ясно отметить влияние Ксенофонта. Сочинение Вриенния имеет важное значение как для придворной внутренней истории, так и для вопроса внешней истории, а именно — об усилении турецкой опасности для Византии.

Талантливая и высокообразованная супруга Вриенния, старшая дочь императора Алексея, Анна Комнина является автором «Алексиады», — этой, по выражению некоторых исследователей, эпической поэмы в прозе, первого значительного памятника литературного возрождения эпохи Комнинов, где царственная писательница задалась целью дать описание славного правления своего отца, «Великого Алексея, светоча вселенной, солнца Анны». В пятнадцати книгах своего большого сочинения, законченного в начале правления Мануила, Анна описывает время с 1069 по 1118 годы, т. е. дает картину постепенного усиления дома Комнинов еще до вступления Алексея на престол и доводит изложение до смерти последнего, дополняя и продолжая сочинение своего мужа Никифора Вриенния.

Анна показывает читателю все превосходство Алексея, «тринадцатого апостола», перед другими представителями фамилии Комнинов. Анна получила прекрасное образование и читала многих наиболее выдающихся читателей древности, Гомера, лириков, трагиков, Аристофана, из историков — Фукидида и Полибия, из ораторов — Исократ и Демосфена, из философов — Аристотеля и Платона. Все это отразилось на языке «Алексиады». Анна даже извиняется перед читателями, когда ей приходится называть варварские имена западных или русских (скифских) вождей, которые безобразят высоту и предмет истории. Несмотря на пристрастное отношение к отцу, Анна дала важный в историческом отношении памятник, в основу которого были положены не только личные наблюдения автора и устные со-

общения, но и документы государственных архивов, дипломатическая переписка и императорские указы. Для первого Крестового похода «Алексиада» является одним из самых насущных источников. Современная наука признает, что «при всех недостатках мемуары дочери об отце остаются одним из самых выдающихся произведений средневековой греческой историографии» и «останутся всегда благороднейшим памятником» обновленного Алексеем Комнином Греческого государства.

Младший брат севастократор Исаак, будучи вообще образованным и любящим литературу, является автором двух небольших произведений, характеризующих историю переработки гомеровского эпоса в средние века, и предисловия к так называемому Константинопольскому Серальскому кодексу Восьмикнижия (Октатевха). Новейшие исследования позволяют предполагать, что писательская деятельность севастократора Исаака Комнина была гораздо более разнообразна, чем мы в состоянии судить на основании двух-трех изданных небольших текстов.

Император Мануил, увлекавшийся астрологией, написал апологию «астрономической науки», под которой надо разуместь астрологию, против нападений на нее со стороны духовенства, и, кроме того, был автором различных богословских произведений и официальных императорских речей. Благодаря богословским изысканиям Мануила, его панегирист Евстафий Фессалоникийский назвал его правление «императорским священством» или «царством жрецов» (Исход, 19: 26). Мануил не только интересовался литературой и теологией. Он стремился заинтересовать других. Мануил послал знаменитое сочинение Птолемея «Альмагест» в качестве подарка королю Сицилии, который, также как и некоторое количество других рукописей, был доставлен из библиотеки Мануила в Константинополь. Первый латинский перевод «Альмагеста» был сделан с этой рукописи в 1160 году.

Любовью к наукам и литературным дарованием отличалась невестка Мануила Ирина, которой посвятил много стихотворений ее учитель Феодор Продром, и в честь которой составил свою стихотворную хронику Константин Манасси, называющий в прологе хроники Ирину «настоящим другом литературы». Приписываемый иногда Андронику I «Диалог против иудеев» принадлежит более позднему времени.

Литературными интересами была проникнута вся императорская семья Комнинов. Она отражала на себе общий культурный подъем, выразившийся в развитии литературы, который является одним из отличительных признаков эпохи Комнинов. Во время Комнинов и Ангелов историки и поэты, богословские писатели и писатели в различных областях античности и сухие хронисты оставили свои произведения, дающие возможность лучше проникнуть в литературные интересы той эпохи.

Современник Комнинов, начиная с Иоанна, историк Иоанн Киннам, следуя древним образцам, Геродоту и Ксенофону, а также находясь под влиянием Прокопия, оставил описание событий правления Иоанна и Мануила (с 1118 по 1176 г.), являясь продолжателем Анны Комниной. В центре незаконченного изложения стоит фигура Мануила, почему и сочинение Киннама носит несколько панегирический характер. Будучи ярким защитником прав восточно-римского императорства и убежденным противником папских притязаний и императорской власти германских государей и сделав своим героем благоволившего к нему Мануила, Киннам, тем не менее, дал добросовестный рассказ, основанный на изучении ценных источников и написанный очень хорошим греческим языком.

Видными фигурами в литературе XII и начала XIII веков являются два брата, Михаил и Никита Акоминаты, из фригийского города Хон (в Малой Азии); поэтому их иногда называют Хониатами. Старший брат Михаил, получивший прекрасное классическое образование в Константинополе у Евстафия, епископа Солунского, выбрал духовную стезю и в течение более тридцати лет был архиепископом Афин. Он жил в епископском здании на Акрополе, где в средние века в стенах античного Парфенона находился собор Богоматери. Для него казалось особенно привлекательным иметь митрополию на Акрополе. Михаил смотрел на город и на его население глазами современника Платона, почему он как и ужаснулся той громадной пропасти, которая отделяла современных ему жителей Афин от древних эллинов. Как идеалист, Михаил в первый момент не обратил должного внимания на совершившийся во всей Греции процесс изменения греческой народности; его идеальные представления тотчас же столкнулись с грустной действительностью.

Блестящая вступительная речь Михаила, произнесенная им перед собравшимися в Парфеноне афинянами, — образец «простоты» слога. Эта речь, составленная в возвышенном стиле, наполненная античными и библейскими цитатами, пересыпанная метафорами и тропарями, осталась чуждой и темной для слушателей нового митрополита; речь его была выше понимания афинян XII века. И это Михаил понял. Ученый Михаил Акоминат быстро отказался видеть в современных ему афинянах непосредственных потомков древних эллинов.

До самого начала XIII века Михаил оставался в Афинах. После завоевания Афин франками в 1204 году он должен был уступить свое место латинскому епископу и последнюю часть своей жизни провел на небольшом островке Кеосе, около берегов Аттики, где в 1220 году умер и был погребен.

Михаил Акоминат оставил после себя богатое литературное наследство в виде проповедей и речей на различные темы, многочисленных пи-

сем и нескольких стихотворений, дающих драгоценные сведения о политических, бытовых и литературных условиях жизни его времени. Из его стихотворений первое место принадлежит ямбической элегии в честь города Афин, первому, а также и единственному дошедшему до нас плачу о гибели древнего, славного народа.

Младший брат Михаила, Никита Акоминат (или Хониат) занимает достойное место в ряду исторических писателей XII и начала XIII веков. Родившись около половины XII столетия, как и брат, во фригийском городе Хоны, Никита еще мальчиком был отправлен в Константинополь, где обучался наукам под руководством своего старшего брата Михаила. В то время как последний посвятил себя духовному званию, Никита выбрал светскую дорогу чиновника и, начиная, вероятно, с последних годов правления Мануила, и особенно при Ангелах, будучи близким ко двору, достиг высших ступеней чиновной лестницы. Вынужденный бежать из столицы после разгрома ее крестоносцами в 1204 году, он нашел приют у никейского императора Феодора Ласкаря, который, обласкав его и возвратив ему все утраченные им почести и отличия, дал возможность Никите последние годы его жизни посвятить излюбленному труду и закончить свое главное историческое произведение. Умер Никита в Никее вскоре после 1210 года. Старший брат его Михаил пережил Никиту и по случаю смерти последнего написал прочувственную и важную в биографическом отношении надгробную речь (монодию).

Главнейшим произведением Никиты Акомината является его большой исторический труд в 20 книгах, охватывающий события со времени вступления на престол Иоанна Комнина до первых лет Латинской империи (с 1118 по 1206 годы). В лице Никиты мы имеем драгоценный источник для времени Мануила, интересного правления Андроника, эпохи Ангелов, четвертого Крестового похода и взятия Константинополя крестоносцами в 1204 году; начало истории, время Иоанна Комнина, изложено кратко. Труд Никиты, обрываясь на случайном событии, не представляет законченного целого. Для своей «Истории» Никита признает лишь два источника: рассказы очевидцев и личные наблюдения. О том, пользовался ли он произведениями Иоанна Киннама, как источником, мнения ученых расходятся. «История» Никиты Акомината написана напыщенным, витиеватым и картинным языком; в его изложении нашли отражение глубокие познания автора как в античной литературе, так и в богословии. Однако, у самого автора представление о его языке совсем иное. Несмотря на некоторую тенденциозность в изложении событий того или иного царствования, Никита, убежденный в полном культурном превосходстве «римлянина» над западным «варваром», заслуживает, как историк, большого доверия и глубокого внимания.

Кроме истории, перу Никиты Акомината принадлежит небольшое сочинение о статуях, разбитых латинянами в Константинополе в 1204 году, а

также несколько риторических произведений в виде панегирических речей в честь различных императоров и еще целиком неизданный богословский трактат «Сокровища Православия», являющийся как бы продолжением «Паноплии» Евфимия Зигабена, основанный на изучении многочисленных писателей и имеющий целью опровержение целого ряда еретических заблуждений.

К числу ярких фигур XII века в области культуры принадлежит также талантливый учитель и друг Михаила Акомината, архиепископ Фессалоникский (Солунский) Евстафий. Получив образование в Константинополе, он там же, в звании диакона при храме Святой Софии, был учителем красноречия и написал большую часть своих ученых работ; исторические труды и различные произведения были написаны им уже в Фессалонике. Дом Евстафия в столице был школой для молодых студентов. Он стал центром, где собирались лучшие умы столицы и молодые люди, стремящиеся к знаниям. Будучи верховным пастырем во втором после столицы городе империи, Евстафий, положил много сил на поднятие духовного и нравственного уровня современного ему монашества, чем нажил немало врагов среди монастырского духовенства. С культурно-исторической точки зрения очень интересны его настойчивые обращения к монахам не расточать сокровища библиотек. Умер Евстафий между 1192 и 1194 гг. Его ученик и друг, афинский митрополит Михаил Акоминат, почтил его монодией.

Будучи вдумчивым наблюдателем политической жизни своего времени, являясь образованным богословом, смело выступившим с порицанием испорченной монастырской жизни, и глубоким ученым, познания которого в античной литературе обеспечили за ним почетное место не только в истории византийской культуры, но и в истории древнегреческой (классической) филологии, Евстафий представляется нам несомненно крупной личностью в культурной жизни Византии XII века. Его литературное наследие распадается на две группы: к первой из них, из области древних авторов, - составленные в Константинополе обширные и глубокие комментарии к Илиаде и Одиссее, драгоценный комментарий к Пиндару и некоторым другим; ко второй группе относятся произведения, исполненные автором в Фессалонике, а именно: история завоевания Фессалоники норманнами в 1185 году, о чем речь была выше; очень важная для его эпохи переписка; знаменитое рассуждение о необходимой реформе монастырской жизни; речь по случаю смерти императора Мануила и т. д.

В конце одиннадцатого века и в начале двенадцатого жил известный богослов, Феофилакт, архиепископ Ахриды (Охриды) в Болгарии. Он родился на острове Эвбея и некоторое время служил дьяконом в Св. Софии в Константинополе. Под руководством Михаила Пселла он получил хорошее образование. Затем, видимо, при Алексее I Комнине, он был назначен архиепископом Ахриды в Болгарии, находившейся тогда под византийской

властью. Несмотря на суровые и жестокие жизненные условия в этой стране, он оказался не в состоянии продолжать свою прежнюю жизнь в Константинополе. Желание вернуться в столицу не исполнилось. Он умер в Болгарии в начале XII века (около 1108 г., точная дата неизвестна). Он был автором некоторого количества геологических сочинений, среди которых его комментарии на книги Ветхого и Нового Заветов особенно хорошо известны. С современной точки зрения наиболее ценной частью его литературного наследия являются его письма и книга «О заблуждениях латинян». Почти все его письма написаны между 1091 и 1108 годами. Они рисуют интересную картину византийской провинциальной жизни. Его письма заслуживают особого внимания. Его книга «О заблуждениях латинян» интересна своими примирительными тенденциями по отношению к католической церкви.

Михаил Фессалоникийский жил и писал во время царствования Мануила. Он начинал свою карьеру как дьякон и преподаватель экзегезы Евангелий в Св. Софии в Константинополе. Потом он получил почетный титул доктора риторики и был, в конце концов, осужден как последователь ереси Сотериха Пантевгена и лишен своих титулов. Он составил несколько речей в честь Мануила, пять из которых были опубликованы. Последняя из них была произнесена как похоронная через несколько дней после смерти Мануила. Речи Михаила содержат сведения об интересных деталях об исторических событиях своего времени. Две последние его речи еще не использовались никем из исследователей.

В середине XII века было написано одно из многочисленных подражаний византийского времени лукиановским «Диалогам мертвых» — «Тимарион». Тимарион - это настоящее имя автора. Он рассказывает историю своего путешествия в ад и воспроизводит свои беседы с умершими, которых он встретил в подземном мире. Он видел там императора Романа Диогена, Иоанна Итала, Михаила Пселла, иконоборческого императора Феофила и так далее. «Тимарион» является лучшим византийским достижением среди литературных подражаний Лукиану. Сочинение полно силы и юмора. Однако, кроме чисто литературных достоинств, «имарион» важен благодаря описаниям реальной жизни, таким как знаменитое описание ярмарки в Фессалонике. от почему это сочинение эпохи Комнинов является весьма интересным источником для внутренней истории Византии.

Немалое значение с литературной и культурно-исторической точки зрения эпохи, а также с точки зрения классической древности, имеет современник Комнинов, умерший в восьмидесятых годах XII века, Иоанн Цец (Цецис). Получив в столице хорошее филологическое образование, он некоторое время был учителем грамматики, а затем посвятил себя литературной деятельности, которая и должна была давать ему средства к жизни. В своих произведениях Иоанн Цец говорит о различных обстоятельствах

своей жизни, которые рисуют нам человека XII века, живущего литературным трудом, вечно жалующегося на бедность и нищету, заискивающего перед богатыми и знатными, посвящающего им свои произведения, негодующего на малое признание его заслуг, впавшего однажды в такую нужду, что из всех книг у него остался лишь один Плутарх. Не имея из-за недостатка средств иногда необходимых книг и излишне надеясь на свою память, он допускал в своих произведениях целый ряд исторических ошибок. В одном из сочинений он писал: «Для меня библиотекою является моя голова; у нас, при страшном безденежье, книг нет. Поэтому я не умею точно назвать писателя». Начитанность Цеца в древних и византийских писателях была весьма значительна; он знал многих поэтов, драматических писателей, историков, ораторов, философов, географов и беллетристов, особенно Лукиана. Сочинения Цеца написаны риторическим языком, насыщенным мифологической мудростью, историческими ссылками и цитатами, но мало интересны для чтения. Из его многочисленных сочинений интересны лишь некоторые. Сборник из 107 его писем имеет значение как для биографии автора, так и для биографии его адресатов. «Книга историй», написанная народными стихами, поэтическое произведение историко-филологического характера, состоит из более чем 12 000 стихов. Со времени первого издания, разделив сочинение для удобства цитирования на тысячи стихов, т.е. первая тысяча, вторая и т. д., оно обыкновенно называется «Хилиадами» (т. е. тысячами). Отношение между письмами и «Хилиадами» настолько тесно, что первые могут быть рассматриваемы как подробный указатель к последним. Другое большое произведение Иоанна Цеца, также написанное политическими стихами, «Аллегории к Илиаде и Одиссее», посвящено супруге императора Мануила, германской принцессе Берте-Ирине. Целью Цеца было, излагая по порядку содержание песен Гомера, объяснить их, особенно с точки зрения аллегорического толкования выведенного у Гомера мира богов. Это произведение Цеца, по словам В. Г. Васильевского, лишено «не только вкуса, но и здравого смысла». Кроме вышеуказанных произведений, Иоанн Цец оставил некоторые другие сочинения о Гомере, Гесиоде, схолии к Гесиоду, Аристофану, некоторые стихотворения и т. д.

У Иоанна Цеца был старший брат, занимавшийся филологией и метрикой, Исаак Цец. В филологической литературе встречается довольно часто упоминание о братьях Цец. В действительности Исаак Цец ничем не интересной и типичной личностью для эпохи первых трех Комнинов, особенно Иоанна и Мануила, является образованный поэт Феодор Продром, или Птохопродром (бедный Продром), как иногда он себя называл для возбуждения жалости и ради неискреннего смирения. Разнообразные труды последнего дают материал для изучения и филологу, и философу, и богослову, и историку. В настоящее время в науке личность Продрома вызывает большие разногласия вследствие неясности, кому собственно принадлежат многочисленные сочинения, приписываемые в рукописях Продрому.

Одни ученые считают, что было двое писателей с именем Продрома, другие — трое и, наконец, третьи видят одного.

Лучшая пора деятельности Продрома падает на первую половину XII века. Его дядей, под монашеским именем Иоанн, был киевский митрополит (Иоанн II), о котором русская летопись под 1089 годом говорит, что он был «мужь хытр книгам и ученью, милостив убогым и вдовицам». Умер он около 1150 года.

До нас дошли многочисленные произведения самого разнообразного содержания с именем Продрома. Продром является романистом, агиографом, составителем писем, оратором, автором астрологической поэмы, религиозных поэм, философских сочинений, сатир и шуточных пьес. Многие из них представляют собою сочинения на тот или иной случай, по поводу победы кого-либо, рождения, смерти, свадьбы и т. п., и являются очень ценными по рассыпанным в них намекам на те или другие лица, на те или иные события; любопытны эти сочинения и по данным относительно жизни простого народа в столице.

При Комнинах и Ангелах жил также гуманист Константин Стилб, о котором известно мало. Он получил весьма хорошее образование, был преподавателем в Константинополе и позже получил звание профессора (master) литературы. Известно тридцать пять его сочинений, большей частью в стихах, однако они не опубликованы. Самая известная из его поэм посвящена большому пожару, случившемуся в Константинополе 25 июля 1197 г; это первое упоминание о данном факте. Эта поэма состоит из 938 стихов и дает много информации о топографии, структурах и обычаях, распространенных в столице Восточной империи. В другой своей поэме Стилб описывает другой пожар в Константинополе, случившийся на следующий год, в 1198 году. Литературное наследие Стилба имеется во многих европейских библиотеках, и его личность заслуживает дальнейшего исследования.

В эпоху Комнинов византийская хроника также имеет нескольких представителей, начинавших свое изложение с сотворения мира. Живший при Алексее Комнине Георгий Кедрин довел изложение событий до начала правления Исаака Комнина (в 1057 году), рассказав о времени с 811 года почти буквально словами еще неизданного в греческом оригинале хрониста второй половины XI века Иоанна Скилицы. Иоанн Зонара в XII веке написал не обычную хронику, но «руководство всемирной истории, явно рассчитанное на более высокие потребности», опиравшееся на хорошие источники. Изложение доведено до вступления на престол Иоанна Комнина в 1118 году. Написанная в первой половине XII века политическими стихами хроника Константина Манасси посвящена вышеупомянутой невестке Мануила, просвещенной Ирине. В ней излагаются события до вступления на престол Алексея Комнина в 1081 году. Несколько лет назад было опубликовано

продолжение хроники Манасси. Оно содержит 79 стихов, кратко излагающих историю от Иоанна Комнина до Балдуина, первого латинского императора в Константинополе. Половина текста посвящена Андронику I. Манасси написал также ямбами поэму, озаглавленную, видимо, *Odoiporikon* (*Itinergium*), - «Путь», «Относящийся к пути», посвященную современным автору событиям. Наконец, Михаил Глика (в XII веке) написал всемирную хронику до смерти Алексея Комнина в 1118 г.

Что касается византийского искусства, эпоха Комнинов и Ангелов была продолжением второго Золотого Века, начало которого многие исследователи относят к середине IX в., то есть ко времени прихода к власти Македонской династии. Смутный период в XI в., как раз перед приходом к власти династии Комнинов, прервал ненадолго блеск культурных свершений времени македонских императоров. Однако с новой династией Комнинов империя вернула себе известную долю былой славы и процветания, и византийское искусство — как казалось — было способным продолжить блистательную традицию Македонской эпохи. Однако при Комнинах можно отметить формализм и неподвижность в искусстве. В XI в, мы уже отмечаем упадок в ощущении античности. Природная свобода уступает место формализму. Теологические устремления становятся все более той целью, ради которой предпринимается работа. Появление развитой иконографической системы относится именно к этому периоду.

Конечно, византийское искусство при Комнинах не было в состоянии упадка. Особенно в области архитектуры было создано много выдающихся памятников. В Константинополе был возведен прекрасный Влахернский дворец, и Комнины оставили прежнюю императорскую резиденцию, так называемый Большой Дворец, и поселились в новом дворце, в углу Золотого Рога. Новая императорская резиденция ни в чем не уступала Большому Дворцу, и современники оставили восторженное его описание. Заброшенный Большой Дворец быстро пришел в упадок. В XV веке это были уже руины, и турки довершили его разрушение.

Имя Комнинов связывается также с сооружением или реконструкцией многих церквей; например, Пантократора в Константинополе, которая стала местом захоронения Иоанна II и Мануила I Комнинов, где позже, в XV веке, были похоронены императоры Мануил II и Иоанн VIII Палеологи. Знаменитая церковь Хоры (Кахрие-Джами) была перестроена в начале XII века. Церкви в это время строились не только в столице, но и в провинциях. На Западе, в Венеции, собор св. Марка, воспроизводящий по плану церковь Апостолов в Константинополе, был торжественно освящен в 1095 г. В Сицилии многие постройки и мозаики, находящиеся в Чефалу, Палермо и Монтеале, которые относятся к XII веку, воспроизводят лучшие достижения византийского искусства. На Востоке мозаики церкви Рождества в Вифлееме являются существенными остатками развитых декоративных ук-

рашений, осуществленных восточно-христианскими мастерами мозаики для императора Мануила Комнина в 1169 году. Таким образом, на Востоке, как и на Западе, «влияние греческого искусства оставалось в XII в. всемогущим, и даже там, где меньше всего можно было бы ожидать — среди норманнов в Сицилии и среди латинян в Сирии. Византия продолжала оставаться источником и ориентиром всего изящного».

Фрески XI и XII вв. были открыты в Каппадокии и Южной Италии, а также на Руси: в Киеве, Чернигове, Новгороде и их окрестностях. Некоторые из фресок были сделаны византийскими художниками в это время. Много художественных произведений той эпохи сделано из слоновой кости, керамики, стекла и металла. Интересны также печати и геммы с гравировкой.

Однако, несмотря на все художественные достижения эпохи Комнинов и Ангелов, первый период второго Золотого Века византийского искусства, совпадающий с временем Македонской династии, был более блистательным и более созидательным.

Византийское возрождение XII в. интересно и важно не только само по себе и для. Оно было составной частью общего западноевропейского возрождения XII в. В XII веке Западная Европа увидела возрождение латинских классиков, латинского языка, латинской прозы, латинской поэзии, юриспруденции, философии, исторических сочинений. Это была эпоха переводов с греческого и арабского и время зарождения университетов. Переводы, сделанные непосредственно с греческих оригиналов, были важным проводником и верным посредником в передаче древнего знания. В XII веке прямые контакты между Италией и Византией, особенно с Константинополем, были более частыми и интенсивными, чем можно было бы подумать. В связи с религиозной политикой Комнинов, желавших сближения с Римом, в Константинополе проходило, и нередко в присутствии императора, много диспутов, в которых принимали участие ученые представители западной церкви, которые прибывали в Константинополь с целью примирения обеих церквей. Эти дискуссии во многом помогли передаче греческой учености на Запад. Кроме того, экономические связи итальянских торговых городов с Византией и венецианский и пизанский кварталы в Константинополе обеспечили прибытие в столицу некоторого количества итальянских ученых, которые изучили греческий язык и также послужили передатчиками греческих достижений на Запад. Особенно при Мануиле Комнине можно было видеть «внушительную процессию миссий, посланных в Константинополь папами, императорами, французами, пизанцами и другими. Едва ли меньшей была постоянная череда греческих посольств на Запад, напоминающая греческую иммиграцию в Италию с начала XV века».

Культура эпохи Комнинов, и Ангелов является одной из блестящих страниц в истории Византии. В предыдущие эпохи в Византии не было такого обновления культуры, и это обновление в XII веке приобретает еще большее значение при сопоставлении с обновлением культуры в то же время на Западе. XII век можно охарактеризовать как время первого греческого возрождения в истории Византии.

Период седьмой.

Эпоха Латинской и Никейской империи (1204 - 1261).

Лекция 54.

Характеристика периода.

План:

Новые государства, образовавшиеся на византийской территории.

- а. Латинская империя.
- б. Никейская империя.
- в. Эпирский деспотат.
- г. Трапезундская империя.

Четвертый крестовый поход, закончившийся взятием и разгромом Константинополя, привел к раздроблению Византийской империи и основанию в ее пределах целого ряда государств, частью франкских, частью греческих, из которых первые получили западноевропейское феодальное устройство. Франки образовали следующие государства: Латинскую, или Константинопольскую, империю, Фессалоникийское (Солунское) королевство, Ахайское княжество в Пелопоннесе (Морее) и Афино-Фиванское герцогство в Средней Греции; владичество Венеции простиралось на византийские острова Эгейского и Ионийского морей, на остров Крит и на целый ряд других пунктов. Наряду с латинскими феодальными владениями на территории распавшейся Восточной империи образовались три греческих самостоятельных центра: Никейская империя и Трапезундская империя в Малой Азии, и Эпирский деспотат в Северной Греции. Балдуин, граф Фландрский, сделался императором Константинополя и властителем большей части Фракии; Бонифаций Монферратский — королем Фессалоники (Солуни),

власть которого простиралась на Македонию и Фессалию; Гийом Шамплитт и после него Жоффруа Виллардуэн — князьями в Пелопоннесе (Морее) и Отто де ля Рош — герцогом Афин и Фив. В трех греческих государствах правили: в Никее (в Вифинии) — Феодор I Ласкарь, в Трапезунде — Алексей Комнин, и в Эпирском деспотате — Михаил I Ангел Комнин Дука. Также два соседних государства: Второе Болгарское царство в лице его государей Калояна и Иоанна-Асеня II и Румский, или Иконийский, султанат в Малой Азии, принимали в XIII веке деятельное участие, особенно Болгария, в сложной международной жизни после 1204 года.

Весь XIII век полон постоянными столкновениями и распрями между вышеназванными владениями в самых разнообразных сочетаниях: то греки боролись с пришлыми франками, турками и болгарами; то греки боролись с греками, внося и без того уже в расстроенную жизнь, страны новые элементы разложения в виде национальной розни; то франки воевали с болгарами и т. д. Все эти военные столкновения сопровождались заключением также разнообразных и большей частью непродолжительных международных союзов и соглашений, которые легко заключались и так же легко разрывались.

Важным является вопрос о том, где образуется, центр политический, экономический, национальный, религиозный и культурный, около которого могла бы окрепнуть идея объединения и порядка. Основавшиеся на Востоке западные феодальные, государства и купеческие фактории, где каждый преследовал свои личные интересы, содействовали при существовавшей тогда общей анархии дальнейшему разложению, не будучи в состоянии создать новых порядков, не имея силы справиться с полученным после четвертого похода наследством.

Лекция 55.

План:

Начало Никейской империи и Ласкариды.

Внешняя политика Ласкаридов и возрождение Византийской империи.

а. Турки-сельджуки.

Центром нашего внимания будет история Никейской империи, где образовалась и окрепла идея национального греческого объединения и воссоздания византийского государства, откуда вышел Михаил Палеолог, за-

владевший в 1261 году Константинополем и восстановивший, хотя и далеко не в прежних размерах, Византийскую империю. Эпирские деспоты в силу целого ряда условий должны были отступить перед усилившимся значением Никеи и отказаться, от руководящей роли на христианском Востоке. Третий греческий центр, Трапезундская империя, лежал слишком далеко в стороне, чтобы играть руководящую роль в деле объединения греков; поэтому история Трапезунда имеет свой специальный как политический, так и культурный и экономический интерес и заслуживает особого, самостоятельного рассмотрения.

Основателем Никейского государства, этой «империи в изгнании», был Феодор Ласкарь, родственник по своей жене Анне, дочери бывшего императора Алексея III, с фамилией Ангелов и через Алексея III с фамилией Комнинов. Происхождение Ласкаридов и название родного города Феодора неизвестны. При Алексее III он занимал определенное положение в армии и энергично сражался против крестоносцев. Константинопольское духовенство расценивало его как возможного императора Византии после бегства Алексея Дуки Мурзуфла и до момента взятия столицы крестоносцами. Однако в это время он бежал в Малую Азию. Там же нашли убежище от нашествия крестоносцев многочисленные представители византийской гражданской и военной знати, некоторые видные представители духовенства и известное число других беглецов, которые не желали быть под игмом чужеземной власти. Последний греческий патриарх столицы Иоанн Каматир, оставив столицу, направился в Болгарию и отказался приехать в Никею по приглашению Феодора.

Бежавший из Афин от латинян митрополит Михаил Акоминат, рекомендуя в письме Феодору Ласкарю одного Эвбейца, замечает, что последний тайно уехал в Никею, предпочитая жизнь изгнанника во дворце греческого (ромейского) государства пребыванию на родине, угнетаемой чужеземцами; там же Михаил прибавляет, что если названный Эвбеец найдет приют в Никее, то это окажет сильное влияние на все население Греции, которое «будет смотреть на Феодора, как на единственного общего освободителя», т.е. всей Романии.

После смерти Феодора Ласкаря, правившего с 1204 по 1222 годы, царствовал его зять, муж дочери Ирины, Иоанн III Дука Ватац (1222—1254), самый талантливый и энергичный из никейских государей. После его смерти престолом владели сначала сын его Феодор II (1254—1258), а затем несовершеннолетний внук Иоанн IV (1258—1261). Последний был низложен Михаилом Палеологом, восстановителем Византийской империи.

Положение нового государства в Вифинии было опасно, так как с востока грозил ему сильный, занимавший всю внутреннюю часть Малой Азии Иконийский султанат сельджукидов, которому принадлежала также часть

Средиземного побережья на юге и Черноморского на севере; а с запада теснила Никейское государство Латинская империя, поставившая себе одной из первых задач уничтожение Никейской державы. На долю Феодора Ласкаря, который первые два года правил с титулом не императора, а деспота, выдала сложная и тяжелая работа. Внутри страны господствовала анархия; в некоторых частях ее появились самостоятельные правители; Никея закрыла перед Феодором ворота.

Между тем, крестоносные латинские рыцари, утвердившись в Константинополе, решили в 1204 году завоевать Малую Азию. Их военные действия развивались успешно. Малоазиатским грекам казалось, что все уже для них погибло. В этот критический государства момент пришло неожиданное известие о том, что латинский император Балдуин взят в плен болгарами.

С 1196 года на болгарском престоле был Иоанн, или Калоян, бывший еще во время Ангелов грозным врагом Византии. Основавшееся на Балканском полуострове Латинское государство осложнило положение. Было ясно, что крестоносцы и болгары должны будут поставить вопрос о власти на Балканском полуострове. Отношения между ними стали натянутыми, так как крестоносцы оскорбительно отнеслись к предложениям Калояна, намекнув ему о том, что он не может относиться к латинскому императору как равный к равному, а лишь как раб к господину, и предупредив его, что в противном случае крестоносцы силой оружия завоюют Болгарию и обратят его самого в прежнее рабское состояние.

Возбудив этим гнев болгарского царя, латиняне раздражали в то же время и греческое население Фракии и Македонии, осмеивая греческие церковные верования и обряды. Тайные сношения греков и болгар с царем Иоанном подготовили на Балканском полуострове восстание в пользу болгар. Бывший патриарх Константинопольский Иоанн Каматир, который жил в Болгарии, сыграл важную роль в подготовке византийско-болгарского союза. Болгарский царь стремился к короне византийского василевса.

Вспыхнувшее на Балканском полуострове греко-болгарское восстание заставило крестоносцев оттянуть войска посланные в Малую Азию на борьбу с Феодором Ласкарем в Европу. В битве под Адрианополем (в апреле 1205 года) Иоанн, при помощи бывшей в его войске половецкой (куманской) конницы, нанес решительное поражение крестоносцам. В этом сражении император Балдуин был взят болгарами в плен. Какова была судьба пленного императора, до сих пор неизвестно; по всей вероятности, Балдуин, по приказанию болгарского царя, был убит. На время его отсутствия, регентом Латинской империи был избран его брат Генрих.

Другой участник битвы, престарелый дож Энрико Дандоло, вынесший на себе тяжелое ночное отступление остатков разбитого войска, вскоре после этого удара умер и был погребен в храме Св. Софии. По распространенному преданию, прах его оставался там до взятия Константинополя турками, когда султан Мехмед приказал будто бы развеять его прах по ветру.

Адрианопольское поражение поставило государство крестоносцев в отчаянное положение. Это было для Латинской империи ударом, подкопившим в самом начале всю ее будущность. «Этим страшным днем окончилось франкское господство в Романии». «Участь Латинской империи в Константинополе некоторое время была впол-не в руках болгарского царя».

Адрианопольская битва имела первостепенное значение для Болгарского царства и Никейского государства. Казалось, что, пока греки Македонии и Фракии, не имея своего национального центра в Европе и не предчувствуя будущего значения в этом смысле Никеи, сочли возможным прийти к соглашению и к общим действиям с болгарами против латинян, то Калояну открывалась полная возможность выполнить намеченную им задачу, установить на месте пришлых и враждебных франков великое греко-славянское государство на Балканском полуострове с центром в Константинополе.

Между тем, греко-болгарское соглашение, давшее в результате адрианопольскую победу, быстро расстроилось, как только балканские греческие патриоты увидели в Никейском государстве возможного освободителя от латинских завоевателей и выразителя их национальных чаяний и надежд. На Балканском полуострове появилось ярко выраженное антиболгарское направление, против которого болгарский царь открыл беспощадную войну. Иоанн мстил за те злодеяния, которые причинил болгарам император Василий П; если последний назывался Болгаробойцей (Булгароктонос), то Иоанн называл себя Ромеобойцей (Ромеоктонос). Греки прозвали его «Иваном-Собакой» (по-гречески Скилоиоанном), латинский император называет его в письме «великим опустошителем Греции».

Кровавая кампания Иоанна во Фракию и Македонию окончилась для плачевно. При осаде Солуни (в 1207 году) он погиб насильственной смертью. Греческое предание говорит о нем как о враге православной церкви, пораженном чудесным образом десницею великомученика Димитрия Солунского. Предание об этом было внесено в сказания о чудесах великомученика, существующие на греческом языке, на славянском (в минеях митрополита Макария), а также и в русских хронографах. Болгарский царь не сумел воспользоваться благоприятно сложившимися для него обстоятельствами после адрианопольской победы.

Но адрианопольская битва, уничтожившая силу франкского господства в Константинополе, спасла от гибели Никейское государство и указала ему пути к новой жизни. Феодор Ласкарь, избавившись от опасности со стороны западного соседа, деятельно принялся за устройство своего государства. Прежде всего, когда Феодору удалось утвердиться в Никее, поднялся вопрос о провозглашении его императором вместо деспота.

Так как греческий константинопольский патриарх, удалившийся после франкского вторжения в Болгарию, отказался приехать в Никею, там был избран новый патриарх, Михаил Автореан. Избранный в 1208 г., он имел свою резиденцию в Никее и короновал Феодора императором в том же 1208 г. Это событие имело для последующей истории Никейского государства крупное значение. Никея сделалась церковным центром империи. Наряду с потрясенной Латинской империей выросла вторая империя, объединившая постепенно довольно значительную территорию в Малой Азии и привлекая, мало-помалу, к себе внимание и надежды европейских греков. Появление новой империи должно было обострить ее отношения к Константинопольской империи; две империи на развалинах единой Византийской империи ужиться мирно не могли. В договоре, заключенном около 1220 года между Феодором и венецианским представителем в Константинополе (подеста), мы находим его официальный титул, признанный, очевидно, Венецией: «Teodorus, in Christo Deo fidelis Imperator et moderator Romeorum et semper augustus, Comnenus Lascarus».

Никея, сделавшаяся столицей новой империи, город, прославленный в летописях византийской истории благодаря двум созванным в нем Вселенским соборам, гордый защищавшими его в средние века и до наших дней прекрасно сохранившимися могучими стенами, занимал важное политическое положение на соединении пяти или шести дорог, на расстоянии около сорока английских миль от Константинополя. Незадолго до первого Крестового похода Никея попала во власть турок сельджуков; но крестоносцы, отняв у них город, должны были, к своему великому неудовольствию, возвратить его Алексею Комнину. Великолепные дворцы и многочисленные церкви и монастыри, теперь бесследно исчезнувшие, украшали средневековую Никею. Автор XIII в., Никифор Влеммид, говорил о Никее в одной из своих поэм: «Никея — город с широкими улицами, полный народу, с хорошими стенами, гордый от того, чем обладает, являясь наиболее ярким знаком императорского благоволения».

Из средневековых памятников в современном турецком городе Иснике (бывшей Никее) до первой мировой войны можно было отметить, помимо городских стен, скромную небольшую церковь Успения Пресвятой Девы, вероятно IX века, с интересными и важными для истории византийского искусства мозаиками. Однако во время первой мировой войны Никея попала под бомбежку и в городе не осталось ни одного целого дома. Церковь Воз-

несения особенно пострадала. Она была разрушена, и только западная арка свода и южная часть портика входа сохранились. Другая известная церковь Никеи, собор Софии, также находится в удручающем состоянии.

До нас дошел интересный документ, который позволяет нам познакомиться с представлением Феодора Ласкаря об императорской власти. Это так называемый «Силенциум» (Selention, silention, silentium), как в византийское время назывались публичные речи императоров, произносимые ими во дворце при наступлении Поста, в присутствии знатнейших лиц империи. Данный «Силенциум» рассматривается как тронная речь Феодора Ласкаря, произнесенная в 1208 г. сразу же после коронации. Речь написана историком Никитой Хониатом, который, после захвата Константинополя латинянами, нашел безопасное убежище в Никее. Из этой риторически написанной речи видно, что Феодор смотрел на свою власть, как на власть византийского василевса, дарованную ему Богом. «Моя императорская власть была свыше поставлена, подобно отцу, над всей ромейской державой, хотя со временем она и стала уступать многим; десница Господа возложила на меня власть...». Бог за усердие даровал Феодору «помазание Давида и такую же власть». Единство империи знаменует собою и единство церкви. «И да будет едино стадо и един пастырь», — читаем мы в конце «Силенция». Правда, это произведение не принадлежит самому императору; но оно, во всяком случае, отражает господствующее мнение лучших и образованных людей Никейского государства, — мнение, имевшее за собою полное историческое обоснование с тех пор, как Феодор Ласкарь, связанный родственными узами с Ангелами и Комнинами, сделался ромейским василевсом, в Никее и почувствовал себя продолжателем государей Византийской империи.

После поражения латинян под Адрианополем положение Феодора временно стало немного легче. Однако, преемник несчастного Балдуина на константинопольском троне, его брат Генрих, энергичный и талантливый вождь и правитель, оправившись несколько после неудачи с болгарями, снова открыл военные действия против Феодора, имея в виду присоединить к Латинской империи никейские владения. Никейский император не смог силой оружия остановить успехи латинян. Но болгарская опасность для латинян и сельджукская опасность для Феодора заставили их согласиться на перемирие, причем Феодор должен был скрыть несколько крепостей.

Война Феодора с сельджукским султаном, которому принадлежала большая часть Малой Азии, имела большое значение для будущего молодой Никейской империи. Для турецкого Иконийского, или Румского, султана появление нового государства в виде Никейской империи было неприятно, так как ставило препятствие для дальнейшего обострения отношений между двумя государствами присоединилось еще то обстоятельство,

что тесть Феодора Ласкаря, Алексей III Ангел, бежал к султану и умолял его помочь вернуть утерянный трон. Султан воспользовался приездом Алексея и послал Феодору грозное требование о передаче ему трона, скрывая под этим предлогом свою действительную цель завладения всей Малой Азией. Открылись военные действия в Антиохии на р. Меандре, в Карий. Главной силой у Феодора был отряд храбрых западных наемников, которые в сражении с турками почти все остались на поле брани. Но Феодор Ласкарь своей личной храбростью поправил дело. В происшедшем столкновении султан был убит, может быть, даже самим императором. В той же битве бывший император Алексей III, нашедший пристанище у турок, был взят в плен. Он был пострижен и окончил дни в одном из никейских монастырей.

Каких-либо крупных территориальных изменений в пользу Феодора после этой войны не произошло. Но моральное значение победы христианского греческого императора Никеи над мусульманами было очень велико: она закрепила новое государство, воскресила прежние заветы Византийской империи борьбы с исламом и наполнила радостью и бодростью сердца греков не только малоазиатских, но и европейских, которые впервые после этого увидели в Никее возможный центр будущего объединения. Никита Акоминат написал в честь Феодора, по случаю этой победы, большое, напыщенное похвальное слово. Брат Никиты, Михаил Акоминат прислал оттуда Феодору, по случаю той же победы, поздравительное письмо, в котором высказывал пожелания, чтобы он приобрел себе трон Великого Константина в том месте, которое изначально избрал Господь, т.е. трон в Константинополе.

Лекция 56.

План:

Латинская империя.

а. Иоанн III Дука Ватац (1222—1254).

Эпирский деспотат и его взаимоотношения с Никейской империей.

Фессалоника и Никея.

Роль Болгарии на христианском Востоке при царе Иоанне-Асене

П.

Греко-болгарский союз.

Если победой Феодора были обрадованы греки, то, как это ни странно, ей был доволен и Генрих, латинский император, боявшийся храбрых западных наемников Феодора, которые почти все погибли в борьбе с турками. Эта победа Феодора, по мнению Генриха, лишь ослабила никейского императора. Генрих ошибался, так как вскоре после войны Феодор снова имел в своем распоряжении значительное количество франков и хорошо вооруженных греков.

После победы над турками Феодор Ласкарь счел возможным открыть военные действия против Генриха, имея уже определенную цель при помощи значительного флота напасть на Константинополь. Интересное письмо было написано Генрихом из Пергама в начале 1212 года и адресовано «всем своим друзьям, до которых [содержание] послания могло дойти. Это письмо свидетельствует о том, что Генрих рассматривал Феодора как весьма опасного противника. Письмо завершается призывом к латинянам поддержать Генриха. Оно показывает, что Генрих был весьма встревожен враждебными действиями Феодора Ласкаря и, далее, что дух его новых подданных не был крепким.

Однако эта первая попытка со стороны Никеи восстановить прежний центр Византии не удалась. Никейское государство было еще недостаточно для этого сильно и подготовлено. В начавшейся войне успех был на стороне Генриха, который довольно далеко проник внутрь Малой Азии.

Заключенный между двумя императорами мир точно определил границы обоих государств в Малой Азии: северо-западная часть полуострова оставалась в руках Латинской империи, то есть, если не считать некоторых незначительных территориальных приращений внутри страны, малоазиатские владения латинян после этого соглашения немногим отличались от владений, выпавших им на долю по разделу 1204 года.

В 1216 году талантливый и энергичный Генрих умер в расцвете лет. Им восхищались даже греки. Историки XX века также высоко оценивают его личность и деятельность. Его преемники на константинопольском троне ни талантами, ни энергией не отличались.

В 1222 году основателя Никейской империи не стало. Феодор I Ласкарь создал эллинский центр в Малой Азии, объединил его и привлек к нему внимание европейских греков. Он заложил основание, на котором преемник его уже смог построить обширное здание. В своих хвалебных письмах к Феодору Ласкарю Михаил Акоминат писал: «Столица, выброшенная варварским наводнением из стен Византии на берега Азии в виде жалкого обломка, тобою принята, руководима и спасена... Тебе надо было бы вовеки называться новым строителем и населителем града Константина. Видя в тебе одном спасителя и общего освободителя и называя тебя таким, по-

терпевшие крушение во всеобщем потопе прибегают под твою державу как в тихую гавань... Никого из царей, царствовавших над Константинополем, не считаю равным тебе, разве из более новых — великого Василия Болгаробойцу, а из более древних — благородного Ираклия».

После смерти Феодора I Ласкаря на никейский престол вступил его зять, муж его дочери Ирины, Иоанн III Дука Ватац (1222- 1254). Хотя его предшественник и заложил некоторое основание для дальнейшего развития Никейского государства, тем не менее международное положение последнего было таково, что настоятельно требовало пребывания у власти решительного и энергичного правителя, каким и явился Иоанн Ватац.

В то время четыре державы оспаривали господство на Востоке: Никейская империя, Латинская империя, Эпирский деспотат и Болгарское царство Иоанна-Асеня II. Внешняя политика Иоанна Ватаца и заключалась, с одной стороны, в войнах, с другой стороны, в союзах то с одной, то с другой державой. Три его соперника на Балканском полуострове никогда не действовали все сообща и дружно, а вели между собой колеблющуюся политику ослабляющих их военных действий или скоропреходящих союзов. Иоанн Ватац прекрасно справился со сложной международной задачей.

Для дальнейшей судьбы Никейской империи важна история Эпирского деспотата, второго греческого центра, около которого могли сплотиться интересы западных греческих патриотов и откуда могло произойти воссоздание Византийской империи, помимо Nikeи. Между этими двумя греческими государствами, не шедшими на взаимные добровольные уступки, в видах общей цели эллинского объединения, неминуемо должна была открыться борьба за будущее восстановление Византии.

Основателем Эпирского деспотата в 1204 году был Михаил I Ангел. Фамилия эпирских Ангелов находилась в родстве по восходящей линии с фамилиями Комнинов и Дуков, и поэтому имена государей Эпира нередко сопровождаются сложным династическим названием «Ангелов-Комнинов-Дуков». Первоначально владения эпирского деспота простирались от Диррахия на севере до Коринфского залива на юге, т.е. занимали территорию древнего Эпира, Акарнании и Этолии. Столицей нового государства сделался город Арта.

По характеру внутреннего управления деспотат не отличался от приемов до 1204 года, когда его территория представляла собой провинцию Византийского государства; изменилось лишь название формы правления, а народ продолжал жить на основах византийской администрации. Будучи со всех сторон окружен латинскими и славянскими государствами, на востоке феодальным Фессалоникийским королевством, на северо-востоке Болгарским царством и на западе владениями Венеции, угрожав-

шей морскому побережью Эпира, деспотат должен был пойти по пути создания крепкой военной силы, которая могла, в случае необходимости, дать отпор внешнему врагу. Немалым подспорьем в последнем случае служила для деспотата также горная, малодоступная природа местности. Деспот Михаил I смотрел на себя как на совершенно независимого государя и не признавал какого-либо главенства Феодора Ласкаря Никейского. Церковь в деспотате также управлялась самостоятельно, и Михаил I сделал распоряжение, чтобы местные митрополиты приступили к рукоположению епископов.

Первоначальной задачей эпирского деспота было сохранение в западных областях Греции эллинизма от поглощения его соседними франками и болгарами. Более широкие задачи, которые вывели деспотат далеко за тесные пределы интересов государства, появились и развились позднее.

В правление Феодора Ласкаря у Никеи не было серьезных столкновений с деспотатом. Со вступлением на престол Иоанна Ватаца обстоятельства изменились. В это время на эпирском престоле сидел уже брат Михаила Феодор, с именем которого связывается представление о расширении пределов его государства за счет латинян и болгар.

Новый деспот Феодор Ангел пребывал при жизни брата при Дворе никейского государя. Когда Михаил I обратился к Феодору Ласкарю с просьбой отпустить брата в Эпир для помощи деспоту в управлении государством, то никейский император исполнил просьбу Михаила, взяв предварительно с Феодора Эпирского клятву в верности ему, как императору, и его никейским преемникам. Опасения Феодора Ласкаря оказались обоснованными: когда Феодор Ангел сделался эпирским государем, то он, нисколько не считаясь с данной никейскому императору клятвой, открыл военные действия против Никеи.

Первое, чем прославился Феодор Ангел, это был захват им в плен латинского императора Петра Куртене, графа Оксеррского. После смерти Генриха в 1216 г. бароны избрали в императоры его зятя Петра Куртене, женатого на Иоланте, сестре Балдуина и Генриха. В момент избрания Петр с супругой находился во Франции. Получив известие об избрании, они двинулись в Константинополь через Рим, где папа Гонорий III короновал Петра императорской короной, но не в храме св. Петра, а в церкви San Lorenzo Fuori le Mura, желая показать, что империя Романии на Востоке была отлична от Римской империи на Западе, — отличие, которое могло быть несколько забыто, если бы коронация восточного императора имела место в соборе св. Петра, где, начиная с Карла Великого и Оттона I, короновались западные императоры. Отправив из Италии свою супругу Иоланту морем в Константинополь, сам Петр с войском, переехав Адриатическое море, высадился у Диррахия, надеясь сухим путем добраться до столицы. Но Фео-

дор Ангел, устроив ему засаду в горных теснинах, разбил и взял в плен большую часть войска Петра. Сам император, по одним источникам, пал в битве, по другим, был схвачен и умер в греческом плену. Судьба Петра Куртене в греческом плену покрыта тайной, подобно судьбе первого латинского императора Балдуина, погибшего в болгарском плену. По всей вероятности, Петр умер в темнице. Между тем, вдова Петра, Иоланта, прибыв в Константинополь, в течение двух лет до своей смерти (1217—1219) управляла государством. Ей наследовал ее сын Роберт (1220—1228).

На этом антилатинская политика Феодора Ангела не закончилась. Вскоре возник вопрос о королевстве Фессалоникийском (Солунском), королем которого был с 1204 г. Бонифаций Монферратский, убитый в стычке с болгарам уже три года спустя. После этого в королевстве начались смуты и раздоры. Пока был жив император Генрих, он мог еще оберегать Солунь от двух ее наиболее грозных врагов, Болгарии и Эпира. Но после смерти Генриха и нового латинского императора Петра Куртене Фессалоникийское королевство было не с состоянием противиться наступательным действиям Феодора Эпирского.

Последний, начав войну против соседнего латинского королевства, одержал победу и овладел в 1222 году Солунью, вторым городом бывшей Византийской империи, столицей королевства и первым леном Константинопольской латинской империи. «Таким образом, всего лишь после восемнадцати лет существования эфемерное ломбардское королевство бесславно пало — первое из созданий четвертого Крестового похода». Овладев Солунью и распространив свои владения от Адриатического моря до Эгейского, Феодор счел себя вправе короноваться императорским венцом, сделаться императором ромеев, т. е. не признать этого титула за Иоанном Ватацем, перед этим (1222 г.) вступившим на никейский трон. С точки зрения Феодора Эпирского, он, как представитель славных фамилий Ангелов, Комнинов и Дуков, имел полное преимущество перед Иоанном Ватацем, человеком не очень знатного происхождения, попавшим на престол только потому, что он приходился зятем покойному Феодору Ласкарю.

Поднимался вопрос, кто будет короновать Феодора в Солуни. Солунский митрополит уклонился от этого, не желая нарушать прав жившего тогда в Никее Константинопольского патриарха, венчавшего на царство Иоанна Ватаца. Тогда другой иерарх, не связанный отношениями с православным патриархом в Никее, автокефальный архиепископ города Охриды (Ахриды) и «всей Болгарии» Димитрий Хоматин венчал и миропомазал Феодора на царство, и последний, по словам источника, «облекся в порфиру и стал носить красные башмаки», что являлось одним из отличительных признаков византийского василевса. Сам Феодор подписывал свои грамоты

(хрисовулы) полным титулом византийского государя: «Феодор во Христе Боге василевс и автократор ромеев, Дука».

Провозглашение Феодора солунским императором и помазание его на царство архиепископом Димитрием Хоматином должно было повлечь за собой политический разрыв между Солунью и Никеей и церковный разрыв между западными греческими иерархами и никейской патриархией, именовавшей себя патриархией Константинопольской.

В течение продолжительного времени после падения латинского Солунского королевства некоторые западноевропейские принцы, родственные Монферратской фамилии, продолжали на Западе носить пустой титул Солунского короля. Это были так называемые «титулярные» Солунские короли, подобно тому, как после падения Латинской империи в 1261 году в Западной Европе будут «титулярные» Латинские императоры.

Таким образом, с 1222 г., когда была провозглашена Фессалоникийская империя, отрицавшая Никейскую империю, на христианском Востоке появились три империи: две греческих, Фессалоникийская и Никейская, и Латинская империя в Константинополе, с каждым годом слабеющая. Дальнейшая история XIII века развивалась в зависимости от взаимных отношений этих империй, в судьбы которых, в виде решающего фактора, вмешалось Болгарское царство Иоанна-Асеня II.

У двух греческих императоров, Иоанна Ватаца и Феодора Ангела, был один общий враг — константинопольский император. Но сговориться между собою относительно этого общего врага греческие государи не могли, так как каждый из них всеми силами стремился завладеть Константинополем для себя. Лишь один из двух мог быть восстановителем Византийской державы. Поэтому им приходилось каждому в отдельности бороться с Латинской империей, чтобы, в конце концов, столкнуться друг с другом.

Вести об усилении Никеи и Эпира доходили до Западной Европы и вызывали тревогу за будущую судьбу Латинской империи. В своем письме (от мая 1224 г.) к французской королеве Бланке, матери Людовика IX, папа Гонорий III, вспоминая о сильной империи Романии и о том, что «там недавно создана была как бы новая Франция», предупреждает королеву, что «сила французов (на Востоке) уменьшилась и уменьшается, в то время как противники против них серьезно крепнут, так что, если императору не будет оказана быстрая помощь, то можно опасаться, что латинянам будет угрожать непоправимый ущерб как в людях, так и в средствах». Затем в письме следует просьба к французскому королю помочь латинскому императору.

Иоанн Ватац вскоре по вступлении на престол открыл успешные военные действия против латинян в Малой Азии, затем при помощи флота,

который уже был у никейского государя, захватил ряд островов Архипелага (Хиос, Лесбос, Самос и др.), а затем, получив от жителей Адрианополя просьбу прийти к ним и освободить их от латинского ига, перенес военные действия в Европу: он послал под Адрианополь войско, которое без боя заняло этот важный пункт. Для Иоанна Ватаца обладание Адрианополем являлось преддверием для овладения Константинополем. Один из соперников был недалеко от заветной цели В то же время Феодор Ангел, выступив из Солуни на восток, завоевал большую часть Фракии и, подойдя в 1225 году к Адрианополю, заставил удалиться оттуда стоявших там военачальников и войско Иоанна Ватаца. Для его планов оставление Адрианополя являлось крупной неудачей. Между тем Феодор, захватив еще некоторые пункты, дошел со своим войском до стен Константинополя. Латиняне переживали критические моменты. Император Солунский почти уже был фактически восстановителем Византийской империи. Владения его простирались от Адриатического моря почти до Черного моря.

Но Феодор должен был отказаться от дальнейших успехов в борьбе против латинян, так как ему самому стала грозить суровая опасность с севера в лице Иоанна-Асеня II Болгарского, также имевшего виды на Константинополь.

Иоанн-Асень II (1218—1241), сын Иоанна-Асеня I, величайший из Асеновичей, не будучи сам завоевателем, расширил границы своего царства, принятого им в расстроеном виде, до таких размеров, каких оно не имело уже несколько веков и до каких оно и позднее не, доходило уже никогда. Религиозно терпимый, образованный и милостивый, он оставил по себе хорошую память не только среди болгар, но и греков.

Для истории Византии Иоанн-Асень II очень важен, как носитель идеи Велико-болгарского царства, которое должно было, казалось, объединить все православное население Балканского полуострова и получить свою столицу в Царьграде. Само собой разумеется, что подобные планы шли вразрез с насущными интересами обеих греческих империй и должны были повлечь за собой враждебные столкновения. Казалось, судьба облегчала болгарскому царю осуществление его планов.

После смерти Латинского императора Роберта (1228 г.) на престол должен был вступить малолетний брат его Балдуин. Поднялся вопрос о регентстве. Некоторые предлагали в регенты Иоанна-Асеня, состоявшего в некотором родстве с Балдуином; причем для укрепления связи предположили устроить помолвку Балдуина с несовершеннолетней дочерью Асеня. Последний, учтя все выгоды предлагаемого соглашения и питая надежду на бескровный захват Константинополя, согласился на предложение и дал обещание освободить для Балдуина земли, занятые врагами, т.е. Феодором Эпирским. Однако, латинские рыцари и представители духовенства

упорно восстали против кандидатуры смертельного врага Латинской империи и настояли на том, чтобы регентом государства был избран француз, «титularный» король Иерусалимский, пребывавший в то время в Западной Европе, восьмидесятилетний Иоанн Вриенский. Таким образом, первая возможность для Асеня овладеть Константинополем окончилась неудачей.

После взятия Адрианополя главную роль на Балканском полуострове играл Феодор Эпирский, император Солунский, который вступил в союз с болгарским Асенем. Но их союзные отношения продолжались недолго. История с регентством Иоанна-Асеня в Константинополе вызвала в Феодоре сильные подозрения. Нарушив союзный договор, он открыл военные действия против болгар. Решительная битва произошла в 1230 году при местечке Клокотнице (теперь Семидже), между Адрианополем и Филиппополем, и окончилась победой Иоанна-Асеня, которому оказала существенную помощь половецкая конница. Сам Феодор Ангел попал в плен. Будучи сначала милостиво принят Асенем, он впоследствии затеял против него интригу, за что и был ослеплен.

Клокотницкое сражение 1230 года является одним из поворотных пунктов в истории христианского Востока XIII века. Оно разрушило Западную греческую империю, западный греческий центр, который был уже близок к тому, чтобы стать восстановителем Византийской империи. Кратковременная Западная империя (1223—1230) прекратила свое существование, и брат взятого в плен Феодора Ангела Мануил правил после этого в Солуни, как полагают некоторые историки, с титулом уже не императора, а деспота, правда он продолжал подписывать свои грамоты красными чернилами, что было присуще царской чести, и назывался в документах царем. В дальнейшей истории XIII века Солунь и Эпир, распавшиеся на два отдельных владения, уже роли не играют. С этих пор борьба за Константинополь велась не между тремя соперниками, а двумя: Иоанном Ватацем и Иоанном-Асенем.

Болгарскому царю после победы над Феодором Эпирским достался без боя Адрианополь и почти вся Македония и Албания до Диррахия (Драча). В руках греков оставались Солунь, Фессалия и Эпир.

Вся прежняя европейская Турция (кроме Константинополя), почти вся Сербия и вся Болгария входили в сферу влияния Асеня.

После этого Иоанн-Асень, раздраженный неудачным решением вопроса о его регентстве в Константинополе, стал во главе созданного им союза православных государей Востока, т.е. его самого, Иоанна Ватаца Никейского и Мануила Солунского, направленного против латинян. Важным результатом этого союзного соглашения для внутренней истории Болгарии

было признание там автокефального болгарского патриаршества, что было сделано с согласия никейского и других восточных патриархов.

Столица попала снова в очень опасное положение, будучи со всех сторон окружена врагами, что понимали современники. В цели наступательного союза против латинян входило полное уничтожение латинского господства, изгнание латинян из Царьграда и раздел их владений между союзниками. Солунь во внимание не принималась. Войска Асеня и Ватаца с суши и моря осадили в 1235 году Константинополь, но, не добившись решительных результатов, должны были удалиться. Встревоженный папа Григорий IX, в своем письме с призывом о помощи Константинопольскому императору, сообщал о том, что «Ватац и Асень, схизматики, недавно заключившие между собой союз нечестия, напали с многочисленным греческим ополчением на землю дражайшего во Христе сына нашего, императора Константинопольского». Доведенный до отчаяния император Балдуин II, покинув Константинополь, объезжал Западную Европу, умоляя ее правителей помочь империи.

На этот раз Константинополь уцелел. Одной из причин, остановивших успехи православного союза, было охлаждение к нему самого Иоанна-Асеня, который понимал, что в лице Никейского императора он имел более опасного врага, чем в отжившей и ослабевшей Латинской империи. Поэтому болгарский царь быстро изменил свою политику, выступив уже защитником Латинского императора. Одновременно он сделал шаги к сближению с папским престолом, заявляя о своей преданности католической церкви и прося прислать для переговоров легата. Таким образом распался кратковременный греко-болгарский союз тридцатых годов XIII века.

Лекция 57.

План:

Монгольское вторжение и союз правителей Малой Азии против монголов.

Значение внешней политики Иоанна Ватаца.

Феодор и Иоанн Ласкариды и восстановление Византийской империи.

В тридцатых и сороковых годах XIII в. с востока появилась грозная опасность от нашествия монголов, а именно татар (в византийских источниках «тахары, татары, атары»). В то время как орда Батыя ринулась в

пределы современной европейской России и в своем натиске в 1240 г. овладела Киевом, перешла Карпаты и лишь из Чехии должна была повернуть обратно в русские степи, другая монгольская орда, двинувшаяся в более южном направлении, покорила всю Армению с Эрзерумом и вторглась в области Малой Азии, угрожая пределам Румского, или Иконийского, султаната сельджуков и слабым владениям Трапезундской империи. На фоне общей опасности со стороны монголов можно отметить союз трех малоазиатских держав: султаната, Никейской и Трапезундской империй. Сельджуки и трапезундские отряды были разбиты монголами, после чего Румский султанат вынужден был откупиться уплатой дани и ежегодной доставкой лошадей, охотничьих собак и пр., а император Трапезундский, видя полную невозможность бороться с монголами, поспешил примириться с ними и, на условии платежа ежегодной дани, превратился в монгольского вассала. К счастью для сельджуков и Иоанна Ватаца, монголы занялись другими военными предприятиями и приостановили временно свой натиск на запад, что дало возможность Никейскому императору предпринять решительные действия на Балканском полуострове.

В связи с монгольским вторжением, интересны две истории, рассказанные западным историком XIII века Матфеем Парижским. Они отражают некоторые слухи, циркулировавшие в то время в Европе. В обоих случаях Матфей рассказывает о том, что в 1248 г. двое монгольских посланников были посланы к папскому двору и сердечно приняты Иннокентием IV, который, подобно многим другим членам католической церкви, надеялся обратить монголов в христианство. Однако в первой истории он говорит также следующее. Многие, предполагали, что письмо монгольского хана к папе содержало предложение начать войну против Иоанна Ватаца, «грека, зятя Фридриха, схизматика, непокорного сына папской курии. Это предложение, как казалось, не было неприятным папе». В своей *Historia Anglorum* Матфей пишет, что папа велел передать монгольским посланникам для монгольского хана, что если он примет христианство, он должен идти со всеми своими силами против Иоанна Ватаца «грека, зятя Фридриха, схизматика и мятежника, против папы и императора Балдуина и после того — против самого Фридриха, который сам поднялся против Римской курии». Однако монгольские посланники, не желая «подогревать взаимную ненависть христиан», отвечали через переводчиков, что у них нет полномочий предлагать своему повелителю такие условия и что они опасаются, как бы он, услышав такие новости, не разгневался бы.

Конечно, ни одна из этих историй, особенно вторая, которая отражает европейские слухи XIII века, не имеет исторической ценности и их нельзя рассматривать как исторический факт. Весьма важно подчеркнуть тот факт, что политическая сила и значимость Иоанна Ватаца была широко известна и играла существенную роль, по меньшей мере во мнении западноевропейских авторов в вопросе переговоров папы и монгольских послов. Послы

были приняты с большим уважением и вниманием Иннокентием IV, который писал «их знаменитому царю и знати, и всем принцам и баронам «татарской армии» длинное письмо, в котором он побуждал их принять христианскую веру».» Имя Иоанна Ватаца в этом папском послании не упомянуто. Между тем, Иоанн Ватац, избавленный от опасности монгольского вторжения с востока, обратил внимание на Балканский, полуостров и достиг блестящих результатов.

Со смертью Иоанна-Асеня II в 1241 г. миновало Второе Болгарское царства, его слабые преемники не могли удержать завоеваний Асеня. Со смертью последнего рушилась вторая попытка со стороны болгар основать на Балканском полуострове великое греко-славянское государство с центром в Константинополе. Ни Симеону в X веке, ни Асеням в XII веке это оказалось не по силам.

Воспользовавшись ослаблением Болгарии, Иоанн Ватац переправился с войском на европейский берег и в несколько месяцев отнял у Болгарии все завоеванные Асенем II македонские и фракийские области. Не остановившись на этом, Ватац прошел дальше к Солуни, где царила полнейшая разруха, и в 1246 году без труда овладел этим городом. Солунское государство прекратило свое существование. В следующем году Ватацем были завоеваны некоторые фракийские города, принадлежавшие Латинской империи и приблизившие Никейского императора к Константинополю. Эпирский деспотат был приведен в зависимость от его власти. Соперников у Ватаца в его стремлении к берегам Босфора более не было.. К концу правления Ватаца его владения, непосредственные и зависимые, простирались от берега Черного моря до Адриатического. Если не считать Средней Греции и Пелопоннеса, то для восстановления империи недоставало лишь Константинополя.

В 1254 году Иоанна Ватаца не стало. Источники с единодушием воздают должное усопшему императору. Его сын и наследник, Феодор II Ласкарь, так пишет в своем похвальном слове отцу: «Он объединил авзонскую землю, разделенную на множество частей иностранным и тираническим многовластием, — латинским, персидским, болгарским, скифским и другими, наказал хищников и оберег свой жребий... Он сделал наш удел недоступным для, противников». Византийские историки в один голос восхваляют Иоанна Ватаца.

Интересно, что Иоанн Ватац пользовался в народе такой любовью и уважением, что спустя некоторое время после смерти в памяти народной превратился в «святого»; с его именем стали связываться чудеса; было составлено «Житие св. Иоанна, царя Милостивого». Правда, память Иоанна Ватаца не была признана официально греческой церковью, и его почитание ограничивалось тесными пределами лидийского города в Малой Азии

Магнезии, где император был погребен. Не надо также путать «Житие» Ватаца с житием святого VII века Иоанна Милостивого. О месте и времени со- ставления жития Ватаца ученые расходятся. Еще в настоящее время духовенство и жители Магнезии и ее окрестностей ежегодно собираются 4 ноября в местную церковь и чтут память покойного императора Иоанна Милостивого. В нашем «Полном месяцеслове Востока» архиепископа Сергия, под 4 ноября отмечена память «Иоанна дукса Ватадзи».

Внешняя политика Ватаца очень важна, ибо постепенно устраняя претендентов на роль восстановителя империи — правителей Фессалоники, Эпира и Болгарии — он сам подчинил своей власти такую территорию, которая знаменовала собою уже реставрацию Византийской империи. В процессе ее восстановления главную роль сыграл Иоанн Ватац, и Михаил Палеолог в 1261 году воспользовался лишь плодами упорных трудов и энергичной деятельности лучшего из Никейских государей. Последующие поколения оценивали его как «отца греков».

Последними государями Никейской империи были сын и внук Иоанна Ватаца Феодор II Ласкарь (1254—1258) и Иоанн IV Ласкарь (1258—1261). По словам источников, тридцатитрехлетний Феодор, «будучи, согласно обычаю, посажен на щит», был провозглашен императором с согласия войска и знати.

Феодор II, несмотря на слабое здоровье, посвящал все свое время, до вступления на престол, занятию науками и литературной деятельностью. Его просвещенный отец делал все возможное и окружил сына лучшими учеными людьми того времени во главе с Никифором Влеммидом и Георгием Акрополитом.

Вступив на престол, Феодор II развил энергичную политическую деятельность, которая заставила его забыть занятия науками и даже его любимой философией. Понимая серьезность внешних политических отношений, он главное внимание обратил на создание сильной армии. Будучи убежден, что греки должны полагаться лишь на свои силы, Феодор являлся чуть ли не единственным «византийским» государем, который обратил внимание на «эллинизацию» войска, вопреки укоренившемуся обычаю пользоваться наемными войсками чуждых народностей.

Несмотря на некоторые неудачи, Феодор II с честью вышел из трудной борьбы, которую ему пришлось вести с Болгарией и Эпирским деспотом. В 1258 году молодой государь в 36 лет скончался, оставив своему преемнику в целости обширные завоевания Иоанна Ватаца. Этот деятельный, философски образованный государь, жил и работал с мыслью, что суд над ним произнесет история. Устремление основать греческую империю на твердых и незыблемых основаниях Феодора оставалось в области идеаль-

ного. В действительности отряды наемников, представленных разными национальностями, играли важную роль в жизни Никейской империи в целом и в правление Феодора в частности.

В области внешней политики Феодор предпринял две трудные кампании против болгар. Узнав о смерти Ватаца, болгарский царь Михаил Асень, воспользовавшись случаем, решил отвоевать области, потерянные при Ватаце. Никейские императоры опасались, что и все остальные европейские завоевания снова могут стать болгарскими. Несмотря на множество трудностей, на трусость и измены своих командиров, обе болгарские кампании закончились для Феодора успешно и, благодаря вмешательству русского князя Ростислава, тестя Михаила Асеня, был заключен договор. Болгары и греки признали свои бывшие границы. Одна болгарская крепость была даже уступлена Феодору.

Взаимоотношения Феодора с Эпирским деспотом в связи с Предложением брачного союза между сыном деспота и дочерью Феодора, привели к тому, что Феодор получил важный морской порт Диррахий (Дураццо) на Адриатике и крепость Сербию (Сервию) на границе Эпира и Болгарии. Диррахий «был западным аванпостом Никейской империи и как бы шипом в боку эпирских деспотов». В Малой Азии турки-сельджуки оказались перед серьезной угрозой со стороны монголов, которым удалось сделать султана своим данником. Ситуация была деликатной и сложной, ввиду того, что Феодор поддерживал султана в его борьбе против монголов, а султан, «имея душу трусливого оленя», нашел убежище у Феодора. Но военного конфликта удалось избежать, и к Феодору было послано монгольское посольство. Прием произошел в Магнезии и был блистательным и впечатляющим. Основная идея Феодора заключалась в желании произвести впечатление на татар, которых он боялся. Император принял послов, сидя на высоком троне с мечом в руках. Византийские историки сохранили детальное описание приема.

Конечно, царствование Феодора было слишком коротким, чтобы можно было вынести окончательное суждение о его значении. Однако в истории Никеи его имя всегда будет вспоминаться с почетом за продолжение успешной внешней политики своего отца и за свою собственную устремленность к знаниям и культуре.

Преемником Феодора II был несовершеннолетний сын его Иоанн IV (1258—1261), который не мог, даже при помощи назначенного регента, справиться со сложными государственными делами. В это время сыграл решающую роль хитрый, обуреваемый честолюбивыми замыслами, «буйный интриган и бесчестный лицемер, но способный офицер», Михаил Палеолог, родственник Иоанна Ватаца, находившийся не раз в подозрении у него и Феодора II и, несмотря на это, занимавший ответственные посты,

сумевший в опасные моменты скрываться, бежавший на некоторое время даже ко двору Иконийского султана. Бурное время требовало сильной власти. Михаил Палеолог сумел воспользоваться обстоятельствами и в 1259 году был коронован в императоры.

Главная внешняя опасность для балканских владений Никейской империи грозила со стороны Эпирского деспота, которому удалось создать против империи союз из деспотата, Сицилийского короля, родственника деспота и побочного сына Фридриха II Манфреда, и Ахайского князя Вильгельма Виллардуэна. После ряда успешных военных действий Михаила Палеолога против коалиции решительная битва произошла в 1259 году в западной Македонии, на равнине Пелагонии, около города Кастории. В войске Михаила, кроме греков, участвовали турки, куманы, славяне. Пелагонийское, или Касторийское, сражение закончилось полным поражением союзников. Ахайский князь попал в плен. Хорошо вооруженное войско западных рыцарей бежало перед легко вооруженными ви-финскими, славянскими и восточными отрядами.

Сражение при Кастории имело решающее значение для восстановления Византийской империи. Владения Эпирского деспота были сведены к его родовым владениям в Эпире. Латинская империя не могла полагаться на потерпевшее поражение Ахайское княжество, тем более, что во главе ее стоял слабый и безвольный Балдуин II.

Чтобы еще более обеспечить себе успех окончательного удара по Константинополю, Михаил Палеолог заключил договор с генуэзцами. Торговые интересы Генуи и Венеции сталкивались на Востоке повсюду. После четвертого Крестового похода и основания Латинской империи Венеция стала исключительной торговой силой в латинских владениях Востока, с чем Генуя примириться никак не могла. Зная это, Михаил вступил в соглашение с генуэзцами, которые хотя и знали, что соглашение их со схизматическими греками вызовет суровое осуждение папы и Запада вообще, тем не менее были настолько охвачены желанием вытеснить венецианских соперников с Востока, что пренебрегли этим и заключили договор с Михаилом.

В марте 1261 года, в Нимфее был подписан важный договор, который гарантировал генуэзцам торговое господство в Леванте, которым так долго пользовались венецианцы. Это был на деле оборонительный и наступательный союз против Венеции. Свободная торговля была навсегда гарантирована генуэзцам во всех настоящих и будущих провинциях империи. Договор содержал весьма важные привилегии генуэзцам в Константинополе и на островах Крит и Эвбея, если Михаил, «благодаря милости Божьей» сможет их отвоевать. «Смирна, прекрасный город для торговли, имеющий морской порт и изобилие во всем» был отдан под прямой и неограничен-

ный контроль генуэзцев. Торговые центры с церквями и представительствами были открыты на островах Хиос и Лесбос и в некоторых других местах. Черное море было закрыто для всех иностранных торговцев, кроме генуэзцев и пизанцев, преданных подданных Михаила. Со своей стороны, генуэзцы брали на себя обязательство обеспечить подданным императора свободу торговли, поддерживать их флот при том условии, что корабли не будут направлены против папы и друзей Генуи. Генуэзский флот играл большую роль в планах Михаила по завоеванию Константинополя. Договор был ратифицирован в Генуе за несколько дней до того, как Константинополь был завоеван войсками Михаила. Это была блистательная победа для Генуи, которая после побед Саладина в Сирии понесла тяжелые потери.

25 июля 1261 г., не произведя ни единого выстрела, отряды Михаила вошли в Константинополь. Сам Михаил был в это время в Малой Азии, где он и узнал новость о том, что Константинополь взят. Он немедленно отправился в путь и в начале августа вошел в город, приветствуемый радостными возгласами населения. Вскоре была осуществлена его вторичная коронация в соборе Св. Софии. Балдуин II убежал на Эвбею (в Негропонте). Латинский патриарх и основное количество католического духовенства имели достаточно времени для того, чтобы оставить город до того, как он был взят. По приказу Михаила Иоанн IV Ласкарь был ослеплен. Михаил Палеолог сделался восстановителем Византийской империи, Михаилом VIII, основателем последней византийской династии Палеологов, сумевшим воспользоваться тем, что было уже сделано Никейскими императорами. Столица была перенесена из Никеи в Константинополь.

Беглый латинский император Балдуин перебрался с Эвбеи в Фивы и затем в Афины. Там она священном афинском Акрополе разыгралась последняя жалкая сцена короткой драмы Латинской империи Константинополя. Потом Балдуин отправился из Пирея в Монемвасию и, оставив в Морее большую часть своей свиты, отплыл в сторону Европы просить помощи в своем проигранном деле и играть грустную роль императора в изгнании.

В то время как западные источники, почти все без исключения, ограничиваются лишь простым упоминанием о взятии Константинополя Михаилом и об изгнании франков, греческие источники высказывают по этому поводу великую радость. Георгий Акрополит, например, писал: «Весь ромейский народ находился по причине случившегося тогда в великом удовольствии, веселии и несказанной радости. Не было никого, кто бы не веселился и не радовался». Однако была слышна нота неудовольствия в словах высокого должностного лица при Михаиле Палеологе, преподавателя, комментатора Гомера и юриста, Сенахерима, который, после взятия греками Константинополя, воскликнул: «Что я слышу! И это было оставлено для наших дней! Что мы сделали для того, чтобы жить и видеть подобные ката-

строфы? Никто не может рассчитывать ни на что хорошее, ибо ромеи снова в городе!»

Большинство исследователей смотрит с осуждением на поведение латинян во время их господства в Константинополе. Если взять во внимание взятие столицы крестоносцами, «рассеяние» ее многочисленных сокровищ по Европе и угнетение Греческой православной церкви, отрицательное отношение к современным событиям греческих источников и большинства новейших исследователей вполне понятно.

Лекция 58.

План:

Просвещение, литература и наука в эпоху Никейской империи.

После разгрома империи в 1204 году и распада ее на ряд самостоятельных латинских и греческих владений, Никейское государство сделалось центром не только грядущего, но и очагом культурной жизни. В XIII веке, по свидетельству Георгия Кипрского (2 пол. XIII в.), про Nikeю говорили, что она «по обилию ученых людей представлялась новыми Афинами», что она была «дивным и многожеланным источником учености». Правда, после прибытия в Nikeю Георгий Кипрский разочаровался в Nikeе. В одном из сочинений Феодора Ласкаря мы читаем о том, что Коринф славится музыкой, Фессалия — искусством ткачества, Филадельфия — сапожным мастерством, а Nikeя — философией. Все представители династии Ласкарей, проявили себя истинными ценителями просвещения, прекрасно понимавшими, что духовная культура является одним из оснований крепкого государства. Уже первый государь Nikeи, Феодор I, несмотря на затруднения во внешних и внутренних отношениях империи, интересовался вопросами просвещения. Он приглашал к своему двору различных ученых, особенно из греческих областей, занятых или угрожаемых франками; такое приглашение было получено и афинским митрополитом Михаилом Акоминатом, бежавшим перед латинским завоеванием на остров Кеос; он не смог воспользоваться приглашением из-за преклонного возраста и слабого состояния здоровья. В Nikeю же удалился после взятия Константинополя брат Михаила, историк Никита Акоминат, который, воспользовавшись досугом и спокойствием при дворе Феодора Ласкаря, сделал окончательную обработку своего исторического произведения и написал богословский трактат «Сокровища Православия». Преемник Феодора, знаменитый Иоанн III Дука Ватац, при всей своей деятельности, находил время и для удовлетворения просветительных нужд государства. Он основывал в городах библиотеки из книг до искусства и другим наукам и, интересуясь школьным де-

лом, сам определял иногда в школу молодых людей для улучшения образования в стране. К его времени относится ученая, писательская и преподавательская деятельность наиболее крупного представителя культурного движения XIII века, Никифора Влеммида, учениками которого были просвещенный писатель на троне, преемник Ватаца, Феодор II Ласкарь и известный историк и государственный деятель Георгий Акрополит. Подобно своему отцу, Феодор очень интересовался библиотеками. Он собирал книги и раздавал их по разным библиотекам. Он даже позволял читателям уносить для чтения книги домой.

Как и в эпоху Комнинов, образованные люди XIII века писали на искусственном, школьном греческом языке, далеком от языка разговорного, который в качестве литературного языка не признавался.

Самой выдающейся фигурой в культурной жизни Никейской империи является Никифор Влеммид. Кроме многочисленных сочинений различного содержания он оставил две интересные, изданные в 1896 году немецким ученым Гейзенбергом автобиографии, знакомящие нас не только с жизнью самого автора, но и с обстоятельствами и людьми его эпохи.

Влеммид родился в Константинополе в конце XII века. После завоевания города латинянами малолетний Влеммид переселился с родителями в Малую Азию, во владения Феодора I Ласкаря, где и начал свое образование с элементарной школы. Постепенно, переезжая из города в город, Влеммид познакомился у разных учителей с пиитикой, риторикой, логикой, философией, естественными науками, медициной, арифметикой, геометрией, физикой, астрономией. Затем, поселившись в одном из монастырей, он обратился к изучению Святого Писания и святоотеческих творений. При императоре Ватаце, полюбивший Влеммида патриарх Герман приблизил его к себе и привлек к широкой церковно-общественной деятельности. Но Влеммид, чувствуя стремление к уединенной жизни, несмотря на убеждения патриарха, покинул двор и поселился в монастыре на горе Латре, около города Милета, где он предался подвигам духовной жизни и возложил на себя одежду инок. По возвращении из монастыря, во время переговоров Ватаца и патриарха с папскими нунциями об унии, Влеммид являлся строгим защитником православного учения. Приняв монашество, он поселился в монастыре, где занялся своими научными работами и, основав школу, выступил в роли преподавателя философских наук. Здесь, среди других юношей, порученных Влеммиду императором, находился в качестве его ученика будущий историк и общественный деятель Георгий Акрополит. Ватац, радея об успехах в своем государстве науки и искусства, отправил Влеммида в ученое путешествие по Фракии, Македонии, Фессалии, на Афон и в другие места с тем, чтобы покупать священные и другие книги, а в случае невозможности этого, прочитывать их и делать из них выдержки и заметки. Это поручение, успешно выполненное Влеммидом, обогатило его

новыми. Император поручил ему воспитание своего сына и наследника престола Феодора Ласкаря, который стал просвещенным и умудренным знанием правителем и писателем. Построив свой монастырь и поселившись в нем, Влеммид принимал участие в спорах о вере, упорно отклонял предложение патриаршества, большую часть времени посвящал литературным занятиям и, пережив восстановление Византийской империи Михаилом Палеологом, тихо скончался в своей обители около 1272 года.

От Влеммида до нас дошли многочисленные и разнообразные сочинения. Две изданные в 1896 году автобиографии Влеммида дают много ценного материала как для биографии и характеристики личности автора, так и, особенно вторая автобиография, для изображения церковно-исторических событий, политических и социальных условий его эпохи, являясь одним из самых важных источников для истории Византии XIII века. Кроме этого, перу Влеммида принадлежит очень много богословских сочинений из области догматики, полемики, аскетики, экзегетики (толкования), литургики, церковной поэзии, проповедей, житий. Его «переложение некоторых псалмов», предназначенное для богослужебных целей, сделалось со временем неотъемлемой составной частью всенощного бдения в греческой церкви, чтобы позднее появиться в церквах южнославянских, а затем в Русской церкви. Немалый интерес представляют и светские сочинения Влеммида.. Политический трактат «Царская статуя» (*Basilikos andrias*), посвященный его воспитаннику, императору Феодору II Ласкарю, имеет целью создать идеал государя, который мог бы служить образцом; вследствие чего и государь является образцом и примером всякого блага и светит ярче, чем воспеваемый (греческий скульптор) Поликлет; такому образцу император в своей жизни должен был следовать. По представлению Влеммида, правитель был «высшим должностным лицом, поставленным Богом, для того чтобы заботиться о подчиненном ему народе и вести его к высшему благу». Царь, являясь «основанием народа», обязан иметь в виду благосостояние подданных, не поддаваться чувству гнева, избегать льстецов, иметь попечение об армии и флоте; во время мира надо готовить войну, как как сильное оружие есть наилучшая защита; нужны забота о внутреннем благоустройстве государства, религиозность и правый суд. Исходным пунктом всех рассуждений автора об идеальном правителе является положение: «царю надлежит прежде всего владеть самим собою, а потом управлять и всем народом». Точно не установлено, произведениями каких писателей он пользовался при составлении своего трактата.

Конечно, классические традиции и религиозные чувства сильно повлияли на творчество Влеммида. Однако в течение своей жизни он многократно был тесно связан с интересами империи и императора и, вероятно, он не всегда был «человеком, живущим в другом мире и далеким от интересов грешной земли». Под риторическим налетом его трактата можно различить некоторые реалистические черты, напоминающие личность Феодо-

ра II. Вероятно, что когда Влеммид писал свою «Царскую статую», истинный образ Феодора II действительно был перед его глазами. Однако реалистические черты личности его повелителя оказались затемнены риторикой и классической эрудицией Влеммида.

Из философских сочинений Влеммида, основанных главным образом на Аристотеле, наиболее известны «Сокращенная физика» и особенно «Сокращенная логика». Последняя, после смерти автора, распространилась по всей империи и, мало-помалу, сделалась основой обучения и любимейшим философским учебником не только на Востоке, но и в Западной Европе.

Логика и физика Влеммида важны как с точки зрения уяснения философских движений в Византии XIII века, так и с точки зрения уяснения вопроса о влиянии Византии на развитие западноевропейской мысли. До нас дошла важная в историко-культурном отношении переписка Влеммида с Феодором II Ласкарем. Два небольших географических сочинения «История земли» и «Всеобщая география», а также несколько стихотворений светского характера.

Среди учеников Влеммида особенно выделялись двое: Георгий Акрополит и император Феодор II Ласкарь. Родившийся в Константинополе Георгий Акрополит отправился еще юношей в Никею во время правления Иоанна Ватаца, где получил образование вместе с Феодором Ласкарем у Никифора Влеммида, а позднее сделался также и учителем Феодора. Дойдя до высших чиновных степеней и потерпев неудачу на военном поприще, он уже при Михаиле Палеологе, возвратившемся в Константинополь, посвятил себя дипломатии и по поручению императора руководил переговорами на Лионском соборе, где и добился заключения унии с западной церковью, против которой он сам раньше боролся. Умер Акрополит в начале восьмидесятых годов XIII века.

Главным литературным произведением Акрополита является важная, как источник, «История», излагающая события со времени взятия Константинополя крестоносцами до восстановления Византийской империи (с 1203 по 1261 год); таким образом, это сочинение может быть названо специальной историей Никиты Акомината. Как современник описываемых явлений и по своему официальному положению участник последних, Акрополит дал детальное и правдивое, написанное довольно ясным языком изложение событий своей эпохи. Из небольших сочинений Акрополита, большей частью риторических и богословских, можно отметить надгробную речь императору Иоанну Ватацу.

Вторым наиболее известным учеником Никифора Влеммида был никейский император Феодор II Ласкарью. Георгий Акрополит был официаль-

ным учителем Феодора, однако Влеммид имел очень сильное влияние на будущего императора, который в своих письмах называл его своим учителем и испытывал к нему глубокое уважение. Влеммид и Георгий Акрополит сумели вдохнуть в юную душу их ученика, еще в правление его отца Иоанна Ватаца, настоящую любовь к наукам. Изучив греческих писателей, как церковных, так и светских, и ряд различных наук, Феодор, основываясь преимущественно на Аристотеле, уделил главное внимание философии. Будучи воспитан на идеях эллинизма и классической литературы, он в одном из своих писем сообщал о глубоком впечатлении от созерцания античных памятников Пергама.

Сочувствуя просвещению, он, подобно отцу, интересовался школьным делом. Вокруг Феодора II собрался круг образованных в литературе и науке людей, которые были заинтересованы в науках, искусстве, музыке, поэзии и тому подобном. Феодор открыл немало школ.

Феодор Ласкарь написал несколько рассуждений на философские и религиозные темы, похвальные слова и оставил вышеупомянутый большой сборник писем (больше двухсот), адресованных к различным выдающимся деятелям эпохи, особенно же к его учителям, Никифору Влеммиду и Георгию Акрополиту. В сочинениях Феодора можно отметить его обширные познания также в науках естественных и математических.

Ко второй половине XII века и к первому периоду Никейской и Латинской империй принадлежит деятельность двух просвещенных братьев, Иоанна и Николая Месаритов, существование которых было открыто наукой лишь в начале XX столетия благодаря А. Гейзенбергу, поэтому в «Истории византийской литературы» Крумбахера этих имен еще нет. На основании надгробной речи Николая Месарита по случаю смерти старшего брата, мы знаем, что Иоанн, получив заботливое воспитание, пробыв некоторое время на чиновничьей службе при двух последних Комнинах и, сделавшись профессором по предмету толкования Псалтири при Ангелах, написал комментарий к псалмам, чистовой экземпляр которого был уничтожен при взятии Константинополя латинянами в 1204 году, так что, по-видимому, из этого комментария до нас ничего не дошло. Приняв деятельное участие в спорах с представителями папы в Константинополе в первые годы существования Латинской империи и твердо стоя на православной точке зрения, Иоанн умер в 1207 году.

Его младший брат Николай, будучи также придворным чиновником при Ангелах и придерживаясь одинаковой с братом точки зрения в отношении папских притязаний, направился после смерти брата в Никею, где занял видное положение у патриарха и впоследствии сделался епископом Эфеса. Позднее он принимал главное участие в переговорах о церковном

сближении Никеи с Римом, о чем он оставил обстоятельный рассказ. Некоторые произведения Николая изданы.

Интересно описание Николая Месарита константинопольской церкви Святых Апостолов с ее мозаиками, почти не уступавшей по роскоши и красоте Святой, прообраза соборов святого Марка в Венеции, святого Иоанна в Эфесе и St. Front в Периге (Perigueux) во Франции. Церковь Святых Апостолов была разрушена турками после взятия ими Константинополя, и на ее месте построена мечеть Мехмеда II Завоевателя. Из-за этого, описание Николая, основанное на личном внимательном наблюдении, получает совершенно особое значение.

Братья Месариты принадлежат к тем образованным и любящим книгу людям, которые, частью в тиши монастырей, частью при Никейском дворе, делали в XIII веке культурную работу и подготовляли духовное и политическое возрождение государства, приведшее к восстановлению Византийской империи в 1261 году.

Византийская хроника данного периода имеет лишь одного представителя в лице некоего Иоиля, написавшего, вероятно в XIII веке, краткую, не имеющую ни исторической, ни литературной ценности всемирную хронику от Адама до взятия Константинополя латинянами в 1204 году.

Все вышеуказанные сочинения были написаны на том условно-классическом, литературном, искусственном языке, который порывал всякую связь с народной разговорной речью. Но в литературе того же XIII века можно указать примеры, где писатели прибегают к разговорному языку и народным стихотворным размерам и дают интересные образцы новых веяний в литературе. Написанный народными стихами по случаю бракосочетания Иоанна Ватаца с дочерью Фридриха II эпиталямий (свадебная поэма) Николая Ирника была создана в стиле, типичном для дворцовых церемоний и тесно связанным со стилем эпиталямий Феодора Продрома. Поэма Николая Ирника дает новую информацию о церемониях византийского двора и в этом заключается ее историческое и культурное значение.

К эпохе же Крестовых походов, особенно после четвертого похода, можно отнести некоторые стихотворные, написанные разговорным языком произведения, представляющие собою род романов, где в фантастической обстановке описывается чувство любви и рыцарские приключения. Одно произведение из области византийской эпической (былинной) поэзии до Крестовых походов, а именно поэма о Дигенисе Акрите, пользуется особенной известностью.

Эпоха Крестовых походов создала в Византии более сложную литературную обстановку. Франки - завоеватели, принеся с собой на Восток впол-

не сложившиеся учреждения западного феодализма и рыцарства, должны были познакомить своих новых подданных и со своей западной рыцарской литературой XII века, с провансальскими romans d'aventures и другими произведениями, которые нашли распространение при латинских дворах в греческих странах. Анонимный стихотворный роман «Бельтандр и Хрисанца», первоначальная редакция которого относится к XIII веку, служит примером византийского приключенческого романа. Дошедший же до нас текст носит следы позднейшей переработки и принадлежит XV веку.

Литературное развитие шло параллельно во франкских и греческих странах. Подобно тому, как французские романы XII века имели позади себя немало эпической поэзии, так и греческие романы XIII и XIV веков имели за собой эпическую основу. В обоих случаях разработка романтических мотивов была навеяна влияниями, идущими из эллинистического мира: во Франции через посредство латинской литературы, преимущественно через Овидия; в Греции через посредство литературной традиции, которая там не умирала. Греки обладали, при своей собственной технике, всеми идеями, материалом и окружением для рыцарских романов в то время, когда западные рыцари обосновались на Востоке. Поэтому-то французская литература XII века и не могла оказывать столь сильного влияния на Византию, как она оказывала, например, на Германию. Романтическая литература Запада не явилась в виде нового откровения для народа, который сам имел в своей собственной литературе мотивы, идеалы и элемент фантазии, во многих отношениях одинаковые с западными. В своих главных чертах французский и византийский романы имеют одну общую эллинистическую основу, причем развитие их шло параллельно, независимо, друг от друга.

В последнее время несколько яснее вырисовываются фигуры просвещенных деятелей XIII века и на западе Балканского полуострова, связанных с существованием и историей Эпирского деспотата, создавшегося на развалинах Византийской империи. Из деятелей этих областей можно упомянуть об Иоанне Апокавке, митрополите Навпактском (г. Навпакт, италийски Лепанто, при входе в Коринфский или Лепантский залив), о Георгии Вардане, митрополите Керкирском (остров Керкира, италийское Корфу), и о Димитрии Хоматине, архиепископе Охридском (город Охрида — Ахрида — в западной Македонии, входивший в первой половине XIII века в состав Эпирского деспотата).

Иоанн Апокавк, митрополит Навпактский, умерший в тридцатых годах XIII века, получил прекрасное классическое и богословское образование, в молодые годы он провел некоторое время в Константинополе и затем, сделавшись митрополитом Навпакга, принял деятельное участие в политической, общественной и церковной жизни Эпирского деспотата. У Иоанна Апокавка мы можем отметить любовь и вкус к писанию, в результате чего появилась его обширная переписка, любовь к природе, понимание ее и, на-

конец, его отношение к античной литературе, авторитет которой, в лице наиболее знаменитых писателей древности, Гомера, Аристофана, Еврипида, Фукидида, Аристотеля и других, он очень высоко ставит и которая дает ему вместе с Библией богатый материал для параллелей и аналогий. В числе его корреспондентов можно отметить уже известных нам Феодора Комнина, деспота Эпирского, и знаменитого афинского митрополита Михаила Акомината.

Относительно второго выдающегося деятеля эпохи Эпирского деспотата, Георгия Вардана, митрополита Керкирского, в науке в течение долгого времени существовало крупное разногласие. Еще в конце XVI века автор «Церковных Анналов», кардинал Бароний, на основании писем Георгия к императорам Фридриху и Мануилу Дуке Комнину, относил его время жизни к XII веку, разумая под первым императором Фридриха I Барбароссу, а под вторым — Мануила I Комнина. Позднейшие ученые, видя, что некоторые полемические сочинения с именем Георгия по своему содержанию никак не могли быть отнесены к XII веку, пришли к выводу, что Георгиев Керкирских было два, один из которых жил в XII, а второй в XIII веке. Эти ошибочные суждения были приняты и в «Истории византийской литературы» К. Крумбахера. В 1885 году этот вопрос был правильно решен В. Г. Васильевским, доказавшим, что Георгий, митрополит Керкирский, был лишь один, что жил он в XIII веке, и что в его переписке под императором Фридрихом надо разуметь не Фридриха I Барбароссу, а Фридриха II, и под Мануилом — не Мануила I Комнина, а Мануила деспота Солунского, брата Солунского императора Феодора Дуки Ангела, попавшего в плен к болгарам. Итак, Георгий Вардан принадлежит XIII веку.

Родившись в Афинах и будучи учеником, а позднее другом и корреспондентом Михаила Акомината, Георгий Вардан провел некоторое время в Никее, при дворе Никейского императора, а затем возвратился на Запад, где и был посвящен Иоанном Навпактским в епископы Керкиры. Эпирский деспот Феодор Ангел благоволил к нему. До нас дошли интересные письма Георгия, в которых Михаил Акоминат отмечал изящество его стиля и стройность изложения; последнее, однако, не мешало Михаилу Акоминату в письмах учить Георгия и исправлять различные погрешности в его языке. Кроме писем, Георгий был автором полемических произведений против латинян и нескольких ямбических стихотворений.

Знаменитый греческий иерарх и канонист первой половины XIII века, Охридский (Ахридский) архиепископ Димитрий Хоматин, рукоположенный Иоанном Навпактским и венчавший Феодора Эпирского Солунским императором, оставил после себя более 150 памятников, а именно: письма, в которых разбирались различные юридические и церковные вопросы, разные канонические послания и ответы, судебные решения, соборные деяния и т. п. Эти памятники имеют чрезвычайно важное значение для истории визан-

тийского права вообще и канонического права в частности и дают интересный материал для истории церкви, внутреннего быта и международных отношений первой половины XIII века в Эпире, Албании, Сербии, Болгарии и латинских государствах.

Вышеназванные три лица: Иоанн Апокавк, митрополит Навпактский, Георгий Вардан, митрополит Керкирский, и Димитрий Хоматин, архиепископ Охридский, являются наиболее выдающимися представителями культурных интересов времени Эпирского деспотата и Солунской империи.

Что касается византийского искусства этого времени, то необходимо сказать, что новые франкские княжества, образовавшиеся на территории Византии, вынудили многих людей искусства из Константинополя и Фессалоники (Салоник) искать новое прибежище в могущественном сербском королевстве, или присоединяться к артистам и художникам, уже обосновавшимся в Венеции. «Тогда появилась, — писал О.М. Далтон, — своего рода диаспора художников. Эти миссионеры византийского искусства дали направление славянским школам, расцвет которых в гораздо более позднее время мы только начинаем понимать». Художественные традиции, однако, не умерли, и художественное возрождение при Палеологах обязано тем традициям и достижениям предшествующего времени, которые сохранялись в XIII веке.

Литературное движение эпохи Никейской империи имеет важное значение для общей культурной истории Византии. Создавшийся при дворе Никейских государей центр сделался тем культурным очагом, который посреди политического разделения, жестокой международной борьбы и внутренней разрухи во время латинян спас, сохранил и продолжал дело первого эллинского возрождения при Комнинах, чтобы позднее сделать возможным появление и развитие второго культурного эллинского возрождения при Палеологах. Никея служит как бы мостом от первого возрождения ко второму.

Культурный же центр, создавшийся в XIII веке в западной части Балканского полуострова, в эпирских владениях, был тем культурным звеном, которое сближало христианский Восток с Западной Европой в процессе их культурного движения XIII века. Культурный подъем в Италии XIII века, связанный с именем Фридриха II Гогенштауфена, этот «пролог к Ренессансу», если не в желательной полноте еще разработан и изучен, то, во всяком случае, отмечается, обсуждается и признается всеми. Но культурный рост Никои в том же XIII веке и особенно культурное, правда, только недавно начавшее вырисовываться движение в заброшенном и заглохшем, как казалось, Эпире во внимание не принимались. Между тем, эти три культурных движения развивались в формах большей или меньшей интенсивности, параллельно и, может быть, не без взаимных влияний. Тогда культур-

ный подъем Эпира в XIII веке, должен потерять свое исключительно местное значение и занять соответствующее положение в истории общей европейской культуры XIII века.

Период восьмой.

Эпоха Палеологов (1261 - 1451) и падение Византии.

Лекция 59.

Характеристика периода.

План:

Внешняя политика Палеологов.

а. Общее положение империи.

Территориальные размеры государства были гораздо меньше, чем пределы Византии в эпоху Комнинов и Ангелов, особенно после первого Крестового похода, не говоря уже о более ранней эпохе. В 1261 году империя обнимала северо-восточный угол Малой Азии, большую часть Фракии и Македонии, Солунь (Фессалонику), некоторые острова в северной части Эгейского моря (Архипелага). Босфор и Геллеспонт - важные с политической и торговой стороны водные артерии входили в состав восстановленной империи. Эпирский деспотат находился от нее в зависимости. В самом начале своего правления Михаил получил в виде выкупа за освобождение Ахайского князя Вильгельма Виллардуэна, захваченного греками в битве при Кастории, три сильных франкских крепости в Пелопоннесе: Монемвасию, большую скалу, выдающуюся из моря недалеко от древнего Эпидавра, известный укрепленный замок Мистру и построенную франками в горах Тайгета для борьбы с обитавшими там славянскими племенами Маину. Эти три полученные греками крепости сделались опорными пунктами, откуда войска византийских императоров с успехом выходили против франкских герцогов.

Этому остатку былой великой империи угрожали со всех сторон сильные политически и экономически народности: с востока, со стороны Малой Азии, турки, с севера — сербы и болгары. Венецианцы занимали часть островов Архипелага, генуэзцы — некоторые пункты на Черном море, латинские рыцари — Пелопоннес и часть Средней Греции. Ввиду этого, империя Михаила Палеолога не собрала воедино даже всех греческих центров:

Трапезундская империя продолжала жить своей обособленной жизнью; византийские владения в Крыму (Херсонская фема, с прилегавшей к ней областью), с так называемыми готскими климатами, попала под власть трапезундских императоров и платила им дань. Эпирский деспотат находился лишь в некоторой зависимости от восстановленной империи Михаила. При Михаиле Палеологе империя достигла наиболее широких пределов, какие она имела в последний период своего существования. Однако эти пределы сохранялись лишь в его царствование, так что Михаил Палеолог в этом отношении «был первый и вместе с тем последний могущественный император возобновленной Византии».

Столица, не оправившаяся от разгрома 1204 г., перешла в руки Михаила в состоянии упадка и разрушения; лучшие, наиболее богатые здания стояли разграбленными; церкви были лишены своей драгоценной утвари; Влахернский дворец, ставший со времени Комнинов императорской резиденцией и восхищавший своим богатым убранством и мозаиками, находился в состоянии глубокого запустения, будучи внутри закопчен, по выражению греческого источника, «итальянским дымом и чадом», во время пиров латинских государей и сделался поэтому необитаемым.

Византийская империя времени Палеологов не перестает быть перво-степенным центром цивилизованного мира, но Константинополь перестает быть одним из центров европейской политики. Вокруг этого стареющего организма растут и усиливаются более молодые народы, особенно сербы XIV века при Стефане Душане и османские турки. Предприимчивые торговые итальянские республики, Генуя и Венеция, особенно первая, овладевают всей торговлей империи и ставят последнюю в полную финансовую и экономическую от себя зависимость. Вопрос сводился к тому, кто из них и когда захватит империю восточных христиан, завладеет Константинополем и будет господствовать на Балканском полуострове. История XIV века решила этот вопрос в пользу турок.

Но если в сфере политической международной жизни Византия эпохи Палеологов занимает второстепенное место, то в сфере внутренней она имеет крупное значение. В эпоху Палеологов можно отметить факт возрождения в населении греческого патриотизма, с обращением взоров к античной эллинской древности. Так, официально императоры продолжают носить обычный титул «василевса и автократора ромеев», но некоторые выдающиеся люди того времени убеждают василевса принять новый титул «государя эллинов». Прежняя обширная разноплеменная держава превратилась в скромное по территориальным размерам и в греческое по своему составу государство. Эпоха Палеологов, когда в империи причудливо смешались элементы Запада и Востока, отмечена высоким подъемом умственной и художественной культуры, что при безотрадности внешнего положения и не прекращавшейся внутренней смуты может показаться несколько

неожиданным. Византия за это время дала немало ученых и образованных людей, в самых разнообразных областях знания, писателей. Такие памятники искусства, как мозаики и константинопольской мечети Кахриэ-джами (византийская церковь Хоры), в пелопонесской Мистре и на Афоне позволяют верней оценить важность художественного творчества при Палеологах. Этот художественный подъем эпохи Палеологов часто сопоставлялся с эпохой начального возрождения искусства в Западной Европе, эпохой раннего итальянского гуманизма и Возрождения. О всем этом и о главнейших вопросах, возникавших в связи с этим, будет подробно сказано ниже, в разделе о византийской культуре в эпоху Палеологов.

Династия Палеологов принадлежит к известной греческой фамилии, давшей Византии, начиная с первых Комнинов, немало энергичных и даровитых людей, особенно на военном поприще, и породнившейся с течением времени с императорскими фамилиями Комнинов, Дуков и Ангелов; вследствие чего первые Палеологи, Михаил VIII, Андроник II, иногда и Андроник III подписывались четырьмя фамильными именами, например: «Михаил Дука Ангел Комнин Палеолог». Позднее императоры стали подписываться только «Палеолог».

Династия Палеологов занимала византийский престол в течение 192 лет (1261—1453), представляла собой пример самой продолжительной династии на протяжении всей византийской истории. Первый из Палеологов, воссевших на трон, коварный, жестокий, но талантливый и искусный дипломат Михаил VIII (1261—1282), сумевший спасти государство от грозившей ему страшной опасности с Запада, а именно со стороны королевства Обеих Сицилий, передал престол своему сыну Андронику II Старшему (1282—1328), которого «природа предназначила в профессора богословия, а случай сделал византийским императором». Андроник II был женат дважды: первая его жена Анна была дочерью угорского (венгерского) короля Стефана V; вторая жена Виоланта-Ирина была сестрой североитальянского маркграфа Монферратского, которая после смерти брата сделалась наследницей маркграфства; не будучи в состоянии, как византийская императрица, принять маркграфство, она отправила туда одного из своих сыновей, который и основал в Монферрате династию Палеологов, прекратившуюся лишь в первой половине XVI века.

Андроник в 1295 году короновал императорской короной своего старшего сына от первой жены Михаила. Михаил скончался в 1320 году, до отца, и часто упоминается в источниках как соправитель отца, император Михаил IX. Начинались переговоры о том, чтобы женить Михаила на Катерине де Куртене (Catherine de Courtenay), дочери титулярного императора Романии (бывшей Латинской империи), и папа был весьма заинтересован в этом проекте, однако Михаил женился на армянской принцессе Ксении-Марии.

Сын Михаила IX и внук Андроника II юный Андроник был при жизни отца в течение долгого времени любимцем деда. Но легкомысленный характер молодого Андроника и склонность к любовным приключениям привели к тому, что одно из подобных приключений, закончившееся случайным убийством его брата и повлекшее за собой вследствие этого преждевременную смерть его отца Михаила IX, окончательно изменило отношение деда к внуку. Между ними возгорелась междоусобная борьба. Против Андроника Старшего образовалась сильная оппозиционная партия, первенствующую роль в которой играл знаменитый Иоанн Кантакузен, ставший на сторону Андроника Младшего. Гражданская война закончилась в пользу внука, который в 1328 г. захватил Константинополь и заставил престарелого Андроника Старшего отречься от престола. Низложенный император, долгое правление которого было временем нового упадка Византии, закончил свою жизнь (в 1332 г.) монахом в одном из монастырей.

Во главе правительства Андроника Младшего (1328—1341) стал главный руководитель восстания против его деда — Иоанн Кантакузен, в руки которого перешли внутреннее управление государством и иностранные дела. Сам новый император, предаваясь отчасти веселью и охотничьим прогулкам и не чувствуя склонности к занятию государственными делами, принимал, тем не менее, личное участие в многочисленных внешних войнах, которые были в его царствование. Между тем, исключительное по влиянию положение в государстве, занятое Кантакузеном, его не удовлетворяло, так как целью его было подготовить для себя путь к императорскому трону или, к полновластному регентству. Эта мысль занимала его в течение всех 13 лет правлений Андроника и являлась руководящей нитью всей его деятельности. Мать Андроника, вдова Ксения-Мария, и вторая супруга его, западная принцесса Анна Савойская, относились весьма недоброжелательно к влиянию Кантакузена. Однако, Кантакузен при помощи ряда интриг сумел удержать свое положение до самой смерти Андроника.

После смерти Андроника III в 1341 г. его старшему сыну, новому императору, Иоанну V, минуло едва одиннадцать лет. Вокруг трона несовершеннолетнего государя за обладание влиянием и властью возгорелась долгая, гибельная для ослабевшей империи междоусобная война, главную роль в которой играл Иоанн Кантакузен. Против него создавалась сильная партия из вдовы покойного императора Анны Савойской, объявленной правительницей, ее сторонника, бывшего ставленника Кантакузена, алчного и властолюбивого Апокавка, получившего главную власть, патриарха и некоторых других лиц. Характерной чертой междоусобной распри XIV века является участие в ней, то на одной, то на другой стороне, иноземных народов, преследовавших свои политические цели, а именно сербов, болгар и особенно турок, сельджуков и османов. Уже несколько месяцев спустя после смерти Андроника III Кантакузен в одном из городов Фракии провозгласил себя императором (Иоанн VI). Вскоре после этого в Константинополе

было устроено торжественное коронование Иоанна V Палеолога. В империи появилось два императора. Кантакузен, нашедший сильную опору в турках (за одного османского султана Кантакузен выдал замуж даже свою дочь), одержал верх. Главный его соперник Апокавк был в это время убит в Константинополе. Как бы дополнением к упомянутой церемонии провозглашения послужила коронация Кантакузена, совершенная в Адрианополе Иерусалимским патриархом, который возложил на голову нового императора золотую корону. После этого столица открыла ему ворота. Правительница Анна Савойская должна была уступить, и Кантакузен был признан императором наравне с Иоанном Палеологом. Вскоре последовала новая коронация Кантакузена, дочь которого Елена была выдана замуж за юного Палеолога. Честолюбивые замыслы Кантакузена исполнились.

В том же 1347 году, когда столица открыла ворота Кантакузену, в Риме на короткое время во главе правления встал трибун Кола ди Риенцо, к которому Кантакузен отправил посольство с поздравительным письмом по случаю достижения им власти над Римом.

Бурное правление Кантакузена, во время которого Иоанн Палеолог был отодвинут на задний план, протекало в тесной связи с международными отношениями эпохи. В своей же личной политике Кантакузен стремился к полному устранению Палеолога; он провозгласил своего сына императором, объявил его соправителем и наследником и запретил поминать имя Иоанна Палеолога в церквях и на общественных торжествах. Однако, влияние Кантакузена в населении все более и более ослабевало; последний удар его популярности был нанесен фактом утверждения турок в Европе. Иоанн Палеолог, при содействии генуэзцев, в конце 1354 г. вступил в Константинополь. Кантакузен вынужден был отречься от престола, после чего он постригся в монахи под именем Иоасафа и провел последнюю часть своей жизни за составлением своих интересных мемуаров. В одной из греческих рукописей Парижской Национальной Библиотеки сохранились две интересные миниатюры с изображением Кантакузена; на второй из них Кантакузен, одетый в свой императорский наряд, представлен рядом со своим же изображением в монашеском одеянии, Сын его также отрекся от престола.

Сделавшийся, наконец, единодержавным императором, Иоанн V Палеолог получил, после опустошений междоусобной войны и внешних неудач, жалкое наследство.

Но этим семейные злоключения Иоанна V не кончились. Он разошелся со своим старшим сыном Андроником, который в 1376 г., при помощи генуэзцев, низложил отца, короновался как Андроник IV (1376—1379) и сделал соимператором своего сына Иоанна. Престарелый Иоанн V и его любимый сын и будущий император Мануил были посажены в темницу. Одна-

ко, в 1379 г. Иоанну V удалось бежать из заключения и, при помощи турок, снова вернуть себе трон. Между отцом и Андроником состоялось соглашение, продолжавшееся до смерти последнего в 1385 г. После этого Иоанн V, минуя своего внука Иоанна, короновал соимператором своего сына Мануила.

Наконец, в самом конце правления Иоанна V против него поднял восстание его внук. В 1390 г. Иоанн Младший захватил Константинополь и правил там, но только несколько месяцев, под именем Иоанна VII. Документы из архивов Венеции показывают, что восстание Иоанна в 1390 г. было организовано султаном Баязидом. Венецианский сенат, хорошо осведомленный о ситуации в Константинополе благодаря своим купцам, считал вполне вероятным, что Баязид в этой ситуации будет на византийском троне. Благодаря деятельному Мануилу, Иоанн V был восстановлен на престоле. Он, однако, умер в начале 1391 г, после продолжительного, бурного и несчастного царствования. Императором сделался его сын Мануил.

Новый император незадолго до своего вступления на престол женился на Елене, дочери владетеля северной Македонии Константина Драгоша (Драгаса), «единственной сербке, которая стала византийской императрицей». Она дала Мануилу шесть сыновей, из которых двое сделались последними византийскими императорами: Иоанн VIII и Константин XI, часто носящий славянскую фамилию своего деда по матери Драгоша (Драгаса). Отсюда видно, что два последних Палеолога на императорском троне были полуславянами.

Красивый, благородный, прекрасно образованный и одаренный литературным талантом Мануил еще с юных лет, при жизни отца, остро почувствовал весь ужас положения империи и всю унижительную тяжесть грядущего для него государственного наследства. Получив от отца в управление Фессалонику, он вошел в сношения с населением македонского города, захваченного войсками султана Мурада, в целях избиения турецкого гарнизона и освобождения города от турецкого ига. Султан узнал об этом и собрался жестоко наказать правителя Фессалоники. Не будучи в состоянии оказать сопротивление надвигавшейся грозе, Мануил, после бесполезной попытки найти убежище у испуганного отца, направился прямо резиденцию Мурада и принес ему раскаяние в своем поступке. «Безбожный, но разумный», султан благосклонно принял пришельца, провел с ним несколько дней и, на прощанье снабдив дорожными припасами и богатыми подарками, отправил его обратно к отцу с письмом, в котором просил отца «простить сыну то, что он по неведению соделал». В своей же напутственной речи Мануилу, Мурад будто бы между прочим сказал: «Управляй с миром тем, что тебе принадлежит, и не ищи чужого. Если же у тебя будет какая-

либо нужда в деньгах или в другом содействии, я всегда с радостью буду готов исполнить твою просьбу».

В другой раз преемник Мурада Баязид потребовал от Иоанна V, вместе с присылкой условленной дани, отправки к нему Мануила с вспомогательным отрядом греческих солдат. Мануил должен был подчиниться и принять участие в грабительской экспедиции турок по различным областям Малой Азии. Испытанное унижение, полное бессилие избавиться от него и лишения похода ясно чувствуются в письмах Мануила за это время. Описав в одном письме голод, холод, утомление и переход через горы, «где даже дикие звери не могли бы питаться», Мануил делает полное трагизма замечание: «все это переносится сообща со всем войском; но вот что нестерпимо для нас: ведь мы сражаемся с ними и за них; а это значит увеличивать их силу и уменьшать силу нашу». В таких условиях унижения и раболепства перед турецкими варварами пришлось жить Мануилу до вступления на престол.

Благородная сторона его природы особенно проявилась в выкупе отца его Иоанна V из рук венецианцев, которые, при возвращении императора из Италии, задержали его в Венеции за неуплату в срок взятой в долг суммы денег. В то время как старший сын Иоанна Андроник, управлявший в отсутствие отца государством, оставался глух к мольбам отца собрать нужную сумму, Мануил быстро сделал это и, отправившись лично в Венецию, выкупил отца из позорного плена.

После долгого и тяжелого царствования Мануил в последние годы жизни удалился от государственных дел, вручив их ведение сыну Иоанну и посвятив все свое время изучению Священного Писания. Вскоре после этого императора постиг удар; за два дня до смерти он постригся в монахи под именем Матфея.

Сын и преемник его Иоанн VIII царствовал с 1425 по 1448 г. Новый император был женат трижды, и все три его супруги принадлежали к различным национальностям. Первой супругой Иоанна была юная русская княжна Анна, дочь великого князя Московского Василия I, прожившая в замужестве всего три года, успевшая за этот короткий срок сделаться любимицей столичного населения и ставшая жертвой морового поветрия. Вторая супруга Иоанна была итальянка, София Монферратская, обладавшая, при высоких духовных качествах, настолько непривлекательной внешностью, что вызывала в Иоанне отвращение к себе; описав ее наружность, византийский историк Дука приводит народную поговорку его времени: «спереди пост, а сзади пасха». Не сумев вынести своего унижительного положения при дворе, София, при помощи галатских генуэзцев, бежала в Италию, где и закончила дни в монастырском уединении. Третью супругу Иоанн нашел себе в лице трапезундской принцессы из дома Комнинов, Ма-

рии, «отличавшейся красотой и обаянием». Эта обаятельная женщина пользовалась до самой своей смерти большим влиянием на императора. Умерла она раньше Иоанна.

У Иоанна VIII ни от одной из трех супруг не было детей. Когда осенью 1448 г. он умер, поднялся вопрос о преемнике. Тогда находившаяся еще в живых императрица-мать, жена Мануила II, братья покойного императора и высшие сановники Константинополя остановили свой выбор на Константине, одном из братьев Иоанна VIII, бывшим в то время морейским деспотом. Об избрании нового императора было доведено до сведения султана, который одобрил кандидата. После этого в Морею была отправлена депутация, которая и объявила Константину о его избрании на трон когда-то великой Византии. В начале 1449 г. в средневековой Спарте, т.е. в Мистре, где находилась резиденция деспота, была совершена коронация последнего византийского императора, который вскоре после этого на каталонском судне прибыл в Константинополь и с торжеством был встречен населением.

Обе супруги Константина из латинских фамилий, обосновавшихся на христианском Востоке, первая из фамилии Токко (Тоссо), вторая из известной генуэзской династии на острове Лесбосе Гаттилусио (Gafctilusio), — умерли еще до избрания Константина на престол. Переговоры же о третьей супруге новому императору на Западе и Востоке, например, в Венеции, Португалии, Трапезунде и Иверии (Грузии), закончились ничем. Падение Константинополя и смерть Константина помешали осуществлению этих брачных планов.

Константин XI погиб при взятии Константинополя турками в мае 1453 г. На месте христианской восточной монархии основалась сильная военная держава османских турок.

Из братьев, переживших Константина, Димитрий Палеолог попал в плен Мехмеду II, который женился на его дочери; умер Димитрий в Адрианополе монахом, под именем Давида. Другой брат Фома окончил жизнь в Италии, лелея мечту о крестовом походе против турок и найдя у папы материальную поддержку для собственного существования. Сын его Андрей, ставший уже католиком, являлся единственным законным представителем династии Палеологов, имевшим права на утраченный византийский престол.

Дочь Фомы Палеолога и сестра Андрея Зоя была выдана замуж за далекого великого князя Московского Ивана III и известна в русских источниках под именем Софии Палеолог. Москву стали сравнивать с «семихолмным Римом» и называть «третьим Римом». Великий князь Московский стал «царем всех православных», а Москва, столица русского государства,

стала «новым городом Константина» (то есть новым Константинополем-Царьградом). Папа призывал преемника Ивана III защищать свои права на «наследие Константинополя». Таким образом, падение Византийской империи и брак Ивана III с Софьей Палеологиней лежат в основе вопроса о правах московских государей, представителей и защитников восточного православия, на трон византийских василевсов, попавший в руки турок османов в 1453 г.

Лекция 60.

План:

Внешняя политика Михаила VIII.

а. Византия и Королевство Обеих Сицилий.

б. Карл Анжуйский и Сицилийская Вечерня.

Восточная политика Михаила VIII.

Центральное место во внешней политике Михаила VIII занимают его отношения к королевству Обеих Сицилий; в связи с ними развиваются и принимают известные формы отношения к итальянским республикам — Генуе и Венеции — и к папской курии. Отношения к туркам на востоке также находятся в зависимости от западной политики.

В конце XII века германский государь Генрих VI Гогенштауфен, сын Фридриха Барбароссы, благодаря своему браку с норманнской принцессой Констанцией, наследницей норманнского государства в Южной Италии и Сицилий, объединил королевство Обеих Сицилий под своей властью и вместе с тем унаследовал всю упорную вражду норманнов к Византии и их завоевательные планы. Соединение королевства Обеих Сицилий с Германией продолжалось до 1250 г., когда умер Фридрих II Гогенштауфен, после смерти которого его побочный сын Манфред сделался королем сицилийским; в Германии же воцарился на короткое время законный сын Фридриха Конрад IV. Под управлением Манфреда, заботившегося не только о духовных интересах своего государства, Сицилия наслаждалась глубоким миром; двор его был самым блестящим двором того времени; иностранные государи с уважением относились к Манфреду, и бежавший из Константинополя последний латинский император Балдуин II обращался к нему за помощью. В отношении Византии Манфред продолжал политику своих предшественников, которая серьезно беспокоила Михаила VIII, особенно со стороны возможной латинской реставрации в Константинополе. Лишившийся

престола Балдуин II появился при дворе Манфреда с определенными планами и мольбами. Кроме того, подест (главный представитель) живших в Константинополе генуэзцев, которые в то время пользовались совершенно исключительно благоприятными условиями торговли в Византии, вступил в сношения с Манфредом и предлагал план внезапного овладения Константинополем и восстановления в нем латинского господства. Узнав об этом, разгневанный Михаил VIII выслал генуэзцев из столицы и завязал сношения с Венецией, результатом которых был новый договор, восстанавливавший и подтверждавший прежние привилегии венецианцев и обязывавший последних совместно с греками выступить против генуэзцев, если последние откроют военные действия против империи.

Но каких-либо реальных действий против Византии Манфред проявить не успел, так как погиб жертвой папской интриги. Папы, видя, что сила Гогенштауфенов после смерти Фридриха II, непримиримого врага папства, ослабла, решили в лице Манфреда нанести окончательный удар. Исполнителем папских планов явился Карл Анжуйский, брат французского короля Людовика IX Святого. Но папа, призывая Карла занять Сицилийское королевство, имел в виду не только уничтожение Гогенштауфенов, но и ту помощь, которую Карл даст для восстановления Латинской империи на Востоке; папа выражал надежду, что при помощи Карла «положение империи Романии будет исправлено».

Принимая предложение папы вмешаться в южно-итальянские дела, Карл Анжуйский открывал этим эру французских походов в Италию. Обращаясь к Карлу, папы, по-видимому, не учли отличительных черт в его характере, которые отнюдь не позволяли думать, чтобы он согласился быть лишь простым орудием в руках другого. Это был выдержанный, энергичный, временами суровый до жестокости правитель, не лишенный вместе с тем некоторой веселости, любви к турнирам и влечения к поэзии, искусству и науке и не желавший сделаться игрушкой в руках пригласившего его в Италию папства.

Явившись с войском в Италию, Карл разбил Манфреда при Беневенте (1266 г). Манфред погиб, после чего Сицилия и Неаполь перешли во французское владение. Новым королем Обеих Сицилий стал Карл Анжуйский. Французы толпами стали покидать свою родину и тысячами переселяться в новые владения Карла, где в целом условия для жизни были прекрасны.

Вскоре после этого проявилось отношение Карла к Византии. Он с согласия и в присутствии папы заключил в Витербо, небольшом итальянском городке на севере от Рима, с изгнанным латинским императором Балдуином II договор, по которому он передал Карлу право на верховную власть над всеми франкскими владениями в прежней Латинской империи, выгово-

рив себе лишь Константинополь и несколько островов в Архипелаге, для отвоевания которых от ромеев ему должен был помочь Карл.

Михаил VIII, понимая всю грозу надвигавшейся против него опасности, прибегнул к ряду искусных дипломатических шагов. С одной стороны, путем переговоров с папой об унии между восточной и западной церквями, Михаил как бы отвлекал его от тесного сотрудничества с Карлом и заставлял желать примирительного направления в отношении к Византии. С другой стороны, Михаил решил примириться с генуэзцами, которые, имея намерение, вступив в сношения с Манфредом Сицилийским, передать Константинополь латинянам, за что и были изгнаны из столицы. Генуэзцы получили разрешение вернуться в Константинополь, где им был отведен определенный квартал не в самом городе, а в его предместье Галате, по ту сторону Золотого Рога. Это не помешало генуэзцам возратить себе все прежние торговые привилегии, расширить сферу своей торговой деятельности и оттеснить на второй план своих соперников венецианцев. В результате на всем византийском Востоке при Палеологах Генуя заняла место Венеции.

Между тем, Карл Анжуйский занял остров Корфу, сделав этим первый шаг в выполнении своего плана нападения на Византию. Тогда Михаил VIII, в видах большей успешности своей согласительной политики с папой и в надежде повлиять, на наступательную в отношении Византии политику Карла Анжуйского, обратился к его брату, французскому королю Людовику IX Святому, наиболее уважаемому государю того времени, которого, незадолго до обращения к нему Михаила, уже просила Англия в качестве третейского судьи решить сложные вопросы английской внутренней жизни. Обстоятельства складывались так, что Людовик IX снова приглашался в роли посредника сыграть важную роль на этот раз в истории Византии. В конце шестидесятых годов византийские послы прибыли во Францию «в виду предстоящего объединения Греческой и Римской церкви». Михаил предложил французскому королю «быть арбитром условий объединения церквей и заранее заверил его в своем полном согласии».

Вначале Людовик IX не одобрял решения Карла завоевать Южную Италию, и только позднее он примирился со свершившимся фактом, потому что его успели убедить в полезности этого для будущего крестового похода. Кроме того, и планы Карла завоевать Византию встретили в Людовике также отрицательное отношение. Сообщенное Людовику решение Михаила просить выступить в качестве третейского судьи в вопросе о соединении церквей и обещание императора всецело подчиниться его решению также склоняли французского короля, ревностного католика, на сторону византийского императора.

Но второй крестовый поход Людовика в Тунис несколько задержал Карла в его военных действиях против Византии, т.к. задевал интересы Карла на Западе. Вопрос об отношении Карла к возникновению этого похода является спорным. Неожиданная смерть Людовика в Тунисе в 1270 г. разрушила надежды Михаила на его содействие. Византийские послы, незадолго до смерти Людовика прибывшие в Тунис для переговоров, должны были уехать обратно «с пустыми, от обещаний руками». Явившийся в Тунис Карл двумя блестящими победами принудил тунисского эмира заключить с ним мир на условии возмещения военных издержек и уплаты Карлу ежегодной дани, после чего он снова решил приняться за осуществление своего плана нападения на Византию. Но на обратном пути из Туниса буря уничтожила большую часть флота Карла, так что он, на некоторое время был лишен возможности предпринять против Византии наступление, как он предполагал раньше.

Однако, в начале семидесятых годов Карл смог уже отправить значительное наемное войско в Пелопоннес, в Ахайю, где оно с успехом боролось с находившимися там императорскими войсками. Кроме того, в то же время Карл сумел утвердиться на Балканском полуострове, взяв несколько укрепленных пунктов, во главе с Диррахием (Дуралпо, Драчем), по восточному побережью Ионийского моря; нагорные албанские племена покорились Карлу, и деспот Эпирский присягнул ему на верность. После этого неаполитанский король стал величать себя государем Албании (*regnum Albaniae*).

Но Карл этим не удовлетворился. Он обратился к сербам и болгарам, в которых нашел усердных союзников. Посланники «*imperatoris Vulgarorum et regis Servie*» появились при его дворе. Множество южных славян стали к нему вступать на службу и переселяться на итальянскую почву. Сербские и болгарские послы прибыли для переговоров в Неаполь. Венеция, которая занимала самое важное место в политической, экономической и торговой жизни государства Карла, была с ним в дружеских отношениях и в данный момент поддерживала его империалистическую политику на Востоке. К тому же, низложенный и ослепленный Михаилом VIII последний Никейский император Иоанн IV Ласкарь, бежав из византийской темницы, явился по приглашению Карла к его двору.

Но искусный в политике Карл встретил не менее искусного политика в лице Михаила, направившего главное внимание на папскую курию, которой он обещал соединение церквей. Папа Григорий X охотно пошел навстречу желанию императора, может быть, в силу своего искреннего желания установить церковный мир и единство и получить надежду на освобождение Иерусалима. Конечно, в подобной мирной политике сближения с восточной церковью Григорий X встречал целый ряд препятствий со стороны Карла. Однако, папе удалось убедить Карла отложить на год уже решенный поход

на Византию и в это время достигнуть соединения с восточной церковью. Посланцы Михаила Палеолога на собор, который должен был собраться во французском городе Лионе, в полной безопасности прошли по владениям Карла, который снабдил их специальными охранными грамотами и провизией. В 1274 году, в Лионе была оформлена уния между папой и представителями Михаила VIII. Согласно недавно проанализированным документам ватиканских архивов, оформление унии привело в то же самое время к переговорам Григория X и Михаила VIII по поводу нового антитурецкого союза. Кардинал высокого ранга был послан в Константинополь глубокой зимой. Дата и место встречи для личных переговоров папы и императора были немедленно определены: они должны были встретиться в понедельник, на Пасху 1276 года в Бриндизи или Валоне. Однако, в самом начале года, 6 января, папа внезапно скончался и проект этот кончился ничем. Михаил почувствовал, что у него есть право надеяться на поддержку папы в его планах на отвоевание прежде входивших в состав империи областей Балканского полуострова. Он открыл наступательные действия против войск Карла и его союзников и одержал над ними крупный успех, так как Карл был отвлечен в это время затруднениями с Генуей.

Однако, после некоторых трений между ним и папами, вызванных Лионской унией, Карл сумел посадить на папский трон в лице француза Мартина IV одного из своих лучших друзей, который, став на сторону политики сицилийского короля, порвал заключенную с Мануилом унию. Затем, между Карлом, титулярным латинским императором и Венецией был в 1281 г. заключен договор «для обратного отвоевания империи Романии, которая находится во владении Палеолога». Против Византии создалась громадная коалиция: войска из латинских владений на бывшей территории империи, из Италии, из родной, Карлу Франции, венецианский флот, папа, сербы и болгары. Казалось, Византийское государство стояло на краю гибели, а Карл Анжуйский, стоял на пороге всемирного могущества. Это был самый критический момент во внешней политике Михаила. В 1281 г. Михаил VIII начал переговоры с египетским султаном Калауном о военном союзе «против общего врага, то есть против Карла Анжуйского».

Спасение для Византии неожиданно пришло с Запада, из Сицилии, где 31 марта 1282 г. в Палермо против французского владычества вспыхнуло восстание, охватившее весь остров и ставшее в истории известным под названием «Сицилийской Вечерни». В последнем событии играл некоторую роль и Михаил VIII.

Население Сицилии чувствовало сильное раздражение против сурового французского владычества. Высокомерное отношение к покоренным и страшные налоги, возросшие ввиду дорогой и трудной экспедиции Карла против Византии, в связи с общими интересами международной жизни той эпохи, были главными причинами восстания 31 марта. Недовольством си-

цилийского населения искусно воспользовались два лучших политика той эпохи, Михаил VIII и Петр Арагонский. Последний, будучи родственником бывшего сицилийского короля Манфреда, побочного сына Фридриха II Гогенштауфена, признавал за собой права на обладание Сицилией и не мог примириться с чрезмерным могуществом Карла. Это обстоятельство учел Михаил VIII, который обещал испанскому королю денежную субсидию, если только он откроет военные действия против Карла. В Италии на сторону Петра стала императорская партия гибеллинов и часть сицилийской знати. Посредником во всех этих переговорах и был Джованни Прочида, в чем и заключается его роль в сицилийском восстании 1282 г.

Восстание удалось. По приглашению сицилийцев, Петр Арагонский в августе того же года высадился на острове и в Палермо был коронован короной Манфреда. Попытки Карла, возвратившегося с востока, где шли военные действия против Византии, подчинить восставшую Сицилию и изгнать оттуда Петра Арагонского, оказались безуспешными и заставили Карла отказаться от широких планов против империи Михаила VIII. После этого Карл остался государем только Южной Италии. Из этого видно, какое важное значение для Византии имела Сицилийская Вечерня, лишившая Карла Сицилии и спасающая Восточную империю от смертельной опасности со стороны сицилийского владыки. Вместе с тем события, связанные с восстанием 1282 г., положили начало дружественным сношениям византийских императоров с испанскими (арагонскими) королями. Михаил VIII помогал денежными средствами Петру Арагонскому в его экспедиции против Сицилии и этим самым принял участие в решении сицилийского вопроса.

Сицилийская Вечерня оказала сильное влияние на положение папы Мартина IV. Дело касалось не только того неслыханного новшества, что «народ вопреки повелениям Рима осмелился поставить себе короля». События 1282 г. подрывали в корне византийскую политику этого папы, который, порвав с Лионской унией и всецело перейдя на сторону восточных планов Карла Анжуйского, надеялся на латинскую оккупацию Константинополя. Сицилийская Вечерня сделала это невозможным, так как она раздробила и ослабила южно-итальянское государство Карла, бывшее до тех пор главным основанием для наступательной политики против Византии.

Международные отношения и недовольство Сицилии, которыми воспользовался Михаил VIII, спасли Византию от гибельной опасности, уготовляемой ей всемогущим Карлом Анжуйским.

Главные силы и внимание государей Никейской империи и, после возвращения Константинополя, Михаила VIII были направлены, на запад для отвоевания Балканского полуострова, и затем на изнурительную и решавшую судьбу восстановленной империи борьбу с Карлом Анжуйским. Восточная граница находилась в пренебрежении, и византийское правительст-

во забывало о грозной турецкой опасности с востока. Опасность со стороны турок началась для Византии гораздо раньше; но в этом замечании историка верно отмечена черта восточной политики при Михаиле VIII. Счастьем для империи в его время являлось то, что сами турки в XIII веке переживали смутную эпоху своего существования.

В тридцатых и сороковых годах XIII века с востока появилась грозная опасность монгольского нашествия. Иконийский, или Румский, султанат сельджуков, соприкасавшийся с восточной границей Никейской империи, был разгромлен монголами. Во второй половине XIII века, во время Михаила VIII, последние Сельджукиды были простыми наместниками персидских монголов, владения которых простирались от Индии до Средиземного моря. Во главе их стоял Хулагу, признававший своим сюзереном хана восточных монголов. В 1258 г. Хулагу захватил Багдад, где последний Аббасид погиб насильственной смертью. После этого он захватил и опустошил Сирию, Месопотамию и окрестные страны. Он думал о походе на Иерусалим и кампании против Египта. Однако, известия о смерти Великого Хана монголов Монгу заставили Хулагу отказаться от агрессивных планов а южном направлении. Монгольская династия, установившаяся в Персии, была в последние десятилетия XIII века союзником христиан против мусульман. В 1260 г. монгольская армия была разбита египетскими мамлюками при Айн-Джалуте. Другое весьма могущественное государство монголов образовалось севернее, на территории России. Это была Золотая, или Кыпчакская, Орда со столицей в Сарае на нижней Волге. Отдавая себе отчет в важности этого нового монгольского фактора в международной жизни своей эпохи, Михаил Палеолог неоднократно пытался использовать его в своей внешней политике.

В этой связи важно заметить, что мамлюкская (мамелюкская) династия, установившаяся в Египте в 1250 г., в этнографическом плане была связана с южной Россией. Слово «мамлюк» означает — «принадлежащий», «находящийся в собственности», «раб». Мамлюки в Египте были сначала тюркскими рабами-телохранителями, набранными при преемниках Саладина. В 1260 г. эти «рабы» захватили трон и правили в Египте с 1260 г. по 1517 г., когда Египет был завоеван турками-османами. С конца тридцатых годов XIII века основной контингент телохранителей мамлюков состоял из представителей тюркского племени куманов (половцев) с юга России, которые бежали от монгольского нашествия или же захватывались в плен и продавались в рабство.

Сухопутная дорога между мамлюками и кыпчаками перерезана владениями Хулагу. Сообщение по морю между Египтом и югом Руси было возможно только через Геллеспонт, Босфор и Черное море, однако оба пролива находились в руках Византийского императора, так что мамлюкам требовалось специальное разрешение от Михаила Палеолога для их ис-

пользования. В соответствии с этим египетский султан, «желая быть другом ромеев и желая иметь разрешение для египетских купцов плавать через наши проливы [Геллеспонт и Босфор] один раз в год», послал своих послов Михаилу Палеологу. Трудность заключалась в том, что в это время Михаил находился в дружеских отношениях с Хулагу, главой монголов Персии и ответ послам все время откладывался. В конце концов в 1265 году кыпчакский хан Берке начал войну против Михаила, в которой на стороне монголов принял участие болгарский царь Теч (Тич) под руководством Ногая, полководца Берке. Монголы (татары) и болгары разбили византийские войска. После этого поражения Михаил был вынужден прекратить дружественные отношения с Хулагу и начать взаимоотношения с кыпчаками и египтянами. Для того, чтобы завоевать благосклонность Ногая, Михаил дал ему в жены свою побочную дочь и в следующей войне против болгарского царя Константина Теча Михаил был активно поддержан своим новым родственником. В результате болгарский царь был вынужден прекратить военные действия. Дипломатические отношения между Золотой Ордой, Египтом и Византией продолжались во время всего царствования Михаила. Весьма интересны дружественные взаимоотношения между Михаилом Палеологом и египетским султаном мамлюком Калауном (1279—1290). Общая опасность заставила обоих монархов прийти к соглашению, ибо далеко идущие планы Карла Анжуйского угрожали обеим империям. Эти взаимоотношения должны были привести к заключению настоящего договора о дружбе и торговле, который, был заключен в 1281 году. Падение Карла Анжуйского и Сицилийская Вечерня полностью изменили ситуацию как на Западе, так и на Востоке.

В Малой Азии Михаилу Палеологу никто особенно не угрожал. Хотя он порвал дружеские отношения с Хулагу, персидские монголы были заняты своими внутренними проблемами, чтобы предпринимать решительные шаги против Византии. Что касается Румского султаната, он находился в большой зависимости от Монгольской империи. Однако, отдельные турецкие отряды, грабительские шайки, не считаясь ни с какими договорами, заключенными раньше между императорами и султанами, заходили вглубь страны, разоряли города, поселки и монастыри, избивали и уводили в плен население.

Византия еще со времен арабского могущества создала на восточной малоазиатской границе ряд укрепленных пунктов, особенно среди горных проходов (клисур), и выработала помимо регулярного войска своеобразный вид защитников государственных границ, так называемых акритов, или граничаров. Постепенно, по мере продвижения турок к западу, отходила к западу и пограничная линия с ее защитниками — акритами, которые в XIII веке сосредоточились уже по преимуществу в горах Вифинского Олимпа (северо-запад Малой Азии). В никейскую эпоху эти пограничные поселенцы, наделенные землей, освобожденные от налогов и повинностей и достигшие

большого благосостояния, должны были нести исключительно военную службу, защищая границу от врагов, защищали ее храбро и энергично. Но со времени перенесения столицы из Никеи в Константинополь акриты перестали пользоваться прежней поддержкой правительства, которое в новом центре чувствовало себя в меньшей зависимости от восточной границы. Кроме того, Михаил Палеолог в силу предпринятой финансовой реформы произвел среди акритов учет их достатка и отчислил в пользу казны большую часть доходов с их земель. Последняя мера, окончательно подорвав экономическое благосостояние вифинских акритов, на котором основывалась их служебная готовность и которое, оставила восточную границу империи почти беззащитной. После подавления поднятого акритами восстания правительство удержалось от полного их уничтожения только из опасения открыть дорогу туркам. Некоторые ученые видят в вифинских акритах славян. Однако, гораздо вероятнее в акритах видеть представителей разнообразных народностей, среди которых могли быть и потомки давно уже поселенных в Вифинии славян. Таким образом, односторонняя внешняя политика Михаила VIII с исключительным уклоном к Западу печально отразилась на восточной границе, которая потеряла последнее средство к защите против турок.

Результаты восточной политики Михаила дадут себя почувствовать, как только турки, после некоторого периода смут и распада, снова объединятся и усилятся в лице турок османов, которые нанесут Византии, в конце концов, окончательный удар и уничтожат Восточную христианскую империю.

Лекция 61.

План:

Внешняя политика Византии в царствование Андроников.

Испанские (каталонские) дружины на Востоке.

Успехи турок в Малой Азии.

Византия и возвышение Сербии. Стефан Душан.

Продвижение албанцев к югу.

Венеция и Генуя.

Внешнее положение империи при двух Андрониках, деде и внуке, было иным, чем при их предшественнике Михаиле VIII. Ему грозила страшная опасность с запада от Карла Анжуйского; но эта опасность со стороны королевства Обеих Сицилий благодаря Сицилийской Вечерне была в год смерти Михаила от Византии устранена навсегда; переживавшие же период смуты турки не могли использовать выгодное для них положение на восточной границе империи. Главный интерес внешней политики времени Андроника II и Андроника III заключается в их отношении к двум новым сильным врагам: Сербии на Балканском полуострове и туркам-османам в Малой Азии, причем оба эти народа в лице их наиболее выдающихся государей ставили определенной целью своей борьбы с Византией, подобно Карлу Анжуйскому, полное ее сокрушение и образование на ее месте или Греко-славянского, или греко-турецкого государства. План Карла — образовать греко-латинское государство, не удался. В XIV веке, был близок к намеченной цели великий сербский государь Стефан Душан. Но осуществить вполне этот план удалось, лишь османским туркам, создавшим в середине XV века громадное не только греко-турецкое, но и греко-славяно-турецкое государство, в состав которого вошли и сербы, и болгары.

Главным явлением на Востоке в эпоху двух Андроников было усиление турок османов. Двигаясь по направлению к Малой Азии, монголы оттеснили, на запад из персидской области Хорасана одну турецкую орду из племени огузов, которая, попав на территорию иконийского государства сельджуков, получила разрешение от их султана остаться в Малой Азии и пасти там свои стада. После понесенного от монголов поражения царство сельджуков распалось на несколько самостоятельных владений (эмиратств) с особыми династиями, которые, тем не менее, довольно сильно тревожили империю. Сделалась самостоятельной и пришедшая из Хорасана турецкая орда из племени огузов. В самом конце XIII века во главе ее стал Осман, начавший династию Османов, или Оттоманов, и давший свое имя находившимся под его властью туркам, которые с тех пор и стали называться османскими, или оттоманскими, турками. Династия, основанная Османом, продолжала править в Турции до 1923 года.

Турки-османы с конца XIII века начали сильно теснить небольшие остававшиеся еще в руках Византии малоазиатские владения. С трудом императорские войска удерживали три наиболее важных пункта в Малой Азии: Бруссу, Никею и Никомидию. Посланный против турок соимператор Михаил IX потерпел неудачу.

В подобных обстоятельствах Андроник II без посторонней помощи обойтись не мог. Такая помощь ему явилась в виде испанских наемных дружин, так называемых «каталонских кампаний», или «альмугаваров». Отряды наемников различных национальностей под названием «кампаний», жившие только войной и поступавшие за известную плату к кому угодно для

борьбы с кем угодно, были хорошо известны во вторую половину средних веков; так, в том же XIV и XV веках английские и французские кампании принимали деятельное участие на Западе в Столетней войне. «Каталонские кампании», в состав которых входили не только каталонцы, но и жители Арагонии, Наварры, острова Майорки и некоторых других, боролись в качестве наемников на стороне Петра Арагонского во время войны, вспыхнувшей после Сицилийской Вечерни. Когда в самом начале XIV века между Сицилией и Неаполем был заключен мир, каталонцы остались без дела; подобные союзники в мирное время становились опасными для пригласивших их лиц, которые старались от них отделаться. Но и сами о кампании, искали нового случая продолжать свою бурную деятельность. Каталонцы избрали своим вождем Рожера де Флор, по происхождению немца, так как фамилия отца его была «Блюм» (т.е. цветок), что в переводе равняется итальянскому и испанскому «Флор».

Рожер, бегло говоривший по-гречески, с согласия своих подчиненных, предложил услуги Андронику II в его борьбе с турками сельджуками и османами и поставил стесненному императору неслыханные условия: он требовал от Андроника согласия на его брак с племянницей императора, дарование титула мегадуки (генерал-адмирала) и крупной суммы денег на оплату услуг его «кампании». Андроник вынужден был согласиться, после чего испанские дружины, сев на суда, двинулись в Константинополь спасать Восточную империю.

В самом начале XIV века Рожер де Флор прибыл со своей «кампанией» в Константинополь; число участников экспедиции не достигало 10 000 человек, но зато приехавшие на Восток каталонцы и арагонцы привезли с собой своих жен, любовниц и детей. В Константинополе была с великой пышностью отпразднована свадьба Рожера с племянницей императора. После серьезных столкновений, происшедших в столице между каталонцами и генуэзцами, почувствовавшими в пришельцах своих соперников с точки зрения исключительных привилегий, которыми генуэзцы пользовались в империи, «кампания» была, наконец, переправлена в Малую Азию, где в это время турки осаждали большой город Филадельфию (на восток от Смирны). В соединении с отрядом императорских войск небольшая испано-византийская армия, под начальством Рожера де Флор, освободила Филадельфию от турецкой осады. Эта победа западных наемников была с восторгом встречена в столице; некоторые, думали, что турецкая опасность для империи исчезла навсегда. За первым успехом последовал и ряд других удачных действий Рожера против турок в Малой Азии. Но непомерные вымогательства и произвольные жестокости каталонцев по отношению к местному населению, с одной стороны, и ясно выраженное намерение Рожера образовать в Малой Азии свое княжество, хотя бы и на условиях вассальной зависимости от императора, с другой, в высшей степени обострили отношения между наемниками, туземным населением Малой Азии и

константинопольским правительством. Император отозвал Рожера в Европу, и со своей «кампанией», переправившись через Геллеспонт, занял важный пункт на проливе Галлиполи и весь Галлипольский полуостров. Новые переговоры Рожера с императором закончились тем, что Андроник пожаловал ему второй после императора титул кесаря (цезаря), звание, которое до тех пор в империи не носил ни один иностранец. Новый кесарь, прежде чем снова двинуться в Малую Азию, отправился с небольшим отрядом в Адрианополь, где в то время находился старший сын Андроника, соимператор Михаил IX. По наущению последнего во время пира Рожер и его спутники были перебиты. Когда весть об этом распространилась среди населения империи, то находившиеся в столице и других городах испанцы также подверглись избиению.

После этого каталонцы, сосредоточенные у Галлиполи, порвали союзные отношения с империей и двинулись на запад, предавая мечу и огню проходимые ими области. Фракия и Македония подверглись страшному разорению. Не избежали горькой участи и Афонские монастыри.

Прожив некоторое время в Фессалии, каталонцы двинулись на юг через знаменитое в древней истории Фермопильское ущелье в Среднюю Грецию, в пределы Афино-Фиванского герцогства, основанного там после четвертого Крестового похода и находившегося под управлением французов. Весной 1311 г. произошла битва в Беотии, на реке Кефиссе у Копайдского озера, превратившегося к XIV веку в болото (около сов. Скрипу). Каталонцы одержали решительную победу над французами и, положив конец их цветущему Афино-Фиванскому герцогству, утвердили там испанское владычество, продолжавшееся в Фивах и Афинах семьдесят лет. Храм Св. Девы Марии, древний Парфенон на Акрополе перешел в ведение каталонского духовенства, которое было поражено его величием и богатством.

Каталонское Афинское герцогство XIV века, образовавшееся на почве древней Эллады, устроенное по испанскому или сицилийскому образцу и являющее собой пример грубого, насильственного и разрушительного управления, оставило в Афинах и вообще в Греции мало монументальных памятников своего господства.

Годы каталонского владычества в Средней Греции были не только смутными и разрушительными, но и созидательными. Акрополь, называемый по-каталонски *Castell de Cetines*, был укреплен; впервые после закрытия афинской школы Юстинианом в Афинах был открыт университет. Каталонские укрепления были возведены также в Средней и Северной Греции. Современный каталонский историк, Рубио-и-Льюч, писал, что «открытие каталонской Греции является, по нашему мнению, одним из самых неожиданных событий, какие современные исследователи встреча ли в полити-

ческой истории средних веков. Смертельный удар каталонскому преобладанию в Греции нанесло наваррское вторжение 1379 г.

В самом начале XIV века каталонская «кампания» удачно боролась с османскими турками. Но эти удачи греко-испанского оружия продолжались недолго. Наступившая после убийства Рожера де Флора кровавая эпопея движения каталонских дружин на Балканском полуострове и вспыхнувшая затем внутренняя междоусобная война между двумя Андрониками, дедом и внуком, отвлекли силы и внимание империи от восточной границы. Этим воспользовались османы и в последние годы Андроника Старшего и в правление Андроника Младшего одержали ряд серьезных успехов в Малой Азии. Султан Осман и после него сын его Урхан завоевали там главные византийские города: Бруссу, которая сделалась столицей турецкого государства османов, Никею и Никомидию, после чего они подошли вплотную к берегу Мраморного моря. Некоторые города западного побережья Малой Азии стали платить туркам дань. В 1341 г., когда умер Андроник III, турки-османы, являлись уже полными распорядителями Малой Азии с намерением перенести военные действия на европейскую территорию империи и угрожать даже самому Константинополю; по крайней мере, Фракия подвергалась непрерывным набегам с их стороны. Между тем, сельджукские эмирства, чувствуя для себя угрозу от османов, вступали с империей в дружественные и союзные отношения для борьбы как против латинян, так и против османов.

Владения Византии на Балканском полуострове в конце XIII века обнимали всю Фракию и южную Македонию с Солунью; страны, лежавшие далее на запад: Фессалия, Эпир и Албания, признавали власть империи отчасти и не везде одинаково. Зато в Пелопоннесе империя в правление Михаила Палеолога отвоевала у франков Лаконию на юго-востоке полуострова, а потом и центральную провинцию Аркадию. В остальных частях Пелопоннеса и в Средней Греции продолжали владычествовать латиняне. В Архипелаге Византии принадлежали лишь немногие острова в северной и северо-восточной части моря.

Параллельно с османской опасностью на востоке для Византии увеличивалась в первой половине XIV века грозная опасность на Балканском полуострове со стороны Сербии.

Сербы и близко родственные им, может быть даже тождественные ими, хорваты появились на Балканском полуострове в VII веке при императоре Ираклии и заняли западную часть полуострова. В то время как жившие в Далмации и в местности между реками Савой и Дравой хорваты начали сблизиться с Западом, приняли католичество и в XI веке утратили свою независимость, войдя в состав угорского (мадьярского, венгерского) королевства, сербы оставались верными Византии и Восточной церкви. В течение

долгого времени, до второй половины XII века, сербы в противоположность болгарам не составляли единого целого и не образовали из себя одного государства; жили они независимыми областями — жупами, во главе которых стояли жупаны. Стремление к объединению появилось у сербов лишь с XII века и по времени совпало с болгарским движением в пользу основания Второго Болгарского царства. Подобно тому как в Болгарии во главе движения встала фамилия Асеней, так в Сербии ту же роль сыграла фамилия Неманей.

Основателем сербского государства сделался во второй половине XII века Стефан Неманя, первый собиратель земли сербской, «обновитель отчинной дедины», провозглашенный «великим жупаном», который соединил сербские земли под властью своей фамилии. Затем он, благодаря удачным войнам с Византией и болгарам, значительно расширил сербскую территорию и, выполнив свою государственную задачу, сложил с себя власть и окончил жизнь монахом в одном из монастырей на Афоне. Как было уже отмечено выше, во время третьего Крестового похода Стефан Неманя вел переговоры с проходившим по Балканскому полуострову германским государем Фридрихом Барбароссой, предлагая ему союз против византийского императора на условии, чтобы Фридрих позволил Сербии присоединить Далмацию и сохранить отвоеванные от Византии земли. Переговоры эти кончились ничем.

После междоусобной распри между сыновьями Стефана Немани, один из них, Стефан, стал во главе государства и в первой четверти XIII века папским легатом был коронован королевской короной, почему и известен в истории как Стефан Первовенчанный. С этих пор Сербское государство превратилось в королевство, и сам Стефан Первовенчанный был «кралем» всех сербских земель. При нем же, также из рук папского представителя, сербская церковь получила самостоятельную главу в лице сербского архиепископа. Но эта зависимость Сербии от Римской церкви быстро прекратилась, и новое королевство осталось верным заветам Восточной церкви.

Латинская империя встретила для распространения своего влияния на Балканском полуострове большое препятствие в двух славянских государствах: Болгарии и Сербии. После падения Латинской империи в 1261 г. обстоятельства изменились: вместо нее появилась слабая, восстановленная Византийская империя, и к этому же времени Болгария, ослабевшая благодаря своим внутренним смутам, и уменьшившаяся в своих границах, уже не представляла прежней силы. Самым крупным государством на Балканском полуострове после 1261 г. являлась Сербия. Но ошибка сербских государей заключалась в том, что они, не заботясь о присоединении к Сербии западных сербских (хорватских) областей, т. е. не закончив еще дела

сербского национального объединения, устремили свое главное внимание на юго-восток, на Константинополь.

Во время внутренней войны между Андрониками, дедом и внуком, сербский «краль» поддерживал деда. Большое влияние на дальнейшую судьбу Сербии оказала победа сербов в 1330 г. над болгарами, бывшими в союзе с Андроником III, близ Вельбужда (теперь Кюстендиль) в Верхней Македонии. В этой битве принимал участие еще юный князь, будущий сербский государь Стефан Душан, бывший главным решителем сражения. Болгарский царь, свалившийся с лошади во время бегства, был убит. Результаты вельбуждской битвы имели важное значение для молодого Сербского королевства. Греко-болгарский союз был разорван, и всякая возможность для Болгарии задержать дальнейшее усиление Сербии была навсегда уничтожена. С этих пор главная роль на Балканском полуострове оказалась в руках Сербского королевства.

Наивысшего расцвета и наибольшей силы достигла Сербия при Стефане Душане (1331—1355). Еще за десять лет до своего вступления на престол он одновременно с отцом, с благословения архиепископа, был венчан на царство в качестве соправителя.

За первые десять лет правления, падавшие на время Андроника III, Стефан Душан, пользуясь тем, что император и Иоанн Кантакузен были отвлечены османской опасностью на востоке, начал свою завоевательную политику, с одной стороны, приобретением северной Македонии, и, с другой стороны, занятием большей части Албании, где только что перед тем удачно действовали войска Андроника. До смерти императора в 1341 г. Стефан Душан, хотя еще и не развил в полной мере своих планов относительно Византии, но уже успел показать, какого сильного в его лице врага приобрела империя на Балканском полуострове.

В первой половине XIV века в исторической жизни Балканского полуострова впервые начинают играть значительную роль албанцы, с которыми воевали Андроник III и Стефан Душан. Албания со времен античной древности никогда не представляла собою единого национального государства, и история албанцев входила всегда в историю тех или иных иностранных народов. Внутри же самих себя интересы их ограничивались пределами небольших туземных княжеств и автономных горных племен.

Предками албанцев были древние иллирийцы, жившие по восточному побережью Адриатического моря от Эпира к северу до Паннонии. Греческий географ II века н. э. Птолемей упоминает об одном племени албанцев с городом Албанополем. Имя этих албанцев было перенесено в XI веке на все другие остатки древних иллирийцев. Этот народ назывался по-гречески «албаны», «арбаны» или же «албаниты», «арбаниты». По-латински — Al-

banenses, Arbanenses. От латинской или романской формы происходит славянское «арбанаси», в современном греческом «арванитис», в турецком «арнаут». Сами себя албанцы называют «арбер» или «арбен». Позднее появилось новое название для албанцев — «шкипетары», этимологическое происхождение которого окончательно не определено. Албанский язык и теперь наполнен романскими элементами, начиная с древне латинского и кончая венецианским наречием, так что некоторые специалисты в этом вопросе называют албанский язык «полуроманским смешанным языком». Издавна албанцы были христианским народом. В раннее византийское время албанцем, может быть, был император Анастасий, происходивший из главного иллирийского прибрежного города Диррахия (Дураццо). Возможно албанское происхождение семьи Юстиниана Великого.

Большие этнографические изменения произошли в местах албанского поселения в эпоху так называемого Великого переселения народов, задевшего и Балканский полуостров, особенно в связи со славянским заселением последнего. Позднее албанцы, еще не называемые этим именем в источниках, подчинялись то Византии, то Болгарии во время Великой Болгарии Симеона. Впервые албанцы как общее название для народа упоминаются в византийских источниках с XI века, со времени норманно-византийских столкновений на полуострове. В эпоху Латинской империи и первых Палеологов албанцы последовательно входили в состав владений то Эпирского деспотата, то Второго Болгарского царства при Иване - Асене II, то никейского императора Иоанна Дуки Ватаца, то, наконец, Карла Анжуйского, величавшего себя уже «Божией милостью королем Сицилии и Албании». В тридцатых годах XIV века сербский государь Стефан Душан, незадолго до смерти Андроника, завоевал большую часть Албании.

С этого времени начинается движение албанцев к югу, сначала в Фессалию, движение, распространившееся позднее, во вторую половину XIV и в XV веке, на Среднюю Грецию, Пелопоннес и целый ряд островов Эгейского моря.

В настоящее время многие острова Архипелага и почти вся Аттика до самых Афин остались еще албанскими. По приблизительному подсчету, сделанному учеными, албанцы составляли на Пелопоннесе более 12 процентов всего населения (около 92 500 душ).

Время Андроника III ознаменовано началом албанской колонизации на юг в Грецию, до Пелопоннеса включительно, и важного нового этнографического изменения среди населения Греческого полуострова.

Что касается отношения Византии к двум западным соперничавшим торговым республикам, Венеции и Генуи, то правительство Михаила VIII, отдавая бесспорное преимущество Генуе и вместе с тем порывая и восста-

навливая, в зависимости от политических условий, дружественные сношения с Венецией, умело пользовалось существовавшим между ними антагонизмом. Андроник II придерживался политики отца в отношении привилегированного положения Генуи, так что материал для столкновения между последней и Венецией из-за экономического преобладания в империи продолжал существовать.

К концу XIII века все христианские владения в Сирии были потеряны. В 1291 г. мусульмане отняли у христиан их последний важный приморский город Акру (Акку, древнюю Птолемаиду), после чего все прочие приморские города сдались почти без боя мусульманам. Вся Сирия и Палестина перешли в руки мусульман.

Для Венеции это событие явилось страшным несчастьем, так как она в силу этого теряла весь юг Средиземного моря, где ее политика и торговля в течение долгого времени имели господствующее значение. С другой стороны, генуэзцы, стоявшие твердо на Босфоре, распространили свое исключительное влияние на Черное море, где они желали монополизировать торговлю; это особенно касалось Крыма, где были уже как венецианские, так и генуэзские колонии. Учитывая грозную опасность для своей торговой мощи, Венеция объявила войну Генуе. Военные действия имели место часто на территории или в водах византийского государства. Венецианский флот, прорвавшись через Геллеспонт и Мраморное море, разорил поселения на берегах Босфора и предместье Галату, где жили генуэзцы. Генуэзская колония спаслась за стенами Константинополя, где император оказал генуэзцам поддержку. Жившие в столице венецианцы подверглись избиению. После этого генуэзцы добились у Андроника II разрешения обнести Галату стеной и рвом. Вскоре их квартал разукрасился целым рядом общественных и частных сооружений. Во главе колонии стоял назначаемый из Генуи подеста, управлявший на основании определенных законоположений и ведавший интересами всех живших на территории империи генуэзцев. Ко времени вступления на престол Андроника III Галата сделалась как бы государством в государстве, что стало особенно сильно ощущаться в конце его правления. При таких условиях прочного мира между Генуей и Венецией быть не могло.

Кроме этих двух наиболее крупных торговых республик в конце XIII и XIV веков в Константинополе развивают торговую деятельность другие западные города, имевшие там колонии, например, из Италии — Пиза, Флоренция, Анкона, с Адриатического моря — славянский Дубровник (Рагуза), некоторые южно-французские города, как Марсель и др.

Подводя итоги правления двух Андроников, деда и внука, придется прийти к печальным результатам. На востоке турки османы сделались господами положения в Малой Азии; на Балканском полуострове Стефан Ду-

шан достиг реальных, успехов, свидетельствовавших о его еще более широких замыслах в будущем. Каталонские «кампании» подвергли страшному опустошению целый ряд областей империи во время движения на запад. Наконец, рядом с Константинополем обосновалась и укрепилась экономически сильная и политически почти независимая генуэзская Галата.

Лекция 62.

План:

Иоанн V (1341—1391), Иоанн VI Кантакузен (1341—1354).

Апогей сербского могущества при Стефане Душане.

Политика Византии во второй половине XIV века.

а. Турки.

Генуя, Черная смерть 1348 г. и венецианско-генуэзская война.

Мануил II (1391—1425) и турки.

Крестовый поход Сигизмунда Венгерского и сражение при Никополе.

Еще при предшественнике Иоанна V, Андронике III, Стефан Душан уже овладел северной Македонией и большей частью Албании. Со вступлением на престол несовершеннолетнего Палеолога, когда империю стала раздирать опустошительная междоусобная война, завоевательные планы Душана расширились и вылились в определенную форму стремления к самому Константинополю. Вступая в соглашения то с Кантакузеном, то с Иоанном V, в зависимости от выгоды, и пользуясь безвыходным положением империи, силы которой для борьбы с внешними врагами были подорваны внутренними распрями, Стефан Душан без труда покорил всю Македонию, кроме Солуни, и после осады взял важный укрепленный пункт в восточной Македонии, лежавший на дороге из Солуни в Константинополь, Серес. Сдача Сереса имела важное значение: в руки Душана перешел укрепленный греческий город, немногим уступавший Солуни и служивший ключом на пути от нее к Константинополю. Именно с этого момента у Сербского государства ясно проявляется его дальнейший план более широких предприятий в отношении империи. Современные ему византийские источники связывают непосредственно со взятием Сереса принятием Душаном царского титула и

формальное проявление с его стороны притязаний на обладание Восточной империей.

Широкие планы Душана в отношении Константинополя отличались от планов болгарских царей IX и XIII века, Симеона и Асеней. Иными целями руководствовался Стефан Душан, принимая титул царя (василевса) и самодержца (автократора). Тут вопрос шел не только об освобождении сербского народа из-под влияния восточного императора. Целый ряд данных не оставляет сомнения в том, что Душан задался целью создать вместо Византии новое, царство, но не сербское, а сербско-греческое, что «сербский народ, сербское королевство, все присоединенные к нему славянские земли должны были сделаться только составной частью империи Ромеев, главой которой он провозглашал себя». Выставляя себя претендентом на трон Константина Великого, Юстиниана и других византийских государей, Душан прежде всего хотел стать императором ромеев, а потом сербов, т.е. утвердить в своем лице сербскую династию на византийском престоле.

Для Душана важно было привлечь на свою сторону греческое духовенство завоеванных областей, так как он понимал, что провозглашение его царем сербов и греков может быть только тогда законным, когда оно будет освящено высшим авторитетом Церкви. Сербский архиепископ, зависимый от Константинопольского патриарха, сделать этого не мог; если бы даже была провозглашена полная независимость сербской церкви, то и тогда сербский архиепископ или патриарх мог бы венчать краля лишь сербским царем. Для освящения титула «царя сербов и ромеев», который влек бы за собой право на византийский престол, требовалось нечто большее. Константинопольский патриарх на такое венчание согласиться не мог. В таких обстоятельствах Душан стал стремиться к тому, чтобы его новый титул был освящен одобрением высшего греческого духовенства завоеванных областей и греческими монастырями Афонской горы.

В этих целях он подтвердил и расширил привилегии и умножил пожалования греческих монастырей в завоеванной Македонии, где под его власть перешли и находившиеся там, принадлежавшие Афону, поместья и подворья — метохи. Вслед за этим и самый Халкидский полуостров с афонскими монастырями перешел к Душану, и святогорские старцы греческих монастырей не могли не понять, что с этого времени верховное покровительство над монастырями должно было перейти от византийского императора к новому; владыке, от которого и будет зависеть дальнейшее благосостояние монастырей.

На Пасху 1346 г. наступил знаменательный день в сербской истории. В Скопии (Скопле, Ускуб в северной Македонии), стольном городе Душанов, собрались именитые властители со всего Сербского королевства, все высшее сербское духовенство во главе с сербским архиепископом, болгар-

ское и греческое духовенство завоеванных областей и, наконец, прот, т.е. глава совета игуменов, управлявшего Афоном, игумены и старцы святой Афонской горы. Этому многолюдному торжественному собору предстояло узаконить и освятить совершенный Душаном политический переворот — основание нового царства.

Прежде всего собор учредил сербское патриаршество, совершенно независимое от цареградского патриарха. Такой сербский независимый патриарх был необходим Душану для самого акта его венчания на царство. Так как избрание этого патриарха происходило без участия вселенских патриархов, то место цареградского патриарха должны были занять на соборе 1346 г. греческие епископы и святогорские старцы. Сербский патриарх был избран, а Константинопольский патриарх, отказавшийся признать действия собора законными, произнес на Сербскую церковь отлучение.

После избрания патриарха было совершено торжественное венчание Душана царским венцом. Вероятно, этому событию предшествовала церемония провозглашения его царем в Сересе вскоре после занятия этого города. При дворе Душана был введен пышный придворный штат и были усвоены византийские нравы и обычаи. Новый «василевс» приблизил к себе представителей греческой знати; греческий язык, по-видимому, стал официально равноправным с языком сербским, так что многие грамоты Душана были написаны по-гречески.

После коронации Душан целым рядом жалованных грамот (хрисовулов) выразил греческим монастырям и церквам свою благодарность и благодарасположение и посетил со своей супругой Афон, где пробыл около четырех месяцев, богомольствуя во всех монастырях, щедро одаряя их и принимая всюду благословение от подвижников.

После венчания на царство единственной мечтой Стефана сдедалось взятие Константинополя; ему казалось, что для этого, после его побед и коронации, препятствий уже не встречается. Хотя походы его против Византии в последний период его правления не были столь часты и почти непрерывны, как раньше, и внимание, его было отвлекаемо то военными действиями на западе и севере, то внутренним устройением своей монархии, но тем не менее, для всего этого внимание Душана только отрывается, не более: взоры и мысли его по-прежнему сосредоточены на том же заманчивом крайнем юго-востоке полуострова. Желание овладеть этим юго-востоком или, собственно, находящимся на нем мировым городом теперь еще более охватывает все помыслы царя, становится руководящим мотивом его деятельности, характеризует все время его царствования.

Но увлеченный мечтой о легком завоевании Константинополя. Душан не сразу понял существовавшие уже в то время серьезные препятствия к

достижению намеченного им плана, а именно: усилившееся могущество турок, которые также стремились к византийской столице и с которыми плохо организованное сербское войско справиться было не в силах; кроме того, для овладения Константинополем нужно было иметь флот, которого у Душана не было. Последний задумал для увеличения морской силы вступить в союз с Венецией; но этот шаг был заранее обречен на неудачу, так как республика св. Марка, не желавшая мириться с возвращением Константинополя Палеологам, никогда не согласилась бы помочь Душану в завоевании этого города для него и для его государства; если бы Венеция завоевала Константинополь, то она завоевала бы его для себя. Попытка Душана войти в союзные отношения с турками, благодаря политике Иоанна Кантакузена, также не удалась; к тому же, интересы Душана и турок должны были бы столкнуться. Вмешательство же во внутреннюю распрю империи никаких ощутимых результатов для планов Душана дать не могло. В последние годы его правления сербский отряд, сражавшийся на стороне Иоанна V Палеолога, был перебит турками. Для Душана настало время разочарования в его широких и смелых замыслах; для него стало ясно, что пути к Царьграду были для него закрыты.

В 1355 г. великого сербского государя не стало. Таким образом, Душану не удалось создать греко-сербского царства, которое должно было заменить Византийскую империю; он «успел образовать только Сербское царство, включавшее в себя многие греческие земли» и распавшееся после его смерти, по выражению Иоанна Кантакузена, «на тысячи кусков».

Существование монархии Душана было настолько непродолжительным, что в ней, наблюдать можно только два момента: момент образования, продолжающийся во все время царствования Душана, и момент распада, начавшийся тотчас после смерти ее основателя.

Третья, наиболее грандиозная и последняя попытка славян образовать на Балканском полуострове великую державу, со включением в нее Константинополя, закончилась неудачей. Для завоевательных планов воинственных османских турок Балканский полуостров был открыт и почти беззащитен.

К концу царствования Андроника Младшего турки являлись почти полными хозяевами Малой Азии. Восточная часть Средиземного моря и Архипелаг находились под угрозой нападения турецких пиратов, как из османов, так и из сельджуков. Положение христианского населения полуострова, прибрежных местностей и островов было невыносимым. Торговля замерла. Турецкие атаки на афонские монастыри вынудили одного из монахов, Афанасия, эмигрировать в Грецию, в Фессалию, где он основал знаменитые монастыри «в воздухе», «волшебные и фантастические «метеоры», украшающие острые вершины скал мрачной долины Калабака».

Король кипрский и магистр ордена госпитальеров, или иоаннитов, владевших с начала XIV века островом Родосом, умоляли папу Поднять западно-европейские государства в поход против турок. Но небольшие освободительные экспедиции, проведенные в ответ на призыв папы, несмотря на некоторый успех, не могли привести к желанному результату. Ближайшим стремлением турок было желание прочно утвердиться на европейском берегу. Выполнение намеченного ими плана облегчалось междоусобной войной в империи, которая, в лице Иоанна Кантакузена, не переставала вмешивать турок в свои внутренние дела.

Обычно первое утверждение османских турок в Европе связывается с именем Иоанна Кантакузена, часто опиравшегося на них в своей борьбе с Иоанном Палеологом. Кантакузен даже выдал свою дочь замуж за султана Урхана. По приглашению Кантакузена, турки, являясь его союзниками, не раз опустошали Фракию.

Хотя частные поселения турок в Европе, а именно во Фракии и на Фракийском (Галлипольском) полуострове, уже существовали с первых лет правления Кантакузена, однако, они не казались особенно опасными, так как подчинялись, конечно, византийским властям. Но в начале пятидесятых годов на Херсонесе Фракийском, около Каллиполя (Галлиполи), в руки турок попал небольшой укрепленный замок Цимпа. Попытка Кантакузена при помощи денег заставить турок очистить Цимпу не удалась.

В 1354 г. почти весь южный берег Фракии постигло страшное землетрясение, разрушившее целый ряд городов и укреплений. Воспользовавшись этим, укрепившись в Цимпе, турки заняли на Херсонесе несколько оставленных населением городов, в том числе Каллиполь (Галлиполи), который они, выстроив стены, соорудив сильные укрепления и арсенал, поместив большой гарнизон, превратили в высшей степени важный стратегический центр, сделавшийся опорным пунктом для дальнейшего продвижения по Балканскому полуострову. Опасность для Константинополя тотчас была понята населением, которое по получении известия о захвате турками Каллиполя впало в отчаяние.

Все, «чтобы избегнуть рабства», спешили уезжать в Италию, в Испанию, и даже дальше — «к морю за Столбами», т.е. за Гибралтарским проливом (Геркулесовыми Столбами), может быть, в Англию, Русская летопись по поводу данных событий отмечает: «В лето 6854 (1346 г.) перевезлися Измаилятыне на сю сторону в Греческую землю. В лето 6865 (1357 г.) взяли у Греков Калиполь».

Утвердившись в Галлиполи и пользуясь не прекращавшимися внутренними смутами в Византии и в славянских государствах Болгарии и Сербии, турки стали продолжать свои завоевания на Балканском полуострове.

Преемник Урхана, султан Мурад I, после занятия целого ряда укрепленных городов в ближайших окрестностях Константинополя, овладел такими крупными центрами, как Адрианополь и Филиппополь и, двигаясь на запад, начал угрожать Фессалонике. В Адрианополь была перенесена столица турецкого государства. Константинополь постепенно окружался турецкими владениями. Император продолжал платить дань султану.

Эти завоевания поставили Мурада лицом к лицу с Сербией и Болгарией, которые к тому времени уже потеряли свою былую силу благодаря внутренним раздорам. Мурад двинулся на Сербию. Навстречу ему выступил сербский князь Лазарь. Решительное сражение разыгралось летом 1389 г. в центре Сербии, на Коссовом поле. Вначале казалось, что победа была на стороне сербов. Рассказывают, что один из сербских храбрецов, Милош Обилич, или Кобилич, пробрался в турецкий лагерь, притворился перешедшим на сторону турок и, проникнув в шатер Мурада, убил его ударом отравленного кинжала. Возникшее после этого среди турок замешательство было быстро устранено сыном убитого Мурада Баязидом, который, окружив сербское войско, нанес ему полное поражение. Попавший в плен князь Лазарь был казнен. Год сражения на Коссовом поле может быть признан годом падения Сербии. Жалкие остатки сербского государства, продолжавшие еще существовать в продолжение семидесяти лет, не заслуживают названия государства. Сербия в 1389 г. подчинилась Турции.

Через четыре года (в 1393 г.), т.е. уже после смерти Иоанна V, столица Болгарии, Тырново, также была завоевана турками, а немного позднее вся болгарская территория вошла в состав Турецкой империи.

Незадолго до смерти престарелому и уже больному Иоанну V пришлось вынести новое унижение, ускорившее его кончину. Перед опасностью для столицы от турок Иоанн приступил к исправлению городских стен и возведению укреплений. Узнав об этом, султан приказал ему разрушить построенное, угрожая в случае отказа ослепить сына императора и наследника Мануила, находившегося в то время при дворе Баязида. Иоанн вынужден был исполнить это требование. Константинополь вступил в критическую пору своего существования.

К концу правления Андроника III генуэзская колония в Галате, достигнув крупного экономического и политического влияния, сделалась как бы государством в государстве. Пользуясь почти полным отсутствием флота у Византии, галатские генуэзцы заполнили своими судами все порты Архипелага и захватили всю ввозную торговлю на Черном море и в проливах. По свидетельству Никифора Григоры, таможенные доходы Галаты ежегодно достигали до 200 000 золотых, в то время как Византия с трудом получала с этих сборов едва 30 000 золотых. Понимая всю опасность для Византии со стороны Галаты, Иоанн Кантакузен, несмотря на раздиравшую государство

внутреннюю смуту, приступил, насколько позволяли расстроенные финансы страны, к постройке военных и торговых судов. Встревоженные галатцы решили силой сопротивляться замыслам Кантакузена; они заняли господствующую над Галатой возвышенность и построили там стены, башню и различные земельные укрепления. Нападение генуэзцев на сам Константинополь окончилось для них неудачно. Выстроенные Кантакузеном суда вошли в Золотой Рог для борьбы с генуэзцами, которые уже склонялись к миру ввиду силы нового византийского флота. Но неопытность греческих судовых начальников и разразившаяся буря, чем умело воспользовался генуэзский адмирал, привели к тому, что греческий флот был разгромлен, и галатцы после этого с торжеством разъезжали на разукрашенных судах мимо императорского дворца, издеваясь над императорским флагом, снятым с разбитых греческих кораблей. По условиям заключенного с генуэзцами мира спорные высоты над Галатой остались в их руках. Генуэзская Галата стала еще более опасной для Константинополя.

Подобное усиление и до того уже преобладающего влияния генуэзцев при Палеологах не могло не отразиться на положении Венеции, видевшей в Генуе своего главного торгового врага на Востоке. Особенно остро сталкивались интересы обеих республик на Черном море и на Меотиде (Азовском море), где генуэзцы утвердились в Каффе (в Крыму, современной Феодосии) и в Тане, у устьев Дона (у современного Азова). Босфор, т.е. вход в Черное море, также находился в руках генуэзцев, которые, владея Галатой, устроили на берегу пролива род таможенного пункта, взимавшего торговые пошлины со всех негенуэзских судов, преимущественно венецианских и византийских, направлявшихся в Черное море. Целью Генуи было установить по его берегам торговую монополию. На островах и побережье Эгейского моря интересы Венеции и Генуи также сталкивались.

От немедленного столкновения временно удержала обе республики чума 1348 и следующих годов, парализовавшая их силы. Это страшное моровое поветрие, так называемая Черная смерть, будучи занесена из глубины Азии на побережье Меотиды (Азовского моря) и в Крым, перебросилась, благодаря зачумленным генуэзским торговым галерам, вышедшим из Таны и Каффы, в Константинополь, где унесла, по несколько свидетельству западных хроник, 8/9 или 2/3 населения. Оттуда зараза, перешла на острова Эгейского моря и на Средиземное побережье. Византийские историки оставили нам подробное описание самой болезни, указывая на полное бессилие врачей в борьбе с ней. В своем описании этой эпидемии Иоанн Кантакузен подражал знаменитому описанию афинской чумы во второй книге Фукидида. Из Византии генуэзские галеры, как рассказывают западные хроники, разнесли заразу по прибрежным городам Италии, Франции и Испании. Из последних чума распространилась на север и запад и охватила Италию, Испанию, Францию, Англию, Германию и Норвегию. В это время в Италии Боккаччо писал свой знаменитый «Декамерон», который начинается «клас-

сическим по своей картинности и размеренной торжественности описанием черной смерти», когда здоровые люди еще «утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете».

Из Германии по Балтийскому морю и через Польшу чума проникла во Псков, Новгород, Москву, где жертвой ее в 1353 г. стал великий князь Симеон Гордый, и распространилась почти по всей России. В некоторых городах, по свидетельству русской летописи, не осталось в живых ни одного человека.

Венеция деятельно готовилась к войне. После того как ужасы морового поветрия несколько позабылись, республика св. Марка заключила союз с королем Арагонии, который, имея счеты с генуэзцами, согласился своими нападениями на берега и острова Италии отвлекать силы Генуи и тем самым облегчать действия Венеции на Востоке. После некоторого колебания к арагоно-венецианскому союзу против Генуи присоединился и Иоанн Кантакузен, обвинявший «неблагодарный народ генуэзцев» в том, что они забыли «страх Божий», что они опустошали моря, «как будто бы их обуяла мания грабежа», что они «старались непрестанно беспокоить моря и мореплавателей своими пиратскими нападениями».

Главный бой, в котором приняли участие около 150 кораблей греческих, венецианских, арагонских, генуэзских, произошел, в начале пятидесятых годов в Босфоре, не дав решительного результата; обе стороны приписывали себе победу. Сближение генуэзцев с турками-османами заставило Иоанна Кантакузена отказаться от союза с Венецией и примириться с генуэзцами, которым он обещал не помогать впредь Венеции и соглашался расширить генуэзскую колонию Галаты. Однако, утомленные войной Венеция и Генуя, после нескольких столкновений, заключили между собой мир. Последний, не решив главного вопроса в споре между двумя республиками, продолжался недолго; снова вспыхнула между ними война, которую можно назвать Тенедосской войной. Тенедос, один из немногих островов Архипелага, остававшихся еще в руках византийских императоров, получил, благодаря своему положению у входа в Дарданеллы, первостепенное значение для государств, имевших торговые сношения с Константинополем и Черным морем. С тех пор как оба берега пролива перешли в руки османских турок, Тенедос сделался прекрасным наблюдательным пунктом за их действиями. Венеция, уже давно мечтавшая о занятии этого острова, после целого ряда переговоров с императором, наконец, получила от него согласие на это. Но на уступку Тенедоса Венеции не могли согласиться генуэзцы, которые, чтобы воспрепятствовать выполнению этого плана, успели поднять в Константинополе восстание, низложив Иоанна V и посадив на престол на три года его старшего сына Андроника. Разразившаяся война между двумя республиками, изнурившая последние и разорившая все госу-

дарства, которые имели торговые интересы на Востоке, закончилась, наконец, в 1381 г. миром в Турине, главном городе Савойского герцогства.

Венеция должна была очистить остров Тенедос, укрепления которого были скрыты; остров в определенный срок должен был перейти в руки Савойского герцога, находившегося в родстве с Палеологами (по Анне Савойской, супруге Андроника III). Таким образом, ни Венеция, ни Генуя не получали этого важного стратегического пункта, к обладанию которым они так сильно стремились.

Касательно вопроса о торговой монополии генуэзцев в Черном море и Меотиде, особенно в колонии Тане, то, Генуя должна была отказаться от своего намерения закрыть венецианцам рынки Черного моря и доступ в Тану. Торговые нации возобновили свои сношения с Таной, которая, будучи расположена в устьях Дона, являлась одним из очень важных центров торговли в восточными народами. Мирные отношения Генуи с получившим снова престол Иоанном V были восстановлены. Византия снова должна была лавировать между двумя республиками, торговые интересы которых на Востоке, несмотря на заключенный мир, продолжали сталкиваться. Во всяком случае, туринский мир, который закончил большую войну, вызванную экономическим соперничеством Венеции и Генуи, имел крупное значение уже потому, что позволил народностям, поддерживавшим сношения с Романией, возобновить их давно прерванную торговлю. Дальнейшая судьба последней зависела, от османских турок, которым, принадлежало будущее Христианского Востока.

В момент смерти Иоанна V Мануил находился при дворе султана Баязида. Когда весть о смерти отца дошла до него, ему удалось убежать от султана и достичь Константинополя, где он и был коронован императором. По сведениям византийского источника, Баязид, боясь популярности Мануила, раскаивался в том, что не умертвил последнего во время его пребывания при своем дворе. С этих пор Константинополь находился как бы в состоянии осады. Единственным облегчением для столицы было неудовлетворительное состояние морского дела у турок, которые из-за этого, несмотря на то, что владели обоими берегами Дарданелл, пока не были в состоянии совершенно отрезать Византию от сообщения через этот пролив с внешним миром.

Особенно страшным был для Христианского Востока момент, когда Баязид, созвав хитростью в одно место представителей фамилии Палеологов во главе с Мануилом и славянских князей, имел, по-видимому, намерение сразу покончить с ними, чтобы, по собственным словам султана, «после очищения страны от терниев, под которыми он подразумевал нас (т.е. христиан; об этом пишет Мануил), его сыновья могли плясать в земле христиан, не боясь окровавить своих ног». Однако, представители правящих

фамилий были пощажены, и суровый гнев султана поразил лишь многих знатных лиц из их свиты.

В 1392 году Баязид организовал морскую экспедицию против Синопа в Черном море. Во главе турецкого флота султан поставил императора Мануила. Поэтому-то венецианцы считали, что экспедиция направлена не против Синопа, а против венецианских колоний, расположенных южнее Дарданелл, в Архипелаге. Венецианцы думали также, что это не турецкая экспедиция, а замаскированная греческая экспедиция, поддержанная турецкими войсками. Современный исследователь замечает, что восточный вопрос в конце XIV века мог быть разрешен образованием греко-турецкой империи. Этот интересный эпизод, известный по архивам Венеции, не имел существенных последствий. Вскоре Византия и Баязид разошлись и Мануил обратился к Западу, забытому на некоторое время.

Под влиянием обстоятельств Мануил начал дружественные переговоры с Венецией. Баязид старался отрезать Константинополь от стран, где он запасался продовольствием. В столице начался голод. По словам византийского хрониста, народ вынужден был разбирать свои жилища, чтобы собрать дров, необходимых для выпечки хлеба. По просьбе византийских посланников, Венеция отправила немного зерна в Константинополь.

Успехи турок на Балканском полуострове, между тем, снова ставили на очередь вопрос о прямой опасности с их стороны для Западной Европы. Покорение Болгарии и почти полное подчинение Сербии привели турок к границам Мадьярского (Венгерского) королевства. Король последнего Сигизмунд, чувствуя полное бессилие и невозможность справиться личными силами с надвигавшейся турецкой угрозой, обратился за помощью к европейским государям. С наибольшим энтузиазмом отозвалась на призыв Франция, король которой, уступая голосу народа, отправил к Сигизмунду небольшой отряд. Во главе его стоял герцог Бургундский. Польша, Англия, Германия и некоторые другие более мелкие государства также прислали незначительные отряды. К кампании присоединилась и Венеция. Как раз перед крестовым походом Сигизмунда Мануил, образовал союз с генуэзцами Эгейских островов, в частности с Лесбосом и Хиосом, а также с рыцарями-госпитальерами (иоаннитами) Родоса, т.е. с христианскими аванпостами в Эгейском море. Что касается отношения Мануила к крестовому походу Сигизмунда, то, вероятно, он обязался принять участие в издержках на предполагаемую экспедицию.

Крестоносное предприятие окончилось полной неудачей. В 1396 г. в сражении под Никополем (на правом берегу нижнего Дуная) крестоносцы были наголову разбиты турками и должны были вернуться по домам. Спасшийся с трудом Сигизмунд на небольшом судне через устье Дуная и

Черное море достиг Константинополя, откуда кружным путем через Архипелаг и Адриатическое море вернулся в Венгрию.

После поражения западных крестоносцев под Никополем победитель Баязид, чтобы поскорее покончить с Константинополем, решил разорить те немногие области, которые почти номинально принадлежали империи и откуда осажденная столица могла получать помощь. Он без труда опустошил подчинившуюся ему Фессалию и на короткое время даже захватил Афины. Его лучшие военачальники подвергли страшному разгрому Морем (Пелопоннес), где с титулом деспота правил в то время брат Мануила.

Между тем в самой столице росло народное недовольство; утомленное и изнуренное население роптало, обвиняя в своих бедах и несчастьях Мануила, и стало обращать свои взоры на его племянника Иоанна, свергнувшего в 1390 г. на несколько месяцев престарелого отца Мануила Иоанна V.

Лекция 63.

План:

Константин XI (1449—1453) и взятие Константинополя турками.

Территория, признававшая власть последнего византийского императора, ограничивалась Константинополем с его ближайшими окрестностями во Фракии и большей частью лежавшего в стороне от столицы Пелопоннеса или Морей, где правили братья императора.

Честность, благородство, энергия, храбрость и любовь к родине были отличительными чертами Константина, как о том свидетельствует ряд греческих источников его времени и его поведение во время осады Константинополя.

Сильным и страшным врагом Константина был молодой, двадцатиоднолетний султан Мехмед II, соединявший в своей натуре, наряду с грубыми порывами суровой жестокости, жажды крови и низменными пороками, склонность к науке и образованию, энергию, военный, государственный и организаторский таланты. Византийский источник сообщает нам, что он занимался с увлечением науками, особенно астрологией, читал рассказы о подвигах и деяниях Александра Македонского, Юлия Цезаря и константинопольских государей, говорил, кроме турецкого, на пяти языках, может быть, и по-славянски. Восточные источники восхваляют его религиозность, правосудие, милосердие и покровительство ученым и поэтам. Стремление

завоевать Константинополь всецело охватывало молодого султана, в бессонные ночи он на бумаге чертил план города и городских укреплений, намечая те места, откуда легче будет взять город.

Решив нанести последний удар Константинополю, Мехмед приступил к этому шагу с полной осторожностью. Прежде всего на севере от города, на европейском берегу Босфора, в самом узком его месте, он построил сильное укрепление с башнями, величественные остатки которого видны еще и теперь (Румели-Хиссар); поставленные там пушки выбрасывали громадные для того времени каменные ядра.

Когда весть об укреплении на Босфоре распространилась, то среди христианского населения столицы, Азии, Фракии и островов только и раздавались восклицания: «Теперь приблизился конец города; теперь знамения гибели нашего рода; теперь (наступают) дни антихриста; что будет с нами или что нам делать?.. Где святые, охраняющие город?» Другой современник той эпохи, очевидец событий, перенесший все ужасы осады Константинополя, автор «Дневника осады», венецианец Николай Барбаро писал: «Это укрепление чрезвычайно сильно с моря, так что овладеть им нельзя никоим образом, ибо на берегу и на стенах стоят в громадном количестве бомбарды (род орудий); с суши укрепление также сильно, хотя и не так, как с моря». Возведенное укрепление прекратило сообщение столицы с севером и с портами Черного моря, так как все иностранные суда, входившие в Босфор и выходившие из него, перехватывались турками, благодаря чему Константинополь, в случае осады, лишался подвоза хлеба, шедшего из черноморских портов. Для турок это было тем более легко сделать, что против европейского укрепления возвышались на азиатском берегу Босфора укрепления, построенные еще в конце XIV века султаном Баязидом (Анатоли-Хиссар). Затем султан сделал опустошительное нападение на греческие владения в Море на Пелопоннесе, чтобы этим самым лишить морейского деспота возможности прийти на помощь в опасный момент Константинополю. После вышеописанных подготовительных мер Мехмед приступил к осаде великого города.

Константин сделал все возможное, чтобы достойно встретить своего могущественного противника в открывавшейся неравной борьбе, исход которой, можно сказать, заранее был уже предрешен. Император приказал из окрестностей столицы свезти в город возможные запасы хлеба и сделать некоторые исправления в городских стенах. Греческий гарнизон города не превышал несколько тысяч. Видя приближение смертельной опасности, Константин обратился за помощью к Западу; но вместо желанной военной помощи в Константинополь прибыл римский кардинал, грек по происхождению, Исидор, бывший московский митрополит и участник Флорентийского собора, и в ознаменование восстановленного мира между восточной и западной церквами отслужил униатскую обедню в храме Св. Софии, что вы-

звало сильнейшее возбуждение среди городского населения. Тогда именно один из виднейших византийских сановников Лука Нотара произнес знаменитые слова: «Лучше видеть в городе власть турецкого турбана, чем латинской тиары».

В защите столицы участвовали венецианцы и генуэзцы. Особенно большие надежды возлагались на прибывшего с двумя большими судами с острова Хиоса начальника испытанного в боях генуэзского отряда Джованни Джустиниани. Доступ в Золотой Рог был прегражден, что не раз уже случилось в опасные минуты прежнего времени, массивной железной цепью, остатки которой, как полагали в течение долгого времени, можно было видеть до последних лет на дворе сохранившейся византийской церкви св. Ирины, где теперь устроен оттоманский военно-исторический музей.

Военные силы Мехмеда, сухопутные и морские, в состав которых входили, кроме турок, представители покоренных ими народов, в том числе и славян, бесконечно превосходили скромное число защитников Константинополя из греков и латинян, преимущественно итальянцев.

Наступило одно из важнейших событий мировой истории.

Самый факт осады и взятия турками Константинополя оставил глубокий след в источниках, которые, на разных языках, с разных точек зрения описывают последние моменты Византийского государства и позволяют нам иногда буквально по дням и часам следить за развитием последнего акта захватывающей исторической драмы. Дошедшие до нас источники написаны на греческом, латинском, итальянском, славянском и турецком языках.

Главнейшие греческие источники различно относятся к событию. Участник осады, близкий друг последнего императора, дипломат, Георгий Франдзи, противник унии, описал последние времена Византии с целью восстановить честь побежденного Константина, поруганной родины и оскорбленного греческого Православия. Другой современник эпохи, грек Критовул, перешедший на сторону турок и желавший доказать свою преданность Мехмеду II, посвятил свою, написанную под сильным влиянием Фукидида, историю «величайшему императору, царю царей Мехмету», где он излагает последние судьбы Византии с точки зрения подданного нового османского государства. Грек из Малой Азии Дука, будучи сторонником унии, писал с точки зрения, благоприятной Западу, выставя в критический момент заслуги и достоинства генуэзского вождя Джустиниани и умаляя роль Константина, но вместе с тем продолжая любить и жалеть, греков. Четвертый греческий историк, единственный афинянин, которого знает вообще византийская литература, Лаоник Халкокондил (или Халкондил), ставивший в центре своего изложения не Византию, а турецкое государство,

задался новой и обширной темой изобразить «необыкновенное развитие мощи молодого османского государства, возникавшего на развалинах греческих, франкских и славянских держав», другими словами, дать общий труд.

Из наиболее ценных источников, написанных на латинском языке, авторы которых пережили в Константинополе все время осады можно назвать воззвание «ко всем верным Христу» (*Ad universos Christifideles de expugnatione Constantinopolis*) с трудом избегнувшего турецкого плена кардинала Исидора; затем донесение папе архиепископа Леонарда Хиосского, также спасшегося от пленения турками и видевшего в постигшем Византию великом бедствии кару за отступление греков от заветов католической церкви; наконец, стихотворная поэма в четырех песнях «Constantinopolis» итальянца Пускула, пробывшего некоторое время в турецком плену, подражателя Вергилия и отчасти Гомера, ревностного католика, посвятившего папе свою поэму, убежденного, что Бог покарал Византию за схизму.

Итальянские источники дали нам драгоценный, написанный сухим, деловым языком на древневенецианском наречии «Дневник константинопольской осады», принадлежащий перу венецианца Николая Барбаро, перечислявшего по дням происходившие во время осады столкновения греков с турками, и имеющей поэтому для восстановления хронологии осады первостепенное значение.

На древнерусском языке написана важная историческая повесть о взятии Царьграда, «о сем великом и страшном деле», «многогрешным и беззаконным Нестором Искиндером (Искандером)», почти русским по происхождению, бывшим в войске султана и правдиво и» по возможности, ежедневно описывавшего действия турок за стенами города а в самом городе после падения последнего. Падение Константинополя описано также в русских хронографах и летописях.

Существуют и турецкие источники, оценивающие великое событие с точки зрения ислама и его блестящего представителя Мехмеда II Завоевателя, а иногда представляющие собой собрание турецких народных легенд о Константинополе и Босфоре.

В начале апреля 1453 г. началась осада великого города. Успеху последней помогали не только несравненно более крупные военные силы турок. Мехмед II был первым государем в истории, который имел в своем распоряжении настоящий артиллерийский парк. Усовершенствованные, гигантских размеров, Турецкие бронзовые пушки выбрасывали на далекое расстояние не менее гигантские каменные ядра, против сокрушительных ударов которых не могли устоять вековые константинопольские стены. Отмеченная выше русская повесть о Царьграде замечает, что «окаянный

Махмет» прикатил к городским стенам «пушки и пицали и туры и лестница и грады деревянные и ины козни стенобитныя».

20 апреля произошло единственное, счастливое для христиан событие за все время осады: в этот день прибывшие на помощь к Константинополю четыре геновских судна разбились во много раз; превосходящий их силы турецкий флот. На мгновение Константинополь считал себя спасенным. Конечно, этот успех не мог иметь крупного значения для хода осады.

22 апреля город во главе с императором был поражен необычайным зрелищем: турецкие суда находились в верхней части Золотого Рога. В ночь на это число султану удалось переправить по суше, минуя железную цепь, корабли из Босфора в Золотой Рог; для этого специально был устроен в долине между возвышенностей деревянный помост, по которому суда на подставленных под них колесах и были перетащены при помощи большого числа находившихся в распоряжении султана «каналей». Найдшийся в Золотом Роге за цепью греко-итальянский флот оказался после этого между двух огней. Положение города стало критическим. План осажденного гарнизона сжечь ночью турецкие суда в Золотом Роге был своевременно изменнически открыт султану и предупрежден им.

Между тем, жестокая бомбардировка города, не прекращавшаяся в течение нескольких недель, довела до последней степени изнурения городское население, которое должно было дни и ночи, под градом ядер, заделывать многочисленные стенные бреши. Осада длилась уже пятьдесят дней. Дошедшая до султана весть, о возможности прибытия на помощь городу христианского флота побудила его поспешить с решительным штурмом Константинополя. Он был назначен в ночь с 28 на 29 мая.

Древняя столица христианского Востока, предчувствуя неизбежность роковой для себя развязки и зная о предстоящем штурме, провела канун одного из величайших исторических дней в молитве и слезах. По распоряжению императора, крестные ходы, в сопровождении громадной толпы народа, певшей «Господи, помилуй», обходили городские стены. Люди ободряли друг друга, чтобы в последний час битвы оказать храброе сопротивление врагу. В своей длинной речи, Константин, побуждая жителей к храброй защите, ясно понимал предрешенную гибель, когда говорил, что турки «опираются на орудия, конницу, (пешее) войско и численное превосходство, мы же полагаемся на имя Господа нашего Бога и Спасителя и, во вторых, на наши руки и силу, которую даровало нам божеское могущество». В то же самое время в конце речи Константин произнес такие слова: «Убеждаю и прошу вашу любовь, чтобы вы оказывали соответствующий почет и подчинение вашим вождям, каждый согласно своему чину, отряду и службе. Знайте же следующее: если вы искренне будете соблюдать все то, что я вам приказал, то с помощью Божией я надеюсь, что мы избавимся от ни-

спосланной Богом справедливой кары». В тот же день вечером в Св. Софии было совершено богослужение, последняя христианская служба в знаменитом храме.

Общий штурм начался во вторник между часом и двумя ночи с 28 на 29 мая. По данному знаку город был атакован сразу с трех сторон. Две атаки были отбиты. Наконец, Мехмед организовал со всей тщательностью третью и последнюю атаку. Особенно яростно нападали турки со стороны ворот св. Романа, где было замечено присутствие императора и окружавших его бойцов. К довершению всего, один из самых главных защитников города, генуэзец Джустиниани, будучи тяжело ранен, должен был покинуть ряды войска. Его с трудом перевезли на корабль, которому удалось уйти на остров Хиос, где раненый скоро же и умер, если только он ни умер еще в дороге. Его могила сохранилась на Хиосе до сих пор.

Удаление Джустиниани было большой потерей для осажденных. В стенах открывались все новые и новые бреши. Император геройски сражался как простой воин и пал в битве. Точных известий о смерти византийского императора нет, так как ни один из историков осады при ней не присутствовал. Весьма скоро смерть его сделалась предметом легенды, затемнившей самый исторический факт.

После смерти Константина турки ринулись в город, производя ужасные опустошения. Большая толпа греков искала спасения в Св. Софии, думая, что там они будут в безопасности. Турки, взломав входные двери, ворвались в храм, избивали и оскорбляли укрывавшихся там греков без различия пола и возраста. В самый день взятия города, или на следующий день, султан, торжественно вступив в завоеванный Константинополь, последовал в Св. Софию и совершил в ней мусульманскую молитву. Св. София превратилась в мусульманскую мечеть. После этого Мехмед расположился во Влахернском дворце, резиденции византийских василевсов.

Грабеж города, как обещал солдатам Мехмед, продолжался три дня и три ночи. Население подверглось жестокому избиению. Храмы во главе со Св. Софией и монастыри со всеми их богатствами были ободраны и осквернены; частное имущество расхищено. В эти дни погибло неисчислимое количество культурного наследия. Книги сжигались или разрывались и растапывались, или за бесценок продавались. По свидетельству Михаила Дюки, громадное количество книг, нагруженное на телеги, было рассеяно по западным и восточным областям. За одну золотую монету продавали десятки книг — сочинения Аристотеля, Платона, книги богословского содержания и многие другие. С роскошно украшенных Евангелий срывали золото и серебро, а сами Евангелия или продавали, или бросали. Все иконы сжигались, и на этом огне турки варили мясо и ели. И тем не менее некоторые ученые признают, что турки в 1453 г. поступили с большей мягкостью и гу-

манностью, чем крестоносцы, паявшие Константинополь в 1204 г.». Народное христианское предание рассказывает, что в момент появления турок в храме Св. Софии шла литургия. Когда священник со святыми дарами увидел ворвавшихся мусульман, он вошел в разверзшуюся перед ним стену алтаря и исчез. Тогда, когда Константинополь снова перейдет в руки христиан, священник снова выйдет из стены и будет продолжать служить литургию.

Через два дня после падения Константинополя в Архипелаг прибыл на помощь западный флот, однако после того, как стали известны новости о падении города, корабли немедленно отплыли назад. На основании некоторых новых данных в настоящее время этот факт отвергается.

В 1456 году Мехмед завоевал Афины у франков. Вскоре после этого вся Греция с Пелопоннесом подчинились ему. Античный Парфенон, где в средние века находилась церковь Богоматери, был, по распоряжению султана, обращен в мечеть. В 1461 году в руки турок перешел далекий Трапезунд, столица самостоятельной империи. В это же время они овладели и остатками Эпирского деспотата. Византийская православная империя прекратила свое существование и на ее месте обосновалась и разрослась Османская (Османская) мусульманская империя, перенесшая столицу из Адрианополя на берега Босфора в Константинополь, называемый по-турецки Истамбул (Стамбул).

Падение Константинополя произвело сильное впечатление на Западную Европу, которая прежде всего была охвачена страхом., перед дальнейшими успехами турок; конечно, гибель одного из самых главных центров христианства, хотя бы с точки зрения католической церкви и схизматического, также возбуждала негодование, ужас и рвение поправить дело со стороны верующих сынов Запада. Папы, государи, епископы, князья и рыцари оставили много посланий и писем, рисующих весь ужас создавшегося положения и призывающих к крестоносной борьбе с победоносным исламом и его представителем Мехмедом II, этим «предвестником антихриста и вторым Сеннахерибом». Во многих, письмах оплакивается гибель Константинополя как центра культуры. В своем воззвании к папе Николаю V западный император Фридрих III, называя падение Константинополя «общим несчастьем христианской веры», пишет, что Константинополь был «как бы настоящим жилищем литературы, и занятий всеми изящными искусствами».

Ни воззвания пап и государей, ни возвышенные порывы отдельных лиц и групп, ни сознание общей опасности перед османской угрозой не могли сплотить разъединенную Западную Европу на борьбу с исламом. Турки продолжали двигаться дальше и в конце XVII века уже угрожали Ве-

не. Это был момент наивысшего могущества Османской державы. Константинополь, как известно, до сих пор находится во власти турок.

Лекция 64.

План:

Просвещение, литература, наука и искусство в эпоху Палеологов.

В то время как империя Палеологов в политическом и экономическом отношении переживала критические времена, уменьшаясь постепенно в размерах и будучи ограничена Константинополем с его ближайшими окрестностями и Мореей, казалось бы, для культурной работы не могло быть ни места, ни подходящих условий. В действительности же гибнущее государство XIV и XV веков и Константинополь являлись центром живой и высокой культуры, умственной и художественной. Как в былые времена империи, константинопольские школы процветали, и молодые люди приезжали туда учиться не только из далеких греческих областей, но даже из Италии, где в это время шла эпоха Возрождения. Философы во главе с Гемистом Плифоном толковали Аристотеля и Платона. Риторы и филологи, изучавшие лучшие образцы античной древности и стремившиеся по языку приблизиться к классическим писателям, собирали вокруг своих кафедр восторженную толпу слушателей и учеников и были несколько похожи на итальянских гуманистов. Целый ряд историков запечатлели в своих трудах последние судьбы империи. Напряженная церковная жизнь с исихастским движением, с постоянным спором об унии с Римской церковью оставила также весьма заметный след в области литературы догматической, аскетической, мистической и полемической. Оживление заметно и в поэзии, как в высокой, так и в народной. Наконец, это литературное возрождение сопровождалось и возрождением художественным, оставившим нам памятники высокой ценности. Помимо Константинополя, Мистра - Спарта отличалась высоким уровнем культурной жизни. Четырнадцатое столетие было также Золотым Веком для искусства и литературы в Фессалонике.

Многие представители фамилий, занимавших императорский престол - Палеологи и Кантакузены, проявили себя на поприще науки и просвещения. Михаил VIII Палеолог писал в пользу унии, был автором канонов главнейшим мученикам, оставил любопытную «автобиографию» и основал в Константинополе грамматическую школу. Любителем наук и искусств и покровителем ученых и художников был Андроник II Старший. При нем и под его покровительством была создана художественная среда, определенная художественная школа, откуда вышли такие замечательные памятники искусства, как мозаики монастыря Хоры в Константинополе. Особенно выда-

вался своим образованием и литературным талантом Мануил II. Будучи тонким богословом, знатоком классического языка, искусным диалектиком и прекрасным стилистом, он оставил богатое литературное наследие в виде, например, трактата об исхождении Св. Духа, апологии против ислама, ряда речей на различные случаи жизни, изящного, написанного в Париже в несколько шутовском тоне «Изображения весны на королевском тканом занавесе», и большого количества интересных писем к различным выдающимся деятелям эпохи, написанных императором частью во время его вынужденного пребывания при османском дворе, а также во время заграничной поездки в Западную Европу. Всего же его произведений насчитывается, включая письма, 109.

Но первое место среди императоров, известных в истории византийской литературы, занимает соперник Иоанна V, Иоанн VI Кантакузен, закончивший после вынужденного отречения свои дни монахом под именем Иоасафа и посвятивший время своего удаления от мира научным занятиям и литературной деятельности. Главным его произведением являются четыре книги «Историй» или «Мемуаров», охватывающих события с 1320 г. по 1356 г. (отдельные заметки касаются более позднего времени), где автор рассказывает события, в которых он сам играл главную роль, ставит себя в центре всего изложения и в конце концов стремится оправдать и возвеличить деятельность свою и своих друзей и сторонников, и вместе с тем унижить, осмеять и очернить своих врагов. Если не считать небольшой автобиографии Михаила Палеолога, Кантакузен был единственным византийским государем, оставивший подробные мемуары, которые сообщают много важного материала для смутной истории Балканского полуострова в XIV веке и в частности для истории славян, а также для географии этих местностей. Кроме мемуаров, Иоанн Кантакузен в тиши кельи написал и несколько трудов богословского характера, например, полемические сочинения против Варлаама, против иудеев и мусульман и др. Свои литературные вкусы и симпатии Иоанн Кантакузен передал своему сыну Матфею, который после падения отца также удалился в монастырь, где написал несколько богословских и риторических произведений.

Эпоха Палеологов дала группу интересных и выдающихся историков.

Переселившийся в Константинополь из Никеи после изгнания латинян Пахимер (1242—1310), будучи образованным человеком, достиг высокого положения в государстве. Это давало ему возможность, пользоваться надежными источниками, являясь убежденным представителем национально-греческих взглядов в вопросе об унии, написал — кроме нескольких риторических и философских произведений, своей написанной гексаметром автобиографии и писем — очень важный исторический труд, охватывающий время с 1261 г. до начала XIV века (1307 или 1308 гг.), главнейший источник для времени Михаила VIII и части правления Андроника Старшего.

Пахимер представляет собой первого византийского историка, для которого центр тяжести лежит в изображении тонких, запутанных догматических споров того времени. Из истории Пахимера интересен, например, его рассказ о знаменитых каталонских «кампаниях» Рожера де Флора.

В начале XIV века Никифор Каллист Ксанфопул составил компилятивную «Церковную историю». Его план заключался в том, чтобы довести изложение до своего времени, однако он остановился на 911 году. Полностью существует только та часть его сочинения, в которой излагаются события от Рождества Христова до начала VII века. Он написал также некоторое количество церковных поэм, эпиграмм и несколько других сочинений.

В XIV веке жил один из величайших ученых и писателей последних двух веков существования Византии Никифор Григора. По разнообразию и объему знаний, остроумию, искусству в диалектике и по твердости характера он превосходил всех византийцев времени Палеологов и может быть сопоставлен с лучшими представителями западного Возрождения. Получив прекрасное образование, будучи знаком с древней литературой и увлекаясь особенно астрономией, что побудило его даже предложить императору непроведенную в жизнь календарную реформу, Григора, после нескольких лет успешной преподавательской деятельности, принимая участие в богословских спорах эпохи, написал много разнообразных. Выступив сначала противником калабрийского монаха Варлаама и постепенно по мере развития религиозной борьбы перейдя на сторону унии, Григора вынес за это немало тяжелых испытаний в виде преследования властей и сурового заточения. Закончил свою бурную жизнь Григора в начале шестидесятых годов XIV века, оставив труды почти во всех областях византийской науки. Наибольший интерес представляет его большая «Римская история» в 37 книгах, охватывающая события с 1204 до 1359 г., то есть время Никейской и Латинской империй и эпоху первых четырех Палеологов и Иоанна Кантакузена. Но события до 1320 г. изложены лишь в самых общих чертах, и подробный рассказ начинается лишь с этого года. Свои религиозные симпатии Григора перенес в свою «Историю», которая поэтому является партийным, в прямом смысле слова, произведением. Может быть, ее даже лучше отнести к своего рода мемуарам, чем к истории.

Наиболее важные факты политической жизни империи XV века оставили заметный след на страницах исторической литературы того времени. Неудачная осада Константинополя султаном Мурадом II в 1422 г. дала повод Иоанну Канану написать специальное сочинение об этом событии, где автор, приписывает спасение столицы заступничеству Богородицы. Может быть, ему же принадлежат краткие, известные под именем Канана Ласкаря, заметки о путешествии в Германию, Швецию, Норвегию, Ливонию с упоминанием Риги и Ревеля и даже на далекий остров Исландию.

Иоанн Анагност описал, в противоположность Канану правдивый рассказ о взятии Солуни турками в 1430 г.

Наконец, событие 1453 г., создало большую историческую литературу, которая представлена четырьмя историками различного направления и неодинаковой ценности. Но надо иметь в виду, что все эти четыре историка: Георгий Франдзи, Дука, Лаоник Халкокондил и Критовул, являются вместе с тем и источниками для эпохи Палеологов вообще.

Историческое сочинение Франдзи сохранилось в двух формах — сокращенной и более детализированной. Краткая версия, часто называемая *minus*, описывает события только 1413—1478 гг., тогда как более полная версия (*maius*) «Хроники» Франдзи покрывает время с 1258 по 1478 гг. Сочинение начинается с описания событий последних лет Никейской империи и кончается временем турецкого владычества в Константинополе. Автор был в столице во время осады. После падения Константинополя он был захвачен в плен турками. Позднее он был выкуплен и некоторое время жил в Мистре. До турецкого завоевания Пелопоннеса Франдзи переселился на остров Корфу, который в то время принадлежал Венеции. Там, в монастыре, где он принял постриг под именем Григория, он и написал свою и Хронику, по просьбе одного знатного жителя острова. Будучи обязан своей официальной карьерой Палеологам, с которыми он находился в близких отношениях, Франдзи является преимущественно историком Палеологов. Ненависть к туркам, верность православию и пристрастие к Палеологам являются отличительными чертами Франдзи. Его сочинение, несмотря на все предрассудки и пристрастия, написано очевидцем, близко стоявшим к событиям. Поэтому оно имеет важное значение, особенно начиная со времени Иоанна VIII. Стиль сочинения Франдзи простой и легкий.

Грек из Малой Азии Дука оставил нам написанную «смягченным народным греческим языком» историю времени с 1341 по 1462 гг., то есть со вступления на престол Иоанна V и кончая завоеванием турками острова Лесбоса. В начале истории автор поместил краткий обзор всемирной истории генеалогического очерка от Адама до Палеологов. Оставаясь в душе православным, но идя на компромисс с унией, Дука не потерял связи с родным ему народом, с горечью смотрел на его роковую судьбу, и рассказ о падении Константинополя закончил «плачем». Сочинение Дуки сохранилось не только в греческом оригинале, но и в староитальянском переводе.

Афинянин по происхождению, Лаоник Халкокондил, или, иначе, Халкокондил поставил в центре своего труда, не Константинополь и не двор Палеологов, а молодое и сильное османское государство. Он написал «Историю» в десяти книгах, излагающую события, с 1298 по 1463 гг. В ней он дал историю османов и их государей. Лаоник был вынужден бежать из Афин,

время до турецкого завоевания он провел в Пелопоннесе, откуда направился в Италию или на Крит, где и написал «Историю».

Наконец, Критовул, написал хвалебную историю Мехмеда II, излагающую события с 1451 по 1467 гг.

Эпоха Палеологов, выставив целый ряд историков, почти не дала хронистов. В XIV веке был только один, некто Ефрем, написавший стихотворную хронику (около 10 000 стихов), охватывающую время от Юлия Цезаря до восстановления империи Михаилом Палеологом в 1261 году. С исторической точки зрения она практически бесполезна.

Вопрос об унии и бурные исихастские споры вызвали напряженную деятельность в области догматической и полемической литературы. К сторонникам можно отнести трех писателей: Иоанна Векка, умершего в конце XIII века, Димитрия Кидониса, жившего в XIV веке и знаменитого Виссариона Никейского.

Современник первого Палеолога и первоначально, идейный противник сближения с латинянами, Иоанн Векк, занимая высокую церковную должность и противодействуя униатской политике Михаила VIII, навлек на себя его гнев и был заключен в темницу. По отзывам источников, это был выдающийся человек по уму и образованию. Но о нем мы с вами говорили в курсе ОЦИ II год обучения.

Живший в XIV веке Димитрий Кидонис принадлежал к числу талантливых писателей времени Палеологов в области как богословия, так и риторики. Он родился в Фессалонике в начале XIV века и умер в начале XV, так что жизнь его длилась практически целое столетие. В Милане он познакомился с латинским языком и литературой. Он жил в Фессалонике, Константинополе и на Крите. Ему было также пожаловано венецианское гражданство. Дни свои он закончил в монастыре. Кидонис принимал деятельное участие в религиозных вопросах и спорах эпохи, проявив себя сторонником сближения с Римом. В своих работах он имел перед громадным большинством своих современников то преимущество, что знал латинскую литературу и мог пользоваться западными учеными. Он был автором многочисленных сочинений по теологии, риторике и философии. Кидонис перевел с латинского на греческий, среди прочего, знаменитое сочинение Фомы Аквинского «Summa Theologiae».

Среди речей Кидона можно отметить две, носящие «увещательный» характер, которые изображают угнетенное состояние духа константинопольцев перед лицом турецкой опасности. В них также идет речь о

возможности эмиграции в Западную Европу и содержится призыв к грекам и латинянам объединить их усилия перед лицом общего врага.

Однако самое большое значение для культурной истории XIV столетия имеет обширная переписка Кидониса. Большинство его писем не издано; из 447 напечатано только 51 письмо. Среди его корреспондентов можно отметить Мануила II (32 письма), Иоанна Кантакузена, с которым он был весьма дружен (11 писем), и большое количество других выдающихся личностей эпохи.

Неопубликованная переписка патриарха Константинопольского Афанасия I, который при Андронике II Палеологе дважды занимал патриарший престол (1289—1293 и 1304—1310), может дать много интересного материала для политической, религиозной и социальной ситуации в империи его времени.

К числу сторонников унии принадлежал знаменитый Виссарион Никейский, участник Флорентийского собора и позднее кардинал Римской церкви. Значение деятельности и личности Виссариона выходит далеко за пределы богословской литературы и будет оценено нами ниже при рассмотрении вопроса о Византии и Возрождении.

Партия противников унии. Григорий (в миру Георгий) Кипрский, бывший патриархом при Андронике Старшем, главный противник Иоанна Векка, человек «известный ученостью», оставил несколько сочинений богословского характера, с попыткой решить с греческой точки зрения вопрос об исхождении Святого Духа. Большее значение имеют литературно-риторические произведения Григория.

Марк Евгеник, митрополит Эфесский, известный уже участник Ферраро-Флорентийского собора, не подписавший акта унии, оставил несколько небольших, компилятивных произведений, иногда полемического характера, например, против Виссариона, которые делают его одним из выразителей национального греческого взгляда на унию.

Наконец, последний крупный полемист Византийской церкви и первый Константинопольский патриарх под турецким владычеством Геннадий (в миру Георгий) Схоларий был хорошим знатоком богословия и философии. Он принимал участие в Ферраро-Флорентийском соборе, где он, являясь сторонником унии, перешел постепенно, особенно под влиянием Марка Эфесского, к ее убежденным противникам. Он был плодовитым писателем, разносторонним ученым, труды которого охватывали почти все области литературы. Он написал целый ряд полемических произведений. Философские работы Геннадия, возникшие из-за спора его с Гемистом Плифоном, на тему об аристотелизме и платонизме, роднят первого с представителем

ми гуманизма. Его «Жалоба о превратностях моей жизни» содержит исторические детали о жизни и сочинениях автора, а также о положении греческой церкви в первые годы исламского господства. Он написал также краткое историческое сочинение, «Хронографию». Хотя «Хронография» занимает только девять страниц печатного текста, она покрывает все годы от Адама до 1472 года.

Исихастское движение, захватившее церковную жизнь Византии XIV века, выставило также целый ряд писателей, начиная с основателя исихазма на Афоне Григория Синаита. Григорий Палама был также автором известного количества догматических сочинений и большого количества проповедей, шестьдесят шесть из которых были обнаружены в одном из монастырей области Метеора в Фессалии. Противник Паламы, Иоанн Кипариссиот, живший во второй половине XIV века, автор «Изложений первооснов теологических высказываний». Это первая попытка изложения догматики по образцу западной схоластики.

XIV век дал Византии одного из лучших византийских писателей и одного из самых выдающихся мистиков восточной церкви Николая Кавасилу. Имея одним из оснований сочинения Дионисия Ареопагита, византийская мистика пережила крупную эволюцию в VII веке, благодаря замечательной личности Максима Исповедника, сумевшего освободить мистику Ареопагита от ее неоплатонической основы и привести ее в согласие с учением восточной православной церкви. Влияние Максима явно чувствуется на писателях-мистиках XIV века, во главе которых стоит Николай Кавасила.

Николай Кавасила принадлежит к числу писателей, которые мало известны и недостаточно изучены, ибо многие из его сочинений неопубликованы. Для изучения мистического учения Кавасилы имеют главное значение два его сочинения: «Семь слов о жизни во Христе» (*De vita in Christo*) и «Изъяснение Божественной литургии» (*Sacrae liturgiae interpretatio*). Можно с уверенностью сказать, что литературная деятельность Кавасилы в области византийского мистицизма и сама по себе, и в связи с исихастским движением, и в связи с мистическими движениями в Западной Европе, заслуживает почетного места в культурной жизни Византии XIV века. Исследователи по-разному оценивают мистицизм Кавасилы и некоторые даже объявляют, что его вовсе невозможно назвать мистиком.

В области философии эпохе Палеологов принадлежит знаменитый византиец Георгий Гемист Плифон, представитель возродившегося в то время увлечения древним эллинизмом, почитатель и знаток Платона в форме неоплатонизма, мечтатель, задумавший создать при помощи богов античной мифологии новую религиозную систему. Плифон был гуманистом, тесно связанным с Италией. Интерес к античной философии, особенно к Аристотелю, а с XI века и к Платону, не прекращался в Византии. Михаил

Пселл в XI веке, Иоанн Итал в XII, Никифор Влеммид в XIII посвятили большую часть своего времени изучению философии, первый — более в сторону Платона, второй и третий — Аристотеля. Борьба двух философских направлений — аристотелизма и платонизма, столь характерная для средневековья, давала себя сильно чувствовать в Византии XIV века во время исихастских споров. Получив первоначальное образование в Константинополе, Плифон провел большую часть своей почти столетней жизни в Мистре, откуда он совершил поездку в Италию, сопровождая императора Иоанна VIII на Ферраро-Флорентийский собор. Кончил Плифон свои дни в Мистре, откуда прах его был перевезен одним итальянским меценатом в небольшой итальянский городок Римини, где и теперь покоится в одной из его церквей (Сан-Франческо).

Целью философских работ Плифона было выяснить значение платоновской философии сравнительно с философией Аристотеля. В борьбе аристотелизма с платонизмом Плифон являет собой новую фазу. Перенеся с собой в Италию свое знание Платона и увлечение им, он настолько повлиял на Козимо Медичи и итальянских гуманистов, что добился основания Платоновской академии во Флоренции. В этом городе Плифон написал трактат «О том, чем отличается Аристотель от Платона», где он старался доказать превосходство своего любимого философа. Большой груд Плифона в виде утопии «Трактат о законах», не дошедший до нас в полном виде.

По своему значению и влиянию личность Плифона далеко выходит за пределы интересов культурной истории Византии и по этому одному заслуживает самого глубокого внимания. Хотя его деятельность и значение еще не полностью оценены, значение Гемистия Плифона является одной из наиболее привлекательных тем для историка, интересующегося культурной историей поздней Византии.

В области риторики, можно выделить несколько лиц. Упомянутый выше патриарх при Андронике Старшем Григорий (Георгий) Кипрский оставил интересную и прекрасно написанную автобиографию. Современник того же Андроника и ученик Григория Кипрского Никифор Хумн, написавший целый ряд риторических произведений, оставивший сборник в 172 письма различного содержания. В своих философских сочинениях он выступает как один из наиболее пылких и умелых защитников Аристотеля. Хумн был в переписке практически со всеми известными деятелями своего времени, прославившимися в политике, религии или литературе. Уступая по уму, оригинальности и знаниям своему учителю, Григорию Кипрскому, Хумн не лишен определенного значения для византийского и итальянского Возрождения своего времени.

Наконец, сочинения Мазариса, подражателя Лукиану. «Путешествие Мазариса в ад», его «Сон после оживления» и несколько писем, связанных с пелопонесскими делами начала XV века несмотря на малую литературную талантливость автора, представляют важный документ для знакомства с вопросом о подражании Лукиану в византийской литературе и сообщают подробности о византийской культуре данной эпохи.

С точки зрения филологии, время Палеологов также дало немало интересных представителей. В то время, как экзегеты и переписчики с XI по XII век, то есть во время Македонской и Комниновой династий, толкуя и переписывая тексты, сохраняли вообще почти в неприкосновенности рукописное предание александрийского и римского времени, византийцы эпохи Палеологов начали переделывать произведения древних авторов согласно своим предвзятым идеям или, иногда, по новым, измышленным стихотворным шаблонам.

Из филологов известен монах Максим Плануд (в миру Мануил), современник двух первых Палеологов, посвящавший свой досуг науке и преподаванию, посетивший в качестве посла Венецию, имел много родственных черт с возникавшим тогда культурным движением на Западе, особенно благодаря своему знанию латинского языка и латинской литературы. Он перевел большое количество латинских произведений на греческий язык и этим самым содействовал культурному сближению Востока и Запада в эпоху Возрождения. Будучи усердным преподавателем, Плануд оставил сочинения по грамматическим вопросам. Сохранившееся собрание его писем (более ста) рисует нам духовный облик автора, его научные интересы и занятия. Кроме компилятивного сборника извлечений историко-географического содержания из древних писателей, Плануд оставил нам немало переводов латинских авторов, например, Катона Старшего, Овидия, Цицерона, Цезаря. Он более всего известен в Западной Европе своим изданием избранных греческих авторов. В то же время, его многочисленные переводы с латинского на греческий во многом способствовали культурному сближению между Востоком и Западом в эпоху Возрождения.

Ученик и друг Плануда, современник Андроника II, Мануил Мосхопул имеет благодаря своей литературной деятельности, подобно своему учителю, большое значение как для характеристики византийских знаний конца XIII и начала XIV веков, так и для культивации классических знаний на Западе. Его «Грамматические вопросы» и греческий словарь, наряду с переводами Плануда, были любимыми пособиями для изучения греческого языка на Западе, а его толкования на целый ряд классических писателей и сборник писем представляют интересный, еще недостаточно исследованный культурный материал для данной эпохи.

В истории византийской литературы к представителям филологии относится также современник Андроника II, Феодор Метохит, многообразная деятельность которого заходит далеко за скромные пределы филологии. Широко образованный, прекрасно начитанный в классических авторах, почитатель философии в лице Аристотеля и особенно Платона, «Олимп мудрости», по словам современных ему панегиристов, «живая библиотека», «Геликон муз», государственный деятель, первый министр при Андронике II и меценат, Феодор Метохит представляет собой интересный тип византийского гуманиста первой половины XIV века. Этот человек науки и знания совмещал в себе талант политического деятеля, имевшего исключительное влияние на государственные дела и пользовавшегося полным доверием императора.

Потеряв положение, состояние и дом при перевороте, низложившем Андроника II, Феодор попал в заточение. Тяжело заболев, он получил возможность окончить свои дни в константинопольском монастыре Хора (теперь мечеть Кахриэ-джами), который он заново отстроил и украсил мозаиками. Скончался он там в 1332 году.

К его ученикам принадлежит знаменитый византийский ученый Никифор Григора. В своих сочинениях он весьма обстоятельно и с энтузиазмом передал образ своего учителя. Его многочисленные и разнообразные, далеко не все изданные и малоизученные произведения позволяют видеть в Феодоре Метохите, наряду с Никифором Григорой и Димитрием Кидонисом, одного из самых блестящих византийских гуманистов XIV века.

Из его сочинений больше всего известны «Комментарии и моральные суждения», обычно называемые «Смесь». Это своего рода «неоценимая кладезь идей Метохита», которая дает читателю возможность восхититься его широкой и глубокой эрудицией. Метохит цитирует и на деле прочитал свыше семисот греческих авторов. Его основным источником и любимым автором был Синезий. В его сочинениях рассеяно много важных исторических сведений не только по истории Византии, но и соседних народов. В качестве примера можно назвать детальный рассказ о его посольстве к сербскому царю в 1298 году для переговоров о браке одной из дочерей Андроника II.

Метохит написал двадцать поэм, из которых опубликованы две. Первая содержит 1355 строк и является длинным описанием его собственной жизни и монастыря Хоры. Вторая поэма также является описанием этого монастыря. Остальные восемнадцать поэм, хотя и не опубликованы, но анализировались в литературе. Они содержат большое количество информации о жизни автора и исторических событиях его времени. В девятнадцатой поэме Метохит давал детальное описание богатства, комфорта и удобства своего дворца, потерянного им во время восстания 1328 года.

Поэмы его написаны изысканным стилем, который не всегда легко понимать. Однако это особенность не его одного, а многих византийских авторов, как поэтов, так и прозаиков, писавших в стиле, не отличавшемся ясностью и нуждающемся в комментариях. Тем большую ценность, с этой точки зрения, имеет тонкость его стиля.

Метохит оставил также некоторое количество писем. Из них в наши дни существует четыре. Большой ценности они не имеют. Роль Метохита, благодаря мозаикам Хоры, велика также и в искусстве. В этом отношении он не ошибся, выражая надежду, что его деятельность в области искусства обеспечит за ним «до скончания века славную память у потомства».

Среди филологов времени Андроника II можно упомянуть Фому Магистра, вышедшего из литературного кружка Мосхопула, Метохита и Григоры, автора ряда схолий к древним писателям, речей и писем, литературное наследие которого заслуживает того, чтобы быть лучше известным. Другим филологом того же времени был Димитрий Триклиний, выдающийся критик текста, способный встать рядом с некоторыми современными издателями. Для своего времени он был прекрасным знатоком древних авторов, например, Пиндара, Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Феокрита.

Ко времени Палеологов принадлежит последний крупный юридический памятник, большая компиляция фессалоникийского юриста и судьи XIV века Константина Арменопуло, известная под названием «Шестикнижие», так как делится на шесть книг, или «Ручной книги законов». Этот сборник содержит гражданское и уголовное право с некоторыми приложениями, например, известного «Земледельческого закона». Автор пользовался предшествующими законодательными памятниками, особенно Прохионом, и сборником X века, а также Эклогой, Эпанагогой и некоторыми другими. Также Арменопуло пользовался некоторыми источниками в очень древних редакциях, еще без прибавлений и изменений, сделанных законодательной комиссией Юстиниана. «Шестикнижие» представляет собой драгоценное подспорье, до сих пор не разобранное и не оцененное, для критических исследований об источниках Юстинианова права, о первоначальном содержании измененных текстов и о следах так называемого классического римского права в юридических памятниках Византии.

После 1453 года «Шестикнижие» Арменопуло распространилось на Западе, и гуманисты отнеслись со вниманием и уважением к этому юридическому памятнику Византии. Сборник Арменопуло сохранял еще до времени последней войны значение правового источника или судебного руководства в современном греческом государстве и в Бессарабии.

Несколько медицинских трактатов, написанных не без арабского влияния, принадлежат времени Палеологов. Одно медицинское руко-

дство конца XIII века имело большое влияние на западную медицину и употреблялось на медицинском факультете Парижа вплоть до XVII века. Изучение математики и астрономии также процветало при Палеологах, и многие из вышеназванных культурных деятелей эпохи, имевших разносторонние интересы и представлявших собою своего рода энциклопедистов, посвящали часть своего времени и этим точным наукам, черпая материал из древних произведений Евклида, Птолемея и из персидских и арабских сочинений, большая часть которых, основывалась на греческих образцах.

Поэзия при Палеологах представлена Мануилом Олоболом и Мануилом Филом. Поэзия Олобола обычно рассматривается как искусственная, неоригинальная, искавшая часто темы в сфере придворных интересов, поэтому слышавшая неискренней и иногда льстивой и заискивающей. Недавние исследования, однако, показали, что это мнение ошибочно. Поэмы описывают великолепие и блеск дворцовых церемоний, но не содержат личной лести или заискивания перед императором. Олобол был также автором энокомия в честь императора Михаила VIII. Мануил Фил, всю жизнь проведенный в страшной нужде, вынужденный тратить свое литературное дарование на добывание хлеба насущного и не останавливавшийся для этого ни перед каким видом унижения и лести.

Последняя крупная фигура в литературе XIV века — это Феодор Мелитениот. Несколько человек, живших на рубеже XIII и XIV вв., носили имя Феодор Мелитениот. Поэтому достаточно сложно выделить среди них того, кто написал сочинение, приписываемое только Мелитениоту. Очевидно, однако, что Феодор Мелитениот, который жил в XIV веке, был автором астрономического сочинения, наиболее обширного и наиболее научного во всю византийскую эпоху. Он же был автором поэмы в 3062 «политических стиха» озаглавленной «Относительно благоразумия».

Очень интересные памятники, написанные на народном греческом языке, дошли до нас из эпохи Палеологов. Греческая стихотворная версия Морейской хроники более чем в 9000 стихов, дает любопытный пример греческого народного языка того времени, вобравшего в себя целый ряд слов и выражений из романских языков завоевателей. В науке до сих пор остается спорным вопрос о языке первоначального оригинального текста хроники. Одни ученые стояли за французский оригинал, другие за греческий. В новейшее время высказано мнение о том, что оригинальным текстом Морейской хроники был текст итальянский и притом, вероятно, в форме венецианского наречия.

Автором греческой версии хроники обычно считается какой-либо близкостоявший к описываемым событиям и хорошо знавший пелопонесские дела грецизированный франк.

К этой же эпохе относится стихотворный роман (около 4000 стихов) «Ливистр и Родамна», напоминающий по сюжету и по идеям роман «Бельтандр и Хрисанца».

Вероятно, к пятнадцатому веку относится греческая версия тосканской поэмы «Песнь о Фиорио и Бианчифиоре», восходящей к XIV веку. Греческая версия содержит около 2000 строчек на народном греческом языке и в «политическом размере». В греческом тексте нет никаких указаний на его возможного автора. Крумбахер думал, что его автором был эллинизированный франк, иными словами, католик. Однако сейчас эта точка зрения считается ошибочной и, возможно, анонимный автор греческого текста был православным греком. Греческая версия «Романа о Флориасе и Плация Флоре» представляет большой интерес в том, что касается греческого народного языка времени Палеологов.

К началу XV века относится поэма «Византийская Ахиллеида», также написанная «политическими» стихами. Несмотря на классическое название поэма очень мало связана с Гомером. Действие происходит в рамках франкского феодализма. Личность главного героя поэмы, Ахилла, находится под влиянием другого византийского эпического героя, Дигениса Акрита. Не ясно, был ли знаком автор Ахиллеиды с одной из версий византийского эпоса, или он брал сходные эпизоды из общего источника для обеих поэм — из народных песен. Окончательно этот вопрос решить невозможно, однако параллельные места в текстах обеих поэм делают первое предположение более правдоподобным. Поэма кончается смертью Ахилла в Трое на руках Париса и Деифоба и взятием города греками, которые мстят за его смерть.

Многие произведения возрождения византийского искусства при Палеологах сохранились до наших дней. Из монументальных сооружений можно отметить семь церквей в пелопонесской Мистре, некоторые монастырские церкви Афона, много церквей в Македонии, которая принадлежала в XIV веке Сербии, и в собственно Сербии. Пышный расцвет мозаичной и фресковой живописи при Палеологах оставил нам удивительные памятники, будут ли то не раз уже упоминаемые знаменитые мозаики Кахриэджами в Константинополе, или фрески Мистры, Македонии, Сербии. На Афоне также встречаются мозаики и фрески конца XIII, XIV и XV веков, хотя эпоха расцвета афонского искусства относится уже к XVI веку и часто приводится в связь с деятельностью загадочного византийского художника, Мануила Панселина из Фессалоники, некоторое количество произведений которого и до сих пор можно увидеть на Афоне. Жил он, вероятнее всего, в первой половине XVI века.

От той же эпохи Палеологов дошло до нас много икон и рукописей с миниатюрами. Для примера упомянем о знаменитой Мадридской рукописи

XIV века византийского хрониста Скилицы, которая содержит до 600 весьма интересных миниатюр, отражающих историю Византии с 811 г. до середины XI века — в период, отраженный в труде Скилицы.

Искусство эпохи Палеологов с его отражениями в славянских странах вообще и в России в частности еще очень мало исследовано.

Подводя итог нашему очерку культурно-просветительного движения при Палеологах, мы прежде всего должны будем признать такую его силу, напряженность и разнообразие, каких мы не встречали в более ранние времена, когда общее положение империи должно было, казалось, гораздо более благоприятствовать культурным проявлениям. Этот подъем не должен представляться чем-то неожиданным, не имеющим корней в прошлом. Корни его нужно видеть в культурном подъеме Византии в эпоху Комнинов; связующим звеном между этими двумя эпохами, оторванными друг от друга роковым латинским господством, является культурная жизнь Никейской империи во главе с Никифором Влеммидом и просвещенными государями дома Ласкарей, которые среди всех трудностей внешней политической обстановки сумели приютить в Никее и развить лучшие умственные силы эпохи с тем, чтобы передать, это наследие в восстановленную империю Палеологов. При них культурная жизнь бьет особенно сильным ключом в конце XIII и в XIV веках, после чего она, под угрозой турецкой опасности, начинает затихать в Константинополе, и лучшие умы XV века, как-то Виссарион Никейский и Гемист Плифон, переносят свою деятельность в Пелопоннес, в Мистру, в тот центр, напоминающий нам некоторые менее крупные итальянские центры Возрождения, который казался еще в несколько большей безопасности от турецкого завоевания, чем Константинополь и Фессалоника.

При рассмотрении литературной и художественной деятельности наиболее выдающихся представителей того времени приходилось неоднократно сопоставлять византийские культурные интересы и запросы с аналогичными интересами и запросами эпохи раннего итальянского Возрождения. Очевидно, как Италия, так и Византия переживали тогда время интенсивной культурной работы, которая имела много общих черт и одинаковое происхождение, выйдя из условий мирового переворота, совершенного Крестовыми походами. Это была эпоха не итальянского и не византийского Возрождения, а, если уж пользоваться условным термином возрождения в общем, широком, а не в частном, узком национальном смысле, то это была эпоха греко-итальянского или вообще южно-европейского Возрождения. Только позднее, в XV веке, на юго-востоке Европы этому подъему был положен предел турецким игом, а на западе, в Италии, общие условия сложились так, что культурная жизнь могла дальше развиваться и перебраться в другие страны.

Конечно, в Византии не было Данте. Византийское возрождение было ограничено традициями своего прошлого, в котором дух созидания и независимость были подчинены строгому авторитету церкви и государства. Формализм и условность были основными чертами византийского прошлого. Если взять во внимание условия жизни в Византии, то нельзя не прийти в изумление от интенсивности культурной жизни времени Палеологов и от энергичных усилий его лучших умов ввести новый путь свободы и независимого развития в литературу и искусство. Однако фатальная судьба Восточной империи преждевременно прервала этот литературный, научный и художественный пыл.

Лекция 65.

План:

Византия и итальянское Возрождение.

а. Постановка вопроса.

б. Представители Возрождения.

Рассматривая вопрос о влиянии на итальянское Возрождение средневековой греческой традиции в целом и византийских греков в частности, очень важно помнить, что не интерес к классической античности и знакомство с ней вызвали Возрождение в Италии. Наоборот, условия итальянской жизни, вызвавшие и развившие Возрождение, стали основной причиной интереса к античной культуре.

В середине XIX века некоторые ученые полагали, что итальянское Возрождение было вызвано греками, бежавшими от турецкой опасности в Италию, особенно после падения Константинополя в 1453 году. Совершенно очевидно, что такая точка зрения не могла выдержать никакой критики хотя бы в силу некоторых элементарных хронологических соображений: известно, что Возрождение охватило всю Италию уже в первой половине XV века, а корифеи так называемого раннего итальянского гуманизма, Петрарка и Боккаччо, жили еще в XIV веке.

Есть, таким, образом, два вопроса: влияние на Возрождение средневековой греческой традиции и влияние на Возрождение византийских греков. Мы остановимся сначала на втором и посмотрим, что собою представляли греки, имена которых связаны с эпохой раннего Возрождения, то есть XIV и самого начала XV века.

Первым из них по времени должен быть калабрийский грек из Южной Италии Варлаам, умерший около середины XIV века. Бернардо принял в Калабрии монашеское пострижение под именем Варлаама и пробыл некоторое время в Солуни, на Афоне и в Константинополе. Император Андроник Младший послал его с важной миссией на Запад, для переговоров о возможности крестового похода против турок и о соединении церквей. После безрезультатного путешествия Варлаам вернулся в Византию, где он и принял участие в религиозном движении исихастов. Закончивший свои дни снова на Западе, Варлаам представляет собой фигуру, о которой нередко говорят первые гуманисты и о которой различно думают ученые XIX века. В Авиньоне с Варлаамом сблизился и стал у него учиться греческому языку, чтобы в подлинниках читать греческих авторов, Петрарка. Но, Петрарка никогда не достиг возможности читать в подлиннике греческую литературу. Некоторое влияние Варлаама можно заметить и на произведениях Боккаччо, который, например, в своем сочинении «Генеалогии богов» (*Genealogia deorum*) называет Варлаама человеком «с маленьким телом, но с огромными знаниями», какого у греков не было уже много столетий, и безусловно доверяет ему во всем, что касается Греции.

Доступные богословские и математические трактаты, записки и речи Варлаама не дают достаточных оснований для того, чтобы видеть у него родственные гуманистам черты. Его сочинения не были известны, по всей вероятности, Петрарке; а Боккаччо прямо говорит, что он «ни одного сочинения не видел». Нет данных также говорить о каком-либо широком образовании или о выдающейся начитанности этого калабрийского выходца-монаха; другими словами, в Варлааме не было того таланта, той культурной силы, которые могли бы оказывать глубокое и длительное влияние на более талантливых и более образованных, чем он сам, современных ему итальянцев, особенно же в лице таких корифеев, какими были Петрарка и Боккаччо. Поэтому вряд ли возможно согласиться с той переоценкой степени влияния Варлаама на Возрождение, которую мы встречаем иногда на страницах иностранной и русской литературы.

Роль Варлаама в истории Возрождения была намного скромнее. Это был лишь учитель греческого языка, далеко не совершенный, могущий сообщить элементы грамматики и служить справочным лексиконом, «заклучая в себе, весьма неточные сведения». Поэтому наиболее правильной является следующая оценка: «Роль Варлаама в судьбе раннего итальянского гуманизма представляется внешней и случайной... Средневековый схоластик, противник платоновской философии, он мог поделиться со своими западными друзьями лишь знанием греческого языка и обрывками эрудиции, а его возвеличили в силу надежд и чаяний, в которых выразилась самостоятельная эволюция гуманизма и на которые он не был в состоянии ответить».

Вторым греком, сыгравшим роль в эпоху раннего Возрождения, был умерший в шестидесятых годах XIV века ученик Варлаама, Леонтий Пилат, подобно своему учителю родом из Калабрии. Переезжая из Италии в Грецию и обратно, выдавая в Италии себя за грека из Солуни, а в Греции за итальянца и не уживаясь нигде, Леонтий Пилат пробыл три года во Флоренции с Боккаччо, который учился у него греческому языку и добывал от него сведения для своей «Генеалогии богов». О Леонтии говорят в своих сочинениях как Петрарка, так и Боккаччо, рисуя оба в одинаковых чертах неуживчивый, грубый и дерзкий нрав и отталкивающую внешность этого, по словам Петрарки, «человека столь звериных нравов и странных обычаев». Тот же Петрарка в одном из своих писем к Боккаччо сообщает последнему, что Леонтий, покинув его после целого ряда дерзостей по адресу Италии и итальянцев, уже с дороги прислал ему письмо, «более длинное и безобразное, чем его борода и волосы, в котором он величает до небес столь ненавистную ему Италию, а Грецию и Византию, которые прежде так превозносил, хулит и порицает; при этом просит меня вызвать его к себе, и так заклинает и страстно молит, как не молил апостол Петр Христа, повелевающего водами». Боккаччо в своей «Генеалогии богов» называет Леонтия, человека с виду страшного, с некрасивым лицом, всегда погруженным в свои мысли, неотесанным и неприветливым, но зато в греческой литературе ученейшим, неисчерпаемым архивом греческих сказаний и басен. Во время совместных занятий Боккаччо с Леонтием последний сделал первый буквальный перевод Гомера. Этот перевод был настолько неудовлетворителен, что уже ближайšie по времени гуманисты считали крайне желательным заменить его новым.

В общей истории Возрождения роль Пилата сводится к некоторому распространению в Италии знакомства с греческим языком и литературой при помощи уроков и переводов. Не забудем и того, что значение Боккаччо зиждется не на материалах, добытых им яз знакомства с греческой литературой, а совершенно на иных основаниях.

Таким образом, роль этих двух греков, которые были родом не из Византии, а из Южной Италии, в истории гуманистического движения сводится по преимуществу к простой передаче технических сведений по языку и литературе.

В литературе не раз отмечалось, что Варлаам и Леонтий Пилат были родом из Калабрии, то есть из Южной Италии, где греческий язык и греческая традиция продолжали жить в течение всех средних веков. Если даже не иметь в виду античной «Великой Греции» в Южной Италии, эллинские основы которой были уже давно поглощены Римом, то уже в VI веке завоевания Юстиниана ввели в Италию немало греческих элементов, и завоевавшие вскоре после этого большую часть Италии лангобарды сами вошли в круг греческого влияния и носителями греческой науки. Для нас особенно

важно проследить вкратце эволюцию эллинизма в Южной Италии и Сицилии, греческое население которых в несколько приемов увеличивалось значительными притоками. В VI и VII веках многие греки были вынуждены покинуть свою страну под влиянием славянских вторжений в Грецию. В VII веке обширная греческая эмиграция в Сицилию и Южную Италию имела место из византийских областей, захваченных и разоренных персами и арабами. В VIII веке большое число греческих монахов прибыло в Италию, спасаясь от преследования императоров-иконоборцев. Наконец в IX-X веках греческие беглецы из Сицилии, завоевываемой арабами, наводнили Южную Италию. Это был главный источник эллинизации византийской Южной Италии, так как византийская культура последней начинает расцветать только с X века. Греческая средневековая Южная Италия дала ряд писателей, которые посвящали свой труд не только житийной литературе, но и церковной поэзии, а также «блюли предания науки». Во второй половине XIII века один французский хронист утверждает для своего времени, что в Калабрии и Апулии крестьяне говорили только по-гречески. В XIV веке Петрарка в одном из своих писем рекомендует некоего юношу, отправлявшегося по его совету в Калабрию: он хотел было прямо поехать в Константинополь, но, узнав, что Греция, когда-то изобиловавшая великими талантами, ныне ими обеднела, поверил моим словам, услышав от меня, что в Калабрии в наши времена было несколько людей, ученейших в греческой литературе..., он решился направиться туда. Итак, для первоначального технического ознакомления с греческим, языком и с начатками греческой литературы итальянцам XIV века незачем было обращаться в Византию; у них источник для этого был рядом, в Южной Италии, которая и дала Италии Варлаама и Леонтия Пилата.

Действительное влияние Византии на Италию начинается с конца XIV века и продолжается в течение XV века, когда туда приезжают византийские гуманисты, Мануил Хрисолор и особенно Гемист Плифон и Виссарион Никейский.

Родившийся около половины XIV века в Константинополе Мануил Хрисолор уже у себя на родине пользовался славой выдающегося преподавателя, риторы и философа. Молодой итальянский гуманист Гуарино отправился в Константинополь со специальной целью послушать Хрисолора и, научившись у него греческому языку, приступил к научению греческих авторов. Приехав в Италию по поручению императора с политической миссией, Хрисолор, слава которого дошла уже до Италии, был восторженно там встречен, и итальянские гуманистические центры приглашали к себе заезжего ученого. В продолжение нескольких лет он преподавал во Флорентийском университете, где его слушала целая плеяда тогдашних гуманистов. Переехав по просьбе пребывавшего тогда в Италии императора Мануила II на короткое время в Милан, он после этого был профессором в Павии. Проведя некоторое время в Византии, Хрисолор вернулся в Италию, со-

вершил, по поручению императора, большое путешествие в Англию, Францию и в Испанию, затем сблизился с папской курией. Будучи послан папой в Германию для переговоров о предстоящем соборе, он, когда собор состоялся в Констанце, приехал туда и там умер в 1415 г. Хрисолор имел главное значение благодаря своей преподавательской деятельности и умению передать слушателям свои обширные познания в греческой литературе. Оставленные им сочинения в виде богословско-церковных трактатов, греческой грамматики, некоторых переводов, например, дословного перевода Платона, и писем, не позволяют видеть в Хрисолоре большого литературного таланта. Но влияние его на гуманистов было громадное, и они окружают личность византийского профессора необычайными похвалами и искренним восторгом. Гуарино сравнивает его с солнцем, озарившим Италию, погруженную в глубокий мрак; он желал бы, чтобы благодарная Италия воздвигла ему на его пути триумфальные арки. Его называют «князем греческого красноречия и философии». К числу его учеников принадлежали самые крупные деятели нового направления.

Гораздо шире и глубже влияли на Италию в XV веке знаменитые представители эпохи византийского Возрождения, Гемист Плифон и Виссарион Никейский. Второй из них представляет собою первостепенную величину в культурном движении того времени.

Виссарион родился в самом начале XV века в Трапезунде, где и получил первоначальное образование. Будучи отправлен для дальнейшего усовершенствования в Константинополь, он там занялся изучением греческих поэтов, ораторов и философов, а встреча с итальянским гуманистом Филельфо, слушавшим также лекции на берегах Босфора, познакомила Виссариона с гуманистическим движением в Италии и с проявившимся в то время там глубоким интересом к памятникам античной литературы и искусства. Уже монахом Виссарион после этого продолжал свои занятия в Пелопоннесе, в культурной Мистре, под руководством знаменитого Плифона. В качестве архиепископа Никеи он сопровождал императора на Ферраро-Флорентийский собор и имел сильное влияние на ход переговоров, постепенно склоняясь на сторону унии.

Во время своего пребывания в Италии, попав в обстановку кипучей жизни Возрождения и сам по таланту и образованию не уступая итальянским гуманистам, он завязал с ними широкие сношения, а благодаря взглядам своим на вопрос об унии, сблизился с папской курией. По возвращении в Константинополь Виссарион быстро убедился, ввиду несочувствия громадной массы греческого населения, в невозможности провести дело унии на Востоке так, как ему хотелось бы. Получив известие о назначении его кардиналом Римской церкви, чувствуя ложность своего положения на ро-

дине и уступая желанию снова попасть в Италию, в этот центр гуманизма, он покинул Византию и переселился в Италию.

В Риме дом Виссариона, сделался центром гуманистического общения. Другьями его были наиболее выдающиеся представители гуманизма, Поджо и Балла. Последний называл Виссариона, имея в виду его превосходное знание обоих древних языков, «лучшим греком из латинян и лучшим латинянином из греков». Усердно покупая книги или заставляя их для себя переписывать, Виссарион составил у себя дома превосходную библиотеку, в состав которой вошли как произведения отцов восточной и западной церкви и вообще богословской мысли, так и сочинения гуманистической литературы. В конце жизни он подарил свое богатейшее для того времени книгохранилище городу Венеции, где оно явилось одним из главных оснований знаменитой теперь библиотеки св. Марка, (*Bibliotheca Marciana*), на входной двери которой до сих пор можно видеть нарисованный портрет Виссариона.

Была еще одна идея, которая сильно его занимала: это — идея крестового похода против турок. Получив известие о падении Константинополя, Виссарион сейчас же написал венецианскому дожу письмо, где указывал на угрожающую Европе со стороны турок опасность и во имя этого призывал вооружиться против них. Иных оснований Европа не была в состоянии понять. Виссарион умер в 1472 г. в Равенне, откуда его тело было перевезено для торжественного погребения в Рим.

Литературная деятельность Виссариона протекала в Италии. Кроме многочисленных сочинений богословского характера, об унии, «Догматической речи», опровержения Марка Евгеника, в области полемики, экзегетики, Виссарион оставил гораздо более характерные для него, как гуманиста, переводы классических авторов, Демосфена, Ксенофонта, «Метафизику» Аристотеля. Являясь сторонником Платона, Виссарион в своем сочинении «Против клеветника Платона» (*In calumniatorem Platonis*) сумел удержаться в границах некоторого беспристрастия, чего нельзя было сказать о других представителях аристотелизма и платонизма. Лишь недавно был опубликован длинный энкомий (хвалебная речь) Виссариона о своем родном городе Трапезунде. Он весьма важен с исторической точки зрения.

Но Византия внесла свою лепту в историю Возрождения не только насаждением знаний греческого языка и литературы, путем уроков и лекций, не только деятельностью таких талантов, открывавших Италии новые горизонты, какими были Плифон и Виссарион, Византия дала Западу громадное число драгоценных греческих рукописей, которые содержали лучших представителей античной литературы, не говоря уже о текстах византийского времени отцов Греческой церкви.

Итальянские гуманисты, во главе с известным библиофилом Поджо, объехали Италию и Западную Европу и собрали к тридцатым годам XV века, к эпохе Флорентийского собора, почти все произведения латинских классиков, какие мы теперь знаем. Со времени же появления в Италии Мануила Хрисолора, возбудившего восторженное поклонение древней Эллады, в Италии появилось определенное стремление к приобретению греческих книг, для чего необходимо было использовать византийские книжные сокровища. Возвратившись из Византии, итальянцы, которые ездили туда учиться греческой мудрости, привозили с собой и греческие книги. Первым из них был слушатель Хрисолора в Константинополе Гуарино, который привез в Италию несколько книг. Но, чем Поджо был для собирания памятников римской литературы, тем для греческой сделался Джованни Ауриспа, который, отправившись в Византию, привез из Константинополя, Пелопоннеса и островов Архипелага не менее 238 томов, целую библиотеку, которая включала в себя произведения лучших классических писателей.

По мере того, как условия жизни в Византии становились тяжелее и опаснее в связи с турецкими завоеваниями, греки, усиленно переселяясь на Запад, привозили с собой и памятники своей литературы. Подобное накопление в Италии сокровищ классического мира, совершившееся благодаря Византии, создало на Западе исключительно благоприятные условия для ознакомления с далеким прошлым Эллады и сокровищами ее вечной культуры. Передавая их на Запад и спасая тем от турецкого разгрома, Византия сделала великое просветительное дело для грядущих судеб человечества.

Лекция 66.

План:

Исихастское движение.

а. Суть исихазма.

б. Отцы-исихасты.

К первой половине XIV века относится появление в Византии интересного религиозно-мистического исихастского движения, сопровождавшегося рядом горячих споров и ожесточенной полемикой. Исихастами (hsucas-tai), т.е. молчальниками, безмолвниками, назывались люди, поставившие себе целью нераздельное и полное единение с Богом и избравшие, как

единственный способ для достижения этой цели, совершенное удаление от мира — исихию (*hsucia*), или безмолвие, молчание.

Исихастский спор, сильно взволновавший на несколько лет внутреннюю жизнь страны, возник в то время, когда государство переживало смутный и сложный период борьбы за существование, ввиду, с одной стороны, нападений внешних врагов, турок и позднее сербов, а с другой стороны, ввиду внутренних тяжелых смут, вызванных упорным столкновением сначала двух Андроников, деда и внука, а потом Иоанна Палеолога с Иоанном Кантакузеном. Лишь немного времени прошло с тех пор, как прекратился арсенитский раскол, внесший также немалую смуту в церковные и государственные отношения.

Виновником споров был прибывший из Южной Италии (из Калабрии) греческий монах Варлаам, исказивший и осмеявший исихастские воззрения, имевшие своим главным центром афонские монастыря и переданные ему одним необразованным византийским монахом в ненадлежащем освещении. В одной записке, поданной патриарху и собору по этому вопросу, мы читаем следующее: «Мы до самого последнего времени жили в мире и тишине, с доверием и в простоте сердечной принимая слово веры и благочестия, когда завистью дьявола и дерзостью собственного разума попущен был некий Варлаам против пребывающих в молчании и проводящих в простоте сердца чистую и к Богу приближающую жизнь». Афон, стоявший всегда на страже чистоты восточного православия и монашеских идеалов, должен был чувствовать себя больно задетым в возникшем споре и играл в его развитии и разрешении руководящую роль.

Ученые придают важное значение этому спору. Немецкий византист Гельцер говорит, что эта церковная борьба «принадлежит к самым удивительным и в культурно-историческом отношении самым интересным явлениям всех времен».

Что же касается внутреннего смысла и значения исихастского движения, то в этом отношении в науке существуют различные точки зрения. И. Е. Троицкий видит в этом движении продолжение борьбы двух уже известных нам партий — зелотов и политиков, или, другими словами, монашества и белого духовенства, завершившееся в исихастских спорах полным торжеством монашества и афонских идеалов. Ф. И. Успенский приходит к выводу, что исихастские споры сводились к столкновению двух философских школ и направлений, а именно: аристотелизма, который был усвоен восточной церковью, с платонизмом, последователи которого подвергались ее стороны церкви анафеме; и только позднее эта возникшая в философской сфере борьба была перенесена на богословскую почву; причем важная историческая роль, выпавшая на долю главных представителей исихастских взглядов, вытекает из того, что они являлись не только представителями нацио-

нальной греческой тенденции в борьбе с западничеством, но, что еще важнее, стояли во главе монашеского движения, опирались на Афон и зависящие от него монастыри на Балканском полуострове.

Если оставить в стороне вопрос о латинизирующих стремлениях Варлаама, которые еще недостаточно выяснены и доказаны в науке, вопрос об исихастском движении, религиозный в своей основе, получит еще более широкий и глубокий интерес, если его поставить в связь с господствующими мистическими течениями Западной и Восточной Европы и с некоторыми культурными явлениями так называемой эпохи Итальянского Возрождения.

Наиболее выдающимся представителем исихастов и наилучшим теоретиком-систематизатором учения об исихии был в XIV веке фессалонийский архиепископ, культурный человек и образованный писатель Григорий Палама, ярый противник Варлаама и глава называемой по его имени партии паламитов. Одновременно с Паламой раскрывали и объясняли в своих сочинениях учение об исихии многие другие исихасты, особенно византийский мистик Николай Кавасила, изучение взглядов и сочинений которого заслуживает глубокого внимания.

Суть исихии состоит в следующем: направив все свое стремление к познанию Бога, его созерцанию и единению с ним и сосредоточивая для этого все свои силы, исихасты должны были удалиться «от всей целокупности мира и всего, что напоминает о мире» и уединиться от него «посредством сосредоточения и собирания ума в самом себе». «Для достижения такого сосредоточения исихаст должен отвлечься от всякого представления, от всякого понятия и помысла, освободить ум свой от всякого познания, дабы он мог свободно, посредством безусловно независимого полета, легко погрузиться в истинно-мистическую тьму неведения... Самая высшая, проникновенная и совершенная молитва совершенных исихастов является непосредственным общением с Богом, во время которого между Богом и молящимся не существуют какие-либо мысли, воззрения, образы настоящего или обдумывания прошедшего. Это есть высочайшее созерцание, — созерцание одного только Бога, совершенное восхищение ума и отрешение от всего чувственного, чистая молитва, в которой нет никакой посторонней мысли или беспокойного на чем-нибудь сосредоточения. Дальше такой молитвы не мыслится ничего более совершенного или высшего; это есть состояние экстаза, мистическое единение с Богом, обожествление (*h qewsis*). В этом состоянии ум всецело выходит за пределы окружающего чувственного, отлагается от всякой мысли, приобретает совершенную нечувствительность к тому, что в мире, и к внешним впечатлениям, становится глухим и немым. Он не только совершенно отрешается от внешних впечатлений, но и выходит за пределы своей индивидуальности, теряет сознание о себе, как всецело погрузившийся в созерцание Бога; поэтому достигший экстаза не живет личной и индивидуальной жизнью; жизнь его духовная и

телесная останавливается, ум пребывает неподвижным и прикован к объекту созерцания... Таким образом, основанием и центром исихии служит любовь к Богу от всей души, сердца и помышления и стремление к божественному созерцанию посредством отречения от всего, что в самой малой и отдаленной степени напоминает о мире и что в нем». Это была «смерть для мира». Желанная цель исихастов достигалась посредством совершенного уединения и молчания, посредством охранения сердца» и трезвления ума, посредством непрерывного покаяния, непрестанных слез, памятования о Боге и смерти и постоянного повторения «умной» молитвы: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня, Сыне Божий, помоги мне». Следствием такого молитвенного расположения является блаженное смирение. Впоследствии учение о священной исихии получило более систематическое изложение, особенно среди афонского монашества, где монахи даже разделили путь к достижению более совершенной исихии на несколько категорий, составили определенные «схемы» и «лестницы», в одной из которых мы, например, находим «четыре дела безмолвствующих»: начинающие, успевающие, успевшие и совершенные; лиц совершенных, т.е. достигших высшей степени исихии, а именно «созерцания», было очень мало. Большинство аскетов ограничивалось лишь первыми ступенями исихии.

Главный представитель исихастского направления, фессалоникийский архиепископ Григорий Палама, получивший широкое, разностороннее образование в Константинополе под покровительством Андроника II, тяготел с юных лет к исследованию вопросов монашеской жизни. Поселившись двадцати лет от роду на Афоне, где он был пострижен в монашество, и делая затем свое местопребывание между Афоном, Фессалоникой и некоторыми уединенными пунктами Македонии, он на Святой Горе, превосходя всех подвижничеством, посвятил все свои силы совершенствованию в «созерцании». К этому времени у Григория вырабатывается определенный взгляд на так называемое «созерцание» (*qewria*), и с этого времени начинается его литературная деятельность, посвященная разъяснению его аскетического мировоззрения. Намерение его удалиться в полное уединение для посвящения себя всецело «умной молитве» не осуществилось, так как на Афоне произошли смуты и споры, виновником которых был калабрийский грек, монах Варлаам.

Варлаам, прибывший в Византию с неясными целями, вошел в такое доверие византийского общества, что был даже назначен игуменом одного из константинопольских монастырей. Но потерпев поражение на диспуте от Никифора Григоры, Варлаам бежал в Фессалонику, откуда, попав на Афон и познакомившись от одного простодушного монаха с учением исихии, выступил обвинением исихастов в том, будто они, достигши высшей степени совершенства, «таинственно и неизреченно видят телесными очами божественный, несозданный свет, вокруг них сияющий»; монахи разрушают догматы церкви, если утверждают, что телесными очами видят божествен-

ный свет, признавая этим божественную благодать сотворенной и существо Божие постижимым, что является уже двубожием.

Возникший по этому вопросу литературный спор между Паламой и Варлаамом, который создал партии паламитов и варлаамитов: не привел к окончательному результату и дело было перенесено в Константинополь, где решено было созвать собор. Собор должен был заняться вопросом о природе Фаворского света, то есть того осиявшего Христа света, который видели его ученики во время Преображения. Был ли это свет созданный или несозданный? По учению Паламы, свет или сияние, которого удостоиваются совершенные, исихасты, есть именно свет, тождественный с Фаворским светом. Божественное сияние не сотворено, не сотворен и Фаворский свет.

На соборе, созванном в храме Св. Софии, учение Паламы одержало победу над Варлаамом, который вынужден был публично принести раскаяние в своем заблуждении. Однако надо иметь в виду, что источники об этом соборе довольно противоречивы и Ф. И. Успенский, например, даже склонен сомневаться в результате соборных деяний: осужден был Варлаам или прощен. Во всяком случае, Палама приговором собора остался недоволен.

Церковная смута продолжалась. Спорные вопросы обсуждались на ряде других соборов. При этом представители церкви были замешаны та в политические осложнения эпохи, возникшие благодаря известной борьбе Иоанна Палеолога с Иоанном Кантакузеном. Палама вел бурную деятельность, будучи даже на некоторое время заключен в темницу за непримиримость религиозных воззрений. Упорного противника своим взглядам Палама нашел в Никифоре Григоре, который раньше с таким рвением выступал против Варлаама, а затем перешел на сторону партии сближения с Римом. В конце концов дело Паламы восторжествовало и его учение было признано на соборе истинным учением православной церкви. Соборное определение, излагающее «богохульства Варлаама, отсекает его от общения с христианами как за другие вины, так и за то, что он свет Преображения Господа, явившийся взшедшим с ними (на гору) блаженным ученикам и апостолам, стал называть созданным и описуемым и ничем не отличающимся от воспринимаемого чувством света». Однако борьба и невзгоды многих лет подорвали силы Паламы, который после тяжелой болезни скончался в 1360 г.

Исихастский спор в середине XIV века привел к решительной победе старого православия в целом и в том, что касается идеалов монашества на Афоне в частности. Монахи господствовали теперь в церкви и в государстве. Мертвое тело основного оппонента Паламы Никифора Григоры было

выставлено для насмешек. Его таскали по улицам города, согласно другому оппоненту Паламы, Иоанну Кипариссиоту.

Роль исихастов в политической борьбе той эпохи еще недостаточно определенно выяснена в науке. Во всяком случае, руководители той или иной политической партии, хотя бы Палеолог и Кантакузен, понимали все значение и силу исихастов и не раз опирались на них в достижении своих чисто светских целей. Но грозная политическая обстановка в виде турецкой опасности заставляла государей, даже искавших иногда опоры в исихастах, отступить от старого православия торжествующего Паламы и его сторонников и искать сближения с Римской церковью, которая, по мнению восточных василевсов, одна только и могла поднять Западную Европу на защиту христианства. Особенно сильно стала чувствоваться эта склонность к Западной церкви, когда на престоле, после низложения Кантакузена, утвердился полулатинянин по матери, Анне Савойской, Иоанн V Палеолог, сам ставший католиком.

Источники и литература к курсу "Византология".

Источники:

Агафий. О царствовании Юстиниана / Пер., статья, примеч. М.В.Левченко. М., Л. 1953.

Анна Комнина. Алексиада. (Перевод с греческого Я. Н. Любарского). Изд-во «Алетейя». СПб., 1996.

Антиох Стратиг. Взятие Иерусалима персами в 614 г. Перевод с грузинского Н. Я. Марра. СПб., 1909.

Блаженного Феодорита, епископа Кира, 48 писем. Афины, 1885.

Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Десять слов о Промысле. М., 1996.

Блаженный Феодорит, епископ Кирский. История боголюбцев, или повествование о святых подвижниках. М., 1996.

Блаженный Феодорит Кирский. Церковная история. М., 1993.

Византийская Книга Эпарха / Вступит. статья, пер. и коммент. М.Я.Сюзюмова. М. 1962.

Византийский Земледельческий закон / Под ред. И.П.Медведева. Л. 1984.

Евсевий Памфил. Сочинения: В 2 т. М., 1848. Т. 1.

Евсевий Памфил. Церковная история. М., 1993.

Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, пер., коммент. / Под ред. Г.Г.Литаврина, А.П.Новосельцева. М.1989.

Коран. Перевод и комментарии И. Ю. Крачковского. М., 1963,

Лев Диакон. История / Отв. ред. Г.Г.Литаврин. М. 1988.

Михаил Пселл. Хронография / Пер., статья, примеч. Я.Н.Любарского. М. 1978.

Рюи Гонзалес де Клавихо. Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403—1406 гг. Подлинный текст с переводом И. И. Срезневского. СПб., 1881.

Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М. 1951.

Себеос. История императора Иракла. Перевод с армянского Патканова. СПб., 1862.

Сократ Схоластик. Церковная история. М., 1996.

Творения Феодорита Кирского // Творения св. отцов в русском переводе. М., 1843 — 1912. Т. 26 — 30.

Феофан. Летопись византийца Феофана / Пер. В.И.Оболенского, Ф.А.Терновского. М. 1884.

Феофилакт Симокатта. История. М. 1957.

Церковная история Евагрия, схоластика и почетного префекта. СПб., 1853.

Церковная история Эрмия Созомена Саламинского. СПб., 1851.

Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / Вступит. статья, пер., коммент. Е.Э.Липщиц. М. 1965.

Литература:

Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М. 1977.

Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья (Общие замечания) // Античность и Византия / Под ред. Л. А. Фрейберг. М., 1975. С. 266—285.

Адонц Н. Армения в эпоху Юстиниана. СПб., 1908.

Алпатов М; Врунов И. Краткий отчет о путешествии на Восток. — ВВ, Т. 24, 1923—1926, С. 57—62.

Анналов Д. В. Византийская живопись четырнадцатого века. (Записки классического отделения Русского Археологического общества), Петроград, 1917.

Андреев И. Герман и Тарасий, патриархи Константинопольские: их жизнь и деятельность в связи с ходом иконоборческих смут. Сергиев Посад, 1907.

Андреева М. А. Очерки по культуре византийского двора в тринадцатом веке. Прага, 1927.

Андреева М — А. Прием татарских послов при никейском дворе. — Recueil d'etudes dediees a memoire de N. P. Kondakov. Prague, 1926, P. 187—200.

Аникиев П. О проблеме православно-христианского мистицизма. Православное Русское Слово, № 13, авг. 1903, С. 200—217.

Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976.

Банк А.В. Прикладное искусство Византии IX-XII вв. М. 1978.

Барг М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1987.

Барвинок В. Никифор Влеммид и его сочинения. Киев, 1911.

Барский В. Г. Путешествие В. Г. Барского по Святым Местам Востока с 1723 по 1747 гг. Издал Н. Барсуков. СПб., 1885.

Бартольд В. В. Карл Великий и Гарун ар-Рашид. — Христианский Восток, Т. 1, 1912, С. 69—94.

Бартольд В. В. Ориентация первых мусульманских мечетей. — Ежегодник русского института истории искусств, Т. 1, 1922, С. 116.

Бартольд В. В. Рецензия на книгу А. А — Васильева «Лекции по истории Византии». — Записки Коллегии Востоковедов при Азиатском Музее Российской Академии Наук, Т. 1, Л., 1925, С. 461—481.

Безобразов П.В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. М. 1890.

Безобразов П. В. Византийский писатель и государственный деятель Михаил Пселл. Москва, 1890.

Безобразов П. В. Императрица Зоя. — Исторические статьи П. В. Безобразова. Вып. 1. М., 1893, С. 225—251.

Безобразов П. В. Ремесло и торговые корпорации. — Приложение к книге Г. Герцберга «История Византии». Перевод П. В. Безобразова. М., 1896.

Безобразов П. В. Рецензия. — ВВ, т, ХУШ. 1911, С. 33—36.

Бибиков М. В. Византийская историческая проза. М., 1996.

Бицилли П. М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1992.

Бицилли П. М. Новгородская летопись о IV Крестовом походе. — Исторические известия, 1916, № 3—4, С. 65.

Бокаччо Дж. Декамерон. Перевод А. Н. Веселовского. Т. I, М., 1891.

Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Т. III, СПб., 1913.

Брагинская Н. В. Эон в «Похвальном слове Константину» Евсевия Кесарийского // Античность и Византия... С. 286—306.

Бриллиантов А. И. Влияние восточного богословия на западное в произведениях Иоанна Скота Эригены. СПб., 1898. (Прекрасная работа, в которой анализируемый период рассматривается на базе источников и научной литературы, вплоть до 1913 г.)

Бриллиантов А.И. Император Константин Великий и Миланский эдикт» 313 г. Пг. 1916.

Брянцев Д. Иоанн Итал. — Вера и разум, Т. 2, Ч. 1, СПб., 1904, С.328.

Бубнов Н. Сборник писем Герберта как исторический источник. Т. II, СПб., 1890.

Бычков В.В. Византийская эстетика. М. 1977.

Васильевский В.Г. Труды. Л. 1914-1928. Т. I-IV.

Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.

Вальденберг В. Е. Речь Юстина II к Тиверию // Известия АН СССР. 7 сер. 1928. С. 111—140.

Вальденберг В. Е. Философские идеи Михаила Пселла. — Византийский Сборник, М.-Л., 1945, С. 249—255.

Васильев А. А. Вопрос о славянском происхождении Юстиниана. — ВВ, Т. 1, 1894, С. 469—492.

Васильев А. А. Славяне в Греции. — ВВ, Т. 5, 1898, С. 404—438; 626—670.

Васильев А. А. Византия и арабы. Т. 1, СПб., 1900.

Васильев А. А. Время жизни Романа Сладкопевца. — ВВ, Т. 12, 1906, С. 435—478.

Васильев А. А. Византия и арабы. Т. 2. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии. СПб., 1902.

Васильев А. А. Происхождение императора Василия Македонянина. — ВВ. Т. 12, 1906, С. 148—165.

Васильев А. А. Путешествие византийского императора Мануила II Палеолога по Западной Европе (1399—1403). — ЖМНП, Н. С. Т. 39, 1912, С. 41—78; 260—304.

Васильев А. А. Карл Великий и Гарун ар-Рашид. — ВВ, Т. XX 1913, С.63—116.

Васильев А. А. Передача Андреем Палеологом прав на Византию французскому королю Карлу VIII. — Сборник в честь Н. И. Кареева. СПб., 1914, С. 273—278.

Васильев А. А. Лекции по истории Византии. Т. 1. Время до Крестовых походов (до 1081 года), Петроград, 1917.

Васильев А. А. История Византии. Византия и крестоносцы. Эпоха Комнинов (1081—1185) и Ангелов (1185—1204). Пг., 1923.

Васильев А. А. История Византии, Латинское владычество на Востоке. Пг., 1923.

Васильев А. А. История Византии. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261—1453). Л., 1925.

Васильевский В. Г. Византия и печенеги (1048—1094). — ЖМНП, Т. 164, 1872, С. 116—332. Перепечатано в Трудах, Т. 1. СПб., 1908. С. 1—175.

Васильевский В. Г. Варяго-русская и варяго-английская дружина в Константинополе XI и XII веков. — ЖМНП, Т. 176, 1874 С. 105—144; Т. 177, 1875, С- 349—451; Т. 178, 1875, С. 76—152, Перепечатано в Трудах, Т. 1, СПб., 1908, С. 176—377.

Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. II. — ЖМНП Т. 184, 1876, С.162—178. Перепечатано в Трудах, Т. 2. СПб., 1909 С. 107—124.

Васильевский В. Г. Союз двух империй. — Славянский Сборник, Т. 2, 1877, С. 210—290. Перепечатано в Трудах, Т. 4, Л., 1930, С. 18—105.

Васильевский В. Г. Южно-итальянская война (1156—1157). — Славянский Сборник, Т- 3, 1876, С. 372—40. Перепечатано в Трудах. Т. 4, Л., 1930, С. 106—138.

Васильевский В. Г. Законодательство иконоборцев. — ЖМНП, Т. 199, 1878, С. 258—309; Т. 200, 1878, С. 95—129. Перепечатано в Трудах, Т. 4, Л., 1930. С. 139—235.

Васильевский В. Г. Материалы для внутренней истории Византийского государства. — ЖМНП, Т. 202. 1879, С. 160—232. Перепечатано в Трудах, Т. 4, Л., 1930, С. 250—331.

Васильевский В. Г. Рецензия на сочинение Ф. И. Успенского «Образование Второго Болгарского царства». — ЖМНП, Т. 204, 1879, С. 144—217; 318—348.

Васильевский В. Г. О жизни и творениях Симеона Метафрасте. — ЖМНП, Т. 212, 1880, С. 379—437.

Васильевский В. Г. Обновление болгарского патриаршества при царе Иоанне Асене II. — ЖМНП, Т. 238. 1885, С. 1—56; 206—238.

Васильевский В. Г. Николая еп. Мефонского и Феодора Продрома житие Мелетия Нового с предисловием и русским переводом — ППС, Вып. 17, 1886.

Васильевский В. Г. Обзор работ по византийской истории. СПб., 1890.

Васильевский В. Г. Василия Охридского неизданное Надгробное Слово. — ВВ, Т. 1, 1894, С. 92.

Васильевский В. Г. Хроника Логофета на славянском и греческом. — ВВ, Т. 2, 1895, С. 78—151.

Васильевский В. Г. *Epirotica saeculi XIII*. — ВВ, Т. 3. 1896, С. 233—299.

Васильевский В. Г. Труды В. Г. Васильевского. Т. 1, СПб., 1908; Т. 2, Вып. 1, СПб., 1909; Т. 2, Вып. 2, СПб., 1912; Т. 3, Пг., 1915; Т. 4, Л., 1930.

Вейнберг И. П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. эр. М., 1993.

Вернадский Г. В. Заметки о крестьянской общине в Византии. — Ученые Записки основания русской учебной коллегии в Праге, Т. I, (2), 1924, С. 81—97.

Вернадский Г. В. Золотая Орда, Египет и Византия и их взаимоотношения в царствование Михаила Палеолога. — *Annales de l'Institut Kondakov*, Vol. I, 1927, P. 73—84.

Веселовский А. Н. Поэма о Дигенисе. — *Вестник Европы*, 1875, С. 753.

Веселовский А. Н. Бокаччо, его среда и современники. — *Собр. соч.*, Т. 5, Пг., 1915. С. 448, 451 — *Сборник Отдела Русского Языка и Словесности Академии Наук*, Т. 53, 1893, С. 444, 447.

Византийская литература. М. 1974.

Византийские очерки. М. 1961, 1971, 1977, 1982, 1991.

Византийский сборник. М., Л. 1945.

Виноградов П. Г. Происхождение феодальных отношений в лангобардской Италии. — *ЖМНП*, Т. 207, 1880, С. 137.

Гвоздецкая Н. Ю. Бэда: монах, ученый, поэт (около 673- 735)// *Интеллектуальная история в лицах: Семь портретов мыслителей Средневековья и Возрождения / Под ред. И. В. Кривушина, Н. В. Ревякиной. Иваново, 1996. С. 25—40.*

Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории. Перевод А. М. Водена. СПб., 1993.

Глубоковский Н. Н. Блаженный Феодорит, епископ Кирский. Его жизнь и литературная деятельность. М., 1890. Т. 1 — 2.

Глубоковский Н. Н. Историческое положение и значение личности Феодорита, епископа Кирского. Речь и библиографический указатель новейшей литературы о блаж. Феодорите. СПб., 1911,

Горянов Б.Т. Поздневизантийский феодализм. М. 1962.

Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901.

Грановский Т. Н. Рецензия на сочинение П. Медовикова. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владельцам греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849. — *Современник*, май 1850 г.; *Собрание сочинений*. М., 1900. (4-ое издание).

Гроссу Н. Преподобный Феодор Студит. Его время, жизнь и творения, Киев, 1907.

Гроссу Н. Отношение византийских императоров Иоанна II и Мануила Комнинов к вопросу об унии с Западом. Киев, 1912. (Известия Киевской Духовной Академии, 1912.)

Гроссу Н. Церковно-религиозная деятельность византийского императора Алексея Г Комнина (1081—1118). Киев, 1912. (Известия Киевской Духовной Академии, 1912.)

Гроссу Н. Миланский эдикт. — Известия Киевской Духовной Академии, 1913. Киев, 1913, С. 29—30.

Грот К. Известия Константина Порфирородного о сербах и хор-ватах и их поселении на Балканском полуострове. СПб., 1880.

Грот К. Моравия и мадьяры с девятого до начала десятого века. СПб., 1881.

Грот К. Из истории Угрии и славянства в XII веке. Варшава, 1889.

Диль Ш. Основные проблемы византийской истории. М. 1947.

Дестунис Г. Опыт биографии Георгия Франдзия. ЖМНП, Т. 288, 1893, С. 427—497.

Диль Ш. Византийские портреты. Ми914.

Дмитриева Н. П. Тиран Птолемей и проблема насилия в «Иудейской войне» Иосифа Флавия // Историческая мысль в античности и средневековье: Тезисы докладов коллоквиума, проведенного в рамках конференции «Государство и власть в историческом процессе» (20 — 22 марта 1996 г.). Иваново, 1996. С. 3—4.

Домнина О. В. Народ в «Деяниях апостолов» // Историческая мысль... С. 4.

Досталова Р. Византийская историография (характер и формы) // ВВ. Т. 43. 1982. С. 22—34.

Дмитриевский А. А. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного Востока. Т. 1. Киев, 1895.

Добиаш-Рождественская О. А. Эпоха крестовых походов: Запад в крестоносном движении. Пг. 1918.

Доброклонский А. Преподобный Феодор, исповедник и игумен студийский. I часть. Его эпоха, жизнь и деятельность. Одесса, 1913; II часть. Его творения — Вып. I, Одесса, 1914.

Дубровина Н. П. Кривушин И. В. Проблема насилия в «Иудейской войне» Иосифа Флавия // Самосознание традиционных обществ: Пути изучения. Тезисы докладов юбилейной межвузовской конференции молодых ученых, посвященной 20-летию Ивановского государственного университета. Иваново, 1993. С. 6—8.

Дуров В. С. Художественная историография Древнего Рима. СПб., 1993.

Дринов М. С. Славянская оккупация Балканского полуострова. М. 1873.

Дринов М. С. Южные славяне и Византия в десятом веке. М., 1875.

Дринов М. С. О некоторых трудах Димитрия Хоматиана как историческом материале. — ВВ, Т. 2, 1895, С. 3.

Дьяконов А. Л. Иоанн Ефесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1908.

Дьяконов А. П. Византийские димы и факции. — Византийский Сборник, М-Л., 1945, С. 144—227.

Ирмшер И. Основные черты представления о прогрессе Византии // ВВ. Т. 49. 1988. С. 50—54.

Епифанович С. Святой Максим Исповедник и византийское богословие. Киев, 1915.

Ертов И. История Восточно-римской, или Константинопольской, империи, выбранная из всеобщей истории. СПб., 1837.

Зернин А. Жизнь и литературные произведения Императора Константина Порфирородного. Харьков, 1858.

Ильинский Г. Грамота царя Иоанна Асеня II. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. 7, 1901, С. 27.

Иностранцев К. Хунну и гунны. Анализ теорий происхождения народа хунну китайских летописей, происхождения европейских гуннов и взаимоотношений этих двух народов. Л., 1926.

Иричек К. История Болгар. Одесса, 1878.

История Византии / Под ред. акад. С.Д.Сказкина. М. 1967. Т. I-III.

Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в своем древнеславянском переводе. Т. 1—3, Петроград-Ленинград, 1920—1930.

Карпов С.П. Трапезундская империя и западно-европейские государства в XIII-XV вв. М. 1981.

Кареев Н. И. Поместье-государство и сословная монархия средних веков. СПб., 1913.

Кассо Л. А. Византийское право в Бессарабии. М., 1907.

Каждан А.П. Книга и писатель в Византии. М. 1973.

Каждан А. П. Социальные воззрения Михаила Атталиата // Zbornik Radova Vizantoloskog Instituta. Vol. 17. 1976. P. 2—18.

Каждан А. П. Роберт де Клари и Никита Хониат. Некоторые особенности писательской манеры // Европа в средние веки; экономика, политика, культура / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1972. С. 294—299.

Каждан А. П. Хроника Симеона Логофета // ВВ. Т. 15, 1959. С. 125—143.

Карсавин Л. П. Святые отцы и учителя Церкви (раскрытие православия в их творениях). М., 1994.

архимандрит Киприан. Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1951.

Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. I. Курс русской истории. Часть I. М., 1987.

Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. Курс русской истории. Часть II. М., 1988.

Ковалевский М. М. Экономический рост Европы. Т. III, М., 1903.

Коковцов П. К. Новый еврейский документ о хазарах и хазарорусско-византийских отношениях в X веке. — ЖМНП, Т. XLVIII. 1913, С. 150—172.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980.

Косминский Е. А. Историография средних веков: V в. — середина XIX в. М., 1963.

Кондаков Н. П. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904.

Кондаков Н. П. Македония. Археологическое путешествие. СПб., 1909.

Кондаков Н. П. Иконография Богородицы. Т. 2. Пг., 1915.

Кондаков Н. П. Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929.

Корелин М. Ранний итальянский гуманизм и его историография. М., 1892.

Крачковский И. Ю. Арабская культура в Испании. М-Л., 1937.

Монах Василий (Кривошей). — Аскетическое и теологическое учение св. Григория Паламы. — *Annales de l'Institut Kondakov*, Vol. VIII, 1936, P. 99—151. Немецкий перевод опубликован в следующем издании — *Das ostliche Christentum*, Bd., VIII, 1939. Английский перевод опубликован в следующем издании — *Eastern Churches Quarterly*, Vol. III, 1938, N. 1—4.

Кривушин И. В. Евсевий и новозаветная философия истории // Ивановский государственный университет — региональный центр науки, культуры и образования. Тезисы докладов Юбилейной научной конференции. Иваново, 1994. С. 96—97.

Кривушин И. В. Евсевий Кесарийский, отец церковной истории // Интеллектуальная история... С. 7—24.

Кривушин И. В. Загадка Сократа Схоластика: Юлиан и его время // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. Г. Е. Лебедевой. СПб., 1996. С. 47—56.

Кривушин И. В. История и народ в церковной историографии V века. Иваново, 1994. С. 16—19.

Кривушин И. В. История между порядком и хаосом. Концепция политических конфликтов Феофилакта Симокатты. Иваново. 1996.

Кривушин И. В. Народ у Сократа, Созомена и Феодорита: Три варианта развития евсевиянской традиции // Самосознание традиционных обществ... С. 10—11.

Кривушин И. В. Проблемы ранневизантийской церковно-исторической мысли в современной отечественной византистике // Российское византиноведение: Итоги и перспективы. Тезисы докладов и сообщений на Международной конференции, посвященной 100-летию Византийского временника и 100-летию Русского археологического Института в Константинополе. Москва, 1994. С. 66—68.

Кривушин И. В. Рождение церковной историографии: Евсевий Кесарийский. Иваново, 1995.

Кривушин И. В. Сократ Схоластик и его церковная история // Сократ Схоластик. Церковная история. Москва, 1996. С. 311—323.

Кривушин И. В. Стасис по Феофилакту Симокатте, Евагрию и Феофану (военный мятеж 588 — 589 гг.) // Из истории Византии и византиноведения / Под ред. Г. Л. Курбатова. Ленинград, 1991. С. 47—57.

Кривушин И. В. Христиане и светское образование: взгляд Сократа Схоластика // Европейская педагогика от античности до Нового времени: Исследования и материалы / Под ред. В. Г. Безрогова и Л. В. Мошковой. Часть 1. Москва, 1993 (1994). С. 64—73.

Кривушин И. В. Христианство и история: церковная историография IV — VII вв. и прогресс в историческом познании // Историческое познание: Традиции и новации. Тезисы Международной теоретической конференции. Ижевск, 1993. Часть 1. С. 127—129.

Крымский А. Е. История мусульманства. Самостоятельные очерки, обработки и дополненные переводы из Дози и Гольдциара. М., 1904.

Кулаковский Ю.А. История Византии. СПб. 1911-1913. Т. I-III.

Кулаковский Ю. А. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.

Куник А Сообщение о готском топархе. Спб., 1874.

Кучук-Иоаннеесов Хр. Письмо императора Иоанна Цимисхия армянскому царю Ашоту III. — ВВ, Т. 10, 1903, С. 93—111.

Курбатов Г.Л. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.). Л. 1962.

Курбатов Г.Л. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV- VII вв.(Конец античного города в Византии). Л. 1975.

Курбатов Г.Л. История Византии 2-я половина IX в. М.,Л. 1961.

Курбатов Г. Л. Византийская церковь IV — XII веков // Христианство. Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 107—188.

Курбатов Г. Л. Политическая теория в ранней Византии. Идеология императорской власти и аристократическая оппозиция // Культура Византии: IV — первая половина VII в. / Под ред. З. В. Удальцовой. М., 1984. С. 98—118.

Курбатов Г. Л. Ранневизантийские портреты: К истории общественно-политической мысли. Л., 1991.

Ламанский В. О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании. СПб., 1859.

Ласкин Г. Ираклий. Византийское государство в первой половине седьмого века. Харьков, 1889.

Латышев В. В. Две речи Федора Дафнопата, изданные с введением о жизни и литературной деятельности автора и с русским переводом В. В. Латышевым. — ППС, Вып. 59, 1910.

Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV в. до XX в. СПб., 1903.

Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной церкви от конца XI до половины XV века. М., 1902.

Лебедев А. П. Эпоха преследований христианства. СПб., 1904.

Лебедев А. П. Вселенские Соборы VI, VII и VIII веков. СПб., 1904.

Лебедев А. П. История Греко-восточной церкви под властью турок. СПб., 1904.

Лебедев А. П. История разделения церквей в IX, X и XI веках. СПб., 1905.

Лебедев И. С. Васильевский и значение его трудов. — Исторический журнал, 1944.

Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М., 1992.

Левченко М. В. (ред.) Двадцать пять лет исторической науки в СССР. М.-Л., 1942.

Левченко М. В. История Византии. Краткий очерк, М.-Л., 1940. Болгарский перевод — София, 1948; французский перевод — Paris, 1949.

Архимандрит Леонид (изд.) Повесть о Царьграде Нестора Искандера — Памятники древней письменности, Т. LXII, 1886.

Липшиц Е. Э. Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным Земледельческого Закона). — Византийский Сборник, М.-Л., 1945, С. 104—105.

Липшиц Е.Э. Право и суд в Византии в IV-VIII вв. Л. 1976.

Липшиц Е.Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX-X вв. М. 1981.

Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII - первая половина IX в. М.-Л. 1961.

Литаврин Г.Г. Как жили византийцы. М. 1974.

Лосев А. Ф. Античная философия истории. М., 1977.

Лопарев Х. Греческие жития святых 8 - 9 вв. Пг. 1914.

Лопарев Х. М. Об униатстве императора Мануила. — ВВ, Т. 14, 1907, С. 334—357.

Лопарев Х. М. Агиография VIII—IX вв. как источник по византийской истории. — Византийское Обозрение, Т. 2, 1916, С. 167 — 176.

Лопарев Х. М. О византийском гуманисте Константине Стилбе (двенадцатого века) и его сочинениях. — Византийское Обозрение, Т. 3, 1917, С. 57—88.

Любарский Я.Н. Михаил Пселл: Личность и творчество: К истории византийского предгуманизма. М. 1978.

Любарский Я. Н. Наблюдения над композицией «Хронографии» Продолжателя Феофана // ВВ. Т. 49. 1988. С. 70—80.

Любарский Я. Н. Византийская историография как жанр художественной литературы // Российское византиноведение... С. 88—89.

Любарский Я. Н. Замечания об образах и художественной природе «Истории» Льва Диакона // Византийские очерки. М., 1991. С. 150—162.

Любарский Я. Н. Проблема эволюции византийской историографии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 39—45.

Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. М., 1979.

Майков А. О земельной собственности в древней Сербии. — Чтения Общества Истории и Древностей Российских, Т. 1, 1860, С. 28—29.

Макушев В. Исторические исследования о славянах в Албании и Средние Века. Варшава, 1871.

Макушев В. Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. Т. II. СПб., 1871. (Дополнение к Известиям Академии Наук, XIX, 3).

Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901.

Маркасова Е. В., Новиков А. А. Императоры Константин I. Констанций II и Юлиан в старообрядческой рукописи «Сказание о Константине Вели-

ком, Констанции и Юлиане Отступнике» // Проблемы социальной истории... С. 99—103.

Марр И. Я. Иоанн Петрицкий, грузинский неоплатоник XI—XII вв. — Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества, Т. XIX, 1909.

Марр Н. Я. Кавказский культурный мир и Армения. — ЖМНП, Т. LVU, 1915, С. 313—314.

Медведев И.П. Очерки византийской дипломатики. Л. 1988.

Медников Н. А. Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов. По арабским источникам. Т. 1. Исследование. — СПб., 1903; Т. 2. — Приложения (Т. 1—3). СПб., 1897 — ППС, Т. 17; Вып. 50.

Медовиков П. Латинские императоры в Константинополе и их отношения к независимым владетелям греческим и туземному народонаселению вообще. М., 1849.

Мещерская Е. Н. Сирийская версия апокрифических «Деяний Апостола Иоанна» // Российское византиноведение... С. 98—100.

Митрофанов П. Изменение в направлении четвертого крестового похода. — ВВ, Т. IV, 1897, С. 461—523.

Монтескье Ш. Избранные произведения — М., 1955.

Мошин В. А. Вновь о недавно открытом хазарском документе. — Публикации русского археологического общества в королевстве сербов, хорватов и словенцев, Т. 1, 1927, С. 41—60.

Муретов М. Д. Евсевий Памфил. М., 1881.

Никольский В. Лионская уния. Эпизод из средневековой истории церкви. 1261—1293. — Православное обозрение, Т. XXIII, 1867, С. 5—23; 116—144; 352—378; Т. XXIV, 1867. С. 11—33.

Новгородская летопись по Синодальному Харатейному списку. Издание Археографической комиссии. СПб., 1888. В следующем издании есть латинский перевод — С. Hopf. Chroniques greco-romanes inedites on peu connues. Berlin, 1873.

Осокин Н. А. Очерк средневековой историографии. М., 1888,

Острогорский Г. А. Византийский трактат о налогах. — *Recueil d'etudes dediees A N. P. Kondakov*. Прага, 1926.

Острогорский Г. А. Взаимоотношения церкви и государства в Византии. — *Annales de l'Institut Kondakov*, Vol. IV, 1931, P. 121—123.

Острогорский Г. А. Афонские исихасты и их оппоненты. — *Transactions of the Russian Scientific Institute in Belgrade*, Vol. V, 1931, P. 349—370.

Острогорский Г. А. Славянская версия хроники Симеона Логофета. — *Annales de l'Institut Kondakov*, Vol. V, 1932, P. 17—36.

Острогорский Г. А. В. Г. Васильевский как византист и создатель современной русской византологии. — *Annales de l'Institut Kondakov*, Vol. XI. 1940, P. 227—235.

Остроумов С. Разбор сведений Евсевия Кесарийского и бл. Иеронима Стридонского о греческих апологетах христианства II в. М., 1886.

Панченко Б. А. Славянский памятник в Вифинии седьмого ве-ка. — *Известия Русского Археологического Института в Константинополе*, Т. VIII, (1—2), 1902, С. 15.

Панченко Б. А. Каталог молибдовулов коллекции Русского Археологического Института в Константинополе. Т. 1, София, 1903.

Панченко В. А. Крестьянская собственность в Византийской Империи. Земледельческий Закон и монастырские документы. София, 1903.

Панченко Б. А. О Тайной истории Прокопия. — *ВВ*, Т. 2, 1895, С. 24—27, 340—371; Т. 3, 1896, С. 96—117, 300—316, 461—527; Т. 4, 1897, С. 402—451.

Панченко Б. А. Латинский Константинополь и папа Иннокентий III. Летопись историко-филологического Общества при Новороссийском университете, Т. XXI. (1), 1914.

Пападимитриу Т. Д. Феодор Продром. Одесса, 1905.

Папаиоанну Х. Акты так называемого последнего Софийского собора (1450 г.) и их историческое достоинство. — *ВВ*, Т. 2, 1895, С.394—415.

Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народа СССР. М.; Л., 1941.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII вв. М.; Л., 1946.

Погодин А. История Сербии. СПб., 1909.

Погодин А. История Болгарии. СПб., 1910.

Погодин П. Д. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453 г. — ЖМНП., Т. 264, 1889. С. 205—258.

Покровский И. А. История римского права. Пг., 1915.

Покровский ff. М. О проблеме происхождения теории Фалльмерайера. — ЖМНП, 1913, С. 143, 149.

Полное Собрание Русских Летописей изданное... Археографического Комиссией:

Т. 1. I—II. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846;

— Т. 2. III. Ипатьевская летопись;

— Т. 3. IV. Новгородские летописи. СПб., 1841;

— Т. 4. IV, V Новгородские и Псковские летописи. СПб., 1848;

— Т. 5. V, VI. Псковские и Софийские летописи. СПб., 1851:

— Т. 6. VI. Софийские летописи. СПб., 1853;

— Т. 7. VII. Летопись по Воскресенскому списку. СПб., 1856;

— Т. 8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.

— Т. 9. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1862;

— Т. 10. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1885;

- Т. 11. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1897;
- Т. 12. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. СПб., 1901;
- Т. 13. VIII. Первая половина. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Вторая половина. Г. Дополнение к Никоновской летописи. П. Так называемая царственная книга. СПб., 1906.
- Т. 14. Первая половина. I. Повесть о честном житии царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси. П. Новый летописец. СПб., 1910;
- Т. 15. Летописный сборник, именуемый Тверской летописью. СПб., 1863;
- Т. 16. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. СПб., 1889;
- Т. 17. Западнорусские летописи. СПб., 1907;
- Т. 18. Симеоновская летопись. СПб., 1913;
- Т. 19. История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903;
- Т. 20. Первая половина. Львовская летопись. Ч. 1. СПб., 1910;
- Т. 20. Вторая половина. Львовская летопись. Ч. 2. СПб., 1914;
- Т. 21. Первая половина. Книга степенного царского родословия. Часть 1. СПб., 1908;
- Т. 21. Вторая половина. Книга степенного царского родословия. Часть 2. СПб., 1913;
- Т. 22. Русский хронограф. Часть 1. Хронограф редакции 1512 г. СПб., 1911;
- Т. 22 — Русский хронограф. Часть 2. Хронограф западно-русской редакции. СПб., 1914;
- Т. 23. Ермолинская летопись. СПб., 1910 г;

— Т. 24. Типографская летопись. Пг., 1921.

Попов Н. Император Лев VI Мудрый и его царствование с церковной точки зрения. М., 1892.

Попова Т. В. Художественные особенности сочинения Евсевия Кесарийского *Vita Constantine* // ВВ. Т. 34. 1973. С. 122—129.

Преображенский В. Преподобный Феодор Студит и его время (759—826 гг.) М., 1896 — отдельное издание; в журнале «Пастырский Собеседник» — за 1895 г.

Прокопьев С. М. Власть Рима как позитивный фактор становления христианства // Мир власти: традиция, символ, миф, М., 1997. С. 5—7.

Прокопьев С. М. Историческая концепция Оригена в отечественной и зарубежной литературе // Мир православия. Волгоград, 1997. С. 9—13.

Прокопьев С. М. Концептуальное осмысление Оригеном ветхозаветной истории в трактате «О началах» // Историческая мысль... С. 10—12.

Прокопьев С. М. Мелитон и Ориген о позитивной роли Империи в становлении и развитии христианства // Государство и власть: Проблемы истории, экономики, идеологии и культуры. Иваново, 1997. С. 56—58.

Разовский Д. А. Половцы IV — Военная история половцев. — *Annales de l'Institut Kondakov*, Vol. XI, 1940, P. 98.

Редин. Е. К. Христианская Топография Козьмы Индикоплова по греческим и русским спискам. М., 1916.

Розанов Н. П. Евсевий Памфил, епископ Кесарии Палестинской. М., 1880.

Розен В. Р. Император Василий Болгаробойца. СПб., 1883.

Россия глазами русского. Чаадаев, Леонтьев, Соловьев. Ответственный редактор и автор вступительной статьи А. Ф. Замалева. СПб., 1991.

Рудаков А.П. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М. 1917.

Садов А. Виссарион Никейский. Его деятельность на Ферраро-Флорентийском соборе, богословские сочинения и значение в истории гуманизма. СПб., 1883.

Сахаров Т. Сказания русского народа. Т. 2, СПб., 1849.

Севальнева И. А. Боги в представлении Юлиана Отступника (Письма и трактат «Против христиан») // Историческая мысль... С.14—16.

Седельников А. Эпическая традиция о Мануиле Комниие. — Славия, Т. 3, 1924—1925, С. 608—618.

Архимандрит Сергей. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901.

Сидоров А. И. Гностическая философия истории (каиниты, сефиане и архонтики у Епифания) // Палестинский сборник. Вып. 29- 1987. С. 41—56.

Скабаланович Н. Византийское государство и церковь в XI веке. Спб., 1884.

Сказания о Царьграде. Издание В. Яковлева. СПб., 1868.

Смирнов В. Д. Турецкие легенды о Святой Софии. СПб., 1898.

Соколов И. И. Епархии Константинопольской церкви настоящего времени. Пг., 1914.

Соколов И. И. Крупные и мелкие землевладельцы в Фессалии в эпоху Палеологов. — ВВ, Т. 24, 1923—1926, С. 35—42.

Соколов И. И. Сочинения Г. Папамихаила. — ЖМНП, Н. С., Т. 44, 1913, С. 378—393; Т. 45. 1913, С. 159—185; Т. 46, 1913, С. 409—419; Т. 47, 1913, С. 114—139.

Сокольский В. О характере и значении Эданагоги. — ВВ, Т. 1, 1894. С. 26.

Соловьев А. В. Фессалийские архонты в XIV веке. — Byzantinoslavica. Vol. IV, 1, 1932, P. 159—174.

Спасский А. История догматических движений времен Вселенских соборов. Сергиев Посад, 1906.

Сперанский М. Н. Деяния Дигениса. — Сборник отделения русского языка и литературы, Т. ХСІХ, 7, 1922.

Сперанский М. Н. Южно-славянские и русские тексты легенд строительства церкви Св. Софии в Царьграде. — Памятный сборник в честь В. Н. Златарского. София, 1925, С. 413—422.

Сперанский М. Н. Из древней новгородской литературы четырнадцатого столетия. Л., 1934.

Суворов Н. Рецензия на книгу Grenier. — ВВ, Т. 12, 1906, С. 227—228.

Сюзюмов М. Я. Источники Льва Дьякона и Скилицы. — Византийское Обозрение, Т. 2, Ч. I, 1916, С. 106—166.

Терновский Ф. А. Греко-восточная церковь. Киев, 1879—1882.

Троицкий И. Е. Арсений, патриарх Никейский и Константинопольский, и арсениды. СПб., 1873. Первоначально опубликовано в Христианском Чтении за 1869 г. (Очень хорошее описание жизни восточной церкви во второй половине XIII века при Михаиле VIII и Андронике II.)

Троицкий Автобиография Георгия Кипрского. — Христианское Чтение, 1870, 2, с. 169—170.

Трубецкой Е. Религиозные и общественные идеалы западного христианства в пятом веке. М., 1892.

Тураев Б. А. История Древнего Востока. Т. 2, Пг.» 1914. Успенский К. Н. Очерки по истории Византии. Т. I, М., 1917. Успенский К. Н. Экскурсия-иммунитет в Византии. — ВВ, 23, 1923, с. 99—117.

Тюленев В. М. Бог и императорская власть в историческом процессе (по трактату Лактанция «О смертях преследователей») // Мир власти... С. 13—15.

Тюленев В. М. История церкви в описании Лактанция («De mortibus persecutorum») // Мир православия. Волгоград, 1997. С. 5—8.

Тюленев В. М. Проблема отношений власти и церкви в трактовке Лактанция // Государство и власть... С. 18—20.

Удальцова З. В. Филосторгий — представитель еретической церковной историографии // ВВ. Т. 44. 1983. С. 3—21.

Удальцова З. В. Византийская культура. М., 1988.

Удальцова З. В. К вопросу о мировоззрении византийского историка VI в. Евагрия // ВВ. Т. 30. 1969. С. 63—72.

Удальцова З.В. Италия и Византия в VI в. М. 1959.

Удальцова З.В. Советское византиноведение за 50 лет. М. 1969.

Удальцова З. В. Развитие исторической мысли // Культура Византии: IV — первая половина VII в.... С. 179—245.

Удальцова З. В. Церковные историки ранней Византии // ВВ. Т. 43. 1982. С. 3—21.

Порфирий Успенский. Восток Христианский. Афон. Т. III, (2). СПб., 1892.

Успенский Ф. И. Византийские историки о монголах и египетских мамлюках. — ВВ, Т. 24, 1923—1926, С. 1—16.

Успенский Ф. Л. Византийский писатель Никита Акоминат из Хон. СПб., 1874.

Успенский Ф. И. О рукописях истории Никиты Акомината в Парижской Национальной Библиотеке. — ЖМНП, Т. 194, 1877, С.77.

Успенский Ф. И. Образование второго Болгарского, царства. Одесса, 1879.

Успенский Ф. И. Цари Алексей II и Андроник Комнин. — ЖМНП, Т. СХII, 1880, С. 95—130; Т. СХIV, 1881, С. 52—85.

Успенский Ф. И. Значение византийской и южно-славянской прони. — Сборник статей по славяноведению по случаю 25-летия ученой и профессорской деятельности В. И. Ламанского. СПб., 1883. Т. 1, С. 22, 29.

Успенский Ф. И. К истории крестьянского землевладения в Малой Азии. — ЖМНП, Т. 215, 1883, С. 342—345.

Успенский Ф. И. Как возник и развивался восточный вопрос. — Известия Славянского Благотворительного Общества. Т. 3, 1886, С. 251.

Успенский Ф. И. Очерки по истории византийской образованности. Спб., 1892- Византии с Возрождением. См. также интересную рецензию на эту книгу, написанную П. В. Безобразовым — ВВ, Т. 3. 1896, С. 125—150.

Успенский Ф. И. Синодик на первое воскресенье Поста. Одесса, 1893.

Успенский Ф. И. Делопроизводство по обвинению Иоанна Итала в ереси. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. 2, 1897, С. 3—10.

Успенский Ф. И. Пограничный камень между Византией и Болгарией при Симеоне. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т- 3, 1898, С- 184—194.

Успенский Ф. И. История Крестовых походов. СПб., 1900.

Успенский Ф. И. Мнения и постановления константинопольских поместных соборов о раздаче церковных имуществ (харистикарии). — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. 5. 1900, С. 1—48.

Успенский Ф. И. Материалы по болгарским древностям. Абоба-Плиска. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. X, 1905.

Успенский Ф. И. Константинопольский Серальский кодекс. — Известия Русского Археологического Института в Константинополе, Т. XII. 1907, С. 30—31.

Успенский Ф. И. История Византийской Империи. Т.. 1. СПб., 1913.

Успенский Ф. И. Отзыв о сочинении В. И. Барвинка. — Сборник отчетов о премиях и наградах за 1912 год. Пг1916, С. 108—111.

Успенский Ф. И. Уклон консервативной Византии в сторону западных влияний. — ВВ, Т. XXII, 1916, С. 24—38.

Успенский Ф. И. Восточная политика Мануила Комнина. — Сообщения Российского Палестинского Общества, Т. 29, 1926, С. 111—138.

Успенский Ф. И. История Византийской Империи. Т. 2 (1), СПб., 1937.

Успенский Ф. И. Последние Комнины. Начало реакции. — ВВ, Т. 35, 1927—1928, С. 14.

Успенский Ф. И. История Византийской Империи. Т. 3, Л., 1948.

Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н. Вазелонские акты. Материалы для историй крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII—XV вв. Л., 1927.

Флоровский Г. В. Восточные Отцы IV века. Париж, 1933.

Флоровский Г. В. Византийские Отцы V — VIII веков. Париж, 1933.

Флоринский Т. Д. Андроник Младший и Иоанн Кантакузин. — ЯСМНП, Т.304—205, 1879.

Флоринский Т. Д. Афонские акты и фотографические снимки с них В собрании Севастьянова. СПб., 1880.

Флоринский Т. Д. Памятники законодательной деятельности Душана. Киев, 1888.

Флоринский Т. Д. Южные славяне и Византия во второй четверти XIV в. Т. 1—2. СПб., 1882.

Хвостов М. М. История восточной торговли греко-римского Египта. Казань, 1907.

Хомяков А. С. Голос грека в защиту Византии — Сочинения, 4-ое издание, Т. 3., М., 1914, С. 366.

Черноусое Е. А. Из византийского захолустья XIII века. — Сборник статей в честь В. П. Бузескула. Харьков, 1913—1914, С. 281.

Черноусое Е. А. Дука, один из историков конца Византии. — ВВ, Т. XXI, 1914, С. 171—221.

Черноусое Е. А. Рецензия на сочинение А. Stockle- Spatromische und byzantinische Zunfte. Leipzig, 1911. — ЖМНП, Т. 41, 1914.

Чернявский Н. Император Феодосии и его религиозная политика. Сергиев Посад, 1913.

Чичуров И.С. Новые рукописные сведения о византийском образовании // Византийский временник. 1971. Т. 31.

Чичуров И. С. К проблеме авторского самосознания византийских историков IV — IX вв. // Античность и Византия... С. 203—217.

Чичуров И. С. Место «Хронографии» Феофана в ранневизантийской историографической традиции (IV — нач. IX в.) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1983. С. 5—146.

Чичуров И. С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991.

Чичуров И. С. Феофан Исповедник — публикатор, редактор, автор? // ВВ. Т. 42. 1981. С. 78—87.

Шангин М. А. Византийские политические деятели первой половины X в. — Византийский Сборник, М-Л, 1945, С, 228—236.

Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Шестаков Д. Три поэта греческого возрождения. Казань, 1906.

Шестаков С. П. Лекции по истории Византии. Т. I, Казань, 1915. Шестаков С. П. Заметки о поэмах Codex Marcianus 524. ВВ, Т. 24, 1923—1926, С. 46—47.

Ширинян М. С. Исторический труд Сократа Схоластика и его древнеармянские версии (Из истории византино-армянских культурных связей). Автореф. Дис. канд. ист. наук. Ереван, 1987.,

Югай А. Г. История в античной классике и раннем христианстве: «вечное возвращение» и прогресс. М., 1995 (деп. в ИНИОН РАН).

Яковенко П. А. К истории иммунитета в Византии. Юрьев, 1908.

Яковенко П. А. Исследования в области византийских актов.

